

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОАЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

САМАРСКОЕ ПОВОАЖЬЕ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Монография

2-е издание, исправленное и дополненное

Самара
ООО «Слово»
2020

УДК 908(470.43-25)
ББК 63.3(2)45-52
И90

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. В.Н. Данилов;
д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин

Редакционная коллегия:

П.С. Кабытов (гл. ред.), Э.Л. Дубман,
О.Б. Леонтьева, Л.М. Артамонова, Н.Н. Кабытова,
М.И. Леонов, М.М. Леонов, Ю.Н. Смирнов

Научные редакторы первого тома:

д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов

Авторы:

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов, Л.М. Артамонова,
Н.Н. Кабытова, О.Б. Леонтьева

**И90 История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. Самарское Поволжье в XVI – первой половине XIX вв.: монография / [ред. кол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.; науч. ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов]. – 2-е изд., испр. и доп. – Самара: ООО «Слово», 2020. – 480 с.: ил.
ISBN 978-5-6045183-7-3**

В первом томе коллективной монографии предпринято комплексное рассмотрение исторического развития одного из значимых российских регионов – Самарского края – со времени его вхождения в состав Московского государства и вплоть до складывания в середине XIX в. новой завожской губернии. Его авторы предприняли попытку воссоздать широкую панораму событий истории пограничного края, которая дается на общероссийском фоне.

Предназначена для историков, краеведов, студентов и школьников – для всех, кто интересуется историей родного края.

УДК 908(470.43-25)
ББК 63.3(2)45-52

Исследование выполнено при финансовой поддержке Администрации Самарской области.

ISBN 978-5-6045183-7-3

© Авторы, 2020
© Самарский университет, 2020
© Оформление. Центр периодических изданий Самарского университета, 2020

Оглавление

Введение. История изучения Самарского края	6
<i>Примечания</i>	19
Глава 1. Присоединение Поволжья к России. Самарский край во второй половине XVI – начале XVII вв.	27
§ 1. Ослабление и распад Золотой Орды. Утверждение России на Средней Волге	27
§ 2. До русской крепости	36
§ 3. Кочевая степь	43
§ 4. Волжско-яицкое казачество	52
§ 5. Самарская крепость	66
§ 6. Самарский край в Смутное время	79
<i>Примечания</i>	91
Глава 2. Порубежный край российской державы в XVII в.	101
§ 1. Городская и уездная администрация	103
§ 2. Ратные люди пограничья	111
§ 3. Оборонительные сооружения Самары и уезда	122
§ 4. Государственное освоение Сызранского Правобережья	128
§ 5. Крестьянское заселение края и кочевники Заволжья	135
§ 6. Землевладение и землепользование. Сельское хозяйство	145
§ 7. Промысловая Волга. Рыболовство и солеварение	156
§ 8. Город, промышленность, торговля	171
§ 9. Социальные конфликты. Разинщина в Самарском крае	188
<i>Примечания</i>	199
Глава 3. Самарский край во времена петровских преобразований и присоединения Заволжья (первая половина и середина XVIII в.)	211
§ 1. Государственная политика по закреплению Самарского Заволжья в составе России в начале XVIII в.	211
§ 2. Новая Закамская линия	222
§ 3. Оренбургская экспедиция и переход к массовому заселению Заволжья	233
§ 4. Калмыки на Средней Волге и основание Ставрополя	249
§ 5. Производство серы	255

§ 6. Землевладение, землепользование, сельское хозяйство в первой и второй трети XVIII в.	261
§ 7. Город, промышленное производство, торговля, транспорт в первой половине и середине XVIII в.	270
<i>Примечания</i>	280
Глава 4. Самарское Поволжье с 1760-х гг. до рубежа XVIII–XIX вв.	290
§ 1. Самарский край в начале эпохи «просвещенного абсолютизма» и обострения внутренних конфликтов	290
§ 2. Участие населения Самарского края в работе Уложенной комиссии	294
§ 3. Самарско-Ставропольский район восстания 1773–1775 гг.	304
§ 4. Воздействие административных реформ Екатерины II на органы местного управления и городскую жизнь	320
§ 5. Проведение Генерального межевания и освоение новых земель	330
§ 6. Землевладельцы и земледельцы в «золотой век» дворянской монархии	338
<i>Примечания</i>	351
Глава 5. Самарский край в первой половине XIX в. Накануне больших перемен	358
§ 1. Отголоски «грозы двенадцатого года». Александр I на Волге и в Заволжье	358
§ 2. Заселение Заволжья и предпосылки создания новой губернии	368
§ 3. Дореформенный уездный город и его жители	385
<i>Примечания</i>	401
Глава 6. Культура и повседневность (XVIII – первая половина XIX вв.)	408
§ 1. Научные исследования	408
§ 2. Народное просвещение	416
§ 3. Книга и периодика	432
§ 4. Здравоохранение. Борьба с эпидемиями	438
§ 5. Религиозная жизнь и церковь	452
§ 6. Развлечения	462
<i>Примечания</i>	467

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Сейчас Вы держите в своих руках первый том «Истории Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», подготовленной историками Самарского университета и других вузов Самары.

Читая эту книгу, Вы познакомитесь с бурной, насыщенной событиями историей нашего края, начиная с того периода, когда он еще был «Диким Полем» — так в средневековье называли лесостепные пространства, используемые для сезонных пастбищ кочевых народов. Вхождение этих земель в состав Российского государства расширило его границы, обезопасило всю страну, открыло возможность для построения новой жизни на некогда

пустынных просторах Поволжья. Но, чтобы эта возможность стала реальностью, понадобился упорный ратный, строительный, промысловый труд наших предков: прежде чем распахать эту землю, ее надо было заселить, застроить и защитить.

На страницах этого тома самарские историки подробно на основе анализа уникальных исторических документов со множеством ярких деталей воссоздают картину заселения, хозяйственного, социального и культурного развития земель нашего края. Перед нами наглядно предстают исторические перемены в жизни Самарского Поволжья, которое к середине XIX в. из опасного приграничного региона превратилось в щедрый край, богатый хлебом, рыбой, минеральными ресурсами, с растущими городами, селами и волжскими пристанями, где кипела оживленная торговля.

Через всю книгу красной нитью проходит тема формирования многонационального народа нашего края как части великого российского народа. Сюда по своей воле или по государеву велению в поисках лучшей доли или спасения от невзгод и преследований переселялись выходцы из самых разных мест, представители многих народов — русских, украинцев, татар, мордвы, чувашей, калмыков, немцев и других этносов. Богатые, но малозаселенные волжские земли становились для них новой родиной; здесь они заново создавали хозяйственный быт и учились взаимодействовать с незнакомыми соседями. Мы можем по праву гордиться тем, что нашим предкам удалось создать новое социокультурное сообщество на бесконфликтной основе — история нашего края практически не знает межэтнических столкновений. На гостеприимной волжской земле находилось место каждому.

В этой книге на живых примерах показано, как любовь к родной земле, помноженная на смелость мысли и действий, рачительность и деловую хватку, присущие жителям Самарской губернии, позволила стать ей одним из лидеров регионального развития России в исторически очень сжатые сроки. Именно к этому мы стремимся и сегодня. И пример наших предков должен вдохновлять нас, их наследников. Настоящая историческая справедливость состоит в том, что в памяти народной веками живут имена, дела и деяния людей, искренне любящих родную землю и не жалеющих своих сил, средств и времени для ее процветания. И эта книга рассказывает нам о них — полно, интересно, объективно.

Убежден, что новое издание вызовет интерес у самых различных групп населения Самарской области, что оно будет использовано в процессе обучения в общеобразовательных учреждениях и высших учебных заведениях и послужит делу воспитания патриотизма и гордости за судьбу нашей замечательной малой родины.

Губернатор Самарской области

A handwritten signature in dark ink, appearing to be 'D.I. Azarov'.

Д.И. Азаров

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ САМАРСКОГО КРАЯ

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается новое, исправленное и дополненное издание четвертого и пятого томов много томного коллективного исследования «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», опубликованного в 2000 г. в центральном издательстве «Наука» по инициативе Института истории и археологии Поволжья и кафедры российской истории Самарского государственного университета¹. Научное сообщество позитивно оценило этот труд региональных историков².

Потребность в обновленном переиздании двух томов коллективной монографии, посвященных истории изучаемого региона в XVI – начале XX вв., обусловлена существенным шагом вперед в развитии самарской региональной исторической школы. За прошедшие два десятилетия самарскими историками были выявлены новые комплексы источников и материалов, предпринято их аналитическое изучение, сформулированы новые концептуальные положения о своеобразии заселения, хозяйственного освоения и формирования экономического потенциала и социокультурного ландшафта южных территорий Среднего Поволжья и Заволжья. Опыт работы в рамках крупных исследовательских проектов³ позволил коллективу историков во главе с профессором П.С. Кабытовым подготовить настоящее издание, значительно расширяющее современное исследовательское пространство. Предпринята попытка преодолеть недостаточно полное освещение некоторых аспектов истории края, в особенности ее отдаленных периодов (до учреждения Самарской губернии), в значительной степени объяснявшееся фрагментарностью сохранившейся источниковой базы.

Авторский коллектив рассматривает свою работу как продолжение традиции изучения истории Самарского края. В ней можно условно выделить три этапа. Дореволюционный этап охватывает период с середины XVIII в. до 1917 г. Границы второго этапа соответствуют периоду реализации социалистического эксперимента в нашей стране. Третий этап берет начало на рубеже 1980–1990-х гг. и продолжается вплоть до настоящего времени. Новые подходы к изучению многих проблем истории Самарского края наметились уже во второй половине 80-х гг. XX в., но в полной мере они были реализованы в связи с освоением современного научного инструментария, что позволило внести существенные коррективы в исследовательскую практику.

Изучение истории Самарского края началось во второй половине XVIII в. Уже в трудах руководителей Оренбургской и академической экспедиций – В.Н. Татищева, П.С. Палласа и И.И. Лепехина – появляются исторические экскурсы в прошлое региона. Первую попытку изложить его раннюю историю предпринял П.И. Рычков: в «Истории Оренбургской», в других исследованиях он рассмотрел вопросы основания Самары, отдельные аспекты начального освоения края⁴. Следующая работа по истории Самарского края, принадлежащая перу А.Ф. Леопольдова, появилась только в середине XIX в.⁵

Развитие региональных исследований провинциальных историков во второй половине XIX – начале XX в. затронуло Самарское Поволжье лишь отчасти. В трудах отдельных исследователей, членов ученых архивных комиссий и других краеведческих организаций Казани, Симбирска, Саратова и Оренбурга изучались только отдельные территории нашего края (Сызранское Правобережье, южные территории Заволжья и т. д.), происходили накопление и публикация материалов. Особое место среди этих трудов занимают сравнительно небольшие по объему работы К.И. Невоструева, который глубоко рассмотрел отдельные аспекты начальной истории Самары, Сызрани, Кашпира, местных монастырей и храмов, ввел в научный оборот ранее неизвестные источники⁶. Небольшие очерки по «истории колонизации края» публиковались также в «Сборниках статистических сведений» по различным уездам Самарской губернии, подготовленных земскими статистиками⁷.

История колонизации Южного Средневожья специально затрагивалась и в некоторых исследованиях столичных историков. Эти работы были написаны Г.И. Перетятковичем, который был одним из учеников В.О. Ключевского, и П.П. Пекарским. Перетяткович в крупном монографическом исследовании на основе широкой, не превзойденной до настоящего времени источниковой базы создал целостную картину колонизационного процесса, охватившего весь Юго-Восток Европейской России в XVI – начале XVIII вв. Будучи представителем государственной школы в отечественной историографии, он доказывал особую цивилизаторскую роль российского самодержавия в освоении новых территорий, его миссионерские задачи⁸. В свою очередь, академик П.П. Пекарский осуществил компактное, но целостное исследование по начальной истории городов Самары и Уфы⁹.

В отличие от других губернских центров Среднего Поволжья, в Самаре пореформенного периода краеведческое движение не по-

лучило заметного развития. Исключением явились лишь работы П.В. Алабина (1824–1896) – выдающегося общественного деятеля, городского головы Самары в 1884–1891 гг., почетного гражданина Вятки, Самары и Софии, – который увлеченно занимался изучением истории, археологии и этнографии Самарского края. В его книгах «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» и «Трехвековая годовщина Самары» воссоздана широкая и объемная панорама исторического прошлого нашего края. Они стали своеобразными энциклопедиями самарского краеведения и до сих пор остаются ценными историографическими источниками¹⁰. Однако представителей местного культурного общества, которые смогли бы продолжить ученые занятия Алабина, на рубеже XIX–XX вв. в Самаре не оказалось. Появились лишь брошюра по истории Самары, изданная в 1913 г. преподавателем местной гимназии Н.А. Архангельским¹¹, да отдельные статьи историко-краеведческой направленности, в основном описательного характера. В 1918 г. местный любитель старины А.Г. Елшин писал: «История Самарского края весьма слабо обследована. Работ, которые охватывали бы историю всего края – совершенно нет»¹².

Круг интеллигенции, у которой проявился интерес к истории родного края, сложился в Самаре только накануне Первой мировой войны. В 1914 г. была создана Самарская губернская ученая архивная комиссия, в 1916 г. – Самарское археологическое общество. Появившиеся в 1918 – начале 1920-х гг. книги и брошюры А.Г. Елшина, П.А. Преображенского, Н.А. Архангельского стали результатом работы их авторов в этих общественных организациях¹³.

Открытие Самарского педагогического института, а затем Самарского университета способствовало появлению в городе ряда профессиональных ученых, в том числе и историков, из столичных центров России. Для координации их научной работы в конце 1917 г. было создано Историко-филологическое общество (далее – ИФО), функционировавшее вплоть до 1923 г. Однако доклады краеведческой тематики на его заседаниях стали звучать только в последние годы работы ИФО.

Реальная научно-исследовательская краеведческая работа осуществлялась в другом общественном объединении, учрежденном осенью 1919 г. при Самарском университете, – Обществе археологии, истории и этнографии (с 1922 г. в его название добавилось «и естествознания» – далее ОАИЭиЕ). В числе членов ОАИЭиЕ, исследовательская деятельность которых была посвящена историческому краеведению, были П.А. Преображенский, Н.А. Архангельский,

М.Н. Тихомиров и А.С. Говоров. К этому кругу исследователей следует отнести автора «Самарской хронологии» А.Г. Елшина; самарского художника и краеведа К.П. Головкина, составителя уникальной краеведческой картотеки, написанной «в стол» и впервые опубликованной только в XXI в.¹⁴; а также прибывшего в Самару из Петрограда профессора (в будущем – академика) В.Н. Перетца, который обращался к историко-краеведческой тематике при изучении рукописей и старопечатных книг в Самаре.

Период с 1917 по 1927 г. известный российский историк С.О. Шмидт охарактеризовал как «золотое десятилетие» советского краеведения¹⁵; именно тогда на основе предшествующего опыта в столичных и провинциальных городах были заложены основы теории и методики изучения малой родины, созданы устойчивые организационные формы краеведческого движения, развернута активная работа на местах. Краеведческое движение стало массовым, и в то же время благодаря тесным связям с «большой наукой» в него было привнесено подлинно научное начало¹⁶.

Подъем историко-краеведческих исследований ОАИЭиЕ в Самаре приходится на первую половину «золотого десятилетия» и в значительной степени был подготовлен дореволюционным периодом и временем работы Самарского университета.

Самарские ученые и краеведы изучали проблемы колонизации Самарского края, его истории и хронологии (П.А. Преображенский, А.Г. Елшин), истории Самары (Н.А. Архангельский, П.А. Преображенский, М.Н. Тихомиров, К.П. Головкин), отдельных сельских поселений (М.Н. Тихомиров, А.С. Говоров, Н.А. Архангельский) и местностей (П.А. Преображенский, К.П. Головкин); их труды были посвящены иргизскому старообрядчеству и другим конфессиональным направлениям, рукописям и старопечатным книгам, хранившимся в монастырях и частных коллекциях (М.Н. Тихомиров, В.Н. Перетц), социальным конфликтам и бегству (П.А. Преображенский, Н.А. Архангельский), отдельным сюжетам из истории края (Н.А. Архангельский, П.А. Преображенский, Н.Н. Яковлев и др.). Их труды можно отнести к группе «научно-исследовательские историко-краеведческие работы».

Наиболее значимый вклад в организацию краеведческого движения в городе и изучение ранней истории Самарского края, его русской колонизации внес П.А. Преображенский (1858–1942). Его главные работы – «Очерк истории Самарского края» и «Колонизация Самарского края» – надолго стали основными пособиями при изучении раннего периода освоения Самарского края¹⁷.

Среди иногородних исследователей того времени, в чьих исследованиях постоянно рассматривались самарские сюжеты, следует назвать А.А. Гераклитова (Саратов). В работах, посвященных Самаре и уезду в XVII в., мордовской колонизации Правобережья, в своем главном труде по истории Саратовского края он осуществил наиболее квалифицированный на то время анализ проблем, связанных с нашим краем¹⁸.

В изучении истории революционного движения в Самарском крае важную роль сыграла деятельность Самарского и Средневолжского истпарта (комиссий по истории Октябрьской революции и коммунистической партии). Основное внимание сотрудники Самарского истпарта, который был создан в 1921 г., уделяли выявлению и сохранению источников по истории первой русской революции. К ее 20-летию (1925 г.) истпарт вел работу по выявлению активных участников первой русской революции, сбору и редактированию их воспоминаний, поиску источников в местных губархиве и библиотеках¹⁹. Результатом деятельности его сотрудников стал выпуск периодического издания «Красная быль», а также сборников статей, документов и воспоминаний, вышедших в свет к 20-летию, 25-летию и 30-летию юбилеям революции 1905–1907 гг.²⁰

В наши дни значительная часть историко-краеведческих работ о Самаре и Самарском крае, впервые опубликованных в период «золотого десятилетия», переиздана в рамках серии «Классика самарского краеведения»²¹.

Разгром краеведческого движения в конце 1920-х – 1930-х гг. – ликвидация Центрального краеведческого бюро и местных краеведческих обществ, закрытие тематических журналов, аресты видных ученых-краеведов – на долгие годы прервал ход историко-краеведческих исследований.

В начале 1930-х гг. Самара стала местом ссылки выдающихся российских историков Ю.В. Готье и С.Ф. Платонова, осужденных по сфабрикованному «Академическому делу». Ю.В. Готье в Самаре активно участвовал в деятельности Средне-Волжского областного бюро краеведения. Отбыв ссылку, он вернулся в Москву и продолжил научную и преподавательскую работу²². С.Ф. Платонов умер в Самаре 10 января 1933 г. и был похоронен на Всесвятском кладбище; год спустя кладбище было ликвидировано, а на его месте разбит детский парк им. Н.В. Щорса. В настоящее время история последних лет жизни С.Ф. Платонова восстанавливается самарскими учеными, которым удалось обнаружить и опубликовать уникальные документы из личного архива историка²³.

На протяжении 1930–1970-х гг. изучение региональной истории развивалось в соответствии с идеологическими приоритетами советской эпохи. Основным его направлением была разработка истории революции 1917 г. и Гражданской войны в Поволжье. Эта тема нашла отражение в книгах журналиста-краеведа Ф.Г. Попова и в научных трудах первого заведующего кафедрой истории СССР Куйбышевского государственного университета профессора Е.И. Медведева²⁴. Еще одним востребованным направлением региональной истории было изучение жизни и деятельности революционеров, чьи судьбы связаны с Самарским краем; здесь особое место занимала «самарская лениниана» – воссоздание истории жизни семьи Ульяновых в Самаре в 1889–1893 гг.²⁵ В обобщающих работах по истории Куйбышевской области, изданных в 1950–1970-е гг., преимущественное внимание уделялось советскому периоду развития края в контексте истории страны²⁶.

Поворот к углубленному изучению региональной истории был подготовлен важными переменами в развитии советской исторической науки. Послевоенный период был отмечен все возрастающим интересом к проблемам социально-экономической истории России XIX – начала XX вв. В конце 1950-х – 1970-е гг. шло формирование «нового направления» в советской исторической науке, представители которого наиболее актуальной считали проблему особенностей аграрного строя пореформенной России, соотношения в нем полукрепостнических, раннекапиталистических и собственно капиталистических отношений. На основе многоаспектного исследования помещичьего и крестьянского хозяйства ведущие представители этого направления – А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский – пришли к концептуально важному выводу о многоукладном характере экономики дореволюционной России²⁷. Важно отметить, что тема аграрного развития Среднего Поволжья затрагивалась в фундаментальных трудах академика Н.М. Дружинина²⁸, посвященных социально-экономической эволюции русской деревни в середине и второй половине XIX в.

Методологический прорыв, который совершили сторонники «нового направления», оказал влияние на развитие не только столичной, но и региональной науки: актуальным стал вопрос о разнообразии путей развития пореформенного сельского хозяйства в России, о специфике его территориальных моделей. В 1976 г. на учредительной конференции в г. Йошкар-Оле было создано Средневолжское объединение историков-аграрников, призванное координировать творческие усилия ученых Марийской, Мордовской,

Татарской, Чувашской АССР, Куйбышевской и Ульяновской областей; ключевая роль в создании и координации деятельности общества принадлежала ведущему казанскому историку-аграрнику Ю.И. Смыкову²⁹. В трудах Ю.И. Смыкова, самарских историков Н.Л. Клейн, П.С. Кабытова экономическая история Среднего Поволжья изучалась с позиций многофакторности исторического процесса, воссоздавалась объемная панорама жизни пореформенной деревни и города³⁰. История помещичьих и крестьянских хозяйств в регионе все чаще становилась темой докторских и кандидатских диссертаций³¹.

Одновременно в региональных научных центрах, и прежде всего в Казани, усиливается интерес к проблемам государственной и народной (вольной) колонизации Среднего Поволжья в XVI–XVII вв., к изучению особенностей взаимодействия различных социальных и этноконфессиональных групп в данном процессе. В этом отношении следует особо выделить труды И.П. Ермолаева и его учеников, в которых были существенно пересмотрены подходы старой дореволюционной школы историков к вопросам освоения огромного региона, строительства нового государственного аппарата, складывания социально-экономических отношений³². Характерными особенностями исследований «школы Ермолаева» явились введение в научный оборот, систематизация и глубокий источниковедческий анализ значительного количества документов из центральных и местных архивохранилищ.

Однако первоначально самарские историки и краеведы практически не проявляли интереса к средневековой истории края. Только в книгах К.Я. Наякшина была сделана попытка обобщить и изложить в соответствии с требованиями марксистского подхода результаты, полученные предшествующими исследователями³³. Отдельные темы, связанные с историей нашего края XVI–XVII вв., рассматривались тогда в обобщающих работах и отдельных статьях столичных исследователей (И.В. Степанова – о крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина, С.В. Бахрушина – о промысловой деятельности гостя Н. Светешникова на Самарской Луке и т. д.)³⁴.

С 1960-х гг. в СССР возрождается краеведение как широкое общественное движение; все чаще высказывается мысль о том, что воспитание любви к родному краю должно быть неотъемлемой частью системы советского образования. В это движение внесли свой вклад историки Куйбышевского университета и педагогического института, подготовившие учебные пособия по краеведению для школьников³⁵. Для многих самарских ученых среднего и молодого

поколений путь в историческую науку начался именно со знакомства с этими книгами.

Новый подъем интереса к ранней истории нашего края проявляется в конце 1970-х — начале 1980-х гг., в первую очередь в статьях и книгах местных краеведов А.К. Ширманова и Е.Ф. Гурьянова, архитектора А.Г. Моргуна. Их работы отличает интерес к новым сюжетам, прежде всего к градостроительной истории Самары. Предпринимались попытки собрать максимально полную источниковую базу по истории региона (А.К. Ширманов)³⁶. В эти же годы были опубликованы работы Э.Л. Дубмана, в которых он разрабатывал сюжеты монастырской колонизации Южного Средневолжья в средневековую эпоху, развития здесь крупного земледельческого и промыслового хозяйств³⁷.

Демократизация общественно-политической жизни на рубеже 1980—1990-х гг., снятие многих идеологических запретов породили закономерный всплеск интереса читающей публики к ранее неизвестным сюжетам, потребность в осмыслении с новых позиций истории страны и родного края. Зримым свидетельством перемен стало возвращение городу Куйбышеву исторического названия Самара, осуществленное в 1991 г. по инициативе городской общественности. Общественный комитет «Самара», боровшийся за возвращение городу исторического имени, возглавил писатель А.Е. Павлов, а его активными деятелями были П.С. Кабытов, А.Н. Завальный, В.В. Князев и др.

В конце XX века изучение региональной истории становится подлинно междисциплинарным научным направлением. В него внесли свой творческий вклад филологи С.А. Голубков и М.А. Перепёлкин, культуролог Е.Я. Бурлина, историк Г.В. Алексушин, библиограф А.Н. Завальный, экономист А.И. Носков, журналисты Б.А. Кожин и В.А. Добрусин, архитекторы В.Г. Каркарьян и А.К. Синельник, краеведы Р.П. Поддубная, А. и И. Демидовы и многие другие³⁸. Их труды, написанные, как правило, живым литературным языком и со множеством любопытных исторических фактов, сформировали атмосферу общественного интереса к прошлому Самарского края. В конце XX — начале XXI в. появился ряд новых периодических изданий краеведческого характера: историко-краеведческий сборник «Самарский краевед», общественно-политический журнал «Самарский земский сборник», серия сборников «Самарский край в истории России». Старейшее из таких изданий — серия сборников «Краеведческие записки», которую с 1963 г. издает областной краеведческий музей. Успешно развивается мультимедийный проект

«Самарские судьбы», включающий электронную и печатную версии одноименного журнала, а также серию документальных фильмов³⁹.

1990–2000-е гг. отмечены подъемом интереса к истории, культуре и повседневной жизни народов, населяющих Самарский край, публикацией научных трудов, научно-популярных и литературных очерков о народах нашего края⁴⁰. Результаты историко-этнографических исследований легли в основу обобщающего труда «Этносы Самарского края», в котором воссоздается уникальный многонациональный облик нашего региона⁴¹.

В современный период появились новые труды по истории православной церкви в нашем крае, в том числе подготовленная выпускником Самарского университета, а ныне и. о. ректора Самарской православной духовной семинарии М.С. Кокаревым монография о системе управления Самарской епархии⁴². Два исследования посвящены храмам дореволюционной постройки, сохранившимся в Самаре и на территории области⁴³. Их дополняет справочник, подготовленный архивистами Самарской области⁴⁴. С 1996 года Самарским епархиальным историко-краеведческим музеем ежегодно проводятся Иоанновские чтения, посвященные памяти высокопреосвященного Иоанна (Снычева), митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. В сборниках, издаваемых по их итогам, всегда публикуется немало материалов как по церковной, так и по гражданской истории Самарской земли.

Накопление исторических знаний, комплексное изучение местной истории дало возможность приступить к изданию энциклопедий и энциклопедических словарей как по истории Самарского края в целом, так и по отдельным ее аспектам. Одно из первых изданий такого рода появилось в 1993–1995 гг. — «Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии» в 4 томах⁴⁵; председателями научного совета энциклопедии были С.П. Хумарьян и П.С. Кабытов. Позднее была подготовлена и издана девятитомная «Самарская энциклопедия»⁴⁶.

В последнее десятилетие XX — начале XXI в. наблюдается значительный подъем исторической науки в Самарском крае. В это время сложилась самарская региональная историческая школа, возникли крупные научные институты: Институт истории и археологии Поволжья, Поволжский филиал Института российской истории РАН. Базовым для региональных исторических исследований стал Самарский государственный университет, и прежде всего коллектив кафедры российской истории под руководством профессора П.С. Кабытова. Разработкой проблем региональной истории активно зани-

маются преподаватели Самарского государственного социально-педагогического университета, Самарского государственного экономического университета, Самарского государственного института культуры, Самарского государственного технического университета, Самарского государственного медицинского университета, Тольяттинского государственного университета, сотрудники Самарской областной универсальной научной библиотеки, Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина и Самарского областного государственного архива социально-политической истории.

Возникли новые «площадки» для общения специалистов, занимающихся краеведческой проблематикой. Так, Самарский университет является организатором Всероссийской конференции молодых ученых «Платоновские чтения» в память выдающегося русского ученого С.Ф. Платонова. Самарский государственный институт культуры регулярно проводит Международную научно-практическую конференцию «Модернизация культуры». Самарская областная универсальная научная библиотека стала организатором Всероссийской научной конференции «Гротовские чтения», посвященной памяти К.К. Грота – губернатора Самары (1853–1861), талантливого реформатора и просветителя; Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина проводит Межрегиональную научно-практическую конференцию «Самарский край в истории России». Научные конференции краеведческой направленности постоянно организуют Самарский государственный социально-педагогический университет, Тольяттинский государственный университет.

В конце XX – начале XXI в. историки Самарского края начали разрабатывать направления региональной истории, которые прежде не входили в сферу внимания ученых. В работах Э.Л. Дубмана, Л.М. Артамоновой, Ю.Н. Смирнова детально проработаны сюжеты, связанные с историей Самарского края XVI – первой половины XIX вв.: строительство Самары и деятельность первого воеводы Г.О. Засекина, заселение края и его хозяйственное развитие, миграционные процессы, деятельность в Заволжье администраций Закамской и Оренбургской экспедиций, строительство новых укрепленных линий, развитие народного просвещения, создание Самарской губернии⁴⁷. В трудах самарских историков глубоко изучаются различные аспекты истории региона в XIX – начале XX вв.: социально-экономические отношения в поволжской деревне и развитие хлебного рынка в период от Великих реформ до Первой мировой вой-

ны⁴⁸; история местных органов власти, земского и городского самоуправления⁴⁹; история повседневности и социокультурного пространства провинциального города⁵⁰. С новых позиций и с привлечением значительного комплекса неизвестных прежде архивных источников исследуется история столыпинских реформ⁵¹, революции 1917 г. и Гражданской войны в Среднем Поволжье⁵². Значимым историографическим сюжетом еще с советских времен является роль самарцев в борьбе за освобождение болгарского народа от ига Османской империи в 1876–1878 гг. и история знаменитого Самарского знамени⁵³. Пробуждается интерес к новаторской проблематике – изучению исторической памяти жителей Самарского края⁵⁴.

Современная региональная историческая наука вышла на качественно иной уровень: осваивая новую методологию и методику исследовательской работы, расширяя круг тем и включая в него то, что ранее было под запретом, она перешла к созданию обобщающих монографий и подготовке крупных энциклопедических изданий. В отличие от предшествующих изданий того же типа, в них прослеживается освобождение от многих идеологических штампов, концептуальной заданности, узости и ограниченности источниковой базы, при анализе событий используется опыт не только отечественной, но и мировой исторической науки. К таким обобщающим многолетним исследованиям и публикациям исторических источников следует отнести трехтомную «Самарскую летопись» (1993–1998)⁵⁵, восьмитомную «Историю Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» (2000), серию «Классика самарского краеведения» (выходит с 2002 г., к настоящему времени насчитывает 8 выпусков), «Историю Самары (1586–1917)» и ряд других изданий⁵⁶.

В 2010-х гг. кафедрой российской истории Самарского университета в сотрудничестве с учеными из других вузов и научных учреждений Самары был осуществлен научный проект «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). В рамках этого проекта были изданы коллективная монография в двух частях и учебное пособие⁵⁷, где была предпринята попытка определить ключевые особенности развития Среднего Поволжья в составе Московского царства и Российской империи: рассмотреть основные вехи государственной политики в регионе, процессы административно-территориального строительства, возникновение и эволюцию систем местного управления и самоуправления. Особое внимание было уделено историческим особенностям заселения региона и формирования его многонационального населения.

Появление коллективной монографии «Обретение родины» означало, что изучение региональной истории вышло на новый уровень концептуальных обобщений. Среднее Поволжье исследуется в этом труде как часть более обширного региона – Юго-Востока Европейской России. Опираясь на теорию «фронта» – пограничной земли, «буферной зоны», – разработанную американским ученым Ф. Тернером, и на подход к истории России как «страны, которая колонизируется», предложенный в XIX в. ведущими российскими учеными С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским, самарские ученые выдвинули оригинальную концепцию, согласно которой основным вектором истории Среднего Поволжья было постепенное превращение фронта во «внутреннюю окраину» империи, распространение на эту территорию управленческих структур и социальных отношений, типичных для имперского «ядра». В коллективном исследовании особое внимание было уделено формированию социокультурного облика населения Средневолжья: подчеркивалось, что интенсивная миграция и слияние переселенческих потоков, заселение и освоение прежде пустующих земель, взаимовлияние различных народов «леса и степи», селившихся бок о бок и перенимавших хозяйственные и культурные практики друг друга, превратили Среднее Поволжье в уникальную историко-культурную область, для которой характерна удивительная пестрота этноконфессионального состава населения при практически полном отсутствии межэтнических конфликтов. Освоение и обустройство огромных территорий Юго-Востока Европейской России предстает в этой работе как сложный многофакторный процесс, в результате которого малонаселенная прежде, «ничейная» земля смогла стать общей родиной для различных социальных и этноконфессиональных категорий населения. Новаторство этого концептуального подхода и основательность его разработки на региональном материале были по достоинству оценены сообществом историков⁵⁸.

В работах самарских историков начала XXI века прослеживается тенденция к подведению промежуточных историографических итогов. Вышли в свет историко-мемориальные исследования о видных региональных историках, учителях и наставниках многих современных историков-краеведов – профессорах Е.И. Медведеве и Л.В. Храмкове⁵⁹. В коллективной монографии, созданной самарскими учеными в творческом содружестве с коллегами из Пензенского государственного университета и НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, а также в серии историографических этюдов П.С. Кабытова предпринят концептуальный

анализ творческого наследия ведущих отечественных и зарубежных исследователей аграрной истории России⁶⁰.

Но, разумеется, историко-краеведческая работа может быть действительно плодотворной при условии, что в ней участвуют и к ней питают интерес не только специалисты, но и само региональное сообщество. Самарские историки и в XXI веке сохранили добрую традицию подготовки учебных пособий для преподавания краеведения в средних учебных заведениях⁶¹. С 2019 года в программу самарских школ была введена дисциплина «Самароведение», цель которой – воспитание у юного поколения чувства сопричастности к истории и культуре своего края, гражданской ответственности за его судьбу, живого ощущения преемственности поколений⁶².

Усилиями самарских историков и краеведов изменился облик города – богаче, насыщеннее стало его «пространство памяти». Улицы Самары получили названия в честь академика С.Ф. Платонова, историков М.Н. Тихомирова и Е.И. Медведева, лауреата Нобелевской премии, выдающегося писателя и общественного деятеля А.И. Солженицына, видевшего ключ к жизнеспособности страны в развитии провинции и выступавшего за возрождение земского самоуправления. Открыт памятный знак на предполагаемом месте захоронения С.Ф. Платонова. На волжской набережной – любимом месте отдыха горожан – воздвигнуты памятники основателю города воеводе Г.О. Засекину и общественному деятелю, городскому голове, краеведу П.В. Алабину.

Все это показывает, что потенциал изучения региональной истории Самарского Поволжья далеко не исчерпан; развитие науки открывает перед учеными новые горизонты и дает возможность более глубоко осмыслить историю края в контексте истории страны, а богатый опыт коллективных исследований наглядно свидетельствует об умении самарских историков объединять силы для решения сложных научных задач. Надеемся, что знакомство с новым изданием «Истории Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» даст возможность читателю убедиться в этом.

Настоящее издание подготовлено авторским коллективом. «Введение. История изучения Самарского края»: П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева, Ю.Н. Смирнов, Н.Н. Кабытова; глава I – Э.Л. Дубман (§ 2–5), Ю.Н. Смирнов (§ 1, 6); глава II – Э.Л. Дубман (§ 1–9); глава III – Л.М. Артамонова (§ 4, 6–7); Л.М. Артамонова, Э.Л. Дубман (§ 5); Э.Л. Дубман (§ 1–2), Ю.Н. Смирнов (§ 3); глава IV – Л.М. Артамонова (§ 2), Ю.Н. Смирнов (§ 1, 3–6); глава V – Л.М. Артамонова (§ 3); Ю.Н. Смирнов (§ 1–2); глава VI – Л.М. Артамонова (§ 1–4), Ю.Н. Смирнов (§ 5–6).

Примечания

¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: [в 6 т.] / Российская акад. наук. Самарский науч. центр; [редкол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.]. М.; Самара, 2000; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сборник документов и материалов. Самара, 2000; Самарское Поволжье в XX веке: сборник документов и материалов. Самара, 2000.

² Мачнев В.Я. Новые исследования по истории Самарского края // Самарский земский сборник. 2001. № 1 (5). С. 153–160.

³ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2014; Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): учебное пособие / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013; История Самары (1586–1917) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2015.

⁴ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1759. № 1–8. Это сочинение выдержало несколько изданий, последнее из которых: Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии / подгот. текста, прим., указ., вступ. ст. И.В. Кучумова и Ю.Н. Смирнова. Уфа, 2001.

⁵ Леопольдов А.Ф. Исторические заметки о Самарском крае. СПб., 1860.

⁶ Невоструев К.И. Историческое описание бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867; Его же. Описание Кашпирского Благовещенского Симеонова монастыря. СПб., 1871; Его же. Сведения о построении города Сызрани. Симбирск, 1898; и др.

⁷ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 3: Бузулукский уезд. Самара, 1885. С. 1–16; Т. 4: Бугурусланский уезд. Самара, 1886. С. 7–11; Т. 5. Бугульминский уезд. Самара, 1887. С. 7–12.

⁸ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.

⁹ Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? Ист. разыскание акад. П.П. Пекарского. СПб., 1872.

¹⁰ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города: (Ист.-стат. очерк). Самара, 1877; Его же. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. См. о нем: Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев, 1990.

¹¹ Архангельский Н.А. Город Самара. Краткий очерк. Самара, 1913.

¹² Елшин А.Г. Самарская хронология. Т. 1. Самара, 1918. С. 3.

¹³ Елшин А.Г. Указ. соч.; Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919; Архангельский Н.А. Г. Самара: исторический очерк. Самара, 1923; Его же. К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии. Самара, 1923.

¹⁴ Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека) / сост.: Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов; под науч. ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара, 2007.

¹⁵ Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 11.

¹⁶ Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения / сост.: Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; под науч. ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2008. С. 6–7.

¹⁷ Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919; Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923.

¹⁸ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923; Его же. Саратовская мордва (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае) // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Саратов, 1926. С. 135–155; Его же. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы. Саратов, 1926.

¹⁹ Подробнее о деятельности Самарского и Средневожского испартов см.: Кабытов П.С. Историк в прошлом и настоящем: историографические очерки, исследования и публицистика. Самара, 2016. С. 253–263.

²⁰ 1905 год в Самарском крае: Материалы по истории Р.К.П.(б) и революционного движения / под ред. Н.Н. Сперанского. Самара, 1925; 1905. Годы первой русской революции в Среднем Поволжье. М.; Самара, 1931; 1905 год. (Сб. воспоминаний участников революционного движения в бывших Самарской и Симбирской губерниях) / орг. материала, общ. ред. и вступ. ст. А.А. Кузнецова. М.; Куйбышев, 1935.

²¹ Классика самарского краеведения. Антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2002; Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 2 / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2006; Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения / сост.: Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; под науч. ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2008.

²² Конякина Т.Ю. Ю.В. Готье в Самаре // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара, 2007. С. 157–160.

²³ Кабытов П.С., Дубман Э.Л. С.Ф. Платонов и Самара: история и память: материалы и исследования / науч. ред. проф. П.С. Кабытов. Самара, 2015.

²⁴ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. 4-е изд., доп. Куйбышев, 1937; Его же. За власть Советов: разгром Самарской учредилки. Куйбышев, 1959; Его же. Летопись революционных событий в Самарской губернии: 1902–1917 / под ред. К.Я. Наякшина. Куйбышев, 1969; Его же. Тайна зеленой дачи: [очерки]. Куйбышев, 1980; Медведев Е.И.

Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1964; Его же. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов, 1974.

²⁵ В.И. Ленин в Самаре: сб. воспоминаний / сост., предисл. и коммент. Р.П. Поддубной. Куйбышев, 1980; Поддубная Р.П. Ленинская «Искра» в Самаре. Куйбышев, 1985; Куйбышевская Лениниана: в 5 кн. Куйбышев, 1985.

²⁶ Куйбышевская область: Историко-экономический очерк / [под ред. М.Т. Александрова и др.]. Куйбышев, 1957; Очерки истории Куйбышевской организации КПСС [ред. кол.: Н.С. Черных и др.]. Куйбышев, 1967; История Куйбышевской области (1917–1980 гг.) / под ред. В.В. Рябова, Л.В. Храмкова. Саратов, 1981.

²⁷ Осадченко Б.А. Поиски на гранях марксистской парадигмы. «Новое направление», его основные представители, теоретико-методологические позиции // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 562–575.

²⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева: в 2 т. М.; Л., 1946–1958; Его же. Русская деревня на переломе. 1861–1880. М., 1978.

²⁹ Иванов А.А., Иванов А.Г., Кабытов П.С., Шайдуллин Р.В. История крестьянства и сельского хозяйства Среднего Поволжья: итоги и перспективы исследований // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2018. С. 5–17.

³⁰ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю (60–90-е гг. XIX в.). Казань, 1973; Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (Социально-экономическое исследование). М., 1984; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократической революции в России. Саратов, 1981; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов, 1982.

³¹ Савельев П.И. Помещичье хозяйство Самарской губернии. 1861–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983; Курсеева О.А. Поместное дворянство Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1985; Тагилова Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989; и др.

³² Ермолаев И.П. Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1966; Его же. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982; Мустафина Д.А. Феодалное землевладение и социальные категории населения в Казанском уезде во второй половине XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1986; и др.

³³ Наякшин К.Я. Очерки истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955; Его же. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962.

³⁴ Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.: восстание С. Разина. Т. 1. Восстание Степана Разина. Л., 1966; Т. 2. Начальный период Крестьянской войны. Л., 1972; Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 224–255.

³⁵ «Наш край» (Самарская губерния – Куйбышевская область): хрестоматия для преподавателей истории СССР и учащихся старших классов средней школы. Куйбышев, 1966; Медведев Е.И., Виданов М.П. Край родной, навек любимый: пособие по историческому краеведению для учащихся 4-го класса. Куйбышев, 1975; Матвеева Г.И., Медведев Е.И., Налитова Г.Е., Храмов Л.В. Край Самарский: учебное пособие по историческому краеведению для учащихся 7–8-х классов средней школы. Куйбышев, 1984.

³⁶ Ширманов А.К. Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI – XVIII веках // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 3–23; Его же. О двух рисунках города Самары в изданиях путешествий Оlearия // Там же. С. 24–28; Его же. Самарцы в крестьянских войнах 1669–1671 и 1773–1775 гг. // Краеведческие записки. Вып. 4. Куйбышев, 1976. С. 19–34; Его же. Самара и декабристы // Там же. С. 35–41; Гурьянов Е.Ф. К вопросу о поселении Самар XIV–XV веков // Краеведческие записки. Вып. 4. Куйбышев, 1976. С. 5–18; Его же. Древние веки Самары: Очерки по истории градостроительства. Куйбышев, 1986; Моргун А.Г. От крепости Самара до города Куйбышева: Заметки об архитектуре. Куйбышев, 1986.

³⁷ Дубман Э.Л. Сказание о первых самарцах. Очерки по истории Самары 1586–1680-х годов. Самара, 1991; Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: По материалам церковно-монастырских владений: учебное пособие к спецкурсу для дневного и заочного отделений исторического факультета. Куйбышев, 1991.

³⁸ Голубков С.А. Страницы самарского текста: [мемуарные очерки и эссе]. Самара, 2014; Перепёлкин М.А. Самара-городок: полеты во сне и наяву, горчишники, тайны и опасные гастроли. Самара, 2018; Хронотопия города [Самара 1990–2000] / Е. Бурлина [и др.]. Самара, 2016; Алексушин Г.В. Самарские губернаторы от С.Г. Волховского до К.А. Титова. Самара, 1996; Завальный А.Н. О Самаре и самарцах: 500 историй, фактов и цитат. Самара, 2018; Носков А.И. Прикосновение к прошлому: историко-литературные поиски и находки самарского краеведа. Самара, 2006; Кожин Б.А. Рассказывает Борис Кожин. Самара, 2007; Добрусин В.А. Украденные звезды: книга судеб. Самара, 2004; Каркарьян В.Г. Самара, Куйбышев, Самара, или Три портрета одного города: 1586, 1935, 1991. Самара, 2014; Синельник А.К., Самогоров В.А. Архитектура и градостроительство Самары 1920-х – начала 1940-х годов. Самара, 2010; Поддубная Р.П. Пушкиниана Южного Заволжья Самарского края. Самара, 2012; Ее же. Самарская хроника Аксаковых. Самара: ООО «Офорт», 2015; Демидов А., Демидова И. Мелодии старой Самары (Книга для любителей российской истории). Самара, 1992; и др.

³⁹ Самарские судьбы: Сайт для общения творческих людей. URL: <https://samsud.ru>.

⁴⁰ Ведерникова Т.И. Этнография и праздничная культура народов Самарского края. Самара, 1991; Ее же. Русские Самарского края: история и традиционная культура: учебное пособие. Самара, 2007; Евреи провинциальной России: Альманах. Вып. 1: Евреи в Самаре. 100 лет / авт.-сост. Е. Бурулина. Самара, 1992; Савченко И.А., Дубнин С.И. Российские немцы в Самарском крае: Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994; Завальный А.Н. Украинские этюды: Страницы истории самарско-украинских отношений. Самара, 1996; Ягафова Е.А. Самарские чуваша: (Историко-этнографические очерки): Конец XVII – начало XX вв. Самара, 1998; Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки / под общ. ред. Ш.Х. Галимова. Самара, 2017; Материалы по истории и культуре мордвы Самарского края / Самарское археологическое общество; сост. Н.М. Малкова. Самара, 2019.

⁴¹ Этности Самарского края: Историко-этнографические очерки / Г.Ю. Бурдина [и др.]. Самара; Тольятти, 2003.

⁴² Кокарев М.С. Система управления Самарской епархии в преособорный период (1894–1917). М., 2016; см. также: Подмарицын А.Г. Очерки из истории Самарской епархии (1917–1941 гг.). Самара, 2008; Его же. Экономическая и хозяйственная деятельность региональных церковных структур Средней Волги в период с 1943 по 1965 годы. Самара, 2016; Якунин В.Н. История Самарской епархии. Тольятти, 2011.

⁴³ Зубова О.В., Мельникова Н.В., Радченко О.И., Бочков В.А., Подмарицын А.Г. Православные святые Самарского края. Самара, 2001; Ведерникова Т.И., Кокарев М.С., Курмаев М.В., Радченко О.И. Православные святые Самарской митрополии. Самара: ООО «Книжное издательство», 2017.

⁴⁴ Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.) / сост. В.С. Блок, К.А. Катренко. Самара: Самар. Дом печати, 2002.

⁴⁵ Историко-культурная энциклопедия Самарского края: персоналии: в 4 т. Самара, 1993–1995.

⁴⁶ Энциклопедия Самарской области: в 6 т. / М-во образования и науки Самар. обл., Правительство Самар. обл.; [ред. совет: Ю.Н. Горелов и др., чл. редкол.: П.С. Кабытов и др.]. Самара, 2010–2012; Энциклопедия Самарской области. Приложение: в 3 т. / М-во образования и науки Самар. обл., Правительство Самар. обл.; [ред. совет: Ю.Н. Горелов и др.]. Самара, 2010–2012.

⁴⁷ Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв.: учеб. пособие / [под общ. ред. П.С. Кабытова]. Самара, 1995; Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин: (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара, 1995; Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара, 1996; Этнография Самарской Луки. Топонимика Самарской Луки / Т.И. Ведерникова, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов [и др.]. Самара, 1996; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997; Дубман Э.Л. Промышленное предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999; Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение

в русской провинции XVIII – начала XIX вв.: Юго-восточные губернии Европейской России. Самара, 2001; Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: проект, строительство, судьба. Самара, 2004; Смирнов Ю.Н. К 160-летию Самарской губернии: Зачем и как она была создана? Самара, 2011; Юго-Восток Европейской России. Ч. 1. Дубман Э.Л. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории: монография. Самара, 2012; Усольское собрание графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской Луки / Л.М. Артамонова, Р.С. Асташкин, Н.А. Бессонова, Ю.Н. Смирнов [и др.]; науч. ред. Ю.Н. Смирнов. Самара, 2015; Дубман Э.Л. О князе, который строил города... (жизнь и деятельность князя Григория Засекина). Самара, 2018.

⁴⁸ Кабытов П.С., Козлов В., Литвак Б. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век: (По материалам Поволжья). Самара, 1994; Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.

⁴⁹ Самарское земство. Опыт практической деятельности, 1865–1918 гг.: к 15-летию Самарской Губернской Думы / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2009; Кузьмин В.Ю. Власть, общество и земская медицина (1864–1917 гг.). Самара, 2003; Чирков М.С. Земство и власть в Российской империи, 1890–1916 (по материалам Самарской губернии) / науч. ред. Н.Н. Кабытова. Самара, 2006; Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков. Самара, 2007.

⁵⁰ Самарское купечество: вехи истории / под ред. Е.П. Бариновой. 2-е изд. Самара, 2008; Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара, 2009; Семенова Е.Ю. Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012; Кабытов П.С., Черкасова М.В. Золотые страницы самарского нотариата. Самара, 2013; Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013.

⁵¹ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007; Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии. Сборник документов и материалов. Самара, 2012.

⁵² Калягин А.В., Парамонов В.Н. «Третий путь» в гражданской войне: опыт деятельности самарского Комуча. Самара, 1995; Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны: (Самарская губерния в конце 1917–1920 гг.). Самара, 1997; Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции: 1917 год в Поволжье. Самара, 1999; Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 гг.). Самара, 2003; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Самара, 2004; Мистрюгов П.А. Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны. Самара, 2018; Под знаменем

Комуча (Самарский край, июнь-октябрь 1918 г.): сборник документов и материалов. Самара, 2018.

⁵³ Побратимы [Города-побратимы Куйбышев и Стара-Загора (Болгария)]: сборник / редкол.: И.Н. Китаев (отв. ред.) [и др.]. Куйбышев, 1989; Освободительная война 1877–1878 гг. и роль болгарского ополчения: сб. докл. и сообщ., прочит. на юбилейн. конф. в Казанлыке, Стара-Загоре и Самаре / сост. Л.В. Храмов, Х. Буюклиев. Самара, 1992; Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг.: сборник документов и материалов / [сост. Ю.П. Аншаков и др.]. Самара, 2009.

⁵⁴ Смирнов Ю.Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 2. С. 361–377; Смирнов Ю.Н. Предания самарских жителей о святителе Алексии в записях XVIII – середины XIX в. и их интерпретация // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 4–13; Смирнов Ю.Н. Модернизация социальной и культурной памяти провинциального дворянства в середине XIX в.: от артикуляции к литературе, из семьи на публику // Стены и мосты – VII. Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и чего лишает?: сб. тр. международной науч. конф. Москва, 24–25 мая 2018 г. / отв. ред. Е.А. Долгова, сост. И.Н. Косиченко. М., 2019. С. 162–170.

⁵⁵ Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней: в 3 кн. / под общ. ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. Самара, 1993–1998.

⁵⁶ История Самарского края: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. Саратов, 1987; Земля Самарская. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции / сост. П.С. Кабытов, Л.В. Храмов. Куйбышев, 1990; Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2007; История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Кн. 1. Самара, 2011.; История Самары (1586–1917) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2015.

⁵⁷ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.); Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): учебное пособие / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.

⁵⁸ Любичанковский С.В. «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. История. № 2. С. 165–169; Карнишин В.Ю. Региональная история: к изданию фундаментальной монографии самарских историков // Наука. Общество. Государство. 2013. № 4 (4). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/karnishin_vyu_13_4_01.pdf (дата обращения: 05.04.2020).

⁵⁹ Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатьевич Медвед — человек, ученый, педагог. Самара, 2006; «В живых сердцах оставить свет...»: памяти профессора Самарского государственного университета Ленера Васильевича Храмова (1934—2009): историко-мемориальное исследование / сост. Н.П. Храмова, Е.Л. Храмова; науч. ред. Г.С. Шерстнева. Самара, 2016.

⁶⁰ Аграрная история XX века: историография и источники: монография / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара, 2014; Кабытов П.С. Историк в прошлом и настоящем: историографические очерки, исследования и публицистика. Самара, 2016. С. 124—217; Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов, 2016; Кабытов П.С. Юрий Ильич Смыков: биографический очерк, воспоминания, письма. Самара, 2017.

⁶¹ Храмов Л.В. Введение в самарское краеведение: [учеб. пособие]. Самара, 2003; Рассказы по истории Самарского края. Начальное общее образование: учебное пособие для общеобразовательных организаций / О.В. Московский, Г.Е. Козловская, Л.А. Ремезова. М., 2019; История Самарского края. Основное общее образование. Часть 1: учебное пособие для общеобразовательных организаций / А.И. Репинецкий, Г.Е. Козловская, А.И. Королев, Л.А. Ремезова. М., 2019; История Самарского края. Основное общее образование. Часть 2: учебное пособие для общеобразовательных организаций / А.И. Репинецкий, А.В. Захарченко, Г.Е. Козловская, Л.А. Ремезова. М., 2019.

⁶² Школа № 45. Позитивная территория // Самарские судьбы: сайт для общения творческих людей. URL: <https://samsud.ru/journal/svet-ucheniya/shkola-45.html> (дата обращения: 06.04.2020).

Глава 1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ К РОССИИ. САМАРСКИЙ КРАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ.

§ 1. ОСЛАБЛЕНИЕ И РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ

Ослабление Золотой Орды

В XIII–XIV вв. земли Среднего и Нижнего Поволжья, в том числе будущего Самарского края, находились под властью Золотой Орды, которая даже в период наивысшего могущества не являлась прочным централизованным государством. Она членилась на полусамостоятельные улусы и юрты потомков Чингисхана, других представителей монгольской или тюркской аристократии. «Улусом» называлось подвластное определенному хану или иному владельцу население, а «юртом» — территория данного улуса. Эти термины также приобрели обобщающее значение «государство», как и слово «орда», в исходном смысле означавшее всего-навсего ставку кочевого правителя.

В Золотой Орде находились территории с различными хозяйственными укладами: кочевая степь с отдельными очагами земледелия, обширные земледельческие страны (например, Волжская Болгария). Экономически и культурно эти районы были почти не связаны друг с другом. Хотя через обширные ордынские владения проходили важные водные и караванные торговые пути, главным из которых являлся путь по Волге, но по ним шла в основном транзитная торговля, мало способствовавшая объединению разнородных частей самой Орды. Неустойчивость золотоордынского государства определялась и насильственным характером включения в его состав различных народов, покоренных завоевателями.

Единство Золотой Орды до поры до времени поддерживалось заинтересованностью кочевой аристократии в сильной ханской власти для осуществления грабительских походов, приведения в повиновение поработанного и обложенного тяжелыми даними населения самой Орды и подвластных ей стран. Такое единство могло существовать только при недостаточно развитых общественных отношениях. Золотая Орда считалась общим родовым владением потомков хана Джучи, старшего сына Чингисхана (отсюда другое название этого государства — Улус Джучи). Улусы отдельных аристократов в ее составе считались ханскими пожалованиями, условными держаниями, что препятствовало их обособлению. Однако к концу XIV в. они превратились по сути в наследственные владения¹. Среди аристократии усиливаются сепаратист-

ские настроения: стремление закрепить автономию своих улусов, а при удачливой возможности захватить или подчинить улусы соседей. Это ослабляло верховную власть ханов, даже ближайшее окружение которых, состоявшее из крупных феодалов, не столько стремилось к усилению своего «хозяина», сколько пыталось превратить его в марионетку. Закономерным следствием стали непрерывные междоусобные войны и дворцовые перевороты в Орде в 60–70-х гг. XIV века, названные в русских летописях «великой замятней»: «Много нестроения бываше в Орде, и мнози князи Татарсты избивахуся, не имуще главы, и острием меча умираху, и помале оскудеваша Орда от великия силы своея»².

Внутреннее разложение Золотой Орды ускорялось внешнеполитическими неудачами, еще более подрывавшими авторитет ханской власти. Первый серьезный удар по военной мощи был нанесен в 1380 г. исторической битвой на Куликовом поле. Поражение, которое нанесли русские воины объединенным силам западной части Улуса Джучи, предводимым Мамаем, заставило ордынцев временно отодвинуть междоусобицы, чтобы восстановить свою власть над русскими землями. Последним ханом, которому удалось собрать под своею властью распадавшуюся Золотую Орду, был Тохтамыш, выходец из знати восточных районов Улуса Джучи. Во время «великой замятни» он нашел убежище у среднеазиатского правителя Тимура, который рассчитывал с его помощью подчинить своих опасных северных соседей. При поддержке Тимура Тохтамыш вначале утвердился в восточных улусах Золотой Орды, а в 1380 г. разбил на реке Калке ослабленного после Куликовской битвы Мамайя и распространил свою власть на западные улусы³.

Через два года Тохтамыш внезапно напал на русские земли, не готовые к отражению нового набега, обманом взял и разграбил Москву, заставил русских князей возобновить выплату ордынцам дани. Путь Тохтамыша на Русь шел «по левобережью в район Самарской излучины», переправа состоялась «против устья р. Сызрани», а затем войско двинулось по долине этой реки и далее на запад. Весь этот маршрут традиционно являлся одним из главных путей — «сакм» ордынских набегов⁴.

Дальнейшее усиление нового хана и активизация внешней политики Золотой Орды привели его к конфликту с бывшими союзниками, ордынскими аристократами и Тимуром. Во главе феодальной оппозиции находился зять Тохтамыша Едигей, князь большого и влиятельного в Орде племени мангитов, кочевавших между Волгой и Яиком. Мангиты вели свою родословную от одного из монгольских племен державы Чингисхана, но в рассматриваемый период, как и все кочевники Улуса Джучи, уже полностью тюркизировались. Едигей был типичным и вместе с тем наиболее ярким представителем знати эпохи распада Золотой Орды. Он примкнул к Тохтамышу, когда тот еще скрывался во

владениях Тимура. После прихода хана к власти Едигей стал его «самым великим эмиром» и «одним из командующих его правым (флангом)»⁵.

Властолюбивый Едигей этим не удовлетворился. Не будучи потомком Чингисхана, он не мог претендовать на ханский трон, но стремился, во-первых, посадить на него послушного себе хана, а во-вторых, обеспечить свою безраздельную власть над собственным улусом. Для достижения этих целей Едигей, как, впрочем, и другие аристократы, готов был поступиться даже самим существованием Золотой Орды. Вначале мангитская знать стала натравливать Тохтамыша на Тимура. Неудачи походов хана в Азербайджан и Среднюю Азию использовались Едигеем и другими противниками Тохтамыша для организации заговора. В конце концов Едигей со своими сторонниками бежал к Тимуру и помог тому организовать ответный удар по владениям Тохтамыша.

Битва на Кондурче и ее последствия

В январе 1391 г. Тимур с 200-тысячным войском выступил из Ташкента. Преодолев степи Казахстана и Южного Урала, грозный завоеватель приближался к Волге. По мнению одних историков, Тохтамыш надеялся задержать противника на реке Яик (Урал), но не успел собрать войска и помешать переправе. Другие же полагают, что Тохтамыш долго не знал о походе и лишь после переправы войск среднеазиатского правителя через Яик начал срочно собирать своих воинов, при этом ожидая подкреплений и от русских князей, признававших над собой власть Золотой Орды⁶.

Ордынцы отступали вглубь своих владений на северо-запад и рассчитывали, что утомленные многомесячным переходом войска Тимура окончательно истощат свои силы. Но случилось иначе: после того как армия правителя Средней Азии вышла на реку Самару и приблизилась к Волге, дальнейшее отступление Тохтамыша стало невозможным. Во-первых, Тимур мог прижать войско Золотой Орды к Волге и истребить его. Во-вторых, открывался заманчивый путь к богатым городам Волжско-Камской Болгарии. В-третьих, в междуречье Самары, Кинеля и Сока располагались великолепные летние пастбища, которые в засушливое время года представляли особую ценность для конного войска и всего кочевого населения Орды, и оставлять их Тимуру хан Тохтамыш не собирался.

18 июня 1391 г. противники сошлись в решающей битве на реке Кондурче, правом притоке Сока – предположительно на территории Красноярского района Самарской области. Археологически точное место сражения не выявлено, поэтому предлагаются другие варианты его локализации выше по течению этой реки в современных Сергиевском или Кошкинском районах. По численности обе армии были примерно одинаковыми, составляя при этом, по разным подсчетам, от 200 тыс. до 400 тыс. человек каждая⁷.

Тимур показал себя более опытным и талантливым полководцем. Тохтамыш руководствовался старыми принципами монгольской тактики, согласно которым исход полевого сражения решал мощный фланговый удар конницы. Тимур применил сложный боевой порядок из семи корпусов-«кулов», успешно противостоявший такому удару с фланга или обходу с тыла. Кроме того, Тимур навязал сражение в условиях, препятствовавших маневру ордынской конницы – по берегу Сока был создан рубеж обороны, а также он выделил из состава своих войск резерв, которого у Тохтамыша в решающий момент не оказалось. В военном отношении поражение ордынцев на Кондурче было обусловлено примерно теми же причинами, что и в Куликовской битве, которая, как оказалось, их мало чему научила. Сыграл свою роль и переход некоторых аристократов Улуса Джучи на сторону врага в ходе самой битвы. Разбив Тохтамыша и обратив остатки его войска в бегство, победители подвергли грабежу ханскую ставку, ордынские кочевья и земледельческие поселения на Средней Волге. В течение 26 дней находились войска Тимура в самом центре владений Орды, безнаказанно их опустошая. Однако закрепить свой успех в политическом отношении победителю не удалось. Ордынские мятежники во главе с Едигеем, сопровождавшие Тимура, не собирались менять одного сильного правителя на другого. После битвы на Кондурче они попросили отпустить их в улусы, чтобы привести те в подчинение Тимуру. Завоеватель согласился, допустив тем самым серьезную ошибку. Едигей и его сторонники, прибыв в свои улусы, срочно начали откочевку подвластного населения на недоступные окраины Орды и отказались вернуться к Тимуру. Тимур послал гонцов вдогонку за Едигеем, бежавшим от него с мангитами, с напоминанием о клятвах и обязательствах, но Едигей заявил: «Сроку нашего обещания тут конец»⁸.

В течение 1391–1393 гг. Тохтамыш восстановил свою власть над Ордой и стал готовиться к новой войне с Тимуром. Едигей и прочие противники хана заняли откровенно выжидательную позицию, скрываясь в дальних кочевьях и открыто пренебрегая государственными интересами Золотой Орды.

С битвы на Кондурче началась агония Золотой Орды как государства. Этого не могли не видеть на Руси. Московский князь Василий I, сын Дмитрия Донского, в 1391 г. находился в Орде и стал свидетелем, а возможно, и участником сражения у Самарской Луки. Русские летописцы говорят, что «князь Василий Дмитриевич утече у царя [хана. — Ю. С.⁹] за Яик» и лишь оттуда вернулся в Москву¹⁰. Такой дальний маршрут можно объяснить только одной причиной: князь со своей свитой находился непосредственно в зоне военных действий в Самарском Поволжье, где отряды Тимура перерезали все дороги, ведущие на Русь по Волге и через степь. Чтобы не попасть в плен, пришлось уходить окольным путем.

Правда, есть предположение, что под Яиком в данном конкретном случае имелся в виду Ик — приток Камы, за который Василий Дмитриевич бежал с московской ратью, отправившейся на помощь хану, но так и не вступившей в битву на Кондурче. Однако также бытует мнение, что уклониться от сражения русские воины, пришедшие с Василием Дмитриевичем, не могли и приняли в нем участие на стороне Орды. Проверить эти сведения, основанные на сообщении персидского биографа Тимура, не представляется возможным, так как русские летописцы об участии своих соотечественников в битве ничего не говорят. Скорее всего, московский князь прибыл к Тохтамышу не с «ратями» и «полками», а с вооруженной посольской свитой, в сопровождении которой смог уйти с места разгрома ордынского войска¹¹.

Трудное положение, в котором оказался Тохтамыш, было использовано Василием I для укрепления позиций Московского княжества. Из новой поездки в Орду в 1392 г. Василий Дмитриевич возвратился «многоу честь прием от царя, [...] яко же ни един от прежних великих князей не прият тако ни у которого царя чести»¹². Кроме торжественного приема московский князь получил от хана, всячески добивавшегося исправного поступления русских даней и лояльности Москвы в период подготовки новой войны с Тимуром, нечто более существенное — грамоты-«ярлыки» на ряд русских княжеств, в том числе Нижегородское, Тарусское, Городецкое, Муромское. С присоединением Нижнего Новгорода и других городов по Оке и Верхней Волге владения Московского государства достигли Среднего Поволжья. Создавался плацдарм для будущего присоединения этого региона к России. Именно ей в итоге предстояло обратить в свою пользу последствия великих битв на малых реках у границ Дикого Поля с Русью и Волжской Болгарией: на Непрядве в 1380 г. и на Кондурче в 1391 г.

В 1395–1396 гг. Тимур разгромил Тохтамыша на Кавказе и Нижней Волге. Его отряды вновь достигли Среднего Поволжья, грабя и разоряя все на своем пути. Это привело к голоду, гибели и запустению городов, нарушению торговых путей, обусловило общий упадок хозяйства в Улусе Джучи, Ограбленные захватчиками, угонявшими после каждого похода сотни тысяч голов крупного скота, овец, лошадей, рядовые кочевники в поисках пропитания отдавались в «покровительство», а точнее, в кабалу к крупным феодалам. В связи с упадком ханской власти, дальнейшим укреплением материального и политического могущества знати центробежные силы в Золотой Орде усилились.

После ухода армий Тимура начались бесконечные усобицы между Тохтамышем (а затем его потомками после гибели хана в 1406 г.) с одной стороны и Едигеем и его сторонниками — с другой. При этом обе группировки не отличались единством: тохтамышичи не останавливались перед убийством друг друга, Едигей нередко конфликтовал со своими же ставленниками — ханами. Насколько успешно удавалось ему

расшатывать в свое время золотоордынскую государственность, настолько безнадежными оказались его попытки сколь-нибудь прочного объединения осколков Орды под своей властью. В 1419 г. могущественный и тщеславный временщик погиб, а через два года в различных частях раздробленного Улуса Джучи одновременно на тронах восседали шесть ханов.

Распад Золотой Орды

В это время на Средней Волге происходит заметное передвижение населения. Спасаясь от нападений иноземных войск, набегов кочевников, которые ослабевшая ханская власть не могла предотвратить, земледельческое население оставляет давно обжитые земли Волжской Болгарии к югу от Камы. Запустевают в этот период и северные районы Самарского края в междуречье Черемшана, Сока и Самары. Здесь, на Левобережье Волги, безраздельно господствовали кочевники-ногайцы. Имя ногайцев, или ногаев, закрепилось за населением улуса потомков Едигея. Ногайское государство являлось одним из крупнейших осколков Улуса Джучи. Однако экономика, основанная на экстенсивном кочевом скотоводстве, предопределила политическую децентрализацию и аморфность Ногайской Орды. В ногайском обществе были сильны патриархально-родовые пережитки.

На более высокой ступени социально-экономического развития стояло другое государство Среднего Поволжья – Казанское ханство. Южная его граница с Ногайской Ордой очерчивалась весьма неопределенно, но подвластные Казани (хотя бы номинально) земли на левом берегу Волги доходили до Большого Черемшана, а на правом берегу – до реки Сызрани, то есть включали северо-западные районы нынешней Самарской области.

Образование самостоятельного Казанского ханства относится к 1437–1445 гг., когда на Средней Волге обосновался один из потомков золотоордынских ханов Улу-Мухаммед, откочевавший сюда со своим улусом после поражения в усобицах. Пришельцы из степи свергли в Казани местную княжескую династию и сделали город столицей нового ханства. Его рождение сопровождалось опасными набегами на русские земли. Так, в 1445 г. сыновья Улу-Мухаммеда захватили под Суздалем великого князя московского Василия II Васильевича и взяли с него огромный выкуп. Хотя в хозяйственном и культурном отношении население Казанского ханства сохранило наследие Волжской Болгарии, во внутривластном устройстве и во внешней политике это государство являлось прямым потомком Золотой Орды. Многонациональное население ханства, занимавшееся пашенным земледелием и бортничеством, охотой и рыболовством, ремеслом и торговлей, было обложено большим количеством податей в пользу хана и его окружения. Огромный аппарат чиновников, скопированный с золотоордынского,

грабил народ как официальными, так и самовольными поборами и вымогательствами. Однако казанской знати и этого казалось мало: за легкой добычей и наживой они устремлялись в набеги на чужие, прежде всего русские, земли. На Руси однозначно оценивали возникновение Казанского ханства. «И нача укреплятися вместо Золотыя Орды Казань — новая Орда, кровию русской кыпя. И пройде царская слава с старья матери ордам всем — на преокаянную дщерь младую Казань... От злаго дерева ветвь презыде — Казань и горький плод изнесе»¹³.

Казанское ханство в конце XV — начале XVI в.

В 1440–1460-е гг. распад Золотой Орды завершился. Постепенно осколки Золотой Орды сформировались в несколько более или менее устойчивых государственных образований: Большую Орду, Ногайскую Орду, Казанское, Крымское и Сибирское ханства¹⁴. Однако им было далеко до мощи и силы своей предшественницы. Как показали исследования, все они «получали возможность временной стабилизации уже на принципиально иной основе “седиментации” (оседания) в узловых пунктах контроля над пространством: на важнейших торговых путях, ведущих по крупным рекам в приморские части континента, на границах степи с земледельческо-лесной зоной оседлости и т. п.»¹⁵ Инициатива же объединения всего огромного евразийского пространства от Волги до Урала и далее на восток за столетие, начиная с «великой замятни» 1360–1370-х гг. и заканчивая последней неудачной попыткой Большой Орды удержать Русь под своим игом во время «Стояния на Угре» в 1480 г., перешла окончательно к Московскому государству.

Присоединение Поволжья к России

В противовес феодальному дроблению Улуса Джучи в XIV–XV вв. происходит усиление Московского княжества, собирание им русских земель, централизация власти в формирующемся едином Российском государстве. Московские князья смогли активизировать внешнюю политику по отношению к наследникам Золотой Орды, прежде всего к ближайшему соседу – Казанскому ханству. При этом в Москве принимали во внимание наличие среди казанской знати сторонников сближения с Россией, считавших, что доходы, получаемые с зависимого населения ханства и от торговли с русскими землями, представляют более надежный источник богатств, чем бесконечная череда военных авантур. Схожие настроения существовали и среди части ногайской аристократии¹⁶.

Московские правители охотно принимали на службу, щедро раздавали титулы и чины, земельные владения и жалованье аристократам, по разным причинам покидавшим Казань, впрочем, как и знатым выходцам из других частей бывшей Золотой Орды¹⁷. Поднимавшееся Российское государство надеялось использовать их в дальнейшем как проводников московской политики в ханстве, направленной на установление прочных мирных отношений между соседями.

Начиная с 1467 г. Иван III Васильевич неоднократно пытался утвердить на казанском престоле своего ставленника. Наконец двадцать лет спустя, 9 июля 1487 г., русские полки овладели казанской цитаделью, и великий князь всея Руси «из своей руки поставил» нового хана. Казань попала под протекторат Москвы, на восточных рубежах России после долгого периода почти постоянных столкновений наступило спокойствие. Однако московско-казанский союз оказался непрочным. Крупные казанские аристократы, наживавшиеся на войне, на грабеже чужих территорий, на торговле рабами из числа пленных, не оставляли попыток испортить отношения с Москвой. В 1497 и 1499 гг. они пытались с помощью ногайских и сибирских войск организовать дворцовые перевороты в Казани, а после их неудачи втянули самого хана в антирусские акции. В 1518 г. на ханский престол был возведен находившийся на русской службе татарский царевич Шах-Али (в русских источниках – Шигалей). Спустя три года произошел переворот, промосковски настроенный Шигалей был изгнан, правителем в Казань местная знать призвала родного брата крымского хана.

Как и все прочие антимосковские выступления в Казани, свержение Шигалея сопровождалось избиением и грабежом русских купцов. Узнав о погроме в городе, из ханства бежали тысячи русских рыбаков, которые летом приходили на Волгу, а осенью со своим уловом возвращались в Россию¹⁸.

Рыбакам пришлось бросить все имущество, в том числе ладьи, и уходить на Родину пешком через пустынную степь без запасов продовольствия. Тот же долгий изнурительный путь проделал и Шигалей

со своими приближенными. Изгнанный хан не решился отправиться в Москву прямой дорогой сквозь владения своих противников из татарской знати, а предпочел более безопасную круглую дорогу через временные поселки русских рыбаков в Поволжье.

1521 год резко изменил ситуацию на Средней Волге. Пришедшая к власти в Казани крымская династия совершенно игнорировала коренные интересы поволжских народов, заключавшиеся в установлении мирных отношений и развитии экономических связей с Русским государством. Вновь возобновились ежегодные набеги на русские земли, часто согласованные с вторжениями из Крыма. Обобщенную картину этих набегов рисует русская летопись: «Воевали Казанцы в те годы по украинам государя нашего... и много христианства погубиша и грады пусты сътвориша: Новгород Нижней, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, половину Володимеря, Шую, Юрьев Вольский, Къстрому, Заволжье, Галич со всем, Вологду, Тотьму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы и в многие лета»¹⁹.

Если эти набеги и обогащали верхушку казанской знати, то основная масса населения ханства страдала от постоянно увеличивавшихся поборов в пользу хана, его многочисленной приведенной из Крыма родни и свиты, от ответных ударов русских ратей по казанским владениям. Несколько раз в Казани вспыхивали восстания горожан, к которым примыкали феодальные группировки, оппозиционные крымской династии (1531, 1545–1546, 1549, 1551)²⁰. Московское правительство пыталось использовать эти выступления для возвращения на ханский престол Шигалея, но тому не удавалось удержаться у власти на достаточно долгий срок.

Наличие промосковских настроений среди части казанской знати было обусловлено реальными потребностями сближения народов Поволжья и России, содержало здоровое зерно мирного их объединения, но долгое время эти настроения не приносили плодов. Агрессивная политика казанских правителей, серьезные затруднения торговли по Волге, угроза собирания остатков Золотой Орды под эгидой Османской империи потребовали незамедлительно включить Поволжье в состав Российского государства вооруженным путем. Несмотря на явный перевес сил Москвы в начавшейся с середины 40-х гг. XVI в. новой большой войне, казанские феодалы раз за разом отвергали компромиссные варианты урегулирования, заключавшиеся в передаче престола дружественному России хану или в провозглашении ханом самого царя Ивана IV. Закономерным итогом авантюристской политики правителей ханства стала его полная ликвидация после похода русских войск и «казанского взятия» 2 октября 1552 г.

Падение Казани предопределило исход борьбы за Волгу. Под впечатлением этого события и вопреки грубому военному и дипломатическому нажиму Крыма и Турции Ногайская Орда признала зависимость от Москвы. С помощью ногаев в августе 1556 г. была присоединена и Астрахань²¹.

Таким образом, в 1550-е гг. в состав многонационального Российского государства вошло все Поволжье, благодаря чему со второй половины XVI столетия на юго-восточной окраине Европы «начались массовые миграции»²². Они вели к неуклонному и последовательному заселению благоприятных для земледелия, ремесла и торговли лесостепных и степных территорий оседлыми жителями. Защиту их труда и безопасности приняла на себя Россия, объединенная под рукою правителей Москвы и взявшая под контроль Великий Волжский путь с прилегающими к нему землями.

Историческое значение присоединения Поволжья к России трудно переоценить. Прекратились беспрерывные войны, разрушавшие хозяйство, экономику русского и поволжских народов, мешавшие торговле по Великому Волжскому пути. Утихли кровавые усобицы ханов и князей разных орд и улусов. Обороняя свои новые границы, Россия положила конец набегам степных кочевников на земледельческие районы Среднего Поволжья. Постепенно были созданы условия для хозяйственного освоения новых территорий в этом регионе, для продвижения на свободные земли русских переселенцев, которые принесли с собой более совершенные приемы земледелия и ремесла, в свою очередь обогащаясь производственным и культурным опытом народов Поволжья.

§ 2. ДО РУССКОЙ КРЕПОСТИ

Сохранились достоверные свидетельства о том, что русские люди эпизодически появлялись и даже селились на территории Самарского края еще в эпоху Золотой Орды. Возникает вопрос, насколько родственными являются существовавшие в те времена поселения с выявленным русским присутствием и отдельные современные населенные пункты. Например, одним из спорных вплоть до настоящего времени является вопрос об исторической преемственности построенной в начале правления царя Федора Иоанновича Самарской крепости и ранее существовавших на ее месте поселений. Только ответив на него, можно говорить об уточнении начальной даты основания Самары.

Практически нельзя доказать генетическую близость между археологическими памятниками, существовавшими в устье р. Самары до татаро-монгольского нашествия, и русской крепостью — городом. Единственное, что их объединяет — это территория размещения. Использование для таких построек средневековых «церковных» карт, так называемой Эбсторфско-Херефордской группы, как это делают некоторые исследователи, не дает положительного результата²³.

Сложнее обстоит дело с объектами, возникшими в эпоху Золотой Орды. Сохранился ряд косвенных свидетельств как отечественного, так и западноевропейского происхождения о том, что их можно связывать с пребыванием русских людей на территории этого государства.

Предание о «пророчестве» митрополита Алексия

В краеведческой литературе общим местом стало упоминание о посещении местности при впадении р. Самары в Волгу митрополитом Алексием в 1357 г., предрекшим основание здесь города. Эти и другие «факты» послужили основанием для периодически «всплывающих» утверждений о необходимости вести историю Самары как минимум с середины XIV в.

Первые, достаточно спорные, письменные свидетельства о существовании постоянного поселения с названием *Samar* в устье одноименной реки сохранились с середины XIV в. Возникновение и развитие его связывают с экономическим и политическим подъемом Золотой Орды. На берегах Волги, являвшейся осью огромного государства, шло активное градостроительство²⁴. Сама река была важнейшим торговым путем, соединявшим русские земли с Золотой Ордой, богатыми странами Востока и привлекавшим многочисленных купцов, дипломатов и путешественников. Их деятельность получила отражение в археологических и письменных источниках. К последним следует отнести описания путешествий, хроники и летописи, географические карты и т. д., имевшие русское, восточное и западноевропейское происхождение.

Русские летописи, «хождения» (или «хожения», как называли путешествия, совершаемые в религиозных или торговых целях) и другие источники содержат крайне скудные данные о Золотой Орде и сменивших ее Казанском и Астраханском ханствах. Лишь в немногих приведен перечень городов на территории Волжской Болгарии (вошедшей в состав Орды) или в низовьях Волги. Например, в описании «хожения» Афанасия Никитина (вторая половина XV в.) из волжских городов за пределами Руси указаны только Казань, Орда, Услан и Берекезаны²⁵. Встречаются также сведения о крупных промыслах русских рыболовов. Невнимание русских средневековых источников к многочисленным поселениям, возникшим во второй половине XIII – XIV вв. на берегах Волги, объясняется, видимо, их второстепенным значением в жизни Орды, спецификой текстов самих документов.

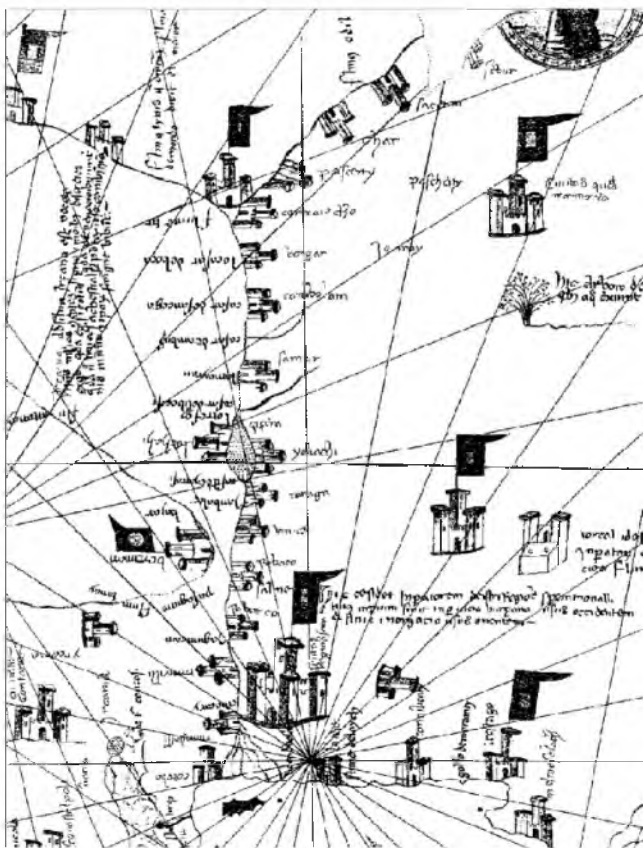
Не имеет под собой документальной основы и является всего лишь местным преданием факт встречи митрополита Алексия с отшельником в устье р. Самары и предсказания скорого основания нового города. В источниках, современных жизни и деятельности митрополита Алексия и последовавшей затем его канонизации, полностью отсутствуют указанные сведения²⁶.

Поселение *Samar* в западноевропейских источниках. Средневековая картография

Более информативными по данному вопросу являются средневековые западные источники. В последние годы появился ряд исследований, позволяющих интерпретировать их с позиций современной

науки²⁷. Конкретные сведения о Волго-Уральском междуречье появляются в Европе уже с середины XIII в. Европейцы получили их из сочинений путешественников к монголам – венгерских монахов-доминиканцев Юлиана, Рикардуса и других; дипломатов римского папы – францисканцев Плато Карпини, Вильгельма Рубрука, итальянского купца Марко Поло и его близких (отца и дяди) и т. д. Большинство из них относится ко второй половине XIII в. Памятники письменности XIV и XV вв. представлены более скудно.

Особую группу источников представляет средневековая картография. Выявлено значительное количество портоланов (компасных «карт портов»), а также основанных на их сведениях «карт мира» (mapra mundi). Но в большинстве случаев они весьма схематично изображают Волго-Уральское междуречье.

Поселение Samarg на портолане братьев Пицигани. Середина XIV в. Из кн.: Брун Ф. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Новороссийского университета. Одесса, 1872. Т. 8

Среди всей этой картографии европейского Средневековья следует выделить немногие источники, прежде всего портоланы, на которых вполне очевидно наблюдается стилизованное изображение Самарской Луки (А. Дульцера 1339 г.²⁸, Ф. и Д. Пицигани 1367 г., карта из Каталанского атласа 1375 г., «анонимное портолано XIV в.» и карта Джовани Леардо 1452–1453 гг.²⁹). Особо отметим две карты – портолан венецианцев Пицигани 1367 г. и карту мира монаха из той же Венеции Фра Мауро 1459 г.

Именно они содержат наиболее подробные сведения о городах и поселениях Золотой Орды. На этих картах на левом берегу Волги, в устье одного из ее притоков, указан объект Samar. Попытки многих ученых перевести многочисленные конкретные обозначения и правильно их истолковать в основном были обречены на неудачу из-за ошибочных методик, применяемых для изучения этих карт. Исследователи, не разобравшись в особенностях работы средневековых картографов, способах использования ими терминологии и условных обозначений для решения своих конкретных задач, пытались использовать и истолковать лишь отдельные конкретные названия или определить содержательную сторону локальных фрагментов карт. К тому же, работая с картой Фра Мауро, они используют не ее версию в первом в мировой практике издании Santarem'a, в последующем переиздании Археографической комиссии или в других вполне достоверных, на наш взгляд, публикациях, а «вожский» участок карты в упрощенных схематических версиях. Наиболее убедительный анализ таких ошибочных подходов в отношении средневековой картографии приведен в недавно вышедшей работе И.В. Волкова³⁰. Карты Пицигани и Фра Мауро при изображении конкретного региона Среднего и Нижнего Поволжья значительно отличаются друг от друга. Несомненно, Фра Мауро, будучи энциклопедистом, использовал всю совокупность бывших в его распоряжении портоланов и карт, в том числе и нам неизвестных.

На портолане Пицигани Samar находится в устье безымянной реки, впадающей в Волгу, слева при северной оконечности стилизованного изображения Самарской Луки (лат. *sisera*, т. е. «остров»). Вокруг этого «острова» и рядом с ним показан целый ряд поселений (по левому берегу Волги, южнее Samar – *yolachi*, по правому берегу – *lochahi*, которое исследователи отождествляют с Увеком) и обозначений определенных местностей (по правому противоположному берегу Волги – *lotresop*, *casar de libocosi*, напротив Samar – *lamaygam*). Отождествить эти обозначения на портолане с реально существовавшими во второй половине XIII – XIV вв. поселениями крайне сложно. Отметим лишь, что география района всей Самарской Луки и местности, где располагается современная Самара, на портолане дана чрезвычайно схематично. Очевидно лишь, что Samar находился на стрелке, образуемой Волгой и ее притоком (р. Самарой?), несколько севернее его устья. Характерно, что картографы указывают р. Самару (если это именно она) как первый приток Волги на левобережье с самых ее низовьев. Точно ло-

кализовать местонахождение Samar без серьезных археологических работ крайне трудно, если не невозможно. Изучавший портолан известный российский историк В.А. Кучкин считает, что название Samar указывает не на поселение, а на некий иной географический объект³¹. Все же более убедительным является утверждение, что под этим названием могло существовать сравнительно небольшое поселение, но отнюдь не крупное городище³².

Карта Фра Мауро выделяется из всей совокупности картографического материала своей высокой информативностью по отношению к Поволжью и Приуралью. Но ее часть, на которой изображено Среднее Поволжье, в том числе и интересующий нас район, выглядит более фрагментарно и поверхностно, чем у Пицигани. Она лишь частично совпадает с изображением, указанным на портолане. Не показаны Самарская Лука, большинство поселений и географических обозначений, ее окружающих. Только левобережье Волги изображено более реалистично. В истолковании этого участка можно согласиться с теми, кто считает, что показанные три рукава одной крупной реки впадающей в Волгу с востока, не что иное, как Большой Черемшан с находящимся в его устье поселением Sarabolon; река Самара (flum: chocesu) с поселением Samar (скорее всего, это отмеченный у Пицигани топоним Samar) и Иргиз (fl. hacsu çoe bianco) с поселением Lochahi (Увек – Укек), видимо, ошибочно нанесенным на левом берегу³³. Характерно, что напротив пункта Samar на другом берегу Волги показано еще одно поселение – Calmusi sara, а напротив Lochahi некое безымянное поселение. Ученые, предпринявшие ревизию карты Фра Мауро, переводят название chocesu с тюркского как «Голубая Вода», а fl. hacsu çoe bianco – с тюркского и итальянского «р. Белая Вода или Белая»³⁴.

При рассмотрении «самарского» участка этих двух карт создается впечатление, что они, совпадая лишь частично, в большей степени дополняют одна другую. Возможно, портолан Пицигани и являлся одним из источников для Фра Мауро, но далеко не единственным, а может быть, и не основным. Скорее всего, карта Фра Мауро отражает ситуацию, сложившуюся на Востоке Европы до начала походов Тимура (до 1391 г.), то есть этот портолан для данного региона к моменту своего появления выглядит устаревшим почти на 70 лет.

Таким образом, по данным этих двух источников, по обоим берегам Волги от устья Иргиза до Большого Черемшана, в том числе и в районе Самарской Луки, во второй половине XIII – XIV вв. существовало значительное количество поселений. Среди них выявляется некое селище (пристань) Samar в устье р. Самары. Видимо, сведения о многочисленных поселениях в районе Самарской Луки и устья Самары для составления портоланов Пицигани и других картографов, работы которых послужили основанием для карты Фра Мауро, были получены от информаторов, хорошо знавших этот район с его сравнительно небольшими населенными пунктами.

Более поздняя европейская картография (сложившаяся после появления карты Фра Мауро) конца XV – первой половины XVI в. (карты Мартина Вельдземюллера 1516 г., Баттиста Аньезе 1525 г., Герарда Меркатора 1538 г., Сигизмунда Герберштейна 1546 г., «Новая карта Московии» 1548 г.³⁵ и другие) при изображении Восточной Европы базировались, как правило, на сведениях русских или западноевропейцев, побывавших в России, но имевших довольно смутное представление о ситуации, которая существовала на Волге ниже южных границ Казанского ханства. Практически все волжские города и селища ниже устья Камы, вплоть до Астрахани, к этому времени запустели и перестали существовать. По крайней мере, картографические данные указывают только на существование Казани и Астрахани. Европейцев же привлекало прежде всего быстро растущее Московское государство³⁶. Территория бывшей Золотой Орды уже не являлась объектом торгово-промысловой экспансии, не представляла государственного или экономического интереса. В конце XIV – середине XV в. для Генуи и Венеции резко снижается значение восточной торговли, их колонии в Крыму и устье Дона приходят в упадок и перестают существовать.

Средневековые восточные источники о Южном Средневожье. Итоги изучения

В средневековой восточной литературе и картографии ниже городов Волжской Болгарии, на пограничье средней и нижней Волги, указан только Укек (Укек). У персидских авторов особое внимание уделено войнам Тимура и Тохтамышша. В повествовании Низам-ад-дин Шами о разгроме Тимуром войск Тохтамышша говорится, что Тимур «дошел до области Укек. По пути он перебил множество врагов и прижал вражеский Иль к берегу моря. С этой стороны были блестящие мечи, с той – безбрежное море, а враги пойманы между двух бед. Большую часть области врагов взяли (в плен), а некоторые, боясь мечей, бросились в воду. Токтамыш-хан с небольшим числом людей бежал, вошел в лес и спасся из их когтей. Разграбив всю ту область, (войска) взяли много добычи»³⁷. Об этих же событиях в районе Укека упоминают и другие авторы. Но ни Самарская Лука, ни поселения в ее окрестностях не попали в сферу внимания арабских, персидских и других путешественников.

Таким образом, из всей совокупности письменных источников в пользу наличия в устье р. Самары поселения Samar свидетельствует только итальянская картография. Соглашаясь с тем, что оно, видимо, существовало, отметим, что основали его ордынцы. Именно Золотая Орда полностью контролировала с середины XIII и вплоть до второй половины XIV вв. все процессы, происходившие на волжском побережье и в зоне кочевых маршрутов Заволжья.

Крайне сложно сопоставить Samar, указанный на портолане и карте итальянцев, с каким-либо из археологических памятников, выявленных на территории, занимаемой современным городом Самарой. Если

его интерпретировать как «город», то должны были сохраниться следы крупных культовых и общественных сооружений, многочисленный вещевой материал. Они обязательно выявились бы при застройке, в результате ветровой и водной эрозии почв. Находки, собранные к настоящему времени, единичны, локальны и не свидетельствуют о наличии в устье р. Самары такого поселения – городища. Может быть, следует идентифицировать Samag с Барбашинскими селищем и могильником, располагавшимися в районе Барбашинной поляны. Поселение заселялось в основном мордвой – мокшей и эрзей³⁸. Возможно, определенную часть его жителей составляли русские. Этот археологический памятник относится к XIII–XIV вв., и подобных ему много было на Самарской Луке и в ее окрестностях. Но поздние слои, относящиеся к XV–XVI вв., на них не выявлены. Видимо, следует согласиться с подтвержденным многолетними археологическими исследованиями утверждением современных ученых, что: «...преемственность поселений золотоордынской эпохи второй половины XIII–XIV в. и Самарской крепости 1586 г. ... не прослеживается»³⁹.

Пытаясь определить причины такого массового складывания постоянных поселений в начальный период формирования Орды, исследователи, как правило, приходят к выводу, что их создавали сами монголы, пригоняя и селя в местностях, стратегически важных для Орды, мордву, болгар, русских и т. д. Главная задача таких поселений состояла в обслуживании волжского транзитного пути.

В Золотой Орде широко использовался труд покоренного населения, и массовое переселение представителей побежденных народов было обыденным явлением. Целые кварталы со славянским населением имелись в ряде городов Золотой Орды⁴⁰. Самарская Лука и ее окрестности на Великом Волжском пути имела для монгольской знати весьма важное значение. Вокруг всей Самарской Луки по Волге и ее притокам сложился ряд населенных пунктов, в том числе и достаточно крупных. К ним следует отнести Междуреченское городище (здесь и далее используются современные названия, закрепившиеся в процессе археологических исследований), располагавшееся между современными селами Переволоки и Печерским на правом берегу Волги, Костычевское городище (на территории г. Октябрьска); селища у сел Березовка, Комаровка, Лбища, Печерские Выселки; Муранские селище и могильник, Кануевское селище и т. д. В результате работ 2007 г. археологами было открыто подобное поселение в районе Малой Рязани⁴¹. Состав населения всех этих памятников был полиэтничным, но определенную часть составляли русские. Отдельные археологические находки, обнаруженные на территории современной Самары, свидетельствуют, что здесь останавливались на кратковременные стоянки, а может быть, были также поселены на недолгое время русские люди⁴². Большое число сравнительно небольших поселений в одном локальном районе Самарской Луки и ее окрестностей предполагает наличие здесь центра провинции,

достаточно крупного (типа Увека — Укека) города Золотой Орды. Однако данных в пользу того, что это мог быть Samar, нет.

Неизвестно, кто жил в Samar, но по аналогии с другими археологическими памятниками района Самарской Луки конца XIII — XIV вв. можно считать, что его население было полиэтничным и состояло из болгар, мордвы, русских и представителей других народов Восточной Европы.

Распад Золотой Орды, постоянные усобицы, походы Тимура в Среднее Поволжье привели к запустению и гибели многих поволжских «городов», в том числе и Samar, сведения о существовании которого в данный период отсутствуют. Однако в самарском и саратовском Поволжье и в эти тревожные годы время от времени возникали сезонные поселения рыболовов. Первое упоминание о действительно крупных русских сезонных рыболовецких промыслах в Южном Средневолжье встречается под 1521 г. в «Казанской истории». Эти и другие данные свидетельствуют, что в первой половине XVI в. волжские воды к югу от Самарской Луки и почти до возникшего позднее Саратова являлись крупным промысловым районом. Русские рыболовы в течение промыслового сезона, несомненно, должны были создавать для себя в укромных, скрытых от глаз кочевников местах временные поселения, станы и т. д. По всей видимости, они могли появляться и в районе Самарского урочища.

§ 3. КОЧЕВАЯ СТЕПЬ

Ногайская Орда. Государственный строй

На протяжении столетий подлинными хозяевами Самарского Поволжья были степные народы. Во второй половине XVI — первых десятилетиях XVII вв. южнее рек Самары и Кинеля находились окраинные кочевья и охотничьи угодья ногаев, севернее — башкир. Для этих народов земли Самарского края были дальними летними пастбищами.

Ногайское государство, являвшееся одним из осколков Золотой Орды, возникло в конце XIV — начале XV в., а окончательно сформировалось в 40-х гг. XVI века. Его территория раскинулась на огромном пространстве от Северного Прикаспия и Приаралья до Туры и Камы и от Волги до Иртыша. В «Книге Большому Чертежу», первом систематическом описании России конца XVI столетия, говорилось, что «от верху реки Бузувлука, на полях и до Синева моря, кочевье все Больших нагаев»⁴³.

Этническая история жителей Ногайской Орды начинается с эпохи Золотой Орды. В нее входили самые различные народы, но основу составляли мангыты и кунгтаты (со II половины XV в. — ногаи), кипчаки, башкиры, а также другие тюркоязычные племена⁴⁴. Они появились в восточноевропейских степях в середине XI в., были покорены мон-

голами и составили основной этнос Золотой Орды. Историки до сих пор спорят, каково происхождения этнонима «ногаи». Длительное время господствовало мнение, что в его основе лежит имя правителя Золотой Орды конца XIII в. Ногай, подданные которого и основали Ногайскую Орду. Однако название «ногаи» появляется в исторических источниках значительно позднее, только с конца XV в. Да и сами ногаи своими предками и первыми правителями считали совсем других людей. Не совпадают эти два государственных образования и географически. Владения беклербека (высший чин в Орде после хана) Ногай находились в Западном Причерноморье, а Ногайская Орда складывалась в Западном Казахстане и на Волге.

По всей видимости, антропоним «Ногай» был не собственным именем их предводителя, а клановым. Слово «ногай» у половцев означает собака, и можно предположить, что собака была тотемным животным у мангытов. Отсюда и их имя, которым мангытов называли обычно половцы из других кланов. Так, например, спустя столетие окружение хана Тохтамыша именовало приверженцев другого влиятельного хана половецкой степи — Едигея. Сами же ногаи называли себя мангытами, а государство свое — Мангытским Улусом. Имеются и другие версии происхождения этого названия⁴⁵.

Слияния всех этнических групп — кочевых орд — в единую народность у ногаев так и не произошло. Образовался лишь весьма непрочный союз из почти двух десятков различных тюркских и монгольских племен: мангытов, найманов, кипчаков, киятов. Английский путешественник А. Дженкинсон, посетивший Ногайскую Орду в 1577 г., писал: «Они распределялись на отдельные группы, называемые ордами. Каждая орда имеет своего правителя, называющегося мурзой, которому они повиновались как своему королю. Каждый мурза, или король, имел около себя орду как своих подданных, с их женами, детьми и скотом»⁴⁶.

Громадное по территории, весьма значительное по населению (по подсчетам В.В. Трепавлова, общее население Орды составляло в середине XVI в. от 700 тысяч до 1 млн чел., но затем оно начало резко уменьшаться до 80–120 тысяч в 1620-е гг.)⁴⁷, это государственное образование являлось аморфным, раздробленным, отсталым. Крайне primitивно был организован государственный аппарат управления. Во главе государства находился князь-бий; ему помогали избираемые на съезде всех мурз высшие правительственные чиновники — нурадин (обычно родной брат князя), кековат, тайбуга. В случае смерти князя его преемником на престоле становился нурадин. У правительства Орды практически не было постоянной резиденции. По поводу единственного города Сарайчука (Сарайчик по русским источникам) мнения наблюдателей времени существования Ногайской Орды и современных историков расходятся. Одни считают его действительно столицей, имеющей особое сакральное значение, другие представляют полупустынным,

незастроенным местом, где находились только мечети, несколько зданий, тюрьма и кладбище.

Избранные на высшие должности мурзы считали себя равными своему князю, самостоятельными государями. Все важнейшие вопросы решались на съезде мурз, предводителей отдельных орд. Последние, признавая князя «старшим братом», клялись слушаться «дядено слово», по существу же на территории кочевий, в своих ордах, проявляли неограниченную власть. Недаром ногайские князья и нурадины так часто жаловались Москве на своеволие своих мурз. Например, Измаил, ставший князем в 1555 г., из года в год просил Ивана IV поставить городок-крепости у волжских переправ для того, чтобы непокорные мурзы не могли уходить за Волгу, принимая подданство Крымского ханства.

Ногаи и Россия

История государства ногаев после окончательной консолидации оказалась недолгой. Традиционно связанная с Казанью и Астраханью ногайская знать не могла остаться равнодушной к крушению своих давних союзников; в ее среде произошел раскол. Часть мурз, кочевавшая в заволжских степях и возглавляемая нурадином Измаилом, решила покориться Москве. Мнение этой промосковски настроенной знати наиболее четко выразил один из ногайских князей, писавший позже турецкому султану: «Чтобы турецкий султан на Уруса князя и на всех мурз не пенял, что учинилися в воле государя московского, чья будет Астрахань, Яик и Волга, того будет и вся Ногайская Орда»⁴⁸. Князь Юсуф, более связанный с Бухарой, и мурзы, кочевавшие за Яиком, решили активно противостоять русской экспансии. Два родных брата избрали путь открытой конфронтации, опасно расшатывающей и без того непрочное государственное образование. Но в 1555 году Юсуф внезапно умер и ногайским князем стал Измаил. Перелом в отношениях между Ордой и Россией наступил спустя три года, когда ногаи окончательно признали свое подданство; изменилась и формула обращения в грамотах Измаила к Ивану Грозному: ранее русский царь именовался «братом», хотя и старшим, после 1558 г. появился новый титул — «государь».

И все же Измаилу не удалось сохранить в единстве свои обширные владения. Страшный голод 1550-х гг. привел многие кочевья в запустение, а мурзы со своими ордами бежали куда глаза глядят из высохшей степи. Необычайно суровые зимы того времени, морозы и метели не позволили скоту добывать корм из-под снега, а стойлового скотоводства ногаи практически не знали. Князь А. Курбский писал: «Улусы ногайские, прежде многолюдные, богатые, опустели в жестокую зиму 1557 года, скот и люди гибли от несносного голода». На месте одного государства возникло сразу три: Алтыулский улус, кочевавший за Яиком у берегов Аральского моря; Казыев улус, или государство Малых нога-

ев, обосновавшийся в Прикубанье; Большая Ногайская Орда, занявшая степи между Волгой и Яиком.

Тин-Ахмет, сын Измаила, княживший после смерти отца с 1563 по 1578 г., прежде всего был озабочен тем, чтобы хоть в какой-то мере восстановить былое могущество теперь уже Большой Ногайской Орды. Он избегал конфликтов с могучим западным соседом и остерегал от этого своих мурз.

Более независимую политику по отношению к Москве проводил преемник Тин-Ахмета, его брат Урус. Ко времени его вокняжения Орда оправилась от тяжелых испытаний, численность населения начала увеличиваться. Вдобавок к Урусу поступали сведения о сложной ситуации, в которую попали русские войска в Ливонии и на западных границах.

В конце 60-х – начале 70-х годов XVI столетия Турция и Крым предприняли попытку восстановить Казанское и Астраханское ханства и даже ликвидировать самостоятельность Российского государства. Над страной нависла вполне реальная угроза потери национальной независимости. Практически с этого времени, несмотря на поддержание дипломатических отношений с Москвой, кочевая знать переходит в ряды ее противников и начинает необъявленную войну против русских окраин. Потому-то ногайский князь так гордо вел себя, встречаясь с русскими послами. В 1578 г. на приеме московского посольства Урус без лишней дипломатии заявил: «Государь твой на Москве, а яз государь в ногаях, на свои земель»⁴⁹. В 1579 году, когда русские войска потерпели тяжелейшее поражение на западе от армии польского короля Стефана Батория, ногайский князь обратился к «черемисе» с призывом, чтобы она «подымалась» на войну и сам начал подготовку к нападению на мещерские и рязанские места.

В 1580 г. Урус собрал своих мурз и открыто обсуждал вопрос о нападении всей ордой на окраинные земли Московского государства. Однако аристократия заняла гораздо более реалистичную позицию. По словам русских послов, «ногайские мурзы его с лошадей ссадили, говоря между собой: «Только дай государям воевати, в их земли будет во всем убыток»⁵⁰. Единого похода на запад так и не состоялось, хотя отдельные отряды изредка предпринимали стремительные набеги на «Алатырские и Темниковские окраины» или ходили на южнорусские и украинские земли вместе с крымскими ханами. Еще более обострились русско-ногайские отношения в 1581 году, когда только из улуса мурзы Тинбая ходило на Русь до 8 тыс. человек, а всего в нападениях участвовало, судя по царской грамоте, до 25 тысяч ногайских всадников.

Однако все попытки Крыма организовать единый с ногаями поход на Москву, чтобы сокрушить Россию, восстановить ее зависимость от кочевников, не встретили одобрения у местной ногайской знати.

До середины 1580-х гг. у Москвы основным средством для умирения и устрашения непокорных мурз были волжско-яицкие казаки. О вольном казачестве, специфике его государственной службы, способах

давления на кочевников будет рассказано ниже. Здесь же выделим главное — волжская вольница вполне справлялась со своими обязанностями. Крайне редко регулярные русские войска предпринимали походы против ногаев.

На сторожевой границе Московского государства. Худ. С.В. Иванов

И все же московское правительство старалось поддерживать мирные, добрососедские отношения с ногайскими феодалами; с помощью подарков и льгот использовать их вооруженные силы на своей стороне. Москва выступала как бы посредником между казаками и ногаями, лицемерно заявляя, что она прежде всего стремится оградить ногайские кочевья от казачьих набегов. С этой же целью, заверяли русские послы Орду, в 1586 г. были построены на реках Волге и Белой крепости Самара и Уфа. Прошло то время, когда Измаил сам просил строить города на волжских берегах. По мнению же Уруса, сторожевые укрепления ставились прежде всего с целью отнять у ногаев Волгу и Самару. Ногайский князь в гневе грозился сжечь города, но далее угрозы, к счастью, не пошло; позже ногаи не раз пытались опереться на воевод новопостроенных городов-крепостей в своей затяжной борьбе с казачьими станицами. Строительство городов на Волге, казачьего Кош-Яицкого городка на Яике и сокрушительное поражение ногайских отрядов под стенами казачьей крепости осенью 1586 г. окончательно поставило Орду в зависимость от России, подорвав последние остатки сепаратизма.

Влияние Москвы еще более упрочилось в конце XVI в. По сообщениям московских послов, ногайские князья и мурзы были «во всей государеве воле, служили государю и на службу дети своих и братьев посылали, куда государь велит посылати»⁵¹. К концу XVI в. Большая Ногайская Орда настолько признала свое подданство России, что в 1600 г.

бия Больших Ногаев Иштерека не избрали, как это полагалось по традиции, мурзы, а посадил на престол воевода Астрахани.

Ситуация изменилась в эпоху Смуты. Гражданская война в России привела к тому, что контроль над Волжским Понизовьем на долгие годы был утерян. Фактически враждебную позицию по отношению к России заняла Большая Ногайская Орда. В 1614 г. князь Иштерек обратился к Турции с просьбой о подданстве. Набеги ногаев на русские окраины не прекращались до 1617 г. По мнению историков, Орда вернулась в подданство России только осенью 1616 г. (в 1617 г. набегов кочевников уже не отмечалось).

Ногайская государственность в заволжских степях рухнула в первой трети XVII в., когда в междуречье Волги и Яика пришли с востока, из Монголии, новые кочевые орды, на сей раз калмыков. В поэтапных сражениях они наголову разбили ногаев, часть из которых бежала за Волгу в Причерноморье, а остатки подчинились новым завоевателям. С этого времени ногаи Большой Ногайской Орды практически перестают упоминаться в русских источниках.

Общественные отношения, хозяйственные занятия и образ жизни

На всем протяжении своего формирования ногайское общество находилось на довольно примитивной стадии развития. Оно не вышло за рамки раннего феодализма, причем в общественном устройстве наблюдались значительные пережитки родоплеменного строя. Подавляющее большинство ногаев принадлежало к категории «черных людей» (кара халик), которые представляли собой нечто вроде полусвободного феодального крестьянина. Они во всем подчинялись «лутчим людям», должны были нести две основные повинности — натуральную и служебную. Какаш и Тектандер так описывали эти повинности черных людей: «...поочередно снабжают своих мурз или князей всем необходимым, доставляют им все изобилия продуктами скотоводства»⁵². Определенной монолитности, единству внутри отдельных орд способствовала неразвитая общественная дифференциация. Более низкая категория населения «кул», нечто вроде крепостных или полупатриархальных рабов, была сравнительно невелика и не оказывала какого-либо серьезного влияния на хозяйственную и общественную жизнь.

В середине XIV в. население Золотой Орды, в том числе и ногаи, приняло в качестве государственной религии ислам. Однако насколько он укоренился среди ногаев, трудно сказать. По всей видимости, они исповедовали суннитскую ветвь ислама. Как писали об их религиозных обрядах иностранные путешественники, «они исполняют обряды не персов, а турок»⁵³.

Основу хозяйства ногаев составляло кочевое скотоводство, а основным видом собственности являлись скот и кочевья. Обширная степь была поделена между ногайскими ордами и их властителями мурзами

на строго ограниченные участки площадью в десятки тысяч квадратных километров. Суровое время года орды проводили в низовьях Волги, в прикаспийских степях, а «летовать» поднимались на север к Самаре, Кинелю, Большому Иргизу⁵⁴.

Например, в непосредственной близости от будущего Самарского города «на реке Самаре, Кениле и на Кенильчеке» в середине 50-х гг. XVI в. находились кочевья ногайского мурзы Белик-Булата. По-видимому, русских послов трудно было удивить ногайскими обычаями. А вот западноевропейцев они настолько поразили, что те оставили многочисленные описания. Тот же Дженкинсон писал: «У ногаев нет ни городов, ни домов, а живут они в открытых полях... Когда скот съест всю траву, они перекочуют в другое место. По преимуществу это народ пастушеский, владеющий множеством скота, составляющего все его богатство. Они едят много мяса, главным образом конину, пьют кумыс...»⁵⁵ И действительно, из всех народов, входивших в Золотую Орду, ногаи более других оставались верны завету Чингисхана «езде кочевать, никогда не сделаться оседлыми». На вопрос путешественников, почему у них нет городов, ногаи отвечали: «Башню строит тот, кто труслив»⁵⁶.

Ногайская арба. Фрагмент гравюры из «Крымского альбома» РГО. Из ст.: Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Спец. вып. V. Ч. II. URL: http://www.milhist.info/spec_5

Основным мерилom богатства ногаев являлся скот: лошади, верблюды, коровы, овцы. У простых кочевников виды скота соотносились обычно следующим образом: 1 лошадь – 1 корова – 6–7 овец. Для жизни 1 семье хватало 50 голов скота, зажиточные семьи имели 100, а богатые – 1000 и больше. Верблюдов было немного, и применялись они в основном для перевозки колесных кибиток⁵⁷. Еще один внимательный наблюдатель Жан-де-Люк писал: «Скота у них было много. Когда я был

у них, меня повел в дом один мурза, у него я спросил, и из ответа оказалось, что у него более 40 000 голов скота»⁵⁸. Скотоводство выступало также поставщиком продукции, полуфабрикатов для всех остальных отраслей, вплоть до ремесла. Ногаи не занимались земледелием, не сеяли и не жали; многие из «черных людей» никогда не пробовали вкус хлеба, а на далеких окраинах орды даже не слышали о нем. Скотоводство давало кожу и шерсть для одежды и обуви, шкуры и войлок для домов, предметов домашнего обихода и вообще служило главным предметом торговли и обмена.

Ежегодно на Русь из ногайской степи направлялись громадные табуны скота — лошадей и овец в десятки тысяч голов. Частично табуны распродавались на торгах у пограничных городов — Астрахани и Казани, но в основном отправлялись в Москву, на специальное торговое место для ногайского скота. Торговля с русскими оказалась для ногаев жизненно необходимой. Желая наказать ногайских мурз за очередной набег, московское правительство запрещало торг с ними в пограничных городках — Самаре, Царицыне, Саратове. Тогда ответные ногайские посольства везли в Москву слезные просьбы и жалобы на оскудение, на местных воевод, запрещавших торговать, и т. д.

Татарин. Малоизвестный рисунок Альбрехта Дюрера начала 1500-х гг.

Если со стороны Орды основным предметом продажи был скот, то из России торговали и привозили в «подарки» сукно, панцири, олову, ртуть, шафран, «платья всякие», холсты, «крашенье», пищали, пушки и «всякого железного медного товара»⁵⁹. Кочевники предпочитали в основном натуральный обмен, деньги не имели широкого хождения, а золото и серебро использовались обычно для украшений. Велико было значение «подарков», причем, как правило, с одной стороны — из России. Потому-то ногаи требовали ежегодных посольств из Москвы, да не только к князю или нурадину, но и персонально к каждому мурзе. Поток «подарков» можно сопоставить с определенными откупными платежами — за послушание, за посылки воинских людей на государеву службу и т. д. Россия, ведя изнурительную войну на западе, особенно

нуждалась в использовании ногайской конницы. Несмотря на раскол единого государства, даже одна Большая Ногайская Орда могла выставить в конце 1570–1580-х гг. до ста тысяч конных воинов.

Любопытно снаряжение ногаев, собиравшихся в поход. По приговору князя и мурз «лучшие» люди должны были каждый иметь по два-три верблюда, а «худые» — по три овцы. Кроме того, каждый брал «крупу», сколько мог поднять.

За всю вторую половину XVI в. неизвестно случая, когда бы Орда выставляла разом всю огромную массу своих вооруженных сил. Даже во время известного сражения 1586 г. под стенами Кош-Яицкого городка Урус смог привести с собой лишь нескольких мурз с их воинскими людьми. На запад же, на русскую службу, обычно каждую весну отправлялись сравнительно небольшие отряды из отдельных орд, составлявшие малую часть боеспособного населения. Одним из мест на Волге, где эти отряды переправлялись на западную правобережную сторону, являлись «перелазы» Овечьего брода у Соснового острова, неподалеку от современного Хвалынска, или еще одни под современным Октябрьском. Воеводы вновь построенных волжских городов были в курсе всех таких посылок и давали своих сопровождающих для ногайских отрядов, посольств, торговых караванов.

Башкиры

С ослаблением ногаев на юго-запад в Заволжье стали расширяться охотничьи и кочевые угодья другого тюркоязычного народа — башкир. Основная область расселения башкир находилась северо-восточнее, на лесных и лесостепных пространствах собственно Башкирии. По рекам Ик, Мензеля, Зай располагались их крайние юго-восточные селения, а по Соку, Самаре, Б. Черемшану, верховьям Кондурчи и Кичуя — пастбища, охотничьи угодья, места «бобровых гонов»; территории, природные богатства которых эксплуатировались «наездом», время от времени. Постоянных поселений башкир на территории Самарского края во второй половине XVI — XVII вв. не существовало. Однако в документах того времени сохранился целый ряд известий о закрепленных за башкирами в качестве вотчинных угодьях по рекам Соку, Б. Кинелю, Самаре.

Башкиры, в отличие от ногаев, не смогли создать своей государственности. Имея сравнительно небольшую численность — в конце XVII в. все мужское население у башкир составляло 25–30 тыс. человек, — они к моменту присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России пребывали в вассальной зависимости от Ногайской Орды. Поэтому переход в подданство Москвы полупатриархально-полуфеодальной знатью Башкирии рассматривался как освобождение от подчинения ногаям⁶⁰. Процесс переговоров и обсуждения условий с представителями различных башкирских племен занял несколько лет и успешно завершился к весне 1557 г.⁶¹

Согласно преданиям, после присоединения Казани в башкирские селения приехали царские послы с жалованной грамотой Ивана IV. В грамоте говорилось: «...пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи»⁶². Видимо, миролюбивая «агитация» послов и возможность найти более сильного покровителя сделали свое дело. Весной 1557 г. воевода П.И. Шуйский сообщал, что к нему в Казань «башкирцы пришли, добив челом и ясак поплатили»⁶³.

Как и в отношениях с ногаями, русская администрация поначалу вела себя с башкирами крайне осторожно. Гарантировалась собственность башкир на их земли и кочевья, внутреннее самоуправление, защита от более сильных соперников, «свобода» вероисповедания. Башкиры, в свою очередь, использовались для борьбы с другими кочевыми ордами, их отряды постоянно уходили на царскую службу⁶⁴. Только во второй половине XVII в., когда началось активное наступление на башкирские промысловые угодья, отношения между башкирами и русской администрацией стали портиться.

§ 4. ВОЛЖСКО-ЯИЦКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Казачество в средневековой истории России

Распад Золотой Орды, запустение былых кочевий создали на обширном лесостепном пространстве межграницья между Московским государством и отдельными ханствами (Крымским, Казанским, Астраханским, Ногайской Ордой) широкую, в сотни километров, полосу ничейной земли, на которую не простиралась власть ни московских воевод и приказных людей, ни татарских ханов и их мурз. В этих относительно безопасных районах скапливались «гулящие» люди, уходившие от феодального гнета, излишней государственной регламентации⁶⁵.

Казачество не было порождением чисто русского (или украинского) общественного быта. Только значительно позднее, не ранее середины XVII в., классические казачьи сообщества становятся заметным явлением русской и украинской жизни, с особо выраженными специфическими чертами. А в первой половине — середине XVI в. о казаках Поля (так в средневековой Руси называли пространство кочевий степняков) едва ли можно было сказать точнее, чем московские власти, отвечавшие на упреки ханов Ногайской Орды: «...на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаков, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди как вам тати и разбойники, и на лихо их никто не учит, а учинив которое лихо, разъезжаются по своим землям»⁶⁶. Поначалу значительную часть, если не большинство, этих вольных людей составляли отколовшиеся от своих орд крымцы, ногаи, казанцы... Сами термины «казак», «есаул», «атаман» тюркские по происхождению.

В русских источниках того времени упоминаются, как правило, «мещерские» казаки. Это были в основном перешедшие на службу Москвы татары⁶⁷. В 1551 г. посол в Ногайскую Орду П. Тургенев докладывал о письме «турского царя» к Исмаилу, в котором тот писал: «Да царя же деи Ивана казаки у вас Волги оба берега отнели... пришед, городетцкие казаки в улусы ваши воевали...» Но и «государевы» казаки нередко вели себя как не подчинявшаяся никому вольница. Русский посол Савастьян (Авраамов) сообщал из Астрахани: «А гости, государь, многих земель хотели с нами в Казань и к Москве ити. И они, государь, блюдутца государя нашего казаков»⁶⁸. Одно из самых ранних упоминаний о появлении казачьих отрядов на Средней Волге относится к 1551 г., когда тот же Савастьян жаловался, что на его караван «против Иргизского устья, в стругах пришел князь [?] Василий Мещерский да казак Личюга Хромой, путивлец»⁶⁹.

В Казанском «взятии» значительную часть московской армии составляли казаки. Судя по Патриаршей (Никоновской) летописи, в походе на Казань в 1552 г. они входили в отряды, направляемые из многих русских городов: «А из Новагорода из Нижнего велел государь итти изгоном на Казаньской посад князю Петру Серебряному, а с ним дети боярские, и стрельцы, и казаки... да сверху Волгоу государь прислал многих казаков, а велел стати по всем перевозом...»⁷⁰ Но самый значительный отряд казаков пришел к Казани из Мещеры: «А из Мещеры послал государь Подем пеших казаков на Волгу Севергу да Елку, а с ними 2500 казаков, а велел им, пришедши на Волгу, суды поделати да поити вверх по Волге воевати Казаньских мест»⁷¹. Во всех этих случаях речь идет прежде всего о государевых казаках – служилых татарах и других. Характерно, что казаки атамана Северги до похода на Казань в 1551 г. использовались Москвой для организации переправ через Волгу в районе р. Самары⁷².

То же самое можно сказать и о походах русских войск на Астрахань в 1554 и 1556 гг. Но именно с этого времени в источниках все чаще появляются сведения о «воровских» казаках. Как раз для борьбы с ними на волжскую Переволоку и «против Самарского устья» были посланы отряды Л. Филимонова и С. Кобелева («А велели есмь с Волги казаков всех сослати, чтоб вашим улусом обиды не было. А которые казаки с Волги не пойдут, и мы тех велели, изымав, казнити»⁷³). О многочисленности и силе вольницы свидетельствует то, что они смогли разгромить служилых казаков Филимонова, а затем ограбили судовую рать Е. Ржевского, шедшую из Астрахани⁷⁴.

После присоединения Казани в дипломатических отношениях между биями Ногайской Орды (Большой Ногайской) и Москвой упоминания о казачьей вольнице на Волге становятся постоянными. С этого времени поток беглых с севера начинает преобладать, и вскоре подавляющее большинство казаков оказывается выходцами из России и с Украины. На территориях фронта – пограничья – возникает

и интенсивно развивается своеобразная «речная», а не степная, как раньше, вольница. Местами ее обитания становятся крупнейшие реки Юго-Востока Европейской России и их притоки – Дон, Волга, Урал (Яик), Терек. «Русские» казаки крайне редко садились на коня. В первом же конном бою с кочевниками они потерпели бы поражение. Главным средством передвижения для вольницы стали струги, челны, чайки, а основные пути сообщения пролегали по рекам. Казачьи станицы прятались на речных островах и лесистых мысах, оседали в труднодоступных местах. Заниматься привычным по прошлой жизни земледелием они не могли: засеянное поле, постоянное жилье находились под ежедневной угрозой нападения кочевников. Поэтому ловили рыбу, охотились; промышляли набегами, грабили своих кочевых соседей, торговые караваны. Такие разбойничьи предприятия становятся частью хозяйственной жизни вольницы, способом выживания в чрезвычайных условиях фронта⁷⁵. В 1604 г. бий Большой Ногайской Орды Иштерек писал Борису Годунову: «Токо бы казаки на улусы приходили сухим путем, и он бы над казаками умел промышляти. А то де казаки приходят на них водяным путем, в розни многими людьми... а на воде над ними промыслу никоторого не умеет учинить... И быть им [*ногаям*. – Э. Д.] от казаков в великом разоренье. А уберечись от казаков никоим обычаем нельзя, потому что казаки многие. А приходят разными протоками и многими людьми, по двести и по триста и более человек»⁷⁶.

Самые ранние казачьи общины состояли из одних мужчин. Однако постепенно, видимо, уже с XVII в., холостая жизнь для казаков перестала рассматриваться как обязательная. На Дону, Яике и Тереке в казачьих общинах начали появляться семьи.

Как правило, в дореволюционной отечественной литературе казак XVI–XVII вв. рисовался совершенно анархической фигурой, чьей всепоглощающей потребностью было стремление к разгулу, грабежу и насилию⁷⁷. Суровая, полная лишений и опасностей жизнь способствовала воспитанию свободолюбия, высоких воинских качеств. Казачьи сообщества оказались невосприимчивыми к «нормальному» огосударственному строю жизни, солидарными и упорными в защите своих порядков. Появление вольного казака на государевой земле обязательно приводило к беспорядкам. Примером этого, по мнению историков XVIII – начала XX вв., явились такие мощные социальные конфликты, как Смутное время, Разинщина и Пугачевщина. Вряд ли подобное мнение полностью соответствует исторической действительности, но в силу своего положения и образа жизни казачество гораздо острее чувствовало любое социальное насилие и, как могло, сопротивлялось ему. Вольные казаки всеми силами защищали свою независимость и внутреннее самоуправление, но практически во все времена не могли жить без сотрудничества с представителями правительственной администрации, без присылок из Москвы «хлеба, свинца, зелья». По справедливому замечанию российского историка Н.И. Никитина, на протяжении все-

го периода, по крайней мере до второй половины — последней четверти XVII в., внешняя сторона сношений русского правительства и казаков выражалась в форме, более похожей на отношения между независимыми самостоятельными государствами. Однако это была только внешняя сторона отношений. Казачество, хотя и завуалированно, едва ли не с самого своего появления состояло на государственной службе. Но служба была вольная, со своими особенностями⁷⁸. Хотел — служил, хотел — воевал, не желал — уходил в свою станицу домой. Отголоски такой вольности были живы у казаков еще в конце XVII века. Именно за самовольный уход с «царской» службы казнили старшего брата знаменитого Степана Разина — Ивана.

Уже в конце XVI — начале XVII в. казачество разделилось на две группы. Первая — вольные казаки, вторая — служилые, ставшие одной из традиционных категорий служилого военного населения «по прибору». По свидетельству француза Жака Маржерета, число служилых казаков по всей стране составляло от пяти до шести тысяч человек, в то время как «настоящих» на Волге, Дону и Днепре насчитывалось никак не менее восьми-десяти тысяч⁷⁹.

Исследователи считают, что во второй половине XVI в., когда крупные казачьи сообщества на Волге, Дону и Яике только-только начали формироваться, такого обособления, как в более поздние времена на донское, волжское, яицкое казачество, не существовало⁸⁰. Соединенные целой сетью волоков-переволок, как их тогда называли, эти три речные системы в пределах степи и лесостепи оказались колыбелью для возникновения огромной казачьей области, единого сообщества. До конца XVI в. московские приказные люди постоянно путались в терминологии, чаще всего употребляя такие названия для казаков, как «волжские» и «донские». Да и сами казаки считали все обширное лесостепное пространство от Яика до Дона своей единой родиной. Только в самом конце века, когда правительство, обеспокоенное столкновениями и грабежами на Волге, поставило в ее среднем и нижнем течении города-крепости Самару, Царицын и Саратов, эта казачья область оказалась насильно разорванной. Формирование крайних ее крыльев на Дону и Яике пошло обособленно, на Волге вольное казачество вскоре прекратило свое существование. Но еще долго казачьи станицы «ходили» друг к другу в гости, а Волга оставалась всеобщим излюбленным местом для поиска добычи. Порой сюда даже забредали отряды черкас — украинских казаков.

Возникновение волжской вольницы. Казаки на Волге в 1570-х — начале 1580-х гг.

Территория Самарского Поволжья во второй половине XVI в. являлась одним из районов складывания русского казачества. Этому способствовали помимо геополитических и экономических причин природные условия — Самарская Лука с ее глухими лесами и горами,

укромные пойменные острова, Волжский торговый путь. Чрезвычайно важным условием явилось наличие двух речных систем — Самары и Большого Иргиза, по которым через волоки можно было легко добираться с Волги на Яик и обратно. В одном из документов того времени так описывается дорога с Яика на Волгу: «...с Еика на Иргизские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левые стороны»⁸¹. Исследователь А. Мякутин писал в начале XX века, что на территории нашего края как бы замыкаются два громадных водных кольца, позволявших казакам легко уходить от погони и внезапно появляться для новых набегов⁸². Одно из этих колец — вокруг Самарской Луки, где в районе современного села Переволоки можно было без особых усилий перебраться из Волги в реку Усу, через нее — в Волгу у северной оконечности кольца, и наоборот. Недаром письменная и устная традиция напрямую связывала переволоку между двумя реками и устье Усы с постоянными действиями казачьих отрядов. Второе кольцо соединяло в единую водную систему среднее — через реки Большой Иргиз и Самару — и нижнее — через Каспийское море — течение Яика и Волги. И наконец то, чего не заметил Мякутин: притоки Большой Иргиз и Самара соединялись с волжской и яицкой акваториями еще в одну замкнутую систему.

До середины 1580-х гг. на территории Самарского края не было ни крепостей-городов, ни постоянных гарнизонов. «Летование» же правительственных войск в устьях Самары, Большого Иргиза, «плавные рати» и редкие карательные экспедиции не могли полностью обезопасить Волжский торговый путь от нападений вольницы. На излюбленные места стоянок казачьих отрядов в устьях Большого Иргиза и Самары указывают прежде всего жалобы ногайских биев и нурадинов в Москву. В делах Посольского приказа в связи с действиями казаков постоянно упоминается переправа через Волгу под названием Овечий брод «в тихих водах у Соснового острова» (рядом с современным Хвалынском); в летописях, записках путешественников, народном фольклоре фигурирует Самарская Лука⁸³. И наконец, учитывая топонимику, можно с высокой долей вероятности определить места стоянок виднейших атаманов волжских казаков — Барбашину поляну, Ермакову поляну. До настоящего времени на Самарской Луке бытуют такие географические названия, как Казачий подъем, Казачье зимовье и т. д.

Выше уже говорилось о нападении у устья Иргиза на караван русских судов в 1551 г. отряда, в который входили и казаки. Первые сведения о действительно волжских казаках, то есть избравших берега этой реки в виде постоянного пристанища, зимовавших в укромных местах, относятся только к концу 1560-х гг. В 1569 г. московский посланник С. Мальцев видел на Волге, неподалеку от волго-донской Переволоки, 2 казачьих городка. О том, что казачество прочно обосновалось на Нижней и Средней Волге, свидетельствуют дошедшие от этого времени постоянные жалобы кочевников-ногаев. Например, в 1570 г. их мурзы

жаловались русским послам: «...только государь велит казаком у нас Волгу и Самар и Еик отнять, и нам... всем от казаков пропасти — улусы наши и жон и детей поемлют»⁸⁴.

По всей видимости, интенсивность действий казачества на Средней Волге шла по нарастающей и достигла своего пика во второй половине 70-х—начале 80-х гг. XVI в. Уход многих известных волжских атаманов вместе с Ермаком Тимофеевичем в Сибирь, чему в немалой степени способствовала активизация карательных экспедиций, на некоторое время сделал Волжский торговый путь более безопасным. Но с 1584—1585 гг. казачьи ватаги все чаще и чаще вновь начали появляться в волжской акватории, и только строительство Самары, Царицына и Саратова окончательно лишило всякой перспективы возможность формирования в Среднем и Нижнем Поволжье казачьей области. Со Средней Волги казачьи отряды в основном перешли на Яик, с Нижней — на Дон, где и происходило дальнейшее складывание яицкого и донского казачества.

Следует отметить две особенности пребывания казачьей вольницы на Волге. Во-первых, казаки практически не пытались основать на волжских берегах постоянные поселки и городки. Упоминание о 2 городках, увиденных Мальцевым, было едва ли не единственным. Атаманы сознавали, что Москва не позволит им установить столь действенный контроль над Волжским торговым путем, какого они смогли добиться на Дону и Яике; недаром в среде казачества того времени родилась присказка «На Волге быть — ворами слыть». Даже в годы наивысшего разгула казачьей вольницы на волжских просторах свои зимовья казаки устраивали все-таки на Дону и Яике. Волга была прежде всего летней кратковременной стоянкой, местом для государевой службы, удачных предприятий, грабежей. Строительство крепостей во второй половине 80-х — начале 90-х гг. XVI в. не смогло в полной мере обезопасить волжскую акваторию. Недаром шертные грамоты ногаев в конце XVI — начале XVII в. постоянно напоминают Москве о необходимости предотвращения казачьих разбоев на волжских берегах. В записках спускавшихся по Волге западноевропейцев А. Олеария и Я. Стрейса (1630—1660-е гг.) постоянно сквозит тревога — вдруг нападут казаки, то и дело описываются места, где очевидцы наблюдали наибольшее скопление казачьих отрядов — устье Усы, Казачьи горы, район будущей Сызрани⁸⁵.

Пик казачьей активности на Средней Волге в конце 70-х — начале 80-х гг. XVI в. связан с именами таких талантливых предводителей, как Иван Кольцо, Богдан Барбоша, Матвей Мещеряк, Никита Пан, Савва Болдыря (или Болдырь), Митя Бритоусов, Иван Юрьев и другие. Московские послы, оправдываясь перед князем Ногайской Орды за разбой этих атаманов, так писали о них: «...беглые казаки, которые, бегая от нас, живут на Тереке, и на море на Яике, и на Волге, казаки донские пришед с Дону»⁸⁶. Как бы то ни было, но во всех известных источниках того времени эти имена постоянно связывались с Самарским Поволжь-

ем, Яиком и приицкой степью. Вряд ли возможно восстановить родословную первых героев вольницы. В отличие от крупнейших предводителей казачества XVII–XVIII вв., Иван Кольцо, Богдан Барбоша и их окружение вышли из русских и литовских земель, татарских кочевых орд: с них, собственно, и начинался казачий род. Никого, кроме самых близких сотоварищей, не интересовало прошлое атаманов, более того — у многих были все основания скрывать его. Судя по прозвищам-кличкам, Никита Пан вышел из земель, принадлежавших Польше или Литве, Матвей Мещеряк был родом из мещерских мест, Савва и Ортюха Болдыри родились от смешанных русско-татарских браков, Нечай Шацкой появился из-под Шацка.

Среди волжско-яицких атаманов признанными лидерами были И. Кольцо и Б. Барбоша. По-разному сложилась судьба этих людей. Иван Кольцо навечно вошел в русскую историю, был одним из главных действующих лиц «Сибирского взятия». Имя Барбоши оказалось фактически забытым. В сибирском походе прославились Никита Пан и Матвей Мещеряк. Последний, вернувшись на Волгу и Яик, вместе с Барбошей руководил решающим разгромом ногайских отрядов под Кош-Яицким городком (1586). По-разному погибали атаманы. Митя Бритоусов, Иван Юрьев, Матвей Мещеряк сложили буйные головы на царской плахе. В Сибири от татарской стрелы и сабли полегли Иван Кольцо и Никита Пан.

Долгое время ни ногаи, ни русские приказные люди не пытались локализовать действия казаков, связать их с конкретными лицами; первостепенное внимание уделялось событиям на Нижней Волге. Обычно в царских грамотах 50-х — начала 70-х гг. XVI в. звучали фразы типа: «А которые казаки на Волге гостей ваших грабили, били, и мы тех казаков пред вашими послы велели казнить. А которые впредь учнут на Волге стояти и послом, и гостем лихо делати, и мы тех также велели казнить...»⁸⁷ И все же в ногайских посланиях то и дело встречается фраза, что «казаки отняли у них Волгу, Яик и Самару»⁸⁸. Вряд ли кто мог отнять у кочевников реку Самару, кроме казачьих ватаг, постоянно прочесывавших Самаро-Яицкий регион.

Первые упоминания о крупномасштабных действиях «нашего» казачества в заволжских степях относятся к 1577–1578 гг., когда казачьи станицы под руководством Мити Бритоусова, Ивана Юрьева, Ивана Кольцо и Богдана Барбоши разгромили столицу Большой Ногайской Орды Сарайчик⁸⁹. Поход этот, как и многие другие предприятия вольницы, вышел за пределы той роли, которую обязывала играть ее Москва, нанес большой ущерб русско-ногайским отношениям, и поэтому русским дипломатам пришлось приложить максимум усилий для того, чтобы загладить инцидент. Ногаев заверили в том, что на Волгу пошлют карательные отряды, а руководителей нападения казнят. В трудные годы Ливонской войны правительство делало все возможное, что-

бы избежать обострения отношений с таким сильным юго-восточным соседом, каким являлась Большая Ногайская Орда, тем более что ее отряды принимали участие в боевых действиях на стороне русских войск.

Волжско-яицкие казаки, по мнению центральных властей, в счет платы за боевые припасы, снаряжение и продовольствие, должны были беречь перевозки на Волге, служить проводниками и разведчиками, не допускать кочевников на русские окраины. Обычными для взаимоотношений центра и казачества были грамоты, в которых предписывалось последним перевозить через Волгу ногайских послов, гонцов и даже воинских людей⁹⁰. Казачество в глазах Москвы являлось беспокойной, трудно, но все же управляемой силой, которая могла надежно сдерживать агрессивные намерения кочевников. Однако Барбоша и его друзья то и дело выходили за отведенные им рамки поведения, считали себя полностью самостоятельными, свободными людьми. В Посольском приказе дипломаты постоянно делили казаков на «прямых» — послушных и «пришлых» — чинивших разбои. Но так уж получалось для ногаев, что даже «прямые» казаки нередко выходили из-под контроля Москвы.

Излюбленным занятием казачьих отрядов были нападения на ногайские улусы для отгона лошадей. Например, ногайский Умагмет-мурза жаловался летом 1581 г.: «...наперед сего Ермак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих. А летош отогнали с Волги тысячу»⁹¹.

Конец 1570-х — начало 1580-х гг. были отмечены резким обострением русско-ногайских отношений. В «усмирении» кочевников активнейшую роль сыграло вольное казачество. Судя по сохранившимся документам, особенно урожайным на столкновения с ногаями стал 1581 год. Весной в Москве узнали, что некоторые из ногайских мурз решили принять участие в крымском набеге на окраины Российского государства. В ответ 5 мая русское правительство приговорило послать грамоты к казакам на Волгу с указанием не давать перевозов ногаям, идущим с русским полоном, и нападать на их отряды. «Ходить» войной на улусы было категорически запрещено. Однако создается впечатление, что вслед за указом московские власти предприняли тайные шаги и неофициально разрешили волжским атаманам вести активные действия в степи. В грамоте князю Урусу от 26 мая 1581 г. говорилось, что стоит только царю приказать — и казаки начнут громить ногайские улусы. Особенно любопытна одна из фраз грамоты, сообщавшая князю, что «нам уже нынче казаков своих унять не мочно»⁹². Казачество восприняло боярский приговор и секретные «инструкции» к нему как разрешение полной свободы действий. Последовали нападения на улусы. Ногайский князь в августе 1581 г. жаловался Москве, что все мурзы со своими кочевьями отошли далеко на восток от Волги, за Яик, «оттого, что у Волги боятца жити от волских казаков войны»⁹³. Волжские перевозчики исправно выполняли свои обязанности у «Соснового острова», но при этом увлекались грабежами перевозимых.

Одним из самых шумевших дел, вызвавших длительный обмен посланиями между Москвой и Сарайчиком, оказалось знаменитое ограбление на переправе под Сосновым островом (у современного Хвалынска) в начале августа 1581 г. русского и ногайского посольств, а также бывших с ними ногайских и среднеазиатских купцов. Один из очевидцев и невольных участников этого события — руководитель русского посольства В. Лобанов-Пелепелицын — оставил следующее описание случившегося: караван пришел «под Сосновый остров на Волгу, на перевоз, и на перевозех и на Волге казаки Иван Кольцов, да Богдан Барбоша, да Никита Пан, да Сава Болдыря с товарищи почали нагайских послов и тезиков перевозить по прежнему обычаю...» Богдан Барбоша и Иван Кольцо объявили русскому послу: «...наперед перевезут татарскую рухлядь и татар половину». Считая, что их просят добром, русские и ногайские послы согласились. После того как силы ногайского эскорта (до 300 человек) были разделены, на него с обеих сторон Волги из засад напали казаки. Ударившихся в панику ногаев преследовали на протяжении нескольких десятков верст. На просьбы Пелепелицына пощадить ногайских послов и среднеазиатских купцов-тезиков казаки отвечали: «...Урусов посол жив», — а до остальных и дела нет⁹⁴.

Волжско-яицкие казаки у Строгановых. Из кн.: [Ремезов С.У.]
Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880

Это побоище случилось в августе, а несколько дней спустя атаманы подстерегли на том же «перелазе» ногайский отряд в 600 всадников, возвращавшийся с богатой добычей из-под Темникова и Алатыря. Надеясь заслужить прощение за предыдущую выходку, казаки отправили пленных в Москву. Однако центральные власти распорядились иначе. Пленных ногаев отпустили в Орду, а сопровождавших их казаков, в том числе известного волжского атамана Ивана Юрьева и не менее извест-

ного Митю Бритоусова, повесили перед ногайскими послами. Остальных руководителей нападения на «перелазе» — Барбошу и Кольцо — велели сыскать и казнить⁹⁵.

Но и после подобных чрезвычайных случаев московские власти не переставали проводить дифференцированную политику по отношению к волжским казакам. Отправленному в Орду послу Павлову наказали найти среди вольницы казаков «прямых» Москве и нанять их для охраны посольства. Из отрядов же Барбоши и Кольца было велено вешать мятежников, а пожитки их отдавать казакам, которые «прямят»⁹⁶. По-видимому, в этот год на Волгу были посланы карательные отряды.

После шумных событий на волжских перелазх пути предводителей казачьей вольницы разошлись. Иван Кольцо, Никита Пан, Савва Болдыря и с ними около 500 человек (в документах чаще всего упоминается цифра 540) ушли вверх по Волге и Каме к Строгановым, где под предводительством Ермака Тимофеевича составили костяк «сибирской дружины». Барбоша решил переждать опалу в зимовьях на Яике. Известия о действиях казачества на Средней Волге на некоторое время пропадают из документов или встречаются лишь эпизодически.

Возникает вопрос, а был ли сам Ермак Тимофеевич участником волжских предприятий и одним из атаманов волжско-яицкой вольницы? Версий о его происхождении, начальном периоде жизни предостаточно. Среди волжских атаманов конца 70-х — начала 80-х гг. XVI в. имя Ермака упоминается несколько раз. Самарские краеведы считают, что село Ермаково (Ермакова поляна) на Самарской Луке получило свое название от старинной стоянки на этом месте отряда Ермака. Думается все же, что Ермак Тимофеевич если и бывал на территории нашего края, то лишь эпизодически. В противном случае известия о столь заметной фигуре среди местного казачества наверняка отодвинули бы на второй план Кольцо, Барбошу и их сотоварищей. В завожских степях действовал его тезка — атаман Ермак Петров, сподвижник Кольца и Барбоши. Он не ушел в Сибирь, остался на Яике. Последние упоминания о действиях станицы Ермака Петрова относятся к 1586—1587 гг.⁹⁷ Сам же Ермак Тимофеевич в 1581 г. принимал участие в качестве «атамана казацкого» в Ливонской войне⁹⁸.

Волжско-яицкое казачество в конце XVI — начале XVII в.

После событий 1581 г. в течение последующего пятилетия сохранилось крайне мало сведений о деятельности вольницы на Волге. Возможно, в этом повинна плохая сохранность документов, а может быть, испуганные действиями карательных отрядов и значительно ослабленное, казачество гораздо реже стало появляться на волжских берегах.

Временное затишье в завожской степи было нарушено в 1585 г. Вновь ногаи начали то и дело жаловаться на разгулы казачьих отрядов. В конце лета 1585 г. в Среднем Поволжье появился ушедший после

гибели Ермака из Сибири атаман М. Мещеряк. Остановившись после долгого перехода в Самарском урочище, около 600 казаков во главе с Матвеем долго решали, что им делать дальше⁹⁹. А вскоре после этого ногаи сообщили в Москву, что Мещеряк отогнал у них табун в пятьсот лошадей. Возможно, в начале 1586 г. волжско-яицкие атаманы получили инструкции из Москвы с требованием усилить натиск на ногаев, чтобы отвлечь их внимание от строительства городов на Волге и Уфе.

Наиболее шумевшим из казачьих походов было нападение отряда «казаков человек с пятьсот» под руководством Матвея Мещеряка в конце июля — начале августа 1586 года на ногайские улусы. Уцелевшие кочевники рассказывали в Астрахани местному воеводе Ф.М. Лобанову-Ростовскому, что казаки разгромили несколько улусов и взяли большой полон. По всей видимости, это были те самые столкновения, о которых осенью этого же года в Самаре перед ногайскими послами и воеводой Г.О. Засекиным М. Мещеряк простодушно заявил, что все они производились с санкции Москвы.

Казак с ружьем. Худ. В.И. Суриков.
Этюд для картины
«Покорение Сибири Ермаком»

И все же былая свобода, вольная жизнь на волжских берегах доживала последние дни. После начала строительства Самары Барбоша и объединившийся с ним Мещеряк поняли: на Волгу теперь можно приходить только украдкой, воровски. В поисках новой постоянной базы они обратили внимание на удобное место на Яике, рядом с устьем реки Илек. Здесь, на острове Кош-Яик, около 700 человек в течение летних месяцев построили земляные и деревянные укрепления, дома и землянки, конюшни для лошадей. Новый казачий городок не напоминал прежние временные зимовья. «Городок крепок, — сообщали сами казаки, — взяти им [ногаям] города нельзя»¹⁰⁰. Крепость ставилась в глубине вражеской территории, практически без

тыла. Оборонявшиеся знали, что иного выхода, кроме верной гибели в случае сдачи городка, у них нет.

Как в Сибири хан Кучум и сменивший его Карача, так и в ногайской степи князь Урус всеми силами обрушился на ненавистных пришельцев. Первые нападения на Кош-Яицкий городок случились уже

летом, а в начале осени к крепости подступил со многими мурзами сам Урус. К этому сражению ногаи подготовились как никогда. Они привезли с собой много дерева и приступили «к городку с приметом, а хотели, приметав лес, да городок зажечь: тут же де было нагай двести человек с рушницами...»¹⁰¹ Длительная осада притупила бдительность кочевников, и казаки во время внезапной вылазки смогли разгромить отряд с огнестрельным оружием, захватив все «рушницы». Воодушевленные этой победой казаки бросились на основные силы ногаев и обратили их в бегство. Сильный дождь не позволил последним быстро уйти из-под крепости, и, как описывают схватку дела Посольского приказа, казаки «пришли на них тиском и... побили»¹⁰².

Так была выиграна битва за степь, битва, после которой Большая Ногайская Орда так и не смогла оправиться. Известный российский историк Р.Г. Скрынников писал: «...поражение Уруса имело такое же значение для судеб Южного Приуралья, как разгром Кучума для судеб Западной Сибири»¹⁰³. Казачество смогло окончательно утвердиться на Яике и уже в конце XVI в. заложило основу для становления будущего Уральского казачьего войска.

Сооружение Самары, Царицына, Саратова позволило русскому правительству установить более действенный контроль за Понизовым Поволжьем и лишило всякой перспективы возможность формирования на берегах Волги казачьей области. Отряды волжской вольницы перешли на Яик и Дон, где включились в процесс складывания яицкого и донского казачества. Однако еще долгое время волжские просторы оставались излюбленным местом для разбоев казачьей вольницы. Например, в 1589 г. на Волге в «Змеевых горах», неподалеку от будущего Саратова, было разгромлено несколько отрядов «воровских» казаков. В 1591 г., когда русскому правительству нужны были крупные воинские силы для организации похода на Северный Кавказ, оно в грамоте к казакам пригласило на службу 1000 (?) волжских и 500 яицких казаков. Интересно и то, что в конце XVI – начале XVII в. в своих шертях, то есть грамотах о верности, ногаи постоянно жаловались на действия казаков¹⁰⁴. Таким образом, перенесение центра формирования крупной казачьей области на Яик не прекратило деятельности казаков на Волге. Но это уже были действия не столько волжского, сколько донского и яицкого казачества.

Несмотря на всю свою деятельность в предшествующий период, по-настоящему заметным явлением в русском средневековом обществе вольное казачество становится только с начала XVII в. Об этом позволяют судить различные материалы, в том числе и свидетельства иностранцев, бывших в Московии или писавших о нашей стране. Именно их сочинения являются своеобразным индикатором, показателем присутствия казачества и степени его влияния на общественную жизнь страны. Авторы первой половины XVI в. (М. Меховский, А. Кампенский, И. Фабри, П. Иовий I, С. Герберштейн и другие) ничего не знают

о казаках, хотя много пишут о крымцах, казанцах, ногаях и т. д.¹⁰⁵ В этом нет ничего странного, так как русской казачьей вольницы в то время еще не существовало. Только в сочинениях англичан, совершивших в течение 1558–1581 г. семь экспедиций на Восток через всю Россию от Белого моря до Каспия, можно найти отдельные упоминания о казаках. Весной 1572 г. отряд казаков захватил английский корабль в Каспийском море¹⁰⁶. Однако сами англичане не видят в таком нападении ничего особенного. Для них это было частное событие, не более того. В записках агентов Английской Московской компании можно встретить описание нескольких случаев, когда экипажам кораблей приходилось отбивать нападения ногаев и других «татар». Даже когда Х. Бэрроу во время своего путешествия в 1579–1581 г. перечислил 6 стрелецких «караулов» между волго-донской Переволокой и Астраханью, он не указал, против кого они были устроены¹⁰⁷.

В более поздних, относящихся к последним десятилетиям XVI в., сочинениях А. Поссевино, Д. Горсея и, главное, Дж. Флетчера¹⁰⁸ также совершенно отсутствуют указания на казачью вольницу. Нет сведений о них и в записках Х. Персидского, в течение 2 месяцев 1599 г. добравшегося от Астрахани вверх по Волге. При этом автор свидетельствует, что из Астрахани караван судов, с которым он плыл, сопровождала весьма многочисленная охрана¹⁰⁹.

Только события начала XVII в. буквально перевернули представления западноевропейцев о казачьей вольнице. В сочинениях И. Массы, П. Петрея, Ж. Маржерета и других эта социальная группа выходит на авансцену российской истории, становится одним из главных акторов Смутного времени. Голландец И. Масса писал о времени Лжедмитрия I: «...многие купцы из Астрахани, жаловавшиеся, что на Волге повсюду полно разбойников, все казаки, которые грабят суда... и убивают людей»¹¹⁰. С указанными выше по тексту подсчетами Ж. Маржерета в целом согласен известный исследователь истории казачества Р.Г. Скрынников¹¹¹.

Своеобразие так и не сложившейся в отдельную казачью область волжской вольницы заключалось в том, что она формировалась в пространстве, каждый летний сезон привлекавшем десятки тысяч людей из различных районов страны. Казачество представляло собой вершину своеобразного социального «айсберга», состоящего из разных категорий рабочих людей, занятых на волжском судоходстве и промыслах. Многие из них могли спокойно переходить от мирной трудовой деятельности к грабегам и разбоям и также легко возвращаться в прежнее состояние¹¹².

Благоприятные условия для возрождения волжского казачества сложились в начале XVII в. – в годы Смуты. Государственная власть в Понизовье ослабла и не могла контролировать происходившие здесь события. Ногаи фактически вышли из-под подданства России. Край

стал ареной бесконтрольной деятельности донских, терских и яицких казаков, беглых из внутренних областей страны. К концу Смуты из городов между Тетюшами и Астраханью уцелела только Самара. Саратов и Царицын были разгромлены. Волжское казачество получило шанс для нового возвращения на просторы Волги.

По данным известного саратовского историка А.А. Гераклитова, в 1613 г. по всей Волге от Самары до Царицына (до Вязовки, лежащей 150 км ниже) находилось 8 казачьих городков, в которых в совокупности насчитывалось до 600 казаков¹³. Не совсем ясно, были эти городки зимовьями или временными летними стоянками.

Характерно, что в Москве весной 1614 г., когда рассылали грамоты, призывавшие к борьбе с казачьим атаманом Иваном Заруцким, обосновавшимся в Астрахани, обращались к волжскому казачеству как к совершенно самостоятельной силе. Его ставили в тексте грамот впереди яицких и терских казаков и именовали: «...на Волгу атаманом и казаком всему великому войску» или «всему вашему Волскому великому войску»¹⁴. Руководители армии, спускавшейся вниз по Волге, должны были привести казакам «царское жалованье, денги, и сукна, и хлебные запасы, и вино...» Думается, что такое обращение к разрозненным ватагам волжских казаков было скорее дипломатической уловкой, попыткой разделить возможных противников. Необходимо учитывать чрезвычайно сложную ситуацию, в которую попало правительство Михаила Федоровича в первой половине 1614 г. В Астрахани разгоралась авантюра И.Т. Заруцкого; западные районы России были оккупированы поляками и шведами, вынашивавшими планы новой интервенции; центральные уезды (Белозерский, Пошехонский, Вологодский, Каргопольский, Ярославский и др.) охватило широкое казачье движение, предводители которого планировали идти в Понизовье на соединение с отрядами Заруцкого.

Но также эти обращения свидетельствуют и о той роли, какую вольное казачество играло в это время по всей Волге от Самары до Астрахани. Окончательно русское правительство смогло восстановить свой контроль над Понизовьем во второй половине 1610-х гг., когда вновь были отстроены Саратов и Царицын. В результате возможности для второго рождения волжского казачества были утрачены на этот раз уже навсегда.

Дальнейшее же развитие яицкого казачества происходило примерно по тому же пути, что и донского и терского. Во второй половине XVII в. на Яике возникла единая войсковая организация, избирался атаман всего войска. Волга же по-прежнему оставалась привлекательной для действия небольших казачьих отрядов. Примечательно в этом отношении описание путешествия голштинского секретаря А. Олеария в 1630-х гг., который красочно рассказал об опасностях, поджидавших хорошо вооруженное судно, на этой реке от рассеянных повсюду казачьих отря-

дов. Автор, по всей видимости, несколько преувеличил реальную опасность, но все же она действительно существовала. Не менее красноречиво сообщает об угрозах, подстерегающих путешественника на Средней и Нижней Волге, западноевропеец Э. Кемпфер, рассказывающий о своей поездке по этой реке в 1683 г.¹¹⁵

В 1620-х — 1630-х гг. среди населения волжских городов появляется казачество, но уже оседлое служилое. В Самаре, например, это были юртовые, то есть промысловые, казаки; в других крепостях — городовые — несшие военную службу наравне со стрельцами и другими представителями гарнизона.

§ 5. САМАРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Предыстория российского города

Идея строительства русских городов-крепостей на Великом Волжском пути между Казанью и Астраханью появилась фактически сразу после присоединения края к Русскому государству, когда Волга стала основной торговой артерией страны. Этот путь необходимо было укрепить, обезопасить, и лучшего способа, чем поставить крепости в наиболее уязвимых пунктах реки, правительство не знало.

О том, что волжские города предполагалось строить уже в середине 50-х гг. XVI в., свидетельствует переписка между Иваном Грозным и одним из властителей Ногайской Орды Измаилом. В 1555 г. Измаил просил царя, чтобы тот велел поставить «...на всех перевозех [через Волгу. — Э. Д.] по двести человек», дабы враги «не пришли водяным путем». В числе «перевозов» подразумевалось и «Самарское урочище», и устье Иргиза, и междуречье между Волгой и Доном, так называемая «Переволока».

В ответ на многочисленные просьбы ногаев сообщалось, что царь, «в тех местах учиня крепости, велит многим людям стояти и беречи беглых мурз накрепко». Однако для такого строительства нужны были дополнительные деньги, а их в то время у России не было. Страна погружалась в опричный террор, ввязалась в изнурительную Ливонскую войну. Все ресурсы изрядно опустошенной казны тратились на западный театр военных действий. И все же, хотя и небольшими средствами, правительство пыталось поддерживать безопасность волжского пути с помощью «плавных ратей», посылок сезонных отрядов в наиболее стратегические места между Казанью и Астраханью¹¹⁶.

Только после завершения тяжелейшей Ливонской войны и воцарения на московском престоле Федора Иоанновича была принята и стала осуществляться обширная программа строительства новых городов-крепостей на южных и юго-восточных окраинах государства. Под 1584 г.

«Пискаревский летописец» сообщал: «Того же году великий государь и великий князь Федор Иванович... приказывает... города ставить на Поле и в Сивере, и к Астрахани, которые за много лет запустеша от безбожных агорян и от междуусобныя брани: Елецких князей вотчина Ливны, Койса, Оскол, Валуйка, Белгария, Самара, Кромь, Монастырев и иныя многия польския и северския»¹¹⁷. Самара, упомянутая в этом перечне, скорее всего, означала сторожевое поселение на Юге

России, на реке Самаре, притоке Днепра.

Имеющиеся источники позволяют предположить, что в эти и более поздние годы правительство предприняло попытку реализовать практически одновременно несколько проектов укрепления с помощью крепостей-городов отдельных локальных территорий на окраинах страны¹¹⁸.

Так, в 1584–1585 г. был разработан план глубокого охвата русскими крепостями ногайских летних кочевий в междуречье Волги, Камы и Белой. П.П. Пекарский, специально изучавший источники о ситуации в данном регионе, считал, что в планы Москвы входило сооружение 4 городов-крепостей: на Увке (рядом с современным Са-

Царь Федор Иоаннович. Из кн.:
Портреты, гербы и печати большой
государственной книги 1672 г. СПб., 1903

ратовом), в Самарском урочище, на притоке Камы – Белой и на впадающей в нее р. Уфе¹¹⁹.

На первом этапе его выполнения в 1586 г. были построены два города – Самара и Уфа. Но и они обеспечили серьезное давление на непокорные ногайские орды. Гарнизоны этих городов охраняли броды и перелазы от кочевников, предотвращая их дальние походы к освоенным российским окраинам. Они как бы «нависали» над летними ногайскими кочевьями, не позволяя ордынцам чувствовать себя безнаказанно. И сколько бы ни внушали московские приказные дельцы ногайским послам, что Самара и Уфа построены для их же блага, чтобы уберечь ногаев от нападений вольных казаков, Урус и его окружение быстро поняли сложившуюся ситуацию и выступили с решительным протестом, требуя убрать Самарский город, угрожая иначе его уничтожить.

Крепость в устье Самары было поручено строить алатырскому воеводе Григорию Осиповичу (часто встречается вариант Осифович) Засекину. В Московском государстве существовала исстари сложившаяся практика подготовительных и строительных работ такого рода¹²⁰. Сооружением пограничных крепостей в конце XVI в. занимался в основном Разрядный приказ, а на территории Среднего и Нижнего Поволжья приказ Казанского Дворца. Предложение о строительстве того или иного города или системы оборонительных сооружений предварительно, в общих чертах, разрабатывалось «специалистами» Разрядного приказа и направлялось в Боярскую Думу или для доклада непосредственно государю. После его утверждения на выбранное место будущего строительства направлялись служилые люди для составления точного плана местности, привязки к рельефу типового проекта крепости, определения необходимого количества материалов и средств — вплоть до каждого бревна. Накануне предварительных работ обязательно проводился опрос «знающих людей». С чертежом и сметой разбирались опытные «горододельщики» в самом приказе, а затем окончательный проект с предложениями по кандидатуре «строителя» отправляли вновь в Боярскую Думу. Здесь утверждался проект «Наказа», в котором определялись основные требования к будущему городу.

Строительство крепости

Начальным из сохранившихся источников о сооружении Самары является наказная память из приказа Казанского Дворца первому самарскому воеводе князю Григорию Осиповичу Засекину о составлении плана и сметы строительства нового города Самары и определении числа стрельцов и казаков для его гарнизона. Она, скорее всего, была приложением к грамоте царя Федора Иоанновича (традиционного содержания) о назначении князя Г.О. Засекина самарским воеводой. Подписал «память» судья (глава) приказа Казанского Дворца дьяк Андрей Щелкалов. Этот источник имеет особую значимость для определения особенностей возникновения города, и поэтому приведем его в максимально возможном полном виде:

«Да память воеводе князю Григорию Осифовичю Засекину.

Како же даст Бог на Сомаре город поставити, и ему сметити и росписать: Какие тут у города крепости, и вперед туто городу мочно ли быть. И кольких человек для осадного времени вперед в том городе мочно устроить стрельцов [*в рукописи строльцов. — Б.И. Морозов*] и казаков, и как их мочно устроить. И около того места мочно ли устроить пашню. И теми людьми мочно ли вперед сидети в городе безстрашно от нагайских татар, и сколь далече нагаи кочуют от Самары, от того места, в котором ныне месте город станет. И вперед теми людьми мочно ли в городе сидеть.

И смета и росписав те места и всякие крепости, и кольким людем в перед в том городе быти, и как их мочно устроить, о всем подлинно росписав в роспись, тотчас ко государю роспись прислати. И государь потому и указ учинить велит...»¹²¹

Вполне объяснимо, почему такое поручение получил именно Засекин. Алатырь, где князь воеводствовал с 1583 г., являлся одним из ключевых пунктов в организации сторожевой и станичной службы в Поволжье, той самой, что была создана в 1571 г. князем М.И. Воротынским. Крепость защищала крайние, наиболее уязвимые подступы к давно освоенным Нижегородским землям и активно колонизируемому во второй половине XVI в. правобережью Казанского края.

Станицы, посылаемые Г.О. Засекиным, контролировали не только ближние к Алатырю места, но и заезжали к Волге ниже Самарской Луки и Увека, татарского городища близ современного Саратова¹²². Занимаясь организацией пограничной службы, знакомясь с донесениями

руководителей сторожевых отрядов, имея, по всей видимости, на руках какие-то описания и планы местности, Григорий Осипович становится «специалистом» по лесостепным и степным пространствам Среднего Поволжья. Возможно, Засекин был одним из воевод, завершавших сооружение Алатырской и «Пузской» засек¹²³. В 1585 г. он командовал армией, посланной для замирения «черемисской земли». Итогом похода стало основание крепости Санчурск (позднее — Царевосанчурск)¹²⁴.

Устье Самары, где должна была строиться новая крепость, находилось в зоне летних кочевий ногаев, которые, несомненно, могли воспрепятствовать ее возведению. Поэтому создание основных сооружений нового города и размещение в них гарнизона необходимо было осуществить в самые сжатые сроки. Такие способы экстренного строительства уже были апробированы русскими «инженерами». Достаточно вспомнить пример основания Свияжска и ряда других укрепленных пунктов. Наиболее красочно такой метод описал бывший в 1568 г. папским нунцием в Польше Фульвио

Памятник князю Григорию Засекину в Самаре.
Скульптор К.С. Саркисов

Руджиери: «...Он [*великий князь Московский*] имеет кое-какие маленькие деревянные крепости на границах Литвы и Руси. Таких, пока я был в Польше, он выстроил четыре с невероятной быстротой, а так как способ их постройки кажется мне весьма примечательным, я кратко расскажу о нем. После того как его инженеры предварительно осмотрели место, подлежащее укреплению; где-нибудь в довольно далеком лесу рубят большое количество бревен, пригодных для таких сооружений. Затем после пригонки и распределения их по размеру и порядку, со знаками, позволяющими разобрать и распределить их в постройке, спускают [*бревна*] вниз по реке, а когда они дойдут до места, которое намечено укрепить, их тянут на землю [*передавая*] из рук в руки; разбирают знаки на каждом бревне, соединяют их вместе и в один миг строят укрепления, которые тотчас засыпают землей, а в то время являются и их гарнизоны»¹²⁵.

Подготовительные работы, по всей видимости, продолжались как минимум год, а то и два. В конце 1584 г. – начале 1585 г. были сделаны предварительные приготовления в приказе; летом 1585 г. в выбранное место выезжали приказные проектировщики, к осени или к началу зимы они составили окончательный проект и смету, утвердили их, и зимой 1585–1586 гг. указ и необходимые средства для его исполнения были доставлены в Алатырь к Засекину. Зимой в приволжских лесах, ближе к речным берегам, рубили лес, собирали его в срубы и размечали; а затем, разобрав, вывозили к реке, на место, заливаемое вешними водами. Одновременно собирали ратных и работных людей, готовили запасы продовольствия, оружейные припасы, суда. К началу половодья все было под парусами, и уже в конце апреля – начале мая караван судов и, возможно, плоты направились вниз по Волге к месту будущего строительства.

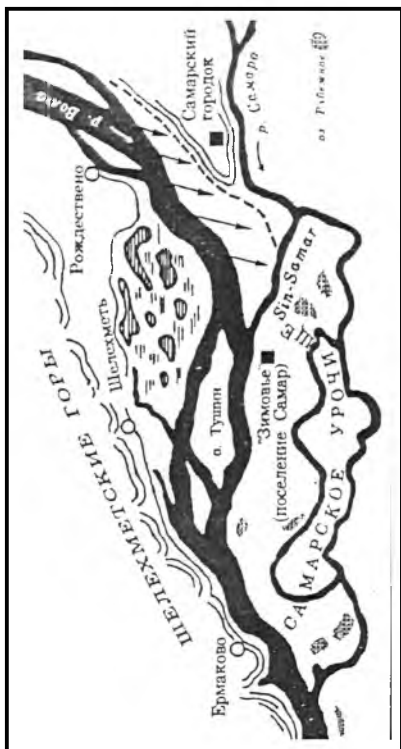
Экспедиция Засекина должна была прибыть к устью Самары примерно в середине – второй половине мая. Князь Григорий и его «товарищ», то есть помощник, Федор Елизарович Ельчанинов обладали весьма значительными полномочиями. В пределах установленной сметы они могли вносить свои изменения в ход строительства, вплоть до перемены места сооружения укреплений. Неизвестно, какую площадку выбрали приказные проектировщики при составлении чертежа Самарской крепости, ибо территория Самарского урочища и прилегающие к нему земли не давали очевидного однозначного решения.

Местность между старым руслом Самары, ее рукавом и Волгой почти вся заливалась в половодье, была занята лесами, болотцами и лугами, была труднопроходима. В ней можно было на какое-то время укрыться, поставить временный лагерь. Самарские историки и краеведы считают, что именно здесь стояли временные летние отряды русских войск, охранявшие волжский путь; а также существовала пристань с зимовьем¹²⁶. Но, видимо, эту гипотезу следует пересмотреть¹²⁷. Так,

например, в посольских книгах после взятия Астрахани говорилось: поставить отряд Степана Кобелева «...против Самарского устья и до осени беречи»¹²⁸. Если учесть, что протока «Сухая Самарка», бывшая в то время основным руслом р. Самары, впадала в Волгу 30 «верстами» ниже современного устья, то «летовье» должно было располагаться на Самарской Луке под «Шелехметскими горами».

Нередко суда не успевали пройти Волгой до того, как река «станет», и «вмерзали» на полпути. Для них по волжским берегам, видимо, устраивались особые пристани с зимовьями. Русские и ногайские послы, а также купцы, у которых «замерзли суды... в розни и зазимовали», вынуждены были переживать зиму не в одном из устьев р. Самары, а на правом берегу, там же, где ранее устраивались, уже отмеченные нами летовья «плавных ратей», «ниже Самарского города 20 верст в Шилихмицких горах» (Шелехметских). Видимо, там же имелась пристань, а в документах прямо указывается на наличие «зимовья»¹²⁹.

Вполне возможно, именно «под горами» могли планировать возведение крепости Самара. Ее гарнизон было бы сравнительно нетрудно наблюдать и охранять передвижение судов по Волге, стать перевалочным пунктом для торгового потока, перекрывать дорогу казачьим отрядам. Но все же Засекин — неизвестно, наперекор ли первоначальному проекту, или согласуясь с ним, — начал строить город в совершенно неожиданном месте, значительно удаленном от Волги, на правом высоком берегу реки Самары. Воевода решил не прятать крепость за протоками и озерами, в «горах», а поставить ее на самом видном месте, там, где р. Самара разделялась на два рукава. Отсюда гарнизон мог успешно отслеживать передвижение кочевых орд в Заволжье, также он закрывал дорогу казакам с Яика (по обоим самарским рукавам) на волжские просторы и контролировал близлежащую акваторию Волги.

Карта-схема местности, где была построена Самара. Реконстр. Е.Ф. Гурьянова. Из кн.: Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Очерки истории градостроительства. 2-е изд., перераб. и доп. Куйбышев, 1986

В соответствии с гипотезой самарского краеведа Е.Ф. Гурьянова, в середине XVII в. Волга пробила себе новый путь, ее русло сдвинулось на восток — под городские стены, топография окружающей местности резко изменилась, и тогда-то, почти век спустя, в полной мере выявилась дальновидность и точность выбора места под крепость!¹³⁰

Пограничные города строились в основном по типовым проектам, разработанным в Разрядном приказе. Обычно в Москве предварительно регламентировался размер города, причем за расчетную единицу в сметах принималось поселение, вмещающее примерно тысячу жителей мужского пола. Существовало несколько наиболее оптимальных вариантов таких городов, и служилым людям, составлявшим предварительные чертежи и сметы, требовалось наиболее удачно привязать один из этих вариантов к соответствующей местности. Поэтому при успешном выборе места для устройства города, правильной увязке его основных элементов с особенностями рельефа, при тщательном профессиональном проведении подготовительных работ само строительство основных крепостных сооружений занимало сравнительно немного времени: от 2–3 недель до 1,5–2 месяцев. Первые известия о построенном Самарском городе появились в конце лета 1586 г.¹³¹, а в начале сентября он уже принимал многочисленных гостей: послов, стрельцов, свиту крымского царевича.

После высадки на берег Засекин и «горододельщики» начали сверять с чертежами реальную местность. Пока было окончательно определено место строительства, а мастера-горододельщики разметили участки под будущие сооружения, служилые и работные люди разобрали и вытащили на берег строительные материалы. Начало закладки города сопровождалось особым ритуалом — молебном и освящением места закладки сооружений. Прежде всего горододельщики сосредоточили внимание на строительстве собственно «города», или «кремля». На размеченной рабочей площадке сооружались стены с башнями. Внутри кремля устроили усадьбы воеводы и «начальных» людей, здания съезжей избы, тюрьмы, осадных дворов, складов — «анбаров» для припасов, житниц и т. д. Площадь кремля вряд ли составляла более 5 гектаров. По мнению Е.Ф. Гурьянова, в плане крепость являла близкую к квадрату прямоугольную фигуру с размерами сторон 213 на 245 м. Желавшие обосноваться своими дворами воинские люди вряд ли могли разместиться под укрытием стен и вынуждены были устроиться за кремлем, в его предместье. Самарский город занял самую возвышенную, примыкающую к обрывистому самарскому берегу часть междуречья¹³². Доминантой его выступала церковь, сооружение которой началось одновременно с городом. Выбор духовного патрона — покровителя горожан — определяла Москва одновременно с выбором названия крепости. Изначально соборным для города считался храм Пресвятой и Живоначальной Троицы¹³³.

Видимо, при выборе названия соборной церкви было принято во внимание то, что, по предварительным расчетам, экспедиция, возглавляемая князем Г.О. Засекиным, должна была прибыть на место будущего строительства в конце второй декады мая и примерно в Троицын день приступить к закладке города. Поэтому вполне можно совместить примерную дату начала возведения города и храма с праздником Троицы, который в 1586 г. пришелся на 22 мая по старому стилю (1 июня по новому)¹³⁴. Эту дату следует считать официальным днем закладки Самары.

А вот как назывался придел храма, обычно носивший имя покровителя города, неизвестно. Возможно, он сразу получил имя святителя Алексия, будущего духовного заступника Самары. Пространство за стенами кремля – посад или острог – осваивалось также целенаправленно и планомерно. На территории, отведенной под расселение личного состава гарнизона и первых посадских жителей, размечались участки под усадьбы, скорее всего, создавалась даже общая планировочная структура улиц и кварталов. Усадебные постройки сооружались в индивидуальном порядке каждым владельцем участка. После определения территории острога сразу же началось сооружение второй, внешней системы его обороны¹³⁵.

По устройству оборонительных сооружений, административных, церковных и частных зданий Самара мало чем отличалась от десятков подобных городов-крепостей, построенных в эти годы на южном и юго-восточном пограничье Московского государства.

Первый год Самары

Главными задачами администрации нового города являлись обеспечение безопасности для судоходства по Волге и защита от внезапных нападений кочевников. Самара прежде всего являлась крепостью на волжском пути. Большинство ее жителей на первых порах были «годовальщиками», то есть военными людьми, собранными по гарнизонам других средневожских городов и присланными в Самару на короткий срок, обычно на год. Сложно говорить об их численности, видимо, их насчитывалось 300–400 человек – служилых людей по отечеству – дворян и детей боярских, стрельцов и так называемых «литовских людей», перешедших на службу Москве в годы Ливонской войны. Первые известия о постоянном военном населении Самары, живущем здесь со своими семьями, относятся только к началу 1590-х гг.¹³⁶

Служилые люди самарского гарнизона, прибывшие вместе с Засекиным и Ельчаниновым, из-за своей малочисленности не могли полностью справиться со всеми поручениями. Характерен эпизод, случившийся при сопровождении торгового каравана, следовавшего осенью 1586 г. из Астрахани вверх по Волге. Охранял его астраханский казачий голова Воин Аничков с четырьмя сотнями стрельцов и казаков.

Ему было поручено довести струги до Самарского города, а там передать отряду, который выделит воевода Засекин. Самарские служилые люди должны были довести струги до самого Камского устья. Судя по объяснениям самого Аничкова, самарцы не смогли заменить его отряд, так как «ставили на Самаре город и живучи проели, и запасу у них не стало...»¹³⁷ Бедственное положение и недовольство местных служилых людей могло угрожать самому существованию Самары, как это едва не случилось в начале весны 1587 г.

Историю первого года существования Самарской крепости, поступков воеводы Засекина, хотя бы фрагментарно, позволяют прояснить сохранившиеся материалы русских посольств. Впервые действия самарской администрации упоминаются в делах военно-политической миссии Мурад-Гирея, одного из бежавших в Россию крымских царевичей. Летом 1586 г. он с пышной свитой и многочисленным отрядом стрельцов был отправлен в Астрахань. Сопровождавшим царевича воеводам Р.М. Пивову и М.И. Бурцеву поручалось по пути следования приглашать на службу волжско-яицких казаков. В Самару к Засекину караван пришел 11 сентября¹³⁸. Долго оставаться в недостроенном и неудобном городке не имело смысла, и на третий день утром струги продолжили путь к Астрахани. Во время стоянки в Самаре Пивов, Бурцев и Засекин обсудили царскую грамоту, в которой Григорию Осиповичу приказывалось вызвать с Яика и Волги всех «виновных» казаков на царскую службу. Грамота адресовалась не только самарским воеводам, но и казакам. На Волге, в окрестностях Самары, вольных казаков не было, и на совете трех воевод решили послать на Яик самарского голову Семейку Кольцова и одного из «воровских казаков» с царской грамотой. Необходимость привлечения вольных казаков на государеву службу для урегулирования конфликта в крае отчетливо осознавалась в Москве, и поэтому, не дожидаясь ответа Засекина, 1 ноября ему прислали еще одну грамоту, срочно требовавшую всеми силами привлечь казачество, и в первую очередь атаманов Барбошу и Мещеряка, к службе. Однако грамота эта запоздала.

В своем ответе в Москву Засекин так описывал случившиеся события: «...октября, Государь, в 23 день пришли ко мне... на Самару с Яика Матюша Мещеряк, да Ермак Петров, да Ортюха Болдырев, да Тихон П-шь [*весьма неблагозвучное прозвище. — Э. Д.*], а с ними казаков 150 человек, а на Яике остались атаманы Богдашко Барбоша, да Нечай Щацкой... а с ними казаков полтретья [*250. — Э. Д.*] человек»¹³⁹. В Самаре казаки Мещеряка пробыли недолго, всего 5 дней, а затем их отпустили вниз к Астрахани вслед каравану Мурад-Гирея. Однако и за эти дни произошли серьезные события, едва не повлиявшие впоследствии на судьбу крепости. Перед уходом казаков в Астрахань воевода Засекин, руководствуясь указаниями из Москвы, потребовал от них вернуть

ногаям пленных и захваченное имущество. Для центрального правительства и местных властей это было делом политического принципа. Как раз в конце ноября в Самару прибыло русское посольство, направлявшееся к князю Урусу. Входившие в его состав дети боярские Ф. Гурьев, И. Страхов и Р. Норов должны были убедить ногаев в необходимости признания Самарской и Уфимской крепостей, а затем уговорить их прислать весной следующего года свои отряды для усиления русских армий на западе. Вместе с русскими послами через заволжскую степь возвращалось бывшее в столице ногайское посольство «Тонказю с товарищи»¹⁴⁰. Для того чтобы наглядно доказать ногаям роль Самары в защите их интересов, в частности от яицких казаков, и должен был перед ними разыгаться эффектный спектакль по возвращению награбленного.

Но для части казаков, включая атаманов Мещеряка и П-ша, условия политической игры оказались явно неприемлемы. Они никак не могли взять в толк, зачем возвращать то, что честно добыто на поле брани. Тем более, по их же словам, «царь... [*казаков*]... нарочком послал нагаи воевати». В присутствии русских послов казаки перед жалобщиками-ногаями начали «придуриваться... всякие непригожие дела говорить... как жен их соромотили», за полон требовали «немеренные цены» и в конце концов там же попытались их попросту ограбить¹⁴¹. Чтобы как-то разрядить обстановку перед ногайскими послами и доказать серьезность своих намерений, Засекину пришлось схватить пять наиболее вызывающе «придуривавшихся» казаков, в том числе Мещеряка и П-ша. Всех остальных удалось спровадить в Астрахань, причем в наказе тамошним воеводам вменялось, чтобы в Астрахани казаки ни в коем случае «...не сказывалися бы яицкими казаками, а говорили б, что они туто [*в Самарском городе*] и не бывали»¹⁴².

Отправив казаков, Засекин был обязан позаботиться и о посольствах. Для их сопровождения до Астрахани самарские воеводы выделили 50 стрельцов. Если же караван с послами «замерзнет» ниже Самары, то ногайских послов следовало отпустить степью «с провожатыми стрельцами, чтоб от казаков оберечь». Действительно, посольский караван не успел далеко уйти из-за непогоды и остановился двадцатью верстами ниже, в «Шелехмецких горах», в зимовье на Самарской Луке. Русские послы всю зиму и весну наблюдали события, происходившие в городе, о чем затем и сообщили в своих отписках¹⁴³.

В долгую первую зиму Самары 1586–1587 г. в крепости оказались весьма опасные постояльцы. В любой момент на помощь сидевшим в тюрьме Матвею Мещеряку и его товарищам могли прийти с Яика казаки. Без указа из Москвы Засекин опасался что-либо предпринять против своих пленников. Меж тем в городе созрел заговор. Заточенные в тюрьме казаки вступили в «сговор» с частью самарского гарнизона —

«литвой». О том, что самарские служилые люди «шатки», свидетельствуют многие факты. Заговор раскрыли «в роспросе... и на пытке твоему государеву воеводе... [ска]зали атаманы и литва, что послали весть на Волгу на Увек, и на Яик к атаманам и к их товарищем, а вел[ели] быт всем нынешняго 95 году [1587 г.] к твоему государеву городу к Самарскому на Олексеев день человека Божия или на Благовещеньев день, а не будут на те сроки... вода располица, да воеводу и всех людей побить и город жжеч... и нас холопей твоих и нагайских послов побити и казна твоя... взять»¹⁴⁴.

Засекин немедленно сообщил в Москву о раскрытом заговоре и принял дополнительные меры: казаков изолировали от «литвы», русским и ногайским послам приказали вместе с казной переехать из зимовья в крепость. Ногаям и здесь отдали предпочтение: в то время как русские «казну на себе перенесли в город», к ногаям «для бережения» и перевозки послали стрельцов.

Наконец из Москвы прибыл с указом царя гонец Постник Косяговский. Государева грамота гласила: «Матюшу Мещеряка да Тимоху П-ша, да иных их товарищей с ними пуших велел казнити перед ними послы смертною казнию»¹⁴⁵. Видимо, в марте 1587 г. в Самаре была совершена первая казнь. Вместе с товарищами на городской площади повесили одного из известнейших волжских атаманов Матвея Мещеряка. Все имущество, награбленное казаками у ногаев, передали ногайским послам.

Русские и ногайские послы отправились из городка восвояси со своими поручениями только в конце апреля — начале мая. К этому времени, как и добивалась Москва, вопрос о признании Самары со стороны Уруса и мурз практически был решен. В Астрахани Мурад-Гирей смог доказать послам Уруса, что крепость возведена прежде всего в интересах ногаев.

В новой волжской крепости в воеводство Засекина мог быть и еще один сосланный в нее постоялец. В «Пискаревском летописце» под 1585/86 г. имеется запись об опале и ссылке в Самару князя Андрея Ивановича Шуйского: «И князя Андрея сослали в Самару, и тамо скончался нужно [т. е. насильственно. — Э. Д.]»¹⁴⁶. Однако очевидно, что автор этих строк, писавший их уже в начале XVII в., ошибся. Все сохранившиеся материалы о А.И. Шуйском свидетельствуют, что его сослали в Каргополь (по другим данным — в Буйгород)¹⁴⁷.

К весне у Засекина и его гарнизона прибавилось много новых забот. Что ни день, встречали и провожали послов и купцов, перевозили их через волжские «перелазы». Например, 1 мая 1587 г. по указанию самарского воеводы через Волгу были перевезены послы от нескольких мурз, а с ними 137 «ордобазарцев» — торговых людей из Средней Азии — и до 2000 лошадей на продажу. Засекину разрешили устроить небольшой торг под стенами крепости, где продавалось все необходимое, кроме «заповедных товаров».

Кочевья ногаев, с наступлением тепла поднимавшиеся все выше и выше по Левобережью Волги, наконец-то достигли Самары. Засекин сообщал в Москву, что по мере появления отдельных ногайских кочевий вблизи крепости он отпускал зазимовавшихся в городе ногайских и русских послов с «государевым жалованьем» к тому или иному мурзе. Характерно, что сами мурзы – Кучук-мурза и другие – просили, чтобы с отпускаемыми послами Засекин давал разрешение «летовать на Сомаре и на Волге бесстрашно»¹⁴⁸. Таким образом, самарские воеводы утверждались как бы общепризнанными гарантами безопасности ногайских кочевий в Среднем Поволжье. Целенаправленная последовательная политика правительства на Юго-Востоке Европейской России дала себя знать и в том, что весной 1587 г., как и добивалась Москва, мурзы начали вновь посылать свои отряды в русскую армию. Эти отряды следовали через Самарскую крепость, переправлялись на правую сторону Волги и с провожатыми Засекина доходили до «мещерских окраин» под Рязанью. Видимо, после волжского речного, этот сухопутный путь со Средней Волги степью до «мещерских окраин» и далее до Шацка был в то время весьма оживленным.

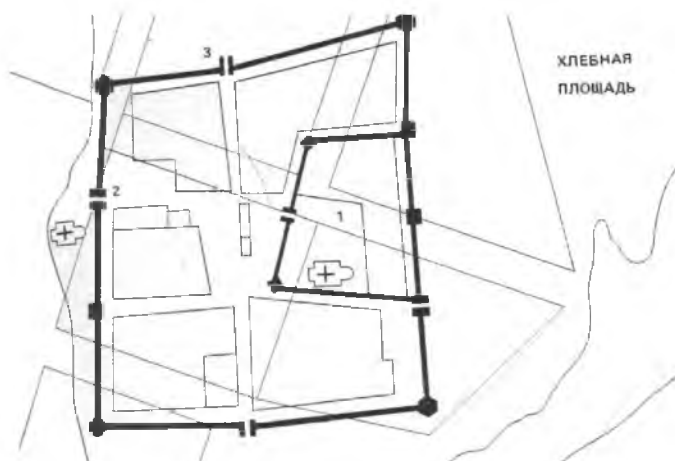
Основателя Самары князя Г.О. Засекина сменили в начале лета 1587 г. Грамоты, датируемые концом июня, адресовались уже Федору Ельчанинову. Но в июле в городе появляется новый воевода – князь Иван Васильевич Гагин, а Ельчанинов остается его «товарищем»¹⁴⁹.

Самара в конце XVI столетия

О более поздней истории города сведений сохранилось крайне мало. По всей видимости, в конце XVI столетия он играл более значительную роль в истории Поволжья, чем его соседи – Саратов и Царицын.

Обычно в новые пограничные города-крепости служить на первых порах посылали временно, на короткий срок, без семей «годовальщиков» – военных людей, набранных из других городов. Для начальных лет существования Самары крайне сложно определить, из каких групп формировался гарнизон города, какова была их численность. В данном случае особо значима составленная в 1587 г. именная роспись детей боярских. Их направили на службу в Самару с указанием городов, к корпорациям которых они относятся, и окладов. Представители этой категории служилых людей по отчеству составили верхушку гарнизона окраинного города-крепости¹⁵⁰.

Постоянное «городовое» военизированное население начинало складываться позднее, когда стрельцы, пушкари, дети боярские, люди литовские и другие служилые люди приступили к заведению своих дворов, стали обустраиваться в слободах и на посаде. Первые данные о таких постоянных жителях Самары относятся к 1594 г.¹⁵¹, хотя они могли появляться и раньше.

Самара на рубеже XVI–XVII вв. Реконструкция Е.Ф. Гурьянова. Из кн.: Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / НИИ теории арх-ры и градостр-ва; под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1994

По сути, Самара и другие волжские города между Казанью и Астраханью вплоть до завершения Смуты были крепостями, военными поселениями. Но, возможно, небольшие группы посадского населения обживались в них уже в конце XVI – начале XVII в. Очевидно, в этих городах оставалось зимовать какое-то количество рабочих людей, не успевших вернуться домой после завершения навигации, рыбных и прочих промыслов¹⁵².

Проплывавшие по Волге в 1599 г. Хуан Персидский (Орудж-бек Баят), а также в 1603 г. С. Какаш и Г. Текандер только перечислили новые города, не приведя никакого их описания¹⁵³. Монахи-кармелиты, спускавшиеся на судах к Астрахани летом 1606 г., писали, что ниже устья Камы по всей реке «только время от времени можно было встретить несколько жалких поселений, жителями которых являлись в основном солдаты да приговоренные к ссылке». Таковыми им показались Самара, Саратов и Царицын. Вынужденные провести зиму 1606–1607 гг. в Царицыне, путешественники записали: «В нем насчитывалось немного более сотни домов. Была там, однако, крепость, но она... казалась более пригодной содержать мародеров, чем оказывать сопротивление корпусу регулярных войск»¹⁵⁴.

Для немногочисленного населения Самары неожиданным событием стало появление в городе зимой 1601 г. дочери бывшего сибирского хана Кучума с малолетним сыном. Историки полагают, что она была женой ногайского мирзы Джан-Арслана, потерпевшего поражение в борьбе за власть в Орде. Выехать сразу в Москву из-за «стужи»

и «немочи» семья мирзы не смогла, и только 28 апреля местные воеводы С.В. Щербатов и Ф.И. Зайцов-Бирдюкин отправили их в столицу с самарским жильцом Я. Алампеевым¹⁵⁵.

И все же Самара постепенно входила в экономическое пространство Юго-Востока Европейской России. Через нее проходил поток транзитных грузов, в «волжских водах» в окрестностях города возникают первые крупные рыболовецкие промыслы русских предпринимателей.

§ 6. САМАРСКИЙ КРАЙ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

От начала Смуты до воцарения Михаила Романова

В начале XVII в. в России разразилась гражданская война, названная современниками «Смутой». Причиной катастрофы, угрожавшей стране гибелью, стал острый внутренний кризис, осложненный вмешательством извне и прямой иностранной интервенцией. Население, не оправившись до конца от разорения, вызванного Ливонской войной и опричным террором Ивана Грозного, стало жертвой страшного голода 1601–1603 годов. Обострились социальные конфликты между крестьянами и землевладельцами, холопами и их хозяевами, углубились противоречия между различными слоями городского и служилого населения, ужесточилась борьба за власть различных группировок знати. Устои монархии пошатнулись из-за пресечения московской правящей династии потомков Ивана Калиты. Последний царь из этого рода Федор, сын Ивана Грозного, умер бездетным в 1598 г. Еще раньше, в 1591 г., в Угличе погиб при таинственных и до сих пор не выясненных обстоятельствах его младший брат Дмитрий Иванович. Могущественная аристократия, ослабленная, но не уничтоженная Грозным, подняла голову и не собиралась склонять ее перед занявшим трон Борисом Годуновым и последующими правителями. В течение 1603–1618 гг. страну потрясали многочисленные восстания, заговоры, мятежи. Ее терзали интервенты, авантюристы, разбойники.

Не обошла Смута и Самарский край, тогда еще малолюдный и удаленный от основных театров военных действий. В 1605 г., когда власть в Москве захватил самозванный царь «Дмитрий Иванович», якобы чудом спасенный в Угличе, а на поверку сказавшийся беглым монахом-«расстригой» Григорием Отрепьевым, на далеком Тереке объявился «племянник» нового «государя». Тамошние казаки велели своему товарищу – беглому холопу Илейке Коровину, прозванному по месту рождения Муромцем, впредь именоваться «царевичем Петром», сыном покойного царя Федора Ивановича, внуком Ивана Грозного.

Весной 1606 г. рать «царевича Петра» пришла с Терека на Волгу и двинулась вверх на стругах. К ней присоединялись волжские казаки

и простонародье, численность ее достигла 4000 человек. Лжедмитрий I, растерявший в столице свой авторитет и сторонников, отправил в апреле к казакам своего доверенного дворянина Третьяка Юрлова, надеясь на помощь отряда Лжепетра. Посланец самозванца встретил казаков «под Самарою с грамотою» и «велел им идти к Москве наспех». Однако около Свияжска казаками было получено известие о том, «что на Москве Гришку Ростригу убили миром всем», поэтому казаки «поворотились назад на Волгу, на реку на Камышенку»¹⁵⁶.

О каком-либо нападении на Самару, мимо которой этот отряд проследовал дважды, исторические источники не сообщают. Однако известно, что во время похода по Волге казаки во главе с «царевичем Петром» грабили купцов и «всяких служилых людей побивали до смерти». Среди «служилых» особую ненависть казаков вызывали бояре и дворяне — владельцы холопов и крепостных, из числа которых вышло большинство повстанцев. Позднее, во время восстания Болотникова в 1606—1607 г., казаки Лжепетра отличались особой беспощадностью и жестокостью в расправах над сторонниками царя Василия Шуйского, посаженного на престол боярами после смерти Лжедмитрия I¹⁵⁷.

Поход Илейки Муромца, действия других казачьих предводителей, волнения в волжских городах, активизация нападений кочевников-ногаев вконец расстроили торговлю по великой реке. Голландский коммерсант сообщал о злключениях своих собратьев по занятию: «Купцы, бывшие в Саратове, Самаре и других местах, претерпевая бедствия, блуждали по стране, и каждый бежал своей дорогой...»¹⁵⁸ Иноземные торговцы боялись появляться в беспокойных городах и крепостях на Волге. Так, многие хивинские и бухарские купцы в течение ряда лет отказывались от поездок в Самару, где в Смутное время несколько среднеазиатских торговцев были ограблены и убиты местными жителями¹⁵⁹.

Ситуацию осложнил мятеж, который поднял в июне 1606 г. астраханский воевода князь И.Д. Хворостинин. Против него вниз по Волге были посланы войска под командованием боярина Ф.И. Шереметева, которые проследовали через Самару, но взять Астрахань не смогли и в октябре 1607 г. ушли в Царицын. Несмотря на относительную неудачу в борьбе с мятежниками, пребывание сил, верных царю Василию Шуйскому, на Нижней Волге в значительной степени стабилизировало ситуацию в Самаре. В других городах Шереметеву удавалось вовремя подавлять отдельные «бунты», как, например, это случилось в Царицыне. Ногаи вновь признали свое подданство Москве, а казачья вольница появлялась на Волге лишь спорадически. Однако, когда правительственные войска летом 1608 г. ушли сначала к Казани, а затем в центральные районы страны, огромный край был предоставлен сам себе. Тем же летом вверх по Волге из Астрахани отправились к Москве еще три самозванца: Август-Иван, Осиновик и Лавр. Однако до Самары им добраться не удалось. Этот город оставался верным Василию Шуйскому до свержения того в июле 1610 г.¹⁶⁰

Самарская крепость в течение Смутного времени оставалась надежным форпостом на российском юго-восточном порубежье. Она продолжала нести пограничную службу, охрану водных и караванных путей, сохраняя постоянную лояльность центральным властям, несмотря на их частую смену. Это касалось разных правительств, действовавших при Лжедмитрии I, Василии Шуйском, Семибоярщине, земском ополчении и наконец при избранном в 1613 г. Земским собором царе Михаиле Романове.

Фрагмент из карты России Г. Герритса 1613 г. Из кн.: Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Карты всей России, Северных ее областей и Сибири. Вторая серия. Вып. I. Киев, 1906. XXXI

При этом о непосредственном управлении московскими властями дальней пограничной крепостью можно говорить с определенной оговоркой. Так, о воеводах Самары в Смутное время с 1603 до 1613 г. известно очень мало, и за некоторое время даже нет сведений об их наличии в городе. Сообщается, что в 1604 г. самарским воеводой был князь С.Г. Звенигородский¹⁶¹. Во время похода к Астрахани судовою

рати боярина Ф.И. Шереметева в июне 1606 г. воеводой в Самаре служил Богдан Вельяминов. Он находился здесь и летом 1607 г., когда сюда прикочевали некоторые из ногайских мурз, которые признали власть Василия Шуйского, и зимой 1607–1608 гг., когда в город приезжали послы от ногаев¹⁶². После отступления воеводы Шереметева из Царицына к Казани, то есть с осени 1608 г., вплоть до лета 1613 г. сведений о самарских властях в известных источниках нет, хотя жизнь в этом городе не прекращалась в отличие от ряда других, лежавших ниже по Волге. Так, ближайший сосед Самары на юге Саратов был разрушен в разгар Смуты неизвестно кем и неизвестно когда. Есть предположение, что его уничтожил сам Шереметев при отступлении из Царицына. Другие исследователи винят в этом ногайцев, совершивших набег в 1612 г., третьи – казаков И. Заруцкого, напавших зимой 1613/1614 г., четвертые не исключают бытовые версии случайного пожара или ухода отсюда голодных жителей, не получавших несколько лет продовольствия и иной поддержки из центра. Как бы то ни было, известно, что гарнизон Саратова в полном составе (за исключением тех, кто перешел на сторону самозванцев) в 1613 г. находился в Самаре¹⁶³.

В первые годы Смуты гарнизон Самары насчитывал 300 пеших стрельцов и 100 конных стрельцов, а также несколько детей боярских, пушкарей и воротников. В дальнейшем в событиях Смуты потери составили 50 пеших и 50 конных стрельцов. Из Саратова пришли 75 конных и 130 пеших стрельцов. Всего в Самаре к 1613 г. насчитывалось немногим более 500 стрельцов, включая саратовцев, некоторое количество астраханцев, десяток-другой служилых людей «по отечеству», а также пушкарей и воротников. Все они не отсиживались в крепости, а были в постоянной готовности к боевым действиям. Так, в 1611–1612 гг. на волжском перевозе ниже Самары «возились татаровя с крымские стороны на нагайскую сторону [*с левого берега на правый. — Ю. С.*] с руским полоном», который захватили в Алатырском уезде. Они были атакованы самарскими стрельцами, которым в ходе боя удалось взять в плен кое-кого из кочевников, а главное, освободить русских полоняников, в том числе женщин и детей¹⁶⁴.

Не исключено, что кто-то из освобожденных остался в Самаре, где гражданское население было немногочисленным. В основном его представляли члены семей служилых людей. Постоянное посадское население здесь практически отсутствовало.

Авантюра И. Заруцкого и назначение Д.П. Пожарского-Лопаты самарским воеводою

После освобождения Москвы в 1612 г. от интервентов и избрания на царство в 1613 г. Михаила Федоровича Романова обстановка на юго-восточных границах России, восстанавливавшей суверенитет и госу-

дарственную власть, не только не стабилизировалась, но и еще более осложнилась.

В Поволжье была предпринята последняя попытка сохранить в качестве политической реальности призрак «царя Дмитрия Ивановича». Организаторами этой попытки стали Марина Мнишек и Иван Заруцкий. Марина, дочь польского магната, была супругой обоих наиболее известных самозванцев – Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. После гибели того и другого она возложила свои надежды на русский престол и на своего малолетнего сына «царевича Ивана Дмитриевича», которого официальные московские власти называли просто «воренком», так как его отец Лжедмитрий II именовался «тушинским вором». Атаман Заруцкий за годы смуты был и сподвижником Ивана Болотникова, и «боярином» Лжедмитрия II, и одним из вождей Первого ополчения против засевших в Москве поляков, опирался на верные ему казачьи отряды, заигрывал с крестьянами, горожанами и служилыми людьми. На самом же деле интересы этих общественных слоев ему были в равной степени чужды. Он мечтал стать правителем государства, поэтому в 1612 г. вступил в конфликт с Д.М. Пожарским, в следующем году не признал избрание Михаила Романова царем.

Иван Заруцкий.
Позднейшее изображение.
Из кн.: Козляков В.Н. Герой
Смуты. М., 2012

Марина Мнишек.
Портрет. После 1606 г.
Из кн.: Козляков В.Н. Марина
Мнишек. М., 2005

В конце весны – летом 1613 г. войска московского правительства вынудили Заруцкого и находившуюся под его покровительством Мнишек с сыном покинуть Рязанскую землю и Верхний Дон, где они пыта-

лись закрепиться. Беглецы укрылись в Астрахани. Там Заруцкий захватил власть, убив воеводу Хворостинина и многих горожан¹⁶⁵. Крупнейший город в низовьях Волги рассматривался им как база для организации нового похода в центр страны. При этом он был готов получить поддержку Ирана и Турции, даже ценой передачи под их власть Астрахани.

У московских правителей не хватало сил для скорого устранения угрозы, исходившей от Заруцкого, так как продолжалась тяжелая война против польско-литовских интервентов и их пособников, не были погашены очаги крестьянских восстаний. Требовалось время для подготовки похода правительственных войск, местом сбора которых определили Казань. В этих условиях Самарский город приобретал стратегическое значение, так как между Казанью и Астраханью не оказалось волжских крепостей, поскольку в Смутное время был уничтожен не только Саратов, но и Царицын. На Самару, чей гарнизон оставался небольшим даже с приходом саратовских стрельцов, Заруцкий в благоприятных обстоятельствах мог повести до 30 тыс. ратных людей из русских жителей Астрахани, тамошних татар и ногаев, волжских казаков. При таком соотношении сил непростая задача удержания города до подхода правительственной армии была возложена на нового самарского воеводу – князя Дмитрия Петровича Пожарского-Лопату.

Воевода доводился родственником герою освобождения Москвы Д.М. Пожарскому, сам командовал передовым отрядом ополчения в 1612 г. Сражаясь против польских интервентов, Пожарский-Лопата под Москвой не раз сталкивался с казаками Заруцкого как в военных стычках, так и за столом переговоров. Так что своего противника воевода представлял хорошо. Дальнейшие события показали, что выбор князя Дмитрия Петровича на воеводство в Самару весьма удачен.

Трудно определить, когда воевода в Самару прибыл и кто его отправил в этот город. В августе-октябре 1612 г. он еще сражался с интервентами под Москвой. Зимой 1612–1613 гг. маршрут степью из Москвы через Нижний Новгород и Алатырь до Самары с многодневной ночевкой в безлюдной заснеженной степи был очень сложным, такие опасные путешествия предпринимали только подготовленные гонцы. Весной и летом «Алатырские места» оставались непроезжими, постоянно подвергаясь нападениям враждебных ногаев. Воеводу в Самару отправили из Москвы по воде, скорее всего, весной или летом 1613 г., как только Казань признала нового царя Михаила Романова.

Первым из известных шагов нового воеводы стала отправка 23 сентября 1613 г. донского атамана Ивана Онисимова к волжским казакам, чтобы побудить тех признать власть царя Михаила Федоровича и отойти от астраханских мятежников. Склонить казаков к повиновению московским властям полностью не удалось, однако споры о том, чьей стороны держаться, раскалывали волжское казачество, мешая Заруцкому

вовлечь его в свои планы. Впрочем, двойственную позицию занимали и казаки Дона. Не поддержав Заруцкого, донцы в то же время не откликнулись на призыв московских властей выступить против него¹⁶⁶. От поездки Онисимова была еще одна существенная польза как от разведывательной операции. Вернувшись весной 1614 г. в Самару, атаман привез ценные сведения о положении на Нижней Волге¹⁶⁷.

В январе самарский воевода уведомил Москву о своем намерении послать человека к ногаем с теми же предложениями, что и к волжским казакам. Столичные чиновники сочли, что они разбираются в обстановке на волжских берегах лучше, чем воевода передовой крепости, стали убеждать Пожарского-Лопату, что от ногаев не следует ожидать «никакого дурна», и сделали ему выговор за проявление инициативы «без государева указа»¹⁶⁸.

В то самое время, пока из Москвы шли утверждения о лояльности ногаев, их князь и мурзы присягнули Заруцкому, втянувшись в его авантюру. Недоверие, оказанное столичными бюрократами князю Дмитрию Петровичу, обернулось нападением степняков на русские селения. Однако в этот раз ущерб от ногайского набега оказался не очень значительным. Благодаря предупреждениям самарского воеводы о нем стало заранее известно в пограничных со степью городах, и у налетчиков удалось отбить пленных «мужиков и женок и робят», а также часть скота, хотя захваченные «конские стада те ногайские люди отогнали» в степь¹⁶⁹.

Воеводы крепостей, находившихся под угрозой нападения Заруцкого и его союзников, часто, не дожидаясь официальных сообщений из Самары, посылали туда разъезды-«станции» своих разведчиков для скорейшего получения новостей. В Москве все сообщения о ситуации в низовьях Волги зимой и весной 1614 г. поступали через Самару. Они собирались воеводой на допросах астраханских перебежчиков, из рассказов торговцев или, как в случае с Онисимовым, специально посланными людьми.

Помощниками Пожарского-Лопаты в Самаре стали стрелецкие головы Савин Есипов, который в 1613 г. служил в Курмыше, исполняя там обязанности воеводы, и Григорий Федорчуков. Сотником пеших стрельцов являлся Григорий Порасуков, а конных – Иван Мизинов. Гражданское управление было поручено подьячему Максиму Дубровину, который сам попросил в 1613 г. отправить его в Самару¹⁷⁰.

Астраханский мятеж перерезал традиционный волжский путь. Единственной дорогой, связывавшей Россию со странами Средней Азии и Переднего Востока, осталась караванная тропа от Самары на Ургенч в Хивинском ханстве. При Пожарском-Лопате удалось обеспечить безопасность торговли и доверие купцов. В его воеводство, несмотря на военное время, поступления из Самары в государственную казну воз-

росли: «Прежние воеводы собирали в казну по 500 р. в год, а князь Лопата собрал 12 тысяч рублей»¹⁷¹.

Пошлину собирали на Самаре со всех иноземных купцов, за исключением тех, которые были посланы от правителей Бухары и Ургенча со специальными грамотами для продажи и закупки на Руси товаров «на царев обиход», к которым обычно относились кречеты, панцири, черные лисицы, «рыбий зуб» [*моржовая кость*. — Ю. С.]¹⁷². Первый после долгого перерыва, вызванного грабежами и другими трудностями, караван из Средней Азии прибыл в Самару поздней осенью 1613 г.

Прибытие караванов в Самару не только соответствовало торговым интересам России, но и позволяло находиться в курсе обстановки на Нижней Волге и в прикаспийских степях, знать о положении и взаимоотношениях Хивы, Бухары, Ирана, Турции, кочевых народов Казахстана и Средней Азии. Путь через степь использовали и для дипломатических целей. В декабре 1613 г. самарский воевода получил указ распросить бухарских и хивинских купцов в Самаре, возможно ли возвращавшемуся в Иран шахскому посольству и ответному посольству русского царя «с ними вместе пройти, которыми местами они на Самару шли»¹⁷³. Впервые Посольский приказ в Москве вынужден был искать маршрут до персидских владений, минуя мятежную Астрахань, и посол шаха предложил отправить его «зимним путем на санех до Самары» и далее «на вьюках» через Хиву в иранскую провинцию Хорасан. Московские дьяки боялись, что за Самарой послы могут не пропустить кочевники: казахи, туркмены, каракалпаки или еще кто-нибудь. Из Самары Пожарский-Лопата прислал утешительные известия. Находившиеся в городе хивинские и бухарские купцы обещали безопасный проезд зимой, когда от Самары до Ургенча не было степняков, которые в это время года откочевывали в другие места. Требовалось только успеть пройти, пока лед «на реках не прошел и покаместа конский корм под копытом не будет». Когда же вскроется лед и сойдет снег, тогда «без людей [*кочевых*. — Ю. С.] в степи не будет», и этой «дорогою будет не проехать»¹⁷⁴.

22 февраля 1614 г. русское и персидское посольства прибыли в Самару почти на месяц. Появление в небольшой крепости более 37 человек — членов посольств и 26 человек охраны, а также более 100 лошадей до крайности обострило недостаток продовольствия и фуража. Воевода извещал, что в «государевых житницах хлебных запасов нет», купить их у жителей невозможно, многие женщины и дети сами «по миру ходят». Если же люди, в том числе и стрельцы, не убегают из голодного городка, то только потому, что «держит их зимней путь», а весной «удержати их з голоду будет не можно — разбрдутца розно». Недостаток продовольствия объяснялся отсутствием пашенного земледелия даже в ближних окрестностях Самары. Это занятие оставалось здесь небезопасным из-за угрозы со стороны кочевников вплоть до конца XVIII в.

Первое время существования Самары хлеб в ней был привозной. Осенью в конце сентября (так называемый Сергиевский срок, на память Сергия Радонежского) караван судов по Волге доставлял хлеб из Казани в Самару. Это продовольствие было рассчитано на полгода. В конце зимы (Благовещенский срок) по последнему снегу («по пластам») хлеб доставлялся сухопутным путем из Алатыря. Отвечали за доставку хлеба казанский и алатырский воеводы. Осенью 1613 г. хлеб из Казани был поставлен не в полном объеме, а в марте 1614 г. хлеб из Алатыря был привезен с задержкой позднее Благовещенского срока¹⁷⁵.

Однако послы требовали обеспечить их в достатке для предстоящего пути. Иранец привел на площадь усталых и больных лошадей, подлежащих, по его мнению, замене, и бросил их на попечение воеводе, пригрозив: если не дадут овса, он выведет и остальных лошадей сюда же. Требования послов подкреплялись царскими указами из Москвы, предупреждавшими воеводу, «чтобы твоим оплошеством нашему такому великому государственному делу порухи не было, а тебе б от нас за то в великой опале не быти»¹⁷⁶. Но и Пожарский понимал, что будет с Самарой и с ним самим, если с шахом договорятся не московские посланцы, а люди Заруцкого, которые уже выехали в Персию просить помощи. Понимал он и правоту слов иранского посла: «На такую дальнюю степь на худых лошадех ити нельзя... Лошеди потерять — и самому погинуть»¹⁷⁷.

Действительно, ни на какую помощь в безлюдной степи рассчитывать не приходилось. Каким-то чудом воевода собрал послам необходимый фураж и продовольствие, обеспечил конвой, выделив 30 конных стрельцов и по паре коней на каждого. Часть находившихся в Самаре купцов присоединилась к посольскому каравану, часть была задержана в городе до получения известий о благополучном исходе этого путешествия. Раз ручались «головой» за безопасность дороги — пришлось оставаться заложниками своего поручительства. В конце марта послы выехали из Самарского городка и без приключений пересекли степь. Не столь мирным оказался обратный путь стрелецкого конвоя, который на реке Эмбе оставил посольство и повернул назад. Возвращавшиеся в степь кочевники, «калмыки ль, турхменцы», напали на самарский отряд. В схватке стрельцы потеряли двух человек убитыми, пятерых ранеными и 33 лошади, с таким трудом собранные в Самаре. Нападавшие заплатились жизнями двадцати человек и сорока коней, после чего покинули поле боя¹⁷⁸.

Важнейшая внешнеполитическая акция нового московского правительства, направленная на восстановление нормальных отношений с Ираном, была успешно осуществлена. Однако обеспечить невмешательство южных соседей в русскую Смуту одними дипломатическими шагами было нельзя. Многие зависело от того, насколько быстро Россия восстановит контроль над всем волжским путем до Каспия, сумеет

ли подавить мятежников, упредив возможную интервенцию на этом направлении. Поздняя осень и зима 1613–1614 гг. отодвинули непосредственную угрозу нападения Заруцкого на Самару, но уже 5 марта Пожарский-Лопата сообщал: «На весну ждем под Самарской снизу воровских людей»¹⁷⁹.

Разгром Заруцкого и его сторонников

11 марта 1614 г. трое астраханских перебежчиков подтвердили намерение Заруцкого и ногайских мурз весной «итти под Самар». 30 марта еще подробнее эти планы раскрыл сбежавший из Астрахани Г. Омельянов. Заруцкий со своими астраханскими сторонниками собирался двинуться «Волгою противу льду в стругах», а татар и ногаев убеждал, чтобы «шли на конех степью под Самарской и под Казань и Самарской бы деи осадили, покаместа деи он, вор, подоспеет Волгою в стругах с нарядом [артиллерией] и с вогненными пушками»¹⁸⁰. Не оставлял он надежды привлечь к походу на Самару волжских казаков, обещая: «...я де вас пожалую тем, чего де у вас и на разуме нет». Пытаясь обнадеежить сторонников, Заруцкий добавлял: «Знаю де я московские наряды [*порядки*. — Ю. С.], покаместа деи люди с Москвы пойдут, я деи до тех мест Самару возьму да и над Казанью промысел учиню»¹⁸¹.

По мнению Пожарского-Лопаты, сложившаяся обстановка требовала присылки подкреплений самарскому гарнизону из числа войск, стянутых в Казань под команду воевод И.Н. Одоевского и С.В. Головина, однако Одоевский принял другое решение. Его, как командующего правительственными войсками в Поволжье, беспокоила не столько судьба Самарской крепости, сколько возможность соединения Заруцкого с отрядами казаков и разных авантюристов, возобновивших военные действия и грабежи на Верхней Волге и в Пошехонье. В половодье силы Заруцкого могли пройти незаметно, минуя Самару и Казань, вверх по Волге, а верхневолжские отряды мятежников мелкими группами — в Астрахань. 15 апреля Одоевский отдал распоряжение стрелецкому голове Г. Пальчикову отправиться с пятью сотнями стрельцов из Казани к устью реки Усы, построить там небольшую крепость-«острожек» и воспрепятствовать возможной попытке противника пересечь Самарскую Луку по Усе. В случае необходимости Пальчикову предписывалось «Самарскому городу помогати», но основными задачами ставились наблюдение за движением по Волге, запрет на передвижение по ней мимо устья Усы, а также охрана рыбных промыслов¹⁸².

Узнав о прибытии Пальчикова, Пожарский-Лопата стал требовать перевода этого отряда в Самару, приводя соображения как военного, так и политического характера. Он указывал, что действенной помощи друг другу отдаленные на 60 верст гарнизоны оказать не смогут. Запретив движение по Волге мимо своей заставы, Пальчиков перекрыл под-

воз хлеба в Самарский городок, где «всякие люди бедны и голодны и хлебных запасов продажного нет у них». В городе расплозились слухи, что казанские воеводы хотят самарских жителей «голодом поморить», а потому на Самаре поднималась «смута и в людех сумнение великое». Пожарский предупреждал Одоевского и его помощников: «В Самарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны, а воров ожидаем вскоре... а которая, господа, над Самарским городом поруха учинится, и то, господа, не от меня, от вас»¹⁸³. Еще сдерживаясь в официальных донесениях, самарский воевода устно, видимо, высказывался более круто. В Казань шли доносы, будто он грозил: «Пойду де я на Усу и острожек де велю срыть», и пуше того: «Когда де воровские люди Самарской возьмут, и я де умею воровать, и от меня де многие города подрожат»¹⁸⁴. Разумеется, подобные реплики воевода отрицал, объясняя появление сведений о них клеветой недругов.

При всех неурядицах в правительственном лагере время работало не на Заруцкого. Решающим аргументом в военном противостоянии даже в гражданской войне являлись не отношения отдельных командиров, а наличие у основных противоборствующих сторон материальных и боевых ресурсов, их величина. Споры из-за острожка на Усе прекратились сами собой, когда из Казани по Волге двинулась вниз вся рать князя Одоевского, который 17 мая прибыл в Самару. В тот же день Пожарский-Лопата и Одоевский получили очень важные сообщения из Астрахани. Там против Заруцкого и его приспешников вспыхнуло восстание русского и татарского населения города. К тому же из Терского городка 20 апреля в Астрахань прибыл отряд Василия Хохлова, составленный из стрельцов, терских и гребенских казаков, верных царю Михаилу Федоровичу¹⁸⁵.

Полученные известия подтвердили справедливость расчетов Пожарского на внутренние раздоры в пестром по своему составу лагере Заруцкого и ускорили продвижение правительственных войск в низовья Волги. Осадив Заруцкого в астраханском кремле, Хохлов и восставшие послали за помощью в Самару. По совещанию с Одоевским самарский воевода передал ему часть своих «ратных людей». Под командой Михаила Соловцова и Луки Вышеславцова «два приказа стрельцов с вогненным боем» составили передовой отряд войска Одоевского, в который были включены некоторые самарские и саратовские стрельцы¹⁸⁶.

Бежавший из Астрахани с частью казаков Заруцкий засел «на Яике на Медвежьем острове». Оттуда посылались разведчики «провесть, что на Самаре вестей»¹⁸⁷.

В планы казачьего отряда в 600 человек входил прорыв на Волгу по реке Самаре, на вершины которой те хотели переволочиться с Яика. Вновь на предполагаемом пути мятежников оказывался Самарский городок. Стрелецким головам, преследовавшим Заруцкого, приказали не дать казакам уйти к Самарской крепости сухим путем или переволо-

чить струги с Яика на реку Самару. Основным силам засевших на Медвежем острове бунтовщиков осуществить свой план не удалось. Они были окружены и 24 июля выдали царским воеводам Заруцкого, Марину и ее сына, которых срочно отправили в Москву. Конвою, в состав которого входили и 100 самарских стрельцов, Одоевский приказал умертвить пленников, если по дороге их попытаются отбить сообщники. Опасения оказались напрасными — пленных доставили в столицу. Заруцкий и малолетний «воренок» были казнены, «царица» Марина вскоре умерла (или была тайно убита) в тюрьме¹⁸⁸.

Часть казаков все же бежала с Яика на Волгу, но не по реке Самаре, так как не решалась теперь из-за своей малочисленности двигаться мимо укрепленного городка, а степью. До Волги казаки не дошли, ибо напали на след «сакмы» — дороги, по которой хивинские купцы «с корованы прошли на Самару, и стали те воры их на степи ждати и стеречь, как они пойдут с Самары назад степью, а на Самаре про то ведомо не было»¹⁸⁹. Когда же купцы, «исторговався, пошли с Самары степью назад» в Ургенч, сидевшие в засаде казаки «пришли на них на стан, на сонных»¹⁹⁰.

Из-за внезапности нападения в руки казаков попала добыча и пленные. Однако, придя в себя, купцы настигли грабителей, благо те были пешими, отбили пленных и часть своего товара. Затем казаков ждала еще большая неприятность. Не успели они разделить остатки награбленного, как из Самарского городка подоспела конная погоня. Стрелецкий голова С. Есипов со служилыми людьми «побили» грабителей в степи, доставив в Самару трех плененных атаманов и 42 казака. К тому времени новые воеводы В.И. Туренин и М.В. Белосельский сменили на Самаре Пожарского-Лопату. Это случилось в июле-августе 1614 г.¹⁹¹

Этот эпизод наглядно свидетельствовал о том, что опаснейшее антиправительственное движение окончательно выродилось в обычный казачий разбой на Волге и в заволжских степях. Было у данной истории и дипломатическое продолжение. В 1616 г. хивинский посол на переговорах в Москве поднял вопрос о возвращении купцам тех денег и товаров, которые попали сначала к казакам, а от них к ратным людям самарского гарнизона. При этом выяснилась подробность, характерная для взаимоотношений торговцев и воеводской администрации. Иноземные купцы по закону не имели права вывозить из России деньги — все вырученное от продажи серебро требовалось потратить на покупку русских товаров. Однако воевода Белосельский хивинцев «с Самары с теми деньгами выпустил, а взял от того 200 рублей денег да 20 лошадей», освободив за это купцов от таможенного досмотра. После пленения казаков Белосельский уверил купцов, что отбитые деньги и товар взяты «в государеву казну».

Хивинские купцы исхлопотали у своего хана грамоту царю Михаилу Федоровичу с просьбой вернуть из казны то, что принадлежало куп-

цам. Думные дьяки московского Посольского приказа могли только усмехнуться по поводу столь наивных представлений о порядках на русском пограничье. Они объяснили хивинскому послу: «А что будет царского величества самарские ратные люди ... рухляди [*товары*. — Ю. С.] какие и отгромили [*отбили*. — Ю. С.], и воинские люди по себе и rozdелили, потому что взяли у воровских людей ... да того уж не поднати и ни на ком не взяти»¹⁹². После такого объяснения не более чем уловкой дипломатического этикета являлось обещание, данное послу, ради добрососедских отношений Москвы и Хивы дать приказ про купеческие «животы и рухлядь на Самаре... сыскивати, да будет что... сышетца, и государь велит, сыскав, им отдати»¹⁹³.

По поводу же денег московские представители на переговорах не без поучающей интонации заявили: «В государевой казне тех погромных [*награбленных*. — Ю. С.] денег нету, да и не надобно государю в казну такие погромные деньги»¹⁹⁴. Эти деньги самарские воеводы, если и собрали сначала, то лишь для того, чтобы опять раздать «ратным людям» как военную добычу. Правомерность таких действий под сомнение никто не ставил.

Самарский гарнизон выполнил свое предназначение в самое трудное не только для города, но и для страны время. Он активно участвовал в разгроме мятежа атамана Заруцкого, в обеспечении дипломатических и торговых связей России со странами Востока, в охране ее рубежей. Все это было достойным вкладом в возрождение российской государственности, в предотвращение интервенции со стороны южных соседей, Турции и Ирана. Наконец оказался восстановлен на всем протяжении Великий Волжский путь, вновь по нему спокойно путешествовали и торговцы и дипломаты.

В начале 1615 г. в Самару прибыл царский гонец с грамотой к персидскому шаху, и местным воеводам предписывалось решить, как его направить дальше — «Волгою или степью». Воевода Белосельский рассудил за лучшее дожидаться вскрытия реки, после чего со спокойным сердцем отправил гонца на струе в Астрахань.

Подходила к концу Смута, которая стала одним из самых опасных испытаний для российской государственности¹⁹⁵. Жизнь входила в обычное русло, в том числе на юго-восточной окраине страны.

Примечания

¹ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 156.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XI. М., 1965. С. 44.

³ Там же. Т. XXVIII. С. 246.

⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 181, 185, 212.

⁵ Зайнуллинов Д.Р., Миргалеев И.М. Токтамыш-хан и Аксак Тимур в биографическом сборнике ибн Тагриберди // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 4. С. 217–223.

⁶ Смирнов Ю.Н. События 1391 года в Самарском Поволжье: их место в региональной, российской и всемирной истории // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов V Всерос. науч. конф. Самара, 2018. С. 220.

⁷ Гагин И.А. Токтамыш-хан в истории Среднего Поволжья (к вопросу о битве на реке Кондурча в 1391 году) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2–1. С. 7–11.

⁸ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 154–156, 158.

⁹ Ю. С. – здесь и далее Юрий Смирнов; Э. Д. – здесь и далее Эдуард Дубман, авторы данной книги.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XI. С. 125

¹¹ Смирнов Ю.Н. Значение битвы на Кондурче в 1391 году для истории Золотой Орды, Руси и Среднего Поволжья // Русский сборник. Брянск, 2016. С. 249.

¹² ПСРЛ. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 258.

¹³ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 53.

¹⁴ Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 4.

¹⁵ Зубков К.И. Россия как Евразия: внешнеполитические тренды сквозь призму геостратегии // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов III Всерос. науч. конф. Самара, 2016. С. 97

¹⁶ Матвеева Г.И., Смирнов Ю.Н. Самарский край в IX – первой половине XVI в. // Земля Самарская. Куйбышев, 1990. С. 48.

¹⁷ Беляков А.В. Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV–XVII вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. С. 11.

¹⁸ Казанская история. С. 66.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XIII. М., 1965. С.129.

²⁰ История Татарской АССР. Казань, 1980. С. 33.

²¹ Шмидт С.О. Восточная политика Российского государства в середине XVI в. и Казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары, 1977. С. 55.

²² Миронов Б.Н. Российская империя от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. 2-е изд., исправ. СПб., 2018. С. 261.

²³ Фоменко И.К. Первые упоминания «Самары» в западноевропейских средневековых источниках // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII – XVI вв.): материалы научно-практич. конф. Самара, 2012. С. 9–23; Волков И.В. Поволжье на средневековых европейских картах // Там же. С. 24–34.

²⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 94–95.

²⁵ Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 5, 18, 33.

²⁶ Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1999. С. 53; Кривцов Д.Ю. Рассказ о поездке митрополита Алексия в Золотую Орду в литературных источниках и историографии // Мир истории. 2002. № 5. URL: <http://www.historia.ru/2002/05/krivtsov.htm>; Дубман Э.Л. Начало православной Самары // Самарский земский сборник. 2005. № 2 (10). С. 16–18.

²⁷ Волков И.В. Поволжье на средневековых европейских картах. С. 24–79; Кучкин В.А. Samar, Самара и поволжские города в XIII–XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 69–85; 2012. № 4. (50). С. 38–46; Дубман Э.Л. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012. С. 69–86.

²⁸ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 136.

²⁹ Хафизов Д. Казань на географических картах XIV – начала XVII веков. Краткий обзор // Средневековая Казань: возникновение и развитие: материалы Международной науч. конф. Казань, 1–3 июня 1999 года. Казань, 2000. С. 161, 165.

³⁰ Волков И.В. Поволжье на средневековых европейских картах. С. 24–79.

³¹ Кучкин В.А. Samar, Самара и поволжские города в XIII–XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 33.

³² Волков И.В. Поволжье на средневековых европейских картах. С. 56.

³³ Булатов А.Б. Среднее Поволжье на трех картах мира, составленных в XIV–XV вв. венецианцами и испанцем // История и культура Чувашской АССР: сб. ст. Вып. 2. Чебоксары, 1972. С. 399.

³⁴ Варваровский Ю.В., Евстратов И.В. О тождественности передачи Ф.Ф. Чекалиным карты Фра Мауро 1459 г. // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. Вып. 6. Волгоград, 1998. С. 176.

³⁵ Хафизов Д. Казань на географических картах XIV – начала XVII веков. Краткий обзор. С. 155.

³⁶ См., например: Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XVI – начала XVI века. М., 1974.

³⁷ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / [отв. ред. П.П. Иванов]. М.; Л., 1941. С. 121.

³⁸ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 297, 301.

³⁹ Сташенков Д.А. Некоторые итоги археологических исследований на территории города Самары // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII – XVI в.): материалы научно-практич. конф. Самара, 2012. С. 85.

⁴⁰ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 130–131.

⁴¹ Исследования экспедиции Самарского областного историко-краеведческого музея под руководством Д.А. Сташенкова и А.Ф. Кочкиной.

⁴² История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. С. 297, 301–309.

- ⁴³ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 140.
- ⁴⁴ Наиболее глубоко история средневековых ногаев рассмотрена в монографии В.В. Трепавлова. См.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. 2-е изд. Казань, 2016.
- ⁴⁵ Трепавлов В.В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М., 2013. С. 7.
- ⁴⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / отв. ред. Н.Л. Рубинштейн; пер. Ю.В. Готье. Л., 1937. С. 167.
- ⁴⁷ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 493–499.
- ⁴⁸ Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Морд. гос. пед. ин-та. Саранск, 1949. С. 49.
- ⁴⁹ Там же. С. 54.
- ⁵⁰ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV–XVI вв. (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 303.
- ⁵¹ Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 56.
- ⁵² Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1692–1603 гг. // Чтения Общества истории древностей Российских (далее – ЧОИДР). Кн. 2. III. Материалы иностранные. 1896. С. 27.
- ⁵³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 405.
- ⁵⁴ Дубман Э.Л. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. С. 12–43.
- ⁵⁵ Середонин С.М. Известия англичан о России // ЧОИДР. 1884. Кн. 4. III. Материалы иностранные. С. 38.
- ⁵⁶ Цит. по: Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 36.
- ⁵⁷ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 507.
- ⁵⁸ Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 36.
- ⁵⁹ Цит. по: Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С. 36.
- ⁶⁰ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 93–105; Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С. 25–40; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956.
- ⁶¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 136–143.
- ⁶² Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 20–21.
- ⁶³ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскую летописью (окончания) // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII. 1-я пол. С. 282.
- ⁶⁴ История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа, 2011. Т. 3. С. 53–55.
- ⁶⁵ Дубман Э.Л. «На Волге жить – все ворами слыть»: Волжское казачество во второй половине XVI – начале XVII в. // Центр и периферия. 2012. № 2. С. 10–17.
- ⁶⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 230–231.

⁶⁷ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 286–291; Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII веке. Волгоград, 2005. С. 38, 43, 47, 50; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. С. 92 и др.

⁶⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 57.

⁶⁹ Там же. С. 84.

⁷⁰ ПСРЛ. Т.13. Ч.1. М., 1906. С. 163–164.

⁷¹ Там же. С. 164.

⁷² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 7.

⁷³ Там же. Кн. 5. Л. 4–4об., 7 об., 12 об.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 283.

⁷⁵ Дубман Э.Л. «На Волге жить – все ворами слыть»: Волжское казачество во второй половине XVI – начале XVII в. С. 12.

⁷⁶ Цит по.: Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII веке. С. 130.

⁷⁷ Соловьев В.И. История России. М., 1960. Кн. 4. С. 390, 391; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. С. 224.

⁷⁸ Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР / Моск. обл. пед. ин-т. М., 1976. С. 33–34.

⁷⁹ Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, чл.-корр. РАН П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 152.

⁸⁰ Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом страны. М., 1967. С. 168, 172.

⁸¹ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 276.

⁸² Мякутин А. Гнездо самарских казаков: Очерк из истории Оренбургского казачества // Военно-исторический сборник. 1911. № 4. С. 53.

⁸³ Ромодановская Е.К. Строгановы и Ермак // История СССР. 1976. № 3. С. 142.

⁸⁴ Цит. по: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 343.

⁸⁵ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 384 и др.; Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 189 и др.

⁸⁶ Цит. по: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 188.

⁸⁷ Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Уральск, 1911. С. 41.

⁸⁸ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 138.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 140.

⁹⁰ Сергеев В.И. Указ. соч. С. 28.

⁹¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 110 об.

⁹² Там же. Л. 65 об.

⁹³ Там же. Л. 127.

- ⁹⁴ РГАДА. Л. 141–142, 147 об.–149.
- ⁹⁵ Там же. Л. 258–258 об., 269.
- ⁹⁶ Там же. Л. 256–258 об., 260.
- ⁹⁷ Там же. 1586. Стб. 13. Л. 40.
- ⁹⁸ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 179.
- ⁹⁹ Карпов А.Б. Уральцы... С. 52.
- ¹⁰⁰ Цит. по: Карпов А.Б. Указ. соч. С. 75, 356–357.
- ¹⁰¹ Цит. по: Там же.
- ¹⁰² Цит. по: Там же. С. 75, 356–357.
- ¹⁰³ Цит. по: Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 143.
- ¹⁰⁴ Акты исторические, собранные и изданные археографическою коммиссиею (далее – АИ). Т. 3. СПб., 1841. № 230. С. 443.
- ¹⁰⁵ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Л., 1936; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.
- ¹⁰⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 305–306. Кроме того, есть еще одно свидетельство: в 1581 г. на английское судно, отправлявшееся из Астрахани вверх по Волге, было нанято 36 гребцов-казаков. См.: Там же. С. 343.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 320.
- ¹⁰⁸ Мы выделяем Дж. Флетчера, составившего наиболее полное для данной группы авторов описание России. См.: Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI – XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.
- ¹⁰⁹ Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии... С. 172–174.
- ¹¹⁰ Масса И. Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 64.
- ¹¹¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 124–125.
- ¹¹² Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. С. 77.
- ¹¹³ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 198.
- ¹¹⁴ АИ. Т. 3. СПб., 1841. № 230. С. 443.
- ¹¹⁵ Дубман Э.Л., Дубинин С.И. Записки Э. Кемпфера о путешествии по Волге от Казани до Астрахани // Краеведческие записки. Вып. VIII, посвященный 110-летию музея. Самара, 1996. С. 315–317.
- ¹¹⁶ Дубман Э.Л. Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2 (93). С. 31–32.
- ¹¹⁷ Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 195.
- ¹¹⁸ Дубман Э.Л. Строительство городов на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI в. // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. темат. сб. науч. тр. под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2019. С. 42–45.

¹¹⁹ Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. СПб., 1872. С. 3–8.

¹²⁰ Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / НИИ теории арх-ры и градостр-ва; под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1994; Алферова Г.В. Русские города XVI–XVII вв. М., 1989.

¹²¹ Государственный исторический музей, Отдел письменных источников (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 253. № 2. Документы из архива Самарской приказной избы. Л. 3. Эти и другие материалы из данного дела были любезно переданы мне историком Б.И. Морозовым. Им же подготовлена опубликованная здесь транскрипция текста. Отметим, что фрагмент сильно «поправленной» копии или почти идентичного такого документа по Самаре сохранился у местных краеведов и был опубликован Е.Ф. Гурьяновым в книге: Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Очерки истории градостроительства. 2-е изд., перераб. и доп. Куйбышев, 1986. С. 39–41. В его тексте говорилось, что после того, как «роспис», то есть чертеж и смета, были составлены и «ко государю... присланы», обсуждены и поправлены, их передали в Алатырь князю Засекину: «...государь по тому указ велит учинить да память воеводе князю Григорию как город на Самаре поставить и укрепить». Очевидно, что в последнем случае речь шла о начальном обследовании местности в устье р. Самары специалистами из Разрядного приказа.

¹²² Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1848. С. 7, 17, 23, 27.

¹²³ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 36; Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI–XVII вв. Чебоксары, 2012. С. 18.

¹²⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 34.

¹²⁵ Донесение Фульвио Руджиери папе Римскому в 1568 году // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991. С. 76–77.

¹²⁶ Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары... С. 37–38.

¹²⁷ Дубман Э.Л. Торги, заставы и таможни пограничного волжского города в конце XVI – начале XVIII в. (на примере Самары) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1, № 4. С. 15–16.

¹²⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. С. 238.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 1. Л. 5; Карпов А.Б. Уральцы... С. 858.

¹³⁰ Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары... С. 62.

¹³¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Стб. 11. Л. 6–7 и др.

¹³² Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары... С. 57.

¹³³ Дубман Э.Л. О князе, который строил города... (жизнь и деятельность князя Григория Засекина). Самара, 2018. С. 87; Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – НИА СПб ИИ). Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 374.

¹³⁴ Пасха в 1586 г. приходится на 3 апреля по юлианскому календарю. См.: Обращение 13–15 цикла Великого Индиктиона (на 877–2472 гг.) // Специальные исторические дисциплины: учебное пособие. СПб., 2003.

¹³⁵ Алферова Г.В. Русские города XVI–XVIII вв. С. 140–149.

¹³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 263. Д. 2. Л. 16–17.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 60–66.

¹³⁸ Там же. Л. 55. Подробно посылку Мурад-Гирея в Астрахань рассмотрел А.В. Беляков. См.: Беляков А.В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2013. Т. 13. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 92–97.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586. Стб. 13. Л. 38–38 об., 40.

¹⁴⁰ Там же. Д. 10.

¹⁴¹ Карпов А.Б. Уральцы... С. 859.

¹⁴² Там же. С. 859.

¹⁴³ Там же. С. 858.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 859.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 34. Пискаревский летописец. М., 1978. С. 195.

¹⁴⁷ Новый летописец // ПСРЛ. Первая половина. II. СПб., 1910. С. 37; Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 134, 139, 182; и др. По мнению историков, сведения о Шуйских, приведенные в Пискаревском летописце, были взяты из семейного летописания княжеского рода или имеют изустный характер, что и предполагает их отличия (и неточности) от других материалов конца XVI в. См.: Хазанова С.И. Пискаревский летописец: Происхождение, источники, авторство. М., 2014. С. 144–146, 151, 156.

¹⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 253. № 2. Л. 12.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. Л. 6–11.

¹⁵¹ Там же. Л. 16–17.

¹⁵² Кушева Е.Н. Сказки Генерального двора как источник истории городов Поволжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 417–424

¹⁵³ Царицын в путевых записках, дневниках и мемуарах современников (конец XVI – 1917 г.). Т. 4 / под общ. ред. проф. М.М. Загорюлько. Волгоград, 2005. С. 30.

¹⁵⁴ Магилина И.В. Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев. 1604–1612 гг. М., 2018 (Новейшие исследования по истории России). С. 117–118.

¹⁵⁵ Беляков А.В. Новый документ о ранней истории Самары // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. 2014. Т. 14. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 82–85.

¹⁵⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией (ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. С. 175.

¹⁵⁷ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 22–23.

- ¹⁵⁸ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 153.
- ¹⁵⁹ Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1892. Т. XXI. С. 171.
- ¹⁶⁰ Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самара в Смутное время // Центр и периферия. 2009. № 1. С. 10–11.
- ¹⁶¹ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 175.
- ¹⁶² Акты времени правления царя Василия Шуйского (19.5.1606 г. – 17.7.1610 г.) // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1915. Кн. 2 (253). № 91–100. С. 175.
- ¹⁶³ Рабинович Я.Н., Смирнов Ю.Н. Служилые люди пограничной крепости на Волге в событиях начала царствования Михаила Романова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 1. С. 62.
- ¹⁶⁴ Труды Восточного отделения. Т. XXI. С. 164, 182, 241.
- ¹⁶⁵ Смирнов Ю.Н. Разгром авантюры И. Заруцкого в Поволжье в 1614 г. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988. С. 72.
- ¹⁶⁶ Мининков Н.А. «Не воровать, а прямить!» Донское казачество и Михаил Романов // Родина. 2013. № 2. С. 19.
- ¹⁶⁷ АИ. Т. 3. СПб., 1841. С. 425.
- ¹⁶⁸ Труды Восточного отделения. Т. XXI. С. 165, 175, 178.
- ¹⁶⁹ Юрчёнков В.А. «Великия Российския державы Московского государства...» Участие населения Мордовского края в национальном сопротивлении иностранной интервенции в эпоху Смутного времени // Центр и периферия. 2009. № 1. С. 30.
- ¹⁷⁰ Рабинович Я.Н., Смирнов Ю.Н. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁷¹ Корсакова В.Д. Пожарский-Лопата, кн. Димитрий Петрович // Русский биографический словарь. Т. [XIV]. Плавильщиков – Примо. СПб., 1905. С. 248.
- ¹⁷² Труды Восточного отделения... Т. XXI. С. 182.
- ¹⁷³ Бушуев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987. С. 21.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 22.
- ¹⁷⁵ Рабинович Я.Н., Смирнов Ю.Н. Указ. соч. С. 63–64.
- ¹⁷⁶ Бушуев П.П. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 30.
- ¹⁷⁸ Смирнов Ю.Н. Самарский заслон // Родина. 2014. № 6. С. 36–37.
- ¹⁷⁹ Труды Восточного отделения... Т. XXI. С. 229.
- ¹⁸⁰ АИ. Т. 3. С. 411–412.
- ¹⁸¹ Там же. С. 412.
- ¹⁸² Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самара в Смутное время. С. 14.
- ¹⁸³ АИ. Т. 3. С. 428.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 427.
- ¹⁸⁵ Kudrjavcev A.A. Mountaineers and Cossacks of the North Caucasus in the History of Russia's Time of Troubles of the Late XVI – Early XVII Centuries // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. № 50 (4). С. 1361–1362.

¹⁸⁶ Рабинович Я.Н., Смирнов Ю.Н. Самара в Смутное время. С. 66.

¹⁸⁷ АИ. Т. 3. С. 25.

¹⁸⁸ Смирнов Ю.Н. Смутное время // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М.: Наука, 2000. С. 47.

¹⁸⁹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933. Ч. 1. С. 119.

¹⁹⁰ Там же. С. 119.

¹⁹¹ Рабинович Я.Н., Смирнов Ю.Н. Указ. соч. С. 66-67.

¹⁹² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. С. 121.

¹⁹³ Там же. С. 121.

¹⁹⁴ Там же. С. 120.

¹⁹⁵ Смирнов Ю.Н. День 4 ноября: многовековые корни // Родина. 2014. № 11. С. 90.

Глава 2. ПОРУБЕЖНЫЙ КРАЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ В XVII В.

События Смутного времени принесли глубокий ущерб Московскому государству, его хозяйственная жизнь пришла в упадок. Только к середине XVII столетия страна восстановила свою экономику и финансы, смогла укрепить административно-государственный аппарат и армию.

Слабозаселенный Юго-Восток Европейской России, состоявший под управлением приказа Казанского Дворца, в меньшей степени пострадал от разорения Смуты. В первой половине столетия его территория оказалась в более выгодном положении, чем остальные регионы страны. После разгрома авантюры И. Заруцкого Самара на несколько лет осталась единственным уцелевшим между Казанью и Астраханью (за исключением Тетюшей) русским городом на волжском пути. Несмотря на то что Саратов и Царицын вскоре были восстановлены, вплоть до середины XVII в. Самара сохраняла за собой роль крупнейшего в регионе военного, административного и торгово-перевалочного центра. Об этом свидетельствуют данные сбора одного из чрезвычайных налогов – пятины 1634 г., другие исторические источники. Разумеется, что термин «крупнейший» необходимо понимать в рамках небольших пограничных городов русского фронта. Самара в эти годы открывала путь из центральных уездов страны в богатое волжское Понизовье с его рыбными и соляными ресурсами, в сказочные страны Востока.

Карта Среднего и Нижнего Поволжья. 1630-е гг.
Из кн.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию
и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906

Помимо того, Самара становится уездным городом. Вскоре после завершения Смуты, на Самарской Луке возникает земледельческо-про-

мысловый район оседлого постоянного расселения, складывается сеть сельских поселений. Первое известное упоминание о новом уезде свидетельствует о его существовании уже в конце 1620-х — начале 1630-х гг. На всем протяжении XVII в. под властью местной администрации находилось население, освоившее восточную и центральную «подгорную» часть Самарской Луки, до границ с Надеинским Усольем. Кроме того, самарские воеводы контролировали волжские рыбные ловли, «перевозы» и примыкающие к ним прибрежные пустынные земли от «Атлубы», напротив современного Тольятти, до устья Большого Иргиза. Неустановленность и зыбкость границ являлась обычной для уездов, находившихся в окраинных пограничных районах страны. Воеводы Самары, хотя и ограниченные жесткими рамками правительственной регламентации, имели возможность почти полновластно распоряжаться всей этой территорией.

Однако во второй половине столетия роль Самары и ее уезда в значительной степени трансформировались. Создание в конце 1640-х — 1650-х гг. Симбирской, Карсунской и Закамской засечных черт коренным образом изменило ситуацию в Южном Средневолжье. Началось интенсивное заселение пространства, оказавшегося под защитой новых оборонительных линий. Основным актором этого расселения стал значительный контингент военизированного населения¹. В Симбирском и на закамских землях Казанского уездов получило развитие мелкое и среднее поместное землевладение, сложилась сеть стрелецких и казачьих слобод. Строительство Симбирска (начальное название — Синбирск) и других укрепленных пунктов, формирование нового обширного района феодального землевладения способствовали тому, что именно Симбирск становится важнейшим административным, военным и хозяйственным центром Южного Средневолжья. Гораздо интенсивнее, чем Самара, стал развиваться Саратов, от которого в центр страны вел удобный сухопутный путь. Функции главного центра на волжском пути, присущие ранее Самаре, перешли к этим двум городам. Снизилась административно-военная роль Самары, резко уменьшилось количество посадского населения в ней, хотя численность гарнизона осталась прежней. По сводным данным переписи 1678 г., в Самаре было расписано всего 70 посадских дворов, в 7 раз меньше, чем в Симбирске, и в 2,5 раза — чем в Саратове².

Строительство в 1683 г. Сызрани и в 1687 г. Кашпира, возникновение рядом с ними большого числа слобод служилых людей обезопасили территорию к югу от Симбирской и Карсунской черт. Возникли благоприятные условия для массового заселения нового района на Правобережье между Волгой и Сурой, южные границы его к началу XVIII в. дошли по берегу Волги почти до широты Саратова. Самара в этих условиях еще более теряет свое значение. Ее роль как центра обширного региона на Правобережье постепенно переходит к Сызрани.

В итоге город сохранил за собой роль военного опорного пункта Московского государства на его европейском Юго-Востоке³. Он был прежде всего обращен в лесостепное и степное Заволжье, время массовой колонизации которого наступило значительно позднее.

С развитием Самары в XVII столетии связана еще одна проблема. В местной литературе утвердилось убеждение, что в 1688 г. была дана «Грамата царская на имя писца Зиновьева в Самару: укрепление Самарское наименовать городом; жителей наделить землей, для чего отвести 120 тыс. десятин «в потомство» и учинить межевые признаки и грани...»⁴ Однако это не совсем так. Дело в том, что до XVIII в. в средневековой России не было принято специально переводить отдельные населенные пункты в ранг городов. Закрепление за поселением такого статуса происходило в рамках существовавших в течение многих веков традиций, обычного права. Городом, как правило, называли либо укрепленный пункт с военным гарнизоном, основанный в пограничной зоне (как это, например, было в 1586 г. с «Самарским городом»), либо административный центр уезда. Другие поселения, существующие на территории того же уезда и имевшие оборонительные сооружения, военные силы и даже воевод как глав местной администрации считали «пригородами». Например, Сызрань, включенная вместе с прилегающей к ней сельской округой, в состав Симбирского уезда, являлась «пригородом» Симбирска. В «Грамоте царской...», упоминание о которой сохранилось в документах 1689 и более поздних годов, говорится о том, что «писцу Ивану Зиновьеву, велено... отвезти на Самаре к городу конские и скотские выпуски и сенные покосы...»⁵ Ни о каком переименовании поселения Самара в город в данном документе речи не шло.

Разумеется, под определение города в современном понимании этого термина на протяжении всего времени своего существования в конце XVI – начале XVIII в. Самара не подходила. Она не являлась промышленно-перерабатывающим центром для сельскохозяйственно-промышленной округи, не была поставщиком товаров (за исключением весьма незначительного количества) для сельского рынка. Можно полностью согласиться со словами академика М.Н. Тихомирова: «Самара... долгое время оставалась крепостью, экономически более связанной с Волгой, чем с окружающей ее черноземной округой»⁶.

§ 1. ГОРОДСКАЯ И УЕЗДНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

В особенностях организации административного аппарата и его функционирования Самара как крепость и уездный город была сходна с другими русскими пограничными городами конца XVI – XVII вв. Ее управление основывалось на жесткой централизации и неукоснитель-

ном подчинении Москве. Вместе с тем местная администрация широко использовала потенциал городской служилой и посадской верхушки, прежде всего дворян и детей боярских. На самом верху управленческой пирамиды замещение должностей и исполнение должностными лицами своих функций происходило под контролем приказа Казанского Дворца, на более низкой ступени право выбора и контроля зачастую представлялось местной администрации. Представители «служилого города» могли участвовать в выборе кандидатов на ряд должностей. С середины XVI по 30–40-е гг. XVII в. в центральных уездах страны можно было формировать верхушку местной администрации на основе выборов; существовало так называемое губное управление. Однако для пограничных городов Юга и Юго-Востока, в том числе и Самары, основополагающим являлся принцип назначения воевод и руководства съезжей (приказной) избы из центра⁷.

Третьим уровнем организации власти, наиболее близким к нуждам и интересам подавляющего большинства населения, являлось управление, а точнее, самоуправление в местной посадской общине и сельских мирах Самарского уезда.

Администрация Самары, как и остальных уездных центров Юго-Востока страны (т. н. области «низовых городов»), вплоть до начала XVIII в., находилась под полной юрисдикцией приказа Казанского Дворца. Он был не просто территориальным приказом, но и центральным учреждением по управлению всеми вопросами и сторонами жизни огромного региона. Беглый подьячий Посольского приказа Г. Котошихин так писал о полномочиях его администрации: «Приказ Казанского Дворца... том приказе ведомо Казанское и Астараханское царствы, и к ним Понизовые города; и в те города воеводы и к ним указы посылаются о всяких делех, и с того приказу. А денежной збор собирается с Понизовых городов... Да в том же приказе ведомо войское дело и опасение от турской и от персицкой границы, и от калмыков и башкирцов»⁸.

Приказ ведал полным административным, финансовым, судебным управлением; обладал военно-организационными функциями на подвластной ему территории, которые обычно находились в ведении Разрядного приказа⁹. Ему подчинялись основные категории служилых людей, в том числе стрельцы и городовые казаки. Казанский Дворец (так его часто называли) руководил уголовным сыском и осуществлением наказаний; собирал все подати, таможенные сборы; контролировал исполнение населением невоенных повинностей. Он, как и другие территориальные приказы, должен был «обеспечить интеграцию новых территорий в состав единого государства»¹⁰. Архив приказа полностью сторел в начале XVIII в., и восстановить многие вопросы истории управления края не представляется возможным.

Воеводская система

В пограничной Самаре высшее звено местного управления соединяло в своей деятельности как военные, так и административно-судебные функции. Главой администрации являлся присылаемый из центра воевода¹¹. В глазах московских приказных людей скромный пограничный город на Волге был достоин в качестве воевод, как правило, стольников, но не представителей первостепенной знати. Лишь однажды в 1625–1626 – 1632–1633 гг. здесь на воеводстве находился боярин Б.М. Салтыков, но его определили в окраинный город в опалу, с запретом именоваться боярином¹². Только в особые периоды истории Самары в город посылали воеводами ярких личностей, сыгравших значительную роль в истории страны. К ним следует отнести князя Григория Осип(ф)овича Засекина¹³, первого самарского воеводу в 1586–1587 гг., под чьим руководством возводилась крепость. В тяжелые 1613–1614 гг. борьбы с авантюрой И. Заруцкого в город был послан видный военачальник Второго ополчения, троюродный брат знаменитого Д.М. Пожарского Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский. В 1675–1677 гг. в Самаре на воеводстве находился А.Н. Самарин из старинного, известного со времен Дмитрия Донского, боярского рода Квашниных. Сам Андрей Никитич, гордясь древностью своего рода, писал в одной из челобитных: «...а мы... людишки родословные болши трех сот лет...» Вместе с ним в Самаре был его сын Петр (род. в 1671 г.), впоследствии ставший одним из первых русских поэтов¹⁴.

Посылали в Самару воеводами перешедших на русскую службу иностранцев: в 1671–1672 гг. В.Я. Эверлакова, в 1672–1673 гг. – А.Д. Фанвисина¹⁵, предка знаменитого русского драматурга второй половины XVIII в.; в 1677–1678 гг. – А. Шеля¹⁶. Первые двое были потомками перешедших на русскую службу во второй половине XVI в. «немцев» из Ливонии. Александр Шель оказался на русской службе сравнительно недавно. Впервые в Поволжье он упоминается в 1674 г. как полковник, назначенный на воеводство в Саратов «город на горах делать новый». По настоянию Шеля Саратов был перенесен на правый горный берег, что потребовало от воеводы-«горододельца» незаурядной настойчивости и квалификации. Характерно, что и в Самаре в условиях развертывавшегося в Заволжье крупного восстания башкир Шель возвел в городском предполье систему оборонительных сооружений. Судя по всему, новый воевода был человеком активным и предприимчивым. В 1678 г. он писал в Москву, что под Самарой найдена серебряная руда, и послал в столицу образцы. Последующая судьба его «рудных» изысканий неизвестна¹⁷.

В основном же среди самарских воевод были личности неброские, не входившие в первостатейную знать и не оставившие яркого следа в русской истории. Всего с 1586 до 1706 г., по нашим подсчетам, состоялось около 70 случаев назначения в Самару на воеводство. Четырежды

в город направляли не одного, а двух воевод, один из которых являлся старшим, а второй — его «товарищем». Так произошло, например, в 1614 г., когда Самарой управляли князья В.И. Туренин и М.В. Белосельский¹⁸. Дважды, с небольшим разрывом, в Самаре был воеводой стольник Г.С. Овцын (в 1589–1590 и 1593–1597)¹⁹. Среди воевод были: 1 боярин, 30 стольников, 1 стряпчий, 1 жилец и 1 полковник. Чины остальных не установлены.

Воевод меняли в течение одного-двух годов после назначения, хотя и здесь бывали исключения (Б.М. Салтыков — 1625–1626 — 1632–1633 гг.). Для московского дворянства воеводская служба являлась выгодным и привлекательным делом. Именно поэтому даже на место в скромной Самаре была конкуренция; сюда назначали по челобитьям в награду за особые заслуги. Так, в 1658 г. в город был назначен «псковитин», видимо, выборный дворянин И.Т. Назимов «за службы и за раны»²⁰. Только однажды В.Я. Эверлакова послали воеводой указом без челобитья. Этот случай произошел сразу после завершения Разинщины, когда предшествующего воеводу повстанцы утопили²¹.

Обязанности и права воеводы были прописаны при назначении в особом наказе. Текст наказа жестко регламентировал его полномочия, не позволяя совершить серьезную акцию без ведома Москвы, скомандовав инициативу; но, в то же время не мог предотвратить воеводское самоуправство. Кормление, несмотря на его ограничение еще в середине XVI в., являлось основой для благополучия воеводы и его семьи и в последующем веке. В его состав входили не только крупные разовые сборы с посадских людей и крестьян — «въезжее», на три праздника — Рождество Христово, Пасху и Петров день, но и «повседневный корм», «деньги за харчи», производившиеся еженедельно или помесечно²². Население обязано было «кормить» родственников и слуг воеводы. Как считает современный историк Г.П. Енин, XVII в. породил новые виды кормления: платежи на именины царя и членов царской семьи, на именины воеводы и членов его семьи, корм на отъезд воеводы. В представлениях подвластного населения, в «кормлении» различались вполне оправданные «честные почести» и незаконные «посулы», «поминки» и т. д. В челобитных горожан обычно говорилось о «посулах и поминках» как о взятках за незаконные действия, вымогательствах. При этом одно и то же подношение сам воевода называл «почестью», а население — «посулами и поминками».

Несмотря на наличие правительственных актов, такая система в городе, находившемся на богатом торговом пути, открывала широкие возможности для злоупотреблений. Случаи змдоимства и лихоимства нередко были в самарской истории (воеводы А.И. Мясоедов (1656–1659), И.С. Нестеров (1682)). Последнего обвиняли не только во взятках, но и в убийстве²³).

По меркам русского правосудия, для горожан явиться к представителям местной администрации «скопом» и открыто заявить о своих требованиях считалось тяжким преступлением. Но и угроза жестокого наказания не всегда могла остановить их. В 1648 г. самарские люди приходили «скопом» к воеводе в съезжую избу, «невежливые слова говорили... учинились сильны и непослушны»²⁴. Во время Разинщины против местной самарской администрации во главе с воеводой поднялись как посадские, так и служилые люди по прибору, то есть практически все основное население Самары.

О своих действиях воевода отчитывался перед приказом Казанского Дворца. Глава уезда оставался подотчетным только Москве, но приказная администрация создала механизм местного негласного контроля за его деятельностью. Эта задача входила в обязанность дьяка или подьячего, посылаемого из столицы для руководства съезжей избой. Он негласно наблюдал за исполнением воеводой своих функций и в случаях превышения полномочий или злоупотреблений сообщал обо всем в приказ.

Съезжая (приказная) изба, дьяку и подьячч

Высшим административно-бюрократическим учреждением в городе и уезде являлась съезжая изба. Начиная с 1670-х гг. в документах она именуется, как правило, приказной. Здесь постоянно «сидели» воевода, подьячие, городничий; решались все вопросы жизни города и уезда — военные и военно-административные, гражданские, финансовые, судебные и т. д. Состав приказной избы, ее задачи и способы их решения сложились к середине XVII в. и наиболее законченный вид приобрели в 1650—1690 гг. Это было время расцвета средневековой русской системы местного управления. Четкого разделения функций в управлении и суде не было создано. Воеводе с его помощниками — «товарищами» — приходилось быть компетентным во всех областях.

За всю историю города лишь дважды местной съезжей избой руководил дьяк. В 1615 г. при воеводе князе М.В. Белосельском и сменившем его «Федоре Тулупове сыне Вельяминове» это был Посник Калачев, а в 1617—1618 гг. на его место отправили Нелюба Огарева. Однако из документов неясно, был ли он дьяком или подьячим²⁵. На протяжении всего остального времени в Самару в «дьячье место» посылали только подьячих. Сроки их службы составляли, как и у воевод, 2—3 года. Руководивший съезжей избой подьячий имел весьма широкие полномочия и был по своей должности в какой-то мере противовесом воеводе. Под его началом служили подьячие разных статей, число которых росло по мере возрастания значения города. От конца XVI — середины XVII в. сведений о среднем числе подьячих не сохранилось, но, скорее всего, их было не более 2—4²⁶. По окладной росписи 1681 г. их значилось 4: 1 старший, возглавлявший съезжую избу; 1 средней статьи и 2 младших. Показателем степени значимости должности старше-

го подьячего являлся размер его годового жалованья — 20 руб. денежного да хлебного по 20 четвертей ржи и овса, в то время как сотнику конных стрельцов полагалось соответственно 15 руб. и по 15 четвертей ржи и овса. Подьячий средней статьи получал по 11 руб. и по 11 четвертей овса и ржи. Наконец, младшие имели по 3—4 руб. и по 3—4 четверти овса и, соответственно, ржи²⁷. Такие оклады как постоянные были определены с середины XVII в. Например, в 1658 г. по челобитью самарской съезжей избы подьячего Федора Васильева было велено «ему государеву жалование учинить оклад» денежный в размере 4 руб. и хлебный²⁸.

Данных о том, из каких слоев общества формировалась эта группа бюрократии, крайне мало. Нужно, согласиться с Н.Ф. Демидовой, что для Самары, как, впрочем, и для других пограничных крепостей страны, использовался, как правило, служилый характер комплектования. Подьячих набирали из местных грамотных приборных людей, иногда переводили из других городов. Например, в 1663 г. подьячего М.Т. Ухватава перевели к местным стрельцам пятидесятником²⁹, в 1673 г. подьячего свияжской приказной избы Ивана Макарова перевели на такую же должность в Самару³⁰. Постепенно, со складыванием устойчивой группы подьяческих семей, начинается наследование этой должности. Сведений о подобном наследовании по Самаре не сохранилось, но вот в 1682 г. по челобитной местного подьячего Андрея Корсакова было указано «брату его Ивану быть на Самаре в денежном столе в подьячих»³¹. Упоминания о денежном столе и специальном подьячем при нем в приказной избе встречаются не однажды. Зачастую из местной приказной избы подьячих посылали в этой же должности в таможенных книгах³². Отметим, что в материалах Печатного приказа все сведения о назначении и переводе подьячих обнаруживаются только в пошлинных книгах³³. Лишь однажды в формуляре записи было указано назначение «за службы»³⁴, в остальных же многочисленных случаях «по челобитью». С лица, подавшего такую челобитную, бралась пошлина. И еще на одно обстоятельство обратим внимание. В указанных материалах за 1613—1682 г. зафиксированы сообщения всего о 15 назначениях подьячих, среди которых фигурирует 12 лиц, в том числе И. Кулаковский трижды, И. Чижов дважды и т. д. Отдельные подьячие ухитрились оставаться в съезжей избе в течение длительного срока. Так, И. Чижов впервые упоминается в 1649 г., когда ему велено было дать денежный и хлебный оклад, затем в 1659 г. по его челобитью было разрешено вновь быть подьячим в съезжей избе. В 1666 г. подьячему С. Тарбатову и в 1673 г. подьячему И. Макарову было указано «быть на Самаре в подьячих на место подьячего Ивана Чижова»³⁵. Можно сделать вывод, что данная должность для Самары имела ряд преимуществ и была конкурсной.

По объему письменной документации, выходящей из приказной избы и регистрировавшейся в книгах Печатного приказа, Самара на-

много опережала соседние Саратов и Царицын³⁶. Местные подьячие не справлялись с большим объемом приказной работы. Поэтому в городе в середине XVII в. появился площадной подьячий³⁷. Он, как это видно из названия, сидел на городской площади и исполнял писчие работы на заказ: писал челобитные, копии с межевых и писцовых книг, подорожные и т. д. Исполнители этой работы являлись выходцами из грамотного слоя посадских и служилых приборных людей и обязательно должны были проходить «регистрацию» в съезжей избе. Наличие площадных подьячих являлось одним из важнейших признаков значимости города, активности его деловой жизни.

Прочие представители городской и уездной администрации

Значимое место в местной администрации занимал городской приказчик, его еще называли городничим. Первые известия о них относятся к середине XVII в.: «1 мая 1650 г. велено было курмышенину И. Вельяминову быть в Самаре в городских приказчиках на место Фадея Гурьева»³⁸. Городничих набирали из дворян и детей боярских и назначали по конкурсу особым указом. Это место занимали как местные служилые люди по отечеству, так и иногородние. В окладной росписи денежного и хлебного жалованья данная должность не указана; лица, ее занимавшие, служили с поместного оклада. В отличие от воеводы, функции городничего ограничивались только городом. Он ведал оборонительными укреплениями, городскими службами, в той части, которая ему оставалась от воеводы и старшего подьячего.

Пожалуй, воеводой, городничим, подьячими (старшим и средней статьи), а также головой, руководившим стрельцами, исчерпывался состав высшей администрации Самары. Все они, как правило, назначались из центра и противостояли основной посадской и служилой массе населения.

В Самаре и уезде так и не сложилось начал губного управления; строгая централизация была символом тогдашней местной администрации.

В XVII в. в стране не имелось самостоятельных, независимых от администрации, судебных органов. Главные государственные преступления рассматривались в Москве Боярской Думой и приказными судьями; все остальные дела — гражданские и уголовные — на местах, в съезжих избах. Важнейшие из них судил сам воевода. Зачастую судебный процесс возбуждался администрацией города, и, следовательно, судья превращался в непосредственно заинтересованное лицо.

Единственным чиновником в сложившемся административном аппарате, задачей которого являлось осуществление судебного-розыскного процесса, считался пристав. Первые сведения о приставстве в Самаре относятся к середине XVII в. В 1656 г. в ответ на челобитье было велено П. Леонтьеву, С. Карпову и П. Андронову «отдать самарское пристав-

ство без откупа вместо государева жалованья»³⁹. Видимо, пристав не играл значимой роли в местной администрации, являлся, по сути, мелким чиновником для поручений – привода в суд и т. д. В приставы шли люди из прибора или посада.

Для наказания преступников по окладной росписи предусматривалась должность палача. При тюрьме, появившейся практически одновременно с городом, был определен тюремный сторож.

В состав местного аппарата входили также должности, не несшие сколько-нибудь руководящей нагрузки. К ним относились бирич, часовник, сторожи приказной избы и таможни, струговой кормщик и т. д. На государевом жалованье находился даже богадельный нищий.

Уже говорилось, что в первой трети XVII в. на территории Самарской Луки появились сельские поселения, из которых возник Самарский уезд. И ранее, в конце XVI – начале XVII в., под юрисдикцией воеводы и местной администрации находился как сам город, так и прилегающая к нему обширная территория. Но после образования уезда задачи представителей власти значительно усложнились; для эффективного управления сельской округой явно не хватало сил и людей. Поэтому приходилось привлекать местных жителей, прежде всего служилых людей по отечеству. Дети боярские исполняли временные поручения, занимали выгодные конкурсные должности руководителей застав и караулов, управляющих дворцовыми селами; осуществляли межевание земель, промысловых угодий и т. д. На нескольких заставах, окружавших Самару, они не только оберегали город от внезапных нападений, но и проводили досмотр торговых караванов, собирали таможенные пошлины. Двор управляющего дворцовыми селами располагался в с. Рождествено, где в последней трети XVII в. постоянно находились представители местного дворянства. Для регистрации таможенных и откупных сборов к детям боярским прикрепляли младших подьячих и целовальников. Так формировалась довольно сложная структура местных административных, финансовых, таможенных и других органов.

На протяжении XVII в. Самара являлась перевалочным пунктом на волжском судоходном пути и на сухопутных караванных дорогах из Средней Азии. В городе появлялись представители разных народов – купцы-тезики, послы и т. д. Для переговоров с ними в крепости служили с государева жалованья переводчики – татарский и чувашский толмачи (данные 1681 г.).

Таковыми представляются администрация города Самары и Самарского уезда в XVII в. и способы ее функционирования. Она в основных своих чертах была типичной и для других сравнительно небольших пограничных городов Европейской России.

§ 2. РАТНЫЕ ЛЮДИ ПОГРАНИЧЬЯ

Состав и численность служилого населения

Самара строилась прежде всего как пограничная крепость. Подавляющее большинство ее жителей составляли служилые люди городско-го гарнизона и их семьи. В возникших позднее городах, пригородах и жилых острогах по Симбирской, Карсунской и другим засечным линиям стрельцы, казаки и прочие категории служилых людей в большинстве своем расселялись по территории уездов и практически становились сельским населением. Они размещались в слободах, получали земельные наделы; дворяне и дети боярские помещались, переводили крестьян, заводили усадьбы в своих селениях.

Самарский же уезд был крайне невелик по территории. Наиболее удобные для помещения земли в нем были заняты крупными монастырскими и дворцовыми владениями. Далеко не всем самарским дворянам и детям боярским в середине – второй половине XVII в. удалось получить сравнительно небольшие поместные владения в локальных прибрежных районах Самарской Луки. За исключением юртовых казаков, самарские стрельцы, пушкарки и иноземцы вынуждены были содержать себя и свои семьи за счет «государева» жалованья и различных промысловых предприятий. Все они оставались исключительно городским населением⁴⁰.

На протяжении всей истории города вплоть до начала XVIII в. явно прослеживалась тенденция к росту его гарнизона. Трудно сказать, каковой являлась численность служилых людей в первые годы существования Самары. Известно лишь, что подавляющее большинство среди них составляли стрельцы, «литовские люди» и дети боярские. В 1612–1613 гг. в крепости насчитывалось 300 стрельцов, из которых 50 являлись конными, остальные – пешими. Эти данные о количестве стрельцов наименьшие из известных нам. В конце Смуты, после разорения Саратова, самарский гарнизон пополнился еще 75 конными и 130 пешими саратовскими стрельцами⁴¹, но вскоре они, очевидно, вернулись в свой восстановленный город.

До середины 1630-х гг. служилых самарцев насчитывалось не более 400 человек, затем их количество выросло до 450, а к середине XVII в. перевалило за полтысячи⁴². Рост или снижение общей численности гарнизона во многом зависели от ситуации, складывающейся на юго-восточных границах страны. Историк П.П. Смирнов писал, что между 1630 и 1650 гг. были произведены крупные перемещения ратных людей, значительные массы которых перевели на юг и юго-восток, в «открывающуюся» для военной колонизации лесостепь⁴³.

Середина – вторая половина XVII в. оказалась насыщенной городскими восстаниями, казачьими и крестьянскими волнениями. Сovre-

Вооружение русского всадника.
Из кн.: Герберштейн С. Записки
о Московитских делах. СПб., 1908

менники называли это время «бунташный век». Государству приходилось все чаще опираться на военную силу, увеличивать свои гарнизоны даже во внутренних, сравнительно безопасных районах. Сил и средств у правительства имелось значительно больше, чем в первой половине столетия. Среднее Поволжье в эти годы пережило одно из самых мощных в российской истории социальных антикрепостнических движений — восстание под предводительством Степана Разина. Москва предпринимала все усилия для того, чтобы обезопасить регион, создать в нем условия для аграрно-промышленного освоения, развития поместно-крепостнической системы.

Численность гарнизона Самары во второй половине столетия достигла 550–600 человек. В окладной книге служилых людей крепости 1681 г. указано 467 «и более» человек, но в ней не учтены юртовые казаки, часть дворян и детей боярских и, возможно, другие категории военно-служилого населения⁴⁴. Только конных и пеших стрельцов, по данным 1686–1687 гг., насчитывалось более 500 человек. Кроме того, на службе состояло 100 «иноземцев», детей боярских и т. д.⁴⁵ В 1670–1671 гг., когда город перешел на сторону разинцев, в Самаре, по свидетельству очевидцев, насчитывалось 670–700 «всяких чинов человек»⁴⁶.

Наиболее полные и достоверные данные о составе гарнизона города на начало XVIII в. (1702 г.) дают книги сбора даточных людей для формирования регулярной армии Петра I, проводившегося в нашем крае комиссией под руководством князя Н.А. Решнина⁴⁷. В Самаре насчитали 666 служилых людей: из них дворян и детей боярских — 52, иноземцев — 72, конных стрельцов — 102, пеших стрельцов — 401 (из них накануне переписи две сотни (199 чел.) были отправлены из города в «свейский поход»), юртовых казаков — 25, пушкарей — 14⁴⁸ (табл. 2.1).

Наиболее постоянной и устойчивой категорией гарнизона города являлись стрельцы. В предшествующей главе уже говорилось о «годовальщиках» из Казани, Свяжска и других городов, присылаемые во вновь основанную крепость. Видимо, на рубеже 1580–1590-х гг. началась практика перевода служилых людей с семьями⁴⁹. В городе начало

складываться постоянное военное население. Правда, «годовальщики» появлялись и позднее, но тогда их присылали только в экстренных случаях на помощь уже сложившемуся гарнизону. Нередко в состав «годовальщиков», отправляемых в другие города, попадали и самарские служилые люди. К примеру, для предупреждения продвижения войск Степана Разина вверх по Волге, в Саратов, послали из Самары несколько сотен стрельцов.

Таблица 2.1

Состав и численность гарнизона Самары на начало XVIII в.

№	Группы населения	Численность по группам			
		Служилые люди, недоросли, отставные	Общее количество	Мужчины	Женщины
А) Служилые люди и члены их семей					
1	Дворяне и дети боярские	52	272	126	146
2	Иноземцы	72	279	154	125
3	Конные стрельцы	102	472	273	199
4	Пешие стрельцы	202	886	440	446
5	Юртовые казаки	25	107	56	51
6	Пушкари	14	70	41	29
<i>Всего служилых людей</i>		467	2086	1090	996
Б) Недоросли и отставные служилые люди, члены их семей					
7	Недоросли	81	264	141	123
8	Отставные	53	158	72	86
<i>Всего по группам, связанным со службой</i>		601	2526	1321	1205
9	Пешие стрельцы «в свейском походе» (вместе с отставными стрельцами)	199	750	376	374
<i>Всего с отправленными в «свейский поход» стрельцами</i>		800	3276	1697	1579

Служилые люди по прибору

Основной ударной силой, наиболее обеспеченной государевым жалованьем, являлись конные стрельцы. В начале самарской истории, вплоть до Смутного времени, их было около 50 (данные 1612–1613 гг.), к 1620-м гг. численность конницы увеличилась до сотни и оставалась стабильной все последующие годы. Конные стрельцы использовались для многодневных «посылок» в степь, в разъездах для наблюдения за передвижениями кочевников и предупреждения их набегов. Они служили на дальних заставах. В задачу стрельцов входило сопровождение торговых и посольских караванов. Наличие и боеготовность конных стрельцов являлись показателем способности крепости и ее властей контролировать ситуацию в окружающем регионе.

Большинство стрельцов были пешими. В первой трети XVII в. их численность составляла около 250 человек, в последующее двадцатилетие выросла до 300, каковой и осталась впоследствии. Однако данные

Стрелец. Рис. С.В. Иванова. 1898 г.

рьев. Головы служили с поместий, денежный и хлебный оклад им не полагался. Известен случай, когда до этой должности выслужился бывший сотник самарских стрельцов⁵¹.

В отличие от голов, сотниками у местных стрельцов в основном становились самарцы и гораздо реже «иногородние». Это была должность для служилых людей «по отечеству». Например, в 1646 г. в городе служили сотниками дети боярские С. Тимофеев, Ф. Раздеришин, С. Корчемкин и С. Олонисев⁵². Только в редких случаях приборный человек мог подняться в служебной иерархии до сотника. Так случилось, например, в феврале 1681 г. с конным стрельцом И. Небезиным, когда ему в награду за участие в Чигиринском походе пожаловали должность сотника у конных стрельцов. Среди самарских сотников постоянно мелькают одни и те же фамилии местных детей боярских — Хомутских, Тимановых, Могутовых и других. Должность сотника у конных стрельцов являлась прибыльной и почетной; о назначении на нее просили, подавали челобитные. Сотники, как правило, жалованье получали деньгами и хлебом и только начиная с 1640-х гг. иногда служили с поместных дач⁵³.

Должности пятидесятников и десятников чаще занимали служилые люди по прибору в награду за долгую и усердную службу.

за отдельные годы второй половины XVII в. (1651, 1686, 1687, 1698, 1702 гг.) свидетельствуют, что в городе находились четыре стрелецкие пешие сотни. В конце 1640-х — начале 1650-х гг. из них был сформирован приказ во главе со стрелецким головой (приказ — войсковое соединение, объединяющее 500 стрельцов⁵⁰).

В военной иерархии пограничной Самары стрелецкий голова занимал почетное третье (вслед за воеводой и городовым приказчиком), а то и второе место. На эту должность назначались исключительно дворяне и зачастую неместные. Самарские дети боярские считались для такого высокого места «худородными». В 1655 г. у местных стрельцов был в головах курмышенин (житель Курмышы) А. Кротков «по-прежнему», в 1658 г. — В.Ф. Полтинин (до 28 апреля 1659 г.), в 1697 г. — Д. Бородин и только в 1698 г. — самарец И. Гурьев.

С появлением стрелецкого приказа в городе возникла еще одна должность — пятисотенного дьячка. Этот пост также занимали по челобитью и, как правило, бывшие приборные люди: в 1647 г. — И. Федоров, в 1658 г. — самарец А. Минин; в 1659—1660 гг. — самарец Г. Молчанов⁵⁴. Человек, исполняющий эту должность, вел всю приказную канцелярию и имел значительную власть.

Разница в жаловании различных групп служилых людей этой категории была весьма значительна. В последней четверти XVII в. сотнику конных стрельцов полагался годовой оклад в размере 15 рублей денег да «хлеба 15 четвертей ржи, овса тож». Пеший стрелец получал в год «денег по 3 рубля, хлеба по 7 четвертей ржи, овса тож»⁵⁵.

Следующей по численности категорией служилых людей в самарском гарнизоне являлись иноземцы. Видимо, в начальный период истории Самары их называли «литовскими людьми». К ним в основном относились перешедшие на русскую службу, мелкая шляхта, мещане и другие группы населения Речи Посполитой. Такие переходы происходили во время войн между соседними странами. Этнически «иноземцы» могли быть русскими, например «смолянами», или относились к родственным украинцам и белорусам⁵⁶. Позднее сведения о служилых иноземцах надолго пропадают, и вновь они появились в крепости с 1675 г. По окладной росписи 1681 г. — 70 человек иноземцев, они делились по размерам жалованья на 3 неравные группы: 46 иноземцам положили по 6 рублей в год, ржи и овса по 6 четвертей; 20 — получали по 8 рублей в год, ржи и овса по 8 четвертей; 4 — видимо, начальствующие лица — по 10 рублей, ржи и овса по 10 четвертей.

Судя по окладам, даже низшая категория иноземцев была вполне сопоставима с конными стрельцами (5, 9, 9) и значительно превосходила пеших рядовых (3, 7, 7)⁵⁷. Иноземцы являлись наиболее «темной», слабоизученной группой среди самарских служилых людей. Они могли, как дети боярские, получать поместные оклады. В то же время в «иноземный список» входили не только выходцы из-за рубежа. В 1682 г. самарскому конному стрельцу А. Чурлину (несомненно, местному) «за службу и раны» разрешили служить в Самаре по «иноземному списку» (?).

Видимо, они являлись промежуточной категорией служилого военного населения и занимали место между людьми по прибору и отечеству, но находились ближе к первым, чем ко вторым.

В некоторых городах Юго-Востока Европейской России среди служилых людей видное место занимали городовые казаки. В Самаре этой категории представлено не было. Зато здесь под городом селились выходцы с Яика — юртовые казаки. Первый такой случай отмечен в 1626 г., когда атаман Максим Гилянец и 6 казаков попросили разрешения поселиться в Самаре. Большинство сведений о юртовых казаках относилось ко второй половине XVII в. Юртовые казаки являлись своеобраз-

ной частью самарского гарнизона. Они не были положены в оклад, не считались обычным служилым населением, сохраняли за собой право свободного ухода. Численность юртовых казаков вряд ли превышала 25–30 человек⁵⁸. В то же время они не являлись замкнутой сословно-служилой группой. Встречались случаи, когда местные посадские жители получали разрешение «быть в юртовых казаках». Бывало и наоборот, когда в 1681 г. по челобитью юртовых казаков В. Большого и В. Меньшого Лоскутьевых было «велено служить им по Самаре с городом»⁵⁹.

Стабильной группой среди самарцев были пушкари. В 1620–1630-х гг. их было 8 человек. В 1650–1660-х гг. их число выросло до 11 и даже 14, а затем (по данным 1681 г.) вновь сократилось до 8 человек. Наконец, по переписи 1702 г. их опять насчитали 14. Судя по размерам жалования, они были близки по своему социальному статусу к пешим стрельцам. С натяжкой можно отнести к приборным людям самарских часовников и воротников.

Служилые люди по отечеству

Служилых людей по отечеству можно разделить на две неравные группы. В первую входили иногородние, посылавшиеся на службу в Самарский город на командные должности, в качестве воевод, городских приказчиков, стрелецких голов, иногда сотников. Количество их было невелико, состав постоянно менялся. Некоторые из этих людей — воеводы, городовые приказчики — занимали не военные, а военно-административные должности.

Представители второй группы — дворяне и дети боярские — являлись традиционной для Самары категорией населения. Самарский «служилый город» сложился примерно к началу 1620-х гг. Однако сохранилась составленная уже в 1587 г. именная роспись детей боярских, направленных на службу в Самару, с указанием городов, к корпорациям которых они относятся, и окладов⁶⁰. На протяжении всего XVII в. это была стабильная, сравнительно немногочисленная группа местного гарнизона. Ротация детей боярских между городами приказа Казанского Дворца была очень слабой. По сводным данным второй половины 1620-х — начала 1680-х гг. (за более ранний период сведения отсутствуют), группа дворян и детей боярских оставалась практически неизменной по численности и составляла 18 чел.⁶¹ Несколько выбиваются из этого ряда данные сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг., указывающие 25 человек. Однако из них на службе по городу числилось только 13. Остальные 12 состояли «на государеве службе в полку думного дворянина и воеводы Замятни Федоровича Леонтьева»⁶². В последние два десятилетия XVII в. численность служилого города резко увеличилась, но объяснить причины этого явления затруднитель-

но. Всего по Самаре на начало 1702 г. насчитывалось 9 выборных дворян и детей боярских и 3 дворовых. Выборные дворяне (верхушка местного служилого города) появились в Самаре только во второй половине XVII в. Наиболее многочисленную подгруппу местных служилых людей по отчеству составляли так называемые «городовые», то есть те, кто не мог участвовать в дальних походах, а были годны прежде всего для местных «посылок» и «осадной службы». К ним относились: «городовые поместные» (14 чел.) и «городовые беспоместные» с земельным окладом от 500 четвертей и денежным жалованьем от 27 руб. до 7 руб. (всего 26 чел.).

Смотр служилых людей. Худ. С.В. Иванов

Количество всех служилых людей по отчеству в Самаре (тех, кто здесь жил постоянно и имел дворы) было более значительным, чем указано в списке служилого города 1702 г., так как отставные сотники, сотники конных и пеших стрельцов, стрелецкий голова (из самарских Могутовых) относились к этой же группе. Только с 1640-х гг. самарские люди по отчеству за свою службу начали получать земельные поместья в Самарском (на Самарской Луке) и других уездах. Многие из них поселили в своих владениях крестьян и основали там селения.

К началу 1660-х гг. относятся известия о том, что самарские воинские люди служат рейтарским «строем»⁶³. Но сведений о частях «нового строя» сохранилось мало, и трудно предполагать какие-то серьезные изменения в составе гарнизона города, порядке его службы. Реформирование русской армии, проводившееся во второй половине XVII в., слабо затронуло вооруженные силы приказа Казанского Дворца и тем более пограничной Самары.

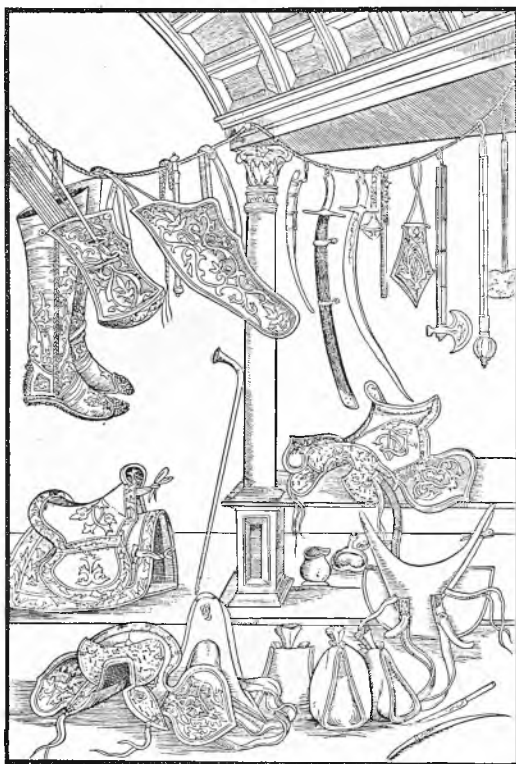
Военная служба

Военная служба на Самаре являлась более безопасной, чем в Саратове или Царицыне. Об этом свидетельствует количество «посылок» воинских людей, столкновений с кочевниками и казаками. Лишь несколько раз самарцам пришлось участвовать в серьезных военных действиях. В начале XVII в. в поволжских степях появились воинственные орды калмыков, которые в 1639 г. пытались осадить Самарскую крепость. Гарнизон успешно выдержал осаду 10-тысячного войска, а в 1644 г. самарцы вместе с отрядами, присланными из других городов, ходили в специальный «калмыцкий» поход. После разгрома кочевников отношения между ними и воеводами пограничных поволжских городов стабилизировались. Но достижение зыбкого мира не создавало прочных гарантий для спокойной жизни уезда и самой Самары. Небольшие отряды калмыков и башкир то и дело появлялись под городом; отгоняли скот, жгли укрепления, порой захватывали в плен зазевавшихся горожан и селян и продавали их в рабство. Сторожевая служба, предупреждение возможных нападений являлись важнейшей заботой как самарской администрации во главе с воеводой, так и немногочисленного гарнизона.

Самарские воинские люди большей частью исполняли свои обязанности в пределах города и уезда; гораздо реже — на более удаленных территориях Среднего и Нижнего Поволжья и только в крайних случаях принимали участие в войнах на западных или юго-западных границах России. К числу таких редких случаев отнесем известный «Чигиринский поход» — Русско-турецкую войну 1677–1681 гг., вошедшую в послужной список многих приборных людей.

Самарские стрельцы и иногда иноземцы, сопровождали как охрана, реже «в гребле», торговые и посольские караваны вниз и вверх по Волге до Астрахани и Казани. Конных стрельцов и детей боярских посылали для бережения послов и торговцев на сухопутных путях в Среднюю Азию, на Яик и т. д. Наиболее безопасным временем для таких посылок считался март, когда до схода снега можно было легче передвигаться по насту, а степь еще не заняли кочевники, зимовавшие рядом с Астраханью.

В пределах Самарского края приходилось «дежурить» по уметам и караулам на степных дорогах, по заставам, окружавшим Самару, ходить в «серную посылку» на р. Сок. Нередко вооруженных людей посылали в дворцовую волость на Самарской Луке в с. Рождествено (последняя треть XVII в.). После завершения в крае событий Разинщины по 50 стрельцов ежегодно посылались на «Переволоку», — в самое узкое место Самарской Луки между реками Волгой и Усой⁶⁴. Таким образом подступы к Самаре были достаточно надежно прикрыты караулами, заставами, небольшими острожками.

Снаряжение русского воина и дорожная утварь. Из кн.: Герберштейн С.
Записки о Московитских делах. СПб., 1908

Трудно судить, насколько радетельны были местные воинские люди, как исправно они несли службу. Сами они неоднократно жаловались, что «оскудали», обеднели, повинности им в тягость, в дальние посылки ходить нечем и т. д. Совершенно плачевное положение самарского гарнизона в последние годы Смуты описал воевода Д.П. Лопата-Пожарский. Он сообщал, что город «оскудал», а семьи стрельцов только ждут теплого времени, чтобы идти просить подавания. Из уст же соперников воинских людей – посадских – были слышны обвинения, что, дескать, местные стрельцы от службы отлынивают, занимаются торгами и промыслами, богатеют. Неизвестно, насколько были правы и те и другие. Данные пятины 1634 г. свидетельствуют, что среди приборных людей имелось немало промышленников и торговцев, которые превосходили своим богатством многих посадских.

Однако защитить город во время крупных социальных движений местные служилые люди не могли. Как правило, они в большинстве

своим переходили на сторону повстанцев (как это произошло во время Разинщины), всегда были готовы к неповиновению. Наиболее явственно это недовольство проявлялось, когда до Самары доходили слухи о волнениях в Москве, других городах или на территориях. Так, например, в 1648 г. самарские стрельцы, пушкари и ружники «скопом в съезжую избу приходили и бунт устроили».

Тем не менее служилые люди были готовы «порадеть» за православие, не жалели себя в столкновениях с «басурманами». Истории с русскими людьми, попавшими в плен, но сумевшими сохранить свою веру и вернуться на родину, далеко не единичны и получили достаточное отражение в источниках XVI–XVII вв.

Об их психологии и ментальности свидетельствует история, случившаяся с самарским конным стрельцом Павлом Треногиным. В 1658 г. он был отправлен с отрядом стрельцов из Самары в Саратов для охраны царской казны. На обратном пути попал в плен к калмыкам и был продан в рабство в Хиву, а затем перепродан в Бухару. Видимо, уже в конце 1660-х гг. вместе с 10 русскими рабами бухарский хан Абдул-Азиз передал его в подарок «индийскому хану». После 9 лет жизни в Индии стрелец был отпущен на волю. Вернувшись назад в Бухару, он выкупил там русскую «жонку казанскую» Анну Никифорову, на которой женился. Затем перебрался в Хиву. Более чем через 30 лет после пленения, в 1689 г., с посольством хивинского хана, где он ухаживал «за зверьми бабрами» (тиграми, барсами), отправленными, видимо, в подарок русскому царю, оказался в Астрахани. По дороге в Москву оставил свою жену Анну у родственников в Самаре. В декабре 1690 г. вызванный в Посольский приказ Треногин рассказал о своих странствиях⁶⁵.

Демография семей служилых людей

Служилые люди являлись в целом таким же населением города, как и члены посадской общины. Они имели здесь свои дворы, занимались помимо служебных хозяйственными делами, в том числе торгами, ремеслами и промыслами. По переписи 1702 г. общее количество служилых людей вместе с членами их семей в Самаре составляло 3276 человек (1697 мужчин и 1579 женщин), а доля их среди других жителей города достигала 85 % (вместе с подьячими и т. д.). Переписчики учитывали не только самих служилых людей, но и членов их семей по разным возрастным категориям, как мужчин, так и женщин. Эти уникальные данные, позволяющие определить демографические особенности служилого населения города, можно экстраполировать, по крайней мере, на всю вторую половину XVII в.

В семьях членов самарского гарнизона соотношение записанных в службу к общему количеству мужского населения составляло 1 к 2,55.

Полученный показатель практически совпадает с границей соотношения, выведенного в свое время В.Д. Назаровым (40–45 %)⁶⁶. Заметим, что по отдельным категориям самарского гарнизона он достаточно сильно варьировался. Например, более низкий для служилых людей по отечеству уравнивался значительно более высоким для иноземцев, а также пеших стрельцов, отправленных в «свейский поход».

На 1 самарца, несущего государеву службу, приходилось 2,4 женщины. В семьях членов гарнизона насчитывалось 48 % женщин и 52 % мужчин, т. е. на 1000 женщин приходилось 1079 мужчин. Таким же это соотношение было и для всех категорий служилых людей (вместе с недорослями и отставными). Однако в различных группах этот показатель также менялся, причем довольно значительно. В семьях служилых людей по отечеству процент женщин составлял 54, у иноземцев – 45 %, конных стрельцов – 42 %, у пеших стрельцов – 50 %, отставных – 49 % и т. д.

Женская составляющая семей служилого населения Самары и ее социально-демографическая дифференциация представляют особый интерес. Дело в том, что по рассматриваемому и более раннему периодам русской истории практически полностью отсутствуют какие-либо репрезентативные источники по этому вопросу. По данным переписной книги 1702 г. и дополняющих ее материалов о самарских стрельцах, отправленных в «свейский поход», удастся установить не только общее количество женского населения по большинству групп самарских жителей, но и семейно-возрастное деление внутри него. В частности, из 1579 человек женского пола, входящих в совокупность категорий служилых людей, недорослей и отставных, 772 составляли «дочери девки» (48,9 %), 676 – жены (42,8 %) и 131 – вдовы (8,3 %). Таким образом, в среднем на 1 семью приходилась 1,1 малолетней (не выданной замуж) дочери.

Среди указанного в таблице мужского населения Самары малолетние «14 и 10 лет и ниже» дети составляли 40,8 %, «холостые, которым 20 лет и выше и ниже до 15 лет» – 10,2 %. Среди указанных на государственной службе всех категорий служилых людей (вместе со стрельцами в «свейском походе») процент женатых составлял 83,6. У недорослей он был ниже – 37 %.

Таким образом, дети, а также парни и «девки», не вступившие в брак, составляли около половины населения города (большинства, по которому у нас есть сведения). Если проецировать эти данные на вторую половину XVII в., когда городские гарнизоны практически не подвергались реформированию и были стабильны в количественном выражении, то можно считать, что подросшая молодежь должна была полностью заменить старшее женатое поколение в течение двух десятилетий.

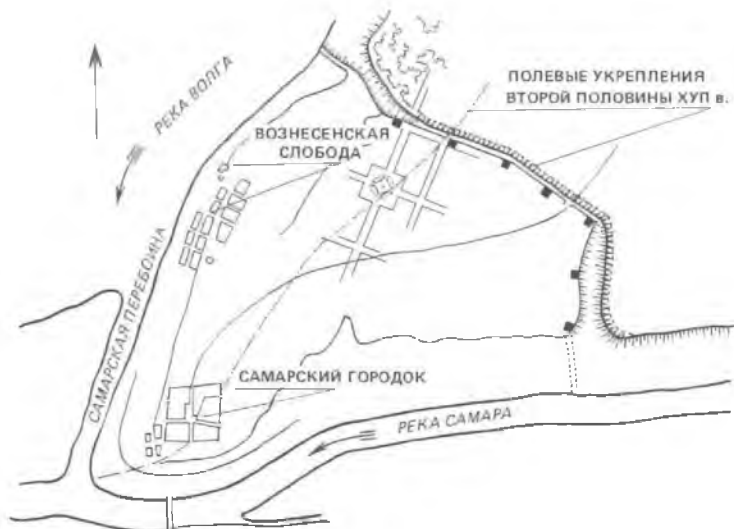
Таковы были состав, положение и обязанности военизированного населения города в конце XVI – XVII вв. Полученные данные необхо-

димы не только для истории небольшой пограничной Самары, они расширяют наши возможности для изучения других русских городов этого времени и основных категорий их населения.

§ 3. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ САМАРЫ И УЕЗДА

Эволюция самарской фортификации

Самара на протяжении полутора столетий со времени основания и до строительства Самарской (Оренбургской) линии во второй половине 1730-х гг. была прежде всего пограничной крепостью. Поддержание в боеспособном состоянии ее оборонительных сооружений являлось жизненно необходимым фактором как для защиты юго-восточных рубежей Московского государства, так и для самого населения города. В их эволюции исследователи выделяют три этапа⁶⁷. На первом (1586–1645) укрепления представляли собой палисад, то есть сплошную стену из заостренных сверху бревен, врытых в землю и соединенных пажиланами. По периметру острога стояли башни. В плане система укреплений имела подпрямоугольную, близкую к квадрату, форму и защищала все населенное место. Видимо, к дальней от Волги стене острога примыкал кремль.

Самара во второй половине XVII в. Реконстр. Е.Ф. Гурьянова. Из кн.: Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / НИИ теории арх-ры и градостр-ва / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1994

По определению Е.Ф. Гурьянова, Самарская крепость располагалась следующим образом: «...северо-западная угловая башня стояла у перекрестка улиц Водников и Кутякова; юго-западная — на территории мукомольного завода № 1; юго-восточная — у второго (по ходу) тупого излома улицы Карбюраторной; северо-восточная — на линии застройки нечетной стороны улицы Алексея Толстого, между улицами Кутякова и Крупской»⁶⁸.

Изменение топографии Самары, появление в заволжских степях калмыков способствовали созданию в середине 40-х гг. еще одной системы укреплений. Начало второму этапу положил указ царя Алексея Михайловича 1645 г. о строительстве дополнительных оборонительных сооружений с восточной и северо-восточной сторон города, не защищенных реками. Было велено создать земляные укрепления в виде рва и вала со сторожевой высокой деревянной башней⁶⁹. Кроме находившихся под стенами острога ближних «надолб» появились «дальние». Новые оборонительные сооружения отстояли настолько далеко от города — «дальние надолбы, не доходя Студеного оврага», — что смогли защищать даже «конские и скотские выпасы». Так, о набеге калмыков и башкир на Самару в 1670 г. говорилось, что те: «...в дальних надолбах сожгли две башни и стали в степи от города версты по три и по четыре»⁷⁰.

Время от времени производились ремонт самарских укреплений и их частичная реконструкция. В 1681–1682 гг. воевода И.С. Нестеров писал: «...на Самаре надолбы около города и башни и с раскаты старые починил и вновь многие зделал»⁷¹. Для этого примерно в полутора километрах от стен острога пространство между двумя оврагами, впадающими в Волгу и Самару, перекрыли рвом и валом. Внутренние, ближние к городу склоны оврагов были эскарпированы. Вдоль них и рва в несколько рядов поставили надолбы (вар.: надолбы), наклонно, к направлению нападения противника, врытые в землю бревна. За этими укреплениями с внутренней стороны стояли сторожевые башни. Таким образом, были защищены не только вновь появившиеся слободы, но и места ближних выпасов. Неизвестно, перестраивались ли острог и кремль впоследствии, но их не раз ремонтировали (1682 г.) и обновляли. Это «предполье», исходя из современной планировки города, начиналось от Волги, проходило по ул. Ленинградской почти до Самарской, затем круто поворачивало вправо, по прямой линии через начало ул. Садовой и завершалось у р. Самары⁷².

Несмотря на многочисленные пожары (только за 1690–1703 гг. Самара горела трижды — в 1690, 1700 и 1703 гг.), вплоть до начала XVIII в. местные власти и население пытались восстановить прежний облик города. Уточнить особенности его укреплений и границы расселения горожан позволяют данные, составленного по распоряжению Петра I, описания «низовых городов» 1701–1704 гг.⁷³ Накануне большого пожара, случившегося 6 августа 1690 г., детинец представлял собой «город

рубленой, сосновой, крыт тесом, по нем 8 башен, в том числе с проезжими вороты 4 башни». По острогу, защищавшему посад, также стояло 8 башен. Отстроенные укрепления вновь выгорели в августе уже 1700 г.⁷⁴ Судя по сохранившимся источникам, в начале XVIII в. между реками Самарой и Волгой «в степи» город на протяжении полутора верст защищали надолбы и 4 сосновые башни, «и башни и надолобы погнили и развалились»⁷⁵. Еще один пожар 1703 г. уничтожил значительную часть города, острог и кремль. Строительство новых укреплений в 1704–1706 гг. положило начало третьему этапу в фортификационной истории Самары.

Стена, рубленая городнями. Реконструкция. Из кн.: Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988

На протяжении всего XVII в. происходила медленная перестройка Самары. Территория ее расширялась, крепость превращалась в населенный пункт, состоящий из кремля, посада, нескольких слобод, а также примыкающих к ним и используемых в хозяйственных целях окрестностей.

Город и его укрепления глазами путешественников

Эволюцию города можно проследить по совокупности его описаний и рисунков, сделанных иностранными путешественниками и русскими наблюдателями в XVII — начале XVIII вв.⁷⁶ Первую краткую характеристику особенностей городской планировки дал проплывавший по Волге в 1623 г. московский купец Ф. Котов. Он писал: «Город Самара стоит на луговой стороне, от Волги песок залег, а город стар, рубленой, ни-

зок, и острог по тому же городовому месту. А под городом река Самара течет и[з] степи, устье под городом пало в Волгу, по нижнюю сторону города, а над рекою бани, а посады и ряды в городе, а около степь»⁷⁷.

Самара, по сравнению с Саратовом и Царицыном, ко времени описания Котовым была действительно «старой», т. к. две последние крепости были сожжены в годы Смуты и их в середине 1610-х гг. заново отстроили. Путешественник указывает и на то, что город «рубленой, низок, и острог по тому же городовому месту». «Город рубленой» широко распространенный в эпоху русского средневековья синоним «города венчатого», в отличие от стоялого острога⁷⁸. Прочитируем фразу из обобщающего исследования по средневековому русскому градостроительству: «В случае стоячего острога городовая стена, невзирая на ее значительную протяженность по горизонтали, приобретала выраженную вертикальную направленность за счет вертикально поставленных бревен с заостренными концами; рубленая же стена, более спокойная, с сильно подчеркнутой горизонталью, теснее увязывалась с рублеными башнями, которые становились единственными носителями вертикального начала»⁷⁹. И несомненно, рубленые стены с Волги должны были выглядеть «низкими». Отметим, что при описании Саратова и Царицына Ф. Котов отмечает «стоячий острог» и «неввысокий тын соответственно».

Сведения о том, как были устроены рубленые стены начального самарского кремля (однорядные, двухрядные в виде тарас — деревянных срубов, связанных между собой поперечными деревянными стенками и заполненных землей, песком, щебнем), к сожалению, отсутствуют⁸⁰.

У Котова также указано, что острог стоял «по тому же городовому месту», а посады и ряды были в «городе». За пределами крепости оказались только бани⁸¹. Именно такой монолитной, закрытой со всех сторон системой деревянных укреплений увидел Самару в 1636 г. (через 13 лет после Котова) голштинец А. Олеарий.

От XVII в. сохранился только один рисунок Самары, сделанный в середине 1730-х гг. секретарем голштинского посольства А. Олеарием. Это изображение является хрестоматийным и используется практически во всех изданиях, посвященных истории города. Однако есть основания усомниться в точности рисунка и описания А. Олеарием Самары (как, впрочем, и соседнего Саратова). Путешественник увидел в этих поволжских городах исключительно военные пункты, что совершенно не согласуется с современными его описанию другими источниками. На рисунке в Самаре отсутствуют слободы и предместья; в Саратове же, по мнению голштинца, «живут одни лишь стрельцы». О нашем городе Олеарий сообщает крайне скудные сведения: «Этот город лежит по левую руку, в 2 верстах от берега, построен в виде четырехугольника, имеет небольшое количество каменных церквей и монастырей»⁸². Исходя из описания Котова, Самара не была так удалена от волжского берега. Да и первые каменные храмы появились в городе значительно

позднее⁸³. Меж тем, судя по данным пятины 1634 г., переписным книгам 1646 г. и другим источникам второй четверти – середины XVII в., рядом с городскими укреплениями, за «городом», в относительно незащищенных местах уже находились слободы.

Самара на рисунке А. Олеария. 1636 г. Из кн.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906

Отметим, что еще один немецкий путешественник и натуралист Э. Кемпфер, посетивший Самару в 1683 г., сообщает, что она не каменная, как писал Олеарий (речь, видимо, идет об одном из храмов) и что «другие части города замыкаются городскими...» (здесь пробел, видимо, валами, стенами и т. д.⁸⁴). Характерно, что Кэмпфер для себя разделил Самару на кремль и «другие части города» – посад, слободы и т. д.). Думается, что к подобного рода деталям описания в текстах и рисункам у иностранцев следует относиться достаточно осторожно. Об этом уже не раз писали историки.

Исследователи считают, что в первой половине – середине XVII в. изменилась топография местности, где располагалась крепость. Волга пробила новое русло ближе к городу, между ней и рекой Самарой, также под стенами крепости, возникла протока – «перебоина». Крепость с посадами и прилегающими слободами оказалась вытянутой точно вдоль Волги с юга на север. В начале 1630-х гг. уже упоминалась Рыбная слобода за пределами самарской крепостной стены. При проведении переписи 1646 г. в Самаре подьячий записал в свои книги большую Болдырскую слободу, а еще через 5 лет в одном из документов появились сведения о Вознесенской слободы: «...за городом за Вознесенскою слободою за огороды на кабацкое питье место под погреб и под избы отвьсть»⁸⁵. Начиная от посада, огороженного стеной с башнями и стоявшего на возвышенной стрелке между Волгой и Самарой, далее к северу шла цепочка слобод: Рыбная, Болдырская, Вознесенская; за по-

следней лежали огороды, кабацкое место, погреб и избы. К началу XVIII в. город приобрел ряд черт торгово-промышленного поселения, в известной степени утратив первоначальный военный облик. На Корнилия де Бруина (Брейн, Корнелис де), голландского путешественника и живописца, видевшего Самару в 1703 г., общий ее облик произвел не слишком благоприятное впечатление: «Город занимает всю гору, а предместье тянется вдоль речного берега... город довольно обширен, весь деревянный, и домишки в нем плохие»⁸⁶. К рубежу XVII—XVIII вв. Самара, особенно после того, как к ней в 1688 г. было приписано 120 000 десятин земли в междуречье Сока и Самары, во многом была сходна с обычными для того времени русскими городами, окраины которых практически не отличались от окрестных сел и деревень, а в хозяйственных занятиях их населения значительное место занимали земледелие, огородничество и животноводство.

Господствующей в Самаре была усадебная застройка. Дома, окруженные дворами, зачастую с огородами, стояли просторно, повторяя особенности рельефа. Это был так называемый «живописный» вариант городской планировки. Сохранилось описание одного из типичных самарских дворов конца XVII в.: «...а на дворе... хоромы, изба липовая бревенная, да повалюша сосновая бревенчатая с чердаком, да сени, да погреб, печь надворная, баня осокоревая бревенчатая, да хлев, двор в городьбе и с ворота. Дворовое место против государевых размерных книг, а в межах тот... двор подле двора Чудова монастыря, а по другую сторону двор Кирилы часовника, а против через улицу, городской острог»⁸⁷. Едва ли не в каждом дворе держали лошадь, а то и две, коров, овец, коз, кур.

Оборонительные сооружения Самарского уезда

Всю эту зону расселения и экономической деятельности необходимо было защитить от внезапных нападений кочевников и казачьих отрядов (рис. 2.3.5).

На дальних подступах к городу уже в первой половине XVII в. устроили небольшие укрепления — заставы, куда посылали служилых людей для оберегания города от неожиданного нападения, проверки торговых обозов и речных караванов. Одна из таких застав находилась на волжском берегу, другая — в степи за рекой Самарой в «Осинниках» (?).

От внезапного прихода «воинских людей» приходилось защищать и подступы к Самарскому уезду. На переволоке между Волгой и Усой самарские воеводы вынуждены были держать караулы. В 1673 г. воевода А. Фанвисин построил здесь три небольших острожка, в которые посылались «самарских служилых людей по пятидесяти и больше»⁸⁸. Немногочисленные отряды стрельцов должны были нести караульную службу в крупнейших селениях Самарского уезда. Для «оберегания» в Рождествено, Подгорах, других селах устроили простейшие оборони-

тельные сооружения в виде «заборов с боями», надолоб и т. д. По описанию начала 1670-х гг., «в селе Рождественном да в Ильинском у церкви ограды загорожены забором и от приходу воинских людей на заборах по одному бою. Да в селе Рождественном от поль около дворов загорожено забором на заборе два боя, на углу струб дубовый две сажени с облами. В деревне Выползове двор осадной огорожен забором, на четыре угла два боя, кругом надолобы...»⁸⁹

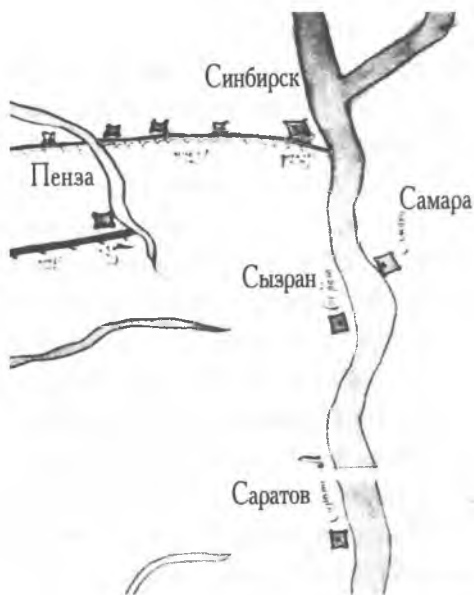
Самарская крепость. Реконструкция Н. Звягинцева, В. Тюкина

Самарский уезд и прилегающие к нему крупные владения также оберегали достаточно хорошо вооруженные городки-крепости в Надеинском Усолье, в вотчине московского Вознесенского монастыря (село Городище-Костычи и рыбная ватага на Сокском устье), а также построенные в 1680-х гг. Сызрань и Кашпир.

§ 4. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СЫЗРАНСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

Сызранская крепость

В 1670-х — начале 1680-х гг. государство приступило к осуществлению ряда крупномасштабных проектов для защиты южных и юго-восточных рубежей Европейской России. Завершив в конце 1670-х гг. строительство Пензенской черты, правительство намеревалось продолжить ее на восток от Суры вплоть до Волги в виде непрерывной системы валов, засек, крепостей и острогов. Только в этом случае все правобережье Южного Средневожья было бы прикрыто единой оборонитель-

Фрагмент карты «Чертеж городам лежащим...»
Конец XVII в. Из кн.: Гуркин В.А. На берегах
Русского Нила. История изучения территории
Симбирского Поволжья. М., 2005. С. 76

ной системой (как это произошло во второй половине 1640-х – начале 1650-х гг. при возведении Симбирской, Карсунской (часто по главному городу черты называют Корсунской) и других засечных черт).

Однако до принятия окончательного решения о строительстве новой системы укреплений в Москве посчитали необходимым на правом берегу Волги возвести Сызранскую крепость⁹⁰.

В конце июня 1683 г. к устью р. Сызранки был послан полк под командованием симбирского воеводы Г.А. Козловского. Он состоял из служилых людей по отечеству и прибору, иноземцев, мурз и татар, копейщиков и рейтар Симбирской и Карсунской линий⁹¹.

Они должны были собраться в Симбирске в «указной срок июня 17 числа»⁹², а уже 13 сентября Козловский доложил, что Сызран (первоначально крепость называлась так) построен. Возведение крупной крепости за 2–2,5 месяца свидетельствует о том, что ее основные деревянные оборонительные сооружения строили из ранее заготовленного леса. Из него в местах рубки (видимо, севернее Симбирска) были собраны срубы будущих стен и башен города, которые затем разметили, разобрали и отправили вниз по Волге. В царской грамоте, составленной по отписке Козловского, говорилось, что «по государеву указу на старом городище Сызран город со всякими городовыми с каменными и з деревянными и з земляными крепостями зделан вновь и соборную церковь построили во имя Пресвятыи Богородицы Живоносного Источника»⁹³.

Возведение оборонительных пунктов «з деревянными и з земляными крепостями» являлось обычным делом для пограничья Юга и Юго-Востока страны. А вот «каменные крепости» были для того времени редкостью⁹⁴. Методику строительства «каменного» Сызрана раскрывает описание 1703 г. Основные крепостные сооружения делались из леса («строение деревянное сосновое»), а в качестве фундамента для стен использовался камень. «Под городовую стену кладен камень и пере-

сыпан землею...» Крепость представляла собой неравнобокий четырехугольник, в периметре составлявший немногим более 626 м, с высотой стен почти 4,5 м: «По мере в длину 70 сажень, поперечнику 87 сажень, кругом города 290 сажень, в высоту 2 сажени от земли. Под городом каменного строения в пол-2 аршина. По городу 5 башен, в том числе 2 башни проезжие... И ныне поставлен острог. По мере того острогу 25 сажень пол-2 аршина. От реки Сызрану рыт ров и веден вал. По валу плетень, туры и кладен камень. По мере того валу 116 сажень, в высоту привалку пол-2 аршина и от валу до города 4 сажени 2 аршина. Круг жилья двойные надолобы»⁹⁵.

В более позднем описании крепости, сделанном симбирским провинциальным воеводой в 1728 г., приведены несколько иные размеры, а именно: «Вкруг того города мерой двести дватцать восемь сажень, внутри того города в длину пятьдесят семь сажень, поперег внутри восемьдесят четыре сажени»⁹⁶. Несовпадение размеров, видимо, обусловлено тем, что крепость на рубеже XVII–XVIII вв. ремонтировали и перестраивали «...от реки Сызрану городовая стена обвалилась и ныне поставлен острог. По мере того острогу 25 сажень пол 2 аршина»⁹⁷.

Сызрань, ставшая пригородом Симбирска, была для того времени относительно крупной крепостью. Ее гарнизон состоял из 236 казанских и тетюшских, а также 239 чебоксарских солдат «с женами и с детьми для переведения на вечное житье». Все они получили «на то дворовое строение» по 4 рубля». Но при подведении общего итога в документе среди переведенцев указано сначала 515, а затем 525 солдат⁹⁸ (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Земельные наделы солдат Сызрани

Категории военных людей	Количество	Надел на 1 служилого чел. в четв. в 1 поле, «а в дву потому ж», в четв.	Общее количество земли в четв.: в 1 поле / в 3 полях
Сержанты	8	40	320 / 960
Десятники	40	30	1200 / 3600
Рядовые	370	20	7400 / 22200
Всего земли в 1 поле	–	–	8920
В 3 полях	–	–	26760

Скорее всего, в Сызрани поселили гораздо меньше людей. В «Выписке из синбирских отводных книг... сызранским солдатам на отведенную им землю» в 1690 г. говорится, что «новостроенного города Сызрани казанские, тетюшские, чебоксарские переведенцы, сержанты,

урядники и рядовые солдаты Ивашка Винокуров с товарищи», всего 418 переселенцев «против синбирских валовых казаков» пахотные земли и угодья получили в 1684 г.⁹⁹ Однако «по окладу» землю выделили 480 солдатам. Ее отмежевали за пределами «порозжей земли», которую «отвели от города Сызрана всяких чинов градским жителям на выпуск по указу Вел. Государей и по уложению от города по две версты»¹⁰⁰.

Дополнительно к пахотным землям сызранские солдаты получили сенные покосы и лесные угодья¹⁰¹.

Военизированное заселение Сызранского Правобережья

Строительство Сызрани способствовало интенсивному заселению края военизированным населением. В течение 2 лет до принятия решения о возведении новой засечной линии к югу от Симбирской и Карсунской черт появилось большое количество слобод служилых людей. Их основали станичные казаки (Печерская и Жемковская слободы), солдаты выборного полка А.А. Шепелева (Усинская и Суринская слободы, д. Подвалье (Ильинские горы, после строительства храма с. Богоявленское), Елаур, и др.). Появившиеся казачьи слободы, как правило, были обеспечены пашней и угодьями на 50 служилых людей. Так, в 1684 г. переведенными станичными сызранскими казаками Саввой Богомоловым «с товарищи» была основана Печерская слобода. Им отвели пахотные земли и прочие угодья на 50 человек по 20 четвертей (в одном поле) каждому¹⁰². Позднее, в начале XVIII в., жители слободы так характеризовали свои службы: «...все высланы на службу и донные служат, а которые де остались за старостью, и те де непрестанно были в работе на Камышенке и в посылках и на караулах на Сызране и в подвотчиках»¹⁰³. Появление таких слобод могло происходить и до основания Сызрани, как это случилось с казаками Жемковской слободы в 1682 г.¹⁰⁴

Расселение солдат выборного полка А.А. Шепелева на Правобережье началось после того, как они приняли активное участие в подавлении «Разинщины»¹⁰⁵. Как пишет историк А.В. Малов: «...после каждой серьезной кампании... следовало верстание за безупречную службу новых, еще не верстанных солдат... все солдаты, которые добросовестно прошли через горнило Разинщины, должны были переместиться из списка вольных людей в единый список с детьми боярскими»¹⁰⁶. С основанием Сызрани испомещение выборных солдат стало массовым. Их размещают «под Ильинскими горами», по р. Усе, Тишереку и другим. В основном солдаты стремились поселиться рядом с волжским побережьем. На более удаленных, глубинных территориях, по широте Сызрани такие поселения возникали крайне редко. К числу последних относится Архангельская слобода (Бекшанка тож), которую основали в тех же 1683–1684 гг. солдаты А. Ходыков с товарищами¹⁰⁷.

Закрывать от нападений степняков Волжско-Сурское междуречье силами только русских казаков и солдат было невозможно. Поэтому госу-

дарство всячески способствовало расселению в этом районе военных людей из коренного населения Казанского края. В начале – середине 1680-х гг. возникает система поселений служилых татар, чувашей и мордвы (Торуевские Вершины, Чувашская Бекшанка, Еделево, Сайман, Ахметлей в верховьях р. Сызрани, в западном районе предполагаемой черты; Ногайский Брод (Уса), Малячкино (Казанбаевка) и, видимо, ряд других в восточной части). Традиционно эти селения жмутся к кромке леса, возникают на лесных полянах. Право селиться в новых местах и землю для занятий сельским хозяйством симбирские власти давали, как правило, по челобитьям. Новые поселенцы должны были нести сторожевую службу, вместе с русскими станичными казаками и солдатами защищать все пространство между Сурой и Волгой.

В восточной его части деревни служилых татар, мордвы и чувашей по Усе, Тишереку и другим рекам, скорее всего, появились ранее строительства Сызрани. Этому способствовало то, что здесь, вдоль правого берега Волги, уже в 1630-х – 1640-х гг. сложилось Надеинское Усолье с Усольским городком, а позднее, в 1660-х гг., севернее возникла совокупность слобод с русским служилым населением «за валом» (на «Арбугинских горах» и рядом с ними).

Проект Сызранской черты и возведение ее отдельных пунктов

Правительство после строительства Сызрани не отказалось от плана создать непрерывную систему укреплений от Суры до Волги¹⁰⁸. Летом 1685 г. местность между двумя этими реками осмотрел и составил план будущей укрепленной черты и симбирский воевода, стольник М.А. Головин¹⁰⁹, родной брат известного сподвижника Петра I Ф.А. Головина.

Итогом летней экспедиции стал царский указ от 23 декабря 1685 г.: «По досмотру и по описи и по чертежу стольника и воеводы Матвея Головина за старою Синбирскою и Корсунскою чертою и за новопостроеными селы и деревни для обереганья от приходу воинских людей строить новую черту ему стольнику и воеводе от Казачьих гор до Туруева городища и до реки Суры на семидесят верстах на трехстах на сороке на две саженья. И по той новой черте сделать четыре городка, чтоб старая Синбирская и Корсунская черта и тех городов пригороды и арбугинская пашня и села и деревни, которые за старою Синбирскою и Корсунскою чертою были в черте. И служилым и всяких чинов и уездным людям жить было безстрашно и на Волге всяким людям от приходов воинских людей разоренья не было»¹¹⁰. Новая линия должна была защитить «новопостроенные села и деревни», а также судовый ход и рыболовецкие предприятия по Волге. Начальным пунктом черты на волжском побережье была указана не уже построенная в отдалении от реки, за протоками, Сызрань, а крепость на «Казачьих горах» – Кашир.

По еще одному царскому указу от 23 февраля 1686 г. строительство новой черты следовало начать 1 мая 1686 г.¹¹¹ За март и апрель руководители Разрядного и Казанского приказов должны были урегулировать с местными властями мероприятия по мобилизации работных и служилых людей, а также собрать их под Сызранью. «Городовое и валовое и засечное дело» следовало «начать делать в нынешнем во 1686-м году не испустя летнего времени»¹¹². Посошные люди собирались из уездов, находившихся в ведении различных приказов – Казанского, Разрядного и других, «... з десяти дворов человека да с пятнатцети дворов лошаадь. А работных людей велено нарежать, чтоб у всякого человека было по топору, по заступу, по лопате, да у дву человек по кирке. А лошади с телеги и с ужищи»¹¹³.

Набор инструментов для строительства новой черты, которые должны были взять с собой «деловцы» – топоры, лопаты, заступы и кирки, был весьма ограниченным и примитивным. Возможно, что-то должны были изготовить на месте в Сызрани или во временных рабочих лагерях, устроенных вдоль строительства новой черты. Общая численность крестьян, бобылей и посадских людей, мобилизованных на строительство Сызранской линии весной 1686 г., составляла не более 8500–9000 чел. По проекту ее протяженность равнялась примерно 152 км¹¹⁴.

Для охраны района строительных работ, «обереганья тех посошных людей» следовало использовать полк М.А. Головина с «ратными людьми московского чину» и служилыми людьми из Свяязска, Арзамаса, Нижнего Новгорода, Касимова и Шацка¹¹⁵.

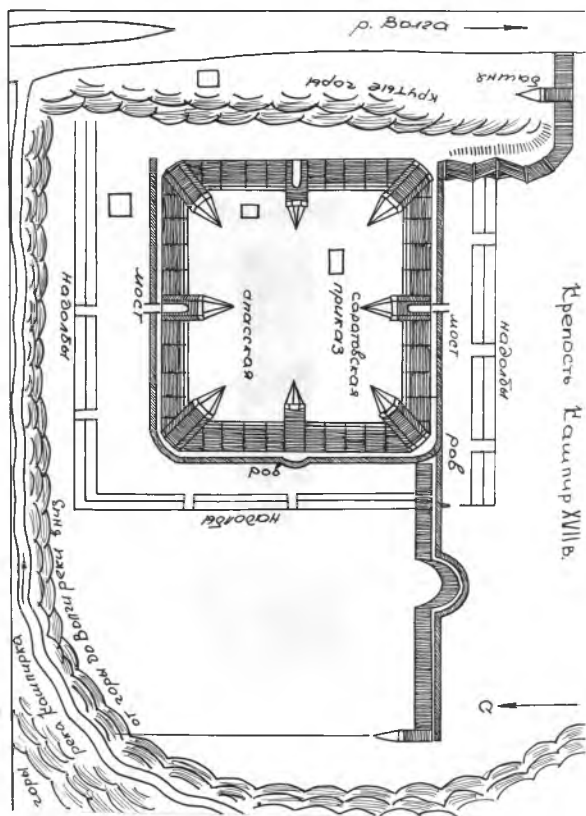
Однако все указанные выше подготовительные мероприятия не были завершены. Уже 13 апреля в приказ Казанского Дворца был направлен царский указ, в котором говорилось об отмене строительства новой линии: «И апреля в 13 день нынешняго ж 194-го году за тою Синбирскою и Корсунскою чертою тех городов и валового и засечного дела делать великие государи *не указали*»¹¹⁶. Возможно, причиной отказа от строительства стали заключение Вечного мира с Польшей и концентрация всех сил на южном направлении.

Несмотря на это решение, полк М.А. Головина летом 1686 г. все же выдвинули в район планируемого строительства¹¹⁷. Позднее отдельные сооружения черты все-таки были построены: у Волги город Кашпир и земляной вал около него в 1687 г.; у Тураева городища – казачья Торувская слобода.

Именно Кашпир являлся одним из 4 городков, составлявших костяк Сызранской линии. Его гарнизон охранял судоходство на Волге, чтобы «всяким людем от приходов воинских людей разоренья не было»¹¹⁸. Строился Кашпир «по досмотру и по описи и по чертежу стольника и воеводы Матвея Головина», составленных в 1685 г. для возведения Сызранской линии.

Сохранился уникальный чертеж укреплений Кашпира, относящийся к концу XVII в.¹¹⁹ Деревянная дубовая крепость с 8 башнями имела

почти правильную квадратную форму «в длину 46 сажен с аршином, поперек — 50 сажен, вокруг города — 245 сажен»¹²⁰.

План крепости Кашпир в конце XVII в. Из ст.: Налетов А.Г. План города Кашпира конца XVII в. // Архитектурное наследство. 1972. № 19. С. 94

Четыре угловые башни были восьмигранными; остальные 4, располагавшиеся на пряслах стен, — квадратными. Все они увенчивались шатрами. Три из них — северная Спасская, южная Саратовская и восточная — имели ворота. Стены крепости, «в высоту 2 сажени пол 2 аршина», с 3 сторон были устроены на валу, окружены рвами и надолбами («Около города с 3-х сторон вырыт ров»¹²¹). По более позднему описанию второй половины XVIII в., высота стен составляла не менее 3,5 м¹²². С восточной стороны в дополнительных укреплениях надобности не было, т. к. склон холма круто обрывался к Волге. Въезд и выезд из Кашпира осуществлялся через Спасскую и Саратовскую башни по специальным деревянным мостам, переброшенным через ров. Еще один

выход был через башню в «пряслях» восточной стены. Наиболее уязвимой стороной крепости являлась южная – широкое основание возвышенного мыса. Строители дополнительно укрепили это направление. От южной стены городка, от угловых башен на восток, вниз по крутому берегу к Волге и на запад к долине р. Кашпирки шли деревянные палисады (а перед ними рвы), заканчивающиеся 2 сторожевыми башнями: «От города ж к речке Кашпирке вал и острог, по конец вала башня. По мере того вала и острогу 405 сажен 2 аршина. А от той башни надолобы до реки Волги, да от другой наугольной башни по горе до реки Волги надолобы ж. По конец надолоб – башня, шатер»¹²³. При въезде в городок, у ворот Спасской башни, была устроена таможня. Внутри городка размещался воеводский двор со строениями, приказная изба, две караульни и склад боеприпасов, так называемая «зеленая изба». Сторожевая башня у р. Кашпирки по плану проектировщиков должна была соединяться с укреплениями Сызранской линии, однако эта часть проекта так и не была осуществлена.

Гарнизон крепости был сформирован из переведенных служилых людей с Симбирской черты, городов Среднего Поволжья. Первыми поселенцами стали 188 солдат, которым в 1689 г. «вместо денежного и хлебного жалованья было отведено под пашню земли и сенных покосов и всяких угодий против сызранских солдат»¹²⁴. Сложно сказать, насколько остальные 3 городка Сызранской черты по своим конструктивным особенностям повторяли оборонительные сооружения Кашпира. Возможно, они были однотипными.

Защищать междуречье Волги и Суры вместо гарнизонов так и не построенной черты должны были: военизированное население Сызрани и Кашпира; жители казачьих, солдатских, служилых татарских, чувашских и мордовских селений; а также казаки и солдаты, расселенные в более глубинных районах Симбирского уезда¹²⁵. Так, в царской грамоте о наделении сенгилеевских станичных казаков землей говорилось, что в «той Сенгилеевской слободе и службы де они всякия Великаго Государя городовая и объездныя служат и на нашу Великаго Государя службу ходят по очередь и ряду, по дважды в году, и в новопостроенном городе Сызрани и на Кашпире со своею братиею станичными казаками с Тетюш и Карлинска и стоят ради сбереженья от неприятельских людей попеременно и в проезжая, подозрныя станицы по Симбирской и по Корсунской черте ездят безпрестанно...»¹²⁶

§ 5. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ КРЯ И КОЧЕВНИКИ ЗАВОЛЖЬЯ

Заселение Самарской Луки

Долгие годы после присоединения Среднего Поволжья к России на территории края существовали только летние кочевья степняков, ред-

кие казацьи стоянки, в укромных местах прятались ватажные строения русских рыболовов да за сотни верст приезжали сюда «наездом» в свои уголья мордва, чуваша и татары.

Лишь после строительства Самары под ее защитой в конце XVI – начале XVII в. стали появляться первые постоянные селения. Основывали их беглые русские крестьяне, мордва и чуваша, уходившие на Волгу от тяжести крепостнических повинностей, малоземелья и бедности центральных уездов страны, Нижегородского и Казанского Поволжья.

Первые деревни и села устраивались, как правило, под эгидой крупных собственников: церковных феодалов и «гостей»-промышленников. Трудности обживания совершенно неизведанного места без подмоги со стороны соседей или богатого покровителя выпадали чрезвычайные.

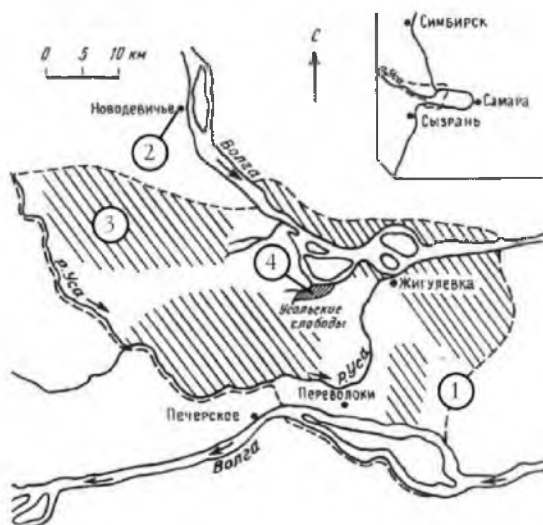
В Самарском крае в конце первой трети XVII в. появилось два крупных центра формирования сельского расселения – Самарский уезд и так называемое Надеинское Усолье. Первый занимал восточную и центральную части Самарской Луки; второй располагался в ее западной части.

Подгорная восточная часть Луки была очень удобна для расселения. Со всех сторон этот равнинный район защищали широкая акватория волжской излучины и труднопроходимые, поросшие лесом горы. Местность находилась «под Самарой», под защитой гарнизона крепости. Здесь возникли древнейшие селения Самарского края Рождествено, Подгоры, Ильинское. Первое упоминание о деревне «под Лысой горой», то есть о Подгорах, относится к концу 20-х гг. XVII в. Для того чтобы защитить, предупредить жителей этих селений от внезапного прихода «воинских людей», к западу устроили караулы. Под защитой одного из таких караульных острожков возникло еще одно селение – деревня Ново-Подкараульная. По соседству с Подгорами жители из уже возникших селений основали деревню Выползово. Так сложилось начальное ядро старейших русских селений края. Они лежали на открытом месте, рядом с пашнями, а появившиеся почти одновременно маленькие деревеньки мордвы и чувашей – Шелехметь, Борковка, Торновое – прятались в укромных местах за лесами и буераками, среди гор, занимали неудобья. В конце 30-х – начале 40-х гг. во всех этих селениях насчитывалось 210 дворов¹²⁷.

Костяк жителей самарских сел и деревень составляли бывшие беглые. Численность населения росла достаточно быстро. По переписи 1646 г. только в русских селениях восточной части Луки насчитывалось более 300 дворов¹²⁸.

По мере роста поселений в них обустроивались владельческие дворы, примитивные оборонительные сооружения, храмы. Деревня Подгоры по названию церкви получила новое название – Ильинское, по той же причине Ново-Подкараульная стала селом Архангельским.

В западной части Самарской Луки, рядом с соляными источниками, в 30-х гг. XVII в. возникли хорошо укрепленный городок, слободы Верхнеусольская, Нижнеусольская и Усольская. Здесь обосновались рабочие люди из Соли Камской, Костромского уезда; крепостные крестьяне, слуги и прислужники гостя Надеи Светешникова. Большинство жителей слобод составляли беглые, «гулящие» люди, пришедшие в Усолье «своей охотой». В середине 40-х гг. занятых на промысле, в сельском хозяйстве, в обороне насчитывалось более 100 человек¹²⁹.

План Надеинского Усолья в XVII веке. Рис. Э.Л. Дубмана: 1 – границы; 2 – населенные пункты; 3 – леса; 4 – район солеварения

В 1640-х гг. в центральной, до этого не освоенной части Самарской Луки появилось несколько небольших помещичьих деревень: Моркваши, Осиновый Буерак, Ширяев Буерак. Они располагались в укромных, защищенных местах волжского побережья.

Возникшие в первой половине XVII в. селения оказались в уникальном положении. До начала 1680-х гг. они находились как бы на острове, отделенном от основного ареала оседлого населения Юго-Востока Европейской России кочевьями степных народов.

В 50-х – начале 80-х гг. Самарская Лука оставалась основным и единственным районом формирования оседлого населения Самарского края. Наиболее активно начала осваиваться центральная часть полуострова, земли, принадлежащие государству. Народная колонизация самотеком пробивала все запреты, сыски и розыски, представляя основного «поставщика» населения. Попытки феодалов организованно переводить своих крестьян из других вотчин случались редко. Наиболь-

шее количество переселенцев в эти годы давали близлежащие уезды — Симбирский, Алатырский, Свияжский, Казанский. Миграционные потоки из дальних районов, из центра страны резко сократились. Наряду с русскими значительными группами переселялись мордва и чуваш.

Переселенцы, как правило, не меняли статус, оставались крепостными, государственными, ясачными, дворцовыми, но на какой-то период улучшали свое положение.

В подгорной восточной части Самарской Луки поток переселенцев оседал в старых селах Рождествено, Подгоры и других; в центральной и западной частях — основывал новые деревни. В последней четверти XVIII в. на востоке Самаролучья начинается аграрное перенаселение, итогом которого явился резкий отток жителей, массовое их бегство.

Значительный рост населения и возникновение новых поселений — Жигулевки, Переволок и других — наблюдался в Надеинском Усолье. Помимо русских здесь начали селиться чуваш, основавшие деревни Старый Теплый Стан, Новый Теплый Стан на Ногайском ключе и прочие. По писцовым книгам 1686–1687 гг., население Усолья составляло около двух тысяч человек¹³⁰.

Наиболее интенсивно осваивалась в эти годы центральная часть Самарской Луки, где возникло около десятка чувашских и мордовских поселений: Березовый и Сосновый Солонцы, Старая Аскула, Бахилово Буерак (Бахилово), Винная на Ключе (Винновка), «Мордвина», «Карамол» (Кармалы) и другие. О времени возникновения некоторых из этих селений можно сказать более точно. Так, 22 мая 1652 г. самарскому воеводе били челом «черемисины» с просьбой разрешить им поселиться «за государем на оброке в Самарском уезде на диком поле в Бруснянских вершинах у ключа». Им разрешили «дворы поставить и под пашню залежные земли распахать»¹³¹. В 1660–1661 гг. «чуваш» уже существовавшей к тому времени деревни Аскулы получили грамоту «на новую пустошь землю, на Сосновый Солонец»¹³². Так возникла одноименная деревня. Определить, кто жил в этих «чувашских», «мордовских», «черемиских» селениях, довольно трудно. Местная администрация учитывала прежде всего податное население, его социальные категории, а уж напоследок — этническую принадлежность. Мордву записывали чувашами, чувашей — черемисами, а то и скопом: «мордовские и чувашские деревни».

Мордовскими были прежде всего деревни, расположенные на востоке Самарской Луки, немногие — в ее центральных районах: Яблонная, Винная. Чуваше основали все деревни Надеинского Усолья и большинство селений центральной части Луки.

Мордва и чуваше Самарского края продолжали оставаться язычниками. Какой-либо целенаправленной политики христианизации среди них в XVII в. не проводилось.

Селения, принадлежавшие помещикам, хотя и несколько разрослись, все же оставались малонаселенными, занимая тесные поляны и межгорные урочища по волжскому побережью. Ни одно из них не стало селом, ни в одном не было выстроено в XVII веке храма.

Сельское расселение в последние десятилетия XVII в.

Новый этап складывания населения Самарского края, освоения ранее пустынных пространств начался в 1680-х гг., когда после строительства Сызрани сравнительно безопасными для обустройства стали земли за пределами Самарской Луки, на правобережье Волги.

К концу XVII – началу XVIII в. оказалось заселенным все Сызранское правобережье. Кроме слобод приборных служилых людей на волжском побережье оказались такие крупные монастырские поселения, как Новодевичье, Городище (ныне – г. Октябрьск); в глубине района, западнее Сызрани, Кузюдемьянское (ныне – с. Старая Рачейка) и Студенец; помещичьи села и деревни – Дмитриевка, Троицкое, Богородское.

Новые селения возникли в западной части Самарской Луки: Кольцово, Валы, Большая и Малая Рязань.

На правобережье, и в первую очередь на Самарской Луке, становилось «тесно». Приходившие в конце века чуваша и мордва вынуждены были устраиваться «за валом» Закамской черты, на левобережье. Так сложился комплекс левобережных селений на землях Новодевичьего монастыря: Хрящевка, Сускан и другие. Когда у игуменьи монастыря спросили грамоту с подтверждением старинных прав на переселенцев, та не смогла ее представить, отговорившись, что грамота сгорела¹³³.

Вольная крестьянская колонизация края продолжалась, но ее темпы резко упали. Изменилась общая ситуация в стране. Правительство жестче контролировало розыск беглых, что весьма затрудняло нелегальный уход населения. К тому же Самарский край, его освоенные территории наконец-то вошли, слились с основными районами земледельческого расселения в Среднем Поволжье, и на новых землях в полной мере начали проводить все крепостнические мероприятия правительства.

Тем не менее поток вольного народного переселения оставался весьма значительным, вырос по своим абсолютным размерам. Например, в конце XVII в. старцы только одного костромского Ипатьевского монастыря обнаружили в «низовых городах» около 500 беглецов из монастырских вотчин Владимирского и Костромского уездов «от хлебных недородов»¹³⁴.

Наезды сыщиков превращались в настоящее бедствие и для хозяев вотчин, и для жителей. В 1699 г. власти Надеинского Усолья жаловались, что от сыска «...промысел разорился вконец... а крестьяне и бобыли... разбрёдаются»¹³⁵.

Значительное распространение в конце XVII в. приобрел перевод крупными феодальными владельцами своих крестьян из центральных уездов страны в ново пожалованные приволжские вотчины. Спустя полвека крестьяне рассказывали: «...напредь сего деды и отцы их, также и из них некоторые, но самые престарелые уже имели жительство во Владимирском, Верейском и Углицком уездах, в разных того Новодевичьего монастыря селах и деревнях, а потом, в прошлых давних годах... несколькоим числом душ, переведены и поселены... в Ново-пречистенской волости...»¹³⁶

Участились массовые переселения крестьянских семей их владельцами, и тогда беглых чужаков в селениях, по сути, не встречалось. Например, при основании сел Городища (Костычей) и Кузюдемьянского (Старой Рачейки) власти московского Вознесенского монастыря перевели на Самарскую Луку и в Сызранское Поволжье более 200 крестьянских дворов¹³⁷.

Так сложилась в XVII в. система сельских поселений Самарского края: крупные, хорошо устроенные, с храмами, промысловыми заведениями и дворами местной администрации русские монастырские и дворцовые села: небольшие, прячущиеся в укромных местах, между лесами и горами чувашские и мордовские деревни, как правило ясачные или частновладельческие; также сравнительно малочисленные, расположенные в урочищах и на полянах волжского побережья помещичьи селения. После 1683 г. прибавилась категория слобод служилых людей, как правило, крупных, с большими земляными наделами, быстро обзаводившихся своими церквями. Темпы роста населения края к концу XVII в. значительно выросли, но все же плотность его заметно уступала ранее освоенным уездам Среднего Поволжья. На протяжении всего XVII в. это была заселяемая территория, и только к концу столетия начался некоторый отток населения.

Появление калмыков в Самарском Поволжье

В начале XVII в. в пределах Самарского Поволжья появились калмыки. Предки калмыков, ойраты, или западные монголы, отделились от основного ядра, кочевавшего в Джунгарии – Западной Монголии, и в XVI – начале XVII вв. стали продвигаться на запад. Самоназвание *хальме* – видимо, от тюркского термина «остаток», по наиболее распространенной версии, обозначало ойратов, не принявших ислам¹³⁸. В конце XVI в. этноним «калмыки» становится практически единственным для обозначения этого народа в русских официальных источниках, а с конца XVIII в. его начинают использовать как самоназвание сами ойраты или, как они еще именовали себя, исходя из этнополитического деления, – торгуты, дербеты, хошуты, джунгары и др., сложившегося еще на рубеже XVI–XVII вв.¹³⁹

По своему антропологическому типу и языковой принадлежности калмыки наиболее близки к тем монголам, которые вместе с Батыем в середине XIII в. завоевали русские земли. Они принадлежали к центральноазиатскому типу большой монголоидной расы и говорили на языке, входившем в западную группу монгольской ветви алтайской языковой семьи. По внешнему облику калмыки — это люди среднего роста, в основном безбородые, с сильно уплощенным лицом, широкими скулами, темными прямыми жесткими волосами, преимущественно карими глазами¹⁴⁰.

В результате при общем направлении движения калмыцких орд на запад они оказались на границах сибирских уездов и Башкирии. Однако здесь калмыки не нашли безопасных и богатых кочевий. Поворот на юго-запад привел их в степи Эмбинско-Уральского, а затем и волжско-го бассейнов. В 1607–1608 гг. произошли первые столкновения между калмыками и ногаями на Эмбе, а в 1613 г. калмыки перешли р. Урал. В 10-х — 20-х гг. XVII в. они лишь эпизодически появлялись в волжско-уральских степях, нападали на ногаев, а затем вновь уходили за Урал¹⁴¹. В 1630-х гг. начинается массовое переселение кочевников в Заволжье. В конце 1630 года они разгромили ногайские орды и окончательно вытеснили их за Волгу, на Правобережье. Попытки астраханских воевод вернуть ногаев в волжско-яицкие степи и защитить с помощью русских военных отрядов оканчивались неудачей. Сильнейшая из двух кочевых орд — калмыцкая — никак не желала делить с противником богатейшие пастбища Волжско-Уральского междуречья. Все попытки ногайских мурз договориться с противником не приводили к успеху (1634 г.). Калмыки фактически становятся полными хозяевами региона¹⁴².

Характерно, как сами калмыки оценивали свое место в новом регионе. Например, в 1641 г. тайши заявили: «Волга место ваше (т. е. России), а Яик — кочевные наши места. И будет учнут кочевать на ваших местах наши люди у Волги, и вам бы их отгонять, а будет которые ваши люди учнут кочевать к Яику, и мы также отгоняти их станем»¹⁴³. Однако буквально через 2–3 года калмыки нарушили свое обещание. В 1643 г. тайша Урлюк избрал местом для своих кочевий окрестности Самарской крепости, к югу от р. Самары расположились орды его сыновей. При этом Урлюк высказывал самые миролюбивые намерения. Он направил своих послов к самарскому воеводе и обещал подтвердить свое подданство России.

На протяжении всей первой половины XVII в., начиная с 1608 г., калмыки неоднократно давали шерти о верности русскому царю, однако столь же часто их нарушали. Историки считают, что важнейший шаг в признании кочевниками своего подданства России был сделан в шертях 1655, 1657 и 1661 гг., из которых обычно выделяют шерть 1557 г., данную всеми калмыцкими тайшами. В ней было провозглашены «веч-

ное подданство и послушание» русскому царю и обязательство служить в русской армии. Взамен за калмыками были закреплены обширные кочевья (по правобережью – «крымской стороне» – Волги до Царицына, а по левобережью – «ногайской стороне» – до Самары. Их тайшам из Москвы начало выплачиваться регулярное жалованье¹⁴⁴.

Схема калмыцких кочевий во второй половине XVII в.

Как и у ногаев, южная часть Самарского края была только окраиной основных кочевий калмыков. Численность новых хозяев Поволжья и Приуралья составляла примерно 280 тысяч человек, из них около 80 тысяч воинов.

Окончательная территория калмыцких кочевий оформилась в середине – второй половине XVII в. Она охватывала все междуречье Волги и Урала (Яика) от Каспийского моря примерно до течения рек Самары и Большого Кинеля на севере; на правобережье Волги тянулась полосой вдоль берега, прилегающая к среднему течению Дона в районе междуречья, а затем, захватывая низовья Хопра и все течение Медведицы, возвращалась к Волге у южной оконечности Самарской Луки. На востоке кочевья занимали огромный район между нижним и средним течением Урала и Эмбой. Таким образом, калмыки практически заняли всю территорию кочевий ногаев и со второй трети XVII в. являлись важнейшим кочевым соседом России на юго-востоке.

Структура общества, государственность и система хозяйствования у калмыков

Калмыки пришли в Сибирь и волжско-яицкие степи, как считают историки, «имея вполне сложившуюся и довольно сложную феодально-иерархическую структуру, сословный строй и традиции. На новой территории, в иных исторических, географических и социально-политических условиях они получили дальнейшее развитие применительно

к изменившейся обстановке»¹⁴⁵. В целом калмыцкое общество можно охарактеризовать как патриархально-феодалное (часто употребляется термин — «кочевой феодализм»), в котором вполне отчетливо наблюдалось социальное неравенство между знатью и основной массой кочевников. Население улусов делилось на «белую» кость (цаган ясн) и «черную» (хар ясн). Отношения собственности распространялись прежде всего на право владеть угодьями и скотом, причем право распоряжаться кочевьями являлось важнейшим признаком принадлежности к знати — «белой кости» — нойонов. Среди знати — нойонов — существовала своя иерархия, верхнюю ступень в которой занимали большие тайши, затем шли младшие тайши, еще ниже — зайсанги и т. д.

Все калмыцкое общество делилось на большие группы — улусы, а улусы — на аймаки. Каждый аймак имел общее кочевье. Его правителем был зайсанг, власть которого являлась наследственной.

Калмык

Калмычка

Из кн.: Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Т. 4

Очень сильны были позиции общины. Община содержала нетрудоспособных, в ней весьма велика была роль женщины. Рядовые общинники платили особый налог — албан. Судя по калмыцкому своду законов «Великому уложению» 1640 г., их положение приближалось к крепостному. Рядовые общинники имели скот, но не владели угодьями. В обмен на пользование пастбищами они должны были пасти стада знати.

Существовало и рабство, нойоны получали значительный доход от работорговли.

В середине 1640-х гг. у калмыков постепенно начинает складываться единое государство – Калмыцкое ханство. Его основателем был сын погибшего в походе на Северный Кавказ Урлюка – Дайчин, к которому перешло звание главенствующего тайши. С одной стороны, он пытался собрать в своих руках власть над всеми улусами, подавляя сопротивление непокорных тайшей, с другой – делал все, чтобы добиться у русской администрации Астрахани и Уфы разрешения на право кочевий в междуречье Волги и Яика, а затем и по обоим берегам Волги. Именно при нем и при его сыне Мончаке (верховном тайше с 1661 г.) окончательно определились границы кочевий калмыков и завершился процесс вхождения Калмыцкого ханства в состав России. Время его существования обычно определяют периодом с 1664 по 1771 г., когда значительная часть калмыков попыталась вернуться назад в Джунгарию. В новом территориально-политическом объединении – Калмыцком ханстве – возник собственный административный аппарат. Самого Дайчина первоначально поданные именовали «царем, калмыцким, татарским самодержцем и многих людей государем и обладателем». Однако вскоре против такого титула выступила русская администрация, добившаяся его отмены. При правителе возник совещательный орган, в состав которого входили его родственники, знать и чиновники (в русских источниках – думчие тайши). Решения этого совещательного органа считались принятыми после их утверждения правителем. В улусах и аймаках сложилась своя система чиновников, сборщиков податей, старост, гонцов, которыми руководил особый начальник – дарга при ставке улусного князя или зайсанга.

На основе монголо-ойратских законов 1640 г. в Калмыкии сформировалась своя система судопроизводства и общего управления – зарго.

В военное время собирали ополчение, которое состояло из улусных отрядов во главе с правителями улусов – хошучи. Калмыки были прекрасными воинами, о чем имеются многие свидетельства, и Москва постоянно использовала их отряды в военных конфликтах. Характерно, что, несмотря на все попытки крымцев склонить во второй половине XVII в. калмыков на свою сторону, те остались в подданстве России. Пожалуй, у Крымского ханства не было более непримиримого врага, чем калмыки¹⁴⁶.

В начале XVII в. большая часть калмыков приняла новую религию, разновидность буддизма – ламаизм, который вытеснил старую – ойршаманизм. Калмыки-ламаисты поддерживали прямую связь с Тибетом – Лхасой, где находился верховный глава секты – гелукпа далай-лама – и откуда к ним присылали лам – первосвященников. В отличие от общемонгольского ламаизма среди калмыков было сравнительно немного монастырей и монашества.

Калмыки были прирожденными наездниками. С огромными стадами скота, всем имуществом их орды медленно перемещались по просторам Дикого Поля. Как и у ногаев, хозяйство калмыков прежде всего зависело от кочевого скотоводства. Они пасли лошадей, овец, крупный рогатый скот, верблюдов, которые круглый год находились на подножном корме. Существовали летние и зимние пастбища. Скот являлся всеобщим эквивалентом денег и главным богатством (в совокупности с пастбищами). Широкое распространение получили рыболовство и охота.

Домашние промыслы основывались на переработке продуктов животноводства. У небольшой части калмыков определенное развитие получило земледелие, но роль его была незначительна.

Необходимым условием для стабильности калмыцкого хозяйства являлась торговля. Первоначально, в начале XVII в., русская администрация позволяла калмыкам беспрепятственно заниматься торговлей с сибирскими городами и Уфой. Затем в связи с обострением отношений последовал ряд запретов, которые, в свою очередь, весьма болезненно воспринимались калмыцкой знатью и приводили к новым столкновениям. Непременным условием при переговорах о шертных грамотах являлось разрешение торговли в поволжских городах, в т. ч. и в Самаре. Во второй половине XVII в. эта проблема была в основном урегулирована.

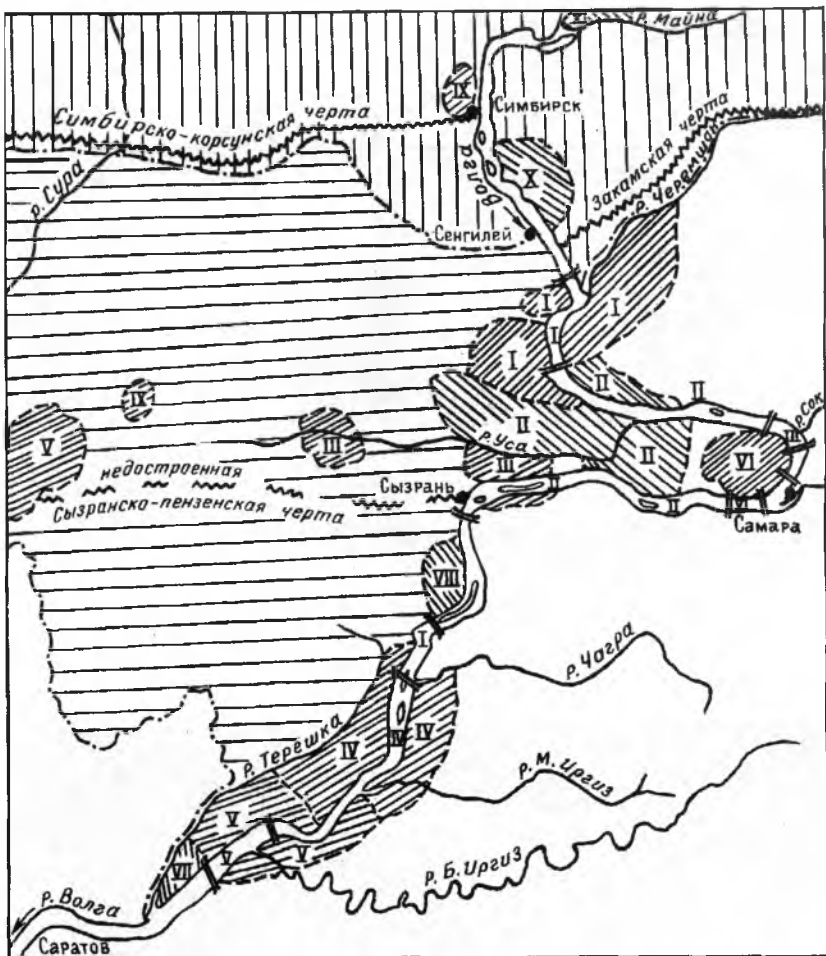
§ 6. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Возникновение крупного землевладения. Монастыри-собственники

Широкое распространение крупной земельной собственности на землях Самарского Поволжья следует отнести к 80–90-м гг. XVII в. Однако подобное землевладение на территории края появилось значительно раньше: начальное упоминание о пашнях и селениях самарского Спасо-Преображенского монастыря, занимавших всю восточную «подгорную» часть Самарской Луки, относится к концу 20-х гг. XVII в.¹⁴⁷ Небольшой провинциальный монастырь не смог бы освоить столь значительную территорию, населить ее своими крестьянами, если бы не являлся домовым Патриаршего Дома. Крестьяне и работные люди монастыря сеяли на старцев хлеб, делали «изделия», работали на монастырском рыбном дворе и на ватагах. Судя по данным переписных книг 1646 г., эта вотчина занимала основную часть населенной территории Самарского уезда, концентрируя большинство его жителей¹⁴⁸. В неизменных границах вотчина просуществовала до 1670 г., когда Спасо-Преображенский монастырь приписали к Самаре, его владения передали Дворцу, а патриарх получил компенсацию в Нижегородском уезде¹⁴⁹.

Длительное время монастырские владения на Самарской Луке являлись центром складывания в районе феодального землевладения, формирования населения. Несколько позднее, в 1631–1632 гг., другой такой же центр появился в западной части Самарской Луки, где громадный земельный участок с примыкающими к нему рыболовными угодьями получил ярославский гость Надея Светешников¹⁵⁰. По его имени вся местность получила название Надеинское Усолье. В новоприобретенном оброчном владении предпринимателя прежде всего интересовал соляной промысел. Природа хорошо защитила Надеинское Усолье от нападений кочевников. Кроме того, там находился хорошо укрепленный городок с мощным вооружением. Потому-то в окрестностях промысла безбоязненно начали селиться беглые русские, чуваша. Сам Н. Светешников за неуплату государственного долга в 1646 г. был поставлен на правеж (публичное наказание батогами) и умер. Владение перешло в казну, но вскоре сын Надеи Семен выкупил промысел. Семья Светешниковых владела Надеинским Усольем до 1658 г., потом его выкупило государство и в 1660 г. передало в оброчное владение Савво-Сторожевскому монастырю. Элитное положение монастыря, близкого к царскому дворцу, сказалось и на Надеинском Усолье. В начале 70-х гг. оно из оброчного стало вотчинным владением. Усолье вывели из-под контроля местных симбирских воевод и подчинили сначала казанским, а затем вообще передали в ведение московских приказов. Экстерриториальность вотчины дополнили рядом налоговых льгот и иммунитетных прав. По площади — около 1500 кв. км, по численности населения, по доходности Надеинское Усолье стало крупнейшим и наиболее значительным владением монастыря.

Как отмечалось выше, после строительства Сызрани на территории правобережья селиться стало относительно безопасно. В 1683 г. небольшой земельный участок на правом берегу Волги получил московский Новодевичий монастырь, а в конце XVII — начале XVIII в. на месте скромного пожалованья возникла огромная вотчина с многочисленным населением. Центром владения стала Новопречистенская слобода (село Новодевичье). Немногим позже земли южнее Сызрани, примыкающие к старинным рыбным ловлям, получил московский Чудов монастырь, а еще южнее — московский Новоспасский. Крупная вотчина возникла рядом с Кашпиром. Ею завладел домовый монастырь казанского митрополита — кашпирский Вознесенский. И наконец, владельцем еще одной крупной вотчины края оказался московский Вознесенский монастырь. Земли его располагались в нескольких местах: между Сызранью и Печерской слободой (с. Костычи — Городище), несколькими десятками верст западнее Сызрани (село Кузмодемьянское, ныне — Старая Рачейка). Феодальное законодательство середины — второй половины XVII века пыталось сдерживать рост церковной собственности, ограничило источники его увеличения¹⁵¹, но эти препоны легко обходились.

- I-Новодевичий монастырь
- II-Савво-Старожевский монастырь
- III-Московский Вознесенский монастырь
- IV-Чудов монастырь
- V-Новоспаский монастырь
- VI-Самарский Спасо-Преображенский монастырь
- VII-Воскресенский монастырь

- VIII-Кашпирский Вознесенский монастырь
 - IX-Ипатьев Костромской монастырь
 - X-Богоявленский Костромской монастырь
 - XI-Патриаршие:
- районы, заселенные с 1648 по 1663 г.
 « » с 1663 г. по начало XVIII в.

Владения центральных монастырей в конце XVII в. Рис. Э.Л. Дубмана

Церковные феодалы получали землю в пожалование, как это было с Чудовым монастырем, в «указное число» (московские Вознесенский и Новоспасский), путем обменов, а то и прямых захватов. Наиболее «удивительный» случай произошел с владениями Новодевичьего монастыря. Первоначально его старцы получили к рыбным ловлям под рыбный двор место на волжском правобережье размером 500 на 500 сажен. Через 15–20 лет монахи распорядились огромной территорией, площадью никак не менее 1000 кв. км. Новые земли монастырь приобрел благодаря неравноценным обменам, замаскированным покупкам, а в основном за счет прямых захватов местных неразжеванных земель.

Таким образом, в конце XVII – начале XVIII в. на территории Самарского края вдоль Волги, от устья Большого Черемшана и почти до самого Саратова, на самых благоприятных для хозяйственной деятельности территориях сложился район церковно-монастырского земле- и водовладения. Монастыри, ранее занимавшиеся почти исключительно рыболовством, начали все больше внимания уделять сельскому хозяйству, хлебопашеству. На полученные земли переводили крестьян из центральных уездов страны, основывали поселения, из которых впоследствии выросли такие известные города, как Вольск, Хвалынский, Октябрьск: селения Новодевичье, Усолье, Рождествено, Старая Рачейка и другие. У большинства монастырей новоприобретенные владения стали крупнейшими среди прочих (до 15–20 процентов населения всех вотчин), являлись поставщиками основных денежных средств и рыбных припасов в метрополию.

Помещичье и дворцовое землевладение

На протяжении всего XVII в., и особенно во второй его половине, землевладение светских феодалов росло значительно быстрее, чем собственность других групп феодальных владельцев, занимало господствующее положение в стране. Однако на территории Самарского Поволжья светская форма феодальной собственности была развита слабо. Первые земельные владения местного самарского дворянства возникли в крае только в первой половине 40-х гг. и были крайне малочисленны и невелики. Очевидно, первым помещиком Самарского уезда стал самарец М. Филитов, получивший в 1643 г. в счет поместного оклада четвертой земли. В 1644 г. поместный оклад получил еще один самарский дворянин В. Порецкий¹⁵². По данным переписи 1646 г., на землях этих помещиков были уже устроены селения: у Филитова – деревня Ширяев Буерак, у Порецкого – Моркваша и Осиновый Буерак (по всей видимости, село Осиновка). Дворянское землевладение Самарского края не могло идти ни в какое сравнение с монастырским или дворцовым. Земли и деревушки, принадлежавшие помещикам, занимали неудобные окраинные территории – межгорные урочища, поляны,

жались к волжским берегам, были оторваны от основных массивов расселения. Наследники Филитова и Порецкого, с одной стороны, за счет новых пожалований значительно «округлили» земли своих отцов, с другой — разделили их между многочисленными братьями и сестрами. К концу XVII в. владельцами вышеуказанных деревень числились Порецкие, Филитовы, Алампеевы, Сафоновы, Алферьевы, Ярцевы и другие¹⁵³.

У самарских дворян и детей боярских особый аппетит к поместьям на Самарской Луке проснулся с конца 50-х — начала 60-х гг. XVII в. Свободных земель в уезде было не так уж много, и помещики начали буквально подбирать «кочки» у Брусянского оврага, устья пересыхающей речки Мордовы, на Ермаковой Поляне, по Аскульскому оврагу и т. д. Так появились поместья, а затем и маленькие деревушки самарцев А.Я. Короткова, Ю. Шеина, А.Я. Алампеева, И. Чижова, М. Перфильева, С. Исакова и других. Всего к концу XVII в. на территории уезда насчитывалось около полутора десятков помещичьих владений.

Пожалование в конце 1680-х гг. Самаре огромного массива пахотных земель и сельскохозяйственных угодий на Левобережье, вокруг города, не дало желаемого эффекта. Занятиям земледелием в Заволжье, а тем более поселению на новых территориях крестьян и основанию деревень препятствовали нападения кочевников.

Земельные владения самарского дворянства в XVII в. были невелики и насчитывали от нескольких десятков до сотни, в редких случаях — до двухсот четвертей. Однако нельзя забывать, что дворяне и дети боярские имели поместья и вотчины в других районах страны. Во время поземельных споров обиженная сторона зачастую пыталась обратить внимание правосудия именно на это обстоятельство.

В 80-х гг. XVII в. началось массовое распределение земель на территории современного Сызранского и части Шигонского районов. Крупных поместных и вотчинных владений, таких, например, как у С.К. Дмитриева, получившего и захватившего несколько сотен четвертей пахотных земель и угодий и основавшего на них ряд поселений, было сравнительно немного. В основном же земли на поместном праве получали многочисленные приборные люди. Казаки, стрельцы, солдаты стали владельцами сравнительно небольших земельных наделов от 10 до 40 четвертей в одном поле. В ряде случаев за «дальностью» за какие-либо заслуги давались дополнительные наделы. Так как свободной земли было достаточно, поселенцы добирали еще себе «примерные» земли. Большинство приборных людей к концу XVII — началу XVIII в. растеряло свои привилегии и пополнило ряды государственных крестьян, но некоторые из них влились в сословие помещиков.

Служилые люди «по отечеству» получили гораздо большие наделы земли — от 50 до 400 четвертей в одном поле. Они-то и составили массовый слой мелких и средних землевладельцев Симбирского уезда, как правило, имевших от 5 до 30 крестьянских дворов.

Постройка житницы. Фрагмент. Конец XVII – начало XVIII в. Из кн.: Мишина Е. Русская гравюра на дереве, XVII–XVIII вв. СПб., 1997. С. 73

В последней трети XVII в. крупным собственником на территории Самарского края стал Дворец. История появления его владений довольно любопытна. В конце 30-х гг. дворцовому ведомству была отписана большая часть вотчины Спасо-Преображенского монастыря. У церковной братии осталось только крупнейшее из селений вотчины – село Рождествено с прилегающими к нему пашнями и угодьями. Однако вскоре, в 1648 г., ранее взятые на государя земли были возвращены патриаршему монастырю. В начале 70-х гг. все монастырские владения в восточной части Самарской Луки вновь и теперь уже окончательно отошли к Дворцу, овладевшему действительно богатой вотчиной, включившей старейшие селения края, подавляющее большинство людских ресурсов уезда. В 80-х гг. XVII в. только при селе Рождествено государева десятинная пашня составила во всех трех полях 120 десятин, за крестьянами четвертной пашенной земли насчитывалось 904 четверти в одном поле, в усадьбы была отведена 71 десятина, да, кроме того, имелось много так называемого «пашенного лесу», «дикого поля», «сенных угодий» и т. д.¹⁵⁴ Управление дворцовой вотчиной сосредотачивалось в приказной избе в Самаре. Местные уездные власти посылали в Рождествено, где находилась дворцовая «контора», дворян и детей боярских, чтобы те лично досматривали за ведением дел.

Сельское хозяйство

На протяжении всего XVII в. территория Самарского края условно делилась на два обособленно развивающихся сельскохозяйственных района. В степном левобережье господствовало экстенсивное животноводство, культивируемое башкирами, ногаями и сменившими их калмыками. На Самарской Луке, а с середины 80-х гг. XVII века во всем Самарском правобережье преобладало земледелие.

Складывание земледельческой области обуславливалось освоением края русским, мордовским и чувашским населением. Первые упоминания о земледелии можно обнаружить в архивных документах, относящихся к 1620-м годам. Однако значительно раньше, уже в XVI веке, мордва и чуваша пахали на правобережье землю «наездом», оставляя после себя многочисленные пустоши.

После неплодородных «серых» земель центральных районов страны черноземы Самарского Поволжья казались переселенцам сказочно богатыми. Недаром еще И. Пересветов территории за Казанью называл «подрайскою землищей». Значительно позднее, в 1664 г., симбирский воевода И. Дашков сообщал в Москву: «...а земли в тех местах [Симбирского уезда] самые добрые»¹⁵⁵.

К Самарской Луке подобные определения относились в меньшей степени. Слишком много было здесь территорий с каменистыми щебенчатými выходами, бедными «серыми» черноземами. Недаром даже межевщики XVII в. называли эти земли «средними». Более плодородные почвы залегали вокруг Сызрани, в Надеинском Усолье.

Крестьяне работают при монастыре.
Из Лицевого Жития Сергия Радонежского. XVI в.

Нехватка удобных для земледелия угодий начала сказываться в Самарском уезде уже во второй половине XVII в. В конце столетия ощущалось аграрное перенаселение восточной части Самарской Луки: в среднем на один крестьянский двор приходилось около четырех с половиной — пяти десятин пашни в одном поле, чего явно не хватало¹⁵⁶. Значительно лучше обстояло дело в Сызранском правобережье с его переизбытком свободных земель.

Первые поселенцы, феодальные собственники земель принесли в осваиваемый район старую культуру земледелия, традиционную для пригородных условий малоплодородного Центра. Власти центральных монастырей пытались жестко регламентировать все сельскохозяйственные работы в своих новоприобретенных вотчинах. Для этого местным управляющим рассылались подробные указы, требовавшие обязательно придерживаться трехполья, следить за тем, чтобы яровое, озимое и паровое поля были одинаковы по размеру. Крестьянам вменялось в обязанность «пахать все три поля сряду, в одном месте», специально оговаривалось, чтобы они «хлеб сеяли вовремя, средним севом, ни часто, ни редко»¹⁵⁷. Смысл подобных наказов очевиден: монастырские старцы пытались закрепить веками выработанную практику земледельческих работ в своих новых владениях.

Однако на местах эти требования постоянно нарушались, поскольку сельское хозяйство естественно, живым порядком приспособлялось к местным условиям.

Несмотря на то что с самого начала освоения в Самарском крае господствовало трехполье, оно при избытке земель успешно соседствовало с перелогом. Документы того времени пестрят терминами типа «пахотный лес», «пашня, лесом поросшая» и т. д. При первоначальном излишке свободных земель земледелец, выработав один участок, мог свободно прирезать себе дополнительный «порозжий». Зачастую не соблюдалось правильное чередование полей в трехполье, не выдерживались размеры отдельных полей.

Для многих жителей края земледелие сочеталось с промысловыми работами. Недостаток хлеба восполнялся другими продуктами, а на вырученные деньги можно было подкупить зерно.

Богатые почвы не требовали такого тщательного ухода, как на малоплодородных землях Центра, поэтому значительно упрощалась технология обработки пашни, экономилась трудовые затраты.

В новом краю земледелец, особенно из центральных уездов страны, попадал в совершенно иные климатические условия. Резко континентальные особенности накладывали свой отпечаток. Неурожаи были частым явлением, то и дело земледельцы жаловались: «...ржи не родилось, оборотилась травой метликою да лебедою», хлеба не было «от великой засухи»¹⁵⁸. Дольше Среднее Поволжье относят к регионам с рискованным земледелием. Если в центральных районах России на-

стоящей бедой для земледельца были постоянные дожди, заморозки, холодное лето и ранняя зима, то здесь самым страшным врагом считались солнце и устойчивые суховеи.

Средневековое русское земледелие во многом зависело от климатических особенностей, причем климат Средневековья не совпадал с современным. Ученые-климатологи установили, что в XIII – первой половине XIX вв. на всей европейской равнине было гораздо холоднее, чем ныне. Дольше держался снежный покров, более холодным было лето, раньше становились реки. Для климата той эпохи был даже придуман специальный термин «малый ледниковый период»¹⁵⁹. Русский человек того времени привык жить в более суровых условиях, чем современный.

И все же неурожаи, как правило, были частичными, сезонными. Лишь изредка погибали все высеванные культуры – и озимые, и яровые. С частичными неурожаями успешно боролись с помощью взаимозаменяемости основных зерновых культур. Главными из них являлись рожь и овес.

Рожь, составлявшая до половины всего высеваемого хлеба, была единственной озимой культурой. Яровой клин более чем на 50 % засеивался овсом и значительно меньше ячменем и пшеницей. Все остальные зерновые культуры – полба, просо, гречиха – оказывались несущественными в рационе сельчанина.

Упрощение технологии, постоянные недороды влияли на урожайность. Обычно она оставалась на уровне средней по стране – сам-3, сам-4, хотя временами по отдельным культурам достигала сам-8, сам-10 и более¹⁶⁰. Наиболее урожайной на землях Самарского края оказалась рожь: при высеве она составляла около половины всего посевного зерна, при сборе урожая ее доля доходила до 60–70 %. Не зря русский человек величал ее ласково и уважительно: «рожь-кормилица», «рожь-матушка».

Земледельческие селения, как правило, полностью обеспечивали себя хлебом. Большие запасы зерна обычно накапливались в крупных монастырских и дворцовых вотчинах. Например, промышленники Надеинского Усолья даже к новому урожаю не могли использовать весь хранившийся хлеб, а его в закромах оставалось до 600 четвертей¹⁶¹. Зерна на продажу хватало даже в неурожайные годы. В голодные 1703–1705 гг. крестьяне Вознесенского монастыря потребовали отдать им овес из амбара, «который почат для продажи прошлые лет четвертей с полтора-ста»¹⁶². Хлеб этот обычно продавался на Яик казакам или в Самару и другие низовые города.

Хозяева владений, где преобладали промысловые отрасли хозяйства, в последней четверти XVII в. большее внимание начали уделять развитию собственного земледельческого производства. Для обеспечения промысловиков хлебом заводилось крестьянское население, земледелие для которого выступало основным занятием. Кроме того, пахотные

участки раздавались семьям работных людей и бобылей, заводилась собственная владельческая запашка. В результате к концу столетия потребности населения промысловых владений в продуктах земледелия удовлетворялись за счет местных ресурсов¹⁶³.

И все же до самого конца XVII в. земледельческая округа не имела возможности накормить свой уездный центр. Хлебное жалованье в Самаре по-прежнему завозилось сверху, по Волге.

У оседлых земледельцев края животноводство являлось второстепенным, подсобным занятием. Крестьянские и бобыльские хозяйства обязательно держали одну или несколько лошадей, коров, овец, коз. Нередко из-за сенокосов, выпасов, прогонов на водопой между жителями отдельных селений случались споры, так как удобных мест не хватало. В описаниях феодальных владений среди прочих угодий обязательно упоминались «сенные покосы». Наилучшие выпасы для конских табунов лежали в пойме Волги, на богатых заливных лугах.

Крестьяне за работой. Миниатюра. XVI в.

В документах о поместных дачах, крестьянских наделах постоянно упоминается приусадебная земля. Однако, какие овощные культуры разводили в XVII в. на этих участках, неизвестно.

В начальный период освоения края, в конце XVI – первой половине XVII в., полупустынные, залесенные пространства правобережья и отчасти левобережья использовались мордвой и чувашами Алатырского,

Темниковского и других уездов в качестве бортных ухажав, бобровых гонов, охотничьих угодий. Таким же образом использовали левобережье башкиры.

Итоги развития феодалной собственности в крае в XVII в. Вотчинное хозяйство

К концу XVII в. картина феодалного землевладения на территории Самарского края выглядела следующим образом. Большинство наиболее удобных для эксплуатации земель принадлежало церковно-монастырским феодалам. Светское землевладение получило широкое распространение в последние 15–20 лет на правобережье, в районе Сызрани. Дворцовые владения занимали локальную территорию в восточной части Самарской Луки. Ситуация изменилась в начале XVIII в., когда в ходе проведения секуляризационной политики управление бывшими монастырскими вотчинами взяло на себя государство.

Организацию хозяйства крупной феодалной вотчины лучше всего рассматривать на примере монастырских владений. В источниках достаточно полно освещены системы хозяйствования двух монастырей: звенигородского Савво-Сторожевского и московского Вознесенского. В обеих вотчинах были устроены городки с довольно мощным вооружением, здесь жили управляющие вотчинами – старцы, промышленники, приказчики, подьячие, слуги. Земельные угодья монастырей неразрывно были связаны с крупными рыбными ловлями и соляным промыслом. Если рыбные промыслы удовлетворяли в первую очередь внутренние потребности монастырской братии, имели потребительский характер, то соляной промысел давал в казну Савво-Сторожевского монастыря значительные суммы денег. В последней трети XVII в. до половины ежегодного монастырского бюджета покрывалось за счет средств, полученных от продажи соли. С течением времени все большее значение в хозяйствах с промысловым уклоном обрело земледелие. Получать все необходимое на месте – вот правило феодалных предпринимателей. Обеспечивать население привозным хлебом оказывалось дорогим и невыгодным, поэтому монастырские власти наделяли переселенцев землей. Особенно последовательны в переселении своих крестьян были власти Вознесенского монастыря. Все переведенные монастырем крестьяне наделялись землей, для собственных нужд им прирезался приусадебный участок. Население Надеинского Усоля было более разнородным: в основном бобыли и работные люди, кроме них – крестьяне, мастеровые, слуги, чуваша. Большинство пользовалось наделами земли.

Жители вотчин несли самые различные повинности. Почти во всех владениях получили развитие основные формы ренты. Однако к концу XVII в. начала преобладать барщина. Монастырская запашка распространилась в хозяйствах как с промысловым уклоном, так и с аграр-

ным. В промысловых владениях широко применялась феодальная повинность в виде оплачиваемого принудительного труда в рыболовстве и солеварении.

Несмотря на проникновение в поволжскую деревню товарно-денежных отношений, их развитие не выходило за рамки феодального уклада. Складывание крупного феодального хозяйства, несомненно, должно было порождать фрагменты товарного производства, крупного предпринимательства, порой со значительным разделением труда. В целом же это формирование мирно вписывалось в структуру феодального способа производства. В отношениях между феодальной администрацией и зависимым населением получили развитие самые грубые методы внеэкономического принуждения. Например, в грамоте жителям Надеинского Усолья говорилось, что в случае непослушания их старцу Л. Моренцову «быть им в жестоком наказании без всякой пощады»¹⁶⁴. Приказчики, старцы, промышленники выступали полновластными хозяевами в феодальных владениях, могли творить любой произвол.

§ 7. ПРОМЫСЛОВЛЯ ВОЛГЛ. РЫБОЛОВСТВО И СОЛЕВАРЕНИЕ

Волжские промысловые воды и их владельцы

В основе экономики и социальной жизни любого средневекового общества, в том числе и российского, лежит право собственности на землю и на людей, ее обрабатывающих. Однако на окраинных пограничных землях складывание феодальной собственности имело отличия от ранее освоенных районов страны. Эта специфика наблюдалась и на территории Самарского края, где в XVII в. появление крупных землевладельцев сдерживалось постоянной опасностью нападений кочевников. Единственным более-менее безопасным местом являлась Самарская Лука с ее весьма ограниченными равнинными пространствами. Потому-то в Самарском Поволжье до середины 1680-х гг. внимание крупнейших собственников страны прежде всего было обращено на распределение волжской акватории с ее богатейшими рыбными ловлями¹⁶⁵. Местная администрация не сразу смогла контролировать рыболовные угодья, эффективно распределять их. На волжские рыбные богатства претендовали многие: жители местных городков, крестьяне, посадские люди, богатейшие предприниматели-купцы из городов Верхней Волги и Центра, крупнейшие монастыри, Патриарший Дом, Дворец. Среди этих промышленников, как ни странно, практически не было светских феодалов. Развернувшаяся между представителями отдельных сословий борьба за лучшие угодья завершилась к концу XVII в. почти полной победой церковно-монастырских предпринимателей. Относительно небогатые крестьяне и посадские люди верховых горо-

дов не смогли конкурировать с ними. Жители окрестных городов-крепостей были удовлетворены тем, что к середине XVII в. получили фиксированные подгородные рыбные ловли. Значительно дольше длилось соперничество между богатыми купцами промышленниками и монастырями. Ярославский гость Н. Светешников, нижегородцы Задорины, люди гостинной сотни К. Климшин, Я. Шустов и другие обладали едва ли меньшими состояниями, чем их основные конкуренты. И все же купечество проиграло. Главной причиной нестабильности, слабости представителей светского предпринимательства — гостей, членов гостинной и суконной сотен — была двойственность их положения: «выходцы из торгово-промышленной среды не попадали в лоно господствующего класса», не пользовались его льготами и в то же время «не становились настоящими капиталистами», не могли создать производство на новых основах¹⁶⁶.

Фиксированные, строго ограниченные владения волжскими водами начали складываться с начала XVII в. В это время «в Самарском городе на реке Волге воды... с верхние изголови Тушина острова до... нижнего устья Самары реки...» получил нижегородский Печерский монастырь¹⁶⁷. В 1606 г. право на безоброчное владение рыбными ловлями «в самарских водах... от Черного затона [*ниже возникшей позже Сызрани. — Э. Д.*] до устья реки Елань Иргиз» досталось московскому Чудову монастырю. Вслед за этими монастырями крупными владельцами вод волжской акватории стали в первой четверти XVII в. самарский Спасо-Преображенский и нижегородский Благовещенский, в начале 30-х гг. московский Новоспасский и в начале 60-х гг. звенигородский Савво-Сторожевский монастыри. Новая волна раздач наступила в последней четверти XVII в.: крупные рыболовецкие участки оказались в руках московских Новодевичьего и Вознесенского монастырей, существенно расширили свои владения Савво-Сторожевский и Чудов монастыри. Раз «зацепившись» за волжский участок, монастырские власти, как правило, уже не отпускали его. К концу XVII в. в Самарском Поволжье от устья Большого Иргиза и до устья Большого Черемшана сложился огромный промысловый район, основными владельцами которого были богатейшие центральные монастыри: московские Новоспасский, Чудов, Вознесенский, Новодевичий; подмосковный Савво-Сторожевский. Их вотчинные владения охватывали десятки километров, занимая не только волжскую акваторию, но и прилегающие реки и озера.

Первоначально все волжские воды считались государственной собственностью и передавались частным владельцам только в оброчное пользование. В оговоренные сроки в волжских городах проводились специальные торги, на которых «с наддачей» производилось конкурсное распределение участков волжской акватории. Оброчные воды имели четкие границы, раздавались на срок от одного года до 3—5 лет.

Специально оговаривались условия промысла, порой даже до количества вылавливаемой рыбы, ее размеров. В отношении светских предпринимателей, мелких монастырей эти правила действовали неукоснительно. Однако богатые монастыри, близкие к царскому двору, обрели ряд льгот. Постепенно оброчные владения превращались в вотчинные, монастыри получали на них жалованные грамоты, освобождались от контроля со стороны местных властей.

Средневековая собственность на рыболовные угодья была по своему статусу гораздо ниже, менее устойчива, чем на земельные владения. Неразработанным являлось правовое обеспечение этого вида собственности, на него распространялись нормы сервитутного права. Закрепить за собой рыболовные угодья удавалось только владельцам земельных участков на волжских берегах. Однако сделать это было не так-то просто. Селиться на опасном побережье находилось мало охотников. Правительство же препятствовало появлению в Симбирско-Самарском Поволжье крупного вотчинного землевладения светских и церковных феодалов из центральных районов страны с помощью норм законодательства о заказных городах, распространявшихся практически на все приграничные районы Юга и Юго-Востока России¹⁶⁸.

Рыбные богатства

Рыбные богатства Волги издавна манили русских людей. Московские рыболовы появились на Нижней Волге уже в XIV–XV вв. Первое по-настоящему информативное сообщение о русском промысловом рыболовстве в Самарском Поволжье встречается в «Казанской истории» и относится к 1521 г., когда уже упоминавшийся выше бывший казанский «царь» Шигалей бежал в Москву, «ведуща с собой болши 10000 рыболовов московских, ловящих рыбу на Волге под горами Девичьими и до Змиева камени и до Увека [*примерно от Жигулей до Саратова. — Э. Д.]...*»¹⁶⁹

Однако широкомасштабное развитие промыслового рыболовства на Средней и Нижней Волге началось только во второй половине XVI — начале XVII в.¹⁷⁰

Карл Бэр, знаменитый исследователь рыболовства в России, писал во второй половине XIX в.: «Только от Казани Волга заслуживает славу богатой рыбою реки... По изобилию рыбы можно разделить Волгу на 3 части: на верхнюю Волгу, на среднюю (от устья Камы до Царицына) и на нижнюю — от Царицына до впадения ее в море»¹⁷¹. Волжские воды, лежащие в пределах Самарского края, считались изобильными самыми ценными сортами промысловой рыбы, но, разумеется, уступали астраханским ловлям.

Волга от устья Камы до Каспия, а также Яик во второй половине XVI — XVIII вв. считались основными поставщиками рыбы в стране, особенно наиболее ценных сортов. О преобладании волжской и яицкой

рыбы в этот период свидетельствуют материалы о коммерческих оборотах крупнейших торговых центров страны: Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Макарьевской ярмарки¹⁷². В Волге из года в год ловилось громадное число осетровых, прежде всего осетров и белуг, чуть меньше севрюг. Их делили на несколько сортов, основным критерием сортности выступали размеры выловленной рыбы. Стандартом считалась так называемая мерная рыба. Отклонение от стандарта в ту или иную сторону оплачивалось очень несоразмерно. Например, полурыбный осетр, хотя бы несколько меньше мерного, оценивался дешевле в несколько раз! Волга давала несметные уловы стерляди, признанной одной из самых вкусных в стране. К лососевым, ныне практически исчезнувшим из волжских вод, относились лосось и белая семга, называемая белорыбицей. Лосось уже в то время попадался довольно редко, как правило, зимой и в начале весны. Уловы белорыбицы, напротив, были весьма богатыми, в отдельные сезоны XVII в. ее добывали на промыслах Самарского Поволжья значительно больше, чем любой другой рыбы. Вся перечисленная рыба считалась деликатесной, ей придавали особое значение¹⁷³.

Ловля рыбы. Миниатюра первой половины XVI в.

Прочая волжская рыба, от сомов, судаков до плотвы с сельдью, ценилась гораздо ниже, звалась частичковой (кроме сомов) и не имела широкого спроса.

Размах рыболовства на Волге, низкие цены на рыбу буквально изумляли современников, прежде всего иностранцев.

Предприниматели не смогли сразу оборудовать долговременные промысловые предприятия на Волге. Поначалу им пришлось ограничиться сооружением временных построек по волжским островам, использовать для хранения запасов и оборудования рыбные дворы в прибрежных городах, удаленных от районов промыслов. Волжскую рыбу требовалось не только поймать, но и сохранить, переработать, довести, что называется, до покупателя. С помощью летних временок трудно

было обеспечить все эти операции, не говоря о широкомасштабном производстве. Постройки то и дело сносило во время половодья, их разоряли казаки и кочевники. Только постоянные рыболовецкие центры – рыбные дворы, расположенные рядом с промысловыми водами, на собственной вотчинной земле, поблизости от постоянных селений, позволяли обеспечить стабильный производственный цикл. Именно такие центры создали во второй половине XVII – начале XVIII в. подавляющее большинство крупнейших монастырей России, занимавшихся рыбным промыслом в пределах края.

Наиболее мощной производственной базой обладал Савво-Сторожевский монастырь. В последней четверти XVII в. он владел тремя рыбными дворами в селе Жигулевка, Переволоцкой слободе и на Лопатинском острове. Немного позже монастырь основал еще один рыбный двор, расположенный на Васильчиковом острове. Московский Новодевичий монастырь в этот же период построил два крупных двора в Новопричистенской слободе и Белом Яру и два сравнительно небольших рыболовецких стана на Бушуйском острове и на Атрубе¹⁷⁴. При сравнении рыбных дворов церковных и светских промышленников второй половины XVII – начала XVIII в. с описаниями подобных сооружений XVIII – первой половины XIX в. очевидно, что они очень схожи. Выросли масштабы производства, количество рабочей силы, но сам технологический процесс, специфика оборудования, профессиональный уровень промысловых работников почти не изменились¹⁷⁵. Развитие производительных сил в этой отрасли народного хозяйства шло очень медленно.

Волжский рыбный промысел

С основанием постоянных рыбных дворов и соседствующих с ними поселений предприниматели смогли организовать добычу рыбы на протяжении всего года, так называемый «повсегодний промысел». Год делился на несколько промысловых сезонов, или путин. Первая, весенняя, путина начиналась сразу же после вскрытия Волги и длилась примерно до середины мая, до половодья. Она приурочивалась к весеннему ходу рыбы на нерест и давала большую часть улова красной рыбы — осетров, белуг, севрюг, стерляди, белорыбицы. Летнюю путину — примерно с середины июля до середины августа — и осеннюю — с середины августа до начала декабря — промысловики не разделяли и считали за одну. Зимой ловили подо льдом практически весь годовой объем лосося, немного красной рыбы, белорыбицы и частика. Половодье считалось непромысловым временем.

Рабочая сила и орудия труда

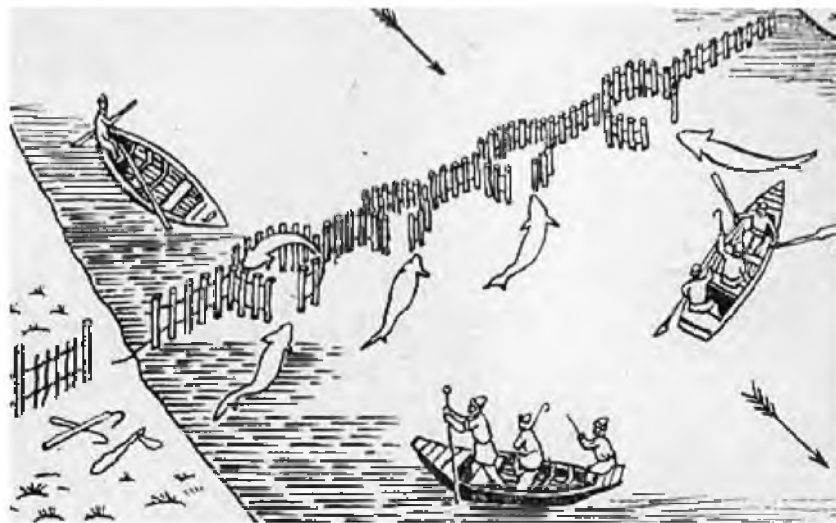
Больше всего людей было занято непосредственно в добыче рыбы, ее ловле. Если на первых порах подавляющее большинство работников нанималось, будучи вольными, то впоследствии удельный вес зависимого населения значительно вырос.

Рабочая сила применялась различно. В основном на ватагах рыбу ловили подрядные рыбные ловцы — свободные вольнонаемные люди, заключавшие с местной администрацией «ряд», или рядную грамоту. Согласно этому документу, нанимаемый брал обязательство за определенный срок выловить обозначенное в договоре в стоимостном выражении количество рыбы. Рыболов-подрядчик брал в аванс значительную сумму денег, как правило, превышающую половину договорной. Хозяева промыслов обязывались кормить подрядных ловцов, обеспечивать их жильем. Оценка выловленной подрядчиками рыбы производилась по довольно стабильным на всем протяжении второй половины XVII — XVIII вв. закупочным ценам. Например, один выловленный мерный осетр стоил 12–15 копеек тогдашними деньгами, мерная белуга — от 17 до 25 копеек. Закупочные цены на средневожскую рыбу были гораздо ниже, чем на других промыслах. В основном подрядные ловцы, точнее, их можно назвать мелкими ремесленниками, промышленляли своими снастями и на своих лодках. Количество подрядных ловцов в Самарском Поволжье летом составляло несколько тысяч человек. Особого разделения труда между ловцами не практиковалось¹⁷⁶.

Гораздо реже предприниматели нанимали рабочих людей ловить рыбу с помощью орудий труда хозяина. Власти Новодевичьего монастыря, чтобы обслужить собственные громадные неводы, набирали для работы с каждым таким неводом целую бригаду от 12 до 22 человек. Наиболее квалифицированными в этих бригадах были неводчики и пятчики (заносившие пятку — конец невода)¹⁷⁷.

В меньшей степени использовался труд наемных людей, ловивших «на песках» из «третьей рыбы», и крестьян, промышлявших «исполу». При таком лове часть рыбы отдавалась хозяину, а часть в виде натуральной оплаты своего труда получал рыбац.

При лове рыбы использовались самые различные орудия труда. В отличие от Нижней Волги и особенно ее дельты с многочисленными протоками, в Самарском Поволжье нерационально было строить учуги и езы — протяженные бревенчатые стены, перегораживающие небольшие протоки и направляющие рыбу в специальные ловушки; крупные учуги представляли весьма сложные сооружения с громоздящимися на помостах над водой избами, амбарами и т. д. В Среднем Поволжье основным орудием рыбной ловли являлся невод стрежневой или частичковый. Стрежневые, их размеры достигали 400 сажен, использовались, «как вешняя вода сойдет», и до поздней осени. Ими ловили осетровых, белорыбицу и стерлядь. Такие же неводы, но меньших размеров, около 200 сажен, применялись для добычи белорыбицы. Это были орудия лова с крупными ячейками. Более мелкочейстые, или частичковые, невода, длиной до двухсот сажен, применялись для лова частичковой рыбы. Неводами ловили и зимой, подо льдом.

Учуг или забойка на Нижней Волге. Из кн.: Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб., 1777

Неводные снасти описанных размеров характерны для Среднего и Нижнего Поволжья и в основном превышали неводы, использовавшиеся в других районах страны.

Все прочие средства для лова рыбы были чрезвычайно разнообразны. Ловцы могли вести промысел «неводами и оханами, и сетями, и кормачною, и костылевою, и юртовою, и плавными связочными и летними и зимними ловлями и иными всякими снастями»¹⁷⁸. Одним из основных орудий в весеннюю путину были оханы (или аханы) — ставные сети, использовавшиеся для лова ценных сортов рыбы. Из сетных снастей применялись также плавные связочные сети. Значительная часть осетровых, лососевых и стерлядей вылавливалась самоловами. По способу лова — в ванды — часть стерляди так и называлась вандовой. Одну из самых ценных и редких рыб Средней Волги — лосося — ловили только зимой и, как правило, на удочки, «кармашной снастью».

Для передвижения по воде на ватагах имелось множество плавных средств: неводников, романовок, разрезжих лодок и т. д.

Рыбные дворы. Переработка улова

Центрами рыболовецких промыслов были, как уже указывалось, рыбные дворы. На них производилась обработка выловленной рыбы, получение из нее полуфабрикатов и готовых продуктов, хранение, подготовка к продаже и перевозке в другие районы страны. Крупный рыбный двор представлял весьма сложный комплекс сооружений. Порой одновременно с производственными он нес еще и оборонительные задачи, поэтому нередко такие дворы называли рыбными городками. Обязательным атрибутом рыбного двора являлся плот площадью до 200 кв. м. Это был дощатый настил, основанием которого оказывались вбитые в речное дно сваи или пришедшие в негодность струги. К плоту причаливали рыболовецкие лодки с уловом, начинались выгрузка рыбы, ее оценка, распределение по сортам. Крупная рыба разделялась здесь же, на настиле плота. Все остальные строения рыбного двора были огорожены забором и представляли более десятка внушительных сооружений: изб, амбаров, сараев, чуланов, ледников, сушил, поварешен и т. д. В состав очень крупных дворов входили конюшни.

Пожалуй, основной операцией на рыбных дворах являлось соленье рыбы, в основном с использованием астраханской соли. Особого внимания при этом требовала красная рыба, солившаяся при низких температурах в специально устроенных ледниках — чуланах, земляночных или полуземляночных помещениях, где с зимы запасали снег, а по краям ставили большие ящики с хранящейся в рассоле рыбой. Частик, не требующий низких температур, хранился в теплых помещениях. Солению подвергалась, как правило, основная доля улова. Немало коптилось — так называемая мтевая рыба — и вялилось. Для вяления рыбу традиционно нанизывали на бечевы и вывешивали в открытых по бокам сараях.

Профессиональных навыков требовало приготовление икры. На астраханских учугах выделялся и высоко оплачивался труд специального

икряного мастера. В Среднем Поволжье, где промысел велся в меньших размерах, такая профессия использовалась реже. Наиболее ценные сорта икры добывались из осетра и белуги. Количество получаемой икры исчислялось тысячами пудов. Только на рыбных дворах Новоспасского монастыря в начале XVIII в. было получено за сезон около 700 пудов «икры зернистой черной белужьей и осетровой». Под надзором промыслового руководства выделялись самые различные сорта икры: зернистая, мешечная, армянская и т. д.

Среди отдельных операций на рыбных дворах следует выделить приготовление клея (клей из волжских осетровых ценился очень высоко во всех районах страны), жира, вязиги, кавардака и т. д. Жир вытапливали из стенок плавательного пузыря; тонкие нити вязиги, собираемые затем в пучки, добывали из хребта осетровых. Кавардак означал мелко нарубленную и сваренную в больших котлах рыбу.

Сравнительно небольшую часть рыбы, так называемую садочную или запорную, выпускали в специально загороженные протоки или озера, а затем, когда требовалось, отлавливали и увозили свежей, живой либо замораживали. Зимнюю рыбу и весь улов лосося, как правило, замораживали.

В отличие от ватажского промысла рыбы, где широко использовался вольнонаемный труд, на рыбных дворах работали в основном зависимые люди. Но эти феодально зависимые, практически крепостные, работники получали за свой труд деньги.

Профессиональный уровень занятых на рыбных дворах был невысок. В XVII веке среди них можно выделить только одну профессию рыбного разделщика, в следующем столетии к ней прибавились еще две — коптильщика и продельщика, получавших более высокую заработную плату. Переработкой рыбы занималось гораздо меньше людей, чем ее добычей. Рыбные дворы Надеинского Усолья, например, ежегодно использовали труд 25–30 человек¹⁷⁹. Кроме денежной оплаты предприниматели должны были столовать рабочих людей за свой счет.

В отличие от ватаг, где для выполнения тяжелой физической работы требовались мужчины в расцвете жизненных сил, на рыбных дворах могли подрабатывать женщины и даже дети.

Промысловое оборудование постоянно требовало ремонта. Закупались неводная пряжа и дели — большие куски уже сплетенной сети, бечева, бочки и лагуны, удное железо. Снасти целиком закупались довольно редко, их старались изготавливать на месте из полуфабрикатов. Большие струги и неводники приобретали в верховьях Волги, а мелкие суденышки изготавливались здесь же на промыслах. Местные плотники, кузнецы, бочкари ремонтировали сараи, ледники, плот, лагуны, якоря и т. д.

Экономика промысла

В конце XVII в. пять крупнейших монастырских промыслов Среднего Поволжья давали рыбы и рыбных припасов в московских и нижегородских продажных ценах на сумму более 10 000 рублей. По этому показателю они не уступали крупным дворцовым рыболовецким хозяйствам Нижнего Поволжья, значительно превосходили промыслы Русского Севера, но не могли соперничать с астраханскими и яицкими учугами¹⁸⁰. Чистая прибыль средневожских промыслов составляла 4,0–4,5 тыс. рублей. На один затраченный рубль приходилось от 1,5 до 2,2 рубля прибыли.

Операции по перевозке рыбы, доставке ее к потребителям, продаже рассматривались промысловой администрацией одними из важнейших. Наиболее выгодной для промышленников была продажа рыбы непосредственно на рыбных дворах, и не только для транзитных, проезжавших мимо по Волге, торговцев. У каждого промысла, следует предположить, были свои постоянные заказчики — московские, нижегородские и казанские торговые люди, которые прямо на промысле покупали свежую, недавно выловленную рыбу, мороженую зимой и осеннего сезонов, практически весь улов стерляди, частик, часть соленой рыбы. Местные цены на рыбу были значительно ниже московских или нижегородских, но, несмотря на это, промышленники, реализуя ее в Самарском Поволжье, все-таки выигрывали, потому что экономили на перевозках.

Все же большая часть рыбы для продажи вывозилась в Нижний Новгород, на Макарьевскую ярмарку, а если и там на нее отсутствовал спрос, то везлась еще дальше, в Москву. Каждая такая поездка была весьма значительным событием в жизни промысла.

Экспедиции с рыбой в Нижний Новгород отправлялись в конце августа — начале сентября на стругах. Поездки такие окупались сполна: на один рубль затрат приходилось до 2 рублей прибыли¹⁸¹.

Если закупочные цены на рыбу в течение длительного времени оставались на одном и том же уровне, то продажные постоянно росли, следовательно, возрастала степень эксплуатации рабочих людей.

Порой средневожские предприниматели не удовлетворялись количеством рыбы, выловленной на Волге, и отправляли торгово-промысловые экспедиции на Яик. Поездки к казакам случались, как правило, зимой. Самарские воеводы постоянно жаловались, что к монастырским людям, которые имели право перевозить рыбу беспошлинно, присоединяются торговцы, не имеющие такой льготы. Зачастую обозы считывали до 500–600 подвод.

Цены на рыбу, скупаемую у казаков, были еще ниже, чем на Волге, и поэтому при всех дорожных издержках предприниматели получали значительную прибыль.

Промысловое рыболовство на Средней Волге являлось не просто массой разрозненных предприятий. В XVII в. здесь, как и на Нижней Волге, а еще раньше в Поморье, сложился один из крупнейших центров снабжения всей России наиболее ценимой промысловой рыбой, возникли большие по масштабам средневекового общества предприятия, относящиеся к типу крупной кооперации¹⁸².

Соляной промысел

Наиболее крупными предприятиями, организованными по типу мануфактурного производства, на территории Самарского Поволжья в XVII – первой половине XVIII вв. являлись соляной промысел и серные заводы.

Добыча соли производилась на территории Надеинского Усолья, в нижнем и среднем течении маленькой речки Усолки, там, где из-под гор били соляные ключи. Соль получали здесь на протяжении тысячелетий, начиная с бронзового века, однако по-настоящему крупное производство организовалось Ярославцем Надеей Светешниковым в 30-х гг. XVII в. Затем промысел перешел к Савво-Сторожевскому монастырю, а в начале XVIII века заглох, – соляным рассолом для своих нужд тайком пользовались одни местные крестьяне¹⁸³.

Светешников, владелец крупных соляных предприятий во многих соледобывающих районах страны, организовал производство по передовому тогда «пермскому типу»¹⁸⁴. Судя по имевшемуся на промысле буровому оборудованию, соледобытчики намеревались бурить в долине Усолки глубокие скважины, до нескольких десятков саженей. С большей глубины добывали обычно более крепкие рассолы. Однако глубокое бурение не дало ожидаемого результата. Залежи каменной соли и линзы, заполненные насыщенным соляным рассолом, находились далеко в стороне от соляных ключей; соленосные же потоки, спускавшиеся под землей параллельно руслу Усолки, имели небольшую мощность. Поэтому после нескольких неудачных забуров в Надеинском Усолье пришлось устраивать неглубокие скважины в местах выхода из-под земли соляных ключей. П.С. Паллас и И.И. Лепехин при осмотре остатков промысла насчитали 6 колодцев-скважин и установленных в них дубовых труб для выкачки рассола¹⁸⁵. Однако, учитывая количество имевшихся источников, таких колодцев могло быть значительно больше.

Устройства для выкачки рассола из колодцев, трубы для подачи его в варницы и в специальные лари для хранения практически не отличались от подобных сооружений на других промыслах страны¹⁸⁶. Крепость добываемого из-под земли рассола составляла около 5 процентов и, хотя значительно отставала от подобных показателей в Соли Камской или Серегове, была значительно выше, чем на промыслах старого Центра России. Из-за большого количества примесей рассол выглядел мутным, а качество вывариваемой соли не признавалось высоким.

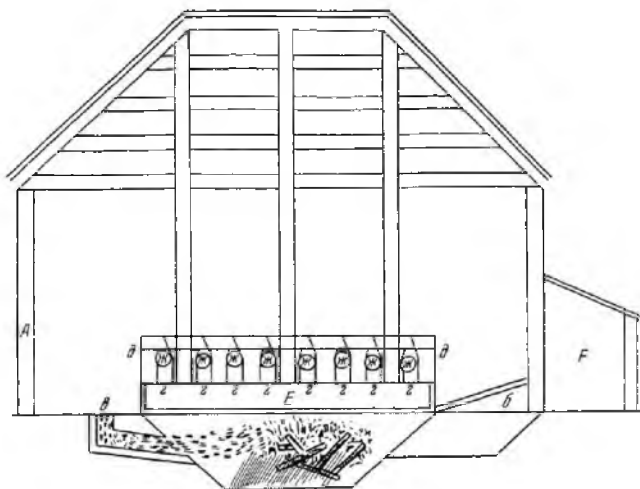
Внешний вид варниц. Рис. Эрика Пальмквиста. 1674 г.

Главное действо при получении соли происходило на варницах. При Светешниковых на промысле насчитывалось 10 варничных мест, хотя одновременно никогда не работало более 6. В описаниях Усолья встречаются упоминания о варницах, «запустевших в степи», рядом со степным городком. Видимо, одно время промысел велся не под самыми горами, а несколько южнее, на большем удалении от Волги. Каждая варница имела свое имя: «Любим», «Хорошава», «Волга» и т. д. При перестройке варниц, переносе их на новые места старые названия за ними сохранялись. В последней четверти XVII в. число работающих варниц сократилось до четырех.

Обычным для средневековой русской варницы было размещение ее в одном специально выстроенном помещении. В этом отношении Надеинское Усолье стояло особняком. Все 6 варниц при Светешниковых размещались в трех сараях, каждый из которых делился посередине глухой стеной. Данные о размерах цренов, специальных «сковород» для выварки соли, отсутствуют, но, судя по количеству полиц, специальных железных пластин, употребляемых для их ремонта, они вряд ли уступали пермским цренам — самым большим из действовавших на промыслах страны. Печи, находившиеся под цренами, выкладывались кирпичом, изготовленным здесь же в Усолье.

В работе варниц существовали специальные циклы-«вари», продолжавшиеся от заливки в црен новой порции рассола до изготовления конечного продукта. За год на одной варнице производилось примерно 42 «вари». Каждая «варя», продолжавшаяся от 4 до 7 дней, давала 140–150 пудов соли¹⁸⁷. Работа варниц постоянно прерывалась из-за прогорания цренов, необходимости их ремонта. Весеннее половодье заливало варничные места и также вынуждало делать длительные перерывы. Кроме современных, передовых для того времени варниц на промысле имелись более примитивные устройства для выварки соли. Об этом свидетельствует любопытное описание голландца Я. Стрейса, проплывавше-

го мимо Усолья в 1669 г.: «...мы остановились у соляной горы, где расположились две недавно отстроенные деревни. Мы увидели много соляных котлов и котловин, где под жаркими лучами солнца образуются большие залежи соли, которые отправляют большими партиями вверх по Волге. Добыча соли дает работу многим людям и способствует развитию большой торговли»¹⁸⁸.

<i>A</i> — стены варницы	<i>в</i> — кички (дымовые трубы)
<i>E</i> — чрен	<i>г</i> — стойки над перекладинами
<i>F</i> — пристен	<i>д</i> — дуги
<i>a</i> — подчрренная печь	<i>ж</i> — перекладины
<i>б</i> — устье	

Черная варница, вертикальный разрез. Из кн.: Введенский А.А.
Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 171

Судя по данным последней четверти XVII в., средняя производительность каждой варницы составляла до 6000 пудов соли в год; а весь промысел в это время давал около 24 тысяч пудов. Каких-либо изменений в технологии получения соли на протяжении всего периода существования промысла не происходило. Во времена Светешниковых, когда одновременно действовало не менее 6 варниц, на них вываривалось около 35–36 тысяч пудов соли в год. По сравнению с другими солеваренными предприятиями страны, вырабатывавшими от нескольких сотен до нескольких миллионов пудов соли, продукция Надеинского Усолья не оказывала сколько-нибудь существенного влияния на экономику страны.

Одной из самых трудоемких операций при получении соли являлась заготовка дров, ибо соляные варницы можно назвать настоящими «пожирателями лесов». Потребности в топливе восполнялись за счет бога-

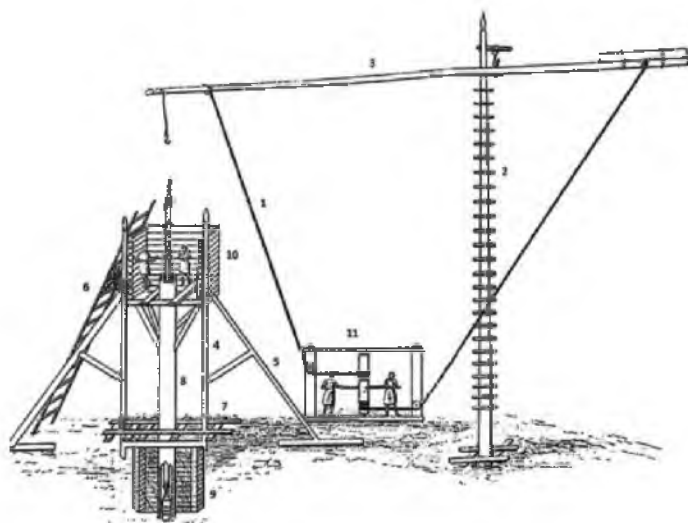
тых местных ресурсов: сосновых и лиственных лесов Самарской Луки. При Светешниковых заготавливались сосновые и липовые дрова, при монастырских властях — только сосновые. По способам заготовки и доставки дров к промыслам их можно разделить на два типа. «Сосновые плавежные заделные дрова» рубили в два задела зимой, затем собирали в плоты на берегах рек и по весенней высокой воде отправляли к варницам. «Сосновые самосушные перелетные дрова» также заготавливали зимой, оставляли сохнуть до следующей зимы в лесу, после чего вывозили на лошадях. Несколько неожиданно для местного солеваренного промысла выглядят данные о количестве потребляемых за год одной варницей дров: от 140 до 150 сажень¹⁸⁹. По сравнению с аналогичными промыслами, это меньше в 3–4 раза! Скорее всего, длина поленьев, которая в солеварении имеет свои стандарты, на Самарской Луке была значительно больше.

Непрерывная работа варниц, постоянная эксплуатация оборудования промысла требовали частого проведения ремонтных работ. Самым уязвимым местом в варницах являлись црены, капитальный ремонт которых производился не менее одного раза в год-полтора, текущий — гораздо чаще. На ремонтные работы тратились значительные средства: до 15–20 % от годовых затрат на содержание промысла. Монастырские промышленники пытались как можно больше запасных частей для ремонта — полиц, цренных гвоздей, кирпича, драниц на крыши — производить здесь же на месте. В Усолье устроили несколько кузниц, где из старого железа изготавливались запасные части для цренов. Однако немало металла и готовых изделий приходилось закупать. Прочие ремонтные работы: починка зданий варниц, крыш, колодцев, печей и т. д. — требовали гораздо меньше усилий и проводились время от времени.

Первые хозяева предприятия Светешниковы использовали в солеварении как труд своих крепостных людей, так и вольнонаемных работников. После перехода Усолья к монастырю резко возросла доля крепостного труда, а в последние десятилетия XVII в. крепостные монастырские работные люди, бобыли и мастеровые окончательно заменили вольнонаемных. За работу на промыслах и крепостные, и вольнонаемные получали денежное жалованье и «хлебное довольствие». Как и на других промыслах страны, в Надеинском Усолье наиболее важные производственные операции проводили специалисты высокой квалификации: трубные мастера, повара, цренные и поличные мастера. Были и менее квалифицированные работники: водоносы, сливальщики, перетрухи, дровяные заделщики и т. д. Основную массу работников промысла составляли неквалифицированные бобыли и работные люди, «делавшие всякую работу». Трудно судить о количестве людей, занятых в волжском солеварении, обслуживавших отдельные операции. Точные сведения известны только по собственно варничному производству: каждую варницу обслуживало 11 человек, работавших в 2 смены.

Труд людей, занятых вываркой соли, был необычайно тяжел. Варничные печи топились по-черному, для выхода дыма, вентиляции помещения под потолком устраивались специальные отверстия-продухи, двери варниц постоянно открывали настежь. Полутемное, наполненное дымом и туманом от испаряемой влаги, жаркое, с сильнейшими сквозняками помещение — вот что представляла собой варница. Люди надрывались в этом аду, часто простывали и болели. Физически тяжелым был труд заготовщиков дров, но они все же работали на свежем воздухе, «на подряде», то есть имели возможность планировать свой трудовой распорядок.

Общие доходы от солеварения существенно превышали расходы. В середине 80-х гг. в среднем за год на работу одной варницы затрачивалось 185–190 рублей, а доход от нее составлял 396 рублей. На 1 вложенный в промысел рубль владельцы получали более двух.

Установка для бурения скважин. Из: Горный журнал. 1826. Кн. VIII.
 Обозначения: 1 — канат; 2 — очап; 3 — коромысло; 4 — сохи;
 5 — подпоры; 6 — лестница; 7 — перекладки;
 8 — матица; 9 — колодец; 10 — избушка; 11 — ворот

Хозяева Усолья для внутреннего потребления использовали незначительную часть получаемого продукта. Около половины соли продавалось в самом Надеинском Усолье, остальное вывозилось на Макарьевскую ярмарку (например, в 1678–1679 гг. — около 20 тысяч пудов), в Москву, в Шацкий, Звенигородский, Рязанский, Тамбовский, Юрьев-Польский, другие уезды и через монастыри, приписанные к Савво-Сторожевскому, продавалось. На месте производства цена за один пуд

соли колебалась от 5,7 до 7,3 коп., в центральных районах составляла 9–12 коп. за пуд, иногда и выше. Однако выигрыш в цене был кажущимся. Разницу в стоимости съедали транспортные расходы. Сохранился текст договора между возчиками, подрядившимися перевезти соль из Н. Новгорода (от Усолья до Н. Новгорода соль доставляли обычно в стругах, что обходилось сравнительно дешево) до Савво-Сторожевского монастыря, и приказчиками. Согласно «ряду», стоимость транспортировки одного пуда составила «по девяти денег с полушкою», задаток — «по десяти алтын на всякую подводу». Если извозчики простоят, не получив денег, более двух дней, то «нам извозчикам имати... на слуге Якове по 2 алтына на сутки на всякую подводу»¹⁹⁰. В свою очередь наемные возчики обязывались доставить весь груз в целости и сохранности. Неустойка на каждый пуд утерянной или испорченной соли составляла по 0,5 рубля.

В целом соляной промысел можно охарактеризовать как предприятие со значительным разделением труда, высоким профессиональным уровнем руководителей основных производств, с отличным для того времени техническим уровнем и товарностью производства.

Погубили Надеинское Усолье возросшая конкуренция со стороны более дешевой астраханской соли, нехватка дров из-за истребления близлежащих лесов и введение государством в начале XVIII в. монополии на продажу соли. Новые хозяева промысла, власти Монастырского приказа, а затем приказчики А.Д. Меншикова, решили его консервировать. Однако память о Надеинском Усолье сохранилась. При Екатерине II среди прочих центров солеварения, которые следовало восстановить, упоминался и наш, правда, дальше правительственного указа дело не сдвинулось...

§ 8. ГОРОД, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ

Посадский мир Самары

Посадские люди являлись второй по численности категорией жителей Самары. Эта особая группа складывается значительно позднее служилого населения, по всей видимости, вскоре после завершения Смутного времени. Весной 1614 г. самарский воевода Д.П. Лопата-Пожарский, характеризуя состояние жителей города, сообщал: «В Самарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны...»¹⁹¹ Тем самым воевода выделил три основные группы самарцев: служилых людей, то есть гарнизон; ружников — церковно- и священнослужителей, получавших ругу (т. е. особое жалованье, «прокорм»); оброчников — промышленников из других городов и местностей, бравших на оброк рыболовные угодья. В 1620–1621 гг. казанский воевода Б.М. Лыков

«с товарищи» жаловался на то, что «рыбные ловцы, которые наперед сего оброчились в Казани в наших водах, ныне оброчатся менши прежнего, а лгота себе оброчатся на Самаре и на Саратове»¹⁹². Местных посадских жителей Лопата-Пожарский не указал, да их, видимо, и не было в Самаре.

Косвенно о наличии посадской общины в городе свидетельствуют данные 3-й пятины — росписи сбора окладных денег по русским городам 1616 г., когда в Самаре собрали 700 руб.¹⁹³ Учитывая, что состояние местного гарнизона после Смуты было плачевным и в городе практически не имелось крупных собственников, можно предположить, что определенную часть этого сбора платили именно посадские люди. Сумма сбора вполне сопоставима с той, которую самарцы внесли в казну при проведении пятины 1634 г. (952,06 руб.¹⁹⁴), когда в городе уже имелся значительный посад.

Первым на посад как на отдельный район городского пространства Самары указывает купец Ф. Котов в 1623 г.: «...а посады и ряды в городе...»¹⁹⁵ Посадская община упоминается впервые в приказных бумагах 1 августа 1626 г., когда в книгах Печатного приказа появляется запись и «запечатание» грамоты по челобитью самарских посадских людей¹⁹⁶.

Русские тяглые люди. Из кн.: Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. 1

О его численности можно судить по данным пятины 1634 г.¹⁹⁷ В окладной росписи оказались 69 посадских людей (записывали взрослое мужское население, владельцев дворов или, в крайнем случае, глав

семей), 22 захребетника, 9 гулящих людей, 4 жителя Рыбной слободы, 5 казенных кирпичников. К ним следует прибавить два двора, владельцами которых были вдовы посадских людей. Отдельно были учтены калачницы, хлебницы и молочницы, к числу которых, видимо, принадлежали владелицы дворов — вдовы. Сводные материалы конца 1630-х гг., к сожалению, не дают однозначного ответа о численности населения самарского посада. По отписке воеводы С. Воейкова от 5 апреля 1638 г., в городе насчитывалось 50 посадских дворов¹⁹⁸. Окладная книга 1638–1639 гг., основываясь на данных С. Воейкова, показывает уже 58 посадских людей¹⁹⁹. Непонятно, почему население посада значительно сократилось за 5 лет, последовавших после проведения пятины. В эти годы в городе и его окрестностях не произошло сколько-нибудь серьезных событий, которые могли повлиять на численность жителей.

Посадское население по переписи 1646 г. и во второй половине XVII в.

Наиболее полные сведения о состоянии посада и ряда других категорий жителей Самары в середине XVII в. дают материалы переписи 1646 г.²⁰⁰ Они подтверждают тезис о том, что численность населения постоянно росла, и тем самым еще раз заставляют усомниться в данных С. Воейкова. Наиболее глубокий анализ этого документа по Самаре приведен в статье М.Н. Тихомирова. Главная задача переписчиков состояла в том, чтобы учесть все тяглое население города: либо жившее своими дворами, либо устроившееся временно во дворах посадских и служилых людей. В результате проведения переписи в переписные книги должны были попасть все мужчины в семьях тяглецов, т. е. посадских людей. Помимо того, описывались семьи и дворы вдов тяглых людей, указывались дворы служилых людей, где жили в качестве соседей, подсоседей и т. п. семьи тяглецов. Также в перепись попали дворы, семьи и все мужское население в дворах, которыми владели отставные служилые люди. Видимо, эти люди могли войти после отставки в состав посадской общины. И наконец, в переписных книгах оказались дворы и мужское население семей священнослужителей, а также монастырские подворья и их мирское население.

Всего на посаде и в Болдырской слободе переписчики учли 140 дворов, в которых насчитывалось, по подсчетам М.Н. Тихомирова, 356 человек м. п.²⁰¹ Однако в итогах переписной книги указано: «И всего в городе на Самаре на посаде и в слободе посадских жилацких людей, и их детей и братий, и племянников, и внучат, и соседей и, подсоседей 317 человек»²⁰². Наиболее стабильной, сплоченной и ранее всего сформировавшейся была группа горожан, живущих на посаде. Из 82 учтенных дворов посада только 2 принадлежало служившим стрельцам, 1 двор — стрельцовой вдове, 1 двор — отставному стрельцу. В 8 дворах

владелицами были посадские вдовы. Допуская, что семью отставного стрельца вполне можно зачислить в состав посада, общее население вышеуказанных дворов, за исключением 6 стрельцов, составляло 219 чел. м. п. Среди недавних переселенцев следует учесть 11 семей соседей – 18 чел. м. п. В 4 дворах жили приемыши – 4 чел., еще в 3 – пасынки. Немногочисленные данные о местах выхода переселенцев не дают сколько-нибудь явственного представления о направлениях миграции (прозвища – чебоксаренин у 2 человек, казанец, новокрещен). Между посадскими и служилыми людьми отнюдь не было непроходимой грани. Уже говорилось о том, что многие посадские жили во дворах служилых в качестве соседей. Кроме того, в пяти посадских дворах кто-то из сыновей или братьев был записан в стрельцы.

Русская женская одежда XVII в. Из кн.: Альбом Мейерберга.
Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903

В Болдырской слободе посадских (без 2 дворов вдов посадских людей, 6 дворов отставных служилых людей, 3 дворов бобылей) насчитывалось 19 дворов. Кроме того, часть населения слободы – 14 семей,

которые жили на положении соседей в семьях стрельцов и т. д., также можно потенциально отнести к посадским людям. Два двора принадлежало посадским вдовам (1 чел. м. п.). Слобода, видимо, преимущественно была населена служилыми людьми. Этим можно объяснить, что посадские люди (всего 19 чел. м. п.) селились в соседях в 13 дворах стрельцов, юртовых казаков и даже одного сына боярского; что в 5 дворах жили отставные стрельцы (6 чел. м. п.), а у одного из них в соседях состояли 2 посадских; 1 двор принадлежал отставному таможенному подьячему (4 чел.), 1 двор — стрелецкой вдове, приютившей 1 посадского человека. В 4 посадских дворах сыновья, братья и пасынки — всего 8 человек — служили в стрельцах. Случаи, когда братья, отцы и дети, проживавшие в одном дворе, делились на тяглых и служилых, были довольно часты и на посаде, и в слободе.

Всего в слободе и на посаде главы семей и владельцы дворов с прозвищами, указывающими на их предыдущее место жительства, встречаются в 15 дворах: 3 казанца, 2 чебоксарянина, 2 лысковца, 1 перьялавец, 1 владимирец, 1 вятчанин, 1 царицынец, 1 рязанец, 1 нижегородец, 1 торопчанин, 1 вязниковец. Вряд ли по этим данным можно составить сколько-нибудь верное представление об источниках формирования населения Самары в первой половине XVII в.

Численность посадского населения и групп горожан, за счет которых пополнялся посад в 30–90-е гг. XVII в., значительно менялась. Большинство жило своими дворами, однако не так уж мало насчитывалось соседей, подсоседников, захребетников. Если бобыльских дворов было сравнительно немного (3), то более многочисленную группу представляли семьи подсоседников (27). Абсолютное большинство новоселов, за счет которых происходил рост населения, являлось из северо-западных уездов Среднего Поволжья. По переписной книге 1646 г., в Самаре насчитывалось 15 дворов, владельцы которых или сами объявили переписчикам о своем прежнем месте жительства, либо имели прозвища, указывающие на их бывшую родину. Опасное соседство кочевников давало о себе знать: в столкновениях то кто-то из самарцев попадал в плен и оказывался на невольничьих рынках Востока, то у горожан вдруг появлялись новые дворовые люди, «татарчата» и другие.

В результате интенсивного заселения Правобережья, сооружения в середине XVII в. Симбирска, а позднее Сызрани и Кашпира для Самары наступает период стагнации. Это сказалось прежде всего на состоянии посада²⁰³. В 70–80-е гг. XVII в. в городе насчитывалось всего 70 посадских дворов (по подсчетам Я.Е. Водарского, 196 чел. м. п.). Еще через пятьдесят лет, в 1722 г., посадские жители составили 204 душ м. п.²⁰⁴ Самара утрачивает свое промыслово-торговое значение, так и не став торгово-промышленным центром сельскохозяйственной округи.

Старосты и выборные люди посада

На протяжении всего XVII в. самарская посадская община была невелика и небогата. Как и в других русских городах, управлялась она выборными людьми. На сходе жители избирали старосту и его помощников — сотских и десятских. Мирские старосты и выборные занимались не только регулированием внутренней жизни общины, но и улаживали взаимоотношения посада с администрацией города. На мирские должности старались выбирать людей обстоятельных, способных защитить интересы мира. Однако желающих выполнять эти службы находилось не так уж много. Руководители общины оказывались между двух огней: с одной стороны, посадские люди требовали от них твердости и самостоятельности в отношениях с воеводской администрацией, с другой — сама эта администрация заставляла неукоснительно выполнять все государственные повинности²⁰⁵. Нередко выборные попадали на правееж; за недоимки посадского мира у них отнимали «животы» — личное имущество. Сведений о деятельности руководства посада, его составе, особенностях взаимоотношений с воеводской администрацией по Самаре сохранилось немного. Известны случаи, когда местные посадские люди выступали с просьбой «в головы на кабак» выбрать жителя другого города или требовали включить в посадское тягло того или иного стрельца, иноземца или промышленника, слишком рьяно занявшегося местными промыслами и торговлей, забросившего государственную службу.

Среди сравнительно немногочисленного самарского посада едва ли не с начала его возникновения доминировала семья Щеп(л)киных. Первую запись о Щепкиных как о представителях всего посадского общества мы встречаем уже в 1626 г.: «...по челобитью самарских посадских людей Куземки Щепкина»²⁰⁶. Тот же самый «Козьма Щепкин» был указан как богатейший представитель посада в документах пятинного сбора 1634 г. Его «животы» оценили в 500 руб., сумму по тем временам весьма значительную. В переписных книгах 1646 г. именно эта семья отмечена первой при описании самарского посада: «Самарского города на посаде и в слободах жилецкие и бобыльские дворы, а во дворах людей по имяном с отцы и с прозвищи. Во дворе Тишка да Стенька Кузьмины дети прозвищем Щел[п. — Э.Д.]кины. А у Тишки три сына Якунка, Петрушка, Ганка. Да у Тишки ж и у Стеньки дворовых людей купленных два татарченка Микитка да Ондрюшка... У Тишки ж и у Стеньки живет Кирюшка родом чувашенин, а крепости у них на того Кирюшку никаких нет. Да у них же живет в закладе в четырнатцати рублех чувашенин Самарского уезду Януруско Вырустаев»²⁰⁷. Указание о «проживании» во дворе двух «татарченков» и двух «чувашенинов», которых явно использовали в обширном хозяйстве Щепкиных, свидетельствует о состоятельности этих посадских людей. Еще один представитель этой семьи «Тишка Щепкин» упоминался во главе по-

садских людей в 1646 г.²⁰⁸, а затем в 1650 г. В следующем, 1651 г. от имени посада выступает уже «Стенька Щепкин», а в 1654 г. в том же качестве в документах упоминается Петр Щепкин²⁰⁹. В 1677 г. по челобитью кадашевцев Полунина и Володиминова «велено самарского таможенного голову нынешнего 185-го году Ганьку Шел[п. — Э. Д.]кина и целовальников и дьячка с сборными книгами за поруками выслать к Москве». Однако самарским земским старостой в эти годы был уже «Микишка» Зевякин (1678–1679). Затем во главе самарской общины были Фома Вяткин (первое упоминание относится к 29 декабря 1679 г.), Иван Лучешенов (упоминается 13 октября 1680 г.)²¹⁰, а в 1682 г. — Василий Салтанов²¹¹. Создается впечатление, что в это время в посадской общине начался период неустойчивости, а старосты менялись чуть ли не ежегодно.

Если в Западной Европе звание горожанина давало человеку свободу, то в России посадский человек оставался крепостным феодального государства, под страхом наказания не имеющим права покинуть свою общину. Комплекс феодальных повинностей «черных» людей, так зачастую называли посадских, заключался прежде всего в «государевом тягле», состоявшем из денежных налогов, исполнения утомительных «земских служб». К этим службам относились ремонтные и строительные работы, подводная повинность, руководство кабаками, кружечными дворами, торговыми экспедициями и ответственность за собираемые там доходы. Головы и целовальники избирались всем миром и отвечали перед воеводами за правильно и полностью взимаемые денежные и натуральные сборы. Исполнять такие службы самарцев могли послать и в другие города. Против этой повинности посадские выступали всем миром. В книгах Печатного приказа отмечалось под 18 июня 1651 г.: «По челобитью Самарского города посадских людей Стеньки Щепкина с товарищи велено им службы служить на Самаре в земских службах, а на Царицын и в иные города посылать их не велено»²¹².

Мирские люди пользовались значительными льготами на территории своего города: монополией на торговлю, на право иметь свои лавки и торговые места, на промысловые воды и пригородные земли. Городскими торговыми местами, мостами, общественными заведениями также пользовались служилые люди, торговцы и предприниматели из других городов, имевшие в Самаре свои дворы. Нередко местные посадские люди били челом властям с просьбой включить в посадское тягло того или иного стрельца, иноземца или промышленника, активно занимавшихся промыслами и торговлей в городе. Характерно, что такие просьбы, как правило, удовлетворялись; юридической основой для положительного решения были нормы Соборного Уложения. Например, 23 апреля 1679 г. в ответ на челобитную самарских

посадских людей было велено «о торговых людях, которые на Самаре дворами живут и промыслы всякими промышляют и в лавках сидят, о податях указ учинить по Уложению». 13 октября 1680 г. также по челобитью было «велено самарским стрельцам и юртовым казакам, у которых торговые промыслы есть, в посад тягло платить и служить с ним [*посадским. — Э. Д.*] в ряд»²¹³.

Черты имущественной дифференциации в самарском посаде уловить довольно трудно. По данным середины 1630-х гг., среди самарцев имелось только 4 сравнительно богатых человека, где выделялся уже упомянутый выше Кузьма Щепкин. Но в то же время среди посадских людей на Самаре было мало бедных, всего 12–13 %. Подавляющее большинство населения составляли люди среднего достатка.

Помимо постоянного населения Самары в ней ежегодно, с открытия навигации и до глубокой осени, скапливались многочисленные работные люди, беглецы, «вольные» из верховых городов и уездов. Население еще по-зимнему сонного городка резко увеличивалось. Постепенно эти толпы рассасывались, нанимаясь на ватаги, волжские караваны, отдельные суда, но на смену ушедшим, приходили все новые и новые люди. Недаром в это время родилась пословица «Нечем платить долгу — дай пойду на Волгу».

Храмы и монастыри. Духовенство Самары

В XVII в., особенно во второй его половине, православная церковь, несмотря на остатки былой автономии, все более попадает в зависимость от государства, становится частью его аппарата. Этот процесс был еще далек от завершения, но признаки его ощущались вполне отчетливо. Церковь, освящая существующий строй и формируя основы мировоззрения средневекового населения, помогала стабилизации общества, снижая уровень конфронтации различных слоев и группировок. Потому-то государство принимало такое активное участие в устройстве в городах и селениях приходских храмов, монастырей.

Вся жизнь средневекового горожанина проходила под сенью церковных куполов. На известном рисунке А. Олеария в Самаре прежде всего выделяются звонницы и купола церквей и монастырей. Проплывавший по Волге в начале XVIII в. К. де Бруин также изумлялся количеству самарских монастырей и церковных зданий²¹⁴.

Первая церковь в Самаре, получившая имя Пресвятой и Живоначальной Троицы, была заложена вместе с основанием города — в 1586 г. Деревянная, с приделом Николая Чудотворца, она на долгие годы стала соборным храмом. Одно время Никольский храм существовал обособленно, самостоятельно²¹⁵. Видимо, в конце XVII — начале XVIII в. он

был перестроен в каменный²¹⁶. Дворы местного причта — никольских и троицких попов, дьячка, дьякона и пономарей — находились среди прочих посадских в Болдырской слободе²¹⁷. Их хозяева получали ругу — особое жалованье от государства²¹⁸.

Во второй половине XVII в. появляется еще один храм — Вознесенский, по которому получила свое название пригородная слобода, с севера примыкавшая к крепости.

Возможно, домовая церковь была на подворье боярина Бориса Михайловича Салтыкова, сосланного в Самару воеводой. Скорее всего, по его заказу в 1628—1629 гг. здесь был переписан и богато украшен священником Афанасием и художником Петром самарский список «Повести о Варлааме и Иосафе»²¹⁹.

Рукописная книга «Повесть о Варлааме и Иосафе». Из кн.:
Энциклопедия Самарской области. Т. 4. Н—Р. Самара, 2011

Практически каждый уездный город в средневековой России имел свои монастыри. Самарские обители появились в конце XVI — начале XVII в.²²⁰ Первым был основан мужской Спасо-Преображенский монастырь. Впервые он упоминается в 1631 г., но возник, несомненно, через несколько лет после основания Самары. Позднее с тем же названием разрешили устроить женскую обитель. Начальные сведения о ней встречаются в источнике, относящемся к 1624—1625 гг. Мужскому монастырю посчастливилось: он вскоре был приписан к Патриаршему Дому, стал домовым. Под столь высоким покровительством, фактически руководством монастырские власти смогли обзавестись богатейшей вот-

чиной на Самарской Луке с деревнями и селами Рождествено, Подгоры (Ильинское), Новинки, Выползово, Шелехметь и другими²²¹. Старицы женского монастыря жили на государево жалованье — ругу — и на подаяния прихожан. В конце XVII в Самаре, в монастыре на месте обветшавшего деревянного храма, выстроили каменную Спасо-Преображенскую церковь, остатки которой были снесены в 1952 г. при возведении моста через р. Самару²²². Ее, видимо, возвели сами самарцы, а кирпич для храма обжигали местные кирпичники в особых «кирпичных сараях».

Монахи и монахини подавали пример святой жизни, отправляли религиозные потребности горожан, а в мужском монастыре еще и активно занимались хозяйственной деятельностью. Монастыри также должны были служить приютом для немощных посадских и служилых людей, являлись своеобразной богадельней.

Посады, монастыри и храмы Сызрани и Кашпира

В отличие от Самары, в Сызрани и Кашпире гораздо быстрее появились свои посады и слободы. Пригороды Симбирска построили в районе, который активно осваивался земледельцами, в их округе сразу же начало складываться многочисленное сельское население²²³. Удобного места для стоянки судов рядом с Сызранью не было, и какое-то время суда причаливали под Кашпиром, где возникли крупная, соляная и рыбная пристани. И все же Кашпир после кратковременного подъема не выдержал конкуренции со своим близлежащим соседом и вскоре захирел.

Кашпир на рисунке К. де. Бруина. Из кн.: *Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales. Vol. I Amsterdam, 1718*

Сызрань оказалась не только военной крепостью и перевалочным пунктом для переброски транзитных грузов, но и центром обширного, тяготеющего к ней района. В источниках рубежа XVII—XVIII вв. часто упоминается «Сызранский уезд» как подчиненный «внутренний» по отношению к Симбирскому. В первом десятилетии XVIII в. по количеству посадского населения Сызрань догнала и перегнала Самару. В ней складывается значительная по численности посадская община. По переписи 1710 г. в Сызрани состояло 94 посадских двора, в Кашпире насчитывалось всего 9²²⁴. К. де Бруин записал, что предместье Кашпира «или слобода находится подле же города...»²²⁵

Известно, что соборную церковь «во имя Пречистыя Богородицы Живоносного Источника» построил в 1683 г. одновременно с основанием Сызранской крепости симбирский воевода Г.А. Козловский²²⁶. В 1685 г. в пригороде был основан деревянный Вознесенский монастырь. Однако с основанием Кашпира в 1687 г. его по просьбе братии перевели в этот пригород. Позднее, в первой половине 1690-х гг., оставшимся на месте бывшего монастыря монахам удалось восстановить обитель. В середине 90-х гг. XVII в. в Сызрани появился Богородицкий женский монастырь²²⁷. О деревянных храмах Кашпира и каменных Сызрани упоминал и Бруин. Количество приходских церквей в Кашпире неизвестно, а вот Сызрань к концу XVII в. по этому показателю обогнала Самару. Помимо монастырских храмов местные краеведы пишут как минимум еще о четырех, существовавших в это время, во имя Сергия Чудотворца, Иоанна Предтечи, Живоносной Троицы и Николая Чудотворца.

Города на волжском пути. Хозяйственная жизнь

Как и другие волжские города, Самара буквально оживала с началом навигации. В промышленно-торговой жизни города первостепенное значение имел поток волжских транзитных грузов. Только в весенних и осенних караванах вверх и вниз мимо него проходило до 2000 крупных судов. Грузоподъемность некоторых из них достигала от 500 до 1000 и более тонн²²⁸. До 1,5–2 миллионов пудов соли ежегодно (или около 1/5 всей потребляемой в стране), основное количество добываемой в России красной рыбы производилось в Нижнем и Среднем Поволжье, перевозилось по Волге в центральные районы страны. Волга являлась связующим звеном с Ираном, Закавказьем, Средней Азией и даже с далекой Индией. Вниз, к Астрахани, везли хлеб, оружие, лес, меха. Смута нанесла тяжелейший удар по волжским перевозкам, но после ее завершения транспортная система быстро восстановилась. Уже в 1614 г. русскому правительству удалось наладить торговые связи с Ираном²²⁹. Несколько позднее, в 1628 г., персидские товары, привозимые в Астрахань и следующие затем транзитом через волжские города, были вообще освобождены от пошлин²³⁰.

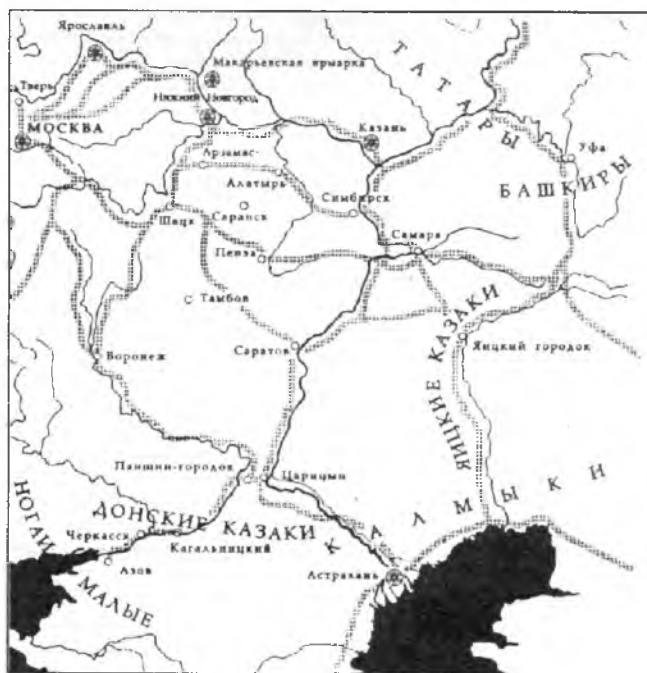
Струг на Волге. Из кн.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906

Весь этот грузопоток проходил мимо Самары, частично задерживался в ней и способствовал развитию посреднической, торговой и предпринимательской деятельности местных жителей. Составитель «Самарской хронологии» А.Г. Елшин считал, что пристань в 1600 г. уже существовала. По мнению Е.Ф. Гурьянова, после изменения в гидрографии Волги и нижнего течения р. Самары в середине XVII в. пристань устроили на Волге под самым городом²³¹.

Самарский торг «волжскими товарами» не получил значительного развития, но все же часть грузов, в основном идущих сверху (хлеб, оружие для яицких казаков и т. д.), сгружалась в Самаре и отсюда яицкими «охотниками» вывозилась на Яик и в другие места. Кроме пристани на волжском берегу «против города» была устроена застава. Служба на ней приносила немалый доход, и недаром должность ее начальника являлась конкурсной. Застава была нужна не только для «бережения» караванов и отдельных судов, на ней производился досмотр грузов, а в ряде случаев и сбор пошлин²³².

Выше уже говорилось, что из Средней Азии, пересекая волжско-уральские степи, к Самаре вел важный торговый путь, уходивший далее к Москве. Он получил развитие уже во второй половине XVI в. Торговые караваны проходили мимо Самарского города и переправлялись через Волгу на «перелазах» у будущей Сызрани. Это был путь восточных товаров. Например, в расспросных речах от 1617 г. хивинского посла Хаджи-Юсуфа имеются свидетельства, что «приходили из Юргенч корованные головы с товары степью на Самару... сперва приходил корованная голова Достогоул с товарищи, а с ними было в короване с 300 телег... а в другом короване... з 200 телег, а с третьим корованом...

с 50 телег, а в четвертом короване... з 200 телег...»²³³ Среднеазиатские купцы, их называли «тезиками», имели в Самаре свой «тезицкий двор». В 1676 г. самарский воевода А. Шель писал: «...в прошлых... и в нынешних годах те купчины, приедучи на Самару, продавали всякие товары: киндяки, шелк, сафьяны, выбойки, соль, а пошлины в нашего великого государя казну с тех товаров и с продажной соли не платили, учинились сильны»²³⁴. Жалоба воеводы, видимо, относилась и к купцам, везшим свои товары по Волге.

Торговые пути Юго-Востока России в XVII в.

Яицкая дорога связывала земли яицких казаков с Самарой, а через нее — с центром страны. Это был прежде всего зимний путь, и по нему с Яика через степь шли обозы с красной рыбой и икрой. В обратном направлении их наполняли хлебом, боеприпасами, промышленными товарами. На подходах к городу в «Осинниках» (?) была устроена специальная застава — «пропуск с Яика рыбного ж икрыного промыслу»²³⁵. Яицкий извоз являлся, скорее всего, занятием самарских жителей. О размерах двигавшегося с Яика потока красной рыбы и «рыбных припасов» свидетельствует то, что с предпринимателей, взявших на откуп сбор десятины с «рыбы и всех припасов», брались откупные платежи до 1,5 тыс. руб. в год — сумма для 70-х гг. XVII в. огромная²³⁶.

Сохранились данные, что вокруг города было устроено несколько контрольных таможенных пунктов – «застав», через которые проходил весь поток транзитных и иных грузов²³⁷.

К сожалению, описания таможенной избы в Самаре и сведений о ее местонахождении не сохранилось. Но в целом такие заведения в Московском государстве XVII в. были однотипны. Обычно в уездном городе имелась одна таможенная изба. В ней производился сбор практически со всех видов товаров²³⁸. В конце XVII – начале XVIII в. таможи действовали также в Сызрани и Надеинском Усолье²³⁹.

Особенностью Самары второй половины XVII в. являлся «сбор десятой яицкой рыбы» на отдельном дворе. Основная масса рыбы с Яика шла через наш край, где были устроены специальные дворы. Один из них располагался под Самарой на берегу Волги²⁴⁰. С 3 сторон он был огорожен «тесом в столбы восемьдесят звен, в том числе 3 звена забраны бревнами... У того двора двои ворота, санные с калиткою, крыты тесом, а други [е. – Э. Д.] санные без крышки»²⁴¹. В пространстве двора располагались: изба с белой и черной горницами, соединенными сенями; амбары, чуланы, баня, изба караульная и другие сооружения. Стоимость всего этого комплекса по ценам того времени была весьма значительной и достигала 150 руб. 84 коп. Еще один «двор», устроенный на правом берегу Волги под Сызранью, был меньше по размерам и стоил всего 25 руб.²⁴²

Уже в XVII в. на постоянных торговых путях в степное Заволжье были устроены постоянные дворы, промежуточные пункты, так называемые уметы или уметные караулы: «...по Моче реке и по Каралыку и по Иргизу и в Чохонских росошах», «Уметный караул от Дубового буярака по Грязнуху реку», «...на степи Станишный Умет ж Мочинский подъем»²⁴³.

За предпольными укреплениями, «дальними надолбами» города было отведено специальное место для торга с кочевниками. Из степи на продажу шли огромные табуны лошадей, а в степь – продукты земледелия, промышленные товары. Эти торговые сношения были чрезвычайно важны для ногаев и калмыков. В случаях, когда русская администрация отказывалась от торговли, последние нередко начинали военные действия.

Еще один, сравнительно небольшой торг был устроен под стенами кремля, на торговой площади посада. Московский купец Ф. Котов сообщал, что в Самаре торговые ряды находились «в городе», т. е. под защитой острога.

Весь хозяйственный уклад, вся экономическая жизнь Самары вращались вокруг транзитной торговли. В документах пятинных сборов по городу, относящихся к 1634 г., среди почти 200 самар-

ских торговцев и промышленников указано только 27 ремесленников²⁴⁴. Основным источником доходов большинства остальных были торговые посреднические операции. Крепость жила, что называется, от одного торгового каравана до другого. Сама Самара потребляла не так уж много: до конца XVII в. в город ввозился хлеб для гарнизона и посадских людей, трудоемкие промышленные товары, боеприпасы да металл. Все остальные нужды покрывались за счет местных производств. Потребности местных служилых и посадских людей были невелики, а самарское купечество не обладало настолько значительным капиталом, чтобы всерьез заняться крупными посредническими операциями. Состояние самого богатого человека в городе среди «простолюдинов» «Козьмы Шепкина», оцененное в 500 руб., было по тем временам немалым, но его обладатель ни в коей мере не мог тягаться с людьми гостинной сотни, тем более с гостями. Перекупкой товаров в Самаре в основном занимались приезжие купцы — гости и люди гостинной сотни: Светешниковы и Никитниковы из Ярославля, Задорины и Калмыковы из Нижнего Новгорода, другие.

Русский купец. С немецкой гравюры. Из кн.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908

После посреднической торговли самым распространенным и приносящим наибольший доход занятием являлся рыбный промысел. Как и к другим волжским городам, в 1656 г. к Самаре приписали рыбные ловли по р. Волге — 5 верстами ниже и 5 верстами выше города. В этих

водах могли безоборочно ловить рыбу все «градские» жители. Кроме того, многие из них брали на оброк промысловые «рыбные ловли» в р. Волге и Самаре. В первой трети XVII в. под городом появилась Рыбная слобода, жители которой преимущественно занимались рыболовством.

Крупнейшие промышленники самарско-саратовских промысловых вод — центральные монастыри: московский Чудов, нижегородский Благовещенский и другие; они устроили в Самаре рыбные дворы и складские помещения, для чего скупали дворовые места у посадских людей. Крупные промысловые угодья и рыбные дворы имел местный мужской Спасо-Преображенский монастырь.

Администрация г. Самары распорядилась всеми рыболовными угодьями Самарского уезда, от устья Черемшана до устья Большого Иргиза; устраивала торги, славала «воды» в оброчное пользование частным промышленникам, а иногда и сама была вынуждена организовывать государственный промысел. Однако в городе не было крупного «государева» рыбного двора, где могла производиться обработка выловленной рыбы. Такие предприятия возникали на волжском берегу, рядом с промысловыми участками.

Значительное место в предпринимательской деятельности самарцев получили откупа. Как правило, этим занимались состоятельные горожане, а также предприниматели из других городов. На откуп брали кабаки, харчевни, таможни, уметы. Судя по размерам откупных платежей, такого рода деятельность могла приносить значительный доход.

В Самаре XVII в. не существовало крупных промышленно-ремесленных предприятий. В середине 30-х гг. в городе насчитывалось около 30 ремесленников. Вряд ли их стало больше в последующий период. В документах пятины 1634 г. приведен следующий перечень ремесленных профессий: бондари, иконники, камышники, кирпичники, кузнецы, плотники, портные, сапожники, серебрянники, солоденники, сыромятники, рыбники, харчевники, часовники, шапочники, калачницы, хлебницы и молочницы. Всего 18 профессий, но вряд ли все они относились к действительно ремесленным. Наиболее представительными были группы рыбников и казенных кирпичников — по 5 человек каждой специальности. Кирпичное производство развивалось на протяжении всего XVII в. В 80-х годах в городе существовали кирпичные сараи, которые брали на откуп²⁴⁵. Как правило, все ремесленники обслуживали потребности городского населения. Наиболее широко вели дело и, следовательно, самыми состоятельными среди этой группы были 2 плотника.

Значительная часть самарских жителей подрабатывала извозом. «Яицкие» промышленники, т. е. люди, привозившие с Яика рыбу и припасы, в большинстве своем являлись самарскими жителями. Зимние обозы шли в центр, к Москве.

Кузница. Миниатюра из Никоновской летописи. Из кн.: Рабинович М.Г.
О Древней Москве: Очерки материальной культуры
и быта горожан в XI–XVI вв. М., 1964

Весной и летом в городе скапливались массы сезонных работников, нанимавшихся на волжские суда ярыжками, кормщиками, водоливами и т. д. Прежде чем получить работу, наемный работник должен был заручиться поручительной записью у местных жителей.

Таким образом, промышленность и ремесла в Самаре находились на низком уровне, получили слабое развитие. Но все же в основном за счет посреднических торговых операций Самара по размаху торгово-производственной деятельности значительно превосходила другие сравнимые с ней по размерам города Среднего Поволжья. Сборы с торгово-промышленного населения в первой половине XVII в. в Самаре в несколько раз превосходили суммы, собираемые с таких городов, как Саратов, Тетюши и т. д.²⁴⁶

Средневековые провинциальные города имели ряд сходных черт с крупными сельскохозяйственными поселениями. Многие жители Самары занимались огородничеством, владели приусадебными участками. В частности, городские огороды известны на северной окраине Вознесенской слободы. Среди надворных построек постоянно упоминаются конюшни, коровники и т. д. Жилая застройка Самары была опоясана широким кольцом огородов, конских и «скотских» выпасов. Конские табуны пасли на волжских островах, в пойменных лугах «Самарского урочища», в междуречье, у «надолб». Неоднократно эти табу-

ны подвергались нападениям кочевников, порой их воровски отгоняли. Далее находились леса для общего пользования — дровяники и т. д. В эту пригородную округу входили: «Самарское урочище», острова по рекам Волге и Самаре, лесные и степные пространства — вплоть до современных Студеного оврага и Семейкинского леса.

Мастерская гончара (макет). Реконструкция М.В. Городцова и М.Г. Рабиновича. Из кн.: Рабинович М.Г. О Древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М., 1964

Несмотря на то что в конце XVII в. к городу было приписано 120 тысяч десятин пашни в междуречье Волги, Самары и Сока, земледелие на Левобережье не получило развития. В первую очередь этому препятствовала угроза нападения кочевников. Самарские служилые люди в большинстве своем поместным «дачам» предпочитали устойчивое денежное и хлебное государево жалованье.

§ 9. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ. РАЗИНЩИНА В САМАРСКОМ КРАЕ

Развитие крепостничества

В конце XVI — XVII вв. в России окончательно оформляется система крепостного права. Феодално-крепостнические отношения проникают во вновь осваиваемые районы, вовлекая в свою сферу население территорий, недавно вошедших в состав Московского государства. Именно в это время начинает складываться система, которую ряд историков называет «государственным феодализмом».

Оформление крепостничества вызвало резкое обострение взаимоотношений между крестьянством, средними и беднейшими слоями посадского населения и феодалами. Это нашло отражение в усилении социальных противоречий, перераставших в XVII веке в мощнейшие выступления эксплуатируемого населения. Характерная особенность массовых антикрепостнических движений в России состояла в том, что

первоначальные очаги их возникновения и территория наибольшего распространения приходились на окраинные районы, население которых более обостренно реагировало на усиление феодального гнета. Самарский край входил в ареал этих земель. Его население формировалось в основном из беглых людей, уходивших за «волей», подальше от крепостнического центра. В Среднее и Нижнее Поволжье со всех концов страны стекались бездомные люди, которым нечего было терять. Степень эксплуатации их была чрезвычайно высока. Вся эта масса люмпенизированных работников промыслов и волжского судоходного транспорта была готова вести борьбу против системы насилия, жесточайшей эксплуатации и беззакония. Конкретными виновниками своих бед эти люди считали местную феодальную администрацию, верхушку волжских предпринимателей, приказных людей из центра.

Значительно ухудшилось положение самарского крестьянства. Присланное население селилось на дворцовых, монастырских, патриарших землях, где ему предоставлялись поначалу значительные льготы. Позже за лес, который они прежде свободно рубили, за рыбные ловли, бортные урожаи — за все со временем приходилось платить, и чем дальше, тем больше. Постоянно вводились новые налоги, увеличивались старые, появлялись чрезвычайные сборы. Во второй половине XVII в., и особенно к началу XVIII в., наиболее быстро росли государственные налоги, значительно опередившие по своим размерам частновладельческие сборы. Особенно трудны были различные повинности: строительные работы, посылки с обозами и т. д. Постепенно поселенцы оказались втянутыми в жесткую систему крепостнических отношений. Ухудшилось правовое и социально-экономическое положение служилых людей края. Недаром жители Печерской слободы писали, что за «службой», постоянными разъездами, бесконечными посылками они не успевают заниматься собственным хозяйством, «совсем оскудали».

Во второй половине XVII в. быстро росло количество частновладельческих крестьян: монастырских и помещичьих. Их положение также изменилось в худшую сторону: увеличилась феодальная рента, стала преобладать наиболее тяжелая ее форма — отработочная, что вызывалось увеличением барской запашки. В Надеинском Усолье, например, монастырские крестьяне, бобыли и работные люди в 1660 г. пахали на монастырь 30 четвертей в одном поле, а в 1686—1687 г. запашка увеличилась до 387 четвертей в поле, «а в дву потому ж»²⁴⁷. Ценность хлеба росла, монастыри и помещики старались увеличить размеры барщины. В частных владениях велось крупное строительство мельниц, хозяйственных и жилых помещений, рыбных дворов. Устанавливалась мелочная регламентация жизни крепостных, сковывалась хозяйственная инициатива людей. Рабочих рук не хватало, поэтому владельцы пытались использовать, как только возможно, все имеющиеся. Часто встречались случаи грубейшего произвола со стороны местной администрации — обман, насилие, грабеж.

Формы антикрепостнических выступлений

Яркий пример – многолетняя (1673–1684) борьба жителей Надеинского Усолья против произвола монастырского старца промышленника Леонтия Моренцова, известного как своей энергичной хозяйственной деятельностью, так и постоянными злоупотреблениями властью²⁴⁸. О последнем обстоятельстве свидетельствует несколько десятков челобитных из вотчины. Они исходили не только от зависимого населения, но и от людей, близких Моренцову по служебному положению. Одного из них, промышленника Г. Черниговца, Моренцов «морил голодной смертью и ставил на правеж». Случаи угроз, избиений жителей Усолья, насилий, незаконных поборов и отработок, а то и просто ограблений, и все это систематически, из года в год, стали нормой поведения старца. Даже местного священника И. Венедиктова Моренцов «посадил на цепь и бил его смертным боем дубиной и убил до смерти»²⁴⁹. Соучастниками своих преступлений, своеобразными телохранителями старец сделал двух усольских жителей из семьи трубного мастера, одной из наиболее привилегированных в Усолье.

Жители вотчины не без основания считали, что подобные злоупотребления и преступления должны быть наказуемы. В своих челобитных они ни в коей мере не пытались выступить против основ феодальных отношений, системы повинностей и т. д. Главная цель челобитчиков состояла в том, чтобы отозвать Моренцова из Усолья, прекратить злоупотребления. Однако добиться справедливости с помощью челобитных даже в самые высокие инстанции – на имя царя, патриарха, властей Савво-Сторожевского монастыря – населению вотчины не удалось. Доведенные до крайности жители Надеинского Усолья летом 1682 г. решились на открытое выступление. В нем приняло участие большинство населения вотчины. Видимо, это была уже не первая попытка открытого неповиновения, так как Моренцов писал о «прежних мятежниках».

Сопrotивление жителей властям не переросло в вооруженное восстание. Крестьяне, работные люди, бобыли прекратили все работы на промыслах, перестали подчиняться старцу: «...от этого соляной и рыбный промысел остановился и рыба в монастырь не идет». В Москву послали челобитчиков с прошением вывести Надеинское Усолье «изпод монастыря». Выступление закончилось неудачей. Вотчина осталась за монастырем, промышленника не сменили. Но власти Савво-Сторожевского монастыря поняли, что дальнейшее пребывание Моренцова в Усолье может привести к новым, более серьезным выступлениям жителей. Об этом свидетельствовали новые челобитные на имя уездных властей, патриарха и т. д. В сентябре 1684 г. Моренцову все же пришлось сдать вотчинные дела. Так закончилось правление этого жестокого самодура, длившееся более 10 лет.

Под стать Леонтию Моренцову были и другие управляющие феодальными владениями. Вот как образно очертил границы своей власти в Надеинском Усолье бывший там промышленником в 1695 г. старец Анфиноген: «...кто де у меня попросит властиной указ, у меня де указ в палке»²⁵⁰.

Усиление крепостного гнета сказывалось также на положении чувашского и мордовского населения Самарского края: наряду с классовой нередко выступали национальная и религиозная формы угнетения.

Недолгая «тишина» на Средней Волге, наступившая после потрясенный Смутного времени, сменилась в середине XVII в. новым усилением социальных противоречий. Сопrotивление населения приобретало самые различные формы: уклонение от переписей, налогового обложения, подача челобитных. Одной из форм социального протеста являлось бегство. Уйти с обжитого места, бросив дом, хозяйство, лишиться поддержки общины – на все это могли толкнуть лишь очень серьезные обстоятельства. Например, в Надеинском Усолье несколько семей бежало, исчерпав все легальные средства борьбы с промышленником, не в силах выдержать длительное судебное разбирательство, мытарства, связанные с ним. Жители села Юловского городища Новоспасского монастыря «от всего этого [судебных тяжб]... разорились вконец и многие разбрелись»²⁵¹.

Подобная формула часто встречается в крестьянских челобитных, и за этим протокольным оборотом видится подлинная драма эпохи. Когда в 1723 г. производилась перепись яицкого казачьего войска, выяснилось, что по числу жителей, ушедших к казакам, Самарский уезд при сравнительно немногочисленном населении занимал второе место. О массовых уходах говорит и такой факт: с 1678 по 1719 г. в Рождественской волости запустели 340 дворов²⁵².

Говоря о бегстве из Самарского уезда, необходимо учитывать, что самовольный уход населения по своим масштабам ни в коей мере не сравним с притоком беглых на территорию края. Массовое бегство из Самарского Поволжья началось только в конце XVII – начале XVIII в.

Наиболее распространенной формой пассивного сопротивления хозяевам и властям во второй половине XVII в. выступала подача челобитных. Чаще всего эти жалобы застревали в самарской приказной избе, но порой доходили до Казани и даже Москвы. На территории края располагалось много монастырских владений, для населения которых именно челобитье на неправомерные действия вотчинной администрации являлись наиболее типичным способом протеста.

Порой действия крестьян выходили за пределы пассивного сопротивления. Несмотря на то что в самарских селениях и городах уже было известное имущественное расслоение, в борьбе против усиливающейся крепостной эксплуатации, произвола администрации сельские и посадские миры выступали, как правило, заединщиками. Местные власти

пытались расколоть жителей, меняли старост, заставляли подавать контрчелобитные, подкупали часть населения, но их посулам и угрозам поддавались немногие. В мирских челобитных, дополняющих и обосновывающих отказ зависимого населения работать на феодальных господ, община просила снизить налоги и дать жителям в голодные годы хлеб из владельческих житниц, отозвать наиболее ненавистных управителей, прекратить злоупотребления, перевести крестьян в разряд государственных. Случаи массового неповиновения значительных групп населения, подобно событиям в Надеинском Усолье, были не так уж редки.

Еще более яркий факт неповиновения зафиксирован в 1704–1705 гг. в вотчине московского Вознесенского монастыря в селе Кузмодемьянском (Старой Рачейке)²⁵³. Голод поднял крестьян на выступление, инициаторами которого стали бывшие ссыльные Осип Никитин, Василий Муратов, Матвей Делев. Крестьянский мир вместе со старостой Михаилом Назаровым держался твердо и не отступал от просьб, изложенных в многочисленных челобитных. Своих соседей поддержали жители Городищенской слободы (ныне – г. Октябрьск) этого же монастыря. Здесь инициаторами выступления были «крестьяне небольшие». Поддержала их также вся община вместе со старостой. Эти выступления не переросли в вооруженные столкновения, но и в них проступают начала организованности, попытки выработать свою программу действий, использование всех легальных средств борьбы.

Власти, опасаясь последствий такого коллективного протеста, пытались кончить дело миром, шли на малые уступки, отзывали наиболее запятнавших себя управителей.

Однако эти декоративные полумеры приводили только к кратковременному затишью. Социальные противоречия, затухая в одном месте, с новой силой вспыхивали в другом. В той же слободе Городищенской весной 1707 г. произошло убийство приказчика. Новый с помощью местных сызранских властей энергично повел розыск и выяснил, что убийство было совершено с целью грабежа. Вскоре нашли грабителей, за которыми числилось не одно преступление. Однако при расследовании дела выяснилось, что за обычной уголовщиной скрывается глубокий социальный конфликт. Жители слободы знали о готовящемся преступлении и оказали помощь «грабителям», поскольку рассматривали этот разбой как акт социального возмездия. В своей челобитной вдова убитого приказчика обвинила общинного старосту Дмитрия Шеку и ряд крестьян слободы в том, что они не раз угрожали ее мужу, отказывались платить налоги, посылали в Москву челобитные с просьбой его отзыва.

По настоянию нового приказчика И. Алемасова на длительный срок посадили под стражу старосту, его жену, нескольких крестьян. Их об-

винили в неуплате налога и пособничестве грабителям. Хозяйство крестьян было подорвано. Д. Шека, только через несколько месяцев отпущенный под поручительство, «побрел к Москве бить челом».

И. Алемасов, получив из Монастырского приказа указание любым путем собрать непосильный для крестьян оброк и невзирая ни на какие отговорки наказать старосту и выборных крестьян за допущенные недоимки, энергично принялся за дело. Крестьяне жаловались, что он «мирских выборных людей человек 20 бил и увечил батожем... поклялся старосту бить и дом разрушить». Под грубым нажимом приказчика крестьяне вынужденно избрали нового старосту С. Зотова. Но и тот не смог собрать недоимки, за что его и выборных Алемасов два дня держал на правеже. Под диктовку приказчика новый староста от лица жителей подневолью написал челобитную, в которой прежний староста и выборные обвинялись в том, что действовали якобы без согласия мира, что они, «мятежники и плуты», бежали из-под караула неизвестно куда. В челобитной содержалась просьба не разорять вотчину, простить крестьян за волнения. Этим шагом Алемасов пытался обезопасить себя от многочисленных жалоб местных крестьян.

Глухая борьба между приказчиком и жителями вотчины длилась не один год. За это время было подано несколько челобитных, но положение практически не изменилось. Жители вотчины не могли справиться с огромными податями, с недоимками, накапливающимися из года в год. Значительно позже описываемых событий Алемасов писал, что недовольные крестьяне, среди которых был и бывший староста Шека, подбивают людей, делают сходы у своих дворов, собираются ночью с «небольшими людьми». Власти Монастырского приказа реагировали на такие донесения однозначно: бунтовщиков наказывать кнутом, оброк собирать; у тех, кто не может платить, отнять имущество: если же приказчик не соберет деньги — самого отправить на каторгу. Жители слободы, отчаявшись облегчить свое положение, были готовы на новое выступление. В 1708 г., когда отряды Кондратия Булавина подступали к Саратову, они отказались давать на монастырский двор караульщиков и собирались присоединиться к повстанческому войску.

По меркам средневекового русского правосудия явиться к представителям местной администрации «скопом» и открыто заявить о своих требованиях считалось тяжким преступлением. Но и это не останавливало людей. В 1648 г. самарские жители приходили «скопом» к воеводе в съезжую избу, «невежливые слова говорили... учинились сильны и непослушны»²⁵⁴. Как правило, стороны, участвовавшие в конфликте, пытались изложить события в свою пользу. По содержанию одной из отписок монастырских властей, в октябре 1688 г. жители промыслов Надеинского Усоля приходили «бунтом и скопом» и хотели убить наиболее ненавистных подручных промышленника. По словам же очевид-

ца — усольского священника В. Антипова, «переволокские жители приходили к промышленнику с властиной грамотой... и из них вышедший Кондратий Казак в келье стал говорить промышленнику, и говорил много против властиного указа и грамоты, чтобы указ учинил, а бунтом и скопом... они не приходили»²⁵⁵.

Таким образом, классовые столкновения были постоянным явлением в социальной жизни крупной вотчины Самарского Поволжья. Основной формой проявления их была подача челобитных. Вспышки активности приходились на моменты нарушения правовых норм вотчинной жизни, резкого ухудшения положения населения. Вполне можно говорить о наличии элементов организации. Однако организованность крестьян не выходила за пределы одной общины, мира. В ряде случаев наиболее активно выступали беднейшие слои населения, но, как правило, их поддерживал весь мир. Бегство как форма классового сопротивления не получило широко развития. В этом сказалась специфика изучаемого региона²⁵⁶.

Разинщина в Самарском крае

В документах XVII в. нет сведений о значительных самостоятельных вооруженных выступлениях населения Самарского края. Недовольство жителей крепостническими порядками, действиями государственной и частновладельческой администрации могло вылиться в форму вооруженного восстания только при появлении поблизости крупных повстанческих центров. Ф. Энгельс, анализируя способность немецкого средневекового крестьянства подняться на вооруженную борьбу, писал: «Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего согласия. Действовала долгая... привычка к подчинению... жестокость эксплуатации то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности господина — все это помогало удержать крестьян в повиновении»²⁵⁷. Только размах крестьянских войн, крупных восстаний мог вселить в угнетенных уверенность в победе, надежду на освобождение от крепостного гнета.

Это убедительно подтверждают материалы, относящиеся ко времени развертывания в Среднем Поволжье мощного социального движения под предводительством Степана Разина. Для разрешения назревших противоречий понадобился сам факт появления на территории края повстанческого войска, и в восстании приняло участие большинство населения Самарского края. Столь массовое движение показало, что люди выступали не против отдельных злоупотреблений, за соблюдение норм феодальной законности, как это может показаться из текста челобитных; а против всей системы эксплуатации.

Необходимо отметить еще один любопытный нюанс. В определенной степени Разинщину, охватившую всю юго-восточную окраину

Европейской России, можно назвать восстанием окраин против Центра²⁵⁸. В свое время Н.Я. Эйдельман, рассматривая другое столь же мощное движение (Пугачевщину), писал: «Главные народные войны зажигаются не в самых задавленных, угнетенных краях... нет, они возникают в зонах относительно свободных... Оказывается, для того, чтобы восстать, чтобы начать, уже нужна известная свобода, которой не хватает помещицкому рабу»²⁵⁹. Население юго-восточного фронта — казачество, работные и гулящие, посадские и служилые по прибору люди; крестьяне с оружием в руках — ответило государству на попытку установить на новых более свободных территориях порядки, которые господствовали в крепостническом Центре страны.

Русские крестьяне. Гравюра из кн.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906

Тревожные вести о волнениях на Дону начали поступать в самарскую приказную избу уже в конце 1669 — начале 1670 г. По указаниям из Москвы и Казани воевода И. Алфимов должен был послать своих людей на Дон, чтобы проведать о замыслах казаков. По всем поволжским городкам разошлись указы, требовавшие быть настороже, внимательно следить за людьми в гарнизонах и на посаде. Царские воеводы П.С. Урусов и Ю.Н. Бярятинский, под Казанью и Саранском собиравшие две правительственные армии, решили создать в Саратове заслон для продвижения разинцев по Волге. Они послали туда три сотни стрельцов из Казани и две — из Самары.

Уход значительной части самарского гарнизона серьезно ослабил вооруженные силы города. К тому же весной 1670 г. начались столкновения с кочевавшими поблизости калмыками и башкирами. Алфимов

Царь Алексей Михайлович.
Парсуна. XVII в.

писал, что в конце мая 1670 г. приходили под вечер к Самаре «многие воинские люди калмыки и изменники башкирцы изгоном и под городком на степи дальние надолбы разломали и многими людьми приехав в надолбы и у города под Вознесенском слободою лошади и животинные стада отогнали, да в полон взяли дву человек пастухов и отгнав те стада в дальних надолбах сожгли две башни и стали в степи от города версты по три и по четыре»²⁶⁰. Однако с внешним врагом, каковыми являлись кочевники, самарские воинские люди могли справиться без особых усилий. Главная опасность пряталась внутри самого города. Приборные люди и посадские низы были «шатки» и только ждали прихода разинцев. Такие же настроения охватили сельских жителей Самарского

уезда. После 15 августа в Самаре появились стрельцы, бывшие на службе в Саратове, и принесли весть о том, как легко сторонникам Разина удалось захватить соседнюю крепость.

Суда разинцев на Волге. Из кн.: Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1936

По-видимому, восстание в Самаре началось еще до прихода разинских стругов под город. Воевода и небольшая группа начальных людей

не могли оказать действенного сопротивления. Жители города добровольно открыли ворота крепости Степану Разину с его атаманами. Воеводу Алфимова с немногими сторонниками казнили, в Самаре устроили самоуправление по типу казачьего круга. Движение низов в городе возглавил местный посадский житель И. Говорухин. В одном из документов того времени читаем: «...всякое бунтовство от них, воров [яицких и донских казаков. — Э. Д.], да от самаренина Игошки Говорухина»²⁶¹. На сторону разинцев перешли не только рядовые приборные люди, но и сотники М. Хомутов и А. Торшилов. Разинские отряды недолго оставались в городе, вскоре они двинулись под Симбирск, а с ними «было самарян 50 человек и конных стрельцов 40 человек»²⁶².

До конца идти с Разиным, активно его поддерживая, была готова лишь небольшая часть самарцев. Остальные, более зажиточные, были не прочь примкнуть к движению при явных его успехах, но в случае неудач могли так же быстро оставить его. Когда после разгрома под Симбирском несколько легких разинских стругов вместе с самим атаманом подошли к городу, взявшая на время верх умеренная часть жителей не пустила разинцев в Самару, оставив им на разграбление предместье. Мурашкинский казак А. Михайлов, бывший вместе с повстанцами, доносил в октябре 1670 г.: «И как де вор Стенька к Самаре пришел, и ево де грацкие люди в город не пустили, и он де, вор Стенька, пограбля на кабаке за город[ом] на посаде вино, побежал на низ, а под Самарою де не мешкал от страху ни часа»²⁶³.

После неприветливой Самары струги Разина остановились на недолгое время в Тихих водах у Соснового острова (рядом с современным Хвалынском), где у атамана была назначена встреча с калмыцкими тайшами, но, не дождавшись последних, повстанцы ушли Волгой на Дон²⁶⁴.

Степан Разин. Худ. В.И. Суриков

Между тем Самарский край осенью 1670 г. стал одним из центров сбора мятежных сил, стекавшихся с Яика, южных городов, крепостей и слобод Симбирской и Карсунской черт. В Самаре появились такие крупные предводители повстанческого движения, как Леско Черкашенин, названный брат Степана Тимофеевича, Ромашка Тимофеев, Михаил Бешеный и другие. Тимофеев после разгрома под Симбирском привел в Надеинское Усолье отряд повстанцев численностью около 500 человек. Монастырские жители примкнули к разинскому атаману, пополнив его отряд. Позднее, в октябре, Тимофеев перешел в Самару, забрал продовольствие, снаряжение, «зелье» и отправился под Урень, в гущу разворачивающихся в Симбирском крае сражений. Правда, в ноябре, после ухода атамана, жители Усолья послали в Симбирск делегацию из промышленника Феодосия, священника и 5 крестьян «от всех усольцев, чтоб великий государь пожаловал их, велел вины им отдать, что они были у Стеньки Разина»²⁶⁵. Однако последующие события показали, что симпатии усольцев все-таки были на стороне восставших.

Громить Белый Яр, одну из крупных крепостей Симбирского Поволжья, вышел второй многочисленный отряд из Самары под руководством «пущего заводчика» И. Говорухина. Отряды повстанцев стояли не только в Самаре и в Усольских слободах, но и в других крупных селениях края – Рождествено, Выползово, Жигулях, население которых пополняло их состав. Недаром потом при розыске многие жители этих селений были причислены к «пущим ворам» и сосланы на Север, а то и повешены.

Зимой 1670–1671 гг. самарцы, оставшиеся верными правительству, доносили, что настроение в городе меняется, но самарские атаманы, опираясь на отряды яицких казаков, прочно держат власть в своих руках. В декабре симбирские посадские люди М. Левонтьев и Ф. Чебоксаренин повезли в Самару царскую увещательную грамоту. Однако время для сдачи города еще не подошло. Посланцев схватили, посадили в тюрьму «за крепкими караулы скованных» и «к воде их казнить приводили по многое время»²⁶⁶. Необходимо отметить, что самарские «политики» проявили дальновидность: задержанных не только не казнили, но вскоре отпустили.

Долгую зиму и весну 1671 г. Самара не подчинялась правительственной администрации. Все это время самарцы посылали доверенных лиц на Дон прознать, как там Разин. Слухи оттуда обнадеживали: дескать, Разин вновь собирает силы, чтобы совершить новый поход²⁶⁷. Однако в начале лета под Самарой появились струги не Степана Разина, к тому времени схваченного и отвезенного в Москву, а его верного соратника Федора Шелудяка. У городка армию Шелудяка встретил крупный, в тысячу человек, отряд во главе с атаманом «Бвашкой Констининовым»²⁶⁸. Откуда пришли повстанцы в крепость, как долго в ней находились, дожидаясь Шелудяка, неизвестно.

После разгрома второго похода разинцев под Симбирском почти две тысячи повстанцев отошли в Надеинское Усолье. Крестьянская война затухала. Не получив обнадеживающих известий, люди из Усожья перешли к Самаре, а затем «разбрелись врозь».

Новая неудача сломила дух сочувствующих разинцам горожан и сельских жителей. По указанию находившегося в Симбирске боярина П.В. Шереметева самарцам вновь послали увещательную грамоту. 29 июня 1671 г. город принес повинную. Челобитную с просьбой о царской милости повезли к боярину 10 выборных из «лучших и средних» людей²⁶⁹. Так завершилась длившаяся почти год эпопея повстанческого движения и вольной жизни в Самарском крае. Здесь не проводили таких кровавых расправ с участниками восстания, как накануне осенью под Арзамасом, Алатырем, Симбирском. Невелико было число повешенных; повстанцев ссылали на Север — на Двину, в Пустозерск²⁷⁰. Накал взаимной ожесточенности заметно поутих.

Несомненно, что жители Самары и Самарского уезда сыграли свою, весьма важную роль в развитии Разинщины в Южном Средневолжье. Самара оказалась не только важным звеном в «оси» этого движения (Астрахань — Царицын — Саратов — Самара — Симбирск)²⁷¹, но и тем пунктом, где происходило соединение и координация различных вооруженных отрядов, приходивших из Нижнего Поволжья, с Яика, южных городов, для дальнейших походов под Симбирск и «черту», в эпицентр разворачивания мощного вооруженного противостояния²⁷². Характерно, что в Самаре, Саратове, Пензе и других городах «средневолжского предполья» преобладало военизированное население (посадских жителей было в разы меньше). Именно они поддержали разинцев и приняли активное участие в походе на Симбирск и на «черту».

Примечания

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI—XVII вв. Уфа, 1993.

² Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 287—290.

³ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Часть 1. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013. С. 355—356; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Часть 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2014. С. 237—238.

⁴ Елшин А.Г. Самарская хронология. Выпуск I – по 1750 г. включительно. Самара, 1918. С. 16.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 673. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–9.

⁶ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 514.

⁷ Такое правило было характерно и для других пограничных территорий России, южного «Поля», Сибири и т. д. См., например: Глазьев В.Н. Структура власти в городах-крепостях «на поле» в конце XVI века // Исторические записки: сб. науч. тр. Вып. 2. Воронеж, 1997. С. 11–12.

⁸ Котошихин Г.О. О Московском государстве в середине XVII столетия. // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. М., 1984. С. 245.

⁹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 125; Гераклитов И.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 43.

¹⁰ Петров К.В. Приказная система управления в России конца XV–XVII вв. и нормативно-правовое обеспечение ее деятельности. СПб., 2005. С. 63.

¹¹ Дубман Э.Л. Воеводы и воеводская система управления в Самаре конца XVI – начала XVIII вв. // Самарский земский вестник. 2009. № 1. (18). С. 61–68.

¹² Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 2. М., 1976. С. 340, 364, 371, 375. См. также: Макаров А.И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628–1629 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 52–54.

¹³ Судя по сохранившимся источникам, его отца звали Осиф, да и самого Григория Засекина первое время величали Осифович.

¹⁴ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 703–704.

¹⁵ Варианты, встречающиеся в источниках: Фанфисин, Фонвизин и др.

¹⁶ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИА СПб ИИ). Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 246, 247, 481, 493, 518 и др.

¹⁷ Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае. Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994. С. 12–20; Дубман Э.Л. Воеводы-немцы в Самарской крепости в конце XVII века // Русско-немецкие культурные связи: история и современность. Самара, 1998.

¹⁸ Разрядная книга 1598–1638 гг. М., 1974. С. 297.

¹⁹ Сведения за 1591–1592 гг. отсутствуют, но, возможно, Овцын и в этот период являлся воеводой Самары.

²⁰ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 356.

²¹ Там же. Л. 246.

²² Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 305.

²³ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 72.

²⁴ Там же. Д. 67. Л. 214.

²⁵ Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным

правительственным актам. СПб., 1902. С. 198–199; Разрядная книга 1550–1636 гг. II. Вып. 1. М., 1976. С. 281; Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. С. 544–545.

²⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 37.

²⁷ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. (К истории государственных росписей XVII в.). С предисловием А.Н. Зерцалова // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (далее – ЧОИДР). 1893. Кн. 4. С. 51–65.

²⁸ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 87. Л. 369–370.

²⁹ Там же. Д. 116. Л. 2.

³⁰ Там же. Д. 179. Л. 359 об.

³¹ Там же. Д. 227. Л. 156; Этот Иван уже был в самарской приказной избе с 1681 г. в подьячих и по какой-то причине его с отцом должны были выслать из города. См.: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 222. Л. 220.

³² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 233. Оп. 1. Д. 122. Л. 690.

³³ Речь идет только о сохранившихся документах Печатного приказа, которые весьма неполны. Например, отсутствуют как в пошлинных, так и в беспошлинных книгах сведения о назначении в Самару подьячих с 1614 по 1649 г.

³⁴ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 227. Л. 563.

³⁵ Там же. Д. 50. Л. 42 об.–43; Д. 94. Л. 138 об.; Д. 136. Л. 163 об.; Д. 179. Л. 359 об.

³⁶ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67.

³⁷ Первое упоминание площадного подьячего в книгах Печатного приказа приходится на 1665 г. См.: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 126. Л. 224.

³⁸ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 143, 162; Д. 67. Л. 266, 332, 352, 387 и др.

³⁹ Там же. Д. 67. Л. 341.

⁴⁰ Видимо, завели себе усадьбы самарские дворяне и дети боярские (часть из них), получившие поместья на Самарской Луке и поселившие в них деревни. Они также имели дополнительные доходы от своих крепостных.

⁴¹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1890. Т. 1. С. 220.

⁴² Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. С. 1141–1358; СПб., 1855. Т. 2. С. 87–931.

⁴³ Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1919. Т. 1. Вып. 2. Количество и движение населения. С. 178.

⁴⁴ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. С. 51–65.

⁴⁵ Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 25; НИА СПб ИИ. Ф. 38. Д. 66. Л. 105, 108, 130 и др.

⁴⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 3. М., 1962. С. 534 и др.

- ⁴⁷ Дубман Э.Л. Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII–XVIII вв. // Проблемы российской и социальной истории: сб. науч. ст. / науч. ред. И.А. Носков. Самара, 2011. С. 102–115.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. Л. 608–697.
- ⁴⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического архива (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 235 (Квашнины – Самарины). № 2, 8.
- ⁵⁰ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 161.
- ⁵¹ Там же. Д. 66. Л. 127, 130; Д. 67. Л. 328, 362, 378.
- ⁵² Там же. Д. 67. Л. 214.
- ⁵³ Там же. Д. 66. Л. 77, 78, 82, 97, 130, 132, 134 и др.; Д. 67. Л. 128, 214, 215, 257, 268 и др.
- ⁵⁴ Там же. Д. 67. Л. 128, 214, 215, 257, 268 и др.
- ⁵⁵ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. С. 56–65.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. 1586. Л. 82–84.
- ⁵⁷ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г.
- ⁵⁸ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 214, 311, 371, 479 и др.; Д. 66. Л. 160, 165 и др.
- ⁵⁹ Там же. Д. 66. Л. 165.
- ⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 253. № 2. Л. 6–11.
- ⁶¹ Книги разрядные. Т. 1–2. СПб., 1853–1855; Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983. С. 118; Сметный список военных сил России 1651 г. С. 25; Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. С. 64.
- ⁶² Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. Сообщил действительный член С.Б. Веселовский // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 44.
- ⁶³ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 389, 391.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10845. Л. 6–7.
- ⁶⁵ Русско-индийские отношения в XVII веке: сб. документов. М., 1958. № 245; Волжаров коммуна. 1960. 17 февраля.
- ⁶⁶ Назаров В.Д. О забытом источнике по истории посадского населения России в первой половине XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.: сб. ст. М., 1983. С. 54–55.
- ⁶⁷ Особенности и эволюция оборонительных сооружений Самары на рубеже XVI–XVIII вв. реконструированы самарскими краеведами А.К. Ширмановым и Е.Ф. Гурьяновым и в настоящее время широко используются в исторической литературе. См.: Ширманов А.К. Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI–XVIII веках // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 3–9; Гурьянов Е. Древние веки Самары. 2-е изд., перераб. и доп. Самара, 1986. С. 50–83; Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1994. С. 92–94, 98. В последнее время появляются работы, авторы которых предлагают новые решения этой сложной проблемы. См.: Иевлев В.Ю. Топография крепости Самара: 1586–1706 // Гроговские чтения: материалы IV Межрегиональной научно-практич. конф. Самара, 2016. С. 325–338.

- ⁶⁸ Гурьянов Е. Древние вежи Самары. С. 58.
- ⁶⁹ Журнал Министерства внутренних дел (далее – ЖМВД). 1850. Ч. 32.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1530. Л. 7.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Д. 623. Л. 475.
- ⁷² Гурьянов Е. Древние вежи Самары. С. 67.
- ⁷³ Дубман Э.Л. Самара по описи низовых городов 1701–1704 гг. // Самарский земский сборник. 2016. № 1 (26). С. 40–45.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 51–52.
- ⁷⁵ Там же. Л. 52.
- ⁷⁶ Дубман Э.Л. Крепостное строительство на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI – начале XVII в. // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 4 (29) С. 171–177.
- ⁷⁷ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.А. Котова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (далее – ИОРЯС). 1910. Т. 15. Кн. 4. С. 291–292.
- ⁷⁸ Дубман Э.Л. Крепостное строительство на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI – начале XVII в. С. 174–175.
- ⁷⁹ Градостроительство Московского государства XVI – XVII веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1994. С. 76, см. также С. 77 и др.
- ⁸⁰ Кстати, и в описании городской крепости (не острога, а именно крепости) начала XVIII в. говорилось «город рубленый». РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 3. Д. 53. Л. 51–51 об.
- ⁸¹ Причем бани находились, очевидно, по берегу Самары ближе к Волге, чем сам город, иначе бы Котов их не увидел.
- ⁸² Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 360–361, 368–369.
- ⁸³ Первый каменный храм в Самаре был построен только в конце XVII в. См.: Гурьянов Е. Древние вежи Самары. С. 73.
- ⁸⁴ Дневник путешествия Энгельбрехта Кемпфера по России в 1683 г. // Исторический архив. 2005. № 5. С. 220.
- ⁸⁵ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 275.
- ⁸⁶ Бруин К. Путешествие через Московию. М., 1873. С. 173.
- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10841. Л. 1.
- ⁸⁸ Там же. Д. 10845. Л. 6–7.
- ⁸⁹ Там же. Л. 4.
- ⁹⁰ Дубман Э.Л. Строительство Сызрани и начальный этап военно-государственного освоения Сызранского Правобережья // Самарский край в истории России: материалы межрегиональной науч. конф. Вып. 4. Самара, 2012. С. 81–85.
- ⁹¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической Комиссией (далее – ДАИ). Т. X. СПб., 1867. № 86. С. 400.
- ⁹² Вряд ли полк Козловского смог добраться до места строительства новой крепости раньше начала июля. Сбор служилых и мобилизованных для строительных работ людей явно должен был затянуться. Да и сам путь от Симбирска к устью р. Сызранки занял несколько дней. Везде даты даны по старому стилю.

- ⁹³ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 647/4. Л. 7.
- ⁹⁴ См., например: Крадин Н.П. Русское деревянное оборонительное зодчество. М., 1988.
- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 69–69 об.
- ⁹⁶ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 158; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.
- ⁹⁷ Лебедев В.И. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. III. Пенза, 1992. С. 99–100.
- ⁹⁸ ДАИ. Т. X. СПб., 1867. С. 401.
- ⁹⁹ У Г.И. Перетятковича допущена ошибка. Он указал на 148 человек сызранцев, пожалованных земель. См.: Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 236
- ¹⁰⁰ Речь идет о статье из главы Соборного уложения 1649 г. См.: Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Акты Земских соборов. Т. 3. М., 1985. С. 203.
- ¹⁰¹ Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т. II. Симбирск, 1898. № 41. С. 97–100.
- ¹⁰² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 63, 64–70 об. А сверх дач во владении печерским казакам будет 10375 десятин (Л. 70 об.).
- ¹⁰³ Там же. Л. 365 об.
- ¹⁰⁴ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Библиотека. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т. IX. I. Челобитные и различные прошения. № 7.
- ¹⁰⁵ Мартынов П. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903. С. 10, 12, 48, 112, 119, 132–134 и др.
- ¹⁰⁶ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656 – 1671 гг. М., 2006. С. 554. См.: Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3. № 144. С. 157–159.
- ¹⁰⁷ Сызранский филиал ГУСО «ЦГАСО». Ф. 97. Оп. 1. Д. 627. Л. 46.
- ¹⁰⁸ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 45–48.
- ¹⁰⁹ ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 314.
- ¹¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488. Сам указ не сохранился, и его основные положения известны по более поздним документам первой половины 1686 г.
- ¹¹¹ Там же. Л. 490, 496.
- ¹¹² Там же. Л. 490.
- ¹¹³ Там же. Л. 489.
- ¹¹⁴ Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 326–332.

- ¹¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 490.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 418–419.
- ¹¹⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11560. Л. 1.
- ¹¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488.
- ¹¹⁹ Налетов А.Г. План города Кашпира конца XVII в. // Архитектурное наследство. 1972. № 19. С. 93–95.
- ¹²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 70–70 об.
- ¹²¹ Высота стен по более позднему описанию второй половины XVIII в. составляла не менее 3,5 м. См.: Зерцалов А.Н. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во II половине XVIII века. Симбирск, 1896. С. 11.
- ¹²² Там же. С. 11.
- ¹²³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. Д. 10857. Л. 2.
- ¹²⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 395; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVI и начале XVIII веков. Очерки из истории колонизации края. С. 237–238.
- ¹²⁵ Дубман Э.Л. Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в. // Самарский земский сборник. 2011. № 1 (20). С. 51–57.
- ¹²⁶ Красовский В.Э. Столетие города Сенгилея (Краткий исторический очерк). Симбирск, 1902. С. 2–3.
- ¹²⁷ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода (далее – ОДДАС). СПб., 1907. Т. 15. Стб. 955–959.
- ¹²⁸ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 25–67.
- ¹²⁹ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 224–255.
- ¹³⁰ РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11562. Л. 3–86.
- ¹³¹ Там же. Оп. 16. Д. 10845. Л. 3–5; Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 83–84.
- ¹³² Там же. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10845. Л. 5–6; Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 90–90 об.
- ¹³³ Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д. 146. Л. 134.
- ¹³⁴ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2939. 1709. Л. 295–295 об.
- ¹³⁵ Там же. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11587. Л. 1.
- ¹³⁶ Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д. 146. Л. 132–133.
- ¹³⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11572. Л. 121–142 об., 159–198.
- ¹³⁸ Хойт С.К. Этническая история ойратских групп. Элиста, 2015. С. 14–15.
- ¹³⁹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 1. С. 247–248.
- ¹⁴⁰ Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 271–274.
- ¹⁴¹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. С. 291.
- ¹⁴² Там же. С. 305–311.
- ¹⁴³ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643. Д. 1. Л. 481–490; Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. № 5. С. 81.

- ¹⁴⁴ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 111–127.
- ¹⁴⁵ Калмыки / отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М. 2010. С. 47, 61, 77 и др.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 100–126.
- ¹⁴⁷ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. С. 17–18, 23–24.
- ¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 25–67.
- ¹⁴⁹ ОДДАС. Т. 15. Стб. 955–959; РГАДА. Ф. 1183. Д. 129. Л. 4–7, 12–14.
- ¹⁵⁰ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. С. 228–247.
- ¹⁵¹ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 188.
- ¹⁵² НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 66. Л. 99, 188–189.
- ¹⁵³ Там же. Л. 377, 381, 395 и др.
- ¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 26 об.–27.
- ¹⁵⁵ Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 354.
- ¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 26 об.–28 об.
- ¹⁵⁷ Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею (далее – АИ). СПб., 1842. Т. 5. № 65. С. 95.
- ¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 140, 143; Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 255. 1702. Л. 2 об.
- ¹⁵⁹ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные условия в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983. С. 23–24.
- ¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 255. 1702. Л. 1–3; Оп. 1. Ч. 1. Д. 34. 1701. Л. 289–289 об. и др.
- ¹⁶¹ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 1–144.
- ¹⁶² Там же. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 3. Д. 6337. Л. 3, 5 об.
- ¹⁶³ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. С. 32–41.
- ¹⁶⁴ ДАИ. Т. 7. С. 194–195.
- ¹⁶⁵ Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара, 2004. С. 14–17.
- ¹⁶⁶ Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970. С. 180.
- ¹⁶⁷ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 509.
- ¹⁶⁸ Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 21–40.
- ¹⁶⁹ Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985. С. 344.
- ¹⁷⁰ Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999. С. 26–44.
- ¹⁷¹ Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860. Т. 2. С. 21.

¹⁷² Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 203–206; Тверская Д.И. Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося все-русского рынка. М., 1959. С. 81–82 и др.

¹⁷³ Дубман Э.Л. Рыболовецкие промыслы Юго-Востока Европейской России в конце XVI — начале XVIII века // Российская история. 2012. № 3. С. 128–138.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 24. 1687; Ф. 159. Оп. 1. Д. 59; Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 20–31 и др.

¹⁷⁵ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. С. 41–51; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1775. С. 361–362; Исследования о состоянии... Т. 2. С. 75–94 и др.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 125. Д. 323а. Л. 2–16, 47–57 об.

¹⁷⁷ Там же. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 20–31.

¹⁷⁸ ДАИ. Т. 6. С. 304.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 1–144.

¹⁸⁰ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 242–243.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 58. Л. 104–105 об.

¹⁸² Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. С. 60, 66–68.

¹⁸³ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. С. 51–60.

¹⁸⁴ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. С. 234–235; Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С. 65.

¹⁸⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 268–269.

¹⁸⁶ Дубман Э.Л. Описание Усольского городка и соляных варниц 1676 г. // Самарский земский сборник. Самара, 1996. С. 91–95.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 74, 107.

¹⁸⁸ Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С. 139.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684. Л. 1–144 об.

¹⁹⁰ Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 7. Л. 135; Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. С. 58–60.

¹⁹¹ АИ. СПб., 1842. Т. 3. С. 411–413.

¹⁹² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией (далее — ААЭ). СПб., 1841. Т. 3. С. 219.

¹⁹³ Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века // История СССР. 1986. № 3. С. 156.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162. Л. 1–45.

- ¹⁹⁵ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.А. Котова. С. 291–292.
- ¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 9. Л. 165 об.
- ¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162; Карпачев А.М. Пятина 1634 (142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства // Исторические записки. 1950. № 33. С. 232–258.
- ¹⁹⁸ Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 2. С. 63.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 63–64.
- ²⁰⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 1–22 об.
- ²⁰¹ Тихомиров М.Н. Самара в половине XVII в. // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 286.
- ²⁰² Интересные данные, позволяющие судить об общем количестве дворов в Самаре в середине XVII в., приводит Я.Е. Водарский. Используя сводные источники, он пишет о том, что в городе в 1646 г. числилось 104 посадских и 2 «прочих» двора. См.: Водарский Я.Е. Численность и размещение посадских людей во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 289.
- ²⁰³ Дубман Э.Л. Посадские общины городов Южного Средневожья в XVII в. // Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 2018 г.): в 2 ч. Самара, 2018. Ч. 1. С. 230–232.
- ²⁰⁴ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. М., 1977. С. 215.
- ²⁰⁵ См., например: Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004.
- ²⁰⁶ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 9. Л. 165 об.
- ²⁰⁷ Там же. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 4 об.–5.
- ²⁰⁸ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 43. Л. 721 об.
- ²⁰⁹ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Д. 67. Л. 261, 283, 322.
- ²¹⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 194. Л. 432 об.; Д. 206. Л. 618 об., 620; Д. 209. Л. 262 об.; Д. 215. Л. 148.
- ²¹¹ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Д. 66. Л. 70.
- ²¹² Там же. Д. 67. Л. 283.
- ²¹³ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 60. Л. 316; Д. 206. Л. 620; Д. 215. Л. 148.
- ²¹⁴ Дубман Э.Л. Начало православной Самары // Самарский земский сборник. 2005. № 2 (10). С. 21, 23; Макаров А.И. К вопросу об истории и топологии первых храмов г. Самары // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII – XVI в.): материалы научно-практич. конф. Самара, 2012. С. 98–106.
- ²¹⁵ Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII вв. С. 287–288.
- ²¹⁶ Кирилов И.И. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 233.
- ²¹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 18–19.
- ²¹⁸ Дубман Э.Л. Начало православной Самары. С. 21–22.
- ²¹⁹ Макаров А.И. «Повести о Варлааме и Иосафе», список // Энциклопедия Самарской области Т. 4. Н–Р. Самара, 2011. С. 184.

- ²²⁰ Дубман Э.Л. Первые самарские монастыри // Самарский земский сборник. 2006. № 1–2 (13–14). С. 59–66.
- ²²¹ Невоструев К. Историческое описание бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867.
- ²²² Гурьянов Е. Древние вежи Самары. С. 73.
- ²²³ Дубман Э.Л. Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в. С. 54.
- ²²⁴ РГАДА. Ф. 870. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- ²²⁵ Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. С. 172–175.
- ²²⁶ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 647/4. Л. 3–8.
- ²²⁷ Невоструев К. Сведения о построении города Сызрани. Симбирск, 1898. С. 3–4; Яхонтов А.К. Город Сызрань и его достопримечательности: (Ист.-церк.-археол. описание). Симбирск, 1901–1902. С. 37–41.
- ²²⁸ Родин Ф.Н. Бурлачество в России. М., 1975. С. 24; Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 237.
- ²²⁹ Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика, культура): сб. ст. М., 1966. С. 113; Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб., 2006. С. 254.
- ²³⁰ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. М., 1862. С. 46.
- ²³¹ Дубман Э.Л. Торги, заставы и таможи пограничного волжского города в конце XVI – начале XVIII в. (на примере Самары) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 4. С. 16.
- ²³² НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 277.
- ²³³ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л. 1932. С. 116, 119–121, 124–125.
- ²³⁴ Шефер А. Город Куйбышев (Очерки истории Самары – Куйбышева). Куйбышев, 1940. С. 20.
- ²³⁵ Дубман Э.Л. Торги, заставы и таможи пограничного волжского города в конце XVI – начале XVIII в. (на примере Самары). С. 18.
- ²³⁶ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 146.
- ²³⁷ Дубман Э.Л. Торги, заставы и таможи пограничного волжского города в конце XVI – начале XVIII в. (на примере Самары). С. 18–19.
- ²³⁸ Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения России XVII–XVIII вв. М., 1991. С. 53–54.
- ²³⁹ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1748. Л. 1–18; Д. 1193. Л. 1–4.
- ²⁴⁰ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Д. 66. Л. 161.
- ²⁴¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3. Л. 521–522.
- ²⁴² Там же. Л. 522.
- ²⁴³ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Д. 66. Л. 80, 85, 88.
- ²⁴⁴ РГАДА. Ф. 396. Д. 41162. Л. 9–45.
- ²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Карпачев А.М. Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634/142-го года: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1948; Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII в. С. 158–161.

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66; Ф. 281. Оп. 17. Д. 11565. Л. 28–29.

²⁴⁸ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. С. 80–81.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 29. 1683. Л. 1–8; Д. 2. 1677. Л. 3–8; Д. 54. 1684. Л. 1–23; ДАИ. Т. 10. С. 76–79; и др.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

²⁵¹ Там же. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2239. 1708. Л. 1–2.

²⁵² Там же. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 143 об.–157.

²⁵³ Там же. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1236. 1705. Л. 1–15 об.; Д. 1983. 1707. Л. 1–60.

²⁵⁴ НИА СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 214.

²⁵⁵ РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

²⁵⁶ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. С. 78–86.

²⁵⁷ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 357.

²⁵⁸ Нольте Г.Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 31–38.

²⁵⁹ Эйдельман Н.Я. 17 сентября 1773 г. // Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 188.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1530. Л. 7.

²⁶¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 535.

²⁶² Там же. С. 534.

²⁶³ Буганов В.И. Разин и разинцы. М., 1995. С. 151–152; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 190–191.

²⁶⁴ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 2. Ч. 1. С. 184–185.

²⁶⁵ Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 533.

²⁶⁶ Там же. С. 535.

²⁶⁷ Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 64–65.

²⁶⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 3. С. 110–111.

²⁶⁹ Там же. С. 118–119.

²⁷⁰ Вряд ли можно согласиться в этом отношении с выводами А.К. Ширманова. См.: Ширманов А.К. Самарцы в крестьянских войнах // Краеведческие записки. Вып. IV. Куйбышев, 1976. С. 23–25.

²⁷¹ Буганов В.И. Разин и разинцы. С. 333.

²⁷² К сожалению, роль и место горожан в Разинщине изучена далеко не полностью. См., например: Соловьев В.М. К вопросу об участии городского населения в крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина // История СССР. 1982. № 2.

Глава 3. САМАРСКИЙ КРАЙ ВО ВРЕМЕНА ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЗАВОЛЖЬЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА И СЕРЕДИНА XVIII В.)

§ 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ЗАКРЕПЛЕНИЮ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ В СОСТАВЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XVIII В.

Государственное освоение Самарского Заволжья начинается с XVIII в., в эпоху преобразований Петра I. На первых порах это были отдельные мероприятия, постепенно подготовившие почву для массовой правительственной и народной колонизации второй трети XVIII в.

Географические ландшафты Самарского Заволжья. Из кн.: Салимов И.Х. Среднее Поволжье: кн. для чтения по краеведению. М., 1994. С. 10

Ранее границей земледельческого расселения, охватившего территории к югу от нижнего и среднего (до устья р. Ик) течения Камы, была Закамская засечная черта. Построенная в 1650-е гг., она представляла собой совокупность крепостей и острогов с военными гарнизонами, соединенных в единую оборонительную систему валами,

рвами и засеками от пригорода Белого Яра в устье Б. Черемшана до Мензелинска на р. Ик¹.

Все пространство, находившиеся южнее этой укрепленной черты, являлось зоной пастбищ и охотничьих угодий башкир и калмыков. На «ландкартах» начала 1730-х гг. междуречье Самары от устья Б. Кинеля и Сока до пригорода Сергиевска было обозначено как «пустые степи», а лесостепь, располагавшаяся к северу от Сока и к востоку от Сергиевска к Б. Черемшану и далее, указана как «башкирские вотчины»², или «степь пустая башкирские угодья»³. Оседлые жители Средневолжья — русские, татары, мордва и чувашаи — появлялись здесь лишь эпизодически, «наездом». Постоянных укрепленных пунктов, за исключением Самары, не говоря уже о сельских поселениях, ниже устья Б. Черемшана в этом регионе до конца XVII в. не было. И все же споры по поводу «заволжских угодий» периодически возникали. Башкиры не однажды жаловались в Москву на нарушение своих вотчинных прав. Например, в 1645 г. в ответ на две челобитные воеводе Самары В. Горчакову было указано не позволять «мордве и иным никаким людям [*вторая формулировка «самарским никаким людям».* — Э. Д.] насильством ходить и вотчин их [*башкир.* — Э. Д.] пустошить»⁴. Но такие конфликтные ситуации в Заволжье были редким явлением.

Ситуация изменилась на рубеже XVII–XVIII вв. В ранее освоенных районах Правобережья уже не хватало свободных угодий. В лесостепном Заволжье началась распашка «порозжих» земель, появились первые селения. Поток переселенцев переваливает через укрепления Закамской черты, переходит через Волгу на Левобережье. В Самарском Заволжье, на прибрежных землях, а также к югу от нижнего и среднего течения Б. Черемшана, Сока с Кондурчой, по Самаре с Б. Кинелем, возникают военные земледельческие и промышленные поселения. Важнейшая роль в освоении всего этого пространства принадлежала государству, опиравшемуся при проведении своей политики на военно-административные ресурсы городов Среднего Поволжья, пригородов и острогов Закамской линии.

Петр I и Самарский край

Необходимо отметить в начальной колонизации лесостепного Заволжья важную роль самого Петра I, проявление его кипучей реформаторской деятельности. Казалось бы, Среднее и Нижнее Поволжье не входили в число территорий, привлекавших особое внимание царя. Но все же он не забывал и об этом регионе. Российский самодержец неоднократно лично вмешивался в события, происходившие на Юго-Востоке Европейской России, принимал важные решения, способствовавшие стабилизации ситуации в регионе, созданию промышленных предприятий, строительству крепостей и пригородов⁵.

Петр I. Рис. Т.Г. Шевченко

Петр дважды побывал в Самарском крае. В 1695 г. он вместе с караваном судов проплыл до Царицына, откуда потом с войсками перешел на Дон для похода на Азов. Судя по источникам, содержащим описание этой поездки, царь практически не посещал средневожжские города. В 1722 г. император во главе большой флотилии спускался рекой к Астрахани, где собиралась армия для войны с Ираном. Во время этого путешествия Петр вместе со своей женой, будущей императрицей Екатериной I, посетил Самару и осмотрел укрепления города. Походный журнал 1722 г. свидетельствует, что во время краткой остановки в Самаре Петр I «ездил осматривать того города, который огорожен досками»⁶.

Базовыми для освоения Самарского Левобережья в начале XVIII в. становятся Самара и 2 пригорода – Сергиевск и Алексеевск. Усилению их военного значения и особой роли для закрепления лесостепного Заволжья способствовали решения Петра. «Земляная крепость» и система укреплений, защищавших Самару от нападений кочевников из междуречья Самары и Сока, а также оборонительные комплексы Сергиевска и Алексеевска возводились в 1703–1706 гг. по указам российского самодержца. При их сооружении были апробированы новые для России технологические приемы европейской фортификации, которые позднее получили широкое распространение при защите южных и юго-восточных границ европейской части страны (Царицынская, Украинская, Новая Закамская и другие линии)⁷. Трудно переоценить вклад Петра в создание серных «заводов» на Соку и Самарской Луке⁸; его действия, направленные по подавление башкирского восстания в Заволжье⁹.

Оборонительные сооружения Самары

Создание системы оборонительных сооружений, защищавшей Самарское Левобережье от нападений кочевых народов, началось в 1703–1704 гг. Важнейшее место среди них, несомненно, занимали «земляная крепость» Самары и прилегающие к ней укрепления. Именно Самара являлась ключевым военно-административным центром для дальнейшего освоения Заволжья.

В 1703 г. старая крепость и значительная часть города выгорели. Последнее описание и одно из лучших изображений той, «допетровской»

Самары оставил голландский путешественник К. де Бруин (К. де Брейн), проплывавший мимо города вниз по Волге летом этого года.

Самара в 1703 г. Рис. К. де Бруина. Из кн.: *Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales*. Amsterdam, 1718. Vol. 1

По его рисунку, сделанному с борта судна, пространство города выглядит целостным и полностью застроенным. Посад и слободы, спускаясь с возвышенного водораздела стрелки между 2 реками, тянулись вдоль берега реки от устья северного рукава р. Самары и далее вверх по течению, завершаясь примерно в районе современной площади Революции¹⁰.

После пожара 1703 г. были приняты кардинальные меры для создания новой системы городских укреплений¹¹. Земляная крепость была возведена в течение 1704–1706 гг. Строил ее (или завершил строительство в 1706 г.) казанский «камисар» А.С. Сергеев: «Господин Александр Савич (*Сергеев*. — *Э. Д.*) на Самару поехал город строить»¹². В 1728 г. симбирский провинциальный воевода писал, что Сергеев «вместо рубленного города от жилья к степи учинил земляной замок, а от того замка круг всего жилья вместо полисада забрал в столбы забором и учинил рогатки»¹³. На плане Самары, включенном в ландкарту 1733 г., показан абрис городской застройки, место, где была старая крепость, и система укреплений, созданная в начале XVIII в.¹⁴

Новую крепость («замок», по словам современников) выстроили на свободном месте, примерно в 200 м к северо-востоку от сгоревшего кремля — «от жилья к степи», в районе современной Хлебной площади. Ее сделали из земли, в форме близкой к ромбу, без бруствера, с частоколом по вершине вала. Известный специалист по фортифика-

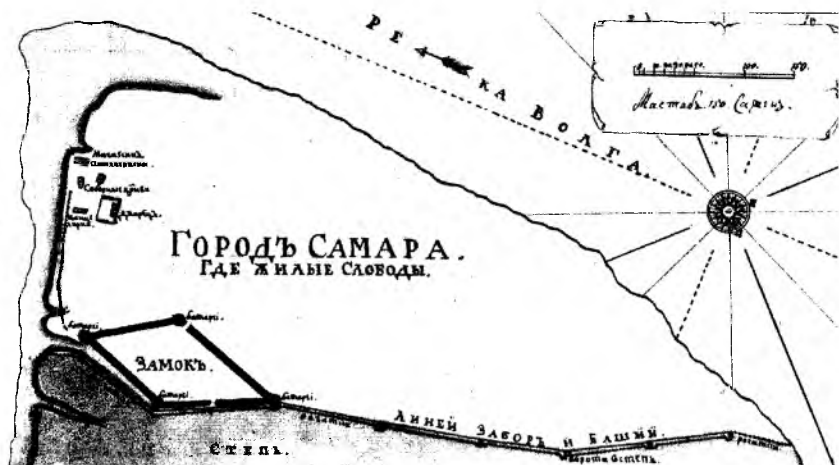
кации Ф.Ф. Ласковский писал, что это был «небольшой сомкнутый земляной окоп... в виде плоского четырехугольника, с круглыми выступами... или батареями по углам; с наружной стороны он окружен был рвом и рогатками, помещенными за контр-эскарпом»¹⁵. Западный, тупой угол «замка» выходил на современную улицу А. Толстого; южный, острый немного не доходил до ул. Куякova, северный заканчивался на Комсомольской. Восточная часть крепости граничила с улицей Ст. Разина. Далее, к востоку от «замка», длительное время никаких строений не было. Это были ближние подступы к защищенной укреплениями территории города.

Общая площадь крепости не превышала 4 гектаров. По ее углам находились круглые земляные выступы с бруствером (больверки), в которых размещалась артиллерия. Три из них имели дополнительные укрепления в виде бревенчатых «струбами» (синоним сруба) щитов, т. е. казематов. О сооружениях внутри крепости сохранилось крайне мало сведений. Известно, что в ней была устроена 8-угольная башня – раскат из соснового леса. В «замок» можно было попасть через двое проезжих ворот и одни – «тайнишные». Обе его стороны, обращенные к степи, были защищены с внешней стороны рвом с рогатками.

У северного «больворка» (больворк, больверк – бастионная система укреплений) крепости была устроена проезжая 4-угольная сосновая башня, где находился один из 2 въездов в город со стороны степи. Позднее дорога, ведущая к этим воротам, стала называться Оренбургской, а до этого по ней ездили из пригорода Алексеевска. От башни, закрывая от нападений расположенные рядом самарские слободы, тянулись на протяжении 570 м «сосновые заборы в столбах с перерубами, что называется, тарасы», до проезжих Вознесенских ворот. «Заборы» представляли собой бревенчатые рубленые укрепления с поперечными перерубами. Внутренние камеры в них засыпали землей и камнем. Для усиления этого оборонительного рубежа в забор были встроены «две сосновые четырехугольные башни без верхов». Сами Вознесенские ворота защищала еще одна башня. Далее на 320 м тянулся недавно построенный забор без «тарасов», заканчивающийся Волжской башней. Он также примерно посередине был защищен еще одной сосновой башней «без верху». И, наконец, от «Вольской башни к Волге реке до самого до берегу обнесено рогатками в два ряда по мере 50 сажен» (107 м). Общая протяженность укреплений, защищавших город от нападений со стороны степи между р. Самарой и Волгой (в районе современной площади Революции)¹⁶, вместе с внешней стороной «замка» составляла до 1,5 км. Перед этой линией с внешней стороны были устроены рогатки.

На юге, по крутому берегу р. Самары, город также имел укрепления, правда, не столь основательные. От южного бастиона «замка» до р. Самары на 135 м шли забор и линия рогаток¹⁷. Далее, вдоль берега р. Самары к Волге, по крайней мере, до места, где ранее размещалась

старая крепость, также проходила линия рогаток. На месте сгоревших ее сооружений располагались воеводская канцелярия, так называемый «дворец», артиллерийский магазин и соборная церковь¹⁸.

Первый план Самары. 1733 г. Из фондов РГВИА

Эта система укреплений, строившаяся в 1704–1706 гг. и, видимо, позднее, свидетельствует о том, что территория Самары к началу XVIII в. значительно выросла. Восстановленные укрепления города, и прежде всего «земляной замок», были простыми по устройству, дешевыми и недолговечными. В годы Северной войны государство не могло тратить на укрепления скромного уездного города большие средства.

С северо-востока новый, возникший вдоль левого берега Волги район сельскохозяйственного расселения защищал основанный в 1703 г. пригород Казани Сергиевск. Он возводился для защиты устроенных рядом с ним «заводов» для получения серы. Общее руководство созданием крепости и 3 серных заводов поручили казанскому воеводе Н.А. Кудрявцеву. Первоначально Сергиевск был построен в традиционной для русского крепостного зодчества манере. Основу его оборонительных сооружений составляли земляные укрепления, на которых была сооружена деревянная крепость. В 1704 г. «деревянный город» Сергиевска демонтировали и вывезли по Волге на Терек, а на его месте была выстроена «земляная крепость».

Для защиты дальних подступов к Самаре, к востоку от нее, на возвышенном (его иногда называют даже горой) правом берегу одноименной реки в районе «перелазей» кочевников, был выстроен С.К. Дмитриевым (по другим данным, казанским комиссаром А.С. Сергеевым) в 1706 г. пригород Самары Алексеевск. Это была такая же «земляная» крепость, но только треугольной формы (как ее

называли – «корабль»). Земляные укрепления Алексеевска также были устроены наскоро, плохо уплотнены («плакированы») и не защищены дерновым покрытием.

Пригород Сергиевск в начале XVIII в. Рис. В.М. Захарова. Экспозиция Сергиевского историко-краеведческого музея

Таким образом, в Самарском Заволжье в начале XVIII в. правительство отдает предпочтение сооружению «земляных крепостей» – Сергиевской, Самарской и Алексеевской¹⁹. В них оборонительные сооружения из дерева только дополняли ставшие основными земляные. Характерно, что при возведении земляных укреплений вала и рва использовались самые простые технологии: послойная насыпка вала землей из рва, последующая трамбовка насыпи, укрепление внешних поверхностей с помощью плакировки, дернин, бревен, фашин и др. элементов. Упрощенной выглядит и конфигурация системы «ров – вал». Она не имела гласиса, сложной, четко очерченной конфигурации вала и т. д. «Больверки» вместо бастионов, отсутствие рavelинов перед куртинами (участками крепостной ограды между фланками двух смежных бастионов – больверков) – все эти конструктивные особенности свидетельствуют о начальном этапе освоения западноевропейского опыта. Позднее практика опоры на земляные сооружения была продолжена при Анне Иоанновне, при возведении в Заволжье крепостей, фельдшанцев и редутов Новой Закамской линии. Но в них конфигурация земляных сооружений выглядела гораздо более сложной, опиралась на образцы западноевропейской фортификации.

Вся эта совокупность укреплений была связана транспортными путями по Соку и Самаре и через «степь» с уездным городом и Волгой. Кроме того, по правому берегу р. Сок была создана система редутов и разездов конных отрядов вплоть до Волги.

К рубежу 1720-х – 1730-х гг. земляные укрепления всех 3 крепостей пришли в упадок. О Самаре в те время писали: «Город Самара... земляной – ветх, во многих местах обвалился». К концу 1720-х гг. вал Алексеевской крепости «осыпался» и вместо него пришлось ставить «забор»²⁰.

Гарнизон Самары, по данным 1731 г., насчитывал 918 человек. В их число входили 32 дворянина (из них 12 отставных) и 18 иностранцев; 2 роты солдат (243 чел., из них в пригород Алексеевск было откомандировано 89 чел.), казаки, пушкари, отставные солдаты и т. д.

После перевода серных заводов на Самарскую Луку Сергиевск, будучи пригородом Казани, сохранил свое значение военного пункта и центра небольшой сельскохозяйственной округи. По данным первой ревизии, в нем и в поселениях, расположенных рядом, числилось служилых людей 681, хлебопашцев – 594 душ мужского пола²¹. Законсервированные серные заводы, контролировала Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Для их охраны посылали «для присмотра и караулов из закамских солдат, которые городской службы снести не могут». Например, в 1730 г. «на Сергиевские и Самарские [т. е. на Самарской Луке. – Э. Д.] заводы» по указу Анны Иоанновны было направлено всего 12 человек²².

Башкирское восстание 1704–1711 гг. в Заволжье

Особое внимание Петра I к Заволжью было связано также с резким обострением социальной напряженности на территории края. В начале XVIII в. злоупотребления местной администрации и начавшееся переселение на земли, которые башкиры считали своими, привели к массовым волнениям. Последовал ряд башкирских набегов на селения и крепости лесостепного Заволжья, пригороды Закамской линии. В донесении администрации Казанского уезда от 1706 г. сообщалось: «...в тех числах здесь от башкирцов многое воровство за Камую рекою. Села и деревни вырубил и выжгли и в полон людей и стада поймали прибегаючи внезапно изгоном так же, как и в прошлых летех»²³. Башкиры рассматривали территории Заволжья как издавна принадлежавшие им места кочевий и охотничьих угодий. Они враждебно относились к фактам появления там постоянных поселений земледельческого, промыслового и служилого населения.

Роль Сергиевска в начальный период башкирского восстания трудно переоценить. Так, полковник А.М. Дмитриев-Мамонов, которого оставил в Казани фельдмаршал Б.П. Шереметев во время своего похода в низовья Волги, сообщал в мае 1706 г.: «Доношу тебе, моему государю, мая в 4 день писали ко мне ратных дел судии, что башкирцы, воровские люди разных дорог, и хотят приходить и розорить Сергиев город, что близ Самары. И по тем ведомостям мая, государь, в 5-м числе

послал я в Сергиевской драгунскаго строю полковника Июду Болтина, с ним набору ево новоприборных драгун 250 человек да салдацко-го полку, что ныне у меня, 200 человек для проведывания и розъездов; из дворян прислали ис Канцелярии 26 человек, да мурз и татар, которые остались от самарской посылки, 76 человек; да в Сергиевском служилым всех чинов людем по списку. А по ведомостям, государь, тех вышеписанных воров-башкирцов 600 человек»²⁴.

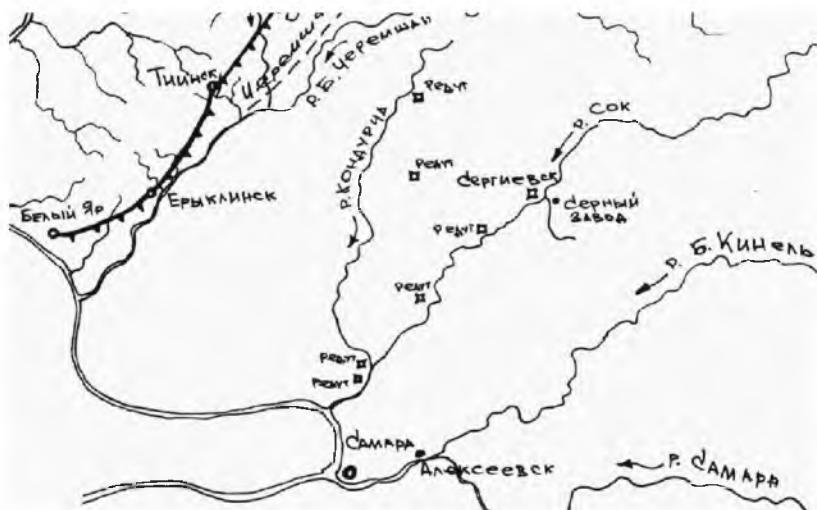
Ситуация осложнялась тем, что летом этого года земляная крепость в Самаре еще достраивалась, а к возведению Алексеевска только приступили. При этом башкирские отряды сразу же попытались уничтожить пригород²⁵. И позднее не однажды случались нападения на Сергиевск и расположенные в его окрестностях селения. Казанский комендант Н.А. Кудрявцев и комиссар С. Вараксин сообщали А.Д. Меншикову в 1708 г. о том, что происходило на Левобережье Самарского края: «...А те воры башкирцы и в нынешнем июне месяце после того числа, в котором бутто добили челом и куран целовали; под Сергиевым городом, что на Соку, деревни разоряли, людей порубили и в полон побрали, и стада отогнали и не в одном месте»²⁶. Дополняет эти известия еще одно свидетельство: «Июня 1–2 [1708 г. — Э. Д.] под Сергиевском на Соку по полям многих людей похватили и в полон побрали... под Самарою русское село Касимовского царевича [современный п. Волжский. — Э.Д.] вору башкирцы вырубали и в полон побрали»²⁷. Ситуация в заволжской лесостепи вышла из-под контроля правительства. Социальный конфликт на Юго-Востоке Европейской России стремительно разрастался. Он вовлек в свою сферу татарское и русское население Казанского и Астраханского края, казачество Дона и Яика, другие народы региона. Разрешением этого конфликта непосредственно занимался сам Петр I. По его решению в Заволжье и Башкирию были посланы дополнительные регулярные войска, а на Волгу был направлен такой выдающийся полководец, как Б.П. Шереметев²⁸.

Проект генерала Г.С. Кропотова и создание военной группировки в Заволжье

Попытки создать безопасные условия для дальнейшего освоения Левобережья правительство Петра предпринимало и позднее. После завершения строительства Царицынской линии генерал-майор Г.С. Кропотков, в распоряжении которого находились все вооруженные силы в междуречье Дона и Волги, а также в Заволжье, подал в Военную коллегию и Сенат проект. Одной из его составляющих было предложение создать из распыленных, разбросанных по отдельным пунктам отрядов крупную оперативную группировку русских войск в лесостепном Заволжье. Ее основная задача состояла в пресе-

чении попыток степняков напасть на уже освоенные земледельческим населением территории. Руководить этой группой войск численностью более 2000 человек был назначен бригадир Я.С. Шамордин. В нее должны были войти отряды графа И. Головкина, располагавшиеся на территории, защищенной Закамской чертой; части полковника С. Друманта, рассредоточенные по мелким форпостам вдоль Большого Черемшана, а также драгуны и сотни донских казаков. Этот раздел проекта Кропотова был полностью одобрен Сенатом. Все войска в Закамье и южнее были организованы под единым командованием. В делопроизводстве 1720-х гг. для обозначения укреплений и расквартированных на них войск утвердилось название «черемшанские форпосты».

С наступлением весны основные силы этой группировки выдвигались с зимних квартир к югу. Каждое из военных соединений имело свой участок обороны и распределялось по всей глубине защитных порядков. И.К. Кирилов писал об этом так: «Между Тиинска, и Ерыклинска, и Сергиевска, и Алексеевска стоит на пастах драгунский гарнизонный казанской Друмантов [под командованием С. Друманта. — Э. Д.] полк для охранения от набегов каракалпакских»²⁹. Система защиты от нападений кочевников была глубоко эшелонированной и представляла собой несколько оборонительных порядков³⁰.

Оборонительные сооружения Заволжья первых десятилетий XVIII в. Из кн.: Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. С. 19

Первый и второй из них смыкались в нижнем течении р. Б. Черемшан у Белого Яра и Ерыклинска. Драгунские полки и солдаты, поселенные здесь, защищали совместно правый берег реки. Далее,

по укрепленным пунктам Закамской линии от Ерыклинска к Новошешминску и до Мензелинска, службу несли «пригородочные солдаты», которые также должны были охранять «пасты» между ними. Южнее, от Ерыклинска по Б. Черемшану и далее, видимо, шли «черемшанские форпосты», где стояли драгуны. Помимо того, в донесениях упоминаются «кампаненты», т. е. летние лагеря, где устраивалась конница. Между форпостами и перед ними находились многочисленные «маяки», служившие для предупреждения о нападении кочевников³¹, и посты, где размещались небольшие воинские команды, как, например, в урочище «Тридцати дубов». Эта вторая линия была достаточно эффективной, так как под ее защитой в относительной безопасности находились многочисленные селения. И наконец, наиболее удаленной и опасной являлась линия редутов, располагавшихся по правому берегу Сока: начинаясь несколько ниже устья Кондурчи – редуты у Каменного брода и Нижний Кондурчинский; в среднем течении по правому берегу притока Сока р. Раковки – редут Раковский, на левом берегу еще одного притока р. Ольшанки – редут Ольшанский. Далее, у пригорода Сергиевска на противоположном берегу р. Тепловки, был устроен маяк. Таким образом, практически все течение Сока от устья до пригорода Сергиевска и серного завода по правому берегу было защищено редутами, возведенными задолго до строительства Новой Закамской линии. Создание здесь передовой системы обороны вполне объяснимо. По Соку проходил водный путь к серным заводам и Сергиевску. Эта река являлась важным водным рубежом на пути к Б. Черемшану. На «ландкартах» именно по Соку были показаны места «перелаза» башкир и разоренные от их нападений селения. Редуты были устроены и в глубине территории, защищенной течением Сока, – на р. Липовке, у впадения в нее р. Елховки и выше по течению Кондурчи – редут Верхний Кондурчинский³². На «Сокские редуты» посылались небольшие сторожевые отряды из драгун и яицких казаков. Особую роль во всей этой оборонительной системе должны были играть гарнизоны Самары, Алексеевска и особенно Сергиевска.

Правительство пыталось прикрыть и более дальние подступы к уже осваиваемому региону. Существовавшая еще в XVII веке дорога из Самары в Яицкий городок была защищена 11 заставами: Осиновой, Дубовой (ныне – с. Дубовый Умет) и другими³³.

Таковыми представляются государственные мероприятия, направленные на формирование оборонительной системы Самарского Заволжья, призванной обеспечить условия для начального освоения его территории.

§ 2. НОВАЯ ЗАКАМСКАЯ ЛИНИЯ

Новая Закамская линия строилась в первые годы правления Анны Иоанновны. После кризиса в верхах 1730 г. правительство выработало основные направления новой государственной программы. В частности, была поставлена задача защитить от нападений кочевников южные и юго-восточные границы Европейской России. Тем самым получила продолжение традиционно проводившаяся с конца XVI в. политика, направленная на расширение фонда плодородных лесостепных земель и наделения ими российского дворянства.

Кроме того, создание единой системы укрепленных линий по всему периметру лесостепной зоны страны позволило бы существенно сократить расходы на армию, заменив размещенные в пограничье регулярные полки на поселенную там ландмилицию. Под ландмилицией понимался род поселенных войск, предназначенных для охраны границ страны. Эти полки были учреждены еще Петром I. В годы правления Анны Иоанновны они резко выросли численно и были реорганизованы³⁴. Отечественные и зарубежные историки считают, что 1710–1740-е гг. были временем расцвета ландмилиции не только в России, но и в ряде европейских стран³⁵.

К 1730 г. был разработан план возведения Украинской линии³⁶, а затем правительство посчитало необходимым одновременно строить сразу две протяженные оборонительные системы: одну на юге — Украинскую, а вторую на юго-востоке — Новую Закамскую³⁷. Располагавшуюся между ними и созданную при Петре I в 1718–1721 гг. Царицынскую было решено реконструировать и использовать далее³⁸.

Строительство Новой Закамской линии было обусловлено сложным положением в лесостепном Заволжье. Один из активных участников будущей Оренбургской экспедиции А.И. Гевкелев так описал ситуацию начала 1730-х гг. в этом регионе: «Хотя тогда армейских не менее четыре полка на форпостах (*«Черемшанских»*). — Э. Д.) содержалось, ежегодно Казанского уезду из Закамских мест от пяти до десяти тысяч и более российских подданных в плен бралось...»³⁹ Велики были потери и в размещенных в пограничье военных частях. К концу 1730 г. расположенные на Царицынской линии и Черемшанских форпостах полки потеряли за предшествующие 4,5 года треть всего табельного состава (4179 чел.) и почти две трети лошадей (6696)⁴⁰.

В целом правительственный проект конца 1720-х — начала 1730-х гг. повторял, предпринятую столетием раньше при первых Романовых попытку создания единой системы укрепленных пограничных линий от границ с Речью Посполитой до р. Камы.

Закамская экспедиция. Подготовка ч организация работ

В 1731 г. – первой половине 1732 г. государство уделяло особое внимание вопросам строительства оборонительных систем. Сооружение Новой Закамской и Украинской линий в это время находилось под особым контролем Сената.

В февральских указах 1731 г. Сенат поручил тайному советнику Ф.В. Наумову уже весной начать крупномасштабные работы по возведению укрепленной линии «для лучшего охранения низовых городов за Волгою вместо черемшанских форпостов по реке Соку и по другим до реки Ик»⁴¹. Ему было указано с помощью губернских и провинциальных властей сформировать в Казанской губернии Шешминский, Билярский, Сергиевский конные и Алексеевский пехотный полки ландмилиции. Их следовало создать из жителей пригородов старой Закамской линии, а также пахотных солдат, однодворцев, других категорий бывших служилых людей Среднего Поволжья, переведенных при Петре I в категорию государственных крестьян⁴².

Офицеры ландмилиции. Из кн.: Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Т. 2. Рис. 281

Эти полки должны были охранять строительство новых укреплений и стать основой их гарнизонов. Район, где должна была действовать Закамская экспедиция под началом Наумова, занимал огромную территорию. Тайный советник фактически становился наместником всего пограничья от Дона до Камы. Суть предстоящего ему поручения была изложена в особой «Инструкции». Перед началом строительных работ Наумову предстояло, помимо набора полков ландмилиции и рабочей силы для строительства, произвести осмотр территории Заволжья – ниже «черемшанских форпостов» по рекам Сок и Ик, Самаре, Иргиз, другим левобережным притокам Волги, а также Предволжья – по Царицынской линии и по притокам Дона –

Иловле, Медведице и другим – с тем, чтобы в «опасных местах» поставить городки и поселить в них вновь созданные полки.

Сроки для разработки проекта определялись самые сжатые. Весной – в начале лета сотрудники экспедиции должны были осмотреть весь предполагаемый район работ, составить ландкарты, планы

и представить свои предложения по обустройству линии⁴³. Очевидно, что подготовленный в центре вариант проекта был нереален. Для обеспечения безопасности огромного региона от Дона до Камы необходимы были иные средства и полномочия. Для опытного администратора такое несоответствие стало очевидным уже при первом ознакомлении с порученным предприятием. Поэтому Наумов и его помощники, ознакомившись с новым регионом, предложили иной план.

В решении Сената от 11 марта практически все предложения тайного советника и самое главное из них о сокращении района строительства до междуречья Волги и Камы были удовлетворены⁴⁴. Тем самым были фактически заданы район предстоящих работ и направление будущей линии.

Руководящий состав Закамской экспедиции сложился к началу лета 1731 г. и сразу же приступил к работе. Основными помощниками Наумова были его заместители: по организационным вопросам и военной части – полковник И. Оболдуев (в 1732 г. его заменил бригадир С. Друмант) и по инженерной – капитан-поручик И.А. Бибиков.

Портрет инженера-фортификатора XVIII в. И.А. Бибикова
Худ. А.С. Малыгин. 2012 г.

Обследование территории прохождения новой линии провели летом – в начале осени 1731 г., но уточнение ее маршрута, состава и конфигурации укреплений, размещения поселений ландмилиции затянулось на несколько лет.

На протяжении почти всего времени возведения новой укрепленной системы ее «столицей», местом размещения руководства экспедиции, сбора рабочей силы и войск, складов с провиантом и оборудованием, мастерских и т. д. являлся Сергиевск. Пригород был удачно расположен географически, обладал определенной инфраструктурой и соединял в единое целое юго-западный «самарский» участок укреплений и северо-восточный, уходивший к Б. Черемшану и далее к р. Кичуй. В зимние месяцы руко-

водство и «инженерная команда» перебирались в Симбирск. Сохранилось прошение Бибикова с обоснованием просьбы о переселении в провинциальную столицу. Он писал, что для вычерчивания ландкарт нужны «белые» (т. е. топившиеся по белому) избы, а их в Сергиевске нет, только «черные»: «...и помянутых лант карт и протчаго за недо-

вольным светом в избах черных, а паче от сыплющейся сажи с потолков белых чертежей и окуратных учинить будто невозможно»⁴⁵.

По настоянию из центра строительные работы в экспедиции начались осенью, в последней декаде сентября. На них удалось собрать более 3500 мобилизованных крестьян и солдат. Однако через 3 недели из-за плохой погоды работы пришлось прекратить, а людей распустить по домам⁴⁶.

Наумов и Бибиков рассчитывали возвести новую линию к концу 1733 г. В определенной степени этот план был реалистичен. Но для производства строительства, руководители экспедиции запросили гораздо больше рабочей силы, чем потом им выделили⁴⁷. И главное, чего они не учли, — общей неразворотливости и медлительности административной системы как в центре, так и в губернии. Строительство затянулось на 5 лет, и даже в 1736 г., когда сооружения были уже готовы, а полки ландмилиции расселены, Бибиков считал, что необходимо провести дополнительные работы по ремонту и усилению укреплений.

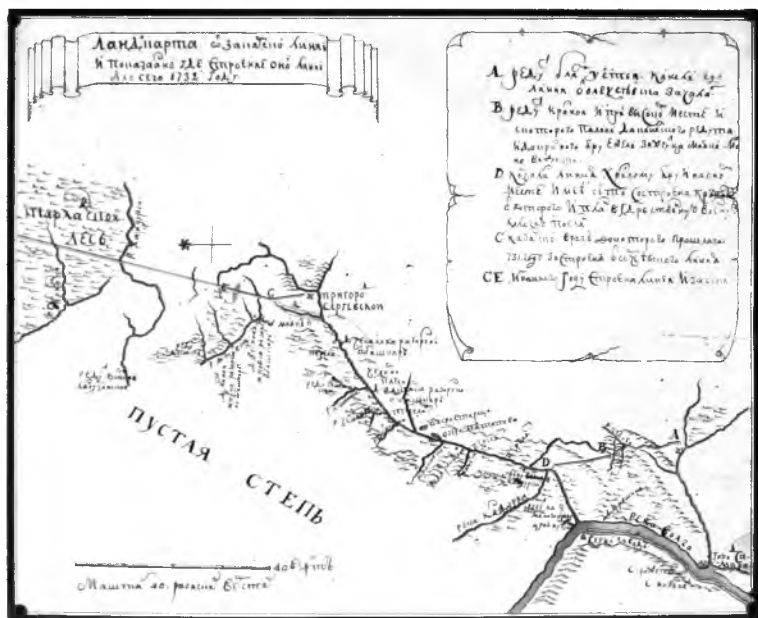
Мобилизацию крестьян и солдат, формирование полков ландмилиции, выделение необходимых денежных средств и провианта; вопросы, связанные с определением и уточнением фортификации укреплений и технологии строительных работ постоянно приходилось согласовывать с руководством Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации, а также местной губернской администрацией. Всем этим Наумов и Бибиков занимались, как правило, в конце осени и зимой, во время перерыва в производстве работ.

Строительный сезон на линии проводился в 2 смены: с середины мая до октября. В 1732 г. в первую смену должны были набрать 5000 крестьян, во вторую — 10 000. Солдат использовали как для охраны района размещения рабочей силы, так и непосредственно в производстве земляных, лесных и прочих работ. Работные люди, занятые на строительстве линии, как крестьяне, так и «пригородочные» солдаты⁴⁸, получали заработную плату. Все они должны были сами обеспечивать себя пропитанием. Но многие не могли это сделать, и для них специально заготавливались крупные партии продовольствия (разумеется, за счет выдаваемого жалованья).

Уже весной выяснилось, что собрать к назначенному сроку запланированное количество крестьян и солдат не удастся. Только на месяц позже, 17 июня, удалось приступить к полномасштабным работам. Весь 1732 г. и первую половину 1733 г. в экспедиции ощущалась острая нехватка специалистов, знающих основы фортификационного дела и способных руководить производственным процессом. Очевидно, что организовать труд многих тысяч людей, собранных на строительство столь сложной в фортификационном отношении оборонительной системы, было крайне трудно. До середины 1733 г. на каждого из специалистов приходилось до 2000 неквалифицированных крестьян

ян и солдат. Следует отметить, что трудности в организации инженерных работ были обусловлены тем, что фронт строительных работ на линии был чрезвычайно узок и рабочая сила распределялась вдоль него на многие версты. Бибииков, прося у Миниха казенных лошадей для своих подчиненных, объяснял: «...требует нужда смотреть во всех местах, дабы по профилям было зделано окуратно, а пешим усмотреть невозможно»⁴⁹.

К тому же Бибииков и его «инженерная» команда вплоть до июля 1732 г. не могли получить документы из центра о том, какими должны быть параметры и размеры валов, рвов, редутов, других сооружений. Положение удалось исправить только в 1733 г. и в последующие годы, но все указанные и другие проблемы преследовали экспедицию на протяжении всего времени строительства.

Ландкарта участка Новой Закамской линии. Из фондов РГВИА

Решающими в возведении оборонительной линии следует считать 1733 и 1734 гг., когда была в основном сформирована система земляных валов и рвов, засек (они составляли до трети протяженности всей системы укреплений), построено большинство редутов и началось обустройство крепостей и фельдшанцев, а также поселений для ландмилиции.

В последний, 1735 г. на линии была расселена ландмилиция. Всего под 4 крепостями, 3 фельдшанцами (под Шешминским не нашлось удобной для занятий сельским хозяйством земли) и 6 редутами были

созданы поселения, в которых разместили 26 рот конных полков численностью 2652 военнослужащих и 10 рот пехотного полка, насчитывающих 1560 солдат. Общее число поселенцев составило 4212 военнослужащих⁵⁰.

Характерно, что в завершающие годы строительства линии помимо неквалифицированной рабочей силы руководство экспедиции просило присылать «мастеровых». В реестре, составленном Бибиковым на потребности в 1734 г. работных людей, было запрошено 165 человек, которые должны были явиться с «надлежащим инструментом». Среди них указаны кузнецы, плотники, печники, слесари, столяры, токари, каменщики и даже минеры для «разрывания камня»⁵¹.

В планировании и создании Новой Закамской черты отразились особенности тогдашней фортификационной науки, когда механистическое восприятие теорий западных военных инженеров нередко не соответствовало действительным нуждам обороны южных и юго-восточных границ государства. Так, например, Наумов, Бибиков и другие считали, что непрерывной системы валов, рвов и прочих укреплений по левому, южному берегу Сока строить не нужно. Достаточно будет восстановить редуты, возведенные еще при Петре I по правому, северному берегу реки, и дополнить их локальными укреплениями. Однако эти предложения, позволяющие существенно удешевить и ускорить ход строительных работ без ущерба для безопасности региона, услышаны не были.

Вместе с тем в ряде случаев удавалось убедить вышестоящее начальство. Исходя из особенностей местности, ее топографии, «земельного качества» (большая часть работ были земляными) и других особенностей Самарского Заволжья руководители Закамской экспедиции зачастую доказывали столичному руководству и самому президенту Военной коллегии Б.Х. Миниху правоту своих подходов к расположению и конструктивным особенностям сооружений.

Хотелось бы отметить еще одну сторону деятельности руководства Закамской экспедиции. Несомненно, что для отрываемых от своего хозяйства людей работа на строительстве оборонительной линии была тяжелой повинностью, губительно сказывавшейся на их имущественном положении и здоровье. Многие скрывались от властей, опаздывали на недели. Итоги ежедневно проводимого в экспедиции учета выходящих на работу показывают определенное количество беглых, заболевших и даже умерших. Но следует отметить, что таких случаев было сравнительно немного. Число заболевших и умерших ни в коем случае нельзя сравнивать с подобными данными на крупных строительных работах времени правления Петра I.

О том, что руководство экспедиции стремилось сохранить контингент работных людей, пыталось заботиться об их здоровье, свидетельствует эпизод, произошедший в экспедиции с 26 июня по 7 июля (по старому стилю) 1732 г., когда случился длительный перерыв в

работах. Он был связан с выявленной опасностью возможной эпидемии. На одном из драгун гарнизонного полка, прикрывавшего район строительства, была обнаружена язва, признанная лекарем, служившим в экспедиции, «опасной». Между руководителем экспедиции Ф.В. Наумовым, губернской канцелярией и Сенатом завязалась переписка. Все строительные работы были приостановлены, а «команды разведены по разным местам». Вопрос встал о полной изоляции района работ и об устройстве «застав». Интерес представляет «определение» Сената от 11 июля, в котором было предписано в случае обнаружения действительной опасности эпидемии ввести в Заволжье весь комплекс противоэпидемиологических мер.

Характерно, что опытный Наумов усомнился в квалификации бывшего в экспедиции «медицинского работника». И действительно, комиссия из 3 полковых врачей, присланных из Казани, во главе со «старшим лекарем Крестьяном Шпером» признала эту болезнь неопасной. С 6 июля вновь началась «линейная работа»⁵².

И на самом деле каких-либо последствий этой «эпидемии» в дальнейшем не проявилось. Строительство линии продолжалось.

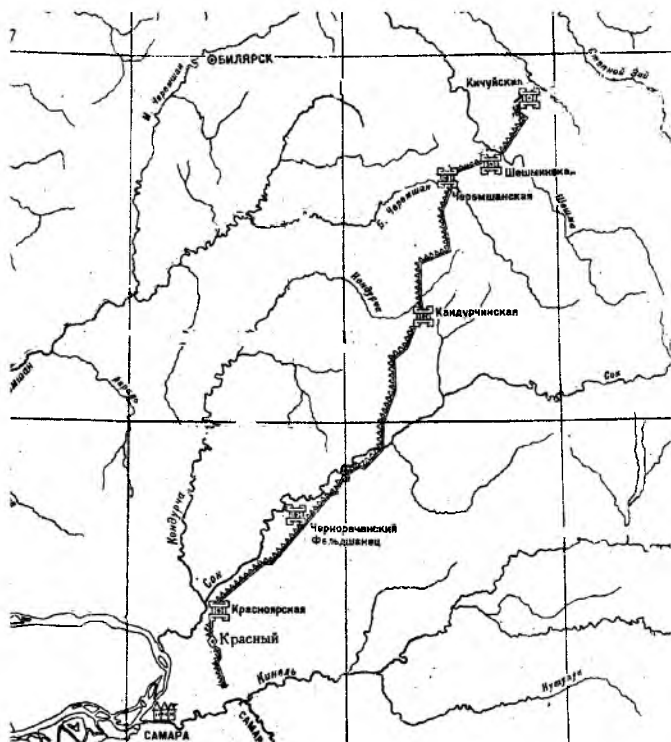
Новая оборонительная система

Итогом проведенных Закамской экспедицией работ стала одна из крупнейших оборонительных линий, созданная для защиты Заволжья от нападений кочевников. Возводившаяся в течение 5 лет (1731–1735) непрерывная система укреплений протянулась от р. Самары (при впадении в нее Б. Кинеля) до р. Кичуй. Ее хорошо сохранившиеся земляные сооружения пересекают пространство современных Кинельского, Красноярского, Сергиевского, Исаклинского, Шенталинского районов Самарской области; Черемшанского и Альметьевского районов Республики Татарстан.

Что же представляла собой эта оборонительная линия к лету 1736 г., ко времени, когда практически прекратились строительные работы и было принято решение о ее «консервации». Какие идеи и каким образом смогли воплотить в Заволжье руководитель экспедиции тайный советник Ф.В. Наумов и начальник над инженерной частью капитан-поручик (с 1732 г. – капитан) И.А. Бибииков? Именно Бибиикову из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации поручили: «...чтоб он над той линиею... имел прилежное смотрение, и всегда б она содержана была в добром состоянии»⁵³.

Новая Закамская линия задумывалась как грандиозное сооружение. Ее общая протяженность в междуречье Волги и Камы должна была составить около 400 км. По этому показателю она вполне соизмерима с Украинской линией (от 268 до 400 и более верст, по мнению разных исследователей⁵⁴) и значительно превышала размеры Царицынской (около 64 км). Но весь обширный проект, задуманный в Заволжье, был выполнен только частично. Инженерные сооружения построенной черты

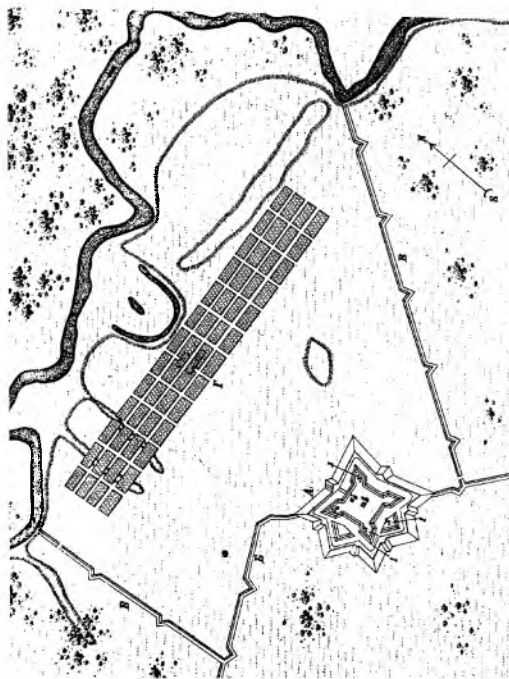
прикрыли пространство между нижним течением р. Самары и р. Кичуй. Это были самые опасные территории Заволжья, непосредственно соприкасавшиеся со степью и южной частью лесостепи, где существовала постоянная угроза нападений калмыков, каракалпаков и пр.

Новая Закамская линия

На втором участке, расположенном между реками Кичуй и Ик, где находились поселения башкир, к строительным работам так и не приступили. За все время деятельности Закамской экспедиции в 1731—1736 гг. этот район фактически находился вне юрисдикции ее руководства. В отчетах и «доношениях» в вышестоящие инстанции Наумов и Бибиков ничего не сообщали о том, что происходило за р. Кичуй. Даже во время башкирского восстания 1735—1736 гг. руководство экспедиции осталось в стороне от активного участия в его подавлении⁵⁵. Они прекрасно понимали, что выход на земли, которые башкиры считали исконно своими, грозит серьезными осложнениями.

В выписке из сенатских дел, времени строительства и эксплуатации Новой Закамской линии приведен перечень ее важнейших оборонительных сооружений и дано расстояние между ними.

Красноярская крепость и поселение ландмилиции. Из кн.: Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1866. Л. 8

Были указаны 4 крепости (Алексеевская, Красноярская, Сергиевская и Черемшанская), 4 фельдшанца (Чернорецкий, Кондурчинский, Шешминский (без поселения) и Кичуйский) и 6 редутов (Хороший, Орлянский, Заинский, Суружский, Тарханский и под Тарханским лесом) — всего 14 долговременных военно-оборонительных сооружений. Составители списка не указали еще 5 укреплений (редуты Кинельский, Красный, один из Орлянских, Суровский (у перехода через р. Сок), а также Падовский ретраншемент)⁵⁶. Отсутствие этих сооружений в отчете объяснялось тем, что при них не имелось поселений ландмилиции и, соответственно, не было постоянного гарнизона. Общая протяженность построенной линии составила, по подсчетам составителей перечня, 246 верст⁵⁷. Видимо, они вполне осознанно включили в ее общую протяженность и расстояние от г. Самары до пригорода Алексеевска — около 24,5 км, однако в остальных документах того времени этот участок рассматривался вне Новой Закамской линии.

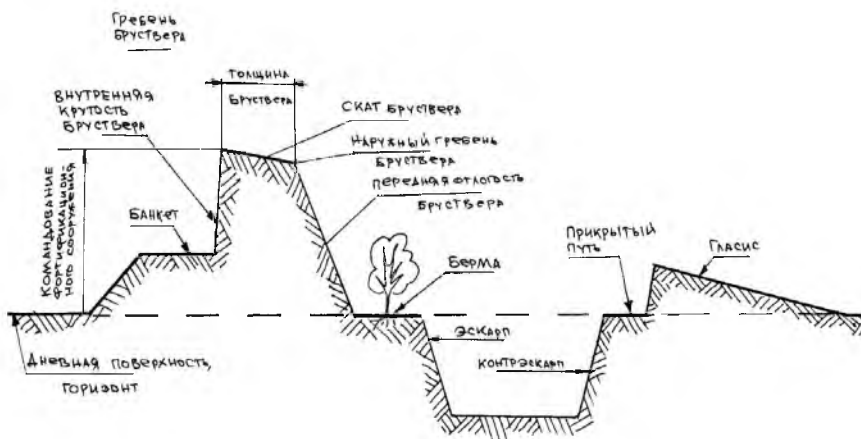
В 1732 г. руководители экспедиции получили распоряжение, в котором, в частности, говорилось: «...а довольно будет к обороне, ежели по той линии построено будет на удобных местах от 20 до 30-ти верст по

одной крепости, понеже во время неприятельского нападения на означенной дистанции могут люди от двух крепостей часа в два или в три соединиться»⁵⁸. Этот основополагающий принцип был выдержан следующим образом. Среднее расстояние между крепостями и фельдшанцами, военно-оборонительными сооружениями одного типа, на участке между Алексеевской крепостью и Кичуйским фельдшанцем составило около 30 км. Если считать редуты с поселениями ландмилиции, оно равнялось уже примерно 17 км, а с редутами без гарнизонов — 13,3 км. Учитывая мобильность войск, размещенных по линии, наличие постоянных конных разъездов, постов, маяков и т. д., можно считать, что весь фронт новой системы обороны был хорошо защищен.

Земляные оборонительные сооружения Новой Закамской линии сохранились достаточно хорошо. В совокупности они являются уникальным памятником фортификационного искусства первой половины XVIII столетия. Современного человека поражают отчетливо выделяющиеся на местности, будто проведенные по линейке валы и рвы; огромные даже по масштабам нашего времени укрепления городков-крепостей у таких населенных пунктов, как Красный Яр, Сергиевск, Крепость Кондурча, Черемшан и т. д.

Укрепления Новой Закамской линии строились в основном из земли в соответствии с фортификационной практикой того времени. На 2/3 всей своей протяженности черта состояла из земляных вала и рва, перемежаемых редутами, фельдшанцами и крепостями. Именно их и можно наблюдать в настоящее время. Совершенно не сохранились деревянные строения: башни, частоколы, надолбы, рогатки, засека и т. д. Валы и рвы на многих участках (между Красным Яром и Сергиевском по левой стороне р. Сок; за Сергиевском к с. Крепость Кондурча и далее) хотя и оплыли под влиянием ветровой и водяной эрозии, но в целом хорошо сохранились. Судя по разрезам вала и рва, представленным на планах времени строительства линии, ширина системы укреплений составляла около 16 м. В нее входили следующие составные части. Первая внешняя — это гласис шириной около 3,5 м и высотой 0,6 м, с прикрытым путем перед рвом шириной примерно 0,5 м. Ширина рва по дневной поверхности земли составляла более 4,5 м, по дну — около 2,1 м, его глубина достигала 2–2,5 м. Берма, отделявшая ров от насыпи, была достаточно широкой — около 1,5 м. Вал представлял собой довольно сложное сооружение реданного типа, устроенное так, чтобы нападавшие, даже форсировавшие ров и прорвавшиеся через укрепленную кустарником или палисадом полосу бермы, находились в максимально поражаемой защитниками линии зоне. Командование (высота) вала над уровнем дневной поверхности составляло около 2,5 м, его ширина — примерно 6 м⁵⁹. «...при подъеме или спуске с гор переламывали линию вала так, чтобы из-за него можно было обстреливать скат горы»⁶⁰. Для того же примерно через 200–320 м по всей протяженности Новой Закамской линии были устроены реданты (реданы),

представлявшие собой выступы на линии в сторону противника в виде угла, близкого к прямому, стороны которого образовывали те же вал и ров⁶¹. Совокупность редантов и «изломов» вала – всех фортификационных ухищрений – позволила М.И. Иванину, осматривавшему укрепления в XIX в., прийти к выводу, что «вся линия эта представляет как бы укрепленный обширный лагерь»⁶².

Вал и ров Новой Закамской линии. Из кн.: Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1866. Л. 8

Засеки, заменявшие в лесных районах валы и рвы, тянулись отдельными участками примерно на 79 км и к настоящему времени совершенно не сохранились. Переплетение срубленных в сторону противника деревьев такой засеки могло составлять 100 и более метров в глубину.

Валы, рвы и гласисы редутов, фельдшанцев и крепостей, составляющие их стороны, по основным своим параметрам были идентичны соответствующим сооружениям самой конфигурации линии. Редуты квадратной формы (со стороной в 50–60 м, например Сурушский), как правило, служили для временного размещения небольших отрядов, караулов или разъездов, и потому внутри их не имелось сколько-нибудь серьезных строений. Наиболее грандиозными сооружениями, впечатляющими современного наблюдателя, являются, несомненно, крепости Красноярская и Черемшанская. Представьте себе, примыкающий двумя противоположными углами к линии огромный квадрат из укреплений со сторонами более четверти километра каждая, с далеко выступающими 4 бастионами и рavelином, обращенным в сторону противника. Об их размерах свидетельствует тот факт, что сейчас внут-

ри Красноярской крепости располагаются стадион и другие спортивные сооружения. Высота бруствера Черемшанской крепости (от дна рва) составляет около 8 м.

Сохранилось немало лестных оценок качеству выстроенных укреплений Новой Закамской линии⁶³. Даже ее противники в конце концов вынуждены были признать, что инженеры экспедиции смогли творчески и со знанием дела воплотить в реальные оборонительные сооружения директивы, полученные из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации и Военной коллегии.

Свое военно-стратегическое значение эта линия сохраняла крайне недолго. Уже в середине – второй половине 30-х гг. XVIII в. правительство приступило к осуществлению в Заволжье более грандиозного проекта, предложенного И.К. Кириловым, частью которого было строительство Самарской (Оренбургской) линии и Оренбурга как главного форпоста продвижения России в Среднюю Азию и далее на Восток. Ранее возведенная система укреплений оказалась в тылу; ее крепости потеряли свое значение, гарнизоны были переведены на новую линию.

§ 3. ОРЕНБУРГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И ПЕРЕХОД К МАССОВОМУ ЗАСЕЛЕНИЮ ЗАВОЛЖЬЯ

«При начатии великих дел»

Задача решительного продвижения на юго-восток и самого активного освоения заволжских и южноуральских земель приобрела важное значение для Российской империи начиная с 1730-х гг. Важнейшими шагами по разработке новой геополитической стратегии и правительственной политики в отношении этих окраин страны и связей с обитавшими там народами явились русско-казахские переговоры 1731–1732 гг. В их ходе А.И. Тевкелев, российский дипломат и разведчик мусульманского вероисповедания, выдвинул среди прочих предложение о постройке города на Яике при устье реки Ори. Ответное казахское посольство 1734 года обратилось с просьбой к России о таком строительстве. Венчал новые планы Российской империи на этом направлении проект сенатского обер-секретаря Ивана Кирилловича Кирилова об организации Оренбургской экспедиции, на который 1 мая 1734 г. последовала высочайшая резолюция. На ее основании Кирилов получил подробную инструкцию, а городу, который ему поручалось построить, было дано имя Оренбург и особая привилегия на право ведения внешней торговли⁶⁴.

В этих документах отмечалась прежде всего необходимость обезопасить уже освоенные российские земли. Кирилов писал в своем проекте 1734 года: «От сего народу [*кочевого*. – Ю. С.] российским, казанским,

яицким, волским, уфинским, тобольским граничным жителям непрестанные воровские малыми партиями набеги чинились, и ежегодно, как скот, пленников отгоняли и в Бухарию, и в Хиву в работу продавали, купецкие караваны разбивали и многие пакости делали, о чем, хотя публично не ведомо и не видно, но токмо одно разсудить надлежит, что в Хиву и в Бухару таких русских пленников натаскано и ныне там обретаецца несколько тысяч, опричь иных владений, куды также развозятца»⁶⁵. Ставя вопрос об укреплении границы, Кирилов отмечал недостаточную прочность как старых рубежей по реке Черемшан так и новой Закамской линии.

Кирилову вторил Тевкелев (настоящее имя – Кутлумухамед Мамешев). В своем представлении руководителю внешнеполитического ведомства России А.И. Остерману от 21 апреля 1734 г. среди обоснований необходимости передвижки охраняемых рубежей далее на восток к Яику он приводил такое: «Еще ж воровские кайсаки [*казахи*. – Ю. С.] перестанут подъезжать под российские города Самару, Сызрань и Черемшан на воровство, которые ездят и переезжают реку Яик»⁶⁶. Почти 30 лет спустя, вспоминая прежние дела, Тевкелев повторял, что в первую очередь его беспокоила безопасность оседлых российских жителей, тысячами угоняемых кочевниками в рабство «из Закамских мест» независимо от национальности и вероисповедания.

При этом «оренбургский проект» был лишь частью «плана Кирилова» по активизации всей политики России на востоке от Каспия и Волги до берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов. Этот план был направлен на расширение если не пределов, то влияния Российской империи до Индии и Северной Америки⁶⁷. В выработке и реализации его геополитических целей в Сибири и на Дальнем Востоке, на русском Крайнем Севере и на Аляске приняли участие знаменитый мореплаватель Витус Беринг, выдающийся географ и историк Герард-Фридрих Миллер, большая группа ученых и моряков – участников Второй Камчатской экспедиции, по мере осуществления за которой закрепилось название Великой Северной⁶⁸.

Сам Кирилов, не имея мореходной подготовки и достаточных физических сил, не мог возглавить океанские отряды и отправиться в наиболее отдаленные места России. На него была возложена непосредственная реализация сухопутной и сравнительно близкой географически заволжско-южноуральско-центральноазиатской части этого плана, то есть собственно «оренбургского проекта», а потому подчиненная ему команда получила название Оренбургской экспедиции (или комиссии). Были выделены необходимые людские, денежные и материальные средства. Всего в штат Оренбургской экспедиции было включено около 130 человек – армейских и флотских офицеров, гражданских специалистов и чиновников. Кроме того, ей придавались значительные военные силы из регулярных и иррегулярных войск.

Кирилов, разместившийся сначала с штабом экспедиции в Уфе, приложил в конце 1734 – начале 1735 гг. основные усилия к установлению коммуникаций с предполагаемым местом постройки Оренбурга через Прикамье и верхнее течение Яика. Заволжью уделялось мало внимания. Однако восстание в Башкирии, походы, военные действия, переговоры и другие события 1735 г. – первых месяцев 1736 г. заставили изменить первоначальный взгляд на Заволжское оперативное направление как малозначимое и второстепенное.

П.И. Рычков, сотрудник Кирилова, а позже – известный ученый, через 20 лет пришел к выводу, что начальник экспедиции первоначально допустил просчет, так как недостаточно хорошо представлял географию региона: «Ежели б статскому советнику Кирилову при отправлении его в Оренбургскую экспедицию известно было, что от города Самары... до самой реки Ори немногим далее того, как и от Уфы, и он бы вместо того, что со всюю командою отправился на Уфу, на тех же судах, на коих из Москвы в Казань прибыл, поехал бы прямо Волгою до города Самары... то, может быть, от башкирцев замешательства и в том бы его предприятию такого затруднения, какое было, не последовало»⁶⁹. Ситуация в Заволжье на середину 1730-х гг. была самой благоприятной: «До самого Уральского Сырта подле реки Самары не только путь весьма способный, но и башкирских жилищ нигде б не было; а потом, перешед на Яик, и едучи подле оногo, все башкирские жительства остались бы... в таком отдалении, что им тому походу препятствовать бы было невозможно». Рычков при этом не был склонен задним числом возлагать вину на Кирилова, ибо «при начатии великих дел всего вдруг предусмотреть не можно»⁷⁰.

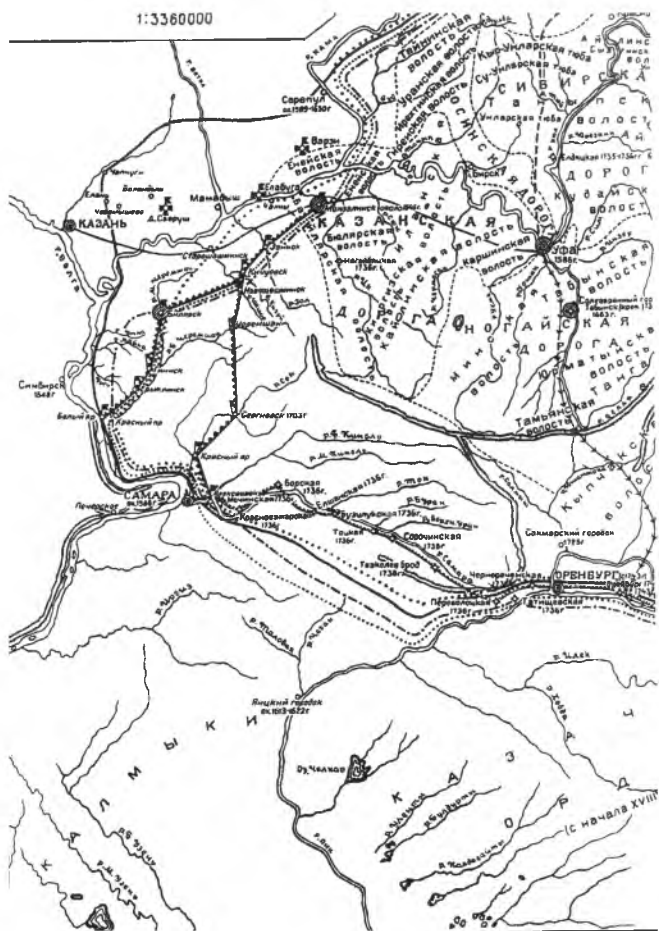
Ошибка при оценке ситуации в Башкирии и определении главной коммуникации с Яиком стоила Оренбургской экспедиции почти двух потерянных лет и многих людских жизней. Однако ее с опозданием, но можно было исправить. Кирилов обратил внимание на сведения атамана казачьего Сакмарского городка о том, что «река Самара, впадающая в Волгу, вершинами своими в самую близость к реке Яику подошла. По которым рекам рассуждал о построении крепостей и о населении военными людьми, ведая, что чрез то вся Башкирь ограждена быть имеет... о чем он, Кирилов, и в бытность свою в С.-Петербурге представил и на то позволение получил»⁷¹.

Возводившиеся со второй половины 1730-х гг. новые пограничные линии стали образовываться отдельными опорными пунктами, промежутки между которыми контролировались и охранялись подвижными разъездами. Ставка делалась на преимущество российских войск над степняками в вооружении, организации и обучении, а не на фортификационные сооружения, которые при дорогой стоимости строительства и больших трудовых затратах все равно не давали полной

гарантии безопасности от набегов, особенно если те совершались небольшими отрядами кочевников. В документах и на картах того времени линии по Самаре и Яику именуется «живыми» в противоположность «земляной» новой Закамской. Докладывая о новых крепостях, Кирилов с удовлетворением отмечал: «Без всякой помехи и без государственных работников зачало живой линии воследовало; ни одного места нет с недостатком к житью человеческому: земля черная, леса, луга, рыбные, звериные ловли довольные»⁷².

Из этих укреплений в 1736 г. составились Самарская и Яицкая (Оренбургская) линии. На них по ведомости, отправленной Кириловым в Кабинет Министров 27 октября 1736 г., значится заложенной или намеченной к закладке 21 крепость. По реке Самаре, кроме уже основанных Красносамарской, Борской, Бузулуцкой, намечалось поставить крепости Тоцкую и Сорочью, а также устроить форпосты в верховьях этой реки и на переволоке с нее в Яик. По мнению Кирилова, было необходимо иметь в каждой крепости от 100 до 500 постоянных жителей-казаков. С заселением крепостей были связаны самые большие трудности. По февральским указам 1736 года, Кирилов получил разрешение принимать и селить на «Московской дороге», то есть на новых укрепленных линиях от Самары до Оренбурга следующие категории людей: отставных драгун, солдат и матросов; ссыльных; добровольцев из казаков и мешеряков, казачьих и дворянских детей; скрывающихся на Яике беглых. Официально утвержденные источники пополнения жителей не могли решить проблему заселения и обороны присоединенных территорий. Стал фактически поощряться прием беглых из внутренних губерний России. Эта практика была не нова, но Кирилов сделал ее настолько широкой, как никто до него. Сомнительные рассказы о происхождении в канцелярии Оренбургской экспедиции не подвергались проверке, и многих беглых крестьян, дворовых, посадских писали при приеме на службу «разночинцами». Приток последних фиксируется уже в октябре 1736 года, хотя, строго говоря, позволения набирать «разночинцев» ни в одном указе Кирилову не содержалось. Одни, в лице руководства Оренбургской экспедиции, делали вид, что такое разрешение существует, а другие, в лице беглых, считали, что оно прямо относится к ним⁷³.

Как свидетельствует Рычков, Кирилов «к поселению ж в новых крепостях принимал охотников, а больше бродящих и объявляющих о себе, что прописные от подушного окладу [*не записаны в число налогоплательщиков. — Ю. С.*], коих тогда немалое число им, Кириловым, записано и в те крепости с надлежащею ссудою деньгами и провиантом на поселение отправлено»⁷⁴. И.И. Неплюев, один из будущих руководителей Оренбургской комиссии и Заволжского края, выражался более откровенно. По его словам, «казаками» Кирилов называл и по крепостям расселял именно «беглых крестьян»⁷⁵.

Новая Закамская и Самарская укрепленные линии

По новым укрепленным линиям, как вода в руслах каналов, растекался поток вольной народной колонизации. Каналы эти были прорыты при содействии и с санкции правительства, но шлюзы для потока беглых открыли по своей инициативе Кирилов и его сотрудники по экспедиции.

До окончательного обустройства Оренбурга, выбор первоначального месторасположения которого на р. Ори оказался неудачным, Кирилов решает передислоцироваться со своим штабом временно в Самару. Переезд сюда из Уфы облегчил связи с центральными губерниями и столицами. Смерть Кирилова 14 апреля 1737 г. внесла коррективы в эти планы.

Под управлением В.Н. Татищева и В.А. Урусова

10 мая 1737 г. состоялся указ о назначении Василия Никитича Татищева на место Кирилова. Застройка новых крепостей, заселение уже основанных продолжались на прежних основаниях. Согласно рапорту Оренбургской экспедиции, только за период с 24 марта по 1 июня на Самарскую и Яицкую линии прибыло 473 «разночинца», 204 ссыльных, 9 мордовских крестьян. Прибывавшие в течение осени, зимы, весны новые казаки временно оставались в Самаре и переводились в крепости уже в течение лета. На 1 июня 1737 г. в крепости по р. Самаре уже был определен полный комплект поселенцев-казачков: по 200 человек были записаны в Красносамарскую, Борскую, Тоцкую, Сорочью крепости и 300 человек – в Бузулуцкую. Кроме того, за р. Самарой в степи была основана Мочинская казачья слобода, куда первоначально зачислили на жительство 86 человек. Это было выдвинутое в степь на 25 верст за р. Самару поселение, предназначенное для отражения набегов степняков. Вскоре астраханский ногайский татарин Утуп Бекеев просил о разрешении поселиться здесь и «набрать обещал из других таких же татар, из уфимских мешчеряков и калмык и иных иноверцов, не положенных в подушный оклад,

до двусот семей на казачью службу»⁷⁶. Мочинская слобода стала смешанным русско-иноверческим поселением.

Татищев не торопился покидать Самару, «усмотря, что главный город Оренбург токмо заложен, а ничем еще не основан и заведен в такой отдаленности и в пустом месте, что все нужное к жительству получать туда принуждено с великим трудом и дороговизною»⁷⁷. Он рассудил, «чтоб всей комиссии, доколе Оренбург утвердится, и все способы к тамошнему содержанию изыщутся, быть в Самаре»⁷⁸.

Устройство Самарской и Яицкой линий, начатое Кириловым, снимало необходимость в укрепленных чертах по рекам Черемшан, Сок и Кондурче.

Вопрос о судьбе старых и новых укреплений в Закамье был отдан правительством на усмотрение Татищева. Последний вынес его на генеральный совет, состоявшийся в Самаре

В.Н. Татищев. Портрет.
Неизвестный художник

во второй половине декабря 1737 г. На этом совете «Закамская линия, яко посредине и под зашитую той новой Киргизской, то есть Оренбургской, оставшаяся, за ненужную признана»⁷⁹. Было решено, «чтоб все по ней учрежденные ландмилицкие полки, также инженерных и артиллерийских служителей с тамошнею артиллериею на ту новую линию перевести»⁸⁰. Приток новых сил в распоряжение комиссии способствовал осуществлению мер по укреплению безопасности края. Однако людские резервы Оренбургской комиссии и малочисленных поселений Заволжья были ограничены, а потому Татищев ввел в практику привлечение к различным работам и службам крестьян из селений волжского Правобережья и Закамья. В число таких работ входили возведение укреплений, строений для комиссии, жилищ для переселенцев и др. В первую очередь требовались возчики и плотники. При этом было рекомендовано использовать не принудительный набор, а наем работников за плату, чтобы не отягощать крестьян дополнительной повинностью и не содержать на казенный счет больных⁸¹.

Неожиданностью для властей стало то, что земли Заволжья оказались не такими уж пустыми, как ожидалось, поскольку их заселение шло не только по контролируемым каналам. Татищеву указом от 14 октября 1737 г. было поручено провести освидетельствование, «сколько кому земель роздано и по каким указам и определениям и какими людьми поселены»⁸².

Результаты такого следствия, проведенного полковником Пальчиковым, были получены в Кабинете Министров в «описи деревням, которые поселены внутри Закамской линии». Сохранилась ее копия от 11 октября 1738 г. Всего между старой и новой Закамскими чертами было обнаружено 51 крестьянское селение, а в них 1607 дворов. В заселении приняли одновременно участие все народы Среднего Поволжья. Среди пока немногочисленных крестьян Заволжья на этом этапе преобладали чуваша, которые проживали почти в половине всех описанных селений (25) и более чем в трети дворов (578). По числу основанных селений (14) и заселенных дворов (417) им несколько уступала мордва. Русские поставили 386 дворов в 9 селениях, а татары — 285 дворов в 7 селениях. Ряд селений были смешанными по национальному составу, например три деревни (Седелкина, Атеякова, Кармалы) с мордовско-чувашским населением⁸³.

В сословном составе очевидно преобладание государственных и дворцовых крестьян, в отношении которых крепостной режим был менее жестким. Государственным крестьянам принадлежало почти две трети дворов (1074), дворцовым — почти каждый пятый крестьянский двор (300). В Хрящевке наряду с дворцовыми жили монастырские крестьяне. Собственно монастырскими селениями были дерев-

ни Кандаковка и Красноборская, основанные в 1730-е гг. управителями вотчин Новодевичьего и Савво-Сторожевского монастырей.

Невелико было пока число имений помещиков. Крепостная мордва жила в деревнях Малыкле, Кармале, Бесовке, русские крепостные — в селе Бирля, деревне Буян и сельце Федоровском. Руководство Оренбургской комиссии возражало против присвоения частными владельцами — помещиками и чиновниками — казенных земель, необходимых для предполагаемых акций общегосударственного значения (например, под переселение населения, обязанного несением военной службы). Это отношение не распространялось на самовольно переселившихся сюда дворцовых и государственных крестьян, хотя Татищев знал о преобладании среди них беглых⁸⁴. В интересах дела для него оказался более предпочтителен приток пусть самовольных переселенцев-крестьян, чем распространение здесь помещичьего землевладения. Принятое решение о позволении государственным крестьянам селиться на новых землях стало законным основанием для легализации многих селений из описи Пальчикова.

Заметная разница в точках зрения Татищева и правительства проявилась в отношении тех переселенцев, что оседали на самой пограничной линии. Первый был склонен к поддержке без проверки всех тех, кто объявляли себя при записи в казачью службу «вольными людьми», «не положенными в подушный оклад». Он просил о безоговорочной отдаче им с мест прежнего жительства жен, детей, скота, прочего имущества, если «тех городов воеводы и помещики и управители чинят удержание и грабление и дворов продавать не дают и скот отбирают»⁸⁵. Реакция Кабинета Министров была противоположна той, на которую надеялся Татищев. 15 февраля 1738 г. было предписано прекратить прием на поселение «великороссийских жителей», голословно объявлявших себя не положенными в подушный оклад⁸⁶.

Кроме запрета принимать всех подозрительных добровольцев Кабинет настаивал на высылке с линий к прежним местам жительства и возвращении владельцам тех, кто уже сюда незаконно переселился⁸⁷. Реализовать правительственные распоряжения было невозможно, не обезлюдив при этом новые крепости и поселки, не ослабив охрану дорог и селений в Заволжье. К тому же ответственность за сбор и вывоз беглых возлагалась на командиров и чиновников Оренбургской комиссии. На них же предполагалось переложить затраты на это мероприятие. Таким образом, строгое исполнение полученных указов потребовало бы большого расхода штатных служителей и средств комиссии. Становилось очевидным, что крайне жесткие требования Кабинета Министров о возврате с линии самовольных переселенцев было невозможно исполнить. Татищев выбрал единственно возможный способ действия в данной ситуации, а именно — игнорировать

полученные указания. За все время своего управления краем он так и не прибег к высылке беглых, записавшихся в казаки.

27 мая 1739 г. над Татишевым было назначено следствие. Он был отстранен от дел и взят под домашний арест. Его место во главе Оренбургской комиссии по указу от 17 июня 1739 г. занял князь Василий Алексеевич Урусов, произведенный в чин генерал-поручика. Он не был столь яркой и разносторонней фигурой, как Кирилов или Татищев, оставившие след в отечественной науке и культуре. Однако Урусов «в произведении порученных ему дел такое имел счастье, что каждое его начинание с благополучным успехом в действо происходило»⁸⁸. Главными из его дел, как считал Рычков и ставил их по значению рядом, были подавление башкирского восстания и «начатое им поселение гарнизонных и ландмилицких полков... в новые крепости»⁸⁹.

Первоначально, прибыв в Самару, Урусов донес, что «о населении новых, поставленных по Самаре и Яику рекам и в других местах крепостей усматривает он способы, не противные указам», т. е. нормам крепостного права. Он предполагал заселять укрепленную линию «из яицких казаков и уфимских мещеряков и другими охотниками», а также украинцами, и только просил, «чтоб в Малую Россию и в Казанскую и Сибирскую губернии о неудержании таковых охотников подтвердить из Кабинета особливыми указами и об определении желающих на пашню, и о снабдении оных»⁹⁰.

Однако спустя совсем немного времени Урусов при всей своей исполнительности встал в данном вопросе на сторону опального Татищева. После получения конкретного указания о высылке беглых из крепостей он определил: «Ныне паки объявить, что в том обстоят разные затруднения, в чем сослатца на оное прежнее всеподданнейшее доношение [*Татищева. — Ю. С.*], представля, что все зачатое... запустеет, ибо казаки в них почти все такие [*беглые. — Ю. С.*]. И, как в нынешней ево, генерал-лейтенанта, проезд усмотрено, жилищами несколько уже утвердились, пашнею заводятся, а иные уже совершенно завелись и обселись, и крепости караулами и работами содержат»⁹¹. Урусов предложил беглых помещикам не возвращать, а зачесть их как взятых в рекрутский набор. Иначе, предупреждал он, не только сейчас, но и впредь нет надежды, что удастся заменить этих беглых служилыми людьми. На сей раз такие аргументы на правительство подействовали. В указе от 23 января 1740 г. требование о немедленной высылке беглых было снято, «а розвозить на прежняя жилища казаков за представленными от генерала-лейтенанта князя Урусова резонами... не повелено», но с условием, чтобы все они были переписаны с точным указанием их подлинного происхождения⁹².

В ходе переписи весной 1740 года обитателей 18 крепостей, подведомственных Оренбургской комиссии, в том числе в Заволжье, выяснилось, что «в регулярные и другие службы» зачислено 5154 «сходцев» мужского пола. Данные переписи позволяют определить районы выхода и происхождение переселенцев. Список прежних мест жительства беглых был очень широк. В Бузулуцкой крепости, например, переписаны выходцы из 36 уездов России. Схожая картина наблюдалась и в других крепостях. В большинство селений свыше половины «сходцев» пришли из Симбирского, Нижегородского, Алатырского, Пензенского и других уездов Среднего Поволжья. Сословный состав «сходцев» также был неоднородным: среди них были выходцы из различных категорий крестьян (государственных, дворцовых, монастырских, частновладельческих), из посадских и служилых людей⁹³.

Пребывание беглых на новых линиях, явочным порядком допущенное при Кирилове и Татищеве, было усилиями Урусова в определенной мере легализовано. Однако формально вопрос о возврате беглых на прежние места жительства оставался пока открытым. «Ныне к тому не бес способа, — сообщала канцелярия Оренбургской комиссии в 1741 году, подразумевая возможный отказ от использования на службе казаков или ее резкое сокращение, — ибо во оных крепостях селятся команды регулярные»⁹⁴. Действительно в восьми крепостях по р. Самаре и в десяти по р. Яику было размещено 39 регулярных рот гарнизонных полков и ландмилиции. Однако, хотя регулярные команды могли находиться в крепостях достаточно долго, их чинов нельзя считать постоянными жителями как по роду службы, так и по степени оседлости.

К концу 1740 г. из разных мест было переведено в Закамье, Заволжье и Оренбургский край 967 отставных военнослужащих, но, как доносил в Сенат статский советник Оболдуев, заведовавший в то время солдатскими переселениями, многие из новоселов «были босы и наги и весьма претерпевали нужду»⁹⁵. Ни в количественном отношении, ни по наличию хозяйства и просто крестьянского опыта отставные солдаты также не были способны заменить собою поселенных по пограничной линии казаков. Реальных возможностей для того, чтобы отказаться от принятых на казачью службу или резко сократить их численность в здешнем крае в ближайшие годы, так и не представилось.

В конце 1740 г. Урусов заболел цингой. 22 июля 1741 г. он скончался.

Образование Оренбургской губернии

Выполнить задачу окончательного включения обширных территорий на юго-восточной окраине Европы в состав России выпало на долю Ивана Ивановича Неплюева. Он прибыл 26 апреля 1742 г.

в Самару. В этом «на Волге лежащем городе все командиры той экспедиции имели свое пребывание, а граница оставалась вся неукрепленною, кроме некоторого малого числа крепостей по Самарской и Яицкой линиям, и главнейшая из тех крепость, именуемая Оренбург... была окружена забором из плетня, осыпанным земляным бруствером и снабженная малым числом гарнизона»⁹⁶.

Портрет И.И. Неплюева.
Рис. П.А. Трезини

Новый начальник комиссии повел себя так, как будто, за ним больше не было волжских тылов и зимних квартир. О переломе, произошедшем в строительстве Оренбурга во второй половине 1743 г., Неплюев рассказывал сам: «А как во всяком случае лучший пример к снесению труда может подать командующий, то я сам на том месте жил в палатках до ноября месяца, имея только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковые и у последнего жителя были, и не прежде в построенный командирский дом вошел, как и все жители — в их дома, а гарнизон — в казармы, и более уже (по прежнему обычаю командиров) в Самару, то есть, в Русь, не возвращался»⁹⁷.

Заканчивался не только самый длительный этап в деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии), который характеризовался тем, что основной ее базой являлась Самара и прилегающие к ней районы Заволжья. Близилась к концу и история самой комиссии. Ее последний «оренбургский» период оказался гораздо короче и «уфимского», и «самарского»⁹⁸.

В феврале 1744 г. Неплюевым было получено разрешение прибыть в Москву. Там, как пишет он сам, «представил я о переименовании сей экспедиции в губернию и о приписании ко оной от Казанской Уфимской и от Сибирской Исецкой провинций, что также апробовано»⁹⁹. Таким образом, в начале 1744 года в Империи появилась новая обширная губерния. Оренбург стал административным центром Юго-Востока России. Однако Неплюев и его сотрудники, управлявшие новой губернией, не упускали из внимания заволжские земли, находившиеся в ее составе. Заволжье оставалось частью российского пограничья, служило поставщиком людей, хлеба, других материальных средств.

Хотя в то время город Самара и пригород Алексеевск формально считались в составе Симбирской провинции Казанской губернии,

но в военном отношении подчинялись губернаторам в Оренбурге. На этом основании в 1768 г. Сенат представил доклад императрице о передаче города Самары в Оренбургскую губернию «для того, что жительствующие в нем [*казаки и другие военнослужащие. — Ю.С.*] почти все оренбургской команды»¹⁰⁰, который, однако, не был утвержден. После повторного обращения Военной коллегии и Сената в 1773 г. был издан указ о переводе Самары в ранг слободы, приписанной к соседнему городу Ставрополю, состоявшему в Оренбургской губернии. Однако этот указ остался нереализованным из-за событий 1773–1775 гг. и последующей затем административной реформы¹⁰¹.

Численность городских купцов и других посадских людей в Самаре вместе с Алексеевском составляла в 1744 г. 437 душ м. п. Помещики-дворяне, чиновники, офицеры являли немногочисленные группы по-

П.И. Рычков. Худ. Ф. Крюгер

стоянных жителей города. Невелика была и принадлежавшая им дворня. Некоторое число крепостных дворовых людей имелось у зажиточных купцов и казачьих командиров. Всего в Самаре числилось 34 души м. п. дворовых людей. Сельских поселений с постоянным крестьянским населением в левобережной части Самарского уезда тогда не было¹⁰².

Основная часть освоенной территории Заволжья, лежавшей к северу от Самары, вошла в Ставропольский уезд. Фактически в его территорию включались и селения вблизи Самарской линии крепостей, хотя сами укрепления и гарнизоны последней подчинялись не Ставропольской воеводской канцелярии, а комендантам, назначаемым из Оренбурга. Предварительные итоги продви-

жения оседлого населения на заволжские земли подвела перепись Ставропольского уезда, проведенная в 1747 г.¹⁰³

— Единственным городским поселением уезда был Ставрополь. Податное население, по данным 1747 г., насчитывало здесь 305 душ м. п. К сословию купцов относилось 124 души м. п., к цеховым мастерам принадлежало 173 души м. п., к дворовым людям — 8 душ м. п.;

– Результаты переписи крестьянского населения уезда показали его численность в 9995 душ м. п. К 1747 г. государственные ясачные (*ясаком в Поволжье назывался до XVIII в. поземельный налог.* – Ю. С.) крестьяне разных национальностей составляли две трети сельского населения уезда (6597 душ м. п.), а государственные крестьяне – потомки бывших служилых людей из русских и народов Поволжья насчитывали еще 782 души м. п. Пятая часть всех здешних крестьян (2087 душ м. п.) являлись крепостными отдельных помещиков. Дворцовые (157 душ м. п.) и монастырские крестьяне (372 души м. п.) были не очень многочисленны;

– Среди различных народов быстрее всего росла численность русского крестьянства, прежде всего за счет переходов. Они составляли самую большую группу среди переселившихся сюда в течение последних двух десятилетий. Благодаря высоким темпам притока извне русские крестьяне (2652 души м. п.) по количеству в уезде обошли мордву (2548 душ м. п.) и татар (1359 душ м. п.), приблизившись к числу чувашей (3421 душа м. п.).

Определенными особенностями отличался начальный этап освоения заволожских территорий, лежавших восточнее Ставропольского уезда. Для свободного проезда из Казанского уезда к Оренбургу была учреждена и разными деревнями населена дорога, получившая название Новой Московской. Она заменила в стратегическом отношении ту старую Московскую дорогу, что провел вдоль Самарской линии Кирилов.

В заселении Новой Московской дороги, начатом практически с нуля, с 1743 г. до начала 1750-х гг. главную роль играли мероприятия властей. За указанные годы на этой территории водворилось государственных крестьян: русских – 1650 душ м. п., иноверцев (мусульман и язычников) – 2001, «тептярей и бобылей» (припущенников из народов Поволжья на башкирских землях) – до 1000. Помещичьих крестьян было только 69 душ м. п., а всего податного населения – 4720 ревизских душ¹⁰⁴.

Среди государственных крестьян этой территории, имевшей особый, отличный от уездного статус и именовавшейся «ведомством Бугульминской земской конторы», значительное количество приходилось на «непомнящих родства». Ссылка на «невозможность» вспомнить свое происхождение, место рождения и прежнего проживания была обычным приемом задержанных властями беглых, не желавших возвращения к прежним хозяевам и в прежнее состояние. В 1746 г. Сенат утвердил представление И.И. Неплюева о высылке всех «непомнящих родства», обнаруженных во время ревизии в различных частях России, на поселение в Оренбургскую губернию. Там их водворяли в слободы Большую и Малую Бугульминскую, Письмянскую,

Бугурусланскую на Новой Московской дороге, обязывали повинностями по ее содержанию и платежом подушной подати.

В перечисленных выше слободах преобладали русские. «Не помнящих родства» из новокрещенной мордвы, как правило, водворяли в села Мордовский Бугуруслан и Сок Кармала между Бугурусланом и Бугульмой.

Кроме податного населения в Бугульминском ведомстве имелись жители, не положенные в подушный оклад. Так, в тех же селениях, где водворялись «не помнящие родства», а также в отдельных поселках были поселены отставные нижние армейские чины.

Общая численность населения Бугульминского ведомства приближалась к 5 тыс. душ м. п., или к 10 тыс. чел. обоего пола. Суммируя подсчеты по всем административным единицам осваиваемой части Самарского Заволжья (левобережье Самарского уезда, Ставропольский уезд, Новая Московская дорога), можно утверждать, что число жителей, не причисленных к казачьему сословию и не состоявших на регулярной службе, к началу 1750-х гг. здесь немногим превысило 30 тыс. чел. обоего пола. Вместе с казаками и другими жителями пограничных крепостей эта численность приближалась к 40 тыс. чел.

Успехи в заселении края были связаны в основном с вольной народной колонизацией. В первоначальном заселении Заволжья преобладающую роль играли самовольные «сходцы», в значительной своей части — просто беглые люди. Обеспечение условий и поддержка такого пути освоения ускорили начавшуюся интеграцию этих земель в Российское государство.

Успехи в ходе присоединения и начального освоения Заволжья обуславливались совместными усилиями властей и народных масс, близостью интересов различных сословных и этнических групп в переселенческом процессе, в котором с самого начала приняли участие вместе с русскими мордва, чуваша, татары, украинцы. Позднее в этот поток влились иностранные, в основном немецкие, колонисты.

Для зачинателей и активных проводников юго-восточной политики государства того времени (И.К. Кирилова, В.Н. Татищева, В.А. Урусова, И.И. Неплюева) слава России понималась прежде всего как приращение ее богатств, безопасность мирных трудов жителей, культурный подъем. Военская служба оказалась для них вынужденным, хотя и необходимым делом. Здесь требовались иные способности и качества, среди которых немаловажными были гибкость и самостоятельность в принятии решений. Особенно это проявилось в упорстве, с которым, вопреки давлению сверху, задачи освоения «Новой России», как часто называли данный край, ставились всеми этими деятелями выше строгого соблюдения существующих порядков. Отрицание незыблемости крепостнических устоев имело у них,

конечно, не мировоззренческий, а прагматический характер. Однако и такой критический взгляд на основу общественных отношений имел положительное значение. Продолжая эту политику, в начале 1760-х гг. власти отказываются от преследования раскольников и других беглецов, переселившихся в Заволжье, допускают их легализацию в селениях по Иргизу. Число оседлых жителей в 1770-е гг. достигло на заволжских территориях почти 120 тыс. сельских и городских жителей. Это количество складывалось из следующих групп населения¹⁰⁵.

— Численность всех жителей обоего пола в самой Самаре и ее ближайшей округе в 1760-х гг. была до 5 тыс. чел. В поселениях городского типа (Самара и Алексеевск) русские составляли подавляющее большинство. В еще малолюдной сельской местности левобережья Самарского уезда заметно преобладали выходцы из народов Поволжья, представленные казаками-татарами Мочинской слободы, мордвой и чувашами в д. Семейкиной и новых поселках по р. Моче [*Чапаявке*. — Ю. С.].

— В 1770-е гг. соотношение крестьян разных национальностей в южных окрестностях Самары стало меняться. Это произошло в связи с массовым переселением в Степное Заволжье из Усольской вотчины графов Орловых на Самарской Луке, а также из владений Самариных и других помещиков около 4 тыс. чел., в основном русских.

— Еще южнее, на луговой стороне Волги от Еруслана до Иргиза, постоянное население выросло за третью четверть XVIII в. практически с нуля до 28 тыс. с лишним жителей. Из них свыше половины составляли немецкие и прочие иностранные колонисты, более четверти — солевозчики, являвшиеся в основном выходцами из Слободской Украины, и около одной пятой части — русские дворцовые и экономические крестьяне, поселившиеся рядом со старообрядческими иноками Иргизских монастырей.

— Общая численность населения Бугульминского ведомства приблизилась к 30 тыс. чел. Среди них русские государственные и помещичьи крестьяне составляли 23 %, а представители народов Поволжья и Приуралья (мордва, чуваша, татары, а также этнические группы тептярей и бобылей) — 77 %.

— В Ставропольском уезде вместе с крепостями Самарской укрепленной линии численность жителей достигла 50 тыс. Около двух третей крестьянского населения уезда составляли народы Поволжья (мордва, чуваша и татары в сумме), одна треть приходилась на русских. В ряде селений имелись небольшие компактные группы крещеных персов — бывших невольников, бежавших из хивинских и бухарских владений. Украинцы, которых тогда часто называли «черкасами», основали здесь две слободы — Кинель-Черкасскую и Домашку. Среди

жителей г. Ставрополя преобладали русские, но наряду с ними проживали новокрещены из татар, чувашей, мордвы и других народов. Большинство казаков и отставных нижних чинов Ставрополя, новой Закамской и Самарской линий также являлись русскими, но часть их была из «черкас», татар и калмыков. Количество крещеных калмыков здесь составляло в 1770 г. около 8,5 тыс. чел.

Некоторые селения современной Самарской области, как это бывало и прежде, имели этнически смешанное население. В исторических источниках нашло отражение не только совместное проживание, но и согласованное переселение крестьян из разных народов Поволжья. Так, чуваша деревень Стюхиной и Султангуловой оформили сделку на покупку земли у башкирских тархан вместе с мордвой деревни Алешкиной, которая перешла из Карсунского уезда. Среди подписавших сделку был мордвин Алексей Назаров, давший деревне свое имя¹⁰⁶.

Основная часть переселенцев пришла добровольно, прежде всего это относится к государственным крестьянам. Однако хотя помещичьи крестьяне формально переселялись по воле владельцев, но многие из них тоже оказались здесь добровольно. Объясняет эту ситуацию история с поселением крепостных из мордвы в селениях у Закамской линии. Эта большая группа крестьян бежала из Нижегородского уезда, где была пожалована грузинскому царю Арчилу, а от него перешла дочери Дарье. Когда строительство укрепленных линий усилило контроль властей за пограничными землями, царевна Дарья Арчиловна нашла бежавших крестьян. К тому времени те осели в ряде мордовских селений, составляя где треть, где половину, где подавляющее большинство жителей. Царевна отказалась от возвращения сысканных беглых в нижегородские владения и попросила их записать в деревнях, где они найдены¹⁰⁷.

В результате беглецы и их потомки остались в Заволжье, а помещики получили не только контроль над ними, но и над землями, освоенными здесь их крепостными. Такая практика была нередкой.

В целом пограничные рубежи, установленные в Заволжье в ходе Оренбургской экспедиции, открыли возможности для мирного хозяйственного освоения обширных земель. Под их защитой ускорился процесс заселения и хозяйственного освоения обширного края. Однако дальнейшее развитие этих процессов на Юго-Востоке Европейской России произошло уже после кризиса 1773–1775 гг. в рамках новых административных единиц, образованных в ходе губернской реформы Екатерины II.

§ 4. КАЛМЫКИ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И ОСНОВАНИЕ СТАВРОПОЛЯ

Переселенцы крещеных калмыков

Особое место в мероприятиях российского правительства по освоению Заволжья отводилось в XVIII в. калмыкам. Чтобы обратить их в лояльных подданных и надежную военную силу для охраны рубежей империи, власти пытались привлечь на помощь религию. Церковь, начав в XVII в. миссионерскую деятельность среди кочевников, достигла в следующем столетии определенных успехов. Часть рядовых калмыков и некоторые их правители-тайши переходили из ламаизма в православие. Желая устранить поводы к религиозным конфликтам и возможность возвращения окрестившихся в прежнюю веру, правительство решило отделить крещеных калмыков от буддистов административно и территориально¹⁰⁸.

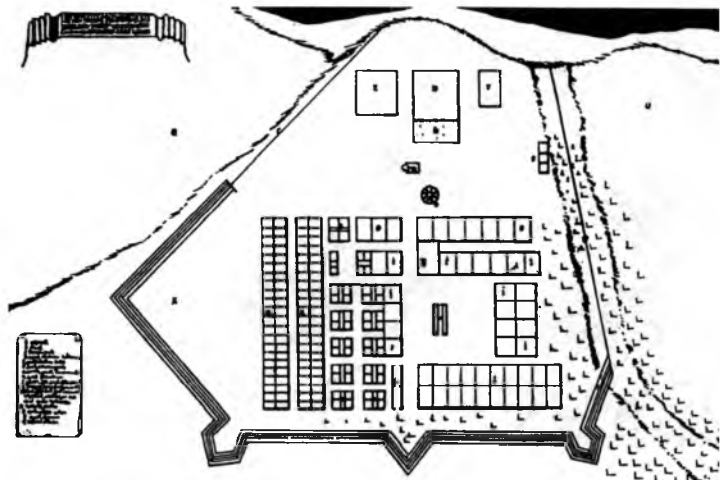
Перешедших в православие калмыков передали под управление княгине Анне Тайшиной, крестнице императрицы Анны Иоанновны. Следовало выбрать новое место для жительства княгини, размещения органов управления крещеными калмыками и военного гарнизона при них под командой полковника А.И. Змеева. В представлении от 24 сентября 1737 г. начальник Оренбургской комиссии В.Н. Татищев остановил выбор на Куньей воложке, расположенной немногим выше Самары по Волге, что получило одобрение в указе Коллегии иностранных дел 31 октября. Привлекательность этой местности для поселения подкреплялась наличием здесь уже водворенных деревень — Федоровки, заведенной руководителем строительства новой Закамской линии Ф.В. Наумовым, и Красноборской (Русской Борковки), принадлежавшей Савво-Сторожевскому монастырю¹⁰⁹.

Между Борковкой и Федоровкой и было решено строить новую крепость. К работам по ее возведению приступили весной 1738 г. В ее окрестности прибыли первые переселенцы из крещеных калмыков в числе 630 киботок (семей), в которых насчитывалось 2014 чел. обо-его пола¹¹⁰.

Предложенное первоначально Татищевым название Епифания [*Просвещение, или Богоявление. — Л. А.*¹¹¹] было заменено петербургскими властями на Ставрополь, что в переводе с греческого означает «город святого креста», поэтому на городском гербе была изображена треугольная крепость, в середине которой водружен черный крест в золотом поле. В состав гарнизона крепости вошел батальон Алексеевского ландмилицкого полка, а также 60 самарских и алексеевских казаков¹¹².

Под кочевья калмыков были отведены земли «по Волге от земель села Царевщина и до Черемшана, а вверх по Черемшану до земли деревни Челнов, а по Кондурче до Сергиевской дороги» на Казань. Они же решили «в тех местах никаким помещичьим дачам не быть,

а дворцовым, яшашным и монастырским [крестьянам. — Л. А.] и иноверцам жить в своих деревнях и с ними, с калмыками, селиться оставить свободно»¹¹³. Чересполосное расселение калмыков и крестьян задумывалось как средство постепенного приобщения кочевников к земледелию и оседлости.

План крепости г. Ставрополя. Середина XVIII в.
Из фондов Тольяттинского краеведческого музея

Под этим же предлогом княгиня Тайшина попыталась обзавестись крепостными крестьянами, утверждая, что в случае передачи «ей, княгине, поблизости определенного ей с калмыками места деревень из Усольской волости... калмыки могли обучиться к пашне и домоводству, и к русскому обычаю». Но Правительствующий Сенат решил, что «оной княгине деревень давать не надлежит, понеже калмыки к содержанию тех деревень необыкновенны и могут оные привести до разорения, а довольствоваться оную княгиню... определенным жалованием»¹¹⁴. Благодаря этому решению жители сел и деревень на Самарской Луке и в Заволжье не стали крепостными новокрещеной княгини. Помочь же с переселением калмыкам они помогли, предоставив по распоряжению властей работных людей на строительство крепости, города при ней, других поселений. Часть скота переселенцев зимовала в 1737–1738 гг. в селе Рождествено, и для него сюда свозили сено, собранное от здешних крестьян¹¹⁵.

Ставропольское калмыцкое войско и Ставропольская крепость

Калмыки-переселенцы были организованы в войско наподобие казачьего. В 1745 г. после смерти княгини Тайшиной был учрежден

особый калмыцкий суд, наделенный военно-административными функциями. В нем по штату заседали офицеры и чиновники из калмыков: войсковой полковник, войсковой судья, войсковой писарь, надзиратель за улусами, войсковой есаул, два войсковых хорунжих. Контролировал деятельность этого органа управления ставропольский комендант, назначавшийся из русских офицеров¹¹⁶.

В 1770-е гг. Г.А. Потемкин, будучи вице-президентом Военной коллегии, «повелел, чтобы то ставропольское калмыцкое войско препоручить оною войска полковнику, от армии секунд майору Болоткову и быть сему со всем тем войском под собственными оренбургского губернатора повелениями, не завися уже ни в чем от ставропольского коменданта»¹¹⁷. На основании этого распоряжения губернатор И.А. Рейнсдорп переименовал калмыцкий суд в Ставропольскую канцелярию.

Из городов Самарского края Ставрополь один сохранил до конца XVIII в. в целостности свои крепостные сооружения, представлявшие шестиугольник, образованный земляным валом с палисадом. В крепости находилось четыре батареи и трое ворот: Оренбургские, Симбирские, Водяные. Город был окружен «с трех сторон горами, а с четвертой заливом Куньей Волошки»¹¹⁸. Одновременно с укреплениями в 1738 г. в крепости возвели деревянные постройки, занятые под дом батальонного командира, войсковую, комендантскую и батальонную канцелярии, склады провианта, амуниции, вооружения, школу для обучения калмыцкому и русскому языку. В 1747 г. построили две церкви, каменную и деревянную, в 1760 г. деревянный комендантский дом, в 1766 г. деревянный же «выход»-погреб для хранения денежной казны, а в 1770 г. каменный «выход» — для казенного вина. В 1775—1777 гг. добавились деревянные, частью на каменном фундаменте, здания гауптвахты, больницы, гарнизонной школы, трех городских цейхгаузов, а так же «сарай для поклажения разных батальонных вещей»¹¹⁹. На территории крепости располагались жилые дома русских и калмыцких командиров, казенные соляные амбары.

С момента основания в Ставрополе, кроме гарнизона, стало складываться постоянное гражданское население. В его состав включались оставшие солдаты, которых привлекали сюда предоставляемые правительством льготы переселенцам. Они избрали для своего поселения местность к востоку от крепости, где возникла слобода, названная Солдатской. В городе появилась еще и Купеческая слобода. Купцов в Ставрополь привлекали беспошлинная торговля и другие привилегии. Правительство поручило Татищеву и Змееву по окончании основных строительных работ в крепости соорудить для торговли вне ее стен 20 лавок на казенный счет. Всего же в крепости и двух слободах в середине XVIII в. насчитывалось до 500 домов¹²⁰.

В 1760-е гг. в Ставрополе и его окрестностях обитало более 8 тыс. крещеных калмыков¹²¹. Однако в самом городе калмыцкое население было незначительным. Здесь постоянно пребывали «только составляющие суд их старшины с прочими нижними начальниками, как то хорунжими и есаулами... Для оных начальников отведены в городе жилища. Но из тех простых калмыков, которые здесь и в других городах находятся для мехового торгу и для других причин, живут там же в обыкновенных своих войлошных палатках»¹²².

Впрочем, имели мало успеха и настойчивые попытки правительства сделать калмыков оседлыми сельскими жителями, приучив к хлебопашеству и стойловому содержанию скота. Хотя зиму крещеные калмыки проводили в постоянных поселках с запасами сена, накошенного ими самими или наемными работниками, но по весне они вновь уходили кочевать в своих кибитках в степь. Пахотные угодья кочевники сдавали в аренду земледельцам из русских крестьян и поволжских народов.

Зимние поселки калмыков находились вблизи или непосредственно на территории крестьянских селений. Три таких поселка Сусканской роты калмыцкого войска стояли на речке Сускан и по обе стороны столбовой дороги из Ставрополя в Симбирск неподалеку от мордовского села Благовещенская Слобода (современный Верхний Сускан) и деревни Чувашский Сускан. Калмыки Курумоченской роты располагались на зиму в селе Богоявленском (Курумоч), где на 75 крестьянских дворов приходилось 113 калмыцких кибиток. Все калмыцкое население Курумоченской роты состояло из 21 начальствующего чина (старшина, ротные, зайсанги) с сыновьями, 174 рядовых (44 служилых, 42 отставных, 88 малолеток) и 130 женщин. О занятиях калмыков Сусканской роты сообщалось, что они «в хлебопашестве не упражняются. Податей государственных не платят, а отправляют ежегодно службу для содержания караула на киргизской линии [*границе с казахами*. — Л. А.], а в военное время бывают в походах. Скотоводства имеют в большом количестве, как то конская и рогатая. И продают рогатый скот разным закупщикам на месте. А лошадей гоняют для продажи косяками на Макарьевскую, Карсунскую и другие ярморки, в чем и состоит главный их промысел к содержанию себя»¹²³. Приведенные примеры были характерны и для других рот (их также называли «улусами») калмыцкого войска. Всего в Ставропольском войске было поначалу 8 рот, а в последней четверти XVIII в. стало 11. Кроме уже перечисленных эти роты («улусы») располагались при следующих поселениях Самарского края: Ягодное, Аврали, Красноярская крепость, Раковка, Чекалино, Кобельма, Красное поселение, Кошки, Тенево¹²⁴.

Исход некрещеных калмыков со Средней Волги и его последствия

К югу от реки Самары продолжали кочевать некрещеные калмыки. Земледельческое освоение Заволжья и Нижнего Поволжья приводило к сокращению территории их кочевий, конфликтам и взаимным обидам земледельцев и скотоводов. В 1765 г. наместник Калмыцкого ханства Убуши обратился с жалобой на то, что «выше г. Саратова в луговой стороне по Иргизу и другим рекам населились новые поселения русских, от которых чинятся калмыкам крайние обиды»¹²⁵.

На самих калмыков спустя два года жаловались сызранские крестьяне: «В состоящих же наших сызранских дачах за Волгою-рекою каждый год выезжают из дальних мест многими партиями тысячи по 2 и более с их скотом с немалым числом и кочуют июля с 20 по 1 число сентября и далее и сенные покосы все вытравливают и лес рубят и выжигают и тем нам разорение и обиду чинят»¹²⁶. Из-за угрозы нападений степняков крестьяне из Титовки и других селений близ Самары в поле «выходили не иначе, как большими партиями и с оружием», причем «женщинам особенно был опасен калмыцкий аркан»¹²⁷.

Однако не только конфликты и взаимные обиды определяли отношения кочевников с оседлым населением. В этом соседстве были и положительные стороны, проявлявшиеся в активном обмене продуктами ремесла, земледельческого и скотоводческого хозяйства. Во многих районах Самарского Заволжья, как отмечалось представителями российских властей, «ныне взаимных жалоб не слышно, хотя также калмыки иногда и до тамошних мест доходят»¹²⁸.

Известный государственный деятель, публицист и историк XVIII века М.М. Щербатов указывал на пользу, которую имела Россия от калмыцких подданных: «Не одна губерния за дешевую плату от них лошадьми довольствовалась, так же и скотиною, которой салознатый торг Российской составляло»¹²⁹. Высоко оценивал Щербатов и военную службу калмыков, которые «великую часть Российских границ» защищали «от набегов других диких народов».

Ситуацию в калмыцкой степи обострило переселение сюда иностранных колонистов. Весьма выгодные условия переселения привлекали в Россию массу иноземцев, в основном немцев. Начиная с 1767 г. ими было основано 57 колоний на луговой стороне Волги и по ее левобережным притокам на территории традиционных калмыцких кочевий¹³⁰.

Щербатов в конфликтах калмыков с немцами держал сторону степняков. Он считал их более полезными империи, нежели выходцев из Европы, от которых «токмо разве чрез несколько веков» может последовать польза для Российского государства¹³¹.

Окружение же императрицы Екатерины II, затеявшей устройство колоний на местах калмыцких пастбищ, водопоев и скотопрогонных

путей, пытались найти собственное решение проявившихся конфликтов. Однако обсуждение Сенатом вопроса о размежевании калмыцких владений и угодий оседлых жителей непросто затянулось, продолжаясь с 1767 по 1770 г.

В свою очередь кочевая знать и буддийское духовенство, раздраженные усиливавшимся вмешательством императорской власти в калмыцкие дела, не стали дожидаться компромиссных предложений из Петербурга. Было принято трагическое для судеб народа решение об откочевке на родину предков, в Джунгарию. В 1771 г. почти все некрещенные калмыки громадной массой до 170 тыс. чел. в 33 тыс. кибитках двинулись через уральские и киргизские степи в пределы Китая, куда дошли, выдержав изнурительный путь и уцелев от нападения других кочевых народов, лишь менее половины из них¹³².

Образную картину исхода калмыков из России нарисовал в поэме «Емельян Пугачев» Сергей Есенин:

Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
От российской чиновничьей неволи,
Оттого что, как куропаток, их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

Многие знатоки края — офицеры и чиновники — искренне сожалели о том, что Россия утратила «пользу, бывшую от сего скотоводствующего народа». Сохранились известия, что беглецы уходили, вспоминая о Волге «с жалобным воплем»¹³³.

Исход калмыков имел дальние и серьезные последствия. С одной стороны, заволжские степи опустели, но не стали более безопасными, поскольку открылась дорога набегам казахов на русские селения и немецкие колонии волжского левобережья. Этому также способствовало ослабление охраны границ во время восстания 1773—1775 гг.

С другой стороны, данный исход в конечном итоге стимулировал более быстрое освоение заволжской степи оседлыми жителями. Малочисленное по сравнению с калмыками башкирское и казахское население просто не могло занять освободившиеся кочевые пастбища, которые активнее стали обращаться в пашни и сенокосы крестьян и колонистов.

§ 5. ПРОИЗВОДСТВО СЕРЫ

К крупным предприятиям Самарского края типа мануфактуры следует отнести серные «заводы».

Добыча серы на р. Сок русскими людьми началась еще в конце XVI – XVII вв.¹³⁴ В «Книге Большому Чертежу» говорилось: «...а по правой стороне р. Сока от города от Самары 90 верст озеро, а в нем емлют серу горячую»¹³⁵. О качестве добываемой серы писали, что она «самая чистая, подобно камню янтарю». Промышленное производство серы было запущено в начале XVIII в.

На рубеже XVII–XVIII вв. Россия вступила в ряд изнурительных войн с Турцией и Швецией. Для изготовления пороха срочно понадобилось большое количество серы; заводы, находившиеся в центре и на юго-западе страны, не могли в достатке обеспечить армию. Публицист начала XVIII в. И.Т. Посошков писал: «Увидел я такую в ней нужду, что по домам собирали не то что фунтами, но где золотников и пять-шесть сыщется, брали на пороховое дело»¹³⁶. Тогда-то и вспомнили о самарской сере.

Серные заводы на р. Сок

По указу Петра I вся местность по р. Сок была обследована, и в местах выхода на поверхность наиболее богатых серой ключей в 1703 г. устроили три «завода», а для их охраны рядом заложили крепость Сергиевск. Видимо, в ходе этого обследования здесь же обнаружили залежи нефти и медной руды, о чем было помещено известие в начальном печатном номере русской газеты «Ведомости», вышедшем 2 января 1703 г.¹³⁷

Руководил сооружением серных предприятий и крепости казанский воевода Н.А. Кудрявцев. На их строительство мобилизовали 4 тысячи крестьян из близлежащих селений; для производства серы выписали одного мастера, 15 подмастерьев из Симбирска и переселили несколько сотен крестьян¹³⁸. В делах Сената говорилось: «На упомянутые заводы к серному делу мастеровые люди приведены из Симбирска, а работные люди даны из ясашных сел и деревень, которых приведено и отдано в работу годных 246 человек и дана им в Сергиевске для прокормления земля»¹³⁹.

С 1710 по 1714 г. на серных заводах было занято более 300 пленных шведов. Помимо них «при работе находилось 9 мастеровых людей, 40 человек из самарских ясашных людей и 20 человек самарских же дворцовых крестьян»¹⁴⁰. Затем шведов отправили в Санкт-Петербург, из-за чего производство лишилось значительной части квалифицированных рабочих.

Один завод находился у пригорода Сергиевска; второй, Новосергиевский, — от него в 6 верстах, а третий — на р. Сургут. Архивные источники позволяют восстановить внешний вид сокских заводов. В копии с памяти из Приказа артиллерии к боярину князю Б.А. Голицыну говорилось о том, что «радетельством князя Голицына тщанием в низовых городах сера добрая сыскана и промысел тому начался... в сергиевских заводах под горою для переплавки серы построен анбар мерою в длину 20, поперек 8 сажен, 2 анбара кладовых мерою первый 3-х, второй 4-х сажен для сушения руды, четыре творила, две избы с сенми, а какой меры не показано. У серных ближних ключей зделан ларь... ниже того края припружен пруд плетнем... Вкруг тех серных ключей построен земляной вал, на валу острог, в длину того острогу восемьдесят сажен без аршина, поперечив верхнюю сторону до надолб тритцать девять с половиною сажен. 3 другой стороны по надолбом же пятьдесят одна сажень без аршина. От острога по валу и низью круг ларей обведены надолбы... У дальних серных ключей, которые приисканы в 1703 г., а текут те ключи в реку Шурму ис котловин зделаны два ларя... У серных же ключей, которые текут в реку Сургут зделан ларь... Да по тем же вышеозначанным речкам — по речке Шундугу по осмотру, где начались небольшие серные ключи для серной садки построен пруд, да по реке Соку вверх по правую сторону приискана серная руда... В дальних ключах серы садится малое число, а расстоянием от Сергиевска в двадцати пяти верстах»¹⁴¹. Дополняют это подробное описание материалы осмотра сокского промысла, произведенного в 1760-х гг. И.И. Лепехиным. В местах выхода из-под подошвы Серной горы четырех серных ключей были устроены деревянные спуски, направлявшие поток воды в прямоугольный пруд размером 20 на 20 сажен. Дно пруда было устлано дубовыми досками и «поделаны в нем перегородки, наподобии ларей; однако сии лари не так глубоки, какие мы видели на молошной речке. Самое глубокое место не более трех четвертей имеет»¹⁴². В ларях при отстаивании насыщенного раствора выделялась самородная сера. Через пруд был проложен мост. По мере накопления серу вычерпывали из ларей и вывозили к печам завода для очистки переплавкой, так как она содержала до 25 % примесей.

Руководство завода пыталось найти залежи самородной кристаллической серы. Вся серная гора, по наблюдениям Лепехина, была изрыта глубокими ямами-штольнями, однако поиски оказались тщетными.

После недолгой эксплуатации месторождения выяснилось, что сокские серные заводы невыгодны казне, так как требовали значительных денежных затрат при низкой производительности (до сотни пудов серы в год). Поэтому, как только правительству стало известно,

что на Самарской Луке в районе Серной горы имеются богатые запасы самородной кристаллической серы, оно решило сконцентрировать свои усилия на новом месторождении. Новосергиевский завод на Соку закрыли и перенесли на Самарскую Луку. Судьба остальных двух заводов неизвестна, но, скорее всего, их постигла та же участь.

П.С. Паллас. Худ. Ф. Крюгер

Серная гора обретается» (1718)¹⁴³. Доклад читал сам Петр и поместил в свою личную библиотеку.

Добыча серы в Жигулевских горах

Принято считать, что добывать серу в Жигулевских горах начали с 1720-х гг. Однако уже в 1709 г. Петр I требовал: «Пришлите сюда серы, которая сыскана в низовых городех»¹⁴⁴. Судя по архивным материалам, уже в 1711 г. на Самарской Луке велась добыча самородной серы: «В прошлых годех в Казанской губернии близ города Самары в Девячьих горах ломана самородная горячая сера. Серы в прииске бывало в год по семисот пудов и болши...»¹⁴⁵ В 1716 году проезжавший по Волге шотландец Джон Белл писал, что видел «залежи серы, столь же прозрачной, как янтарь»¹⁴⁶.

На Самарской Луке добыча серы велась на берегу Волги в горе Серной (Кабьей) (между современными селами Подгоры и Гаврилова

Поляна). В отличие от более раннего периода, когда серными заводами заведовали в местной воеводской канцелярии, с 1720 г. промысел под Жигулевскими горами Канцелярией артиллерии и фортификации был поручен надзору майора И. Молостова., а с 1721 г. — Ф. Саймонову: «В артиллерийском ведомстве те серные заводы, обретающиеся в Казанской губернии в Сергиевску, что на Соку реке и на Самаре; на которых для отправления дел и надзираания определен из казанских гарнизонных полков комиссар Федор Саймонов»¹⁴⁷.

Первоначально к новому заводу приписали жителей Сергиевска. Они с 1721 г. вынуждены были: «у самарской серной работы каждое лето проводить по 6 месяцев по 60 чел.»¹⁴⁸ Затем квалифицированных мастеров серного дела просто переселили к заводам. И все же опытных специалистов не хватало. Искали их как за рубежом, так и в России. Например, в 1723 г. послали такового из Сибири на Волгу: «...мастера Христофора Дерфеля и подмастерья Вегельма Корса к будущей весне 1724 г. велено отправить в Нижний, а от туда по Волге реке до Казани и Астрахани... Да оному мастеру велено захватить на серные заводы, которые под ведением артиллерийским на Сергиевской, что на оной реке, да на Самарской, которые близ города Самары»¹⁴⁹.

Судя по всему, в Жигулевских горах предполагали развернуть действительно крупное производство. Ф. Саймонов в 1722 г. обратился в правительство с просьбой освободить рабочих серного промысла от всех податей. Он считал, что если просьба его будет удовлетворена, то можно будет «кусковой серы» в Астраханской губернии и на серном заводе под Самарой добывать в год по 600 пудов. В противном случае содержать заводы будет невозможно. В столице согласились на предложение Саймонова¹⁵⁰.

Несмотря на богатые залежи самородной ископаемой серы, поначалу заводское начальство испытывало серьезные затруднения. Петр I в 1722 г. во время своей поездки по Волге, видимо, специально сделал остановку для осмотра завода в Жигулях. Позднее он особо указал из Астрахани в Сенат: «Серы на Волге зело много, а мастеров нет, для того старатца, чтобы выписать компанию мастеров»¹⁵¹. Год спустя специальным правительственным решением из-за границы пригласили мастера и подмастерьев, которым вменялось осмотреть казенные заводы и месторождения серы на Средней Волге. Дальнейшую историю серного производства проследить достаточно сложно.

В 1757 г. из казны завод передали во владение петербургского купца И. Мартова. Его наследники запустили промысел, пришедший в полный упадок: разработка серы на Самарской Луке прекратилась в 1764 г. и более в XVIII веке не возобновлялась.

По описанию П.С. Палласа, серное производство на Самарской Луке включало небольшой поселок, плавильный цех, каменоломни на Серной горе, очистной цех. При заводской поселок состоял из деревянного конторского здания, двух заводских и 40 «мужицких» дворов, в которых жили работные люди. Он располагался на узкой полосе высокого волжского берега, между подошвой Серной горы и пойменной приволжской низиной. Численность рабочих составляла около 600 человек, из них 22 относились к мастерам высшей категории (по другим данным, в 1725 г. на заводе было занято 38 мастеров и их учеников). При заведении завода большинство работников перевели из Сергиевского промысла. Труд по добыче серы был крайне тяжелым, поэтому каждый месяц рабочих меняли таким образом, чтобы одновременно в производстве принимало участие не более 120 человек наемных и «небольшое число крепостных людей».

Сама добыча производилась на обрывистых лесистых склонах Серной горы высотой около 200 м. От ям-штолен вниз к заводу вели крутые каменистые тропинки; хорошей дороги не было, и работники более километра несли на своих плечах тяжелые корзины с породой. Ямы, в которых добывали «гипсовый камень, содержащий горючую серу», называли развалами. Обычная глубина таких развалов составляла от 10 до 15 метров.

Значительную часть добываемой серы получали в виде самородков — до четырехсот пудов в год. Такая сера не требовала последующей очистки. Помимо серы на горе в гипсовом камне добывали большие плиты «селитной» слюды. Во многих домах окрестных сел такой слюдой стеклились окна.

Плавильный цех на южной окраине Серного городка представлял строение длиной около 100 м с 51 печью. Печи стояли в один длинный ряд на небольшом расстоянии друг от друга и соединялись длинным очагом «с прорезом в длину, в котором положены поперечные кирпичи расстоянием один от другого на вершок». Для плавления серы использовались сделанные здесь же из местной глины горшки, называемые булакрами. Их наполняли добытой из «развалов» Серной горы «грязной» серой или серным камнем. Крышки у горшков замазывали раствором глины с песком, затем горшки ставили на очаг и разводили огонь в печах. Под воздействием высокой температуры легкоплавкая сера становилась жидкой, поднималась над всей остальной породой и из глиняных носиков, расположенных в верхней части сосудов, вытекала наружу. Для сбора растопленной серы использовались специальные сосуды, поставленные вдоль глухой стены плавильного цеха, на приступах, в наполненных водой корытах. На этом процесс первичной обработки полуфабриката завершался. Полученная таким образом сера содержала много примесей, считалась «грязной» и требовала второго плавления.

Очистной цех находился в небольшом строении рядом с конторским домом. В цехе стояли три печи, сходные с обычными крестьянскими хлебными печами, в каждую ставили до 15 горшков-булакр, второй раз перетапливали серу, а затем выливали ее в специальные формы, стоявшие поблизости в наполненных водой корытах. Печи с «продушинами» были устроены далеко не сразу после основания завода. Паллас писал, что при работе на прежнем, более примитивном оборудовании, без вытяжки «много работников умирало чахоткою и долговременною горячкою»¹⁵².

Дополнительные сведения к наблюдениям Палласа и Лепехина дают современные исследования самарских спелеологов. Они показывают, что выработки на вершине горы и по прилегающим склонам занимают площадь не менее 0,6 км. Среди ям на вершине горы особо выделяются огромные карьеры глубиной в 10–15 м, шириной 20 (и более) м и длиной 80–100 м. В каждый карьер вел пологий спуск, по которому рабочие выносили накопанную руду. Самые большие карьеры были найдены на южном склоне горы и в западной ее части¹⁵³.

Спелеологами были обследованы подземные горизонтальные выработки. Общая протяженность штолен составляла более 500 м. Большинство из них было завалено. Подземные галереи представляли собой узкие коридоры с резкими поворотами и ответвлениями. Высота потолков достигала 0,5–1,8 м, ширина проходов – 0,5–3 м, реже – до 8 м. В отдельных местах имеются узкие вертикальные шахты круглого сечения – «органные трубы», ведущие на поверхность. С помощью них вынималась порода и осуществлялась вентиляция. Часть ходов забутована пустой породой¹⁵⁴.

В рудниках исследователи выявили деревянные крепи диаметром 30–40 см, огарки «свечек-лучинок». Среди предметов, обнаруженных спелеологами в рудниках, фигурируют фрагменты целых и использованных булакров (специальных глиняных горшков для выплавки серы). Кроме того, в полости были найдены берестяные «подносы», на которые собирали крупные кристаллы серы, фрагменты плетения из лыка (по всей видимости, корзины), несколько деревянных клиньев и рычагов¹⁵⁵.

Для своего времени завод на Самарской Луке являлся одним из крупнейших в России, на нем ежегодно добывалось до 1500 пудов «чистой горючей серы», а на заводах Ярославля, Кадома и Елатьмы, для сравнения, добыча не превышала 500 пудов в год. Запасы серы казались неисчерпаемыми, ее добычу можно было резко увеличить. Стоимость пуда чистой серы составляла в ценах того времени от 50 до 60 копеек; за провоз зимним путем к Москве с одного пуда платили по 12 копеек.

Закрытие завода под Серной горой произошло потому, что он не смог выдержать конкуренции более дешевой иностранной, при-

возной серы. Технический уровень волжского производства был гораздо ниже, и даже дешевизна крепостного труда не смогла искупить этот недостаток¹⁵⁶.

В начале XIX в. была сделана попытка возобновить серный промысел на Самарской Луке. Отвечая на запрос Горного департамента о прежних серных заводах, самарский городничий указал на бывший Серный городок. В сентябре 1808 г. сюда направили мастеров для осмотра бывшего завода. Пробные шурфы дали обнадеживающие результаты, однако на разведочной экспедиции дело и закончилось.

§ 6. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ, ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

Вотчины и поместья

В первой трети XVIII в. распространение помещичьего землевладения в Среднем Поволжье происходило относительно медленно. В Самарском крае его очаги встречались в самой северной части, примыкающей к Закамью, и на Самарской Луке. На 1719 год, по данным 1-й ревизии, крепостных помещичьих крестьян не отмечено даже в правобережном Сызранском уезде¹⁵⁷. Тем более их не было в степном Заволжье. Со второй трети XVIII в. помещичье землевладение начинает расширяться.

Постепенно увеличился удельный вес крупных вотчин. Если в самом начале XVIII в. помещичьи крестьяне здесь проживали в небольших владениях, то затем значительное их число оказалось в таких громадных латифундиях, какими стали владения князя А.Д. Меншикова в первой четверти века и графов Орловых во второй половине столетия.

В Среднем Поволжье А.Д. Меншиков получил вотчины в трех уездах: Казанском (Черемшанская волость), Саратовском (Новоспасская или Малыковская волость) и в Симбирском (Новоалександровская слобода, Новопречистенская (Новодевичья) и Усольская волости в районе Самарской Луки). Самарский край граничил с двумя первыми уездами, а в Симбирский уезд входил значительной своей частью.

Все эти вотчины были отписаны на его имя в 1705–1710 гг. преимущественно из владений разных монастырей и находились в его собственности до 1728 г. По сведениям 1-й ревизии, они включали 31 село и деревню, а в них насчитывалось 9402 души м. п. Расчетливый хозяин, Меншиков чутко и гибко реагировал на новые веяния в экономике страны. Земли в его вотчинах активно включались в хозяйственный оборот. Возросла общая доходность поволжских

владений. Возникали новые села и деревни, в которые переводились крестьяне из центральных губерний, что позволяло более интенсивно использовать природные богатства края. Крепостные Усольской, Новопречистенской, Новоалександровской волостей (6088 душ м. п.) в 1727 г. должны были внести оброк на сумму 3739 руб., вспахать на барщине 706 десятин, скосить 1359 стогов сена. Кроме того, крестьяне обязывались выставить значительное число конных работников для конюшенного двора князя. Немало повинностей было связано с рыбным промыслом, имевшим важное хозяйственное значение. Например, к Усольской вотчине прилегали рыбные ловли по рекам Волге и Усе, в озерах и заливах, которые давали в год доходу приблизительно 4,6 тыс. руб.¹⁵⁸

Князь Меншиков обложил оброком торговлю и промыслы своих крестьян. Развитие товарно-денежных отношений сказывалось и в замене натуральных повинностей и оброков денежными. Вотчинная администрация Усольской волости прямо предлагала вместо отработок на барской пашне и конюшенном дворе ввести дополнительные денежные поборы с крестьян.

После конфискации имений опального князя в 1728 г. его поволжские вотчины отошли частично дворцовому ведомству, частично старым владельцам — монастырям. Новоалександровская слобода (Маза) была пожалована генералу Левашову в марте 1729 г.¹⁵⁹

Через 40 лет значительная часть бывших владений Меншикова, в том числе Усольская и Новопречистенская волости, а также ряд других казенных и дворцовых селений края оказались у графов Орловых в результате следующих событий. В 1767 г. Екатерина II в сопровождении свиты путешествовала по Волге от Твери до Симбирска. Среди сопровождавших императрицу находились Григорий и Владимир Орловы. Из Симбирска Владимир отправился в Астрахань, по пути заглянув в села Новодевичье и Усолье. Здесь к нему присоединился Г.Г. Орлов. «Брат Григорий приехал сюда на шлюпке, — отметил в своем дневнике В.Г. Орлов, — и ездил по полям осматривать места, которые ему очень понравились»¹⁶⁰.

Самарская Лука привлекала внимание Орловых еще до путешествия императрицы. Усольское имение было рекомендовано здешним помещиком А. Мещериновым как лучшее во всей России по обилию пашенных земель, лесов, лугов, рыбных ловель и прочих угодий. Убедившись в справедливости такой оценки, Орловы стали хлопотать о пожаловании им этих мест. В 1768 г. они выменяли свои малоземельные вотчины, разбросанные по разным уездам в нечерноземных губерниях, на громадное компактное владение в районе Самарской Луки. Им отошли такие крупные села, как Усолье, Новодевичье, Рождествено, Переволоки, Аскулы и другие с окрестными де-

ревнями. В общей сложности братья получили тут сотни тысяч десятин земли и 9571 крепостную душу м. п.¹⁶¹

Кроме дворян значительные земли Самарского края принадлежали церковным иерархам и монастырям. Однако эти землевладения со временем все чаще брались под жесткий контроль светских властей, изымались, передавались другим владельцам. В 1764 г. была осуществлена полная секуляризация монастырских вотчин, то есть переход в собственность государства. Бывших монастырских крестьян передали под управление Коллегии экономии, назвав «экономическими», по сути дела, сделав их одной из категорий государственных крестьян.

Государственные земли

Государственная собственность на землю в Самарском крае на всем протяжении XVIII века была распространена очень широко. За пользование казенными землями жившие на них крестьяне платили подати и несли повинности в пользу государства. Селения государственных крестьян встречались повсюду, эти крестьяне составляли самую многочисленную группу сельского населения Самарского Поволжья, «чьим хозяином считалась казна, а с точки зрения самих людей — российский император»¹⁶². Они принадлежали к разным сословным категориям: ясачным и черносолошным крестьянам, отписным и «не помнящим родства», однодворцам и пахотным солдатам, новокрещенам и «иноверцам». Пашни и угодья разных категорий государственных крестьян имели различия в юридическом статусе, в обложении налогами и повинностями.

Так, одной из форм землевладения государственных крестьян являлись так называемые четвертные поместные земли, данные за службу предкам однодворцев и пахотных солдат — бывшим стрельцам, казакам, рейтарам и другим чинам старой допетровской армии. На рубеже XVII—XVIII столетий служилые люди в Самарском крае имели до 45 десятин в каждом поле на одного человека, а на двор — до 180 десятин¹⁶³.

У ясачных мордовских, татарских, чувашских и русских крестьян существовало общинное землевладение. Их угодья, значительно меньшие по размеру, чем однодворцев, в большей степени были обложены различными повинностями. Еще одно отличие ясачных земель от однодворческих заключалось в запрете на их куплю-продажу.

В связи с переводом мелких служилых людей по указам 1718—1724 гг. в разряд государственных крестьян и наложением тяжелых казенных повинностей однодворцы и пахотные солдаты приблизились по своему положению к ясачным людям. Разоряемые многочисленными поборами, они начали распродавать свои земли. Общая площадь их землевладения в течение XVIII в. сокращалась. Согласно

Межевой инструкции 1766 г., земельный надел для всех категорий государственных крестьян не мог превышать 15 десятин на душу мужского пола. Часто же они имели наделы еще меньше.

Сокращение земель государственных крестьян нередко происходило в результате захвата их соседями-дворянами. Так, помещик В.Т. Куроедов отнял земли и угодия у новокрещен деревень Кирышкиной и Нуштайкиной «вокруг верст на одинатцеть», Ибрайкиной — «версты на три», Верхней и Нижней Аверкиных — «верст на семнатцеть»¹⁶⁴.

В организации мирского самоуправления у государственных крестьян разных национальностей Самарского края было много схожего, о чем писал современник: «Каждая деревня имеет своих начальников, которые учреждены по обыкновению российских крестьян. У них есть десятские, выборные, сотские и старосты. Десятник, выборный и староста бывают в одной деревне, но сотник иногда в трех или четырех деревнях один начальствует. Старостина и десятников должность состоит в отправлении всяких надобностей проезжающим. В их власти зависит собирать общий совет, собирать подушные деньги, решать неважные между крестьянами споры. Сотники кроме обыкновенного суда обязаны в случае надобности стряпать за свои деревни в присутственных местах, отвозить подушные деньги, отдавать рекрут и проч., почему сотники имеют некоторые от миру доходы. За них платят миром подушные деньги, гоняют подвод и делают на пашне помочь»¹⁶⁵. Крестьянское самоуправление имело двойственное положение. Оно одновременно выступало и в качестве низшего звена государственно-фискального аппарата, и как орган защиты интересов общинников от чиновничьего произвола, притеснений землевладельцев-дворян.

Дворцовые владения

Также обширные земли в Самарском крае принадлежали в XVIII в. дворцовому ведомству, управлявшему собственностью царской семьи, императорской фамилии. На правом берегу Волги они располагались в районе Самарской Луки и южнее Сызрани — до Саратова, в Заволжье лежали в нижнем течении рек Черемшан, Сок, Самара. Все эти земли находились вблизи самых удобных путей сообщения, изобиловали пашнями, заливными лугами, строевым лесом, рыбными ловлями и другими ценными угодьями.

В течение первых двух третей XVIII столетия центром дворцовых владений в крае оставалось село Рождествено. Под ведением местных управителей оказались как близлежащие дворцовые селения Выпозово, Подгоры, Новинки, Брусяны, Моркваша, Царевщина, так и отдаленные — Ключищи близ Симбирска, Черемшанская волость на

Левобережье. В мае 1738 г. под их ведение отошли дворцовые крестьяне, проживавшие на территории Новодевиченской и Усольской монастырских волостей¹⁶⁶.

Возглавлял администрацию дворцовых владений управитель. Чин имел, как правило, невысокий, но полномочиями обладал широко, причем на дворцовые земли и их население не распространялась власть местных территориальных органов управления. Уездные воеводы Сызрани и Самары сносились с рождественским начальством как с равным по рангу. Последнее непосредственно подчинялось Казанскому губернскому дворцовому правлению. Во второй четверти XVIII в. на должность управителя в Рождествено в разное время назначались поручик В. Неклюдов, стряпчий Н. Корякин, подключник А. Борноволоков, сержант гвардии Д. Лодыженский.

Управителю для ведения дел и содержания дворцовой конторы были приданы канцелярист, два «пищика» и сторож. Непосредственное управление осуществлялось через общинные органы крестьянского самоуправления и их должностных лиц – волостного и сельских старост, которых выбирал мир, но выбор этот требовал утверждения управителя.

Рождествено как центр дворцовой волости отличалось от окрестных селений комплексом построек административного назначения среди обычных крестьянских домов. Ими являлись двор, «где жительство имеют управители», и приказная изба. Основное («хоромное») строение двора включало две «светлицы», «черную» избу, амбар, соединенные друг с другом переходами-сенями. «Светлицы», отведенные под жилье самого управителя, отличались от «черной» избы прислуги системой отопления. В них были сложенные из кирпича печи (одна изразцовая) с дымоходом, а в «черной» избе коптила глиняная печь без трубы. Вне «хоромного» строения на дворе стояли отдельно кухня, баня, два погребца, двухъярусный амбар с навесом, конюшня, две избы-караульни при воротах. Двор обнесли крепким забором. Это была, конечно, не крепостная стена, но достаточно надежная защита управителю от непрошенных жалобщиков или на случай серьезного возмущения здешнего люда. Вне ограды двора находилась сосновый пятистенок приказной избы. Передняя часть избы называлась «судебной», так как администрация дворцовой вотчины обладала не только исполнительной, но и судебной властью. «Освящали» это помещение три иконы, а дневной свет шел из трех больших окон с редкими для обычных жилых построек на селе слюдяными окончинами. Приказные служители восседали за двумя большими столами. Дела и прочие бумаги заполняли липовый шкаф и три липовых сундука. Задняя часть приказной избы представляла темный чулан без окон и называлась «колодницей»: туда при необходимости сажали арестантов, а принадлежностями ее были крепкая решетка, две железные цепи и кандалы¹⁶⁷.

Особое положение дворцовых земель влекло к ним беглых людей. Дворцовое ведомство, стремясь увеличить доходность подотчетных имений, что напрямую зависело от количества плательщиков подати, имело возможность укрыть беглецов и тем пополнить число царских крепостных. В 1706 г. из пензенских вотчин графа Г.И. Головкина было выслано несколько сот обнаруженных там беглых людей. Перевели их не на прежние места жительства, откуда они самовольно ушли, а в дворцовые села на Самарской Луке. Приток беглых в дворцовые владения вовсе не означал, что там их ждала вольная и беззаботная жизнь. Эксплуатация здесь была лишь немногим легче, чем в имениях помещиков или монастырей. В начале XVIII в., когда резко увеличился податный гнет в связи с тяжелой и разорительной Северной войной, бегство пошло и из самой Рождественской волости. Переселенцы 1706 года даже не строились, а просто заняли старые пустующие дворы ушедших крестьян. Особенно сильное недовольство вызывала «государева десятинная пашня», как называлась в дворцовых селениях барщина. На Рождественскую волость ее приходилось 500 десятин в одном поле при трехпольном севообороте. На каждую семью выпадала обработка одной десятины, отсюда и название «десятинная». В коллективном челобитии жителей Рождествено, Новинок, Подгор и Выползова указывалось, «что та пашня стала им невмочь, потому что жили на той пашне с женами и детьми без съезду... потому что она земля от их сел и деревень в дальнем расстоянии»¹⁶⁸.

Челобитье возымело действие. Крестьян освободили от отработок, десятинную пашню передавали в их пользование, но с условием уплаты большого дополнительного денежного сбора. Эту землю крестьяне получили не сразу, хотя деньги за нее вносили исправно, «без доимки». Значительную часть бывшей «государевой» пашни захватили самарские помещики Вотмановы и Тимашев. Многолетняя подача новых челобитных с жалобами на помещиков завершилась в 1723 г., когда симбирский воевода Ф.Ф. Хрущев принял решение о передаче спорных земель «по 100 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по 500 копен с лесы в урочищах» дворцовым крестьянам¹⁶⁹.

В 1730-е гг. дворянство добилось от императрицы Анны Ивановны ужесточения крепостного режима. Преследования беглых и их укрывателей перестали обходить стороной дворцовые владения. Так, в 1738 г. из Самарской воеводской канцелярии затребовали крестьянина А. Шляхтина из Новинок для допроса и взыскания с него штрафа за держание беглого человека В. Карганова. Последнего в этом селе уже не было, но его владелица Д.М. Дмитриева в соответствии с законом требовала денег с укрывателя. На дворцовую администрацию, даже на соседей не могли теперь положиться ни беглец, ни тот, кто его приютил. Известны доносы, например, из тех же Новинок на своих односельчан, державших в доме подозрительных пришлых людей¹⁷⁰.

Недостаток земли и угодий вызывал в XVIII в. постоянные тяжбы между различными владельцами или держателями земель. Одновременно со спором о бывшей десятинной пашне крестьяне Рождественской волости подали в 1722 г. жалобу на жителей ясачных деревень Ширяевские Вершины и Чаракаева, занявших их выпасы и покосы, порубив старые межевые знаки. Еще раньше по поводу тех же сенных покосов и примыкающих рыбных ловель волость судилась с самарскими горожанами. В 1736 г. вновь вспыхнул конфликт с Чаракаевой. Рождественский волостной староста Барышников предупредил свое начальство, что намерен сжать хлеб, посеянный соседями на незаконно, как он считал, занятой земле. Дело этим не ограничилось. Рождественские крестьяне захватили в соседней деревне уже собранный со спорного поля хлеб и для острастки даже спалили два двора. Внутри одной общины-волости подобные споры решались мирским согласием без вмешательства судебных и административных органов. Не случайно новый волостной староста Летин предлагал решить застарелый земельный спор включением ближних ясачных деревень в число дворцовых владений. Объединение этих селений позже произошло, но не в общей крестьянской общине-«волости», а в крепостной вотчине Орловых¹⁷¹.

Впрочем, земельные конфликты вовсе не определяли взаимоотношения крестьян Среднего Поволжья, среди которых не существовало вражды по национальному, сословному или религиозному признакам. «Согласие сих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие-либо дела», — писал о многонациональном крестьянстве края академик Фальк¹⁷². Кроме того, обмен трудовыми навыками между народами, населявшими край, оказывал благотворное воздействие на развитие здесь сельского хозяйства.

Сельскохозяйственные занятия

В XVIII в. сельское хозяйство Самарского края развивалось в тесной связи с процессом освоения его территории. В начале столетия пашенное земледелие встречалось лишь на Правобережье и в районе старой Закамской черты, а в Заволжье его практически не было. Оно отсутствовало даже в ближних окрестностях Самары, поскольку оставалось здесь небезопасным занятием из-за угрозы со стороны кочевников вплоть до конца XVIII в.¹⁷³

По мере заселения Заволжья в течение XVIII столетия крестьяне начинали использовать его плодородные земли, и земледелие в крае распространилось практически повсеместно. Основными зерновыми культурами являлись рожь и овес, но расширились посевы под пшеницей, ячменем, просом, гречихой, полбой, горохом. Из технических культур распространение получили лен и особенно конопля. Уро-

жайность зерновых культур доходила до сам-5, сам-6, на целине же достигала сам-15, да и в среднем держалась несколько выше, чем в центральных районах страны. Объясняется это плодородностью почвы, еще не истощенной многовековой эксплуатацией. Известный ученый и путешественник П.С. Паллас, посетивший в 1760-е гг. «Самарскую страну», неоднократно отмечал здесь «способные», «преизрядные тучные земли»¹⁷⁴.

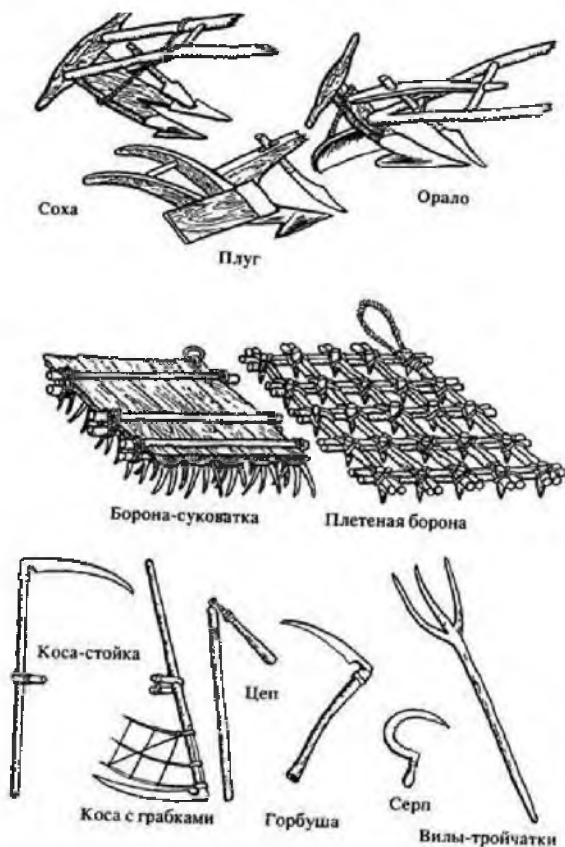
Подчеркивалось, что эта земля «и без удабривания... производит обильно» разные «произрашения». Однако и на черноземных землях «выпахивание» земель постепенно, но заметно снижало урожайность. Способом восстановления плодородия почвы там, где не применялись органические удобрения в трехпольном севообороте, оставался перелог: «А случаетца которая земля будет худо родить хлеб, то земледельцы оную на несколько лет пахать оставляют и пускают в залежь, а вместо той земли распахивают вновь степи, а потом по прошествии нескольких лет ту запущенную залежь по-прежнему распахивают и сеют на той хлеб, и чрез то поновление землям делают»¹⁷⁵.

Это, конечно, не обычная переложная система, так как земли, поднятые из залежи, находились в трехпольном севообороте, что удлиняло срок использования распаханной земли. При увеличении плотности населения, к чему вели естественный прирост и миграции, залежно-переложная система неизбежно вытеснялась классическим трехпольем.

На черноземах Поволжья крестьянин выигрывал за счет не столько повышения урожайности с определенной площади, сколько того, что показывал производительность труда в 2–4 раза выше, чем в районах с менее благоприятными условиями (Север, Нечерноземный Центр и т. п.)¹⁷⁶. Затраты труда земледельца тут были ниже, потому что не вывозился навоз и применялась мелкая одноразовая вспашка, часто без боронования, против двух-трехразовой при тщательном бороновании в нечерноземной зоне. Поверхностная, «облегченная» обработка имела свои отрицательные последствия: плодородный слой быстро выпахивался.

Тем не менее экстенсивная агротехника являлась неизбежным этапом освоения новых земель на юге лесостепи и в степи. Она соответствовала недостаточной экономической мощности хозяйства крестьян-переселенцев, позволяла получать при минимальных затратах урожай, обеспечивающие воспроизводство и даже расширенное воспроизводство этого хозяйства. Сравнительно низкие затраты труда позволяли поволжскому крестьянину вводить в хозяйственный оборот больше земель, чем мог позволить его собрат в центральных районах России. Это было необходимо, так как континентальный характер климата Самарского края подвергал труд земледельца большому риску. Простое увеличение площадей, засеянных одной культурой, или более тщательная обработка почвы под одну культуру не снижали

степени риска. Выход состоял в засеве нескольких участков одновременно разными хлебами, по-разному переносящими засуху, заморозки на почве, болезни и т. д. Однако это означало, что и потребности в земле у поволжского крестьянства были выше, чем в Центре, на Севере или Западе России.

Земледельческие орудия XVIII в. Из кн.: Беловинский Л. Орудия труда, инструменты, имущество. Ткани // История русской материальной культуры. М., 1996. С. 21

Основными сельскохозяйственными орудиями в помещичьем и крестьянском хозяйстве оставались соха, борона, серп и коса. Для подъема новых земель использовался плуг или его поволжская разновидность – сабан. Правда, работа с ним требовала от трех до пяти-шести лошадей, что было под силу хозяйствам, в достатке обеспеченным пастбищами и сенокосами: «О крестьянах государственных и помещичьих вообще сие можно объявить, что безлошадных между

ними очень немного здесь сыщется, наибольшая часть таких, кои по две и по три лошади имеют, а нередко и такие находятся, у коих от 10 до 20 и больше бывает. Протчей скот и птиц содержат каждой по силе своей и по возможности»¹⁷⁷. Не хуже крестьян были обеспечены скотом земледельцы из военно-служилых сословий, например черкасы из Кинельской слободы: «Для скотоводства имеют они в степи построенные скотные дворы. Наипаче держат они много рогатого скота и в полевую работу по большей части употребляют быков, хотя иные мужики имеют у себя по 20 и 30 лошадей; также овечьи стада многочисленны, и некоторые хозяева содержат у себя до четырех сот овец»¹⁷⁸. Многочисленные скотные дворы имелись и у самарских казаков и горожан. Из них многие содержали скот на хуторах за городом: «От Самары верст за 20 находится уже везде высокая степь с черноземом, на котором растет трава почти с человека вышиною»¹⁷⁹. Изолированные здесь табуны и стада не только были хорошо обеспечены кормами, но и оказывались менее подвержены болезням.

Продолжал бытовать бортный промысел, особенно у мордвы. Но он постепенно заменялся пасечным пчеловодством, прежде всего у татарских и русских крестьян, там, где ощущался недостаток «дерев, которые для бортей потребны»¹⁸⁰.

Большую роль в сельском хозяйстве края в XVIII в. играло огородничество, которым занимались и в селе, и в городе¹⁸¹. Еще в 1728 г., по сведениям симбирского воеводы, в окрестностях Самары, Сызрани, Алексеевска сажали дыни, арбузы, огурцы, тыквы, редьку, морковь, свеклу, капусту, хрен, репу. Этот набор огородных и бахчевых культур был характерен и для других районов Самарского края на протяжении всего столетия. При этом репа в сельской местности считалась не огородной, а полевой культурой.

Из теплолюбивых растений, кроме арбузов, самарские жители культивировали стручковый перец, а украинцы Кинель-Черкасской слободы — табак. Во второй половине XVIII в. огородничество и бахчеводство в Самарском крае приобрело в значительной мере товарный характер. Гораздо меньше развилось садоводство. Исключением являлась Сызрань, где разводились хорошие яблоневые сады¹⁸².

§ 7. ГОРОД, ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО, ТОРГОВЛЯ, ТРАНСПОРТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ И СЕРЕДИНЕ XVIII В.

Городское население и городская жизнь

На побывавшего в Самаре в 1769 г. путешественника она произвела впечатление «города, от часу в большее приращение ныне приходящего»¹⁸³. Наблюдение было справедливым.

К началу 1780-х гг. торгово-ремесленное население, теперь именовавшееся купцами и мещанами, насчитывало уже 512 душ м. п. без учета казаков и других неподатных служилых людей. Около половины посадских жителей Самары составляли лица, не имевшие собственных мастерских или лавок, работавшие в основном по найму. 30 % посадских занимались ремеслом, 20 % – торговлей, причем крупных торговцев практически не было¹⁸⁴.

Посадское население городов Поволжья постоянно увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и в результате приписки к городским общинам новых членов из других сословий, поселившихся «своими дворами и при домах хозяйских» в городской черте. Обязательным условием «приписки» выступало участие в торговле или промыслах. По этим признакам городские сословия пополнялись из отпущенных на волю помещичьих крестьян и дворовых людей, из крестьян государственных и дворцовых разных национальностей, из отставных служилых людей, из «не знающих своих помещиков», то есть беглых.

11 февраля 1764 г. в Самарской магистрат поступило прошение ясачного крестьянина села Аскулы Т.А. Шишова о принятии его в число цеховых мастеров города Самары. Просьба обосновывалась тем, что «жительство де он по кожевному своему ремеслу имеет в городе Самаре, ради чего необходимо принужден он купить свой дом»¹⁸⁵. К прошению было приложено «отпускное письмо», которое дали сотник и староста этого села «с согласия всех мирских того села людей», «ибо он, Шишов, в селе Аскуле крестьянской на пашню земли и прочих угодей не имеет». По тем же признакам места жительства и владения ремеслом решался вопрос о причислении к посадской общине ясачного крестьянина села Винновки С.В. Дудинцева «обще с братьями и с детьми». Воеводская провинциальная канцелярия в Симбирске поручила рассмотрение этого дела Самарскому магистрату: «Если подлинно... жительство имеют в городе Самаре своими домами и подлинно, как оной Дудинцев при деле в самарской канцелярии сказкою показал, что имеет рукавишное и овчинное ремесло, освидетельствовать обще со определенными от того магистрата олдерманы. И буде по свидетельству точно окажется, таже и дома свои имеет, то их определить в цехи»¹⁸⁶.

Самарские казаки также занимались хлебопашеством и скотоводством, промыслами и торговлей, мало отличаясь по своим занятиям от посадских людей. Некоторые из них переходили в городские сословия. Так, 24 сентября 1768 г. оренбургский губернатор подписал «ордер» (приказ), по которому «самарский казак малолеток 15-ти лет Алексей Хопрянинов» переводился в купеческое сословие, так как «обращающегося в торгу капитала имеет слишком на тысячу рублей

и желает устроить мыльный и кожевенный заводы», а потому «купцом Хопрянинов будет более полезен, чем казаком»¹⁸⁷. Численность находившихся на службе казаков в Самаре во второй половине XVIII в. составляла около ста, а вместе с отставными и малолетними до — 300 человек мужского пола.

Некоторое участие в хозяйственной жизни города принимали зависимые люди местных торговцев и казаков. Так, у купца Д.Ф. Рукавкина было трое дворовых слуг из пленных башкир, а атаман самарских казаков А.П. Углицкий в 1763—1764 гг. купил 7 дворовых, один из которых, правда, сразу же сбежал. Однако среди служителей и работников во дворах, мастерских, лавках зажиточных посадских и казаков преобладали не их крепостные, а нанятые из городской бедноты и крестьян¹⁸⁸.

Во главе самарских властей оставался воевода, наделенный очень широкоими полномочиями. Так, в законе было установлено право воевод брать под стражу неплательщиков подати. В 1731 г. воевода Кушников принудил самарских купцов взять на себя выплату завышенной суммы «кабацкого сбора» (казенного дохода от продажи вина), а недовольные этим решением «держаны были и морены в тюрьме в цепях и в колодках»¹⁸⁹.

В первой половине XVIII века в городе действовали следующие правительственные учреждения: воеводская канцелярия, магистрат — орган городского самоуправления, крепостная контора по оформлению различных актов и сделок («крепостей»), таможня для сбора торговых пошлин. Для управления непосредственно городом и гарнизоном вводились должности городничего или коменданта. Им могли поручаться обязанности воеводы, и последняя должность в таком случае упразднялась¹⁹⁰.

Вместе с обычными для уездных городов учреждениями в Самаре в первой половине 1730-х гг. находилась команда тайного советника Ф.В. Наумова, руководившего строительством новой Закамской линии, а с 1736 г. разместился штат Оренбургской экспедиции. О внешнем виде города в то время можно судить по уникальному свидетельству, оставленному художником-очевидцем. Облик Самары конца 1730-х гг. был запечатлен сотрудником Оренбургской экспедиции Джоном Кэстлем. Сделанная по его рисунку гравюра превосходит по достоверности более ранние изображения этого города из книг А. Олеария или К. де Бруина. Дело в том, что Дж. Кэстль — первый из художников, который видел и рисовал Самару, не просто проплывая мимо нее по Волге, а прожив здесь несколько лет¹⁹¹.

На гравюре среди рядовой тесной жилой застройки бросаются в глаза традиционные для любого старинного русского города строения, не связанные напрямую с пребыванием Оренбургской комис-

сии. Это прежде всего каменные и деревянные храмы, а также крепостные сооружения. Гравюра дает единственную на сегодняшний день возможность представить себе храмы Самары тех лет, поскольку из них ни один не сохранился до настоящего времени. Ни одной из изображенных здесь построек не существовало уже в XIX в., кроме церкви Спасо-Преображенского женского монастыря. Этот храм, простоявший с конца XVII в. до 1952 г., находится в правой части гравюры ближе всех к р. Самаре и представляет собой каменную центрическую постройку популярного в русском барокко типа «восьмерик на четверике».

Самара в середине 1730-х гг. Гравюра по рисунку английского художника Дж. Кэстля. Из ст.: Смирнов Ю.Н. Новый источник по истории Самарского края XVIII века и его автор. О «Дневнике» и гравюре Джона Кэстля // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1998. № 1–2

Небольшой храм слева от него и выше на холме является каменной Никольской церковью, где был похоронен в 1737 г. И.К. Кирилов. Для этой же «церкви святителя Николая» в 1739 г. был отлит колокол «по усердию тайного советника Татищева»¹⁹².

В 1741 г. возле той же церкви был погребен В.А. Урусов, преемник Татищева на его должности в Самаре. В 1744 г. Никольский храм стал приделом нового Казанско-Богородицкого собора (на гравюре его еще нет), который своим типом «восьмерика на четверике» походил на Спасо-Преображенскую церковь. Внутри этого собора оказались и упомянутые могилы выдающихся государственных деятелей России, утраченные вместе с разрушением собора в XX в.¹⁹³

Остальные церкви Самары были деревянными. Соборная церковь Самары – Троицкая – стоит ниже всех по Волге в древнейшей части

города там, где когда-то находился кремль XVI–XVII вв. Похожей клетской постройкой с легкой шатровой колокольней является и одна из церквей мужского Спасо-Преображенского монастыря, помещенного художником почти в центр рисунка. Рядом с ней возвышается другой монастырский храм, который увенчан очень высоким деревянным шатром. В левой части гравюры на самом краю жилой застройки, в пределах одноименной Вознесенской слободы, видны Вознесенская церковь и при ней еще одна шатровая колокольня¹⁹⁴.

Из крепостных сооружений впечатление производит возвышающаяся над городом сторожевая башня, названная художником Wachthurm. В описаниях Самары ее называют «обвахтой» (от немецкого «обервахта», или «гауптвахта»), стоявшей у проезжих ворот крепости. За этой башней-караульней на гребне холма виден земляной вал городской цитадели, поставленной за пределами жилых кварталов. От вала влево тянется и спускается к Волге цепь деревянных построек, промежутки между некоторыми забраны оградой. Эти защитные сооружения закрывают подход к городским улицам и слободам со стороны степи между цитаделью и рекой. Ближайшая к берегу башня называлась Волжской. От нее «палисад»-частокол поднимается к еще одной безымянной башне и продолжается далее до городских проезжих Вознесенских ворот, которые проглядывают за Вознесенской церковью.

Подтверждением достоверности рассмотренного изображения является краткое описание Самары, сделанное буквально в те же годы. Это описание вполне подошло бы в качестве подписи к рисунку Кэстля: «Город Самара. На берегу Волги и Самары реки. У Волги влеве, у Самары вправо на самых вилах, где впадает в Волгу Самара, с восточную сторону имеет вал земной и была деревянная городьба, коя почти уже рассыпалась. Церковь Николая чудотворца каменная, соборная [*Троицкая*. — Л. А.] и одна приходская [*Вознесенская*. — Л. А.] и два монастыря, мужской и женской; канцелярия и воевоцкой дом деревянные»¹⁹⁵.

В отличие от церквей и укреплений, гражданские строения общественного назначения или отдельные жилые дворы на гравюре не обозначены и графически не выделяются из рядовой застройки, так как особым размахом казенное и частное строительство в Самаре не отличалось.

Все жилые дома в XVIII в. оставались деревянными, что требовало постоянных забот о противопожарной безопасности. В 1765 г. в Самаре вспыхнул третий по счету с 1745 г. большой пожар, унесший «церквей каменных две, деревянных две же, магистрат, воеводский дом и все тамошнего купечества лавки, два кабака, да обывательских 418 дворов, людей женска пола 2 человека»¹⁹⁶. От огня «с великим

трудом» были сохранены соборная церковь, пороховой погреб, склады казенного продовольствия, водки и соли, ведавший сбором податей комиссариат и только 170 «обывательских дворов». После этого пожара из города вывели кузницы и скотобойни, опасные в пожарном отношении. Жителям рекомендовалось увеличить расстояния между постройками и строить дома каменные или на каменном фундаменте, но эти рекомендации не помогли, и постоянная угроза пожаров продолжала преследовать горожан. В 1772 г., например, в одну ночь сгорело 76 домов.

Городские власти следили также за соблюдением чистоты и уборкой улиц и дворов. Современники отмечали, что в Самаре «воздух всегда чистый, благотворный и для жития весьма здоровый». Мусор первоначально свозился в яму около Убогого дома (богачельни) на окраине города, в 1741 г. ее засыпали и отвели новое место под свалку в нескольких верстах от города¹⁹⁷.

В третьей четверти XVIII в. Самара постепенно теряла свое административное значение, лишившись собственного воеводского управления, которое было одновременно и военным, и гражданским. Городское самоуправление и посадское население оставалось под контролем вышестоящих органов провинциального и губернского городов (Симбирска и Казани), а военно-служилое население (солдаты, казаки, отставные чины) было подчинено оренбургскому губернатору. Самара оказалась в двойном подчинении властям Казанской и Оренбургской губерний. Гражданскую власть в городе представляли ведавший сбором податей комиссариат, и магистрат, подчинившиеся Казани. Военная власть вместе с заботами об оборонительных укреплениях и гарнизоне города, вместе с управлением той частью города, которую занимали солдатские и казачьи дворы, сосредотачивалась в руках коменданта, назначаемого из Оренбурга¹⁹⁸.

Промышленность, торговля и транспорт

В XVIII в. стало развиваться промышленное производство Самарского края. В экономике страны происходил переход к товарному производству, то есть изготовлению продукции на рынок, причем не только в городах, но и в государственных и помещичьих селах. Крестьяне Самарского края занимались столярным, гончарным, скорняжным, портняжным, кожевенным, шорным, колесным и другими промыслами. Большим спросом в России пользовались мерлушковые тулупы, сшитые в калмыцких селениях под Самарой и Ставрополем.

Основными центрами промышленного производства все же выступали города. В Сызрани были развиты портняжное, плотничье, шапочное, рукавичное, калачное, хлебное, сапожное, кузнечное, серебряное, масляное, красильное, прядильное, шерстобитное, овчинное, скор-

няжное и переплетное ремесла. Жители Алексеевска добывали белый известковый камень и изготавливали из него различные поделки.

Под воздействием новых веяний в экономике России оказался и традиционный волжский промысел — судоходство, где в XVIII в. более широко стал применяться наемный труд. В судовые работники, главным образом в бурлаки, подавались крестьяне приречных сел и деревень, бедные горожане, а также беглые крепостные из различных районов страны. Практически все волжские города являлись пунктами найма рабочих на суда. В Самарском крае выделялся рынок труда в Сызрани, где в городской крепостной конторе оформлялось большое количество сделок между судовладельцами и работниками. К концу века на речном транспорте Волжского бассейна было занято около 210–220 тыс. судорабочих, в большинстве вольнонаемных¹⁹⁹.

В XVIII в. в Поволжье начали появляться мануфактуры, представлявшие собой крупное товарное производство. Мануфактуры пока не могли преодолеть конкуренцию ремесла и мелкого производства продукции на рынок, так как сами основывались на ручном труде. В Самарском крае мануфактуры возникали преимущественно в помещичьих имениях, где применялся подневольный труд зависимых крестьян. Они назывались вотчинными или крепостными. Чаще всего это были винокуренные заводы. В дворянских имениях также существовали текстильные и химические предприятия мануфактурного типа по переработке сельскохозяйственного сырья: кожевенные, салотопенные, мыловаренные, овчинные, свечные и т. п. Так, в селах Успенском и Михайловка Самарского уезда работали суконная фабрика и «красочный завод» подполковника О. Зубкова. Их обслуживали 2 мастера, 2 подмастерья, 36 работных людей²⁰⁰.

Увеличение товарного производства как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции, развитие водного и сухопутного транспорта стимулировали торговлю. Центрами торговли в крае, как уже отмечалось, выступали города, в них постоянно рос купеческий слой. На 1767 г. в Самаре и ее пригороде Алексеевске числились 485 купцов (взрослых мужского пола и сыновей), в Сызрани — 1239, в Купеческой слободе Ставрополя — 334²⁰¹.

Наряду с городами торговля велась в больших селах и деревнях. По сведениям, сообщенным Сенату в 1765 г., в селе Новодевичьем ярмарки проходили в мае, июне и июле. Ежегодно собиралась июньская ярмарка в селе Липовка Самарского уезда. В селе Николаевском Сызранского уезда устраивались еженедельные торги, в селе Доможирова того же уезда один раз в неделю велся хлебный торг. Своей хлебной пристанью славилось село Хрящевка Ставропольского уезда²⁰².

Две важнейшие торговые дороги, по Волге и через степь на Яик, создавали благоприятные условия для втягивания Самарского края в орбиту всероссийского рынка. Здешние крестьяне и горожане поставляли на него хлеб, рыбу, скот, птицу, овощи, сукно, холст, кожи, сало и другие товары. Причем крестьяне не только продавали свою сельскохозяйственную продукцию и изделия домашних промыслов, но наиболее зажиточные из них занимались также скупкой и перепродажей зерна и других товаров. Появление торгующего крестьянства вызывало неудовольствие купцов, опасавшихся за свои сословные привилегии. В 1767 г. сызранское купечество жаловалось, что прежде «хлебную и протчую продажу производили больше... купцы», а теперь многие крестьяне, пахотные солдаты и казаки «вступили в ту же купеческую торговлю» и обходятся без посредства купцов²⁰³.

Предметами ввоза были шелк, чай, кофе, сахар, виноградные вина, промышленные изделия. Эти товары обычно закупались местными купцами на различных ярмарках, чаще всего на Макарьевской и Карсунской. Многие промышленные изделия и прочие товары восточного происхождения покупались местными жителями с судов, причаливших к местным пристаням, или у купцов, следовавших через Самарский край с Яика и Оренбурга. Порой самарские купцы доставляли «знатные товары» и из других мест, более отдаленных. Так, в 1753 г. самарский купец Д.Ф. Рукавкин совершил поездку в Хиву²⁰⁴.

Продолжала играть свою роль меновая торговля с калмыками, которые испытывали постоянную нужду в промышленных изделиях и продукции земледелия. В обмен они предлагали скот и продукты животноводства, а кроме того, привозили шкурки красных лисиц, корсачьи, бобровые и другие меха, мерлушки, овчины, тулупы, кожи. Товары для продажи калмыкам доставлялись главным образом из Москвы: разные ткани, в том числе сукно и бархат, готовая одежда, дешевая галантерея, бакалея, металлы и металлические изделия, среди которых особым спросом у кочевников пользовались чугунные котлы. Самарское Поволжье предлагало калмыкам сельскохозяйственные товары, в первую очередь зерно и муку. Русские купцы и сами ездили с товарами в калмыцкие улусы, получая большие барыши.

Надеясь поощрить кочевников к укреплению торговых связей с земледельцами и горожанами, правительство предоставляло калмыкам некоторые льготы. Когда те продавали лошадей, с них не взимались предусмотренные законом специальные «конские пошрины», платеж которых перекладывался целиком на покупателей²⁰⁵.

По объему торговли, разнообразию ремесленных специальностей и количеству самих ремесленников Самара в XVIII в. уступала ближайшим городам на правом берегу Волги: Саратову, Сызрани, Сим-

бирску. Это объяснялось тем, что левобережная Самара долго не имела собственной сельскохозяйственной округи, которая бы давала сырье, продукты питания и стимулировала рост товарного производства.

Земли, отведенные городской общине, в основном использовались в качестве выгонов, пастбищ, сенокосов. Разведение скота и торговля продуктами собственного животноводческого хозяйства на протяжении всего века оставались главными занятиями для значительной части горожан.

Сызрань на гравюре М.И. Махаева первой половины XVIII в.

Наряду с продажей животноводческой продукции не меньшую роль играл рыбный торг. Хотя у самарских жителей были собственные рыбные ловли по Волге, Моче и Иргизу, в основном они торговали рыбой, привезенной с Яика. В первой половине XVIII в. рыбу доставляли оттуда только зимой. На специальном дворе рыботорговцы сдавали в казну «десятую долю» своего товара, которая тут же поступала в продажу, а вырученные деньги шли в казенный доход. От продажи той «десятой доли» казна выручала до 8 тыс. руб. в год²⁰⁶.

С середины века сухопутной дорогой на Яик пользовались и летом. После паводка ежегодно наводился мост через реку Самару, а при необходимости и через Мочу, Иргиз, другие реки. На самарских горожанах лежала ответственность за содержание шести «уметов» — постоянных дворов на дороге до Яицкого городка. В обмен на рыбу и икру яицкие казаки получали прежде всего хлеб. По мере освоения плодородных земель левого берега Волги, в междуречье

Самары, Сока, Кинеля и Черемшана, излишки хлеба стали вывозиться не только в уральские степи, но и в другие районы страны. Продажа соли, которую везли посуху с Южного Урала или водою из Нижнего Поволжья, являлась казенной монополией. Для пресечения контрабандной торговли солью и другими товарами с Яика в 1750 г. возле Самары пришлось установить заставы²⁰⁷.

Из всего объема торговли лишь ее малая часть оставалась для удовлетворения потребностей немногочисленных горожан. Об объеме торговли обычных городских лавок дают представление данные 1765 г. по Самаре. В щепетильном ряду две лавки купца Д.Ф. Рукавкина вместе давали самый высокий доход для данного ряда — 2 руб. 40 коп. Три лавки купцов Аникина, Выдрина, Шерстобитова приносили общий доход всего в 90 коп. Более прибыльным был мясной ряд, там три лавки того же Рукавкина давали 9 руб. 50 коп. дохода в год, а четыре лавки бургомистра Халевина — 11 руб. Рядом же торговали лавки, ежегодная прибыль которых не превышала 1 руб. 25 коп.²⁰⁸

Во время пребывания в Самаре В.Н. Татищева им было начато здесь строительство большого гостиного двора, за что он получил выговор из Петербурга. Упреки были вызваны, во-первых, тем, что товары, предназначенные для торговли с восточными купцами, не подлежали таможенному досмотру в Самаре, поэтому в ней не следовало находиться казенным складским помещениям. Во-вторых, «гостина двора строить не надлежало, понеже город Самара сделан давно, она же внутри [*укрепленной границы*. — Л. А.] и строения в ней умножено, в котором купеческим товарам для поклажи места в обывательских дворах имеется довольно»²⁰⁹.

Действительно, содержание на своих дворах проезжающих и хранение купеческих товаров составляли обычный промысел и источник дохода для жителей города. В 1765 г. свои дворы для этих целей предоставляли 27 горожан, а еще 25 жителей содержали 4 городских постоялых двора вскладчину²¹⁰.

Распространенным промыслом, связанным с обслуживанием торговли, являлся гужевой извоз. «Обыватели нанимаются к развозу товаров на собственных лошадях до Москвы, Казани, Урала и Оренбурга, а сложив товары, берут в Москве щепетильные, в Казани — сафьяны и конские приборы, в Урале — рыбу и в Оренбурге — соль, поставляемую в магазин», — сообщалось о горожанах Самары. Извозом промышляли и сельские жители. Так, в 1730-е гг. крестьяне Рождественской волости подражались на перевозку серы с казенного завода на Самарской Луке в Москву и на доставку рыбы с Яика²¹¹.

Примечания

¹ Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI–XVII вв. Уфа, 1993. С. 44–67; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 140–170.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 349. Оп. 45. Д. 2084.

³ Там же. Д. 2081.

⁴ Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИА СПб ИИ). Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 191.

⁵ Дубман Э.Л. Южное Средневожье в планах и деятельности Петра I // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 188–201.

⁶ Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 41.

⁷ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2005; Заика Г.П. Українська лінія. Київ; Полтава, 2001.

⁸ Об этом особо говорится в разделе, посвященном серному производству в Самарском крае.

⁹ Дубман Э.Л. Петр I и Самарский край // Самарский край в истории России: материалы юбилейной науч. конф. Самара, 2001. С. 51.

¹⁰ Бруин К. Путешествие через Московию. М., 1873. С. 173; *Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales*. Amsterdam, 1718. Vol. 1.

¹¹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Петра Великого. СПб., 1861. С. 529.

¹² Мустафина Д.А. «Умилосердись, государь мой...» (К вопросу о международных рамках башкирского восстания 1705–1711 гг. и превентивных мерах по недопущению его распространения) // Гасырлар авазы. 2013. № 3–4. С. 28–29.

¹³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сборник документов и материалов / под ред. Э.Л. Дубмана, Ю.Н. Смирнова. Самара, 2000. С. 156–158.

¹⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087; Ласковский Ф.Ф. Указ. соч. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 93; Его же. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1866. Л. 8. Изобр. 15.

¹⁵ Ласковский Ф. Указ. соч. Часть III. С. 93.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Д. 66. Л. 854 об.–855 об.; Ласковский Ф. Указ. соч. Часть II. С. 529.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 462. Л. 829–830.

¹⁸ Ласковский Ф. Указ. соч. Часть III. С. 875. Карты.

¹⁹ Пригород Алексеевск, судя по храмозданной грамоте на строение в нем церкви, все же основали в 1706 г. (См.: Тихомиров М.Н. К истории колонизации Самарского края // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 2 / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2006. С. 131), а не в 1700 г., как об этом писал П.И. Рычков и считают сейчас многие исследователи. См.: Рычков П.И. Топография Оренбургская. Ч. 2. СПб., 1762. С. 108.

²⁰ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 157–158; См. также: Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. С. 156–157.

²¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1126. Л. 103.

²² Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – А ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. Генерального Повьятья. Д. 11. Л. 8, 13, 143, 267.

²³ Цит. по: Акманов И.К. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993. С. 139.

²⁴ Мустафина Д.А. «Умилосердись, государь мой...» С. 30.

²⁵ Там же. С. 139.

²⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.; Л., 1936. С. 247.

²⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. С. 624–626.

²⁸ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 81–86.

²⁹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 217.

³⁰ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. Т. 2. М., 1914. Приложения. № 11. С. 31, 33–34; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 88–90.

³¹ Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1688–1737. Т. 2. Приложения. № 26. С. 54; РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2084.

³² РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2081, 2083, 3954 и др.

³³ Там же. С. 83; РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279.

³⁴ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., Т. 3. К – М. 2000. С. 277.

³⁵ Пенской В.В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке // Вопросы истории (далее – ВИ). 2000. № 10. С. 149–150; Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710–1780 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

³⁶ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 227–229, 231; Его же. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 129.

³⁷ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба проект, строительство. Мы используем название «Новая Закамская линия», которое получило распространение значительно позднее строительства линии, со второй половины XIX в.

³⁸ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. С. 128; РГАДА. Ф. 248. Кн.477. Л. 13–13 об.

³⁹ Цит. по: Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 24.

⁴⁰ Петрухинцев Н.Н. Основные этапы «ландмилицкой реформы» 1710–1730-х годов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: материалы Всероссийской научно-практич. конф. Ч. 3. СПб., 2006. С. 35.

⁴¹ Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. С. 63.

⁴² Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее – Сборник РИО). Юрьев, 1898. Т. 104. С. 25, 34.

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 2–8.

⁴⁴ Там же. Л. 41–41 об.

⁴⁵ Там же. Д. 484. Л. 288–288 об.

⁴⁶ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба проект, строительство. С. 53–57.

⁴⁷ Там же. С. 67.

⁴⁸ Жители пригородов старой Закамской линии.

⁴⁹ А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 426.

⁵⁰ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба проект, строительство. С. 107–115.

⁵¹ Там же. С. 93.

⁵² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253; Сенатский архив. Т. 2. СПб., 1889. Указы 1732 г.

⁵³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.

⁵⁴ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. С. 129; Заїка Г.П. Українська лінія. Київ; Полтава, 2001. С. 9; Гукова Е.А. Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус в трудах военных историков. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/6/Gukova>.

⁵⁵ Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. Уфа, 1977.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

⁵⁷ Там же. Кн.151. Л. 392–392 об. На самом деле сумма всех расстояний между укрепленными пунктами составляет около 244 в. (260,3 км).

⁵⁸ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 92; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 158 об.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2277, 2283, 2286.

⁶⁰ Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 69.

⁶¹ А ВИМАИВиВС. Ф. 2 (Канцелярия Главной артиллерии и фортификации). Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523–523 об.

⁶² Иванин М.И. Описание Закамских линий. С. 69.

⁶³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 388, 392 об., 398 об.

⁶⁴ Смирнов Ю.Н. Заволжье во второй трети XVIII – первой половине XIX вв.: от пограничья до «внутренней губернии» Российской империи // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 120.

⁶⁵ Материалы по истории России. Т. 1. Оренбург, 1900. С. 9.

⁶⁶ Смирнов Ю.Н. Роль А.И. Тевкелева в подготовке и деятельности в Оренбургской экспедиции // Самарский земский сборник. 2012. № 1 (21). С. 20, 22.

⁶⁷ Артамонова Л.М. Исследовательская и просветительская деятельность русских ученых 1730–1770-х годов на юго-востоке России в ее взаимосвязях с изучением Сибири и других регионов страны // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница: материалы Междунар. симпоз. Ч. 1. Екатеринбург, 2006. С. 55–56.

⁶⁸ Смирнов Ю.Н. Споры патриотов. Ломоносов и его современники о путях освоения восточных и северных окраин России // Родина. 2011. № 9. С. 40–42.

⁶⁹ Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья, XVIII – середина XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 46.

⁷⁰ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 319.

⁷¹ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. С. 23.

⁷² Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. X. С. 582.

⁷³ Смирнов Ю.Н. Вольная народная колонизация Самарского Заволжья и отношение к ней в царствование Анны Иоанновны // Романовские чтения: Кострома и судьбы российской государственности: материалы конф. Кострома, 2012. С. 73–74.

⁷⁴ Рычков П.И. История... С. 28.

⁷⁵ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893. С. 135.

⁷⁶ Смирнов Ю.Н. Заволжье... С. 124–125.

⁷⁷ Его же. Народ и власть... С. 78.

⁷⁸ Рычков П.И. История... С. 31.

⁷⁹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция. С. 76.

⁸⁰ Его же. Народ и власть... С. 83.

⁸¹ Его же. Оренбургская экспедиция... С. 78.

⁸² Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 98 и об.

⁸³ Смирнов Ю.Н. Чуваши в процессах заселения и аграрного освоения Самарского Заволжья с конца XVII столетия до начала 1760-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 12, 14.

⁸⁴ Попов Н.А. Татищев и его время. М., 1861. С. 263.

⁸⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

- ⁸⁶ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.
- ⁸⁷ Там же. Д. 9. Л. 51 об.
- ⁸⁸ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция... С. 114.
- ⁸⁹ Рычков П.И. История... С. 57.
- ⁹⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 130. Юрьев, 1909. С. 218.
- ⁹¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 об.–9,
- ⁹² Там же. Л. 35 об.; Д. 9. Л. 47.
- ⁹³ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция... С. 119–132.
- ⁹⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 51 об.; Д. 13. Л. 51 об.–52.
- ⁹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 11. № 8368. С. 401–402.
- ⁹⁶ Записки Ивана Ивановича Неплюева... С. 135.
- ⁹⁷ Там же. С. 137–139.
- ⁹⁸ Смирнов Ю.Н. Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова – выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 979, 981.
- ⁹⁹ Записки Ивана Ивановича Неплюева... С. 141.
- ¹⁰⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 138. Л. 96.
- ¹⁰¹ Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 82–83.
- ¹⁰² Переписи населения России. М., 1972. Вып. III. С. 211, 214.
- ¹⁰³ Смирнов Ю.Н. Заволжье... С. 132. Т. 133.
- ¹⁰⁴ Рычков П.И. Топография... С. 268.
- ¹⁰⁵ Смирнов Ю.Н. Превращение Заволжья во внутреннюю губернию Российской империи и изменения в этническом составе населения (XVIII – первая половина XIX вв.) // Славянский альманах – 2004. Т. 30. М., 2005. С. 28.
- ¹⁰⁶ Артамонова Л.М. Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–473.
- ¹⁰⁷ Смирнов Ю.Н. Роль мордвы в расширении пространства российской государственности и культуры XVIII – начала XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 26, 29.
- ¹⁰⁸ Зудина В.Н., Перла Н.Ю. Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII–XIX вв. (к вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8–2 (99). С. 87–88.
- ¹⁰⁹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия)... С. 80–81.

¹¹⁰ Джунджузов С.В. Динамика численности населения в Ставропольском калмыцком войске (1737–1842 годы) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 13–14.

¹¹¹ Л. А. — здесь и далее Людмила Артамонова, автор данной книги.

¹¹² Артамонова Л.М. Ставрополь — Тольятти: эволюция от пограничной крепости на Волге до крупного современного города // Романовские чтения: Кострома и судьбы российской государственности: Материалы конф. Кострома, 2012. С. 80–81.

¹¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 140. Л. 316.

¹¹⁴ Там же. Л. 314, 331.

¹¹⁵ Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Порубежный край Российской державы (XVII — середина XVIII века) // Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. Самара, 1993. Кн. 1. С. 67–68.

¹¹⁶ Джунджузов С.В. Наделение земель и землепользование казаков Ставропольского калмыцкого войска (середина XVIII в.) // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 28.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 62–63.

¹¹⁸ Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Порубежный край... С. 68.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 60, 64–66.

¹²⁰ Якунин В.Н. Православие и взаимодействие культур в истории дореволюционного Ставрополя-Тольятти // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 59.

¹²¹ Джунджузов С.В. Динамика численности... С. 15.

¹²² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 175.

¹²³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1430. Л. 82–83.

¹²⁴ Там же. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 410–411.

¹²⁵ Беликов Т.И. Участие калмыков в крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева. Элиста, 1971. С. 46.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 13 об.

¹²⁷ Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.). СПб., 2015. С. 24.

¹²⁸ Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1887. С. 171.

¹²⁹ Щербатов М.М. Статистика в рассуждении России // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1859. Кн. 3. Отд. 2. С. 25, 52.

¹³⁰ Шнайдер В.Г. «Немецкие книги» АОАА как исторический источник. М.; Берлин, 2015. С. 24.

¹³¹ Щербатов М.М. Статистика... С. 56.

¹³² Алексеева П.Э. Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая. Элиста, 2009. С. 11.

¹³³ Рунич П.С. Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 80; Леопольдов А.Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 132.

¹³⁴ Дубман Э.Л. На солеварнях и серных заводах // Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века: в 2 кн. Книга первая: Самарский край с древнейших времен до середины XIX века. Самара, 1993. С. 97.

¹³⁵ Книга Большому Чертежу. М., 1950. С. 140.

¹³⁶ Сочинения Ивана Посошкова. М., 1842. С. 153.

¹³⁷ Первая русская газета «Ведомости» // Хрестоматия по истории СССР. Т. II (1682–1836). М., 1953. С. 115; Дубман Э.Л. Петр I и Самарский край. С. 50–51.

¹³⁸ Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России: в 4 т. Т. 2. М; Л., 1949. С. 374.

¹³⁹ Цит. по: Кистенев В.В. Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье в первой четверти XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. С. 69.

¹⁴⁰ Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии 1701–1720 гг. СПб., 1876. С. 317–318.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 5195.

¹⁴² Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1775. С. 209.

¹⁴³ Описание серного ключа у пригорода Сергиевска при реке Сок, сочиненное доктором Готлибом Шобером // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Июль, 1760 года. СПб., 1760.

¹⁴⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. II. М., 1952. С. 593.

¹⁴⁵ Цит. по: Кистенев В.В. Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье... С. 72. Документ в источнике без названия, датирован 1711 г.

¹⁴⁶ Самара в путевых записках шотландца Джона Белла // Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 151.

¹⁴⁷ Цит. по: Кистенев В.В. Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье... С. 73.

¹⁴⁸ Варенов Д. В. История добычи серы на Серной горе // Самарский край в истории России: материалы юбилейной науч. конф. Самара, 2001. С. 55.

¹⁴⁹ Цит. по: Кистенев В.В. Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье... С. 74.

¹⁵⁰ Там же. С. 76–77.

¹⁵¹ Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 491.

¹⁵² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773. Ч. 1. С. 283–288.

¹⁵³ Варенов Д.В. История добычи серы на Серной горе. С. 56.

¹⁵⁴ Там же. С. 56.

¹⁵⁵ Там же. С. 56–57.

- ¹⁵⁶ Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России. С. 418.
- ¹⁵⁷ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. М., 1987. С. 181.
- ¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 70. Л. 74 об.
- ¹⁵⁹ Там же. Ф. 248. Д. 531. Л. 319 об.
- ¹⁶⁰ Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Ч. 1. С. 47–48.
- ¹⁶¹ Смирнов Ю.Н. Крупная крепостная вотчина и освоение земель Среднего Поволжья в последней трети XVIII – первой половине XIX века (по материалам владений Орловых и Орловых-Давыдовых в районе Самарской Луки) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2012. № 8–2 (99). С. 101–102.
- ¹⁶² Миронов Б.Н. Управление этническим разнообразием Российской империи. СПб., 2017. С. 174.
- ¹⁶³ Сборник РИО, СПб., 1869. Т. 4. С. 94.
- ¹⁶⁴ Артамонова Л.М. Соответствие письменных источников и устных преданий при изучении вопроса о крестьянском заселении новых земель в XVIII веке (по материалам Самарского края) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всерос. (IX межрегион.) науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Самара, 2007. С. 74, 80.
- ¹⁶⁵ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795. Ч. 1. С. 140.
- ¹⁶⁶ Артамонова Л. М., Смирнов Ю.Н. Самарская Лука в эпоху крепостничества и абсолютизма (вторая четверть XVIII – середина XIX вв.) // Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара, 1995. С. 61–62.
- ¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 101. Л. 2–4.
- ¹⁶⁸ РГАДА. Оп. 52/2. Д. 1407. Л. 64.
- ¹⁶⁹ РГАДА. Оп. 52/2. Д. 1407. Л. 72 об.
- ¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 101. Л. 57 об., 76 об.
- ¹⁷¹ Смирнов Ю.Н. Самарское «графство» Орловых // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 21–22.
- ¹⁷² Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6. С. 175.
- ¹⁷³ Артамонова Л. М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 229, 234.
- ¹⁷⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 135, 228–229, 242–243.
- ¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 16516. Л. 350 об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 10 об.

- ¹⁷⁶ Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX вв.). М., 1983. С. 59.
- ¹⁷⁷ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 381. Л. 372.
- ¹⁷⁸ Паллас П.С. Путешествие... Ч. 1. С. 228–229, 306.
- ¹⁷⁹ Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Порубежный край... Кн. 1. С. 106.
- ¹⁸⁰ Лепехин И.И. Дневные записки... С. 148.
- ¹⁸¹ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 381. Л. 379.
- ¹⁸² Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Порубежный край... С. 89.
- ¹⁸³ Паллас П.С. Путешествие... Ч. 1. С. 225.
- ¹⁸⁴ Кизиветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 139, 160.
- ¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2899. Л. 529.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 519.
- ¹⁸⁷ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска: хронологический перечень. Вып. 7. Оренбург, 1912. С. 144–145.
- ¹⁸⁸ Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Порубежный край... Кн. 1. С. 81.
- ¹⁸⁹ Смирнов Ю.Н. Уездные, городские и временные органы управления в Самаре начала и середины XVIII в. // Самарский земский сборник. Самара, 1995. С. 4.
- ¹⁹⁰ Артамонова Л.М. Город, промышленность, торговля // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 139.
- ¹⁹¹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия)... С. 101–103.
- ¹⁹² Казанско-Богородицкий старый собор в г. Самаре: 150-летие его существования (1744–1794). Самара, 1894. С. 7.
- ¹⁹³ Смирнов Ю.Н. Новый источник по истории Самарского края XVIII века и его автор (О «Дневнике» и гравюре Джона Кэстля) // Самарская область. Этнос и культура: информационный вестник. 1998. № 1–2. С. 48.
- ¹⁹⁴ Артамонова Л.М. Древние самарские храмы на старинной гравюре // Духовный собеседник. 1998. № 1. С. 183–188.
- ¹⁹⁵ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 233.
- ¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 913. Л. 2 и об.; Ф. 248. Д. 3930. Л. 178.
- ¹⁹⁷ Там же. Ф. 767. Д. 2. Л. 62 и об.
- ¹⁹⁸ Смирнов Ю.Н. Органы власти и местного самоуправления в Самаре с XVIII столетия до получения ею статуса губернского города в середине XIX века // Самара: от прошлого к настоящему: сб. ст. Самара, 2007. С. 281, 284–285.
- ¹⁹⁹ Родин Ф.Н. Бурлачество в России. М., 1975. С. 82.
- ²⁰⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 161.

²⁰¹ Переписи населения России. Вып. III. Москва, 1972. С. 211, 234.

²⁰² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 32, 161, 176–177.

²⁰³ Сб. РИО. СПб., 1900. Т. 107. С. 610, 612.

²⁰⁴ Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М., 2020. С. 30, 56, 58.

²⁰⁵ Сб. РИО. СПб., 1903. Т. 115. С. 345.

²⁰⁶ Кирилов И.К. Цветущее состояние... С. 233.

²⁰⁷ Смирнов Ю.Н., Артамонова Л.М. Самара в начале и середине XVIII века // История Самары: От воеводского управления до Губернской Думы. Самара, 2011. С. 73.

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Ч.2. Д. 463. Л. 3-4.

²⁰⁹ Там же. Ф. 248. Д. 308. Л. 29, 249 об.

²¹⁰ Там же. Ф. 263. Оп. 1. Ч.2. Д. 463. Л. 5 и об.

²¹¹ Там же. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 101. Л. 56об., Д. 116. Л. 6; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 78.

Глава 4. САМАРСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ С 1760-Х ГГ. ДО РУБЕЖА XVIII—XIX ВВ.

§ 1. САМАРСКИЙ КРАЙ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ «ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА» И ОБОСТРЕНИЯ ВНУТРЕННИХ КОНФЛИКТОВ

Во второй половине XVIII в. российское самодержавие пыталось приспособиться к меняющимся условиям экономической, социальной и культурной жизни путем осуществления политики «просвещенного абсолютизма». Это название ей было дано в связи с включением в риторику и практику верховной власти отдельных элементов, заимствованных из западноевропейской идеологии «эпохи Просвещения». Философы-просветители (Вольтер, Дидро, Д'Аламбер и др.) призывали к обустройству общества на «разумных началах», под которыми имелись в виду верховенство законов, сознательное выполнение монархом и подданными своих обязанностей, благодаря полученному образованию и надлежащему воспитанию.

Впрочем, эти идеи, распространенные среди части политической и интеллектуальной элиты в столицах, слабо проявлялись в местном управлении, в провинциальном обществе России. Административные границы в малозаселенных и слабо освоенных пограничных территориях страны были обозначены весьма приблизительно. Особенно это проявлялось на степных окраинах, к которым относилось Самарское Заволжье. Для большей его части губернским центром являлся отдаленный Оренбург. Его власти больше были обеспокоены обстановкой на Южном Урале, казахских степях и Средней Азии, чем в относительно более спокойном приволжском «тылу». Сохранившиеся источники ни разу не отразили выдвигание вопросов, связанных с Заволжьем, на первый план в деятельности оренбургской администрации. Вместе с тем они не обходились вниманием и затрагивались в комплексе других проблем управления губерний.

До 1758 г. руководителем Оренбургской губернии был И.И. Неплюев. Пребывание последовавших за ним на этом посту губернаторов оказалось не столь продолжительным: А.Р. Давыдов (1759–1763), Д.В. Волков (1763), А.А. Путятин (1764–1768). Частая смена первых лиц губернии негативно сказывалась на поддержании здесь должного порядка управления. Правда, губернатор И.А. Рейнсдорп пробыл на этой должности заметно дольше своих предшественников (1768–1781),

но именно на его время пришлось самые драматичные и трагические события в истории края XVIII века.

А.Р. Давыдов, возглавлявший губернию в последние годы царствования Елизаветы Петровны и в правление Петра III, вызвал многочисленные жалобы на свои действия. На этом основании новая императрица Екатерина II приняла решение о его отставке. Дела Давыдова 9 мая 1763 г. принял Д.В. Волков. Он был приближенным свергнутого Петра III, и ему приписывается авторство самого знаменитого законодательного акта того недолгого царствования – «Манифеста о вольности дворянской». Удалив на время видного царедворца из столицы, Екатерина II тем не менее, ценя Волкова как администратора, специально указала, что наделяет дополнительными полномочиями «по его в делах способности» лично ей «от себя самого всякие представления делать и присылать проекты»¹.

Волков оправдал ожидания императрицы в плане прожектерства, но оказался не готов к ответственной самостоятельной административной работе на окраине, что, впрочем, сам понимал и признавал. Он оставался в Оренбурге чужим, никак не мог даже получить необходимые сведения от губернской канцелярии².

Однако проницательный взгляд опытного столичного чиновника подметил многие интересные особенности управления на юго-восточном пограничье империи. Этому способствовал взгляд «постороннего», как губернатор сам называл себя, человека, не слившегося с местной средой, а потому не утратившего способность подмечать в ней особенное и непривычное.

Наряду с вопросами продвижения в Азию, развития восточной торговли, добычи полезных ископаемых, взаимоотношений с кочевниками Волков внимательно вглядывался также в состояние и перспективы освоения подведомственных территорий, в том числе в сельскохозяйственном отношении. Его раздражало, что из столицы от него требовали мнения «единственно о распространении здешней коммерции и о большем вымене золота и серебра»³. Он же был убежден, что на все надо смотреть гораздо шире.

Волков уделял немало внимания состоянию земледелия и крестьянства: «Надобно только приложить большее старание, и до того конечно довести можно, что Оренбургская губерния свои избытки хлеба за Яик отпускать будет. Того требует разум и государственная политика. Где заведется пашня, там и домостроительство, а где домостроительство, там и тишина и власть законов»⁴. Он полагал, что делу заселения и освоения новых земель не должны мешать национальные или религиозные предрассудки. Губернатор не видел ничего предосудительного в движении нерусских крестьян на новые земли, советовал реально взглянуть на малоутешительные итоги принудительно-

го обращения в христианство народов Поволжья. Он считал – лучше поощрять движение многонационального населения из Казанской губернии в близкую Оренбургскую, чем провоцировать запретами и притеснениями бегство жителей за границу России или в другие отдаленные места⁵.

В оренбургских «прожектах» Волкова постоянно присутствует мысль, что не столько внешняя угроза российскому пограничью, сколько внутреннее неустройство чревато большими опасностями для государства. Предчувствие приближающейся социальной грозы отличало его взгляды от позиции не только предшественников, но и многих администраторов, пришедших вслед за ним. Крестьянство выбивалось из привычного и устойчивого состояния, склоняясь тем самым к бунту. Волкова тревожило далекое от исполнительности восприятие местным чиновничеством распоряжений центральных органов власти⁶. Губернатора настораживал недальновидный подход к главной опоре правительства в пограничном крае – людям военным, солдатам и казакам местных гарнизонов. В его рассуждениях о недостатках на пограничных линиях заметен поворот от военных вопросов к внутренней политике: «Сии люди в такой бедности и в таких тяжелых всегда работах, что самим варварам, смотря на них, нельзя не жалиться»⁷. Сообщение о неустройстве в пограничных войсках привлекло внимание императрицы: «Особливо опишите мне тяжкую работу и то иго, в котором тамошние солдаты порабошены»⁸.

Губернатор в ответ внимательней присмотрелся к войскам и отметил в новом своем доношении другие недостатки, которые были связаны с их содержанием, характером службы, комплектованием рядового и офицерского состава⁹. Некоторые волковские предупреждения выглядят написанными чуть ли не в самом начале Пугачевщины. На самом же деле до восстания оставалось еще 10 лет, которые так и не были использованы правительством не только для решения социальных проблем, но даже для приведения в должный порядок собственных вооруженных сил, размещенных на юго-восточной окраине государства. Сам Волков из-за краткости пребывания здесь к исполнению им же самим предложенного приступить не успел. Императрица в октябре 1763 г. отставила его от должности оренбургского губернатора.

21 августа 1764 г. был назначен новый губернатор. Им стал тайный советник князь А.А. Пугачин¹⁰.

В годы губернаторства Пугачина усилились тревожные разговоры о неблагополучии дел на юго-восточной окраине. Новый начальник был по взглядам совершенно непохож на «просвещенного» прожектера Волкова. Аппарат местного управления твердо стоял на страже интересов прежде всего дворянства. Тяжелое положение крестьян и

рядовых служилых людей усугублялось вымогательствами и злоупотреблениями властей, сборщиков подати. Острые конфликты возникали при наступлении помещиков на земли государственных крестьян. В 1765 г. статский советник Арнаутков попытался согнать с земли жителей новопоселенной деревни Сок Камышлы (Борисовой), «разведав о удобстве мест и что... дикопорослая земля... распахана и ко посеву удобрена». Будучи на службе в губернской канцелярии, Арнаутков оформил документы, по которым земля, кормившая уже 285 крестьян мужского пола, а еще женщин и детей, была представлена как «пустопорозжая» и передавалась ему. Поддерживая влиятельного в губернии чиновника, власти прибегли к арестам протестовавших крестьян, описи их скота и имущества, фабрикации уголовных дел, но не смогли сломить сопротивления. Крестьянский вожак и основатель этой деревни Борис Алексеев скрылся от преследования, добрался до Петербурга, где сумел добиться рассмотрения данного дела в высшем правительственном учреждении – Сенате. Там приняли компромиссное решение о размежевании спорной земли между государственными крестьянами и помещиком¹¹. Такой, хотя бы частичный успех крестьян в борьбе с дворянской алчностью был редкостью.

О неблагоприятии дел на юго-восточной окраине предупреждения шли не только из Оренбурга, но и с берегов Волги. В комиссию подполковника А.И. Свечина, направленную Сенатом в Среднее Поволжье в 1763 г. для проверки состояния корабельных лесов, подали жалобы тысячи крестьян, в том числе жители Самарского края. Вместо частных вопросов лесопользования поволжское крестьянство старалось обратить внимание представителей центральных властей на притеснения со стороны помещиков, чиновников, духовенства, купцов. Однако все жалобы и просьбы, поданные Свечину, по указу от 2 июля 1765 г. велено было «оставить без всякого производства»¹².

Жизнь государства и общества по большей мере протекала в условиях определенного равновесия интересов социальных сил и общественных слоев, но временами потеря точки этого равновесия становилась реальной угрозой. Окраина Российской империи обладала меньшей устойчивостью перед силами, могущими нарушить политический и общественный баланс. С одной стороны, из-за менее строгого контроля верховной власти за проявлением корыстных личных и групповых амбиций здесь был более заметен произвол администрации и привилегированных землевладельцев, что сильнее вызывало недовольство. С другой стороны, пришедшее в большинстве своем по своей воле и в поисках лучшей доли население болезненней, чем жители центральных губерний, реагировало не только на крайности абсолютизма и крепостничества, но и на сами принципы государ-

ственного и общественного устройства. Социальный состав и настроения жителей пограничья, связанные с особенностями их происхождения и предшествующими судьбами, были чреваты серьезными конфликтами в случае перехода власти к ужесточению крепостнических порядков, податного гнета или административного произвола.

Возможности для широкого проявления озабоченности и недовольства представились в ходе выборов и составления наказов для депутатов Уложенной комиссии в 1767 г.

§ 2. УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО КРАЯ В РАБОТЕ УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ

Депутаты и наказы государственных крестьян

Созванная Екатериной II Уложенная комиссия, деятельность которой пришлось на 1767–1768 гг., несла черты традиционного сословного представительства, но при этом стала первым опытом законосовещательного собрания в России нового времени. Комиссия должна была разработать новый свод государственных законов взамен устаревшего Соборного уложения 1649 года. Ее депутаты избирались, и им вручались наказы для представления на рассмотрение комиссии. Наказы избирателей, которыми следовало руководствоваться в ходе работы, а также выступления, письменные «мнения» и записки депутатов являются ценными источниками по истории России и отдельных территорий.

Общий порядок выборов депутатов в Уложенную комиссию и составления для них наказов определялся двумя актами 14 декабря 1766 г.: Манифестом о созыве комиссии и Обрядом выборов. Ее депутаты должны были избираться от центральных государственных учреждений (по одному от каждого), от дворян (по одному депутату от уезда), от купечества и других горожан (по одному от каждого города независимо от численности населения), казаков, «некочующих инородцев», государственных крестьян (по одному депутату от провинции). Не получили права выбирать депутатов крестьяне помещичьи, дворцовые (принадлежавшие царской семье), экономические (бывшие монастырские)¹³.

В названных выше законах закреплялись сословные границы внутри государственного крестьянства. Отдельных депутатов должны были избирать следующие категории: 1) однодворцы; 2) пахотные солдаты; 3) русские ясачные (в Поволжье) и черносошные (на Севере и в Сибири) крестьяне; 4) «некочующие народы» крещеные и некрещеные, каждый народ особо. Всего многообразия реальных сословных групп

данное деление не учитывало. В ходе выборов происходило, в зависимости от местных условий, как объединение крестьян различных выделенных в законе категорий в одно избирательное общество, так и появление разрядов избирателей, не упомянутых в законе, например «не помнящих родства» в Заволжье¹⁴.

Для государственных крестьян Обряд предусматривал «трехступенные» выборы: община — уезд — провинция. Поверенные, избранные на сельских сходах, выбирали уездных поверенных, а те, в свою очередь, провинциального депутата в Комиссию.

В выборах депутатов и составлении для них наказов приняли участие почти все группы населения восточных уездов Симбирской провинции (Самарского и Сызранского) и западной части Оренбургской губернии, включая Ставропольский уезд, Самарскую дистанцию крепостей, ведомство Бугульминской земской конторы. В Уложенной комиссии не было только представителей крепостных крестьян и солдат регулярной армии.

Государственные крестьяне Сызранского и Самарского уездов приняли участие в выборах депутатов от Симбирской провинции. Среди имен выборщиков и составителей наказов от этой провинции упомянуты поверенные крестьянских миров Самарского Поволжья: Т. Нефедов из Усинского и А. Бирюков из Подваля (наказ пахотных солдат депутату Е. Ненатурахину), И. Сидоров из Винновки и Г. Федоров из Соснового Солонца (наказ ясачных крестьян депутату Т. Зотову), Е. Петров из Семейкина (наказ новокрещеных чувашей депутату Т. Васильеву), А. Илдебенев из Кармалов (наказ некрещеных чувашей тому же депутату), а также поверенный из Борковки (наказ новокрещеной мордвы депутату Ф. Алексееву)¹⁵.

От левобережной Ставропольской провинции Оренбургской губернии в Уложенную комиссию поступило 30 наказов государственных крестьян. Крестьянин Бугульминской слободы Т. Иванов привез в Комиссию 5 наказов от жителей разных слобод, в основном от «не помнящих родства». В 1768 г. он передал свои депутатские полномочия бугурусланскому крестьянину Г. Давыдову, который участвовал в 1767 г. в выборах в качестве поверенного, а в 1773–1774 гг. стал повстанческим атаманом.

Обращают на себя внимание различные факты взаимодействия крестьян из различных этнических и сословных групп в ходе выборов и составления наказов, включая подачу совместных наказов и посылку общих депутатов. Татарин И. Таиров передал Комиссии 4 наказа: общий всех татар ведомства Бугульминской земской конторы, чувашей деревень Ганькиной и Афонькиной вместе с Сerezкиной, татар, чувашей и мордвы деревень сотни Абдулы Аитова. Отставной драгун из Сергиевска И. Ахтемиров был выбран в депутаты как от отставных

нижних чинов, поселенных в Сергиевске, Кондурчинской и Красноярской крепостях, Кривоулицкой слободе, так и от государственных крестьян: однодворцев села Архангельского (Липовки), деревни Табузаковой (Ключищи) и пахотных солдат села Архангельского (Орлянки), деревень Верхней Орлянки, Черновки. Новокрещен из мордвы Ставропольского уезда К. Федоров представил в Комиссию 18 наказов. В их числе наказания от мордовских и чувашских деревень Подлесной Андреевки, Старой Токмаклы, Якушкиной, Бинаратки, Большой и Малой Саперкиных, Микушкиной, Черемшанских Вершин (Клявлино), Старой Резяпкиной, Ибрайкиной, Верхней и Нижней Аверкиных, Петропавловского (Стюхина), Султангуловой, Баландаева, Семенкиной, Четырлы и других¹⁶.

Закон предоставлял местной администрации широкие полномочия по контролю за ходом выборов в Уложенную комиссию. Давление на составителей наказов было весьма ощутимым. Не во всех наказах и не все требования могли быть изложены откровенно. Но крестьяне упорно искали и находили возможности обойти препятствия, мешавшие изложению насущных нужд. Уникальными считаются случаи, когда сохранялся первоначальный текст наказа после его переписки и сглаживания чиновниками. Во всем Поволжье только три крестьянских наказа сохранились в двух вариантах: исходном и отредактированном властями. В числе этих трех совместный наказ деревень Саперкиных и Микушкиной, а также наказ деревни Якушкиной. В переработанном варианте исключены всякие жалобы на местную администрацию и даже высказывания, которые можно расценить как намек на такую жалобу. Однако крестьяне сохранили и передали в Комиссию отвергнутые администрацией первоначальные варианты текстов наказов.

Крестьяне нередко открыто проявляли завидную твердость, отстаивая тексты своих наказов. «Присудствующий в Ставропольской канцелярии» подполковник Пирогов доносил в Сенат о том, что в наказах однодворцев, ясачных крестьян и «не помнящих родства» им были усмотрены «партикулярные дела» — конкретные жалобы на произвол чиновников и помещиков. Заставить крестьян отказаться от своих жалоб не смог ни сам подполковник, ни даже оренбургский губернатор князь Путятин. Крестьяне, сообщил Пирогов, «по неразумному их намерению утвердились непреклонными, почему и в отдаче депутатам тех челобитен [*наказов*. — Л. А.] воспрещения им более не делано»¹⁷.

«Не помнящие родства» писали о том, что начальник Бугульминской земской конторы поручик Новокрещенов велел снести дворы крестьян, чтобы очистить приглянувшееся ему место для собственного дома, при этом «некоторые обыватели были немилосердно биты».

Он же неправильно производил отводы земли, отрезая лучшие участки себе во владение, заставлял крестьян бесплатно возить в имение «члену Оренбургской канцелярии Петру Рычкову... сосновые бревна, такие едва три лошади одно бревно могли поднять». Чуваши деревни Ганькиной выражали недовольство тем, что губернская канцелярия тянет решение дел по их жалобам на обиды со стороны помещиков и только зря шлет следователей, содержание которых обременяет крестьян: «А те следствия происходили все на нашем коште, да и на то... канцелярия никакой резолюцы не учинила». При попустительстве властей отставной капитан Степан Кротков отнял у жителей деревни «купленной и ограненой земли с лесом и санными покосами... длиною пятнадцать верст, а шириною то ж число»¹⁸. Он же увез пятьсот стогов накошенного теми же чувашскими крестьянами сена, сломал на речке Алне пять крестьянских мельниц. Караульщики Кроткова не пускали чувашей в лес, отгоняли их скотину «не токмо что в поле, но под нашей околицы», а за возвращение ее «выкуп берут дорогой»¹⁹.

Многие государственные крестьяне имели «утеснение» от совместного проживания с помещичьими крепостными и пользования общими угодьями. В таких случаях помещики отнимали «пашенную землю, санные покосы в самых лутчих угодьях и удобных местах наглостию своею», а государственные крестьяне вынуждены были довольствоваться землями «в самых худых и неудобных местах и противу помещичьих крестьян самое малое число, разве третью часть»²⁰.

В крестьянских наказах выдвигалось требование запретить участие посторонних владельцев в земельных дачах государственной деревни. Однодворцы села Архангельского (Липовки) писали: «Поселились с нами разные помещики, нам, нижайшим, чинят великие разные утеснения... Не повелено ль будет за большинством нас во оном селе их вывезть и поселить особым поселением?»²¹

Наказы свидетельствовали, что захватам подвергались и водные угодья: мельничные места, рыбные ловли. Помещик А. Зубов отнял у русского ясачного крестьянина О. Краснова, жителя Сергиевска, мельницу, которую тот поставил по соглашению с новокрещенами мордовской деревни Старые Токмаклы на их земле. В дачах деревни Бинаратки сызранскими купцами были захвачены «рыбные ловли, то есть озера»²².

В наказе ясачных крестьян Симбирского и Сызранского уездов, словно обобщающем эти жалобы, было четко указано, что все помещичьи захваты осуществляются только потому, что им потворствуют власти и судьи. Если б в своих жалобах крестьяне находили у судей «удовольствие», говорилось в наказе, «то б они, помещики... землями нашими дачами с угодьями владеть и в протчем нас обижать не от-

важивались»²³. В этом наказе был достигнут достаточно высокий уровень обобщения и осознания связи между интересами дворян и деятельностью государственных органов. Справедливость такого вывода этого и других крестьянских наказов подтверждают дела местных учреждений по земельным конфликтам.

Наряду с вопросами о земле и угодьях насущной темой крестьянских наказов выступали государственные налоги и повинности. Возражение вызывала раскладка податей на всех лиц мужского пола, учтенных во время ревизии (переписи населения), включая нетрудоспособных (малолетних, престарелых, калек) и «убылых» (умерших, беглых, взятых в рекруты). Крестьяне выражали также недовольство увеличением подушного оклада, натуральными повинностями и казенными отработками: почтовой, караульной, подводной и т. п. С каждой слободы «не помнящих родства» и новокрещенской деревни требовали одного-трех человек на два с половиной месяца «для караулу» и «таскания» казенной соли. Крестьяне выполняли эту повинность как «по очереди», так и по найму. Наем одного караульщика обходился до 10 руб. в год, для чего собирали «с каждой души по четыре копейки... сверх положенного подушного окладу»²⁴.

Казенные повинности, как уже говорилось выше, включали содержание путей сообщения и транспортные перевозки. О тяжелой подводной повинности указы сообщали следующее: «Через... слободу... множество ездят регулярных [*находящихся на государственной службе*. — Л. А.] всякого звания людей из Москвы и Казани с амуничными и мундирными вещами, денежною казною во Оренбург и полки Оренбургского корпуса. Берут подводы некоторые за прогон [*плату*. — Л. А.], а другие без прогон. А хотя и которые прогон дают не против указу, неполную цену. А берут подвод по 50 и более»²⁵.

Надежды даже на частичные уступки в этом вопросе со стороны правительства были иллюзорными. Государственные крестьяне, составляя свои указы, не знали, что уже подготовлено решение о повышении с 1768 г. подушного оклада с них²⁶.

Усиление налогового бремени и тяжести повинностей шло практически все XVIII столетие. За модернизацию страны, экономический рост и усиление военной мощи прежде всего платило крестьянство. Об этом свидетельствуют современные исследования, выполненные с применением новейших методов²⁷.

Депутаты ч наказы казаков, горожан, дворян

Жалобы, схожие с крестьянскими, содержали указы других социальных групп населения края, близких по своему положению к государственным крестьянам: казаков и отставных нижних чинов армии, поселенных на укрепленных линиях. Казаки, проживающие в Самаре,

приняли участие в выборах своего депутата вместе с казаками других крепостей Самарской и Верхнеяицкой линий Оренбургского казачьего войска. Депутатом казаков, «состоящих по Яику и Самаре», стал П.С. Хопренинов, сотник из Самары. Данный ему общий наказ объединял отдельные казачьи наказы городов Самары и Ставрополя, пригорода Алексеевска, Красносамарской и Борской крепостей, Мочинской слободы и других поселений. Самарское казачество жаловалось на тяжесть службы, которую приходилось нести безо всякого казенного жалованья. Основным источником существования являлось занятие земледелием и различными промыслами, но значительная часть казачьих и лесных угодий, сенокосов и рыбных ловель отошла помещикам, государственным крестьянам, посадским людям. Эти жалобы на тяготы службы и на малоземелье в основном исходили от рядового казачества, верхушка же сословия включила в наказ требование о предоставлении ей законом права владения крепостными людьми²⁸.

Депутатом от основной части жителей Самары был избран купец Д.Ф. Рукавкин. Ему вручили наказ, подписанный 75 горожанами: 2 чиновниками, 3 должностными лицами местного самоуправления (бургомистр И. Халевин, ратман В. Синицын, словесный судья и купеческий староста И. Малеев), 52 купцами, 10 цеховыми мастерами, 8 отставными военнослужащими. В наказе с тревогой отмечалось, что количество отведенных жителям города земель и различных угодий постоянно сокращается. При реке Сок и Семейкинском лесе самовольно поселились чувашские и мордовские крестьяне, пришедшие из деревни Ширяевские Вершины Самарского уезда и разных деревень Пензенского уезда; часть земель власти передали помещику П.И. Порецкому и экономическим крестьянам Винновки. Значительное место в наказе занимали жалобы на всевозможные налоги и повинности. Так, налогами были обложены бани и продажа лошадей, причем суммы платежей произвольно, но неуклонно увеличивались сборщиками податей — откупщиками. Через Самару везли сосланных на поселение в Сибирь в сопровождении воинских команд, а на жителей ложилась постоянная повинность: «И так бывает на обывательских квартирах постоя человек по 5 и более, и от того обыватели не без отягощения». В наказе предлагались меры по упорядочению несения повинностей и по облегчению податного бремени. Отягощало самарских жителей содержание постоянных дворов — «уметов» — по дороге «от одного города через немалую дикую степь в казачий городок Яик»²⁹.

Документ сообщал, что «по здешнему гор[од]у Самаре торг и промысел... каждый по состоянию своему имеют и почитают за главное основание и надежду». Действительно, торговлей и ремеслом занимались не только купцы и цеховые, но и казаки, которые «едва не все... равномерно как купцы, имеют и чинят разные торги, и старшины

большие покупки и продажи, и отпуска, и кожевенные заводы, и рыбные промыслы». Защищая свои сословные привилегии в торговой деятельности, самарское купечество требовало «старшин и казаков, по явным их торгам и промыслам, написать в купечество; а ежели по каким резонам в купечестве быть не должны, оным торг и всякой промысел иметь, под страхом, накрепко запретить». Однако, в отличие от ряда купеческих наказов других городов, в наказе самарцев не ставился вопрос о полной купеческой монополии торговли: «А когда в том запрещения быть не имеет, с того б их торгу и промыслу, по достоверным засвидетельствовании, в пособие гражданству [городским купцам и ремесленникам] платить определенную часть в магистрат»³⁰.

Очевидна непоследовательность самарского наказа в вопросе о торговых занятиях казаков. Документ механически зафиксировал две точки зрения на этот вопрос, отразившие интересы двух групп купечества Самары: одна последовательно отстаивала свои сословные права, ее представителем был депутат Рукавкин; другая группа купцов имела тесные деловые и родственные связи с казаками, ее возглавлял бургомистр Халевин. Он был двоюродным братом Т.И. Подурова, депутата Уложенной комиссии от оренбургских казаков, а впоследствии сподвижника Пугачева. Другой его родственник, А. Халевин, числился войсковым писарем оренбургского казачьего войска, и его подпись стоит под наказом депутату Хопренинову.

Развитие торговли в Самаре сдерживалось отсутствием системы кредита. В связи с этим наказ горожан содержал просьбу «на шет банковской конторы из определенного проценту... поручить самарскому магистрату до четырех тысяч рублей»³¹. Наказ включал также просьбу предоставить купцам и отставным нижним чинам право покупать крепостных. Зажиточная часть горожан стремилась закрепить в законе существующую практику использования принудительного труда.

Депутатом горожан Ставрополя стал А. Куприянов, в наказе которому главной была просьба о передаче в вечное владение городу ближних рыбных ловель по Волге, сдаваемых от казны на откуп иногородним купцам. Посадские люди Сызрани избрали своим депутатом П. Попова. В наказе, данном ему, тоже поднимались вопросы обеспеченности городской общины земельными и водными угодьями, защиты купеческой монополии на торговлю и другие, схожие с самарскими. Большинство сызранских торговцев, как и самарских, были людьми не очень богатыми и подвергались притеснениям со стороны своих состоятельных собратьев и откупщиков. Особо возмущали горожан действия находящегося «в первостатейном ис-

числении и в немалом капитальном состоянии» Я.С. Петрова. Вместе со своим зятем, откупщиком питейных сборов П.К. Хлебниковым, местный богач считал ненужным отдавать свои иски в суд, а просто «купцов многих захватывает, в дом и усилием своим и самовольно мучит в чепях и прикованных к стене». Так, «захватя весьма долговременно одного из купцов, Федора Заварзина, бил мучительно плетью неведомо за что, коего увез с собой неведомо куды скована». Обедневшие горожане вынуждены идти в работники к Петрову, а тот их «держит в работе из сызранских купцов по усилую своему без ведома сызранского магистрата... многовременно»³².

Несмотря на предоставленное право избрать уездного депутата, малочисленное сызранское, самарское, ставропольское дворянство им не воспользовалось. Сызранские помещики приняли участие в выборах симбирского дворянского депутата П.В. Обухова, президента Коммерц-коллегии. В наказе ему симбирское и сызранское дворянство поспешило проявить в первую очередь свои верноподданические чувства. Своей «первой нуждой» оно объявило «испросить от Ея Императорского Величества нашей Государыни дозволения, дабы в знак нашего всеподданического усердия дозволено было из собственного нашего иждивения по мере каждого сил поставить такое здание, которое бы в вечное потомство осталось знаком великих дел царствующей нашей всемилостивейшей Государыни Императрицы трудов и беспредельного нашего ко освященной Ея Императорского Величества особе усердия и в таком месте, где самодержавная Ея Императорского Величества власть соблаговолять изволит»³³.

Такой неопиcуемый восторг и стиль вообще не встречались в крестьянских или городских наказах, крайне редко — в наказах других дворянских собраний. Конкретные предложения наказа симбирских и сызранских помещиков были связаны с предоставлением дворянству дополнительных прав и привилегий, совершенствованием деятельности судов, ужесточением мер по борьбе с укрывательством беглых крепостных в артелях волжских судорабочих.

Оренбургское, ставропольское, самарское дворянство избрало своим общим депутатом майора И.М. Толстова, имение которого находилось неподалеку от Кинель-Черкасской слободы. Главной просьбой наказа, составленного для него, была передача помещикам земель, отведенных первоначально жителям крепостей и других поселений по Самарской линии. Причем в отношении самарских казаков дворяне не просто требовали отобрать у них какую-то часть земель, а советовали вообще выселить их всех дальше на восток «выше по Яику на линию»³⁴.

Депутаты Самарского Поволжья в Уложенной комиссии

Уложенная комиссия начала работать в Москве в июле 1767 года. Вскоре один из наказов государственных крестьян края (сызранских и симбирских пахотных солдат) был зачитан в Большом собрании депутатов, вызвав ожесточенные споры между представителями различных сословий. Постановка в этом наказе вопроса о земле повлекла взрыв негодования дворянских депутатов, среди которых был известный публицист и историк князь М.М. Щербатов. Они утверждали, что наделы государственных крестьян достаточно велики, и даже требовали сократить их вдвое, а оставшиеся земли раздать помещикам. В поддержку же данного наказа выступили депутаты крестьян из различных районов России, а потому наказ стал как бы платформой, с которой представители государственной деревни отстаивали интересы своих избирателей³⁵.

Апеллируя к доводам и предложениям наказа сызранских и симбирских пахотных солдат, крестьянские депутаты настаивали на возвращении расхищенных дворянами земель. Для предотвращения таких захватов впредь они потребовали генерального размежевания угодий помещиков и государственных крестьян³⁶.

Столь же бурно проходили прения по другим пунктам наказа сызранских пахотных солдат. В них приняли участие и самарские депутаты купец Д.Ф. Рукавкин и казак П.С. Хопренинов. Оба они выступили против разрешения государственным крестьянам скупать хлеб для перепродажи яицким казакам, поскольку купечество и казачество Самары стремилось сосредоточить выгодную хлебную торговлю с Яиком исключительно в своих руках. В то же время Хопренинов согласился с просьбой пахотных солдат разрешить им продажу «съестных припасов» в городах в розницу. Рукавкин же последовательно отстаивал купеческую монополию на все виды торговли, в том числе розничную на городских рынках. 11 сентября Рукавкин поддержал мнение депутата города Енисейска о запрете крестьянам, не записанным в цеха, заниматься ремеслами, 19 октября подал мнение об отрицательных последствиях предоставления крестьянам права вести хлебную торговлю. Во время обсуждения законов о купечестве в октябре-декабре 1767 г. Рукавкин неоднократно присоединялся к тем городским депутатам, которые требовали запретить торговать и иметь промышленные предприятия крестьянам, дворянам, мещанам. Он же занял непримиримую позицию в отношении требований других сословий об ограничении купеческих привилегий в торговле, тем самым отказавшись от возможности компромисса, допускаемого городским самарским наказом³⁷.

Все же Рукавкин не мог полностью игнорировать нужды казаков, живших с ним в одном городе. Он высказал мнение, что о них, как

о военно-служилых людях, должна позаботиться казна, дабы казаки перестали выступать конкурентами посадских торговцев и ремесленников.

Купец Данила Рукавкин проявил себя самым активным из депутатов Самарского края в Уложенной комиссии. Представители дворян и большинство крестьянских депутатов не выступили на ее заседаниях ни разу. Последнее выступление самарского купца прозвучало в Большом собрании в июне 1768 г., в конце того же года Комиссия фактически прекратила свою деятельность, а большинство депутатов разъехалось по домам.

Однако горожане Самары продолжали рассматривать Рукавкина как ходатая по своим делам в правительственных учреждениях, авторитет которого подкреплялся почетным депутатским званием. В 1770 г. по приговору самарского купечества он был отправлен в Петербург просить в Камер-коллегии о сложении с купцов недоимок по кабацкому сбору. Одновременно статус депутата активно эксплуатировался во внутренних купеческих конфликтах. Рукавкин вез с собой еще одно прошение – о снятии И. Халевина с должности бургомистра. Последний не замедлил предпринять ответные шаги по дискредитации Рукавкина. В специальную дирекционную комиссию Комиссии Уложения самарский магистрат и его бургомистр отправили доношение о том, что «города Самары от гражданства выбранный в депутаты купец» пребывает вовсе не в комиссии, где ему положено быть, а в собственном доме, накопил недоимки по платежу податей, «очередных по купечеству не несет служб», то есть повинностей, а потому следует «его от депутатства уволить»³⁸.

Дирекционная комиссия переслала это доношение в Сенат, который в ноябре 1771 г. постановил лишить самарского депутата его звания, отобрав у него почетный депутатский знак. Самарские власти привели это решение в исполнение «с наичувствительнейшим поношением и обидою» Рукавкину, который жаловался: «Как будто я из того депутатства исключен за какое мною преступление, и во всенародное известие при барабанном на рынке бою... письменная публикация выставлена была». Оскорбленный купец явился в Сенат и представил доказательства неправомерности принятого по его делу решения. В частности, он предъявил «паспорт» за подписью маршала Уложенной комиссии А.И. Бибикова с разрешением отлучки для «домашних нужд». Сенат восстановил его в депутатском звании и распорядился вернуть ему через губернатора почетный знак³⁹.

Правда, к этому времени звание депутата Уложенной комиссии уже несколько лет было чисто номинальным. Распущенная 18 декабря 1768 г. якобы временно, она так больше и не собиралась⁴⁰.

Наказы и выступления депутатов от крестьян и других низших общественных слоев нередко содержали предложения по изменению

действующего законодательства, ясные обоснования своей позиции, готовность к поиску компромиссов с интересами государственной власти и привилегированных сословий⁴¹. Однако деятельность Комиссии оказалась безрезультатной. Никаких конкретных решений она не приняла. Новое законодательство, на которое рассчитывали представители сословий, особенно низших – горожан, крестьян, казаков, – так и не было создано. Наоборот: в стране усиливался абсолютизм, всевластие чиновников и дворян. Крах надежд на Уложенную комиссию явился одной из политических предпосылок грянувшей Пугачевщины.

§ 3. САМАРСКО-СТАВРОПОЛЬСКИЙ РАЙОН ВОССТАНИЯ 1773–1775 ГГ.

Начало восстания

В 1773 г. разрозненные крестьянские выступления и глухое недовольство народных масс переросли в мощное восстание. Его возглавил донской казак Емельян Иванович Пугачев, принявший имя убитого в 1762 г. императора Петра III. Это было совместное выступление всех недовольных крепостническими порядками, дворянскими привилегиями, тяжелыми государственными и помещичьими повинностями, произволом чиновников. Под знамена Пугачева вставали люди разных национальностей, выходцы из крестьян, горожан, военно-служилых сословий, работников и дворовых слуг. Наряду с казаком Яиком очагом вспыхнувшего вооруженного мятежа стал Самарский край. Здесь образовался один из важных и заметных районов пугачевского восстания – Самарско-Ставропольский (или Заволжский)⁴².

Е.И. Пугачев. Неизвестный художник. 1770-е гг.

При появлении первых вестей с Яика о начавшемся в сентябре движении Пугачева заволновались села Заволжья, откуда уже в октябре панически бежали помещики. Не успевшие скрыться подвергались нападениям крестьян, причем не раз их лишали жизни. Повсеместно громились помещичьи усадьбы. Захваченное имущество, продовольствие, скот частью делились среди крестьян, частью отправлялись в главную армию Пугачева под Оренбург. Изгнав дворян, крестьяне предпринимали попытки создать свои органы управления. Они отправляли ходяков в ставку Пугачева. 23 октября крестьянам из имения М.Е. Карамзина (отца будущего историка Н.М. Карамзина) и соседних сел и деревень был вручен «Имянной указ в Михайлову деревню казаку Левонтию Травкину и казакам, и всякаго звания людям». Этим указом предводитель восстания Е.И. Пугачев жаловал их «вечною вольностию»⁴³.

Дарованная свобода была подчеркнута тем, что помещичьи крестьяне и их вожак Л.И. Травкин названы казаками, вольными людьми. Данный указ стал самым первым обращением Пугачева непосредственно к крепостному крестьянству России.

«Вечная вольность» первых пугачевских манифестов и указов не была конкретизирована, но воспринималась крепостными совершенно однозначно – как призыв к полной ликвидации помещичьего гнета. По уверению побывавших в ставке Пугачева крестьян и появлявшихся в Самарском крае яицких казаков, сам «Петр III» приказывал истреблять помещиков и не выполнять в их пользу никаких повинностей. Правительственные же «объявления» и «увещевания» население часто отказывалось воспринимать как истинные и подлинные. Известны даже случаи убийства чиновников и военных, посланных для обнародования официальных призывов и распоряжений.

Еще в сентябре 1773 г. оренбургский губернатор предупреждал казанского о возможности прорыва Пугачева в соседнюю губернию через «помещичьи жилы». Учитывая позицию крепостного крестьянства, такая угроза представлялась весьма реальной. Симбирскому коменданту П.М. Чернышеву, находившемуся с карательным отрядом на Самарской линии, в начале ноября удалось подавить первые крестьянские волнения в Самарском Заволжье, но это было лишь временным успехом. 13 ноября под Оренбургом отряд Чернышева оказался разбит главными силами Пугачева. Исход боя предрешил переход на сторону восставших принудительно включенных в отряд ставропольских калмыков, самарских казаков, солдат местных гарнизонов. Известие о победе повстанцев вызвало брожение среди солдат, оставшихся в крепостях Самарской линии. Не доверяя своим подчиненным, 19 ноября из Бузулукской крепости бежал тамошний комендант, а в конце месяца туда пугачевской ставкой был отправлен атаман И.Ф. Арапов⁴⁴.

Попытка властей использовать для подавления восстания военно-служилое население края оказалась безнадёжной. Очень активно участвовали в повстанческом движении в крае и за его пределами ставропольские калмыки. Солдаты и казаки пограничных гарнизонов, близкие по своему положению и занятиям к крестьянам, также подвергавшиеся притеснениям со стороны помещиков и чиновников, обратили оружие и воинский опыт против дворянской монархии.

Уже в начале октября посланцы Пугачева прибыли в Черкасскую слободу на Кинеле, где создали повстанческий отряд. До февраля 1774 г. слобода оставалась важным центром восстания, а ее жители сражались в повстанческих отрядах вплоть до осени⁴⁵.

Решительный переход отставных унтер-офицеров и солдат, поселенных в крае, на сторону восставших произошел в декабре 1773 г. Это тем более неприятно поразило сторонников правительства, так как среди бывших гвардейцев «некоторые были в Невском монастыре на погребении Императора Петра III», а потому принятие ими стороны повстанцев разрушало официальную версию о самозванце. Ни присяга, ни даже знание о реальных событиях 1762 года в столице не помешали отставным нижним чинам армейских и гвардейских частей не только выступить самим, но и проявить инициативу в подстрекательстве к мятежу помещичьих крестьян и однодворцев в некоторых селах и деревнях⁴⁶.

Казаки крепостей Самарской линии способствовали занятию их повстанцами, пополнили отряды, собранные пугачевскими атаманами, уходили в главную армию восставших под Оренбургом. Так, в Илецком городке на Яике находился отряд татар-казаков из Мочинской слободы под Самарой⁴⁷.

Пугачевцы в Самаре

В связи с тем что значительная часть гарнизонных войск ушла в поход с Чернышевым, в распоряжении самарского коменданта И.К. Балахонцева, оставалось менее 60 солдат и казаков, включая увечных, больных, престарелых и малолетних, а при имевшихся в городе пушках не оказалось ни одного канонира. Сам комендант был местным уроженцем, взятым некогда на службу рекрутом из крестьян села Актуши на Самарской Луке⁴⁸. Казанский губернатор Я.Л. фон Брант успокаивал Балахонцева: «...по всем известиям нет такой опасности, чтоб злодейская толпа могла распространить свои злодеяния до города Самары». И обнадеживал скорым прибытием регулярных войск «в подкрепление»⁴⁹.

Действительно, главные силы пугачевцев не собирались двигаться к Самаре, но фон Брант не учел логики развития событий в условиях начавшейся гражданской войны, роста стихийного движения вне зоны операций повстанческой армии. Не принимались в расчет и настрое-

ния горожан, хотя посланный «для разведывания о злодее» капитан Бутримович предупреждал в рапорте от 4 декабря, что по поводу Пугачева в Самаре «самый бедный народ радовался о том, чтоб поскорей пришел, чтоб им грабить богатых». Не была надежной и верхушка горожан, имевшая торговые и родственные связи с восставшими яицкими казаками. Так, близкий сподвижник Пугачева депутат оренбургских казаков в Уложенной комиссии Т.И. Подуров «писал... уверительное о самозванце письмо и к самарскому бургомистру Ивану Халевину», своему двоюродному брату⁵⁰. Успехи пугачевцев подогревали симпатии к ним горожан, нежелание последних помогать правительственным войскам.

12 декабря самарский магистрат отказал коменданту Балахонцеву в предоставлении 60 вооруженных человек для защиты города от возможного нападения. Балахонцев связывал угрозу для Самары сначала с появлением на реке Кинель разездов перешедшего на сторону пугачевцев атамана Тощкой крепости Н.Л. Чулошникова, а затем с начавшимся маршем И.Ф. Арапова от Бузулука по Самарской линии. Сведения о численности отряда Арапова и его намерениях комендант имел весьма неточные. Отряд этот, нападение которого ожидалось то ли в ночь с 22 на 23-е, то ли 24 декабря, представлялся Балахонцеву как «злодейская армия» в 500 человек⁵¹.

Чтобы проверить готовность горожан к обороне, Балахонцев утром 24 декабря «вызвал их в едино собрание чрез колокольную тревогу, но и по той для предосторожности противу злодеев ни с каким оружием не один человек не вышел, а вместо того только вышел мужеск и женск пол, стояли на валу и смотрели по дороге в степь, по коей ожидалась злодейская толпа, с одними пустыми руками». Горожане биться с пугачевцами не собирались: это было очевидно. Еще более определенным было настроение ссыльных, которых в связи с прекращением отправки этапов в Оренбург скопилось в Самаре более 300 человек. Они проявили «склонность к соединению в ту злодейскую толпу»⁵².

Вечером того же числа из Алексеевска к Балахонцеву явился знакомый ему купец А. Коротков и сообщил, что в этот самарский пригород вошли 400 повстанцев с немалым количеством пушек, да еще ожидается подход 200 человек, после чего все они двинутся на Самару. Предположения коменданта о подавляющем численном перевесе сил противника как будто бы подтвердились. В шестом часу утра 25 декабря Балахонцев бежал с командой волжских казаков, находившейся в Самаре, и с несколькими солдатами, не предупредив ни жителей, ни даже остававшихся в городе поручика И. Щипачева, двух сержантов и 30 рядовых гарнизонной роты, бросив в городе ссыльных и 6 пушек. Как выяснилось впоследствии, сведения Короткова были намеренной дезинформацией. И.Ф. Арапов прибыл в Алексеевск ночью 23 декабря, заняв без боя в течение двух дней все крепости

и поселения Самарской линии от Бузулука до Самары. Передовые разьезды его отряда вошли в самарский пригород сутками раньше. Они опечатали кабак и соляной амбар, выдержали стычку с разведчиками Балахонцева. 24 декабря после торжественного молебна и чтения пугачевского манифеста от 2 декабря 1773 г., в котором «Петр III» жаловал «истинных сынов отечества» — своих сторонников «всякою вольностию отеческой», атаман обратился к жителям Алексеевска. Арапов призывал их помочь убедить гарнизон и горожан Самары добровольно принять новую власть. Жители выбрали из посадских людей Антона Короткова, который и выполнил данное ему поручение⁵³.

В Самаре после разговора с напуганным Балахонцевым Коротков встретился с депутатами Уложенной комиссии от тамошних казаков и горожан, П. Хопрениновым и Д. Рукавкиным, а также с бургомистром И. Халевиным. Собравшейся в доме Рукавкина верхушке посадской и казачьей общин города были переданы предложения Арапова, тексты манифеста и других обращений Пугачева и его Военной коллегии. Короткову было обещано встретить повстанцев «хлебом и солью», но просили их отложить вступление в город на один день, «дабы не сделалось в городе никакого помешательства»⁵⁴.

Зажиточные жители, во-первых, хотели выждать еще какое-то время для окончательного выяснения ситуации, прежде чем принять новую власть, а во-вторых, опасались волнений в городе, которые могли обернуться против них самих. Однако Арапов решил не откладывать взятие Самары, причем даже вопреки полученному указу пугачевской Военной коллегии, по которому «ему велено было не в Самару итти, но в Сок Кармалы, забрать с собою из крепостей жителей для нападения обще с есаулом Чулошниковым на находящуюся тамо воинскую команду»⁵⁵.

Пугачевский «полковник» использовал чрезвычайно благоприятную ситуацию для своего сравнительно небольшого отряда. В нем на самом деле было всего около 200 человек и только две пушки, захваченные днем раньше в Красносамарской крепости⁵⁶.

Утром 25 декабря, через несколько часов после бегства Балахонцева, началось шествие горожан за крепостные валы навстречу повстанцам; в нем участвовали бургомистр И. Халевин, купеческий староста И. Бундов, священники и диаконы всех самарских церквей во главе с протопопом А. Ивановым, многие «первые граждане» и рядовые жители. После встречи на подъезде к городу процессия двинулась в соборную церковь, где был отслужен молебен. По его окончании сам бургомистр, «потому что он читать мастер», огласил пугачевский манифест, указ Военной коллегии о наборе добровольцев в повстанческую армию и «увещание к народу о поставке в армию в Оренбург провианта» за плату. Затем палили из пушек и угощали всех казенным вином. Жители единодушно кричали здравицу

Петру III «с изъятием буйной и неистовой своей радости»: «Все в городе от мала до велика верили и почитали того самозванца за истинного Петра Третьего и оказывали Арапову совершенное повиновение»⁵⁷.

Должностные лица городского управления сохранили свое положение, казацкие командиры, чины гарнизона оставались при исполнении обязанностей. Так, над солдатами, находившимися в городе, команду принял поручик И. Щипачев, замещавший беглеца Балашонцева.

Пребывание повстанцев в городе не сопровождалось репрессиями. Жители утверждали: «Не видали мы в самом деле никакого ни от кого усилия [*насиллия*. — Ю. С.] ... и не имели в позорище кому-либо какой смертной казни»⁵⁸. Исполнявший при Арапове обязанности палача Н. Курдюков за время похода по Самарской линии и пребывания в Самаре никого не умерщвлял и даже не сек.

Отряд Арапова в Самаре пополнили прежде всего ссыльные. Оказавшись на свободе, они сами через своего вожака, бывшего сызранского купца С. Володимерцева, выразили атаману желание «послужить». С проведенного смотра Арапов отобрал из них в свою команду 120 человек, годных к службе, снабдил лошадьми, вооружил солдатскими ружьями и дубинами.

Численно выросший в Самаре отряд Арапова все же не мог противостоять приближавшимся к городу карательным войскам. Атаман обратился за помощью к горожанам и, в отличие от коменданта Балашонцева, ее получил. Бургомистр приказал «наряжать» на помощь повстанцам жителей с тем оружием, какое у них есть в домах. Среди вышедших по набату утром 29 декабря на лед Волги, чтобы отбить атаку двигавшихся от села Рождествено карателей, было немало горожан⁵⁹.

Плохо вооруженные и фактически не обученные военному делу пугачевцы не смогли выдержать удара регулярной воинской части — легкой полевой команды майора К. Муфеля. Она насчитывала около 500 опытных солдат и даже численно превосходила собранные Араповым силы. Повстанцы, «хотя оные и сильно супротивлялись», потеряли много человек убитыми, общее число которых установить не удалось, так как трупы были «обывателями... покрадены» или занесены снегом⁶⁰.

Ворвавшись в Самару, каратели убили еще несколько пугачевцев. В их руки попали двести человек пленными и вся артиллерия восставших. Некоторые из «первых граждан» переметнулись на сторону победителей. Так, «сыскивать злодеев» поспешили депутат Д. Рукавкин и священник Вознесенской церкви А. Михайлов⁶¹.

Однако такие случаи были скорее исключением. К. Муфель доносил, что ему «все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки»⁶².

Несмотря на его «увещевание о сыске злодеев», их никто не ловил, «и весь народ, разбежавшись, скрылся». На допросах самарские священники отвечали, что из своих прихожан и сограждан никого в сообществе с пугачевцами не видели, бургомистр объявил, что ему не известны ни «сообщники» Пугачева, ни «колеблющиеся в службе ее императорского величества». Участники сражения, взятые в плен, не могли вспомнить «по именам» тех, кто был в бою вместе с ними⁶³.

Несмотря на опасность, горожане укрывали у себя людей из отряда Арапова. Некоторые ушли вслед за разбитыми повстанцами из города.

Арапов с остатками отряда отошел к Алексеевску, куда на помощь атаману поспешили другие повстанческие командиры края. Однако и к правительственным войскам подошло подкрепление – легкая полевая команда подполковника П. Гринева с двумя гусарскими эскадронами. К ней был прикомандирован сотрудник секретной следственной комиссии Гаврила Романович Державин, будущий знаменитый русский поэт. 7 января после ожесточенного боя восставшие оставили Алексеевск, в результате чего исход борьбы за Самару окончательно решился не в их пользу.

Следствие, проведенное Державиным в Самаре, показало, что все жители повинны в переходе на сторону восставших. В этих условиях поголовное наказание было сочтено бессмысленным. Правда, по ходившей по Самаре легенде, сравнительно легким наказанием и отсутствием массовых репрессий горожане были обязаны своему небесному покровителю – митрополиту Алексию. Святой якобы сначала чудесным образом ослепил генерала П.Д. Мансурова, который командовал карательными войсками в Заволжье, а затем даровал тому исцеление в обмен на обещание простить мятежных жителей Самары и испросить для них помилование у императрицы⁶⁴.

К ответственности привлекли только тех, «которые познатнее в городе и которые ежели бы хотя мало хотели показать усердие свое долгу... бы нашли средства показать хороших примеров к подражанию и прочим». Десять горожан «при собрании прочих сего города жителей» были «наказаны нещадно батоги» и отпущены⁶⁵.

В Казань в следственную комиссию передали дела бургомистра, священников, военнослужащих, депутатов Уложенной комиссии, купца Короткова. Последний был по ее приговору повешен в Алексеевске вместе с другим местным жителем – отставным казачьим писарем Горбуновым. В Самаре повесили солдат Курдюкова и Волчкова, изменивших присяге. Современники спустя еще многие десятилетия вспоминали: «Это я вот уж сам видел, лет десятка я был тогда: тут вон на самом-то юру двое мотались на виселице; один-то черный такой, глаза-то выпучил страшны! <...> Ну, евтих, кажись, уж сам Муфельсон вздел туда, больно вишь народ-то подбивали к Пугачу... Поповти целый год под судом содержали, зачем, вишь, допустили присягу [*самозванцу*. – Ю. С.] взять городу»⁶⁶.

Среди остальных подсудимых, по мнению комиссии, также находились лица, заслуживающие смертной казни, но это наказание им заменили. Бургомистр Халевин был высечен плетью и освобожден вместе с депутатом Рукавкиным. Шипачев был лишен офицерского чина, прогнан 6 раз сквозь строй в 1000 шпирютенов, навечно записан в солдаты Сибирских батальонов. Володимерцева приговорили к 50 ударам кнута, наложению клейма и вечной каторжной работе.

Повстанческие командиры и местное самоуправление

События конца декабря 1773 г. в Самаре явились, несомненно, восстанием, но восстанием мирным и до его подавления бескровным. Такой характер событий оказался в значительной мере обусловлен переходом на сторону восставших городских органов самоуправления, превращения их в органы новой власти. Эта ситуация имела сходство с положением в деревне, где также сочетание мирского самоуправления и «царистских» лозунгов не свержения, но «восстановления» законной верховной власти облегчали переход на сторону Пугачева, сотрудничество с военными повстанческими командами.

В чиновничье-дворянском государстве общинное самоуправление у крестьян всех сословных разрядов не могло последовательно развиться заложенные в нем демократические начала. Однако на территории, охваченной восстанием, деревенские миры выходили из-под контроля государственного аппарата и помещиков, освобождались от навязываемых им фискально-полицейских функций. Из органов самоуправления устранялись пособники дворян и царских чиновников, упразднялась вотчинная администрация, ломались искусственные сословные перегородки. Важной обязанностью общин и их должностных лиц становилось оказание помощи войскам повстанцев.

Известны многие случаи, когда восставшие избивали ненавистных приказчиков, бурмистров, выборных и других представителей вотчинной администрации и самоуправления, грабили их имущество, часто нажитое за счет сельчан. В декабре 1773 г. в Бузулуке по приказу И.Ф. Арапова были публично казнены приказчик и староста из деревни помещика И. Племянникова. Приказчик за то, что вопреки указам «нашего государя посылал крестьян на помещичью работу... потому что государь крестьян от господ отнял», а староста за то, что «крестьян разорял и поступал с ними немилостиво»⁶⁷.

На сторонников Пугачева, в свою очередь, нередко шли властям доносы от приказчиков и мирских должностных лиц. Среди таких доносителей оказался «мирской староста» села Ляхова А. Егоров. Впоследствии ему не удалось избежать со стороны мятежников «отмщения» на виселице⁶⁸.

Другая часть представителей вотчинной администрации и мирского самоуправления крепостной деревни поддержала восстание и способствовала его развитию. В октябре 1773 г. староста деревни Пополутовой выступил среди зачинщиков и исполнителей убийства своей помещицы. В занятую повстанцами Самару в конце декабря из правобережных владений графов Орловых «приехали из села Рождественского земской со крестьянами принесть поздравления». Это подтолкнуло Арапова на посылку в орловские вотчины и разнопоместные селения Самарской Луки агитаторов с текстом пугачевского манифеста от 2 декабря. По признанию царских офицеров, те взволновали в «окрестности Самары множество деревень, а некоторые и присягали» Петру III. В Осиновке посланцев Пугачева встретил «приказчик Федор Федоров с хлебом и солью... манифест сам читал всем крестьянам», даже постригся по-казацки⁶⁹.

У государственных крестьян переход на сторону Пугачева органов самоуправления в целом происходил чаще и легче, чем у частновладельческих. Достаточно было признать Петра III, объявившегося под Оренбургом, законным носителем верховной власти, ведь этот разряд крестьян находился в ее подданстве, без промежуточного звена в виде конкретного помещика и его вотчинной администрации.

Показательна переписка выборных Саврушинской и Сарбайской слобод. Речь шла о том, чьи распоряжения следует исполнять – правительственной ставропольской комендантской канцелярии или повстанческого центра в Бугуруслане во главе с депутатом Уложенной комиссии от «не помнящих родства» Г. Давыдовым. Подобные вопросы решались, исходя из выгод местного населения и соотношения противоборствующих сил, как правило, в пользу пугачевцев⁷⁰.

Изгнание помещиков ломало сословные перегородки между отдельными группами крестьянства. Так, в селе Липовка вместе с помещичьими крестьянами выступили однодворцы, впервые в селе состоялся общий мирской сход. На нем избрали должностных лиц для всего села, объединившегося в одну общину: выборного (из крепостных) и его помощника (из однодворцев). В образованный тогда же повстанческий отряд вступили и однодворцы, и крепостные, причем не только помещиков, но и самих однодворцев⁷¹.

Неверно думать, что набор в повстанческие отряды протекал исключительно стихийно. Пугачевское руководство пыталось придать ему определенную организованность. Командиры больших отрядов, в том числе И.Ф. Арапов и Н.Л. Чулошников, снабжались специальными указами Военной коллегии, публикация которых в селениях способствовала увеличению численности повстанческих войск. Предпочтение отдавалось добровольцам («охотникам»), убежденным сторонникам Пугачева («ревнителям к службе»), но военная необходимость заставляла расширять права командиров, которым разрешалось требовать от жителей, сколько «потребно для... вспоможения без всякого

препятствия людей вооруженных». Увеличение военных сил повстанцев стало важной обязанностью крестьянских миров, поскольку именно к ним обращались пугачевские командиры с требованиями о пополнении, если «охотников» не доставало. Служба в повстанческих отрядах, в отличие от ненавистой рекрутчины, воспринималась большинством населения необходимой, хотя и тяжелой мирской повинностью. Для ее обозначения наряду со словом «набор» восставшие часто использовали термины «выбор» и «наряд», свойственные другим общинным обязанностям⁷².

Срыв набора мог повлечь за собой наказание со стороны повстанческих командиров. Когда Арапов послал с письмом о наборе людей в свой отряд к старостам и выборным разных деревень беглого крепостного крестьянина А.А. Маркитанова, а тот не выполнил этого распоряжения, то последнего посадили на время в колодки⁷³.

В случае военных неудач повстанцев Заволжья количество добровольцев снижалось, а значение принудительных наборов для пополнения отрядов возрастало. Это заметили и в правительственном лагере: «Как они, злодеи, от воинских команд страх почувствовали, то иные ими и неволею в свои сборища забраны»⁷⁴.

В условиях же партизанской борьбы летом и осенью принудительные формы набора результатов уже не давали. В сентябре 1774 г., когда восстание очевидно шло на убыль и терпело поражение, в д. Аделяково для пополнения отряда И. Федорова своих односельчан-новокрещен вообще никого не дали, а велели взять пришлых, находившихся здесь в работниках. Данный командир получил в д. Асеево помещика С. Кроткова также одних только временных жителей, пришедших из селений Симбирского уезда и «бывших в работе» в этом имении. В том же месяце И. Опрятков (Захлыстов), потребовав из д. Сосновки Ставропольского уезда 5 человек «в казаки», никого от деревенских жителей не получил⁷⁵.

Вместе со снабжением продовольствием и фуражом своих отрядов повстанческие командиры и сельские миры по приказу пугачевской ставки осуществляли заготовки для главной армии под Оренбургом. Для этого в основном использовался хлеб из помещичьих закромов. Оттуда его брали бесплатно, но перевоз крестьянам оплачивали.

В Ставропольском уезде ударной силой повстанцев являлась вооруженная легкая калмыцкая конница. Калмыки, «ездя по дорогам, селам и деревням Ставропольского и других ведомств... всех без остатку дворян разбойнически разбивали и на всех страх такой навели, что ныне Ставропольского уезду как черкаса, так татара, чуваша и мордва и господские крестьяня к таковому же разорению и мятежу согласились»⁷⁶.

Восставших ставропольских калмыков возглавил сын их правительницы Ф.И. Дербетев. Он имел чин офицера русской армии, но вместе со своей командой перешел на сторону повстанцев, вел набор

калмыков в Главную армию Пугачева и командовал калмыцким полком в ее составе. В январе 1774 г. по поручению Военной коллегии Дербетев в Ставропольском уезде собрал новый отряд из двух тысяч калмыков, крестьян, отставных солдат и горожан. Отобрав из них 600 человек, знавших Ставрополь, атаман 18 января выступил на этот город. С помощью обманного маневра он выманил из Ставрополя большой отряд подполковника Аршеневского, решившего, что повстанцы движутся к Самаре. Дорога на Ставрополь пролегла через мордовскую деревню Узюково, жители которой не только не сообщили в город о появлении повстанцев, но и пополнили отряд Дербетева. В ночь с 19 на 20 января внезапной атакой восставшие овладели Ставрополем. Крепость пала в 5 часов утра без единого выстрела. Командование правительственных войск считало, что «без измены и полошности сего случиться не могло, потому что в Ставрополе было гарнизона и всякого звания с ружьями 249 человек и 6 пушек». Победители находились в городе около трех часов и покинули его, захватив из крепости и домов местного начальства оружие, продовольствие, фураж, одежду. Представители администрации во главе с комендантом были арестованы, а затем казнены на окраинах села Буяна и деревни Каменки⁷⁷.

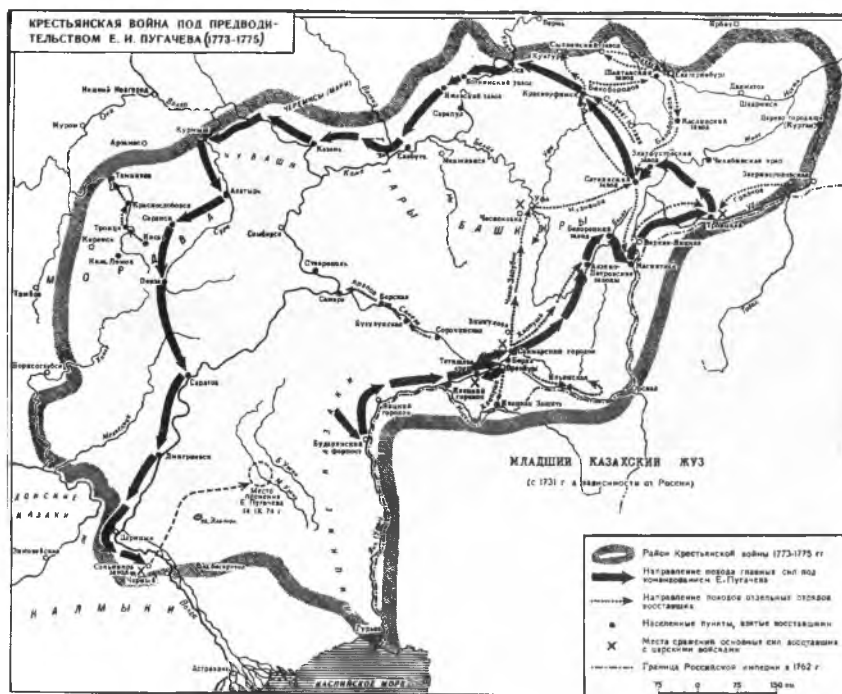
Последующие столкновения с регулярными частями правительственной армии оказались неудачными, и отряд Дербетева отступил на юго-восток. Сам атаман после боя 23 мая 1774 г. на реке Грязнухе получил тяжелое ранение, попал в плен и вскоре скончался. Еще раньше, 22 марта, в сражении у Татищевой крепости пропал без вести, видимо, погиб, атаман И.Ф. Арапов. Г. Давыдов, третий из наиболее авторитетных руководителей повстанческого движения в крае, в феврале отступил со своим отрядом в Башкирию, где продолжал борьбу, но оказался пленен, а затем заколот караульным офицером в казанской тюрьме, несмотря на распоряжение Екатерины II сохранить ему жизнь в уважение его депутатского звания. В искренности императрицы приходится сомневаться, так как за убийство Давыдова никто не понес ответственности.

Среди командиров повстанческих отрядов в северных и восточных районах Самарского края зимой и весной 1773–1774 гг. находились люди разной национальности и сословной принадлежности. Под Черемшанской крепостью был взят в плен и казнен 13 февраля в Билярске О.Ф. Енгальчев, крещеный татарин, выходец из княжеского рода, сын гвардейского офицера. Он был старшиной в большом объединенном повстанческом отряде, командир которого – пугачевский полковник Аит Уразметев из ясачных некрещеных татар – попал также в плен и умер через две недели под следствием. Уже упоминавшийся А.И. Сомов возглавлял большой (до 800 человек) отряд, действовавший под Сергиевском и Тиинском. В феврале он был разбит карательными командами генерала П.М. Голицына, наступавшими от

Казани на Оренбург, а сам Сомов оказался в плену и позже был казнен. Однако остатки его отряда продолжали военные действия до лета⁷⁸.

Наводнив край регулярными правительственными войсками, царские генералы заставили повстанцев частью уйти на соединение с главными силами Пугачева, частью перейти к партизанским методам борьбы. Небольшие отряды продолжали действовать и в Заволжье, и на Самарской Луке, а также нападали на проплывавшие по Волге суда. Местные власти не раз получали летом и осенью донесения. В них сообщалось, что во многих селениях появляются «частые злодейские артели, прокравшись от воинских команд», которые «стали в те жительства въезжать уже не тайно, но явно, а крестьяне, на которых они надеются, снабжают их хлебом, они ж... выпрашивают о помещиках и о дворовых людях, которые не на их руку»⁷⁹.

Разгром главных сил Пугачева позволил властям усилить карательные команды, брошенные на истребление повстанцев. В сентябре 1774 г. через Самарское Заволжье из Яицкого городка на Сызрань под усиленным конвоем, которым лично командовал А.В. Суворов, был провезен пленный вождь восстания, самозванный «Петр III». Однако вооруженное сопротивление в крае удалось подавить только к зиме.

Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева

Восстание 1773—1775 гг. оставило глубокий след в народной памяти жителей Самарского Поволжья. Даже в XIX в. оно рассматривалось местными жителями как этапное событие в их истории: «Пугачев, или правильнее по-нашински Пугач, есть эра, от которой мы ведем свое летоисчисление. Во всем Самарском крае вы услышите: это было до Пугача; ну, это в самую Пугачевщину; ну, а вот это после никак Пугача»⁸⁰.

Управление восставшими территориями в 1773—1775 гг.: деятельность военных властей

К реальному пониманию опасности событий на юго-восточной окраине окружение Екатерины II пришло только к исходу осени 1773 г. 28 ноября 1773 г. Советом при Высочайшем дворе было принято решение о назначении главнокомандующим правительственными силами в районе восстания генерала-аншефа А.И. Бибикова и предоставлении ему чрезвычайных полномочий. Императрица отвергла идею посылки вместе с ним в Оренбург особого губернатора «для управления гражданских дел». В рескрипте Екатерины II, данном 29 ноября 1773 г., вслед за пунктом о назначении Бибикова командующим карательной операцией шел пункт об обязательном выполнении его распоряжений всеми не только военными, но также гражданскими и церковными властями на местах⁸¹.

В ходе Пугачевщины местная администрация была частью истреблена, частью в лице своих представителей бежала с мест службы. Начальники многих губерний, провинций и уездов оказались не в состоянии контролировать ситуацию на местах. Положение осложнилось переходом на сторону повстанцев ряда городских и сельских органов самоуправления. Командование правительственных войск вместе с выполнением своих основных боевых задач вынужденно приняло на себя важнейшие функции внутреннего управления.

Бибиков осознавал особую ситуацию гражданской войны, исход которой решался не только на полях сражений. Он писал в феврале 1774 г. императрице: «Злодей, конечно, не страшен своими силами, но дух, так сказать, всеобщего в здешнем крае замешательства разнородной и разнообразной черни немало труда стоит успокоить»⁸².

Следовало не провоцировать колеблющихся, чтобы те окончательно не перешли на сторону неприятеля. Бибиков выговаривал тем офицерам, которые «вместо ласкового обращения с жителями» запугивают их «казнями и виселицами, что, кроме одного только вреда и жителям огорчения ничего полезного» не приносят⁸³.

Смертную казнь следовало применять, по мнению Бибикова, «осторожно». Многочисленные и частые казни, считал он, теряют эффект устрашения и становятся просто зрелищем⁸⁴.

Императрица соглашалась с этим. Она писала, что «редкие казни производят в тысячу раз больше действия», чем ежедневные⁸⁵.

Чтобы держать население в повиновении, главнокомандующий предлагал использовать не только страх, но и «ласку», «подарки», обещания. Он постоянно обращал внимание на дисциплину в войсках, дабы не допустить произвола и мародерства, которые в тех условиях оказывались не просто уголовными преступлениями, но и политическими просчетами. «Злодейские внушения», полагал он, особо действительны, «когда разорение и грабительство от войск делано будет»⁸⁶.

Жестоко расправляясь в боях и сразу после них с теми, кто поднял оружие, проводя публичные казни и экзекуции для устрашения, военные власти не переходили в терроре определенных границ. Они оставляли возможность «раскаявшимся» и просто отошедшим от восстания вернуться к прежнему образу жизни и занятиям. 27 января 1774 г. Бибиков отдал приказ, чтобы «возвратившиеся от злодеев были всегда ласкаемы, сбережены и отнюдь ни малейшей обиды от команд не претерпели». Это нужно для «ободрения других к таковому же предприятию» [*отпадению от мятежников*. — Ю. С.]⁸⁷.

Такой подход проявлялся не только к крестьянам и вообще гражданским лицам, но и к казакам и другим служилым людям. За казачком-татаринном Турханом Турбуковым из Мочинской слободы тянулся шлейф проступков, которые вполне могли довести до виселицы: соучастие в убийстве слободского сотника и грабеже его имущества, измена и участие в боях на стороне пугачевцев. Добровольная явка властям пересилила все вины, в которых Турбуков признался сам, и по приказу самарского коменданта казак был отпущен на прежнее жительство без всякого наказания. Примечательна судьба казачьего писаря И.Я. Пустаханова, сына атамана Бузулукской крепости. В Военной коллегии Пугачева он стал значительной фигурой, ведя ее делопроизводство. В апреле 1774 г. он попал в плен, был по приговору Секретной комиссии высечен плетью и отправлен под надзор на прежнее место жительства и службы. Все это не помешало ему в 1780 г. получить чин хорунжего, а с 1789 по 1802 г. служить атаманом Бузулукской крепости⁸⁸.

Брал верх трезвый расчет на скорейшее восстановление порядка, на более прочное, нежели военное, умиротворение. Такая политика позволяла сбить накал гражданской войны, умерить жажду мести победителей, не доводить до отчаяния побежденных. Она способствовала изоляции активных пугачевцев в массе разуверившихся людей. Подходы Бибикова разделялись другими просвещенными дворянами, в т. ч. служившим под его началом Г.Р. Державиным⁸⁹.

Со снисходительным подходом к бывшим повстанцам были согласны, конечно, далеко не все, особенно те, кто пострадал от пугачевцев. Депутат Уложенной комиссии от самарского и оренбургского

дворянства И. Толстов негодовал на коменданта Самары, который из попавших в плен «многих выпустил на волю с отдачею на поруки»⁹⁰.

Призывы к более суровым карательным мерам усилились после смерти Бибикова в связи с ужесточением социального противостояния летом 1774 года. К этому времени относится определение на место главнокомандующего графа П.И. Панина, что стало следствием кризисной ситуации, сложившейся в правящих кругах при известии о штурме Казани и движении повстанцев во внутренние губернии. Фрондер и «дерзкий болтун», как его называла Екатерина, был призван на роль спасителя империи, получив экстраординарную должность «главного начальника над губерниями: Нижегородскою, Казанскою и Оренбургскою». Кроме того, императрица заявила, что ему автоматически передается власть во всех остальных местах, если там появится «зараза»⁹¹.

Распоряжения Панина получали обязательную силу для властей указанных губерний без предварительного одобрения их Сенатом или императрицей. Более того, их губернаторы могли передавать свои доношения в Сенат или Екатерине только после резолюции Панина⁹².

Панин угрожал в циркуляре от 25 августа массовыми репрессиями против восставших селений с преданием смерти участников выступлений и поголовным телесным наказанием всех остальных жителей. Несмотря на одобрение свыше и на сочувствие в дворянских кругах, реальность заставила Панина действовать более осмотрительно. 30 августа он пояснил, что наиболее жестокие угрозы его циркуляра направлены «на единое токмо устрашение» без осуществления массовых казней⁹³.

Жестокая трактовка карательных мер, предложенная поначалу, постепенно сближалась с прежним осторожным подходом к смертной казни. Террор на практике представлял не политикой истребления, а мерой психологического воздействия, не довершал обескровливание и разорение районов восстания.

Вооруженное сопротивление удалось окончательно подавить зимой 1774–1775 г., однако по мере решения собственно военных задач все острее давали о себе знать вопросы внутреннего управления. Многие ответственные лица из правительственного лагеря ставили вопросы о причинах происходящего. Не подвергая сомнению основы общественного и государственного устройства, они указывали на очевидные недостатки системы управления, особенно местного. Державин писал 4 июня 1774 г., что требуется «остановить грабительство, или, чтобы сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощает людей». Именно это «всего более поддерживает язву, которая свирепствует в нашем отечестве»⁹⁴.

В одах 1774 года Державин ставил в один ряд с официально признанным «злодеем» Пугачевым неправедных вельмож. Он же высказывал мысль, что братоубийство порождено взаимной ненавистью господ и подданных⁹⁵.

Схожие мысли выражал полковник А.И. Свечин, посылая Панину «Экстракт» по результатам комиссии, проведенной им в Поволжье в 1763–1764 гг. и вскрывшей многочисленные факты произвола и злоупотреблений⁹⁶. В том же ключе рассуждала сама императрица. Армия осталась единственным надежным средством в борьбе с восстанием не только из-за военной мощи, заключала она в письме Панину от 21 августа, но и потому, что местные власти окончательно потеряли доверие народа, «раздражая городских и уездных жителей неправосудием и мздоимством»⁹⁷.

Панин пытался навести порядок среди подведомственного ему военного и гражданского начальства. Он предупредил, что дела «о взятках и неправосудии» станут производиться по процедуре военно-полевых судов. 4 ноября 1774 г. он наделил органы местного самоуправления в районах только что утихнувшего мятежа дополнительными правами по защите населения от произвола вымогателей, «невзирая ни на какой чин и лицо»⁹⁸.

Екатерина одобрила действия Панина⁹⁹. Трудно судить о реальной действенности мер по обузданию корыстолюбия, но надо признать значимость громкого и решительного осуждения пороков власти для достижения более прочного умиротворения.

Еще одной заботой стал неурожай. Продовольственная проблема превращалась в политическую. Панин опасался обострения обстановки при голоде. В ноябре было решено ввести твердые цены на основной продукт питания – ржаную муку и на главную фуражную культуру – овес. Не допускался вывоз хлеба из неурожайных районов в другие места. Несмотря на законодательное запрещение крестьянам вступать в казенные подряды, Панин добился от Сената разрешения заключать контракты на оптовые поставки хлеба с лицами этого сословия. Повышалась плата подводчикам за доставку провианта. Чтобы сократить потребность в продовольствии, командующий прекратил передвижения войск в подведомственных ему губерниях, отменил ввод сюда дополнительных военных сил, распустил собранное дворянами ополчение.

Наместником обширного края Панин оставался до рескрипта 9 августа 1775 г., восстановившего функции гражданских органов власти и ликвидировавшего чрезвычайное управление. Среди итогов этого управления отметим следующие. Территории военного противостояния не обезлюдели и не утратили накопленный хозяйственный потенциал; потери от боевых действий не усугубились массовыми реп-

рессиями; был предотвращен голод; не вспыхнули эпидемии; появились условия для изменения порядка деятельности местных властей и самоуправления.

Уроки восстания были учтены правительством Екатерины II. Начались реформы, направленные на укрепление абсолютистской монархии и создание более эффективной системы управления на местном уровне.

§ 4. ВОЗДЕЙСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕФОРМ ЕКАТЕРИНЫ II НА ОРГАНЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ГОРОДСКУЮ ЖИЗНЬ

Административные реформы

Бунт Пугачева, потрясший государство Российское, подтолкнул Екатерину II к проведению реформы административного устройства. Подавление восстания укрепило верховную власть монарха, органы центрального управления делили с императрицей славу умиротворителей мятежа. На местную же администрацию возложили всю ответственность за то, что из искр постоянно тлеющего недовольства разгорелся всероссийский пожар Пугачевщины. Подобные обвинения рождались не только из желания снять эту ответственность с высших государственных учреждений и самого общественного строя, но имели под собой и более серьезные основания.

Среди причин, вызвавших народные волнения, не на последнем месте стояли взяточничество, волокита, произвол местного суда и управления. Для излечения этих хронических недугов еще в дворянских наказах Уложенной комиссии предлагалось создать местные дворянские корпорации и предоставить им право участия в органах власти.

Проведение масштабной реформы местного управления и суда было начато принятием «Учреждения для управления губерний» 7 ноября 1775 г. Положения этого закона были уточнены и дополнены «Жалованными грамотами» дворянству и городам, которые были изданы 21 апреля 1785 г., а также «Уставом благочиния или полицейским» от 8 апреля 1782 г.¹⁰⁰ С некоторыми изменениями сложившаяся тогда система местного управления, самоуправления и суда сохранялась до Великих реформ 1860-х гг.

Не говоря прямо об уроках пугачевского бунта и о требованиях «благородного» сословия, утвержденные 7 ноября 1775 г. «Учреждения о губерниях» обосновывали необходимость областной реформы тем, что существующие губернии излишне обширны и не имеют достаточного числа учреждений и чиновников, а потому подлежат разукрупнению. Пересматривались границы уездов. Вводились новые штаты должностных лиц.

Реализация реформы по России, в том числе в Поволжье и Приуралье, происходила постепенно. 15 сентября 1780 г. был издан указ об образовании Симбирского наместничества (губернии). Сюда отошла основная часть Самарского края. Земли на Самарской Луке, по нижнему течению Сока, Кондурчи, Самары, Мочи, Безенчука и далее на запад по левому берегу Волги образовали Самарский уезд. Территории к северу и западу от Самарской Луки вошли в Сенгилеевский и Сызранский уезды соответственно. В последнем также оказались заволжские земли к югу от Луки до реки Чагры. Левый берег Волги к северу от Луки до реки Черемшан и за нее был включен в Ставропольский уезд все той же Симбирской губернии.

23 декабря 1781 г. было образовано Уфимское наместничество (с 1796 г. — Оренбургская губерния). Территория Самарского Заволжья вошла в его Сергиевский уезд (вскоре упраздненный), заняла западные части Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского уездов.

Еще раньше, 11 января 1780 г., вышел указ об учреждении Саратовского наместничества (губернии). В его границах находилась еще практически безлюдная заволжская степь к югу от рек Чагры и Мочи.

В екатерининское время резко выросла роль сословного представительства. Исполнительная и судебная власть формировалась на уровне губернии в значительной мере, а на уездном уровне практически полностью на собраниях местного дворянского общества. Для проведения дворянских собраний и выборов на должности, которые дворянству поручалось замещать, был использован опыт собраний выборщиков и избрания депутатов в Уложенную комиссию 1767 года.

Губернские и уездные дворянские собрания происходили раз в три года. В ходе дворянских собраний дворянство заслушивало предложения генерал-губернатора или губернатора по местным нуждам, давая на них ответы, а также могло само делать представления «о своих общественных нуждах и пользах». На этих же собраниях проходили выборы лидеров местной сословной организации: губернских и уездных предводителей дворянства. Для решения внутрисословных вопросов, главным образом составления и ведения родословных книг, создавалось постоянно действующее дворянское депутатское собрание. Впрочем, более важными следует считать выборы дворянских представителей на должности местного управления. Как показывают подсчеты исследователей, по дворянским выборам замещалось около трети всех должностей в системе губернского управления и суда. Кроме того, еще треть должностей губернского уровня замещалась обязательно из местного дворянства, но не по выборам, а по представлению наместника, губернатора или губернского правления¹⁰¹.

В губерниях выборные или назначенные дворянские представители играли подчиненную роль по сравнению с коронными чиновника-

ми: заместителем (или генерал-губернатором), правителем или начальником губернии (губернатором), вице-губернатором и др. Иная ситуация складывалась на уездном уровне. Дворяне из своей среды избирали чиновников уездной администрации и полиции. Называлась выборная уездная администрация «нижним земским судом», а ее руководитель — «земским исправником» или капитаном-исправником. Важнейшими для них являлись полицейские функции, в том числе направленные на предотвращение новой Пугачевщины. Капитан-исправнику предписывалось, если «окажется в чем ослушание от целого селения», приложить «старание о приведении ослушных в послушание». Он же должен был заботиться «о истреблении скопища воров или беглых людей»¹⁰².

Содержалась уездная администрация за счет не государственной казны, а специальных «земских сборов» с местного населения. Слово «суд» здесь употреблено в архаичном значении «орган власти вообще». Собственно судебные функции были формально отделены от административно-полицейских и переданы другому органу, называвшемуся «уездным судом». Уездный судья и два заседателя уездного суда также определялись по дворянским выборам. Эти же лица входили в состав еще одного учреждения — дворянской опеки, в которой председательствовал уездный предводитель дворянства.

Отдав дворянству формирование административно-полицейских и судебных органов в уездах, правительство не допускало выборных в финансовое ведомство. Чиновники уездного казначейства, ведавшего приемом и хранением сборов и доходов, выдачей денежных сумм, паспортов и свидетельств на право торговли, продажей гербовой бумаги и клейменных мер, назначались сверху. Не были выборными и должностные лица, осуществлявшие прокурорский надзор: губернские прокуроры и уездные стряпчие.

Возвращаясь к проведению дворянских собраний и выборов, отметим, что, по «Жалованной грамоте», на них разрешалось присутствовать всем местным дворянам (т. е. занесенным в родословную книгу данной губернии), но права голоса лишались те, кто не владел деревней и был моложе 25 лет. Из числа дворян, обладавших правом голоса, не могли быть избранными на должности лица, получавшие со своих деревень менее 100 руб. ежегодного дохода. Права избирать и быть избранными лишались дворяне, никогда не служившие государству или за время службы не получившие обер-офицерский чин.

Управление городами и их застройка

Город считался отдельной административной единицей. Его жители также имели свои органы сословного представительства, но, в отличие от уездного дворянства, не влияли на административно-поли-

цейские учреждения городского уровня. Исполнительную власть возглавлял здесь городничий, назначаемый сверху. Эту обязанность могли также возложить на военного коменданта, как это было в Самаре до 1787 г., когда сюда назначили первого гражданского городничего Г.А. Буткевича¹⁰³.

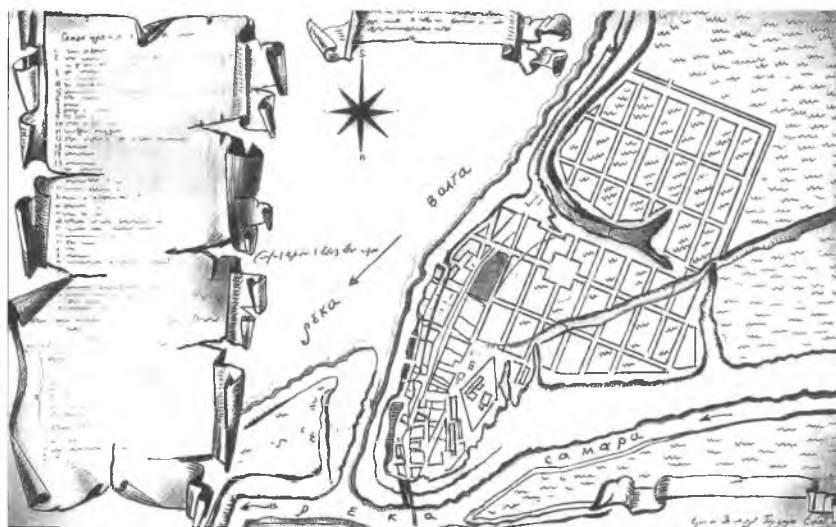
По традиции главные правительственные учреждения и казенные службы располагались на территории городской крепости даже тогда, когда военное значение оказывалось ею утрачено. В Самаре «присутственные места» (органы управления и суда) были открыты 13 января 1781 г. и заняли сначала старые казенные постройки внутри остатков валов старого «земляного замка», а вскоре там же для них выстроили два каменных здания, причем одно из них, обнесенное каменной же оградой, в два этажа. На верхнем расположились нижний земский суд и городническое правление (уездная и городская администрация), уездный суд и дворянская опека (учреждения суда и опеки для «благородного» сословия). На нижнем этаже — уездное казначейство (касса приема денежных сборов и выдачи денежных сумм по распоряжениям властей), помещения для хранения денежной казны, архива, а также квартира городничего. В одноэтажном каменном здании находились кордегардия караула и тюрьма. Рядом располагались деревянные помещения, где хранились имущество военной команды, казенное продовольствие и вино¹⁰⁴.

Дом учреждений городского самоуправления был деревянным и стоял на посаде вне крепости. В нем разместились городской магистрат (суд для горожан), сиротский суд (орган опеки для них же), дума, которая осуществляла распорядительные функции и ведала городским хозяйством, благоустройством, защитой сословных прав купцов и посадских людей. «Градское общество» имело статус юридического лица, обладало собственностью, получало доходы со своих имуществ, облагало своих членов специальными сборами.

Основным элементом городского организма являлся двор-усадьба с жилыми, хозяйственными строениями, огородами, садами. В начале 1780-х гг. в Самаре насчитывалось 634 двора. Они распределялись между отдельными категориями населения следующим образом: 18 дворов дворян и офицеров, 7 подъячих, 15 церковнослужителей, 201 военнослужащих и отставных нижних чинов, 49 разночинцев, 144 казаков, 200 дворов купцов, мещан, цеховых ремесленников¹⁰⁵.

В соответствии с количеством дворов устанавливалась численность полицейских чинов в каждом городе. Еще не совсем привычное русскому уху слово «полиция» часто заменялось или пояснялось его отечественным синонимом «благочиние». Принятый в 1782 г. закон так и назывался «Устав благочиния или полицейский». Общегородским полицейским учреждением становилась управа благочиния. Ее пред-

седателем являлся глава городской администрации (городничий или комендант), а членами – два пристава уголовных и гражданских дел, два ратмана из магистрата. Небольшие города Самарского края имели не более одного полицейского участка во главе с частным приставом, имевшим свою канцелярию, которую в просторечии именовали просто «частью» или «съезжей». Помощниками пристава в части были 2 городских сержанта и один «брантмейстер или огнегасительный мастер»¹⁰⁶.

«Геометрический план» города Самары 1782 г. Из кн.: Каркарьян В.Г. Самара – Куйбышев – Самара, или Три портрета одного города. Самара, 2014

Полицейские участки по «Уставу» делились на кварталы из 50–100 дворов. В соответствии с этой нормой симбирский губернатор предложил в 1786 г. поделить Самару на 6 кварталов, Сызрань (776 дворов) – на 9, Ставрополь (494 двора) – на 4. Но в столице решили, что число «оных можно, кажется, уменьшить» для экономии казенных расходов, а именно, до 4 кварталов в Самаре, до 6 в Сызрани, до 3 в Ставрополе, в котором к тому же организации отдельного участка во главе с частным приставом вообще не предусматривалось¹⁰⁷.

В конце XVIII в., когда число дворов в Самаре увеличилось до 707, в ней было уже 5 кварталов. В соответствии с этим числом в городе стояло «питейных домов пять, будок для содержания городского караула пять». Полицейский надзор в каждом квартале осуществляли два штатных чина, квартальный надзиратель и его помощник – квартальный поручик, а также 12 ночных сторожей, «которым плата производится за каждую ночную стражу».

Полиция обязывалась следить не только за правопорядком, но и за частной жизнью обывателей. В «Устав благочиния» сама императрица включила нравственные руководства для полицейских чинов («с пути сошедшему указывай путь», «буде скотина и злодея твоего споткнется, подыми ее» и др.) и горожан («жена де пребывает в любви, почтении и послушании своему мужу», «запрещается всем и каждому пьянство» и т. п.)¹⁰⁸.

Все же заметно большее воздействие на нравы и души имела церковь, нежели царские указы. В конце XVIII в. в Самаре действовало пять церквей, в том числе два каменных храма: Казанский собор с Никольским приделом и церковь Преображения упраздненного мужского монастыря, обращенная затем в приходскую. Деревянными были приходские церкви Вознесения и Успения (бывшая монастырская), а также перенесенная на кладбище бывшая соборная Троицкая. В 1807 г. Вознесенская и Успенская церкви сгорели и долго не возобновлялись. При церквях числились четыре богадельни, «построенные из церковных доходов для неимущих, в коих число душ неопределительно, и питаются от доброхотных подаением»¹⁰⁹.

В Сызрани кроме Вознесенского мужского монастыря с каменной церковью стояли каменные же Христорождественский собор, надвратная церковь Спаса Нерукотворного, приходские храмы Казанской Богоматери, Сергия Радонежского, Успения, Илии Пророка. Приходские церкви Иоанна Предтечи и Троицы были деревянными. Свою церковь имела пригородная Преображенская слобода. Присутственные места здесь были открыты 16 января 1781 г. в здании бывшей воеводской канцелярии на территории прежней крепости.

В Ставрополе, в отличие от Самары или Сызрани, крепостные сооружения в XVIII веке еще сохранялись, и внутри них находились жилые дворы. В крепости же помещались два собора, каменный Троицкий и деревянный Андреевский, обычные для уездного города присутственные места (открыты 10 января 1781 г.), казенные склады. Сохранились в Ставрополе комендантская и Калмыцкая войсковая канцелярии, а также открылись две школы и больница. Кстати, в других городах нашего края не было ни учреждений образования, ни здравоохранения. В ставропольских слободах, Купеческой и Солдатской, стояло по одной приходской церкви – Успения и Рождества Богородицы соответственно. Эти храмы, как и Воскресенская церковь на кладбище, были деревянными¹¹⁰.

Численность, состав и занятия горожан

Население Самары к концу XVIII в. достигло 4 тыс. чел. Здесь проживало (вместе с членами семей) около 30 дворян и лиц офицерского чина, 120 священно- и церковнослужителей, 250 дворовых лю-

дей, 60 разночинцев (одиндворцев, ямщиков, отставных солдат, ссыльных), 900 служилых и отставных казаков, 2250 купцов и мещан православного вероисповедания и 140 старообрядцев. Еще 100 постоянных жителей — это инвалидная команда, составлявшая самарский военный «гарнизон». В это же время население Ставрополя составляло свыше 2,5 тыс. чел., в том числе около 250 дворян и офицеров, 90 церковно- и священнослужителей, 120 дворовых и столько же разночинцев, 940 отставных военнослужащих, более 800 купцов и мещан, а также до 220 калмыцких старшин и рядовых. Одновременные сведения по Сызрани имеются только в отношении податного населения, самого многочисленного среди городов края: 3100 купцов и мещан, более 250 разночинцев, около 70 дворовых¹¹¹.

Города эти были и не очень многолюдны, и невелики по размерам. Территория Сызрани занимала 326 десятин, Ставрополя — 178, Самары — 316, из них 93 десятины приходилось на неудобья (овраги, пустыри и т. д.), свыше 200 дес. лежало «под поселением, садами, огородами... под улицами и проулками», а чуть более трех дес. — «под земляными крепостью». Еще 9 дес. занимали две самарские торговые площади, которые назывались Верхним и Нижним рынками, «на коих производятся торги только по воскресным дням привозимым из окрестных селений крестьянским разным хлебом и всякими жизненными припасами». На Нижнем рынке торговали только летом, на Верхнем — круглый год.

Приезжий люд, особенно крестьяне, продавали свой товар «со стругов», «с возов», «с полков». Городские купцы торговали в лавках. Если не считать тех лавок и амбаров, в которых продавали, скупали, хранили продукты питания (зерно, муку, хлебные изделия, мясо, сало и т. д.), то в Самаре в конце XVIII в. оказывалось всего 9 «лавок шепетильных». Общее число торговых помещений в Сызрани составляло 124, в Ставрополе — 31. Все торговые заведения в городах края были деревянными.

Особой активностью торговая жизнь Самары конца XVIII — начала XIX в. не отличалась. Лишь малая часть товарооборота приходилась на дорогие привозные шелковые, суконные и льняные ткани, чай, кофе, виноградные вина. В основном торговля велась «мелочными товарами», как правило, закупленными оптом на больших Макарьевской и Карсунской ярмарках. Продукция немногочисленных самарских ремесленников играла в торговле незаметную роль. В обмен Самара поставляла прежде всего хлеб, привозимый сюда крестьянами или скупленный в «окрестных селениях».

Главный путь привоза и вывоза товаров — Волга, на которой самарская пристань действовала «во все летнее время». По реке Самаре не было «судового ходу и гонки плотов», лишь весной, в половодье,

пузатые баржи заходили в ее устье и загружались хлебом, свезенным зимою и хранящимся в амбарах на берегу.

Наряду с работой на пристанях и судах многие горожане занимались извозом на сухопутных дорогах и зимниках по льду. Перевозы через Волгу и другие крупные реки сдавались городскими думами в аренду «разным людям и за разные цены». Самым распространенным видом судна у волжских перевозчиков был дощеник (досчаник) — большая лодка с палубой-настилом, на которой можно было переправлять повозки, телеги, экипажи.

Особенно важными были перевозки в тех местах, где к рекам выходили дороги, имевшие статус почтовых и являвшиеся объектом заботы государства. В селениях Самарского края, через которые проходили пути, соединявшие губернские и уездные центры, устраивались почтовые станции. Тракт из губернского Симбирска в Самару пересекал современные Шигонский, Ставропольский и Волжский районы нашей области. На нем стояли станции в селах Маза, Усолье, Жигули, Аскула, деревне Борковке (где теперь село Новинки). От Жигулей шли ответвления этой дороги на Ставрополь и через Перволоки и Костычи на Сызрань, а от нее на Саратов¹¹².

К волжской переправе под Сызранью выходил большой скотопронный тракт из степей Заволжья и Южного Урала, делавший этот город важным посредником в торговле скотом и продуктами животноводства. В Сызрани на рубеже XVIII—XIX вв. действовал 21 кожевенный завод. Такая особенность Сызрани была законодательно закреплена появлением на гербе города черного быка.

Под «заводом» в терминологии XVIII — начала XIX вв. подразумевалось не обязательно большое промышленное предприятие, но и сколько-нибудь значительные ремесленные мастерские. Правда, и при таком расширительном толковании описания Самары и Ставрополя утверждали, что в этих городах «заводов и фабрик никаких не имеется». Даже такой немудреный товар, как посуда, в том числе глиняная и деревянная, покупалась у деревенских мастеров или у «пловущих рекою Волгою... промышленников».

Неудивительно, что города Самарского края сохраняли черты сельскохозяйственного поселения: «Большей частью как купцы, так и мещане сверх мастерств своих занимаются скотоводством и в саждении на дачах им принадлежащих арбузов, дынь, перцу, луку и огурцов». Обыватели получали также хорошие урожаи капусты, свеклы, моркови, картофеля. В Сызрани, как уже упоминалось, развито было и садоводство. «Собираемые плоды и огородные овощи употребляются для своего домашнего обихода, а частью и на продажу», включая и отдаленные города, куда их «отвозят по Волге на расшивах»¹¹³.

Продажа овощей и фруктов свидетельствовала о том, что в городских условиях сельское хозяйство из подсобного занятия превращалось в разновидность промысловой деятельности. При этом горожане все более ориентировались на производство иного товара, чем хлебопашество крестьяне. «Можно сказать, что по мере развития городов хлебопашество сокращалось, а огородничество, садоводство и скотоводство не только прогрессировали, но и стали высокотоварными еще до наступления капиталистической эпохи»¹¹⁴.

В качестве примера для Самарского края можно привести производство стручкового перца. Во многом благодаря жителям именно Самары пошел процесс интродукции этой южной культуры в средней полосе России. Производство перца требовало тщательного выращивания рассады, ежедневного полива до снятия урожая, при неблагоприятной погоде — дозревания снятых стручков в доме, переработки зрелого перца, сушки, толчения в ступах. Сбор перца в Самаре достигал 1500–2000 пудов. Цена была достаточно высокой: пуд перца — 2–2,5 руб. Расходовали перец экономно, не больше стручка в месяц¹¹⁵.

Городские земли

Сельскохозяйственные занятия горожан требовали гораздо больших земельных угодий, чем небольшой участок при усадьбе, и города края имели обширный земельный фонд, являвшийся собственностью «градского общества». Так, «городские выгонные земли с поселенными на оной хуторами... общего владения... купцов, мещан и... служилых казаков» Самары составляли более 32 тыс. десятин даже после того, как свыше 7 тыс. дес. изъяли в казну, а еще более 0,5 тыс. дес. передали государственным крестьянам ближних селений. По поводу еще 135 дес. велись споры между городской общиной и дворянами, также заведшими свои хутора на самарской выгонной земле¹¹⁶.

Кроме того, Самаре принадлежали 2,5 тыс. десятин пахотной земли, 3 тыс. дес. степи, 5 тыс. дес. дровяного лесу, 2,8 тыс. дес. солонцов и неудобий. Всего сельскохозяйственные угодья самарских жителей достигали 46 тыс. дес. — в 150 раз больше площади самого города. На каждого жителя вне зависимости от пола, возраста, сословия приходилось в среднем более 11 десятин.

Горожанам Самары принадлежали также рыбные ловли, важнейшими из которых были Соковские и Подгородные, которые первоначально располагались по обоим берегам Волги. Ссылаясь на преимущественное право помещиков на угодья, которые «прикосновенны» к их вотчинам, граф В.Г. Орлов предъявил претензии на указанные рыболовные места как прилегающие к его крепостной Рождественской волости. Сенат принял компромиссное решение, разделив эти ловли между городом (по левому берегу Волги) и графом (по правому).

Но самарская половина заносилась песком, а в самую богатую рыбой Быстренькую воложку у села Рождествено городских ловцов не пускали. Самарская городская община стала требовать нового передела угодий по берегам Воложки. Не дожидаясь решения сверху, арендаторы самарских ловель со своими работниками начали явочным порядком добычу рыбы в Воложке, что вызвало столкновения с Рождественской вотчинной администрацией. Правда, исправник отобрал и вернул самарским ловцам снасти и улов, захваченные было людьми графа. Городские купцы, в свою очередь, не давали вытягивать из садков наловленную рыбаками графа рыбу, за возвращение своего улова им пришлось поделиться с самарскими уездными властями¹¹⁷.

В конце концов город проиграл судебный процесс и потерял наиболее ценные рыболовные угодья. В то же время попытки Орлова занять часть других сельскохозяйственных угодий Самары, например Барбошину поляну, оказались безуспешными. Поверенным графа не удалось разыскать документы, которые позволяли бы на законных основаниях затеять еще одну тяжбу за самарские земли.

Меньше повезло жителям Ставрополя. Нашлись формальные зацепки, позволившие В.Г. Орлову утверждать, что сам город и отведенные ему угодья занимали часть пожалования, которое братья Орловы получили от Екатерины II. Хотя со времени основания Ставрополя прошло шестьдесят, а со времени пожалования Орловым тридцать лет, тем не менее в 1798 г. эти земли были признаны спорными. За такое решение землемер получил от графского поверенного 2300 руб., а члены губернской межевой канцелярии – еще 15 тыс. руб. Около 9 тыс. было истрачено на хлопоты в столичном Сенате, утвердившем прошение графа.

В итоге в 1811 г. Орлову отошли более 1,2 тыс. дес. городских лугов (еще 2 тыс. руб. членам межевой конторы), а позднее такая же площадь богатых поемных сенных покосов. Граница земель графа и города оказалась проложена так (дополнительно 10 тыс. руб. от помещика), что ставропольский выгон фактически отрезали от воды. Горожане не могли оставить свой скот без сена и водопоя и в то же время не собирались платить графским управителям за аренду отнятых угодий. Начались неизбежные столкновения, доходившие до рукоприкладства, недалеко было и до кровопролития. Сенат оказался вынужден взять дело к пересмотру и сделать уступки ставропольцам относительно пересмотра границы. Однако вернуть уже отошедшие Орлову земли им не удалось, хотя дело тянулось аж до 1833 года.

В начале XIX в. земельные угодья Ставрополя и Сызрани значительно уступали самарским, немногим не достигая 6 тыс. дес.: у ставропольцев 2650 дес. выгона и покосов со степью, 2250 дес. строевого леса (основательно вырубленного крестьянами Орлова во время тяжбы),

а у сызранцев — 1,5 тыс. дес. пашни и 2,5 тыс. дес. степи с выгоном, покосами, а также 1,2 тыс. дес. дровяного леса. Остальные площади, отведенные горожанам, считались неудобьями¹¹⁸.

Изменения, внесенные в жизнь городов Самарского края областной реформой Екатерины II, социально-экономическими процессами конца XVIII — начала XIX в., как можно видеть, больше всего затронули деятельность административных учреждений. В меньшей степени перемены коснулись торговли, сельскохозяйственных занятий и совсем незначительно промышленности.

§ 5. ПРОВЕДЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВНИЯ И ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

Генеральное межевание на Средней Волге и в Заволжье

Важнейшим мероприятием российского абсолютизма конца XVIII в. наряду с областной реформой стало проведение Генерального межевания. В его ходе за собственниками земли утверждались права на недра, леса, воды на территории их владений. Целью грандиозной землеустроительной работы было упорядочение казенного и частного землевладения, разрешение споров между владельцами сельскохозяйственных угодий, поощрение к заселению неосвоенных земель. В наиболее благоприятные условия при межевании ставились помещики. За ними утверждались все занятые, «хотя и несправедно», государственные земли при условии, что они не являются предметом какого-либо спора. Конфликтующим предлагалось «с соседями своими полюбовно разводясь... сделать себя достойными к получению в вечное и потомственное за собою утверждение» захваченных у казны земель. Как считают специалисты, «введение принципа “полюбовного соглашения” в качестве важнейшего условия проведения межевых работ с очевидностью повысило их эффективность»¹¹⁹.

О проведении Генерального межевания объявили еще в 1765 г., но разграничение и обмер всех (!) землевладений Европейской России были делом непростым, долговременным и проводились постепенно. Лишь в 1797 г., когда уже в основном оказались обмежеваны центральные и западные районы страны, объявили о Генеральном межевании в Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерниях. Началось оно еще год спустя. В этих малонаселенных и многоземельных губерниях на помещичьих крестьян в случае недостатка земли в вотчине и наличия рядом свободных земель могли бесплатно нарезать участки пахотных и прочих угодий. Предоставлялось право

выкупа в собственность казенных земель, снятых прежде в аренду или просто находящихся по соседству с помещьем. Правительство рассчитывало, что в результате «многим помещикам к размножению экономии прибавятся способы». Определение размеров и границ касалось здесь не только уже сложившихся, но и вновь возникавших имений и дач. Проведение межевания переплелось с процессами продолжавшейся вольной и помещичьей колонизации, ускорившегося заселения и освоения многих районов Самарского края. В течение 5–10 лет земельные владения Самарского края были в большинстве своем обмежеваны, хотя формально Генеральное межевание закончилось позже. Так, в Оренбургской губернии оно длилось 45 лет, в Саратовской – 38, в Симбирской – 24 года¹²⁰.

Отдельные мероприятия из числа предусмотренных Генеральным межеванием начали осуществляться в Среднем Поволжье и до 1798 г. Особый интерес вызвало у помещиков разрешение покупать пустующие казенные земли. Так, в 1776 г. подпоручик С.Д. Стромиллов, имевший в деревне Елшанке 50 дес. пожалованной ему земли на 80 душ мужского пола, просил разрешить ему покупку «в смежности» 500 дес. по рекам Соку и Чесноковке «в вечное потомственное владение», и эта земля была ему продана по 70 коп. за десятину¹²¹.

До начала Генерального межевания в Заволжье здешние владельцы могли обмежевать при необходимости земли за свой счет. В 1776 г. об этом просила А.М. Юматова. Ей принадлежали сельцо Юматовка и деревня Екатериновка, «которые ограничены... рекою Соком и речками Большой и Малой Боровками... и состоят от смежных дач необмежеванными, а через то с соседственными землями происходят споры»¹²².

Подобное, так называемое «своекоштное», межевание обходилось дорого. К нему прибегали, как правило, люди состоятельные. По всей России этим порядком обмежевали только 557 землевладений, в том числе имения графов Орловых в Поволжье. При межевании в 1770-е гг. Усольской вотчины, южная заволжская граница которой была неопределенной, по распоряжению Екатерины II происходило наделение степных селений Орловых свободными землями по норме Межевой инструкции (8 десятин на крепостную душу мужского пола). Братья поторопились поставить на Левобережье Волги и ее притоке Безенчуке новые поселки, куда спешно переводили крестьян из старых сел и деревень на Самарской Луке. Таким образом им удалось получить гораздо больше земель, которые межевщики нарезали в степи к наличному населению новопостроенных Екатериновки, Владимировки, Федоровки, Алексеевки, Ивановки (Никольского), Григорьевки, Александровки. На рубеже XVIII–XIX вв. в них уже числилось 682 двора и 5 тыс. жителей¹²³.

В отношении казенных крестьян Межевая инструкция устанавливала 15-десятинную «пропорцию» на душу мужского пола, сверх которой угодья из их пользования изымались. Последнее часто происходило во вновь заселяемых районах, где вольные переселенцы занимали большие площади свободных земель. При межевании у государственных крестьян села Титовка с окрестными деревнями и деревни Липяги было отрезано 11 тыс. и 3,5 тыс. дес. пахотной земли и покосов соответственно¹²⁴.

Пострадали и некоторые не очень состоятельные помещики, которые, захватив свободные земли, не смогли их освоить и заселить, а потому вынужденно отдавали казне как «излишне присвоенные». Правда, в отличие от упомянутых государственных крестьян, помещики, как правило, теряли угодья, еще не вовлеченные в сельскохозяйственный оборот. В окрестностях Самары подобные потери понесли помещики Молостов и Стромилова. У последней, владевшей деревней Подстепновкой, где числилось всего 2 двора и 20 жителей, отрезали в казенное ведомство более 500 дес.¹²⁵

Прежние пользователи земель, изъятых при межевании, могли сохранить их за собой, но теперь на правах аренды и за дополнительную плату. На беду государственных крестьян, осевших в низовьях реки Мочи, их бывшие земли привлекли внимание знатного и влиятельного соседа графа В.Г. Орлова.

Расширение крупного помещичьего землевадения в крае

По разделу между братьями Орловыми их владения в Заволжье достались Ф.Г. Орлову, а от того по наследству — А.Г. Орлову-Чесменскому. Младший из братьев В.Г. Орлов вынужден был искать другие возможности приобретения заволжской целины. Недолгое царствование Павла I (1796–1801) ознаменовалось новой массовой задачей казенных земель. Многие из помещиков, получившие незаселенные участки степи, продавали эти пожалования тем, кто действительно собирался переселять туда своих крепостных. В.Г. Орлов был одним из таких покупателей.

Земли приобретались не наобум, а с точным расчетом. Поверенные графа объезжали и осматривали угодья в Самарском Заволжье. Затем по их сообщениям велись переговоры в Петербурге с потенциальными продавцами земли, которых убеждали добиваться пожалования конкретных участков, облюбованных орловскими управителями.

В июне 1799 г. Орлову донесли, что графу Гурьеву «пожаловано в Симбирской губернии 20 тысяч десятин на выбор, можно с ним снестись, не продаст ли оную, а для переселения крестьян Вашего Сиятельства очень нужна». В ноябре с Гурьевым удалось предварительно договориться. А в июле следующего года был сделан «заказ»

на несколько тысяч десятин «по обе стороны оврагов Теплого Стана и Лопатинских Розсошей и речки Свинухи», куда предполагалось переселить 800–1000 ревизских душ. Поскольку «по сей степи пашни самарцев и обывательской нет и ныне никем не снимается, а пасут на оной скот», то «споров от обывателей быть не может»¹²⁶.

Формально в указанном месте Гурьев, а от него Орлов получили немногим более 9 тыс. дес., на самом же деле вместе с неудобьями, отдававшимися бесплатно, здесь было 12 тыс. дес. У «хороших» землемеров, которых графские поверенные, как мы уже видели, умело подкупали, в неудобья записывались и некоторые вполне пригодные к использованию угодья. В 1807 г. к купле Орлова было примежевано около 2 тыс. дес. компенсации за якобы обнаруженные на участке новые неудобья¹²⁷.

Уверения в беспорности приобретения указанных земель оказались преувеличенными. Ведь речь шла в основном о землях, недавно отрезанных межевщиками у липяговских крестьян и помещика Молостова. Государственные крестьяне ломали межевые знаки, затапывали саму межу, запахивали на себя отрезанную землю. Самым страшным для них было то, что они лишались выхода к водопою на реке. Закон стоял на стороне Орлова, купившего в феврале 1803 г. эту землю. Жителям Липягов пришлось не только признать отрезку, но и просить графа об обмене участка лучших пахотных земель деревни на проход для скота к воде. Излюбленный землевладельцами прием оттеснения возможных конкурентов от водопоя в качестве средства нажима действовал безотказно. Для покупки у жены Гурьева в 1800 г. были подобраны близко «к Сухой Ерыкле за болотом Матугой 5000 десятин, дабы хутор Резанский и другую воду захватить во владение и тем самым весь край степи может оставаться без всякого найма» чужими крестьянами и землевладельцами. К указанному хутору Межевая инструкция позволила прирезать более 2 тыс. дес. степи и снять ее в аренду на 15 лет. В 1805 г. через того же Гурьева, а также тайного советника Попова для округления владения близ Самары прикупили 0,5 тыс. дес., отчужденных у Стромилевой¹²⁸.

В 1814 г. Усольская вотчинная контора В.Г. Орлова на деньги крепостных крестьян выкупила арендованные земли у казны в собственность графа. Позднее здесь возникло село Натальино.

Продавцы пожалованной земли и сами искали покупателей. Приятель и поверенный Орлова – симбирский помещик Мещерин – в октябре 1799 г. сообщал, что некий «Порошин был у него. Ему пожаловано в Симбирской и Саратовской губерниях земли 20 тыс. дес. ... Он много должен, намерен продажею земли долг заплатить, а потому и может продавать за сходную цену». Предложение Орлова Порошин без проволочек принял. Первоначально пригляделись было к землям

по реке Чагре, где межевщики урезали владения помещиков Самарина и Урусова. Но эти двое являлись слишком крупными землевладельцами и влиятельными людьми, чтобы рассчитывать на их быструю капитуляцию перед казной и уступку притязаниям Орлова. Усольский управляющий летом 1800 г. лично осмотрел эти места и убедился, что Самарин заселил своими крестьянами оба берега Чагры, а Урусов перевел в свое поместье еще более 100 семей. Хотя полностью сохранить имевшиеся до межевания земли им не удалось, но лучшие угодья с водопоями оказались заняты, удобных мест для заселения не осталось¹²⁹.

В этот момент удачно подоспело изъятие земли у титовских крестьян, которую управляющий Орлова оценил однозначно: «Она самая лучшая по Симбирской губернии». Мещеринов уточнял: «На сей земле можно поселить 1000 душ. Прилегаемая уральская степь будет способствовать скотоводству. За отмежеванием господину Порошину водопой в ней не остается, и в дачах ни у кого быть не может». Действительно, согласие Порошина на продажу полученной им основной части бывших титовских земель (более 8 тыс. дес.) заставило и других владельцев, которым отошли остатки этих земель и расположенные рядом участки, уступить свои пожалования Орлову. Машинный мастер Петров, член симбирской межевой конторы Плюсков, генерал Опперман продали графу в 1802–1804 гг. по 2 тыс. дес. каждый. Еще несколько более мелких участков общей площадью 1 тыс. дес. до 1814 г. были выкуплены им у разных владельцев и казны¹³⁰.

Мещеринов, и прежде убеждавший Орлова, что «ежели титовская земля купится, хотя и дорого, но время наградит сугубо», писал в феврале 1803 г.: «Хотя Ваше Сиятельство и много денег употребили на покупку земли, но не в потерю. Цена на землю каждогодно возвышается... Внутренняя теснота России принудила жителей селиться и в отдаленных степях; Башкирия вся населена, по рекам Кубани, Тереку и Куме отводят землю и селятся большими слободами. Речки Моча и Свинушка под руками; на землю их скоро цена возрастет...»¹³¹

До 1805 г. титовские крестьяне пытались отстоять хотя бы часть отмежеванных земель, но, как и их соседи из Липягов, не преуспели в этом. Жалобы на то, «что ежели земля от них отрежется, то им будет жить не при чем», не помогали, так как нормы Межевой инструкции были соблюдены. Взятки губернским чиновникам от крестьянского мира не могли перевесить подношений от орловских управителей. Задним числом крестьяне оформили сделку на покупку этих земель у башкир, но никакой законной силы она не возымела. Даже самовольная распашка ими более 150 дес. не обеспокоила усольского управляющего, который заметил: «Сия распашка полезна, ибо сами пахать не будем»¹³².

Окончательно споры были пресечены переселением крепостных В.Г. Орлова на новые земли. В селениях на Самарской Луке разобрали несколько сот дворов и вместе с обитателями где по воде, где на лошадях перевезли в назначенные под жительство места, заранее спланировав размещение улиц и усадеб. Усольский управляющий рапортовал 1 октября 1804 г. хозяину: «Сей день возвратился с Мочи, где разбил подле Котлобану на полтараста домов места... С первого числа станут рубить [избы]. День основания... Покров Божия матери», поэтому и деревню назвали Покровкой¹³³.

В том же году начали заселять Воскресенку и Преображенку. В 1805—1808 гг. возникли Троицкое, Сретенка, Воздвиженка, Преполовенка. Добровольцев к переселению практически не нашлось. На новые места в первую очередь отправляли погорельцев, безлошадных и прочих бедняков, которые сдавали наделы в своих селах и деревнях более справным соседям, а сами жили работой по найму и лесными промыслами. Было «определено, чтобы их отдалить от города и прервать пропитание их от лесов, а сделать хлебопашцами»¹³⁴. Всего подвергалось переселению до 4 тыс. жителей Рождествено, Новинки, Подгор, Выползовой, Терновой, Шелехмети, Брусаян, Валов, Александровки, Аскулы, Кармалы, Большой и Малой Рязани, Соснового Солонца, Тайдаковой и Кунеева. Это явилось самой крупной акцией в истории помещичьей колонизации Самарского Заволжья, по масштабам сопоставимой только с образованием Екатерининской волости в 1770-е гг. Интересно, что при обоих массовых переселениях Орловы использовали по существу лишь старожилов Самарской Луки.

В.Г. Орлов успешно обратил в свою пользу проведение Генерального межевания в Ставропольском уезде. Начало его позволило поверенным графа возбудить в 1798 г. самую громкую межевую тяжбу в крае против горожан Ставрополя (о чем говорилось выше) и Ставропольского калмыцкого войска. В результате за Орловым утверждалась «поверстная дача» вдоль левого берега Волги площадью в 26 тыс. дес., изымавшихся у города, у калмыков Подстепновского улуса, из свободных казенных земель. На «поверстную дачу» были переселены крепостные мордовские крестьяне с Самарской Луки, основавшие деревню Мордовскую Борковку, и часть жителей села Кунеева (Карсунский уезд), которые назвали свой поселок деревней Кунеевкой. До сих пор это название используется в разговорной речи для обозначения выросшего на этом месте Комсомольского района современного г. Тольятти¹³⁵.

Выше по Волге в том же Ставропольском уезде на купленных им же, Орловым, в 1810 и 1813 гг. землях (до 6 тыс. дес.) было основано сельцо Анненское. Сюда перевели 277 душ мужского пола из калужских вотчин его снохи А.И. Орловой, урожденной Салтыковой. Бывало,

Орлов покупал и обжитые имения, но предпочитал, как и другие помещики в крае, приобретать более дешевые незаселенные земли, признаваясь в письме Мещеринову: «Для меня выгоднее купить землю для переселения оброчных крестьян, нежели покупать деревни»¹³⁶.

Народное движение на новые земли

Несмотря на преимущества, предоставленные помещикам при получении и освоении новых земель, продолжалась активная вольная колонизация нашего края. Она велась даже в близком к Волге Самарском уезде, столь привлекательном для землевладельцев-дворян, не говоря уже об удаленных на восток степях. В последние десятилетия XVIII в. сложился и при всех земельных потерях сохранился целый куст сел и деревень государственных крестьян. На левой стороне Волги по реке Моче сходцами из Симбирского и Пензенского уездов были населены Титовка, Гусарский Городок, Горки, Глушицы, Губашево, Малое Томылово. В конце века здесь в 320 дворах проживало более 2,2 тыс. ясачных крестьян и пахотных солдат¹³⁷.

Симбирских пахотных солдат переселяли и в более отдаленные районы. Из Сосновки в 1770-е гг. 12 семей перешли в будущий Бугурусланский уезд, основав одноименное село. Во время Генерального межевания у этой новопоселившейся общины отобрали значительные участки леса и других угодий в пользу казны и помещиков¹³⁸.

В некоторых ситуациях межевое законодательство и местная администрация оказывали поддержку казенным крестьянам. В селе Суринском с двумя ближними деревнями на юге Сенгилеевского уезда около 140 дворов пахотных солдат (более 800 человек) заняли свободные казенные земли вместе с проживающими здесь же крестьянами разных помещиков. В ходе Генерального межевания из указанных земель на всех жителей села и деревень (до 400 дворов и свыше 2 тыс. чел.) нарезали угодий из расчета 8 десятин на душу мужского пола. Оставшиеся после нарезки 2754 дес. удобной земли (пашня, покос, лес) решением Правительствующего Сената были оставлены «во владении одних пахотных солдат»¹³⁹. Последним по закону полагалось отвести по 15 десятин на душу, но за неимением поблизости других казенных земель удовлетворить этому условию оказалось попросту невозможно. В таких случаях государственным крестьянам компенсировали недостаток земли лишь частично.

При более острой нехватке земли и желании занять ее до полной 15-десятинной «пропорции» государственные крестьяне вынуждены были из плотно заселенных уездов Правобережья перебираться в Заволжье, располагавшее незанятыми степными участками. В 1801 г. Симбирская казенная палата по прошению экономических крестьян сел Студенца и Рачейки Сызранского уезда определила отдать им

свободные земли при верховьях реки Безенчук. Земли отводились по норме Межевой инструкции на 277 переселенцев. Возникла деревня, первоначально названная Новым Студенцом, Безенчук тож (ныне — село Студенцы)¹⁴⁰.

Случаев переселения в завожские уезды при посредстве казенных палат все-таки встречалось немного, «абсолютное большинство переселений государственных крестьян происходило самовольно»¹⁴¹. Власти и межевщики ставились, как правило, перед свершившимся фактом появления новых поселков на свободных землях. Так, документы очередной, 5-й ревизии (1796) и Генерального межевания (1799—1802) зафиксировали существование ряда довольно крупных селений с несколькими сотнями жителей в Бузулукском уезде. Среди них Утевка, сложившаяся из четырех поселков и населенная как выходцами из ближней Красносамарской крепости, так и переселенцами из Пензенской, Тамбовской, Тульской губерний. Недалеко от нее возникла Домашка, основали которую вышедшие из Курской, Орловской, Тамбовской губерний украинские, русские и мордовские крестьяне¹⁴².

В 1796 г. 6 крепостей, 28 сел, 4 слободы и 166 деревень Бузулукского уезда насчитывали 29 тыс. душ мужского пола. С 1799 по 1811 г. в этот уезд прибыло из Симбирской, Рязанской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской губерний и других уездов Оренбуржья более 14 тыс. душ мужского пола, в том числе 10 тысяч русских государственных крестьян. Мордовских крестьян было более 1066 душ м. п., 363 души м. п. — чувашских, 230 душ м. п. — татарских. За те же годы среди переселенцев в Бугурусланский (10,5 тыс. душ) и Бугульминский (19 тыс. душ) было соответственно: русских 6,3 тыс. и 9,1 тыс., мордвы 2,5 тыс. и 4,8 тыс., чувашей 1,7 тыс. и 4,4 тыс., а также несколько сот татар и тептярей¹⁴³.

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось регулировать этот процесс. По именному указу 1797 г. подтверждалось наделение организованных переселенцев из казенных крестьян «пропорцией» Межевой инструкции в 15 дес. на ревизскую душу, предоставлялось пособие (на семью 12 рублей) и освобождение на 3 года от выплаты податей и рекрутской повинности. В 1805 и 1808 гг. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины, согласно которым первоочередное право на переселение предоставлялось жителям малоземельных селений, уточнялись нормы наделения землей, денежных ссуд, налоговых льгот. Однако многие из благих начинаний жили только на бумаге. Крестьяне предпочитали «синицу» самовольного перехода «журавлю» обещаний, терпящемуся в недрах бюрократических учреждений.

Кроме соображений материальных к переселению толкало стремление избежать на новом месте религиозных гонений. Разрешение, данное старообрядцам поселяться на Иргизе, направило значительное число беглых на земледельческое освоение края¹⁴⁴. Вслед за ними туда же устремились сектанты-молокане, последователи учения Семена Уклеина¹⁴⁵. В 1792 г. из Балашовского уезда Саратовской губернии на Иргиз вышли 448 молокан и основали село Тяглое Озеро. Оттуда по мере увеличения числа жителей они расселялись в поселки и хутора по тому же Иргизу (Канаевка, Константиновка), по Чагре (Хворостянка, Острая Лука), по Моче (Сухая Вязовка, Яблоневый Овраг, Богдановка): «Во всех этих поселках уже в конце XVIII века молокан числилось 970 душ об. пола»¹⁴⁶.

Молоканские поселки возникали не только в вышеперечисленных местах будущего Николаевского уезда, но и в южной части Бузулукского. В 1809 г. на реке Съезжей беглые солдаты и крестьяне из молокан поставили первые 10 дворов в Алексеевке (Землянке). «Для избежания преследования со стороны начальства поселенцы старались совсем не делать дороги к своему селению и самые жилища поставили в овраге в далеком друг от друга расстоянии»¹⁴⁷.

В течение последней четверти XVIII — начале XIX в. земледельческое освоение нашего края интенсивно продолжалось. Поток вольной крестьянской колонизации направлялся теперь дальше на восток и юг, подготавливая условия для грядущего решительного освоения Заволжья и Приуралья. Генеральное межевание, с одной стороны, стимулировало эти процессы, а с другой — закрепляло результаты заселения и освоения новых земель.

§ 6. ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ В «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ДВОРЯНСКОЙ МОНАРХИИ

Дворянские чины

Одновременно с удовлетворением большинства политических и экономических притязаний дворянства произошло его освобождение от обязательной государственной службы в 1762 г., окончательно закрепленное 21 апреля 1785 г. «Грамотой на права, вольности и преимуществ благородного Российского дворянства». В ней подтвердились и расширялись также другие дворянские привилегии, важнейшей среди которых выступало монопольное право на владение крепостными и эксплуатацию их труда.

Российское дворянство, более не загоняемое властной рукой самодержца в полки и канцелярии, призванное к решению на своих

собраниях дел местного самоуправления, закрепившее при Генеральном межевании равно как законные, так и неправые земельные приобретения, стало оседать большей частью в собственных имениях. Различные районы Самарского края по мере их освоения покрывались как бы сетью таких «дворянских гнезд», единых по своему крепостному обличению, но непохожих друг на друга размерами, населенностью, обустройством.

Крупнейшим земельным владением в крае (и одним из самых крупных во всей России) являлись вотчины графов Орловых в районе Самарской Луки. В 1806–1807 гг. они были размежеваны в соответствии с полюбовным разделом между двумя последними оставшимися в живых братьями В.Г. Орловым и А.Г. Орловым-Чесменским. В долю последнего отошли следующие имения:

– 9 сел и деревень Екатеринбургской волости (Екатериновка, Владимировка, Александровка, Кануевка, Переволоки, Федоровка и др.), насчитывавших 1014 крестьянских дворов, 3708 душ мужского и 3723 женского пола. Площадь имения – около 33 тыс. дес., в том числе 26,5 тыс. дес. удобной земли, из которой половину составляла пашня. К ней примыкали еще 43,5 тыс. дес. степи, пожалованных в 1796 г.¹⁴⁸;

– 3 селения Новодевиченской волости (Новодевичье, Кузькино, Камышенка) с 622 дворами, 2092 душами мужского и 2217 женского пола, 37,5 тыс. дес. земли, из которых 34 тыс. дес. удобной, на треть используемой под пашню¹⁴⁹;

– 3 селения на самой Луке (Винновка, Березовый Солонец, Кармалы) и ряд отдельных ненаселенных дач там же. Всего более 30 тыс. дес., в основном леса и покосов, пашни с трудом хватало на 2,5 тыс. душ обоего пола, поэтому от малоземелья приходилось избавляться переселением на свободные массивы Екатеринбургской волости.

В 1807 г. все эти имения, наряду с недвижимостью в других губерниях России отошли единственной наследнице – дочери А.А. Орловой-Чесменской.

В.Г. Орлову по разделу досталось по Средней Волге около 190 тыс. дес. Ядро его здешних владений составлял компактный массив на Правобережье Волги. Усольская волость как часть этой вотчины занимала 82 тыс. дес., в том числе 74,5 тыс. дес. удобной к хозяйственной деятельности земли, из которых 24 тыс. дес. приходилось на пашню и 7 тыс. дес. – на залежь и степную целину. Аскульская и Рождественская волости располагались на площади в 96,5 тыс. дес., имели 86,5 тыс. дес. удобной земли, из них 22,5 тыс. дес. пашни и залежи¹⁵⁰.

В правобережных волостях В.Г. Орлова лежало 24 селения (Усолье, Жигули, Валы, Аскула, Сосновый Солонец, Рождествено, Подгоры и др.) с более чем двадцатью двумя тысячами крестьян. Еще до 1,5 тыс. чел. составляло население его левобережных имений, частью

полученных по разделу с братьями, частью купленных самим графом Владимиром: Русская и Мордовская Борковки, Рязаново, часть села Майна¹⁵¹.

Владения В.Г. Орлова на горной стороне Волги также увеличивались за счет покупок, среди них были незаселенные участки общей площадью в 1,6 тыс. дес. близ Брусян и Моргвашей. У помещика Плещеева было приобретено село Языково, а у его сына — расположенный поблизости Новый Тукшум. Первое покупалось без крестьян, прежний владелец свез своих крепостных, а граф Орлов на освободившиеся 3 тыс. дес. перевел собственные 124 души мужского пола. Новый Тукшум был приобретен и с землей (7 тыс. дес.), и с крестьянами (122 двора, 670 чел.). Вместе с землями, купленными в степном Заволжье и отсуженными по межевым тяжбам, о чем говорилось выше, владения В.Г. Орлова в Среднем Поволжье увеличились до 280 тыс. дес. По данным 7-й ревизии (1815), в Симбирской губернии ему принадлежало 13 385 душ м. п.¹⁵²

По сравнению с уникальными по своим размерам самарскими владениями братьев Орловых не очень значительно выглядит даже большое Шигонское имение, отмежеванное в 1806 г. из Новодевиченской волости незаконнорожденным детям Ф.Г. Орлова. Здесь насчитывалось более 2 тыс. крепостных, земли 12,7 тыс. дес., в том числе 6,2 тыс. дес. пашни¹⁵³.

Вблизи Самарской Луки крупнейшим после орловских вотчин являлось имение братьев В.И. и Ф.И. Левашовых: село Маза, сельцо Горбуновка, деревни Муренка и Климовка — 719 крестьянских дворов, 4,5 тыс. крепостных, до 13 тыс. дес. пашни и сенных покосов. А расположенная недалеко земельная дача села Суринского с деревнями Белый Ключ и Доможировкой была примечательна тем, что ее владельцами одновременно выступали 20 помещиков и 4 категории государственных крестьян. Как правило, в таких случаях внутреннее пространство дачи делилось чересполосно в соответствии с количеством ревизских душ каждого владельца. Половина помещиков в данном селе с деревнями имела всего от 1 до 4 дворов, треть — 6–12 дворов, и лишь у троих числилось 39–45 дворов¹⁵⁴.

Внутри таких разнопоместных дач встречались и довольно значительные доли крупных землевладельцев, владевших имениями и в других местах. В 20 верстах от Сызрани располагалась дача села Репьевка с деревнями Ратовкой, Матруниной и Васильевкой. Из 425 дворов и 3 тыс. крепостных, принадлежащих здесь 14 помещикам, на долю статского советника В.Б. Бестужева приходилось 166 дворов и 1,1 тыс. крестьян. Фамилию Бестужевых носили еще трое владельцев, да и среди остальных были такие, кто состоял в разных степенях родства и свойства. В соседнем Сенгилеевском уезде уже одному В.Б. Бестужеву принадле-

жала деревня Старый Тукшум: 190 дворов, 1,1 тыс. жителей, до 5 тыс. дес. пашни и покосов. На другом берегу Волги им же были поселены деревни Бестужевка и Якобьевка, в которых находилось 30 дворов и более 200 крестьян¹⁵⁵.

В сравнительно более поздних поселениях волжского Левобережья «дворянские гнезда» еще не успели так расплодиться и переродиться, как в Сызранском и Сенгилеевском уездах. Большой разнопоместной чересполосицы здесь не наблюдалось. Так, ближайшими соседями борковского имения Орловых были два владельца деревни Зеленовки, где Д.В. Чирикова имела 11, а В.С. Милькович 60 дворов, пашни на двоих 1,2 тыс. дес. Сельцо Федоровка у берега Волги и село Новый Буян с деревнями Сергеевкой и Николаевкой принадлежали Е.А. и С.Г. Мельгуновым: всего 179 дворов, крепостных 2,5 тыс. чел., всей земли 18,5 тыс. дес., в том числе пашни 2,7 тыс. дес.¹⁵⁶

Постепенно возникли крупные имения на востоке и на юге Самарского края. В Бузулукском уезде из 100 помещичьих семейств большинство владело от 100 до 500 душ крепостных. А у знаменитого и видного государственного деятеля Г.Р. Державина в этом уезде на землях, пожалованных его отцу и купленных им самим у башкир, в четырех селах и деревнях по реке Кутулук насчитывалось около 900 крепостных. На северо-востоке Самарского уезда в 9 селениях помещика Зубова (Зубовка, Озерки, Краснояриха, Дмитриевка и др.) жило 2,5 тыс. крестьян. На юго-западе того же уезда в 5 селениях по Волге и Чагре помещика Самарина (Владимировка, Озерецкое, Спасское, Васильевское, Аннино) — до 4 тыс. чел.¹⁵⁷

Помещичьи усадьбы и вотчинное управление

Центром административной и хозяйственной жизни вотчины выступала барская усадьба, включавшая дом помещика и самые разнообразные постройки как жилого, так и производственного назначения. Их количество зависело прежде всего от богатства хозяина.

Не в каждом помещичьем селении ставились господские дома, и не во всяком таком доме действительно жил помещик. Иногда их занимали под жилье приказчиков, управляющих, вотчинные конторы, и лишь изредка хозяин, проживавший в городе или другом своем поместье, приезжал и останавливался в своей отдаленной усадьбе. Так поступали, как правило, богатые дворяне, особенно находившиеся на государственной службе. Мелкие помещики, отставные чиновники и офицеры, наоборот, более охотно оседали по своим селам, изредка совершая вояжи в «общество».

В разнопоместных земельных дачах складывалась любопытная картина, напоминающая скорее не дворянское «гнездо», а «улей». В сельце Троицком на реке Рачейке в Сызранском уезде, где 69 крестьянских

дворов принадлежали 17 владельцам, стояло «девять домов господских, деревянные, средственной архитектуры». В селе Ивашевка того же уезда на речке Малый Тишерек имелось «господских домов четыре, деревянные, посредственной архитектуры»¹⁵⁸.

Проявлялась и разница в имущественном положении совладельцев подобных сел. В упоминавшейся Репьевке, поделенной на 8 душевладельцев, было «господских 3 дома, один каменной средней архитектуры и при нем конного и рогатого скота заводы и два деревянные простой архитектуры». Богатое кирпичное здание с примыкавшими постройками конюшен и скотного двора принадлежало В.Б. Бестужеву, два строения, напоминавшие крестьянские избы, — его мелкопоместным соседям.

Каменные здания в помещичьих усадьбах Самарского края в начале XIX в. встречались весьма и весьма редко. Так, в Ставропольском уезде на 79 господских домов приходилось лишь два каменных, в Сызранском на 126 деревянных — 5. В Самарском уезде было 76 деревянных помещичьих домов, и только в Екатериновке у Орловых-Чесменских имелся один «в двух корпусах каменной изрядной архитектуры об одних этажах... при них оранжерея с фруктовыми деревьями лимонными, абрикосовыми, дулевыми, вишневыми и сливовыми»¹⁵⁹.

Один из самых развитых усадебных комплексов располагался в Усолье. Каменного жилого строения, правда, здесь не было до 1817 г. Центром усадьбы выступал двухэтажный деревянный на каменном фундаменте дом с 16 комнатами. По левую сторону от него стоял флигель, где жил управитель, во флигеле по правую сторону находились «застольная» и кухня, для снабжения которых рядом были вырыты три погреба и ледник, поставлен мучной амбар. Поблизости возвели дом, где размещалась школа для крепостных мальчиков. Недалеко от дома помещика топилась баня.

В обособленном деревянном здании действовала вотчинная контора. При ней возвышались двухэтажные каменные хозяйственные постройки под склад вещей, хранение денег и архива, караульное помещение и «заколотная» (вотчинная тюрьма): над каменными этажами в мансарде-«светелке» — жилое помещение «для холостых хорошего поведения конторских писарей».

В специально приспособленных помещениях располагались столлярная и чертежная, соединявшиеся чуланом, который использовался для хранения сала. Старую деревянную «заколотную» напротив конторы переставили на конный двор и приспособили для жилья конюхам. На том дворе имелись конюшня для верховых и выездных лошадей, сарай для рабочих лошадей, «каретник», другие подсобные постройки.

Для дворовых людей выстроили около 25 изб в двух слободках при усадьбе. На усадьбе и вне ее также стояли многочисленные амбары и сараи для разных хозяйственных нужд, помещения для содержания домашней живности, строения ткацкой фабрики, салотопни, мыловаренного завода, здания больницы¹⁶⁰.

Уже сам приведенный выше перечень построек дает общее представление о значении Усольской усадьбы как центра крупного землевладения. Административно-управленческие функции выступали на первый план, так как Орлов лично бывал здесь очень редко, поручив ведение дел доверенным людям как из помещиков, так и из своих крепостных. Устройство вотчинной конторы напоминало государственные учреждения, она подчинялась «вышестоящему органу» — домово́й конторе графа в Москве. Четко распределялись обязанности среди служащих вотчинной конторы, были введены строгие правила делопроизводства, финансовой и материальной отчетности. Родимые пятна любых бюрократических учреждений в виде взяток, казнокрадства, волокиты, произвола чиновников занимали здесь положенное место, невзирая ни на какие строгости.

Дворовый штат Усольской вотчины составлял более 200 человек, а с учетом жен, вдов и других членов семей служителей графа — и того больше. В штат включались служащие конторы (управитель, конторщик, «расходчики»-кассиры, писари и т. д.), учащиеся вотчинной школы — будущие грамотные слуги, повара истряпухи, мастера (кузнецы, столяры, сапожники, шорники и др.) и их ученики, скотники и птичники, медицинский персонал при больнице, а также прочая прислуга, просто престарелые и больные дворовые, получавшие «пенсион» от графа. Контора располагала собственной полицией с огнестрельным оружием, а поэтому называвшейся «ружейниками». У господского дома и конторы всегда стояли караульные с ружьями. Граф имел служителей не только в Усо́лье, но и в других селах вотчины. Это были начальники и работники на господских мельницах (писари, мельники, засыпщики), смотрители при других господских работах, приказчики, сельские писари-«земские».

Конечно, другим помещикам Самарского края, даже богатым, было не по карману иметь такие усадебные комплексы и столько дворни, как Орловым. Тем не менее даже самые мелкие землевладельцы не могли обойтись без хозяйственных построек при усадебных домах и без дворовых слуг.

Положение дворовых людей трудно оценить однозначно. С одной стороны, из дворни выходили лица, приближенные к хозяевам вотчин, поставленные над односельчанами. С другой — основная ее часть не имела собственного хозяйства и даже минимума экономической самостоятельности, испытывала наиболее жесткую зависимость от помещиков и их управителей, была низведена до положения абсолютно бесправных барских холопов.

Крестьянские повинности

Костяк населения, чьим трудом обеспечивались и богатства помещиков, и содержание дворовых, составляло в крепостной российской деревне крестьянство. На крестьян-землепашцев возлагались натуральные и денежные повинности в пользу владельцев. Помещики же отвечали за сбор с них государственных повинностей и податей. Крепостная зависимость крестьян приобрела самые жестокие формы.

В.О. Ключевский отмечал: «В жалованной грамоте дворянству 1765 г., перечисляя личные и имущественные права сословия, она также не выделила крестьян из общего состава недвижимого дворянского имущества, т. е. молчаливо признала их составной частью сельскохозяйственного помещичьего инвентаря»¹⁶¹. Современные исследователи обращают внимание на мудрое высказывание этого историка о том, что на следующий день после Манифеста о вольности дворянства 18 февраля 1762 года должна была быть отменена крепостная зависимость крестьян. Так и произошло, но с непростительной задержкой в 99 лет. Долгожданное 19 февраля наступило лишь в 1861 г.¹⁶²

Произвол помещика мог поставить крестьян на грань полного разорения. В Новом Тукшуме помещик Плещеев, который «был богат... но все прожил», решил поправить свои дела за счет непомерной эксплуатации крестьян на барщине. 142 «тягла» [*крестьянские семьи*. — Ю. Н.] обрабатывали в господских полях 845 десятин и «от сей тягостной работы не имели для себя свободных дней». Даже помещики-соседи Плещеева признавали, что его крестьяне оказались «изнурены довольно». При этом в вотчинные дела Плещеева никто, конечно, не вмешивался, пока тот, запутавшись в долгах, не был вынужден продать свое имение в 1801 г. В.Г. Орлову. Новому владельцу крестьяне пожаловались на то, что «Плещеев многих крестьян обобрал под видом займа и не отдает», а также обвинили в присвоении церковных денег. Однако прежний хозяин Нового Тукшума, который орловскими служителями характеризовался как «крайне человек неверной и лживой», заявил, «что он у тукшумских крестьян брал не в долг, а по принадлежности ему». Закон не предусматривал возможности иска по норме помещичьих поборов даже к бывшему владельцу, а потому поверенный графа Орлова этот долг «приказал предать забвению»¹⁶³.

Способ хозяйствования Плещеева почитался образцом «непорядочного правления» теми помещиками, которые хотели выступить в роли рачительных дальновидных хозяев. Сами они старались найти такую норму эксплуатации, которая приносила бы высокие доходы, но не разоряла крепостных. В.Г. Орлов наставлял своего управляющего: «Грешно отягощать подданных излишнею работою, да и на

сие никогда воли моей не было... Повторяю тебе иметь благосостояние их на сердце. Польза моя, без соблюдения сего, более горька будет для меня, нежели сладка»¹⁶⁴.

С точки зрения этих помещиков, «нетягостными» для крестьян считались, например, порядки у В.Б. Бестужева в Старом Тукшуме. Из 200 здешних «тягол» 116 обрабатывали 200 дес. господской пашни в яровом и столько же в озимом полях по 3 дня в неделю. 84 «тягла» направлялись в Репьевку на возку дров для хозяйского винокуренного завода, заготовку сена для конного завода, производство кирпича. Теми же работами занимались и репьевские крестьяне Бестужева (100 «тягол»), которые обрабатывали еще 100 дес. пашни в каждом поле¹⁶⁵.

Трехдневная барщина преобладала и в других имениях, где основной повинностью крестьян были отработки. В отличие от бестужевских вотчин, где натуральных «сборов с крестьян нет никаких, равно и с женок», большинством помещиков дополняли барщину другими поборами и повинностями. В Зеленовке у В.С. Мильковича «с тягла сбор: баран 1, курица 1, яиц 20», крестьянкам раздавалась господская пряжа, из которой они ткали холст: «дается 7 фунтов... получают 15 аршин». В некоторых поместьях сукно и холст собирались «без дачи господской кудели и шерсти», столовые запасы взимались не по установленной норме, а «по надобности, сколько разоидется при господском доме»¹⁶⁶.

Основная тяжесть отработок приходилась на производство продукции, имевшей товарное значение, прежде всего полеводческой. Доходными могли быть и такие статьи, как животноводство, рыболовство, лесозаготовки. Например, в Зеленовке крестьяне заготавливали «дрова и лес в продажу на господина до немалого количества». В Усольской вотчине В.Г. Орлова за 1804 г. получили общего дохода 200 тыс. руб., из них от продажи господского зерна – 51 тыс., ржаной муки – 72,5 тыс., мыла и свечей – 17 тыс., рыбы – 9,5 тыс., деревянных изделий – 0,5 тыс. руб. Оброку же было собрано деньгами и столовым запасом на 31 тыс. руб.¹⁶⁷

Полевая барщина не сводилась только к тому, что крестьяне своим скотом и инвентарем должны были вырастить и собрать урожай на барском поле. Они же вывозили «после жнитвы... с полей хлеб», «вели во всю зиму молотьбу», со своими подводами отряжались «на своз хлеба проданного» к хлебным пристаням и винокуренным заводам. В больших имениях типа орловского и бестужевского для обмолота употреблялись специальные машины на конном приводе. Использовать и здесь крестьянских лошадей «по очереди» не удалось, так как нужны были не сменные, а прирученные животные, которых пришлось покупать за господский счет¹⁶⁸.

Как на крестьянских наделах, так и на барских полях обработка велась самыми традиционными методами, без каких-либо усовершенствований. Помещики получали больше товарного хлеба не «через удобрения полей» и «превосходство урожая», а простым увеличением нормы господской запашки «на тягло». В таких условиях не приходилось ожидать соблюдения помещиком даже им самим установленной меры эксплуатации крестьянского труда.

В 1803 г. В.Г. Орлов писал: «Доходят до меня прискорбные слухи с разных сторон, что крестьяне от многой работы на господина обеднели». Год спустя его сын передал разговор с крестьянами-отходниками, пришедшими из Симбирской губернии в Петербург, которые сказали, что в Усолье «были мужики, да пришел на них гнев божий, разорил их управитель, много больно затей некстати... так обеднели, что вместо 180 тягол вряд и 90 могут выехать на пашню, ибо прочие без лошадей»¹⁶⁹.

Усольский управляющий попытался возложить вину на самих крестьян, будто те, «желая отбыть работ господских, не пекутся о своем домоводстве, а сим приводят себя к разорению», а «паче всех» оказались «беспечными» жители Рождествено и окрестных селений: по своей лени забросили пашню ради лесных промыслов и поденной работы, но и то, что зарабатывают, «проедают на калачах по перекресткам, пропивают и проигрывают». Последовал запрос графа, нет ли действительно в его владениях «крестьян щегольливых и сластоедивых и гульливых, больше праздно, нежели работных». Отвечая на него, волостной правитель из Рождествено дворовый служитель И. Марзавин не смог удержаться от горькой иронии: «В Самаре, однако, пьяных и праздношатающихся по перекресткам и евших калачей замечено мной не было. А тож о проигрышах на карты известно нет... Что касается до положения крестьян здешних мест щегольства и сластоедства, то оную статью... заподлинно утвердить могу. Первое. В щегольстве имевшего ими платья оным должно быть все одинаковы, и мало приметить у кого было переменное платье из состоящего сермяжного сукна... даже и к празднику. Кроме того, в чем на работу, в том и в праздник. А у многих семейств происходит и то, что один, надевши на себя в нынешнее время два или три кафтана, без шубы выходит на работы. А прочие оной семьи, особливо женщины, принужденными находятся сидеть в домах. А у коих хоша и есть, то не больше как одного кафтана сермяжного сукна, или оренбургского верблюжьего армяка, или овчинного тулупа, и то у лучших и весьма мало. А что из цветных кафтанов и чего другого и отнюдь не видится. А о сластоедении их заподлинно знать не можно, но в рассуждении... недородов едва ли кто из конных и семейных накашивает для своего пропитания довольствия годовой про-

порции аржаного хлеба... А к тому и скотоводства многие не имеют, а кои и имеют, но весьма мало. А потому и пища их должна быть весьма недостаточна»¹⁷⁰.

В 1805 г. Орлов сместил управляющего и отменил барщину в сарматских владениях. На сходах крестьяне приняли мирские приговора с обязательством платить оброк по 10 руб. в год с души мужского пола без недоимок дважды, в марте и декабре: «За сей оброк будем всегда благодарны. О сбавке просить не станем. Ежели мы оброку платить не станем сполна, то продать нас или положить снова на пашню». Сверх оброка они должны были оплачивать содержание дворовых и должностных лиц вотчинной администрации, бесплатно возить дрова для господского дома, конторы, жилищ дворовых, безвозмездно пополнять столовый запас. Таким образом, отработки и натуральные сборы не отменялись полностью, а просто в перечне доходов отступали на задний план по сравнению с денежной рентой. В 1812 г. доходы с Усольской вотчины составили 250 тыс. руб., из них 4/5 приходилось на различные денежные подати крестьян¹⁷¹.

Вотчинные мануфактуры и прочие источники помещичьих доходов

Переработка дешевого или просто дарового сельскохозяйственного сырья из собственного поместья трудом подневольных работников также давала дополнительные доходы, что вызывало появление вотчинных мануфактур. Эти предприятия оказывались не всегда жизнеспособными из-за нежелания помещиков вкладывать в них средства на покупку более совершенного оборудования, наем квалифицированных мастеров и т. п.

Показательна судьба подобного рода предприятий в Усолье. Там в 1800 г. были пущены небольшие салотопленный, мыловаренный и свечной заводы. Уже в 1802 г. поверенный Орлова указал на то, что для их содержания придется убавить норму господской запашки, «поэтому надо сделать смету, лучше ли доход с заводов или от хлебопашества». Этот непростой для помещика вопрос «разрешил» пожар на салотопне, по поводу которого граф писал в 1803 г.: «С сего часа не хочу больше торговать ни салом, ни мылом; продадим которое есть, а вновь отнюдь не покупать. Я и без несчастья хотел сей промысел оставить, огонь намерение мое ускорил»¹⁷². Примерно тогда же сгорела ткацкая фабрика, прекратилась трехлетняя работа чугуноплавильной домны, граф отказался от предложений завести кожевенное и поташное производство, возобновить существовавший в его вотчине до 1797 г. винокуренный завод¹⁷³.

Ликвидация Усольских мануфактур не случайно почти совпала по времени с переводом тамошних крестьян на оброк. Крепостная промышленность, как правило, развивалась в барщинных имениях.

Правда, позже вновь начали работать в Усолье полотняная и суконная фабрики. Но предприятия эти были заведомо убыточными. Их устроили в основном для того, чтобы занять делом дворовых девок и побудить их к выходу замуж. Ни крестьянок, ни семейных на них не заставляли работать. Граф писал управляющему: «Похваляю... относительно суконной фабрики, что она будет причиною ста свадеб в вотчинах моих; и с сей стороны фабрика суконная полезна. Пусть выходят замуж все и не платят штрафа, тем лучше для них и для меня»¹⁷⁴.

В этих рассуждениях отчетливо проявляется помещичье понимание главной своей выгоды, которая заключается не в предпринимательской деятельности, а в увеличении числа крепостных подданных и крестьянских семей-«тягол». Фабричные работы усугубляли систему штрафов для неженатых и незамужних, которая существовала в Усольской вотчине. На увеличение браков и рождаемости были направлены и другие меры, например снижение традиционного для народов Поволжья выкупа за невесту «не более как по 5 рублей»¹⁷⁵.

У отдельных помещиков края вотчинная мануфактура получила более постоянный характер. Винокуренные заводы в конце XVIII — начале XIX в. имелись у Мельгунова в Новом Буяне (100 тыс. ведер водки в год), Бестужева в Репьевке (60 тыс. ведер), Державина в Смоленском (25 тыс. ведер), Самарина в Васильевке, что ныне райцентр Приволжье (2,5 тыс. ведер). Крестьянам приходилось полностью обеспечивать своим трудом «весь завод и все обстройки, какие встретятся, и на всю пропорцию наготовливать бочки». Сырье для винокурения давала полевая барщина в собственных вотчинах, в том числе и удаленных от завода. Так, в Репьевку везли зерно из Старого Тукшума. Недостаток сырья возмещался покупками у соседей. На завод Мельгунова, например, поступал хлеб из ставропольских имений Н.А. Дурасова и других помещиков. В 1807 г. в Подьячевке на речке Тукшум была устроена довольно крупная суконная фабрика, просуществовавшая более 100 лет. Для нее возвели каменные двухэтажные корпуса, завели чесальные, прядильные, ваточные, скаточные, щипальные, строгальные машины и ткацкие станы. Это оборудование приводилось в действие лошадьми или вручную¹⁷⁶.

Повсеместно крепостных использовали на работах по возведению господских жилых и хозяйственных построек, по добыче и производству строительных материалов. В Усолье барщинных крестьян «после паровой пашни» определяли «к кирпичной работе», а также «в кладку каменной работы». Оброчные же крестьяне осуществляли перевозку сырья для обжига кирпичей. Крестьяне А.Г. Орлова-Чесменского также «кроме пашни делают кирпичу до немалого количества, ежегодно

в течение двух лет сложили 2 пары кирпичных риг в Кануевке и в Катериновке дом со всею принадлежностью и погребами, в Новодевичьем купеческие лавки одними тягловыми без найма». У Чесменского, как и у других помещиков, имеющих во владении сырье, крепостные «бьют известку и алебастр». Что касается плотницких работ на барина, то их крестьяне выполняли практически во всех имениях.

Помимо крестьянских оброков и отработок доходными статьями бюджета крупных землевладельцев являлись сдача в аренду угодий и построек разного назначения, а также заклад крепостных душ. В Новодевичьем, известном своей пристанью и ярмаркой, были выстроены упомянутые выше торговые лавки, а также амбары «в шести линиях числом восемьдесят девять», которые снимались купцами¹⁷⁷.

В вотчине В.Г. Орлова в 1804 г. за аренду 5 мельниц, 9 рыбных ловель по Волге и Усе, покосов и пашен было получено 9 тыс. руб., а в 1812 г. за 16 мельниц и 7 рыбных ловель доходы от аренды составили более 47 тыс. руб. В Московском опекуном совете было заложено В.Г. Орловым 16 192 души мужского пола, А.А. Орловой-Чесменской – 9000 душ, в том числе и крепостные их владений под Самарой. За каждую ревизскую душу было получено по 70 руб. займа. Деньги эти, пущенные в оборот, приносили помещикам немалые доходы, проценты же по долгу оплачивались трудом крестьян.

Недовольство и побегу крепостных крестьян

Крестьяне пытались уменьшить тяжесть барских податей и работ разными путями: подачей жалоб и челобитных владельцу, отказом выполнять увеличенные сверх обычного уровня повинности, требованиями повышенной оплаты разного рода дополнительных трудов в господском хозяйстве. Крестьянские миры в этих случаях вели себя, с точки зрения помещиков, весьма дерзко. Г.В. Орлов писал в 1809 г. отцу о ситуации в одном из ставропольских имений: «Я мужиками крайне недоволен, и кому я не сказывал, все надивиться не могли безстыдному их требованию. В Симбирске на базаре продают сена по 4, а много по 5 коп. пуд, а они с меня требуют по 15 коп. за только, чтобы на моих лугах скосить, и по 5 за солому, каковой цены не слыхано... Я уговаривал их спустить, но они не согласны». Не подействовала даже угроза перевести их на барщину¹⁷⁸.

Наряду с тяготами натуральных и денежных повинностей крестьянам постоянно приходилось испытывать собственное бесправие, произвол владельцев и вотчинной администрации; тяжелые наказания часто становились побудительным толчком к побегам. В 1801 г. крепостные братьев Орловых жаловались на жестокость управителя Неустроева, указывая, что многие крестьяне и дворовые бежали от его «неумеренных строгостей». Дело доходило до того, что другой упра-

витель Орловых укрывал в подведомственных ему селах беглых от Неустроева и не выдавал их, «дабы не подвергнуть» преследованиям¹⁷⁹.

В 1805 г. управляющий Усольской вотчиной приказал сурово наказывать розгами крестьян, не выполнивших за неимением скота уроки по запашке озимых. Другие служители отказались свершать экзекуцию и предупредили помещика, что чрезмерные требования и расправы могут побудить крепостных к бегству, да к тому же тем «бесславится» имя владельца. Действительно, в Самаре общее сочувствие было явно на стороне преследуемых. Даже городничий высказал удивление тем, что наказанию собираются подвергнуть бедняков, и без того оказавшихся в трудном положении, «кои навсегда в Самаре, под окошками стоя купецких и других домов, просят милостины»¹⁸⁰.

К побегам толкали и время от времени разносившиеся слухи о даровании свободы переселенцам в отдаленные места. Так, в 1801 г. многих помещичьих крестьян средневожских вотчин «смutilи» армянские купцы, будто бы получившие привилегии приема всех желающих на свои рыбные ловли в низовьях Волги. Правда, иногда подобные слухи имели под собой некоторые основания. В том же году в Астрахани было разрешено бежавших сюда ранее и уже поселившихся бывших крепостных не возвращать владельцам, а давать последним за них рекрутские квитанции. Иными словами, беглеца-переселенца засчитывали помещику в счет будущего рекрутского набора. Крупные душевладельцы и сами не очень стремились непременно возвращать беспокойных и глотнувших воли беглецов на прежние места жительства. Поверенный В.Г. Орлова, отправленный на поиски бежавших, получил инструкцию «беглых годных отдавать в рекруты и на поселение, а негодных в Томск на работу»¹⁸¹.

Беглецов привлекали волжские города, где они пытались раствориться в массе работников, нанимавшихся на суда в бурлацкие артели и рыбацкие ватаги. Из 81 человека, числившегося в бегах из вотчин В.Г. Орлова на сентябрь 1801 г., «в Саратове поймано» более 20, «а также в Волском, Сызране и Самаре» еще несколько человек. А совсем отчаянные головы, как и в прежние времена, сбивались в разбойничьи станицы, прятавшиеся на Самарской Луке. В 1804 г. усольский управляющий с тревогой сообщал, что среди объявившихся разбойников есть «отдаточные от нас рекруты, в том числе и ружейник, который искал случая погубить меня»¹⁸².

Укрепившаяся в результате екатерининских реформ государственная власть на местах, осторожность многих помещиков, помнивших уроки Пугачевщины, несколько пригасили искры социальных конфликтов, не давали им разгореться в пожары больших мятежей. Однако слишком расходились интересы обитателей усадеб и рядовых деревенских жителей, чтобы превратить крепостную деревню в России, а с ней всю страну в обитель мира и спокойствия.

Примечания

¹ Смирнов Ю.Н. Проблемы освоения и обустройства юго-восточных окраин России в оренбургских «прожектах» Д.В. Волкова 1763–1764 годов // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2013. С. 168–169.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 12об.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. М., 1956. С. 454.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 15 об.–16.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 457.

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 18.

⁷ Там же. Л. 16–16 об.

⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 5.

⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 454–455.

¹⁰ Смирнов Ю.Н. «Добрый порядок» оренбургского губернатора Пуятинина против вольной народной колонизации юго-восточных окраин России // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: материалы Всерос. науч. конф. Нижневартовск, 2013. С. 52.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 3620. Л. 626–632.

¹² Саначин С.П. Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань, 2018. С. 24–25.

¹³ Смирнов Ю.Н. Участие жителей и депутатов Новгородской провинции в Уложенной комиссии Екатерины II 1767–1768 годов // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России. Калининград, 2018. С. 106, 108.

¹⁴ Артамонова Л.М. Социальное и правовое сознание государственных крестьян Поволжья по наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 88.

¹⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 11–14; Д. 98. Ч. 2. Л. 3–6, 8–14.

¹⁶ Артамонова Л.М. Отражение социальных конфликтов в наказах государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Социальные конфликты в России XVII – XVIII веков: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2005. С. 151–152.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 3773. Л. 144 и об.

¹⁸ Артамонова Л.М. Крестьянские наказания в Уложенную комиссию Екатерины II как источник по заселению и аграрному освоению Заволжья и Приуралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 157, 162.

¹⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 276, 310, 318 и об.

²⁰ Там же. Ч. 1 б. Л. 29 об.–30.

²¹ Там же. Ч. 11. Л. 194 об.

²² Там же. Л. 303, 304.

²³ Артамонова Л.М. Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 222, 227.

²⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 287, 312 об., 315 об., 317.

²⁵ Там же. Л. 318 об.

²⁶ Артамонова Л.М. Налоги и повинности государственных крестьян Поволжья (по жалобам и требованиям наказов депутатам Уложенной комиссии Екатерины II) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 156, 163.

²⁷ Миронов Б.Н. Антропометрический подход к изучению благосостояния населения России в XVIII веке // Отечественная история. 2004. № 6. С. 17, 29–30.

²⁸ Артамонова Л.М. Участие жителей Самары в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. // История Самары (1586–1917). Самара, 2015. С. 145.

²⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 107. СПб., 1900. С. 461–462.

³⁰ Там же. С. 464, 466–467.

³¹ Там же. С. 467.

³² Там же. С. 615.

³³ Там же. Т. 68. СПб., 1889. С. 6.

³⁴ Там же. Т. 93. СПб., 1894. С. 5.

³⁵ Артамонова Л.М. Вопрос о землевладении государственных крестьян Поволжья и Приуралья в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988. С. 27–31.

³⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 232. Л. 476 об.

³⁷ Артамонова Л.М. Депутат Д.Ф. Рукавкин // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч. 1. С.41-42.

³⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 3931. Л. 294.

³⁹ Артамонова Л.М. Депутат Д.Ф. Рукавкин. С. 44–45.

⁴⁰ Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. С. 252.

⁴¹ Артамонова Л.М. Отечественная историография и основные результаты изучения наказов крестьян Поволжья и Приуралья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Вологда, 2009. С. 144, 147.

⁴² Смирнов Ю.Н. Заволжский очаг и район восстания 1773–1775 годов // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 137–138.

⁴³ Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774. М., 1975. С. 31.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 4. Л. 67; Д. 14. Л. 7 и об.

⁴⁵ Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева. Источниково-ведческое исследование. М., 1980. С. 179; Пугачевщина. Т. 2. М.; Л., 1929. С. 139; Пугачевщина. Т. 3. М.; Л., 1931. С.13–14; Документы ставки. С. 144–145, 457.

⁴⁶ Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1871. Т. VI. С. 472; Овчинников Р.В. Документы свидетельствуют // Под знаменами Пугачева (К 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е.И. Пугачева). Челябинск, 1973. С. 45–48, 50; Пугачевщина. Т. 3. С. 14, 178–179; Документы ставки. С. 456–457.

⁴⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 107, 378; Т. 3. С. 3, 5, 8, 9, 13, 16; Документы ставки... С. 102, 140, 141, 145.

⁴⁸ Артамонова Л.М. Полнота и репрезентативность устных преданий как источников по истории крестьянских переселений в Самарское Поволжье в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017. № 1. С. 68.

⁴⁹ Смирнов Ю.Н. Самарское Рождество 1773 года // Самарский краевед: ист.-краевед. сб. Самара, 1994. С. 9.

⁵⁰ Пугачевщина. Т. 2. С. 187, 385.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1 Д. 173. Л. 7.

⁵² Там же. Л. 13 и об., 30–32.

⁵³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 437. Л. 45 об.–46, 57 и об.; Д. 438. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Л. 57.

⁵⁵ Там же. Л. 46.

⁵⁶ Там же. Ф. 1274. Оп. 1 Д. 173. Л. 7, 53 и об.

⁵⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 437. Л. 47; Д. 438. Л. 11, 21.

⁵⁸ Там же. Д. 438. Л. 33 и об.

⁵⁹ Там же. Л. 53 об.

⁶⁰ Пугачевщина. Т. 3. С. 16–17.

⁶¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 438. Л. 44.

⁶² Пугачевщина. Т. 3. С. 18.

⁶³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 438. Л. 24, 27 об., 30, 33 об.

⁶⁴ Смирнов Ю.Н. Митрополит Алексей в легендах и истории старой Самары // Гроговские чтения – 2018: материалы Всерос. науч. конф. Самара, 2019. С. 54.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 438. Л. 21, 66.

⁶⁶ Смирнов Ю.Н. Устная история «молчаливого большинства»: основные вехи прошлого Самары в представлениях купцов и мещан середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5-1. С. 220, 225.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 437. Л. 44–45.

⁶⁸ Пугачевщина. Т. 3. С. 7, 23.

⁶⁹ Там же. С. 9–12, 18; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 467. Ч. 1. Л. 275–276, 283–284.

⁷⁰ Пугачевщина. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 233.

⁷¹ Там же. Т. 3. С. 178–180.

- ⁷² Смирнов Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–3 (55). С. 158, 163.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 8. Л. 396.
- ⁷⁴ Там же. Л. 350.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7422. Л. 4 об., 6 об., 12 и об.; Ф. 1100. Оп. 1. Д. 11. Л. 210.
- ⁷⁶ Пугачевщина. Т. 3. С. 14, 18.
- ⁷⁷ Беликов Т.И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева. Элиста, 1971. С. 89–90.
- ⁷⁸ Документы ставки... С. 306–308, 441–442.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 9. Л. 230.
- ⁸⁰ Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 229, 234.
- ⁸¹ Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Бибикова // Записки имп. Академии наук. СПб., 1862. Т. I. Приложение № 4. С. 39.
- ⁸² Материалы для истории Пугачевского бунта. С. 57.
- ⁸³ Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1869. Т. V. С. 17; Т. VI. С. 477.
- ⁸⁴ Пугачевщина. Т. III. С. 241.
- ⁸⁵ Сб. РИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 387.
- ⁸⁶ Пугачевщина. Т. 3. С. 249.
- ⁸⁷ Там же. С. 239.
- ⁸⁸ Смирнов Ю.Н. Организация военными властями Екатерины II управления мятежными территориями Поволжья и Приуралья в 1773–1775 гг. // Романовские чтения. Династия Романовых в судьбах российских земель: материалы конф. Кострома, 2011. С. 146, 149–150.
- ⁸⁹ Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1866. Т. III. С. 308.
- ⁹⁰ Смирнов Ю.Н. Практики кризисного управления восставшими территориями в 1773–1775 гг.: деятельность военных властей // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 528, 530.
- ⁹¹ Анучин Д.А. Граф Панин усмиритель пугачевщины. Материалы для истории Пугачевского бунта // Русский вестник. 1869. № 3. С. 22.
- ⁹² Пугачевщина. Т. 3. С. 320.
- ⁹³ Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 129.
- ⁹⁴ Державин Г.Р. Сочинения. Т. V. С. 111.
- ⁹⁵ Там же. Т. III. С. 296, 309.
- ⁹⁶ Пугачевщина. Т. 2. С. 373–374.
- ⁹⁷ Сб. РИО. Т. 13. С. 112–113.
- ⁹⁸ Пугачевщина. Т. 3. С. 325–326.
- ⁹⁹ Сб. РИО. Т. 6. С. 180.
- ¹⁰⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1987. Т. 5.
- ¹⁰¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 124.

- ¹⁰² Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 222.
- ¹⁰³ Самара – Куйбышев: Хроника событий. Куйбышев, 1985. С. 42.
- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 4–5.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. II. Л. 25.
- ¹⁰⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. С. 324–326.
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. II. Л. 2; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 2.
- ¹⁰⁸ Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. С. 333–334.
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 6.
- ¹¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 64–66, 82–83.
- ¹¹¹ Смирнов Ю.Н. Органы управления и города // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 173.
- ¹¹² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 17–18.
- ¹¹³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 7 об., 10 об.
- ¹¹⁴ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 55.
- ¹¹⁵ Очерки русской культуры. XVIII век. Ч. 1. М., 1985. С. 122.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 11–24 об.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 548. Л. 149 об.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1410. Л. 1.
- ¹¹⁹ Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А. Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения и анализа // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 3. С. 40.
- ¹²⁰ Смирнов Г.С. Особенности Генерального межевания восточных губерний Европейской России // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 35 (136). С. 25–26. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12362056_76340615.pdf (дата обращения: 04.05.2020).
- ¹²¹ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 3. Д. 46. Л. 1, 5.
- ¹²² Там же. Оп. 4. Д. 25. Л. 1.
- ¹²³ Там же. Ф. 1354. Оп. 418. Д. Е–3.
- ¹²⁴ Смирнов Ю.Н. Население лесостепного и степного Заволжья в конце XVIII – начале XIX веков // Самарский земский сборник. 2013. № 1 (22). С. 137, 145.
- ¹²⁵ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 1038–1040.
- ¹²⁶ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 535. Л. 60–70 об.; Д. 531. Л. 87; Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 147. Оп. 6. Д. 8. Л. 9.
- ¹²⁷ Смирнов Ю.Н. Крепостное «графство» на Волге и его владельцы в конце XVIII – первой половине XIX века. Территория, население, хозяйство, управление // Усольское собрание графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской Луки. Самара, 2015. С. 26.
- ¹²⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 531. Л. 104 об.; Д. 3320. Л. 1–5.

- ¹²⁹ РГАДА. Л. 92, 132.; Д. 535. Л. 80.
- ¹³⁰ ГАУО. Ф. 147. Оп. 6. Д. 8. Л. 9 и об.
- ¹³¹ Там же. Оп. 5. Д. 12. Л. 37 и об.; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 558. Л. 67.
- ¹³² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 558. Л. 61 об., 103 об.
- ¹³³ ГАУО. Ф. 147. Оп. 6. Д. 7. Л. 417 об.–418.
- ¹³⁴ Там же. Оп. 7. Д. 26. Л. 28 об.; Оп. 7. Д. 5. Л. 33, 64 об.–65.
- ¹³⁵ Смирнов Ю.Н. Владения Орловых на Самарской Луке и в окрестностях: территория и наследники в последней трети XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 210, 213.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 555. Л. 10 об.; Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3309. Л. 3.
- ¹³⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 32об. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 72; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19023. Л. 44 и об.
- ¹³⁸ Ендурев В.А. Из истории Похвистневского района // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 63.
- ¹³⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1425. Л. 51 об.–56.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 558. Л. 64 об. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 45.
- ¹⁴¹ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М., 1984. С. 92.
- ¹⁴² Смирнов Ю.Н. Роль мордвы в расширении пространства российской государственности и культуры XVIII – начала XX веков // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 26, 30.
- ¹⁴³ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация... С. 92–93.
- ¹⁴⁴ Смирнов Ю.Н. Религиозные и внешнеполитические факторы крестьянской колонизации Юго-Востока Европейской России: селения и «палестины» Иргиза в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 165, 173.
- ¹⁴⁵ Ведерникова Т.И., Филатова Я.И. Духовные стихи в культовой и обрядовой практике самарских молокан // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре: сб. ст., посвящен. 30-летию кафедры философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ и 15-летию ГУСО «Дом дружбы народов». Самара, 2016. С. 85–86.
- ¹⁴⁶ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 6. Самара, 1889. С. 10.
- ¹⁴⁷ Там же. Т. 3. Самара, 1885. С. 12.
- ¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 418. Д. Е–3; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 3333.
- ¹⁴⁹ Там же. Оп. 443. Д. Н–25.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 3323. Л. 141–142; Д. 3333. Л. 50 и об.
- ¹⁵¹ ГАУО. Ф. 147. Оп. 6. Д. 7. Л. 143–145 об.
- ¹⁵² РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1216. Л. 3.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 629. Л. 3 и об., 36 об.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1425. Л. 51 об.–55, 48 и об.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 40 об.–42; Д. 1432. Л. 104 об., 107, 125–130.
- ¹⁵⁶ Там же. Д. 1430. Л. 98 и об., 117 об.–121 об.

- ¹⁵⁷ Ведерникова Т.И. Формирование системы дворянского землевладения в ходе аграрного освоения Самарского Заволжья в XVIII – середине XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 364, 367; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1432. Л. 74; Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 53.
- ¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1432. Л. 51 об., 148.
- ¹⁵⁹ Там же. Д. 1422. Л. 107; Д. 1410
- ¹⁶⁰ ГАУО. Ф. 147. Оп. 10. Д. 43. Л. 1–5.
- ¹⁶¹ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. V. М., 1989. С. 132.
- ¹⁶² Smirnov Yu.N. The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41–2 (3). С. 944, 951.
- ¹⁶³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 548. Л. 31 об., Д. 531. Л. 152; Д. 535. Л. 140; Д. 558. Л. 67об.
- ¹⁶⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 219. Карт. 90. Е.х. 27. Л. 10 об.–11.
- ¹⁶⁵ ГАУО. Ф. 147. Оп. 6. Д. 7. Л. 188 об.–189.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 187–188.
- ¹⁶⁷ В крепостную эпоху на Средней Волге. М.; Самара, 1934. С. 108.
- ¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 535. Л. 60 и об.
- ¹⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 133. Е.х. 11. Л. 1; В крепостную эпоху. С. 114.
- ¹⁷⁰ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 133. Е.х. 11. Л. 1; ГАУО. Ф. 147. Оп. 7. Д. 26. Л. 20–23.
- ¹⁷¹ ГАУО. Ф. 147. Оп. 7. Д. 5. Л. 146.
- ¹⁷² ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 90. Е.х. 27. Л. 13; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 548. Л. 154 а; Д. 564. Л. 18.
- ¹⁷³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 548. Л. 90 об. Д. 562. Л. 42 об.
- ¹⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 90. Е.х. 25. Л. 3 об.–9.
- ¹⁷⁵ Известия общества археологии, истории, этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXII. Вып. I. Казань, 1906. С. 63.
- ¹⁷⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19029. Л. 234 об.–240.
- ¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1425. Л. 44 об.
- ¹⁷⁸ ГАУО. Ф. 147. Оп. 11. Д. 21. Л. 10 об.
- ¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 558. Л. 34 и об.
- ¹⁸⁰ ГАУО. Ф. 147. Оп. 7. Д. 26. Л. 23; Д. 5. Л. 33 и об.
- ¹⁸¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 562. Л. 87 об.
- ¹⁸² Там же. Д. 558. Л. 4; ГАУО. Ф. 147. Оп. 6. Д. 7. Л. 137 и об., 438.

Глава 5. САМАРСКИЙ КРАЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. НАКАНУНЕ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

§ 1. ОТГОЛОСКИ «ГРОЗЫ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА». АЛЕКСАНДР I НА ВОЛГЕ И В ЗАВОАЖЬЕ

Влияние войны на городское и уездное общество в 1812–1814 гг.

Отечественная война 1812 года оказала большое влияние на население российской провинции, в том числе жителей уездов и уездных городов¹. Тревожные ожидания были заметны еще в 1811 г., а в начале 1812 г. самарских обитателей взволновало явление кометы: «Почти все жители Самары предвещали какое-то общее несчастье, как обыкновенно из самой древности появляющиеся кометы всегда пугали людей»². Недобрые предсказания на этот раз воплотились в военную «грозу двенадцатого года», разразившуюся в июне. В городе стало многолюднее обычного. К привычному притоку бурлаков, сезонных рабочих добавились беженцы из пострадавших от войны губерний, через город с востока к театру военных действий шли пешие и конные полки.

Для Самарского края о событиях того времени хрестоматийными стали записки внимательного и информированного современника, каким был И.А. Второв³. Он исполнял в 1812–1814 гг. обязанности городничего, уездного предводителя дворянства, земского судьи.

Много места в них уделено описанию прибытия пленных из числа французов и их союзников. Их первая партия прибыла в Самару уже в конце сентября 1812 г. По описанию, это были больные, голодные и униженные люди: «Тогда все состояния озлоблены были до неистовства против врагов нашего Отечества, вместо квартир запирали их кучами в пустых сараях и амбарах. Равнодушно нельзя было смотреть на несчастные жертвы властолюбия Наполеона». Многие в городе в насмешку называли пленных французов «Париж-Пардон»⁴.

И.А. Второв из книги Н.Н. Булича Систематический каталог русских книг Казанской городской публичной библиотеки. Казань, 1878

Свидетельства очевидца находят подтверждение в официальных отчетах. Согласно им, по пути из Владимира через Самару в Оренбург погибли более 400 чел., т. е. свыше половины от общего числа французов, следовавших в той самой партии пленных, которую встречал Второв. Да и конвойная команда, состоявшая из ратников ополчения, по вине горе-командира потеряла 90 чел. умершими и 200 чел. больными⁵.

По обычаям ведения войны в плену солдатам и офицерам противника гарантировались сохранение жизни, денежное, вещевое и продовольственное обеспечение с учетом занимаемого ранее служебного положения, предоставление медицинской помощи и т. д. Однако опасным моментом для пленных было этапирование, когда на дорогах России они оставались без наблюдения и помощи, что фатально сказывалось прежде всего на больных и раненых.

Несмотря на трудности военного времени, на военнопленных наполеоновской армии выделялись вполне достаточные средства. На содержание пленных было назначено (в сутки): генералам — 3 руб., полковникам и подполковникам — 1 руб. 50 коп., майорам — 1 руб., обер-офицерам — 50 коп., унтер-офицерам, рядовым и нижним чинам — 5 коп. Сверх того им выдавался провиант, как русским солдатам. Далеко не у каждого подданного российского императора имелись доходы и заработки на уровне того содержания, которое предоставлялось бывшим вражеским солдатам, а тем более офицерам. Это содержание, как вспоминают сами пленные, «было более чем достаточно для удовлетворения всех насущных потребностей» с учетом дешевизны съестных и прочих товаров в России, особенно в небольших уездных городах. После удовлетворения насущных потребностей у офицеров даже оставались деньги на чай и кофе, посещение питейных заведений⁶.

Проявлялся прагматический подход к военнопленным. Мог использоваться принудительный труд нижних чинов. Применялись профессиональные знания музыкантов и преподавателей, медицинских, технических и иных специалистов, которые содержались в плену и которых недоставало в местах их пребывания, особенно в провинциальной глубинке.

В русском обществе складывалось неоднозначное отношение к побежденному врагу. Реальное положение отдельных групп военнопленных и просто конкретных людей в местах содержания прежде всего определялось их отношениями с местной властью, населением и его отдельными группами. В дворянстве (особенно среди дам) встречался безудержный восторг от одного вида француза или немца, попавшего не по своей воле в русскую провинцию. Ходил незамысловатый стишок: «Как в нынешнюю войну / Успехи переменны: / У Рос-

сов Галлы в полону, / А ими Россиянки пленны!!!»⁷ В то же время к ним проявлялась почти патологическая ненависть со стороны людей, подобных тому самому командиру владимирского ополчения — подполковнику Языкову, который издевался над пленными на глазах жителей Самары. Одни крестьяне брезговали и не пользовались более чашкой или ложкой, которые побывали в руках француза, а другие радушно и бесплатно давали пленным еду, обогревали и растирали своими руками обмороженных, спасая от смерти и увечий. Одни горожане не могли удержаться при встрече с пленным, чтобы не оскорбить его, а другие дружелюбно приветствовали.

Играла роль также готовность самих пленных вписаться в иной быт. Рядовой солдат Циммерман из Ганновера отлично ладил не только с соплеменниками-немцами, живущими в России, но и с бузулукскими помещиками, развлекаая их с дочками игрой на гитаре и флейте, и с местными крестьянами, для чего всего-навсего требовалось из вежливости перекреститься на иконы, войдя в дом и перед приемом пищи⁸.

Благодаря позиции самарских властей и лично Второва, которого французы называли «комендантом», положение пленных в городе было более или менее сносным. К началу 1814 г. здесь их находилось 18 офицеров и 101 рядовой различных национальностей⁹.

Русский плен оказался недолог. Первоочередной репатриацииемой подлежали подданные тех стран, которые выходили из зависимости от Франции и тем более устанавливали союзнические отношения с Россией. Однако даже собственно французские подданные были репатриированы практически сразу после окончания военных действий в 1814 г.¹⁰ В одном из писем Второву бывший военнопленный, оставив в прошлом прежнюю вражду и обиды, писал: «Я всю жизнь буду помнить красивый берег, где вы были, когда мы уезжали, и благоприятный прием добрых жителей Самары, которые пришли туда сказать нам последнее прости»¹¹.

Немало пленных предпочло остаться в России, перейдя в русское подданство, а некоторые — и в православие. При этом не все пленные такую возможность получили из-за позиции русского правительства, запретившего со временем такие переходы, чтобы не ссориться с прежними врагами и новыми союзниками из-за подданных-перебежчиков. Эти факты расходятся с утверждениями, повторяющимися в школьных и вузовских учебниках, что, побывав в Европе и увидев тамошнюю жизнь, русские воины-победители только и стали мечтать о революционном переходе своей страны на западный образ жизни. В этой связи непонятно, что заставило отказаться от той жизни и остаться совершенно добровольно только в поволжских губерниях России, по неполным официальным данным, 1 генерала, 12 офицеров и около 440 нижних чинов наполеоновской армии¹².

Среди них были французы, итальянцы, поляки, немцы, австрийцы, голландцы, венгры, хорваты, испанцы и другие из «двунадесяти языков», участвовавших в наполеоновском нашествии. Эти люди стали военнослужащими русской регулярной армии, казаками, врачами, учителями, гувернерами, мастеровыми, крестьянами. Так, от 160 до 180 бывших военнопленных решили поселиться в многочисленных иностранных колониях Поволжья¹³. Объяснялось это тем, что «склад жизни колонистов» им подходил больше, «чем нравы купцов и мещан»¹⁴.

Участие населения Самарского Поволжья собственно в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1814 гг. проявлялось в различных формах. Уроженцы края служили в регулярной армии, а также в земском ополчении Симбирской губернии, принимавшем участие в ряде сражений, в том числе в битве под Дрезденом¹⁵. Это участие также выразилось в уплате обязательных платежей и добровольных пожертвований, необходимых для военного бюджета, в несении постоянной и иных повинностей.

Бедствия войны для далеких от театра боевых действий провинциалов, кроме утраты погибших на войне близких и постоянного опасения за жизни находящихся в армии, включали увеличение налогов и рост цен, расстройство дел многих торговцев и ремесленников из-за снижения спроса на товары и услуги. Болезненно сказывалось падение курса «ассигнационного»-бумажного рубля. Прежде всего пострадали чиновники, жалование которых выдавалось ассигнациями. Проведенный учеными анализ денежного обращения и цен показывает: «Под влиянием наполеоновских войн 1799–1815 гг. курс ассигнаций стал резко понижаться... в царствование Александра I — более чем в 3 раза». В результате реальное жалование чиновников «низших классов и особенно у канцеляристов... практически превратилось в фикцию»¹⁶.

Следует также учесть осложнение криминогенной обстановки в волжских городах и затруднения по охране в них общественного порядка¹⁷. Появились новые виды преступлений: шпионаж и экономическая диверсия в виде завоза фальшивых банкнот в Россию для подрыва ее денежной системы¹⁸.

Вместе с тем вести с полей сражений и подвиги защитников Отечества вели к росту патриотических настроений и гражданской активности, повышению доли товаров отечественных производителей на рынке и снятию ряда ограничений для торгующих крестьян. Все это способствовало как преодолению тягот военного времени, так и созданию задела для общественного и хозяйственного подъема в послевоенный период. Бесспорным благотворным следствием подъема, порожденного победой в войне, стали рост национального самосо-

знания, развитие русской культуры, что особо зримо демонстрировали архитектурные сооружения в память о событиях 1812 года¹⁹, в том числе воздвигнутые в Среднем Поволжье²⁰.

Среди участников войны 1812 года и походов 1813–1814 гг. известен самарский уроженец, кавалер ордена Святого Георгия Г.В. Пяткин. И.А. Второв приходился ему двоюродным братом и был его воспитателем в детстве. Приезд летом 1814 г. в гости к родным в Самару блестящего гвардейского подполковника, отличившегося и раненного в сражениях под Малоярославцем и Лейпцигом, награжденного орденами России и Пруссии, произвел впечатление на местное общество²¹.

Более близко жителям Самарского края довелось познакомиться с другими участниками войн против Наполеона, занимавшими здесь должности в местном управлении, которые часто замещали отставные военные. Так, участник битвы при Березине и взятия Парижа майор С.М. Дивлекильдеев (Давлеткильдеев) вышел по ранению в 1816 г. в отставку, через год получил назначение городничим в г. Сенгилей, а в 1818 г. находился уже на аналогичной должности в Самаре. В 1825 г. он был назначен земским исправником (руководителем уездной администрации и полиции) в Бугуруслан. В 1848 г. бузулукским городничим стал А.Т. Цыплатников, участник сражений 1812 года, награжденный за битву при Лейпциге в 1813 г. орденом Святого Георгия. В 1850-е гг. он служил городничим в Бугуруслане, а затем в Ставрополе. На его место в Бузулук был в 1854 г. назначен К.С. Бедарев, который в 1840-е гг. был полицмейстером и городничим на Сергиевских минеральных водах²².

Венценосный гость

Среди городничих Самары – ветеранов Отечественной войны особая честь выпала И.И. Соколовскому, отставному артиллерии поручику и участнику Бородинской битвы, который служил здесь с 1821 г. В 1824 г. он принимал в городе императора Александра I. После Петра Великого это был второй случай посещения Самары правителем России.

«Венценосные путешествия» правителей России по своей империи стали традицией во времена Екатерины II²³. Их можно считать важной частью политики русского «просвещенного абсолютизма». В последнее десятилетие своей жизни (1816–1825) не было ни одного года, когда бы Александр I не совершал длительных поездок по стране²⁴. Одна из них, а именно – на восток империи в 1824 г. – отличалась своим направлением, обычно венценосные путешественники предпочитали поездки на запад или на юг.

Александр I в дороге. Гравюра. II четверть XIX в. Из кн.: Барятинский В.В. Царственный мистик (Император Александр I – Федор Кузьмич). СПб., 1912

Вечером 5 сентября император прибыл в губернский город Симбирск. Маршрут от Симбирска было уделено особое внимание. Во-первых, именно этот город стал в 1767 г. самой дальней точкой плавания Екатерины II по Волге, и для высшей имперской власти все, что уходило за его городскую черту, становилось своеобразным открытием. Во-вторых, в Симбирске первоначальный маршрут по воле монарха был изменен, что говорит о его активной роли в ходе путешествия. Конечно, каждая императорская поездка тщательно планировалась, прежде всего офицерами Главного штаба. Однако также заранее закладывались альтернативные взаимозаменяемые маршруты²⁵.

Сначала предполагалось, что из Симбирска император отправится сухопутной дорогой на Самару, совершив необходимую переправу с правого на левый берег Волги в конце этой дороги. Однако Александр I решил устроить смотр Ставропольскому калмыцкому войску и пожелал увидеть «очаровательную картину нагорной стороны Волги» у Жигулей. Соответственно, для императора была организована переправа в Ставрополь, а затем он с ближайшими спутниками совершил плавание на парусно-весельном катере-«гардкоуте» из Ставрополя в Самару, куда остальная свита отправилась в экипажах по первоначально запланированному маршруту правым берегом Волги с переправой у с. Рождествено. Участники плавания подчеркивают, что к нему подвигла также «самая благоприятная» погода, чтобы «это путешествие поистине было восхитительно»²⁶.

То, что альтернативный путь и способ передвижения, которые предпочел император, были заранее спланированы, говорит проду-

манная символика. На гардкоуте был поднят хранившийся в Казанском адмиралтействе императорский штандарт, под которым плыла по Волге Екатерина II, тем самым манифестируя преемственность деяний двух «просвещенных монархов».

Окончательное решение о плавании вниз по Волге было принято после удачной Жигулевской переправы в Ставрополь 7 сентября. Вечер и ночь в этом городе Александр I провел в доме Е.Ф. Милькович, тещи И.А. Второва, которую вместе с ее семейством наградил подарками. Также подарками одарили четырех представленных царю в национальной одежде калмычек – жен и дочерей командиров Калмыцкого войска. Утром 8 сентября император принял ставропольских дворян и купцов. Тем временем за ночь к Ставрополю на смотр прикочевали «из улусов Калмыцкие войска». Царь «входил в кибитки их, отведывал их пищу и пил кумыс». Вновь последовала раздача наград. Войсковой атаман калмыков майор Барышевский был произведен в подполковники и кавалеры ордена Св. Анны II степени. Калмыцкому войску государь пожаловал 2000 руб. Основным же последствием смотра стало продолжение существования этого войска, ликвидацию которого предлагали осуществить, чтобы его территорию под Ставрополем и Самарой заселить государственными крестьянами. Этот вопрос временно был закрыт²⁷.

Портрет И.И. Дибича в Военной галерее Зимнего дворца. Худ. Джордж Доу

После церковной службы в городском соборе Ставрополя император в сопровождении начальника Главного штаба генерал-лейтенанта И.И. Дибича и генерал-штаб-доктора Я.В. Виллие поднялся на борт гардкоута. Отплыв от пристани за версту, Александр I некоторое

время наблюдал за переправой своей свиты на другой берег, а затем тронулся вниз по Волге, приказав команде скинуть мундиры, галстуки и подтяжки, распорядившись давать матросам чаще отдыхать и поливать водой головы из-за жары. Александру I отвели на палубе место, где он мог сесть под зонтом. Командир не поставил грот, чтобы не тревожить занятого чтением бумаг монарха. Заметив это, император, хорошо разбиравшийся в парусном вооружении, встал, сам обнес шкот вокруг зонта и натянул на крюк.

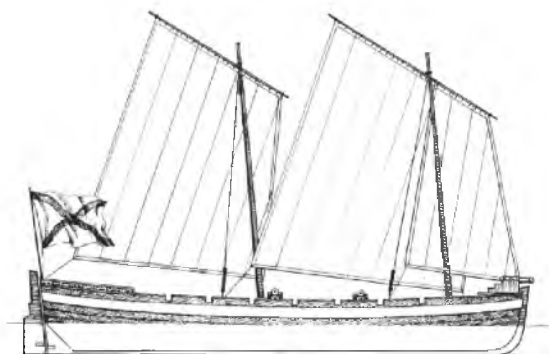

Лейб-медик Я.В. Виллие

Плаванием Александр I остался весьма доволен, напоследок заметив: «Что как жителю гор необходимо нужно иногда переходить в долины, чтобы переменить воздух, так и жителю коляски, чтобы успокоится — не худо ехать по воде». Другие его слова, «что он никогда не чувствовал себя здоровее» после такой водной прогулки, подтвердил доктор Виллие. Командир градкоута Д.И. Трубников записал: «В шесть часов пополудни Государь Император был уже на пристани. Здесь я имел счастье получить Монаршую благодарность и бриллиантовый перстень; команде моей Высочайше пожаловано: унтер-офицеру 20, бомбардиру 15, матросам по 10 рублей на человека»²⁸.

На пристани императора встречало практически все население Самары и ее окрестностей. Во главе собравшихся было местное начальство в лице городничего Соколовского, уездного предводителя дворянства, уездного судьи, капитана-исправника и городского головы. Александр I пересел в экипаж и под громкое «Ура!» толпы, которая, не расходясь, сопровождала его до самого дома, в котором была

отведена квартира для отдыха и ночлега и который принадлежал начальнику Илецких соляных промыслов Г.Н. Струкову, бывшему флигель-адъютанту императора. Тот вместе с Соколовским был приглашен к столу монарха, сотрапезниками которого также были будущий генерал-фельдмаршал И.И. Дибич и лейб-медик Я.В. Виллие. Скромное немногочисленное застолье время от времени прерывалось из-за того, что Александр I, отзываясь на крики людей, заполнивших двор усадьбы Струкова, прилегающие улицы и даже влезших на заборы, выходил на крыльцо и приветствовал собравшихся. Постой императора больших хлопот и расходов хозяевам отведенных ему квартир не приносил. У Струкова, как и в других домах, Александр I ночевал на своей походной постели, представлявшей собой ковер, брошенный поверх вороха соломы, которую натаскали в одну из комнат. Дом и покой императора охраняла добровольная стража из горожан²⁹.

Двухмачтовый гардкоут

Как и в Ставрополе, вечер сразу после прибытия император уделил приемам. Жену и дочь И.А. Второва пригласили к монарху, который запомнил из разговора с хозяйкой своей ставропольской квартиры, что ее дочь и внучка живут в Самаре. На следующий день, 9 сентября 1824 г., император еще раз вспомнил в разговоре с самим Второвым о гостеприимстве его тещи. Доброе расположение монарха к семье самарского чиновника тем не менее не давало основания обратиться с личной просьбой. Законы и правила того времени не позволяли подданным подавать прошения в руки императора вне установленного порядка. За всю поездку Александра I в 1824 г. нет сведений о каких-либо попытках подать монарху коллективную или частную просьбу, жалобу, представление. Заготовленное Второвым прошение о награждении его орденом и потомственным дворянством так и осталось неврученным, а отправилось обычным бюрократическим порядком в долгое странствование по инстанциям.

Утром 9 сентября императору были представлены чиновники, дворянский предводитель с местными дворянами, городской голова с купечеством. Выразив желание увидеть город, Александр I проехал по нескольким улицам в сопровождении собравшегося народа, заехал в соборную церковь, где был встречен духовенством с иконами и приложился к кресту. Александр I лично выразил благодарность городничему, поскольку остался весьма доволен состоянием города. Отправившись по Оренбургской дороге, император остановился в самарском пригороде Алексеевске, где «изволил кушать в доме казачьего атамана Михайлова», после чего жене и дочери атамана пожаловал по бриллиантовому перстню³⁰.

Трапеза в казачьем доме была организована, как и смотр калмыцкого войска под Ставрополем, И.И. Дибичем не случайно. Руководство военного ведомства, устраивая встречи императора с калмыками и казаками, старалось защитить иррегулярные войска в Заволжье от посягательств на занятые ими плодородные земли со стороны помещиков, чиновников казенного и удельного ведомства, самовольных крестьян-переселенцев.

Одной из бывших крепостей, постепенно превращавшейся в обычный уездный город российской сельской глубинки, был Бузулук, в котором состоялась первая ночевка после выезда Александра I из Самары. В селениях, через которые или мимо которых проезжал император, например в с. Бобровка, жители встречали его с хлебом и солью, а священники – с крестами и колокольным звоном. Экипаж Александра I не раз останавливался в дороге, при этом он выходил и шел пешком вместе со встречавшими его людьми, называл их своими детьми, вступал с ними в разговоры, некоторых одаривал деньгами. К сожалению, никто из современников не удосужился сделать записи этих в высшей степени любопытных разговоров монарха с простыми подданными в непринужденной обстановке на степном тракте. Императору самому интересны были прогулки в окружении случайно оказавшихся или специально пришедших и съехавшихся навстречу ему людей. Кроме того, монарх страдал от боли и отека в ноге, особенно когда приходилось долго сидеть. Каждый переезд между почтовыми станциями Александр I несколько верст шел пешком, тогда боль уходила, а отечность уменьшалась. Он часто это делал, уехав далеко вперед на коляске, запряженной всегда четверкой лошадей, от сопровождавшей свиты. С ним оставались только кучер и один солдат, но зато сразу окружали незнакомые восторженные подданные. Про террористов тогда и не слышали. Дальнейший путь императора лежал на восток – в Оренбург и на Урал³¹.

§ 2. ЗАСЕЛЕНИЕ ЗАВОЛЖЬЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ГУБЕРНИИ

Помещики в освоении Заволжья

На восток шел и основной поток переселенцев. Процесс заселения края продолжался и привел в первой половине XIX в. к серьезным результатам. Произошло коренное изменение этнической и демографической ситуации в левобережной части Самарского края. К этому времени возникло большинство существующих селений к северу от р. Самары и заметное число к югу от нее. Например, крепостными крестьянами, которых перевели из Симбирского и Казанского уездов, было заселено с. Страхово (Кутулук)³².

К подобным переселениям приложили усилия землевладельцы различного статуса и достатка, включая представителей богатейших родов России. Внук графа В.Г. Орлова В.П. Давыдов (с 1856 г. — граф Орлов-Давыдов), как и дед, отличался большей осторожностью в покупке населенных владений и предпочитал осваивать целинные земли Заволжья за счет перевода жителей из давно обжитых мест в новые многоземельные селения. Так, на месте хутора Рязанского, который уже давно использовался зажиточными крестьянами Жигулевской волости для выпаса скота, было решено основать новое село Натальино, названное в честь матери и дочери Давыдова³³.

Место было хорошо известно крестьянам и пользовалось доброй славой, поэтому желающих переселиться туда было много. Принудительного переселения здесь не было. Более того, новоселов отбирали и ставили им условия, чтобы те не имели на старом месте жительства долгов или недоимок, а при переселении не требовали помощи. Всего из Жигулевского имения было переселено в Натальино 480 душ м. п. Переселения затронули жителей и других крепостных волостей Давыдова. Как и прежде, замысел переселения был подчинен задаче увеличения производства товарного хлеба на барской запашке. Для лучшего обеспечения переселенцев в Натальине помещик прикупил у своей двоюродной тетки А.А. Орловой-Чесменской более 5 тыс. дес. земли. Однако земли эти были в отдалении от селения, а поэтому Давыдов променял их на участок казенной земли поближе. Здесь же была получена еще тысяча десятин казенной земли в обмен на дальние луга в Ставропольском уезде³⁴.

Вторым направлением переселений при В.П. Давыдове была Борковская волость под Ставрополем, где также появлялись новые селения и административный центр которой при В.П. Давыдове переместился в одно из новых сел — Никольское. Там же была основана д. Тимофеевка. Из одной только Жигулевской волости в Борковское имение переселилась 291 душа м. п. Сюда, в отличие от заселявшего-

ся по добровольному желанию Натальина, принудительно отправляли погорельцев и бедняков с помощью мира и помещика. Толчком к началу передвижки населения в Ставропольский уезд послужил пожар в правобережной д. Московке в 1834 г. Вместо того чтобы снабжать погорельцев строительным материалом из дальних лесов, было решено перевести их на левый берег Волги в Борковское имение, где было довольно строевого леса. Погоревшие жители Московки переселились туда в 1835 г., а в 1836 г. на новое место отправилась и другая половина деревни, разобрав свои уцелевшие от огня дворы и перевозя их с мирской помощью³⁵.

Несмотря на тяготы перевоза дворов, еще труднее приходилось тем помещичьим крепостным, чьи хозяева от недостатка средств или от жадности предпринимали перевод на новое место жительства без той подготовки, которую осуществляли в Усольской волости. Известный публицист-«западник» К.Д. Кавелин признавался на страницах конфиденциального письма управляющему своего села Константиновского на юге Заволжья в том, о чем никогда не говорил в печати: «Если мужики меня убьют, я буду говорить в минуту смерти: эти люди платят мне за грехи моих предков, и они правы... Спросите у старых людей... сколько их перемерло от того, что их переселили, а дворов у них не было!»³⁶

Дочь графа В.Г. Орлова Е.В. Новосильцева продала часть своих заволжских земель незаконнорожденному двоюродному брату графу (позднее — князю) А.Ф. Орлову. В имении, записанном на его супругу О.А. Орлову, в 1840 г. были поселены деревни Ольгино и Николаевка³⁷. Позднее владельцы продали их в удельное ведомство.

Число крестьян удельного ведомства в Самарском крае росло не только за счет покупки помещичьих имений. Важным источником роста их численности в крае являлись также переселения из малоземельных губерний. Одна из таких переселенческих партий прибыла в д. Яблонувый Овраг из Моршанского уезда Тамбовской губернии. На переселение толкнуло малоземелье, поскольку на прежнем местожительстве на душу мужского пола приходилось всего по две десятины наделной земли, считая усадебные места³⁸.

Массовые переселения государственных крестьян в 1825–1834 гг.

Наиболее крупные переселения государственных крестьян в Заволжье начались с 1825 г. и продолжались до 1833–1834 гг. Этот всплеск переселений жителей казенной деревни следует связать как с объективными условиями аграрного развития предреформенной России, так и с субъективными факторами. Среди последних следует выделить энергичную поддержку переселенческому движению, оказанную министром финансов графом Е.Ф. Канкриним, бывшим генерал-

интендантом русской армии во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 гг. В первую очередь им был на деле запущен механизм переселений, предусмотренный действующим законодательством, но пробуксовывавший на реальной практике. Так, с 1815 по 1823 г. в малолюдный и многоземельный Бузулукский уезд прибыло из разных мест всего 454 душ м. п., а убыло в другие уезды и губернии 392 души м. п., прирост за счет переселений составил всего 62 душ м. п., или 0,2 % от численности жителей уезда по ревизии³⁹.

6 июля 1824 г. Канкрин специальным распоряжением подтвердил правила переселения крестьян 1805–1808 годов. Вслед за тем последовало новое распоряжение о строгом соблюдении казенными палатами 15-десятиной пропорции при наделении переселенцев землей, об освобождении тех от платежей и рекрутских повинностей в продолжение трех лет. 7 октября 1826 г. Министерство финансов направило в Департамент государственных имуществ предписание о том, чтобы местные казенные палаты способствовали переселению крестьян. Для этого необходимо было вести наблюдение за распределением землемерами угодий и наделов, следить за своевременной выдачей семян для посева, отводить переселенцам безденежно лес для построек и предоставлять временные квартиры, принимать меры к сохранению их здоровья. 31 января 1831 г. были обнародованы утвержденные Николаем I Положения о переселении. В них говорилось, что казенные палаты должны заблаговременно выделять переселенцам участки земли по 15 дес. на ревизскую душу, обмежевывать и наносить их на планы. На обстройку переселенцам выдавалось пособие от 50 до 100 руб. в зависимости от наличия на местах лесного материала. Специально оговаривалось право переселенцев на получение в пути следования квартир, пользование пастбищами и бесплатную медицинскую помощь. Подтверждалась трехлетняя льгота в уплате податей и в отбывании рекрутской обязанности⁴⁰.

Успехи в освоении новых земель не замедлили проявиться. Так, с 1824 по 1829 г. в Оренбургскую губернию перебрались или изъявили желание перейти 35 146 душ м. п.⁴¹ Если в начале века из уездов этой губернии по числу принятых переселенцев на первом месте стоял Бугульминский уезд, то теперь самым привлекательным для новоселов смотрелся Бузулукский. На его земли перешла 15 661 душа м. п., то есть почти половина всех переселившихся в Оренбургскую губернию. Приток переселенцев в Бузулукский уезд за 1824–1829 гг. превысил показатели 1815–1823 гг. в 34,5 раза, а податное население уезда за счет переселенцев увеличилось за шесть лет почти на две трети (против ничтожных 0,2 % за предыдущие девять лет). В течение последующих пяти лет в уезде водворились еще свыше 5 тыс. душ м. п.

Активно заселялись земли, некогда отведенные для жителей крепостей пограничной Самарской линии. На бывших отводах Мочин-

ской слободы и семи крепостей по р. Самаре к 1840 г. существовало кроме старинных поселков при крепостях еще 56 казенных селений⁴². Из них 50 заняли земли Мочинской слободы и трех самых западных крепостей: Красносамарской, Борской, Елшанской, т. е. в основном расположенных на территории современной Самарской области, и только шесть были устроены на пространстве от Бузулукской до Новосергиевской крепостей.

Интересна динамика основания новых казенных поселков на отводах крепостей Самарской линии. В XVIII – начале XIX вв. (примерно до 1805 г.) появилось 16 из 56 рассматриваемых поселений. Для них характерен пестрый национальный состав: 5 поселков имели русское население, 5 – русско-мордовское, 1 – русско-украинско-мордовское, 1 – мордовское, 1 – русско-чувашское, 1 – чувашское, 1 – русско-татарское, 1 – татарское. В 1806–1812 гг. возникло еще 8 селений. Почти все они были русскими, и лишь одно имело смешанное русско-мордовское население. Несколько лет до 1820 г. новых поселков государственных крестьян в рассматриваемом районе не появлялось, и за первую половину 1820-х гг. их возникло всего три. Все они были русскими. Самая заметная волна переселений поднимается с 1827 г., которая до 1832 г. привела к появлению 27 сел и деревень. Еще по одному селению возникло в 1835 и 1840 гг. Как и в предшествующие два десятка лет, здесь появлялись только русские селения. Лишь в одном из них наряду с русскими поселилась мордва. Особенности временной динамики переселений и этнической окраски этого процесса, отмеченные на примере 56 казенных селений Бузулукского уезда, отражают тенденции, характерные для Самарского Заволжья в целом⁴³.

В среднем в каждом новом селении Бузулукского уезда водворялось свыше 200 ревизских душ, а в некоторые из них прибыло сразу или за очень короткий срок свыше полутысячи душ м. п. Самым большим из новых селений уезда (654 души м. п.) стала Зуевка. Начало Зуевке было положено при активной личной поддержке самого министра финансов, неоднократно положительно отзывавшегося на просьбы инициатора переселения – однодворца Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии Софрона Зуева. Просьбы эти, поданные в 1826–1827 гг., касались наделения землей в выбранном месте, включения в число переселенцев родственников из других уездов, разрешения на прежнем месте жительства собрать озимый и забрать сданный в общественные магазины хлеб, взыскания долгов с оставшихся односельчан⁴⁴.

Произошла окончательная смена главного направления движения переселенцев в наш край. Поволжье, дававшее в XVIII в. основное число сходцев, из которых формировалось население новоприсоеди-

ненных территорий, теперь стало одним из второстепенных регионов выхода. Ближние Симбирская и Казанская губернии в первой половине XIX в. представлены буквально единицами новоприбывших.

С 1824 по 1829 г. в уезды тогдашней Оренбургской губернии перебрались или изъявили желание перейти 35 146 душ м. п. Почти девять из каждых десяти переселенцев являлись выходцами из сравнительно отдаленных черноземных губерний центра страны и прилегающих к ним центральных губерний, лежащих к югу от Москвы. Особенно бросается в глаза приток государственных крестьян из Курской губернии, давшей две пятых всех новоселов края (13 461 душа м. п.) и самые большие по численности переселенческие партии (в среднем более 168 душ м. п. в каждой). Почти столько же, сколько курян, прибыло жителей Тамбовской и Воронежской губерний, вместе взятых (7411 и 5662 душ м. п. соответственно). Из пяти губерний (Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской), давших наибольшее число переселенцев, территориально ближе всего к Самарскому Заволжью находится Пензенская губерния, которая занимает в этом списке последнее место по количеству переселенцев (2827 душ м. п.), а Курская отстоит на самом дальнем расстоянии. Национальный состав основных губерний выхода определял и окончательно утвердившуюся новую этническую окраску переселенческого процесса. В нем теперь полностью преобладал русский элемент, некоторое разнообразие вносили мордовские и украинские жители перечисленных губерний, практически незаметным стало участие чужащей и татар⁴⁵.

Правительство, несмотря на свое стремление заселить далекий край, все более опасалось, что массовые стихийные переселения государственных крестьян выйдут из определенных законом рамок. Случалось, что переселенцы самовольно захватывали земли помещиков и других владельцев. Вспыхивали волнения, вызванные недовольством нераспорядительностью со стороны представителей местной администрации. Крестьяне постоянно терялись из сферы внимания налогового ведомства. Особенно был встревожен оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский. Причины его беспокойства были изложены в письме Канкрину от 7 августа 1833 г.: «Частью от недостатков удобных к поселению мест, а наиболее по своеволию переселенцев происходит здесь непозволительное неуважение к праву собственности ... бывали также примеры, что переселенцы не выказывали уважения ни к какой власти и продолжали упорствовать, вопреки распоряжению Вашего сиятельства, как случилось сие с курскими переселенцами, водворившимися на землях адмирала Мордвинова, с коих сведены силою». В письме Перовского указано, что из-за действий местных властей, которым приходится силой высылать крестьян на

новые места, а также нехватки продовольствия среди переселенцев поднимается ропот. Генерал-губернатор предлагал министру финансов запретить переходы до того времени, «пока среди переселенцев не будет наведен порядок»⁴⁶.

Властям пришлось в разгар наиболее массовых крестьянских переселений в Заволжье прибегнуть к усилению мер контроля за их ходом. 12 марта 1831 г. последовал указ, по которому запрещались самовольные крестьянские переселения. Отныне они должны были производиться лишь через казенные палаты, которые с «получением нужных сведений и с приложением заявления просителя и увольнительной от мирских обществ отправляли бумаги в Департамент государственных имуществ, а просители до разрешения Департамента не приостанавливали занятия свои в домашнем хозяйстве»⁴⁷. Для осмотра избираемых участков переселенцам по-прежнему разрешалось посылать своих депутатов в места будущих переселений. В 1832 г. последовала целая серия распоряжений Департамента государственных имуществ о запрете переселений без его разрешения. О запрещении самовольных переселений говорилось и в циркуляре статс-секретаря Министерства внутренних дел Д.А. Блудова от 25 сентября того же года.

Включая лиц, ускользнувших от точного учета, количество самовольных сходцев, по приблизительным оценкам, составляло в Заволжье до 40 тыс. ревизских душ. На последней цифре настаивал оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский, выступая против продолжения переходов и пытаясь убедить в том же петербургских чиновников. В письме Е.Ф. Канкрину от 3 января 1834 г. он утверждал: «Несмотря на принятые меры, изданные правила и подтверждения, переселения продолжались до сих пор с тем же беспорядком, и крестьяне, оставляя прежние места жительства, не испросив увольнения, прибывали в Оренбургскую губернию и захватывали самовольно несвободные земли»⁴⁸. Не сумев ограничениями свободы крестьянских переходов добиться контроля за ними, власти прибегли уже к откровенно запретительным мерам. В 1833 г. Министерство финансов, а в начале 1834 г. Комитет министров принимают решения о приостановке всех переселений в Оренбургскую губернию.

Хотя полностью заселение заволжских уездов Оренбургской губернии не прекратилось, но со временем более интенсивно стала заселяться та часть Самарского Заволжья, которая числилась в Саратовской губернии. До середины 1830-х гг. на луговых половинах Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов, вместе взятых, в 1826–1834 гг., получив разрешение на проживание и надельную землю, расселились 15 143 души м. п. государственных крестьян, что составляет лишь три четверти принятых в одном Бузулукском уезде. Тем не ме-

нее в ряд слобод, сел и деревень прибыло по несколько сот душ м. п. Из уже существовавших прежде селений выделяется Глушица, принявшая в указанные годы дополнительно 760 ревизских душ казенных крестьян. В числе самых крупных новых селений, появившихся тогда же, следует назвать Сухую Вязовку, куда прибыло более 600 душ м. п.⁴⁹

Переселения в Заволжье в предреформенные десятилетия

До середины 1830-х гг. наблюдение и ответственность за переселенческие дела возлагались на Министерство финансов и его местные учреждения. Затем государственное участие и контроль в процессе заселения края усилились вследствие реформы казенной деревни, предпринятой по инициативе министра государственных имуществ П.Д. Киселева, участника Бородинской битвы и других сражений 1812–1814 гг. В ходе этой реформы важное место отводилось переселенческой политике: «Министерство государственных имуществ с самого образования своего [26 декабря 1837 г. — Ю. С.], убедившись в необходимости облегчить участь нуждающихся в угодьях крестьян малоземельных губерний и обратить излишние руки с одних мест к обрабатыванию обширных пустопорожных пространств в многоземельных губерниях, распорядилось выпуском значительных партий переселенцев»⁵⁰. Для этих переселений предназначались прежде всего заволжские территории Оренбургской и Саратовской губерний.

Проблемы переселенцев создавали трудности у местных властей, не справлявшихся с большим притоком людей, а потому не раз требовавших его ограничения и даже временного прекращения. Однако даже получаемое время от времени согласие центральных правительственных учреждений на такие ограничения мало что меняло. Появление на свободных землях самовольных переселенцев из числа казенных крестьян все равно заставляло руководителей столичных ведомств и губернских чиновников оформлять переходы, чтобы не потерять налогоплательщиков и не довести их до разорения⁵¹.

По мере исчерпания свободных казенных земель в западных уездах Оренбургской губернии, включая Бузулукский, основные миграционные потоки устремлялись или дальше на восток в Приуралье и Сибирь, или вглубь степей. В связи с этим растут притягательность степного Заволжья для переселенцев и одновременно внимание к этому району со стороны правительства и местной администрации.

В результате новой волны переселений с 1838 по 1843 г. во всей России было переселено свыше 17 тыс. семей государственных крестьян. Из них 4283 семей, то есть более четверти, прибыло в новые заволжские уезды Саратовской губернии — Николаевский и Новоузенский⁵².

Основную массу переселенцев составляли люди, приходившие издалека и в поисках лучшей доли претерпевавшие немало лишений. На основании сообщений с мест П.Д. Киселев получил разрешение от императора предоставить переселенцам казенный лес на 3004 семей как для новоселов, так и для прибывших до 1838 г. Со своей стороны министр дополнительно распорядился, чтобы казенная палата выдавала крестьянам ссуды до 14 руб. серебром на перевозку леса с пристаней. Меры по обеспечению переселенцев строительными материалами дали положительный результат⁵³.

Продолжалось освоение и тех территорий Самарского края, которые входили в состав Оренбургской и Симбирской губерний. В Оренбургскую губернию с начала 1840-х гг. «водворение переселенцев разрешено было снова, только под условием привода их на участки, уже приведенные в известность». Позиция Перовского в отношении допуска переселенцев тогда смягчилась постольку, поскольку он посчитал, что уже «строгими мерами утушены в самом начале возникавшие между государственными крестьянами и в... войсках неурядица, и тем указано им, что эпоха своеволия миновалась»⁵⁴.

Как и Канкрин, министр Киселев не раз лично брал на себя ответственность за отдельные переселенческие партии, оказывая им необходимую помощь и содействие. В 1840 г. около 700 душ м. п. крестьян Гжатского уезда Смоленской губернии прибыли в Оренбургскую, бежав из родных мест от неурожая. Но и на новом месте они страдали от болезней, терпели голод, жили в землянках, более похожих на обычные ямы. В январе 1841 г. Министерством государственных имуществ переселение им было разрешено официально. При этом из Смоленска пришло сообщение, что к получившим разрешение на переселение собираются самовольно присоединиться еще несколько сот человек, покинувших дома под предлогом ухода на заработки. В сентябре 1843 г., во время поездки Киселева в Оренбургскую губернию, смоленские переселенцы обратились к нему с отказом от предлагаемых им участков. Они попросили отвести им земли в другом месте, и министр дал согласие на водворение 722 душ м. п. просителей в бывшей казачьей Мочинской слободе⁵⁵. Эти земли освободились после переселения живших здесь казаков-татар в пос. Варна Верхнеуральского уезда, а казаков-чувашей — в Новоорскую станицу на Новую пограничную линию⁵⁶.

Совет Министерства государственных имуществ с 1842 г. рекомендовал разрешать переселения крестьянам всех тех губерний, где на казенную ревизскую душу приходится в среднем менее 8 дес. надельной земли и недостаток нельзя было восполнить из свободных государственных земель. Правда, делалась оговорка, что надо учитывать при этом крестьянские занятия отходами и промыслами, орга-

низю переселения преимущественно из губерний, «в которых крестьяне менее промышленны»⁵⁷.

Во второй половине 1840-х гг. первостепенным объектом внимания киселевского министерства становятся бывшие земли Ставропольского войска. На эти земли предполагалось вести переселение по особым правилам, где новые поселки должны были стать примером для российской казенной деревни. В каждом сельском обществе, составляемом из нескольких сел и деревень, предусматривалось возведение еще до прибытия переселенцев общественных зданий (хлебных магазинов, домов старшины и писаря, сельских управлений и помещений для приезда чиновников, школ, сараев для помещения пожарных инструментов, общественных бань) и восьми образцовых крестьянских изб. На каждое сельское общество выделялось около 10 тыс. дес. удобной земли. Эта земля делилась на семейные участки по 39 дес.: 1 дес. усадьбы, 32 дес. пашни, 3 дес. сенокоса, 2 дес. выгона и 1 дес. леса. Всего было запланировано создание 12 новых сельских обществ в течение 24 лет, то есть по одному обществу за каждые два года⁵⁸.

Несмотря на то что доклад Киселева об учреждении семейных участков на казенных Самаро-Ставропольских землях был высочайше утвержден еще 14 февраля 1844 г., в 1848 г. министр государственных имуществ вынужден был признать: «5 лет тянется это дело безуспешно от того, что не сосредоточено его действие». Только к концу 1848 г. были закончены работы по подготовке к приему первых переселенцев в Николаевское сельское общество по р. Степной Чесноковке. В него входили село Николаевское (Никольское), деревни Александровка, Сосновка, Федоровка, Нижняя Константиновка, Верхняя Константиновка, Павловка, Алексеевка и Владимировка. Прибытие этих переселенцев началось в 1849 г. Всего к началу 1853 г. в указанное сельское общество было водворено 204 семьи, а еще в одно Вязовское общество — 80 семей⁵⁹.

Хотя контроль за переселением на данные земли был как никогда строгим, но и здесь не обошлось без самовольных сходцев. В первый же год заселения Николаевского общества в нем оказалось «11 семейств, самовольно туда зашедших, коих впоследствии разрешено было принять»⁶⁰. Таким образом, и в этом случае Киселев не отступил от давней традиции и собственной позиции оформления даже незаконных переходов. Он не желал допустить лишнего отягощения и полного разорения государственных крестьян, решившихся на такой шаг.

Изменение состава населения Заволжья к середине XIX в.

Итоговые данные о росте населения Заволжья в первой половине XIX в. и изменении его распределения по различным уездам и терри-

ториям устанавливаются на основании разнородных источников. Они представлены в документах архивов⁶¹. Также важные сведения были собраны и обработаны статистиками того времени⁶² и современными учеными⁶³.

В результате их анализа и сверки получены абсолютные цифры, достаточно близкие к действительным. Относительные числа, выраженные в процентах, представляются вполне адекватными реальному соотношению различных групп населения.

За время, прошедшее от Генерального межевания рубежа XVIII–XIX вв. до образования Самарской губернии в 1851 г., население Заволжья выросло почти в 4 раза (с 389 360 до 1 512 291 чел.). Естественно, что такое увеличение обеспечивалось не столько естественным приростом, сколько постоянным притоком переселенцев.

Особо активно заселялись степные южные уезды (Николаевский и Новоузенский) и юго-восточные районы Заволжья (Бузулукский уезд), еще малолюдные в конце XVIII в. – 69 186 и 42 074 чел. соответственно. Они увеличили к середине XIX в. численность жителей в 7 раз – до 458 500 и 297 823 чел. соответственно. На других территориях населения также стало заметно больше. На Левобережье Симбирской губернии (Ставропольский уезд и заволжские части Самарского и Сызранского уездов) население выросло в 2,5 раза (с 137 833 до 342 425 чел.), в Бугульминском уезде – в 2,8 раза (с 61 414 до 174 809 чел.), в Бугурусланском – в 3 раза (с 78 853 до 238 734 чел.).

При этом заметно возросла плотность населения. Так, в Ставропольском уезде она поднялась по сравнению с периодом Генерального межевания с 7,9 до 17,65 чел. на кв. версту при вхождении в Самарскую губернию. Он по-прежнему оставался самым густонаселенным среди рассматриваемых уездов. Однако по данному показателю к нему вплотную приблизились Бугульминский уезд (16,88 чел. на кв. версту), несильно отстававший и при Генеральном межевании (5,6 чел. на кв. версту), Бугурусланский и Бузулукский (15,19 и 15,25 чел. на кв. версту). Последние два были весьма редко заселены на рубеже XVIII–XIX вв. (4,7 и 1,9 чел. на кв. версту соответственно)⁶⁴.

Самарский уезд даже с учетом жителей административного центра отставал по плотности населения и от западных, и от восточных соседей – 14,22 чел. на кв. версту. Без учета же городских жителей плотность заселения Самарского уезда снижалась до 12,11 чел. на кв. версту. Это объясняется наличием свободных земель не только в южной степной части этого уезда, но и к северу от губернского города. В последнем случае речь идет прежде всего о землях калмыцкого войска.

По-прежнему самая незначительная плотность населения наблюдалась в южных уездах Заволжья – Николаевском (9,17 чел. на кв. версту)

и Новоузенском (4,33 чел. на кв. версту). Однако эти невысокие цифры значительно превышают данные Генерального межевания, когда в южной части Степного Заволжья плотность не достигала 0,5 чел. на кв. версту.

Этнические группы населения представлены следующим образом⁶⁵ (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Этнические группы населения

Национальность	Чел.	%
Русские	1 052 013	68,75
Малороссы	45 000	2,94
Поляки	1385	0,09
Мордва	127 398	8,33
Чуваши	60 318	3,94
Вотяки	1062	0,07
Татары	95 454	6,24
Башкиры	20 934	1,37
Тептяри	36 520	2,39
Казахи	750	0,05
Немцы	89 134	5,83
Евреи	125	0,01
Всего	1 530 093	100

В статистических данных того времени не совсем точно определялись этническая принадлежность, особенно грани между представителями близких по языку или культуре этнических групп. Это приводило к разночтениям в одновременных источниках. Приводились и иные сведения об удельном весе русского и украинского населения в губернии (67,50 и 4,05 % соответственно); уточнялось, что «польское» население является, по сути, белорусами; давалась более высокая доля мордвы (9,26 %), видимо, за счет ее части, практически слившейся с русскими и другими народами; тептяри не выделялись в отдельную этническую группу и считались башкирами или татарами, причем вообще предлагалась несколько иная перегруппировка тюркского населения за счет смешанных и переходных групп (3,56 % – чувашаи, 5,23 % – татары, 4,00 % – башкиры)⁶⁶.

Четкость этнической картины также затушевывается процессами языковой ассимиляции. Так, в смешанной татаро-чувашской среде на территории Самарского и Ставропольского уездов происходила ассимиляция чувашей. Это подтверждается источниками середины XIX в., отмечающими у последних «более наклонности к татарам»⁶⁷.

Ассимиляция заволжской мордвы шла в ином направлении. Современники приводили в качестве типичного примера «два селения в Самарском уезде, Спиридоновку и Кануевку, в которых ныне состоит до 4 тыс. жителей, происходящих за самым малым исключением из мордвы, но они во всех официальных сведениях признаются за русских по невозможности отделить их число от сих последних»⁶⁸.

Несомненным остается при разных вариантах подсчета общий вывод, что при сохранении многонационального характера и культурного разнообразия жителей переселения в первой половине XIX века определили значительное преобладание в Заволжском крае русского православного населения. Не только на рассматриваемой территории в целом, но и в отдельных уездах русские представляли этническое большинство. Свыше половины жителей они составляли в уездах Бугулуцком (89 %), Николаевском (77 %), Самарском (75 %), Ставропольском (74 %), Бугурусланском (60,5 %). Лишь на северо-восточной и южной окраине губернии их было менее половины общей численности населения Бугульминского (39 %) и Новоузенского уездов (38 %). В трех уездах вторым по численности народом после русских была мордва: Бугурусланском (18 %), Самарском (14 %), Бугулуцком (4 %). В двух уездах вторыми по числу жителей шли немцы, а именно в Новоузенском (33,5 %) и Николаевском (12 %). Еще в двух уездах вторыми по количеству были башкиры – в Бугульминском (29 %) и татары – в Ставропольском (12,5 %)⁶⁹.

Практически все районы компактного проживания нерусского населения в Заволжье сложились в предшествующие этапы его освоения, то есть в течение XVIII – начала XIX вв. Они сохранялись в новых условиях преимущественно русской колонизации в основном благодаря естественному приросту этого населения и притоку соплеменников в уже существующие села и деревни.

В середине XIX в. четко обозначились тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп, обусловленные в значительной мере не только фактом совместного проживания, но и развитием товарного производства. Для тогдашней местной администрации подобные явления представлялись очевидными: «В отношении свойств этого населения должно сказать, что оно при всем разнообразии своего исторического происхождения уже достаточно слилось между собою, усвоило общие черты в характере. Развитие торговли и хлебопашества, принявшего промышленное [*товарное*. – Ю. С.] направление, более всего благоприятствовало в этих отношениях, возбуждав новые потребности и новые понятия... Вследствие того здешний крестьянин является уже потребителем значительного количества фабричных предметов и всякого рода изделий, необходимых для его хозяйственного быта, доставляемых теперь из верховых губер-

ний... При таком направлении быстро изглаживаются те особенности внешней и внутренней жизни народа, которые обыкновенно остаются неизменяемыми в местах, более удаленных от промышленных [торговых. – Ю. С.] центров»⁷⁰. Подобные процессы приводили к тому, что «общие черты русского поселения принадлежат в некоторых отношениях также инородцам», хотя «последние удерживают многие им только свойственные особенности»⁷¹.

Сословный состав населения Заволжья в середине XIX в. и изменение в нем доли основных сословных групп по сравнению с периодом Генерального межевания представлен следующими расчетами по имеющимся источникам⁷² (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Сословный состав населения Заволжья в середине XIX в.

Сословия	Середина XIX в.		Начало XIX в.	
	чел.	%	чел.	%
Привилегированные группы населения в т. ч.:	14 121	0,92	2917	0,75
дворяне потомственные	1598	0,10		
дворяне личные	1393	0,09		
чиновники-недворяне	926	0,06		
Духовенство	10 204	0,67		
Непривилегированное неподатное население в т. ч.:	98 566	6,44	37431	9,60
нижние чины регулярных войск и члены их семей	4055	0,27		
служащие в иррегулярных войсках и члены их семей	57 454	3,76		
отставные солдаты и солдатки	37 057	2,42		
Податные сословия в т. ч.:	1 416 665	92,63	349381	89,6
почетные граждане	22	0,001		
купечество	12 573	0,82		
мещане и цеховые	40 985	2,68		
иностранные подданные	127	0,01		
колонисты	88 992	5,82		
государственные крестьяне и однодворцы	789 809	51,64		
удельные крестьяне	246 061	16,09		
помещичьи крестьяне и дворовые люди	234 179	15,31		
исключенные из разных ведомств и вольноотпущенники	3917	0,26		
Всего	1 529 352	100	389 729	100

Основную массу жителей края, как и прежде, составляли представители непривилегированных податных сословий. На городские сословия (почетных граждан, купцов, мещан, цеховых, иностранных подданных) приходилось 3,5 % населения. Крестьян было 89,1 %. Среди них в Заволжье традиционно преобладали государственные крестьяне, которые вместе с иностранными колонистами и вольноотпущенниками составляли две трети здешних крестьян. Вторыми по численности среди сословных групп крестьян были удельные, и лишь третьими — помещичьи, хотя дворяне продолжали весьма активно переводить своих крепостных на новые земли.

В современной исторической литературе обращено внимание, что в середине XIX в. даже среди провинциальных чиновников зрело понимание, что более эффективным является труд, свободный от крепостного принуждения. Преобладание в Заволжье крестьян, не состоящих в личной зависимости от частных владельцев, они справедливо считали за благо: «Большое число водворившихся... свободных поселян, пришедших добровольно и целыми обществами... сохранивших добрые предания, какие завещаются постоянно спокойною свободою сельскою жизнью, имели самое благодетельное влияние на водворение порядка в здешнем крае»⁷³. В этих словах уже звучало осуждение устаревших крепостных порядков и ожидание больших перемен.

Административное устройство и планы образования новой губернии в Заволжье

Губернская реформа 1775 года оказалась наделенной большой исторической прочностью, определив надолго в основных чертах устройство органов местного управления Российской империи. Однако на территории Самарского края необходимость в изменениях числа, статуса, размеров административных единиц обуславливалась его быстрым освоением.

Административное устройство заволжских территорий на уездном уровне внешне до конца первой половины XIX века только казалось унифицированным по общероссийскому образцу. Значительная часть здешнего населения и его земли оставались вне ведения гражданских властей, а подчинялась непосредственно военному начальству в Оренбурге: казаки Оренбургского войска, ставропольские крещеные калмыки, башкиры на восточных окраинах Заволжья. Это военно-служилое население делилось на округа-«кантоны», которыми управляли «выбранные из народа люди и старшина», заботившиеся также о командировке «войска на линию в полной силе», его вооружении и содержании. Расписание пяти казачьих кантонов было составлено

оренбургским военным губернатором О.А. Игельстромом в 1798 г. Из них два (3-й и 5-й кантоны) размещались в заволжских уездах Симбирской и Оренбургской губерний. Из-за отдаленности от пограничных линий их обычно называли внутренними. Они делились на станицы, которые здесь, как правило, не были отдельными поселениями, а являлись казачьими общинами в совместных местах жительства с горожанами и крестьянами. Так, казаки, обитавшие в г. Самаре, составляли Самарскую станицу 5-го кантона⁷⁴.

Доля военно-служилых сословий и их роль в хозяйственном освоении края постоянно снижалась из-за постоянного притока переселенцев-крестьян. Такие социальные и политические факторы, как правительственные меры по закреплению Заволжья в составе России, желание помещиков увеличить свои владения и доходы, стремление хлебопашцев на свободные земли, к концу первой трети XIX в. привели к коренному изменению демографической ситуации в левобережной части Самарского края в отношении плотности и сословного состава населения. Перечисленные факторы продолжали действовать и в предреформенные 1830–1850-е годы, но приняли своеобразное конкретно-историческое выражение. К тому же к ним добавилось мощное влияние экономического характера в связи с превращением Заволжья в одного из главных российских поставщиков товарного хлеба. Переломным стал 1833 год, отмеченный высоким урожаем при одновременном подъеме цен на хлеб, особенно на твердую пшеницу — «белотурку». После него началась, по словам современников, «настоящая белотурочная лихорадка»⁷⁵.

На исходе первой половины XIX в. сложился комплекс объективных причин, повлекших принятие решения о создании особой заволжской губернии. К ним относится:

- 1) стремление властей одновременно поддержать и удержать под своим контролем переселенческое движение;
- 2) окончательная утрата краем военно-пограничного значения и ликвидация здесь служилого населения;
- 3) трудность управления обширными губерниями при резком росте числа их жителей;
- 4) возросший экономический потенциал территории и ее естественного центра торгово-промышленного притяжения, каким стала Самара.

Первоначально были пересмотрены административные границы на самом юге Заволжья. Из левобережных половин Хвалынского, Вольского, Саратовского уездов и части Камышинского уезда в Саратовской губернии в 1835 г. были образованы два новых уезда: Николаевский (в бассейне Большого и Малого Иргизов) и Новоузенский (еще южнее)⁷⁶. Северо-западная и северо-восточная части Самарского края по-прежнему входили в состав Симбирской и Оренбургской губерний.

В 1840-х гг. правительство прибегло к массовому выводу отдельных групп населения за пределы данного региона, хотя разговоры об этом велись давно. Еще в наказе самарского, ставропольского и оренбургского дворянства в Уложенную комиссию Екатерины II выдвигалось требование передачи помещикам земель здешних казаков с выселением тех дальше на восток⁷⁷. Схожие планы в отношении калмыцких земель вынашивало казенное ведомство. В 1801 г. землемер В.И. Ильинский сделал представление генерал-прокурору «о положении калмыцких земель и сколь оне выгоды будут иметь, ежели перевести их на другие Оренбургские земли, а сию заселить коронными крестьянами»⁷⁸.

По Положению об Оренбургском казачьем войске, утвержденному императором 12 декабря 1840 г., были упразднены его внутренние кантоны в Заволжье, а казачьи земли при городах Самаре, Ставрополе, Бузулуке и других крепостях прежней Самарской линии передавались Министерству государственных имуществ. По указу от 8 марта 1841 г. началось выселение казаков бывших внутренних кантонов на восток – на новую пограничную линию⁷⁹.

Многовековая история казачества в Самарском крае была прервана. Дальнейшие судьбы оренбургских казаков со второй половины XIX в. почти исключительно оказались привязаны к землям Южного Урала и Зауралья⁸⁰.

Ставропольские калмыки были также выведены из Заволжья. В 1842 г. «777 семей крещеных казаков-калмыков (1743 души м. п.) Ставропольского и Самарского уездов Симбирской губернии переселились на территорию Оренбургского казачьего войска в Новолинейный район»⁸¹.

Обитавших на его восточных окраинах башкир выселение не затронуло. Киселев признавал исконное вотчинное землевладение башкир, а потому не считал, что казна может распоряжаться их землями по своему усмотрению, как с теми, что были пожалованы калмыкам и казакам⁸².

Однако самовольно занятые выходцами из Башкирии на рубеже XVIII–XIX вв. земли по Узеням и другим южным степным рекам изымались в казну для наделения государственных крестьян и помещиков. Взамен этой группе башкир, причисленной в 1832 г. в ведение Уральского казачьего войска, отводилось ограниченное пространство степи Николаевского уезда на вершинах рек Иргиз и Каралык (в современных Большеглушицком и Большечерниговском районах)⁸³.

Ликвидация иррегулярных войск на заволжских территориях привела к освобождению значительного числа сельскохозяйственных угодий. Это касалось и Симбирской губернии. Она считалась, по утвержденному еще Павлом I сенатскому докладу, малоземельной и

не подлежащей массовому заселению⁸⁴. Теперь же в ее Самарском и Ставропольском уездах образовался резерв, обеспечивший новых поселенцев на несколько десятилетий. Но это порождало административные проблемы.

Левобережье Симбирской губернии требовало иных способов и даже органов управления, чем ее давно обжитая и уже перенаселенная нагорная сторона. Так, в начале второй трети XIX в. на территории Симбирской губернии вообще не оставалось государственных крестьян, которые, согласно мнению Государственного Совета, утвержденному 16 января 1835 г. Николаем I, были переданы в удельное ведомство со своими землями и угодьями. Соответственно, здесь не было и учреждений, ведавших казенным землевладением. Но когда Ставропольское калмыцкое войско, подчиненное мимо уездных гражданских властей Военному министерству, было упразднено, то его территория перешла под контроль особого правительственного органа, созданного в 1844 г., – Временного Управления казенными землями Симбирской губернии при Министерстве государственных имуществ. Заселение этих земель велось по особым правилам, принятым в 1846 г., а первые переселенцы были допущены в 1849 г.⁸⁵

В Саратовской губернии также проявлялся контраст правого и лугового берегов, хотя на ее юге он был заметно сглажен. Одновременно пропал смысл держать под контролем военных властей Оренбургской губернии, озабоченных пограничными и среднеазиатскими делами, ее западные уезды, лишившиеся служилого населения. Да и в целом быстрый рост населения и экономического значения Заволжья делали все более ощутимыми трудности управления существующими обширными губерниями. Естественным стало появление идеи создания отдельной губернии на Левобережье Волги.

Еще в 1820-е гг. разрабатывался, но не получил хода проект разделения Оренбургской губернии «с прибавками некоторых частей Пермской и Симбирской губерний на две губернии и область». В 1842 г. сенатор А.Н. Пешуров совершил ревизию Оренбургской губернии, результаты которой были сообщены Комитету Министров. В представленном рапорте как раз указывалось на административные затруднения, вызванные тем, что «народонаселение здешней губернии быстро увеличивается чрез поселения казенных крестьян, а между тем средства полицейского и судебного управлений остаются без всякой перемены и усиления». При рассмотрении журнала заседаний Комитета император Николай I 10 августа 1843 приказал: «Сообразить и представить проект разделения помянутой губернии на две, с прирезкою Самарского уезда Симбирской губернии». Министр внутренних дел, получивший это повеление, предложил, «по соображению... географических и статистических сведений об Оренбургской и прилегающих к ней Симбирской и Казанской губерний», составить

Самарскую губернию следующим образом. В нее предлагалось включить четыре уезда Оренбургской (Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский), по два Симбирской (Самарский, Ставропольский) и Казанской (Спасский, Чистопольский) губерний⁸⁶.

Слабая сторона этого плана состояла в том, что в случае его выполнения создавалась очень разнородная по составу губерния, охватывающая и давно обжитое Закамье, и продолжавший осваиваться север Заволжья, и заметную часть собственно башкирских земель. На проект последовали возражения генерал-губернатора В.А. Обручева, среди которых было и указание на то, что «разноплеменность и разноподчиненность», создающие трудности управления Оренбургской губернией, перейдут теперь и на Самарскую⁸⁷.

Первоначальный вариант состава Самарской губернии не был реализован, в том числе из-за тесной увязки с весьма сложным вопросом реорганизации всей Оренбургской губернии. Однако сама идея не была похоронена, а приобрела со временем географические очертания, более соответствующие насущным потребностям, о чем пойдет речь впереди.

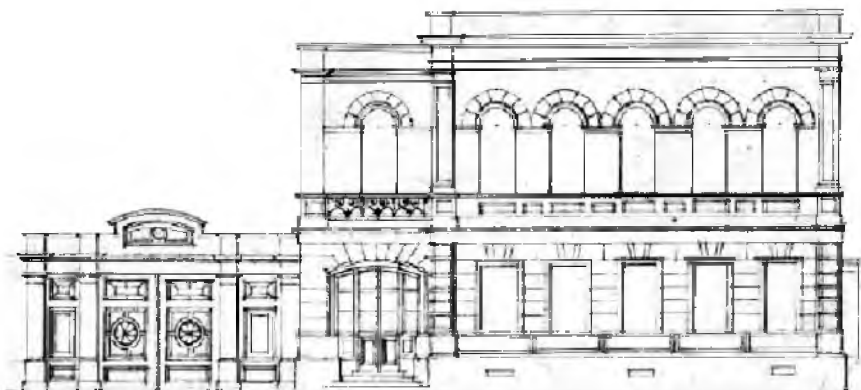
§ 3. ДОРЕФОРМЕННЫЙ УЕЗДНЫЙ ГОРОД И ЕГО ЖИТЕЛИ

Городское управление

Как уже отмечалось, в дореформенной России представители территорий и сословий принимали участие в организации, комплектовании, деятельности местных властей и самоуправления⁸⁸. Это было заметно и в уездном городе, где имелись собственные органы управления.

Городская дума осуществляла распорядительные функции по различным сторонам жизни. Она ведала сбором податей с горожан и несением ими повинностей, содействовала развитию торговли и ремесел, управляла городским хозяйством и имуществом, занималась благоустройством, разбирала судебные споры в купеческо-мещанской среде.

По Учреждению о губерниях 1775 года Дума должна была состоять из шести членов-«гласных», но в небольшой Самаре в Думу избирали только четырех «гласных». Им помогали по целому ряду вопросов старосты купеческой и мещанской общин. Также выбирались ревизские, податные, недоимочные старосты и сборщики податей, базарные старосты, присяжные оценщики, торговые депутаты, поверенные в разных учреждениях и комиссиях. От момента создания до 1849 г. в Самаре было осуществлено 23 созыва думы, следующий, 24-й созыв (1850–1852) работал два последних года уже в губернском городе⁸⁹.

Фасад восстанавливаемого после пожара дома на дворовом месте купца М.И. Лаптева по ул. Преображенской (Водников). 1851 г. // Самара губернская. 160 лет в зеркале архитектуры. Самара, 2011. С. 11.

Собрания Думы проводились практически ежедневно, не исключая и воскресных дней, начинались в восьмом часу утра и заканчивались во втором часу пополудни. Отпуска от несения думских обязанностей давались только по очень уважительным причинам, неохотно и при обязательном согласии губернского правления. 1 июля 1850 г. Самарская дума отклонила просьбу гласного Н.С. Пензина на отлучку из города по коммерческим делам на три месяца, т. к. 8 июля проводилась Казанская ярмарка и все гласные должны были производить денежный сбор за торговые места. Только после того, как в середине июля Пензин сдал полученные деньги, а также книги записи сборов, Дума, а за ней Симбирское губернское правление дали ему разрешение, но только на двухмесячный отпуск⁹⁰.

Выборы городского головы, гласных Думы, бургомистров и ратманов магистрата (судебного органа по делам купеческо-мещанского населения) проходили на собраниях «градского общества», созывавшихся раз в три года. Однако старосты и некоторые другие должностные лица переизбирались ежегодно. Собрания городских жителей должны были кроме проведения выборов выслушивать предложения губернатора или генерал-губернатора, принимать их «во уважение» и чинить по ним «пристойные ответы, сходственные как узаконениям, так и общему добру». Само «градское общество» могло обращаться к губернатору «о своих общественных нуждах и пользах»⁹¹.

Полноправными членами городской общины считались прежде всего хозяева городских усадеб-дворов. Законодательно только владелец недвижимости получал право принимать участие в выборах в структуры городского самоуправления⁹².

Правом голоса и правом избрания на должности обладали жители не моложе 25 лет, имевшие в данном городе капитал, проценты с которого составляли не менее 50 руб. в год. Однако лица, не удовлетворявшие указанному имущественному и возрастному цензу, могли присутствовать в собраниях «градского общества». В небольших и небогатых городах имущественный ценз для получения права голоса и права быть избранным разрешалось снижать. Фактически в таких городах, как Самара, к выборам призывались не только владельцы дворов и капиталов — отцы семейств, но и их взрослые сыновья. Происходили они в «доме общества градского». Собравшиеся приносили присягу, подписываясь под ее текстом. Результаты выборов протоколировались и также подписывались присутствующими⁹³.

Если должность была достаточно ответственной, то требовалось утверждение губернской администрации. Так, в Самаре на выборах городского головы трижды наибольшее число голосов получал купец третьей гильдии Л.А. Умнов, но два первых раза он не был утвержден в должности губернаторами, в основном по причине его долгов, которые влекли за собой многочисленные тяжбы. По поводу его избрания в третий раз губернское правление вновь констатировало, что «расстроенность состояния купца Умнова, бывшая прежде причиною неутверждения его в должности Самарского городского главы, не устранилась». Однако решено было принять «в уважение усиленное желание городского общества иметь его своим головою». Третья победа Умнова на выборах была расценена руководством губернии как «законное ручательство благонадежности его», а потому он был введен в должность головы. Эту процедуру вместе с принятием присяги провел по поручению губернских властей уездный предводитель дворянства⁹⁴.

Решение о проведении выборов и их сроках принимал городской голова, как правило, это делалось в конце календарного года. В особых случаях проходили досрочные выборы. Потерявший дом и имущество в пожаре Е.К. Суханов оказался не в состоянии нести должность мещанского старосты и подал 13 июля 1850 г. прошение об освобождении от нее. Дума удовлетворила эту просьбу, а мещанское общество, проведя выборы, представило 24 июля приговор «на избрание из среды себя в старосты по распорядительной части мещанина Петра Сергеевича Сивохина»⁹⁵.

Голосование проводилось шарами («баллотировка») и было по современной терминологии, «мягким», т. е. давало возможность подавать голос не за одну, а за две или несколько кандидатур. Например, на упомянутых выборах городского головы два основных претендента набрали большинство голосов «за», но Л.А. Умнов их получил

233 при 82 «против», а П.А. Крашенинников 168 – «за» и 147 – «против», почему избранным считался первый⁹⁶.

Не прошедший на должность, но получивший второй результат на выборах числился «кандидатом по» голове, старосте, судье и т. д. Если должностное лицо в силу каких-то причин (смерть, болезнь и др.) не могло выполнять своих обязанностей, то они возлагались постоянно или временно на «кандидата». Так, 23 июня 1850 г. городской голова В.И. Тепляков в собрании Думы объявил, что от потери во время пожара дома и имущества он стал страдать головными болями и ослаб здоровьем. Чтобы на время болезни отлучиться на Серные Сергиевские Минеральные воды, он предложил Думе на три месяца поручить исправление «должности городского головы состоящему по нем кандидату купцу Василию Попову». Дума пошла голове навстречу, но в соответствии с законом обратилась за утверждением данного решения к губернатору⁹⁷.

Кандидат мог быть утвержден вместо набравшего большинство баллов лица, если того по какой-либо причине не утверждали в должности вышестоящие власти. Так было в упомянутых случаях после неутверждения избрания Л.А. Умнова на должность головы.

Губернские власти могли не утвердить в должности лиц, не владевших собственностью в городе или постоянно в нем не проживавших. Однако это делалось, как правило, в случае отказа самих избранных принять такую должность или по возражениям других лиц. Если отказа или возражений не следовало, то на нарушение имущественного ценза внимания не обращали. Характерен случай, когда были избраны «в депутаты для составления городской обывательской книги купеческий сын Никита Лаврентьев Шихобалов», а «в гласные думы Евстафий Ефимов Белоусов и Никита Селиверстов Пензин» также из купеческих и мещанских детей. Выяснилось, что они «никакой недвижимой собственности не имеют» и доверенностей «от отцов их на управление имением и капиталом и на вступление в какую-либо городскую должность в настоящее время не дано». Отсутствие недвижимости при этом не мешало им по прежним выборам занимать должности купеческого старосты (Шихобалов), судьи при магистрате (Белоусов), гласного Думы (Пензин – причем два трехлетних срока подряд), но тогда на это отказов и возражений не последовало. Теперь же против занятия сыновьями упомянутых должностей выступили их отцы, ссылавшиеся на различные семейные и материальные обстоятельства, а также на то, что упомянутые купеческие и мещанские дети уже достаточно послужили городскому обществу. На этом основании губернское правление решило поручить эти должности не избранным лицам, а соответствующим «кандидатам»⁹⁸.

Еще одной причиной, заставлявшей определять «кандидатов», был большой объем работы и иные обстоятельства, требующие привлечения временных помощников или заместителей основных должностных лиц. Так, когда в самарском магистрате слушалось дело, ответчиком по которому являлся бургомистр этого магистрата И.И. Розов, то он в данных обстоятельствах не мог входить в состав суда. Тогда «магистрат для присутствования по тому делу пригласил кандидата», купца 3-й гильдии Д.И. Подсосова. Заодно члены магистрата посетовали ему на нехватку людей в своем учреждении из-за болезней или отсутствия бургомистров и ратманов. Подсосов проявил понимание и ответственность, дав согласие «присутствовать по магистрату по всем делам в общем порядке, доколе будет настоять в этом надобность или для него, Подсосова, возможность»⁹⁹.

Несмотря на контроль властей за составом должностных лиц, среди руководителей местного самоуправления встречались примечательные люди с неожиданными биографиями. Бугурусланский ясачный крестьянин Ф.С. Плотников в свое время сбежал от рекрутчины в Самару, там женился и записался в городское общество. Оренбургская казенная палата и Бугурусланский валовой мирской сход при поддержке оренбургского генерал-губернатора и симбирского вице-губернатора пытались вернуть беглеца — своего налогоплательщика и призывника. Ни одно из их распоряжений на этот счет не было исполнено. Более того, став богатым хлеботорговцем, Плотников трижды избирался городским головой уездной, а затем и губернской Самары на 1841–1843, 1847–1849 и 1853–1855 гг., не встречая никаких возражений со стороны вышестоящих властей¹⁰⁰.

Ф.С. Плотников умер в 1857 г. уважаемым и добропорядочным горожанином. В некрологе губернской газеты, отмечавшей его заслуги как одного из «отцов города», разумеется, ничего не говорилось о сомнительном с точки зрения закона начале его торговой и общественной деятельности¹⁰¹.

Такая биография неудивительна для края, в значительной мере освоенного вольными и беглыми переселенцами. Эти люди не раз получали возможность в Заволжье легализоваться на новом месте¹⁰². Правда, и в центральных губерниях России основным источником пополнения купечества были крестьяне. Среди них были и те, которым приходилось преодолевать препятствия со стороны властей¹⁰³. Однако преодолеть социальные и административные барьеры на окраине империи была значительно легче, чем там, где многочисленное консервативно настроенное дворянство прилагало «особые хлопоты о сохранении помещиками вотчинной власти во всей полноте и неприкосновенности»¹⁰⁴.

Многие чиновники, будучи людьми служилыми, которых начальство часто переводило с одного места службы на другое, смотрели на уездный город как на временное место пребывания и обогащения. Так, отставной поручик П.Д. Сеченов в 1830-е гг. служил полицмейстером в Саранске, городничим в Сызрани, Ставрополе, Самаре. Во время ревизии Симбирской губернии в 1835 г. обнаружилось, что, будучи самарским городничим, он оказался повинен сразу в нескольких преступлениях: вымогал взятки, выдавал разрешение на строительство без участия Думы, самовольно отводил квартиры под постой, подделывал документы, присваивал городские и казенные деньги. Сеченов был отстранен от должности и отдан под суд¹⁰⁵. Один из его предшественников на этой должности в Самаре И.И. Соколовский в 1830 г. был обвинен во взяточничестве и покончил жизнь самоубийством¹⁰⁶. Впрочем, были и положительные примеры. Сызранский городничий Н.З. Софонов, благодаря дружной поддержке горожан, обратившихся к министру внутренних дел, был оставлен в 1820 г. на своей должности, несмотря на попытки губернатора заменить его более терпимым к нечистым на руку чиновникам, которым покровительствовал начальник Симбирской губернии¹⁰⁷.

Некоторые из чиновников владели крепостными селами и деревнями. Они были более связаны с уездным дворянством, нежели озабочены интересами горожан: торговцев, ремесленников, работников.

Городской бюджет

Вся тяжесть расходов и забот по городу падала на само «градское общество» и его должностных лиц. К тому же и основные расходы на содержание местного административно-полицейского аппарата ложились не на государственную казну, а на городской бюджет, хотя при этом органы самоуправления (Дума, магистрат и др.) не получали никакой возможности контролировать правительственных чиновников. Наоборот, за финансово-бюджетной частью работы городской Думы осуществлялся самый жесткий контроль со стороны губернской администрации. Постоянно приходилось отчитываться перед губернатором и его канцелярией о сборе денежных средств, согласовывать с ними даже незначительные расходы.

Кроме общегосударственных налогов, например подушной подати, которые собирались с горожан и поступали прямо в казну, никак не пополняя городской бюджет, значительная часть собственно средств города также тратилась на содержание правительственных учреждений. В качестве примера приведем сведения за 1850 год — последний в истории уездной Самары накануне превращения ее в губернский центр.

Весь городской бюджет делился на две части: по смете и сверх сметы. Расходная часть сметы городского бюджета составила 12999,01 руб. Из них на содержание городничего, полицейских, брендмейстера с пожарной командой, казаков было выделено 8232,59 руб., или 63,3 %. В том числе 2508 руб. было потрачено на жалование чиновников и канцелярские расходы; 944,19 руб. – на наем для них квартир и служебных помещений; 727,63 руб. – на отопление, освещение квартиры городничего, будок, арестантских комнат и других помещений полиции; 2827 руб. – на жалование, амуницию нижним полицейским чинам, караульным, пожарным, трубочистам, на содержание пожарного обоза и городской тюрьмы; 1225,77 руб. – на расходы по казачьей команде¹⁰⁸.

Некоторые расходы, навязанные сверху, вообще не имели отношения к городским делам. 14 июня 1850 г. начальник губернии предписал «предполагаемую по смете на сей год на непредвиденные надобности и оставшуюся достальную сумму 18 руб. 61 $\frac{1}{4}$ коп. серебром отпустить в ведение самарского городничего для выдачи полицейским нижним чинам за поимку беглых», и Дума это предписание выполнила. Однако вскоре городничий запросил «деньги для иллюминирования домов, занимаемых городской полицией и двумя частями в высокаторжественные праздники». Дума на этот раз постановила уведомить о том, что «на иллюминирование городских присутственных мест расхода никакого не предположено, а за сим дума требуемых им денег прислать не может»¹⁰⁹.

В сверхсметной части бюджета, составлявшей 10684,74 руб., затраты на нужды администрации заняли 3359,99 руб. (31,5 %). Всего же содержание правительственной администрации и полиции потребовало 11592,58 руб., или 49 % (почти половину) суммарных годовых расходов «общества градского» по смете и сверх сметы. По сравнению с этим затраты «на содержание мест, в городском управлении состоящих», выглядят не очень значительными. По смете расходы на содержание думы и других органов городского самоуправления составили 1515,69 руб., сверх сметы – 494,90 руб., а всего – 2010,59 руб., или 8,5 % суммарных годовых расходов¹¹⁰.

Городской голова, гласные Думы, судьи магистрата и сиротского суда не получали денежного вознаграждения за несение своих обязанностей, довольствуясь освобождением от некоторых городских налогов и повинностей. Сравнительно небольшое жалование получали только канцелярские служащие: секретарь и бухгалтер Думы, писмоводитель магистрата, писцы, сторожа, рассыльные¹¹¹.

Первой статьёй сметы городского бюджета указывались расходы «на содержание приходского училища», но составляли они всего лишь 171,43 руб. На жалование городскому врачу, содержание больницы и

другие виды медицинской помощи, выписку медицинских журналов и книг истрчено было по смете 1844,02 руб., сверх сметы – 1152,95 руб. Для пяти приходских церквей были выписаны газеты, что составило 15,15 руб. Всего же на нужды здравоохранения, образования, культуры потрачено 3183,55 руб., или 13,4 % городского бюджета.

В смете было предусмотрено жалование городскому архитектору, затраты на строительство ярмарочных помещений, очистку в зимнее время прорубей на реках Волге и Самаре. На все это было потрачено 1133,75 руб. Самарское общественное самоуправление считало расходы на содержание прорубей естественными и не пыталось получать с них в «городской доход акциза», как это делалось в некоторых других уездных городах¹¹². Вообще «организацию водоснабжения» следует отнести к числу основных «проблем, связанных с городским благоустройством в дореформенную эпоху»¹¹³. Сверх сметы на проведение топографических работ по подготовке плана города, на огораживание и охрану садов Г.Н. Струкова и П.С. Синягина, перешедших в общественное пользование, израсходовано 358,92 руб.

Всего расходы на городское строительство и благоустройство составили 1492,67 руб., или только 6,3 % всего годового бюджета. Примерно такая же ситуация наблюдалась и в других городах России¹¹⁴. Недостаточное финансирование городского благоустройства являлось в масштабе всей страны «колоссальной проблемой»¹¹⁵. Следует согласиться с современниками, которые считали такую структуру расходов не отвечающей интересам горожан: «Города издерживают все свои доходы на содержание присутственных мест, полицейских и пожарных команд и общественных зданий. В этом заключается главная причина плохого внешнего вида городов»¹¹⁶.

За вычетом расходов в распоряжении «градского общества» оставались неистраченные денежные средства, которые вкладывались под проценты в Симбирский приказ общественного призрения, который наряду с другими функциями играл роль кредитного учреждения. В 1850 г. Самарская дума отослала туда 5027,82 руб., что составило 21,2 % расходной части всего городского бюджета. На текущие расходы в случаях недостатка средств и несвоевременных поступлений доходов пришлось израсходовать в том же году 4895,87 руб., полученных из того же приказа, т. е. практически столько же, сколько туда на счет самарского городского общества было положено за год.

Со сбором доходов имелись серьезные проблемы. В 1850 г. «денежных сумм, городу принадлежащих, по Самарской городской думе» было собрано 18265,44 руб. и взыскано 339,73 руб. недоимок за прошлые годы (итого 18605,17 руб.). В то же время было недобрано за текущий год 4428,20 руб. и осталось недоимок за прежние годы

23271,77 руб. В таких обстоятельствах резервом на случай недостаточного поступления доходов оставался принадлежащий городу капитал в 38459,28 руб., «который состоит в процентном обращении в Симбирском приказе общественного призрения», с наросшими уже на него в виде процентов 12876,50 руб.¹¹⁷

Основные статьи городских доходов группировались по «отделениям». Отделение «Доходы с общественных городских имуществ» включало средства, полученные:

1) за отвод выгонных и других городских земель под огороды, кирпичные сараи, ярмарочные лавки и балаганы, постройку частных домов;

2) с отдачи участков под временные лавки, лавочки, товарные склады на берегу Волги, балаганы для торговли овсом и яблоками, места для торговли на рыночных площадях, для постройки хлебных амбаров;

3) за аренду городских рыбных ловель;

4) с общественных бань;

5) с плавучего моста через р. Самару;

6) за пользование городскими весами и мерами, а также за клеймение весов и мер торговцев.

Отделение «Сборы с заведений промышленности, с промыслов и промышленников» состояло из платежей хозяев трактиров, ресторанов, гостиниц, заводов пивоваренных, салотопенных, поташных, кузниц, мельниц, хлебопекарен. Сюда же поступали сборы с местных и приезжих купцов, торгующих крестьян и лиц других сословий.

Бюджет города пополнялся также из прочих отделений и статей:

— за регистрацию протеста векселей, явки актов и сделок по заемным письмам;

— взыскание сбора в четверть процента с недвижимой обывательской собственности;

— взносы из казны за лечение в городской больнице военных чинов;

— пошлины с записи новых купцов и мещан в городскую общину и др.¹¹⁸

Хозяйственные занятия, торговля, застройка

Особенно горячим для сбора поступлений в бюджет города становилось время городских ярмарок. Не случайно статья поступлений за отвод земли под лавки и балаганы, устраиваемые во время ярмарки, была самой доходной в городском бюджете. В 1850 г. предполагалось получить по этой статье 3237 руб. 84 коп., но было собрано меньше (2870 руб. 67 коп.) из-за удара, нанесенного торговле большим городским пожаром. Для сравнения укажем, что в 1849 г. та же самая ожи-

даемая сумма по данной статье была значительно превышена, и реальные сборы составили 3657 руб. 92 коп.¹¹⁹

Одна из ярмарок в Самаре проводилась на праздник иконы Казанской Богоматери (8 июля по старому стилю). Казанская ярмарка 1850 года была проведена в целом успешно, несмотря на тяжелую ситуацию в выгоревшем почти дотла городе. Она способствовала оживлению торговли, предоставлению заработков многим жителям, пополнению общественной казны, в чем усилия членов Думы сыграли далеко не последнюю роль. Так, гласному Н.С. Пензину был поручен сбор денег, а также ведение книги записи сборов «с торгующих за занимаемые места» и «с торгующих на судах и на лодках». В свою очередь гласный И.С. Лебедев осуществлял сборы и записи их в книгу «с торговцев за места, занимаемые возами для торговли», а гласный Чистиков – сборы за продажу лошадей. К тому же временные ярмарочные помещения было решено не разбирать до очередной ярмарки на праздник Воздвиженья (14 сентября), предоставив их под временное жилье особо нуждающимся погорельцам¹²⁰.

Кроме того, погорельцы получали помощь от властей и доброхотов, кредиты, льготы по налогам и повинностям¹²¹. Последствия крупнейшего в истории Самары пожара 1850 года были преодолены, в т. ч. благодаря энергичным усилиям горожан и органов их самоуправления. Удачное проведение ярмарки имело благотворное влияние на самочувствие пострадавшего города и его жителей, было знаком скорого возвращения к нормальной жизни. В провинциальном городе ярмарки и базары имели не только значение торгов, а выступали непременно средством культурных, информационных, бытовых коммуникаций¹²². Их восстановление было не менее важно, чем возведение и ремонт жилых и хозяйственных строений.

Для многих жителей Самары было характерно восприятие пожаров в соответствии с пословицей, что нет худа без добра. Несмотря на трагические случаи при пожарах, вывод делался вполне оптимистичный. Так, Г.Н. Потанин считал: «Самые опустошительные пожары делают Самару еще обширнее, еще прекраснее». Доказательства тому приводились следующие. Во-первых, «все, что было ветхо, старо, отжило свое время и годилось только на дрова, было сожжено, как дрова». Во-вторых, жители в конце концов «поняли необходимость строить здания каменные, которые могут быть, конечно, и выше, и поместительнее; а потому и двор не загромождать лачугами и разными прибавлениями»; стали скупать дворовые места у соседей «и построились гораздо просторнее и шире» или «сочли необходимостью переселиться хоть в отдаленные кварталы города, но все-таки на места удобные и спокойные от огня». В-третьих, росли их запросы, которые положительно сказывались на облике города и самих горо-

жан: «Тот, кто прежде имел черную грязную избу, строил себе после пожара светлицу; кто имел до пожара светлицу, тот ставил себе дом; а с этим, конечно, хоть не у всех, но у многих, появилось желание пожить “баричем” — как они здесь выражаются»¹²³.

То, что после пожара 1850 года «дома в Самаре стали расти как грибы», подтверждала другая современница — Л.П. Шелгунова¹²⁴. К похожему выводу приходит современная исследовательница З.М. Кобозева, которую «поражают удивительная терпеливость и упорство мещан» в те времена, когда «Самара часто горела». Хотя, судя по документам, для большинства собственников недвижимости источником существования была «черная работа», дома после пожара отстраивались очень быстро, причем наученные горьким опытом хозяйева сгоревших деревянных строений теперь «стремились выстроить дом каменный или на каменном фундаменте»¹²⁵.

Самарский дом первой половины XIX в. Из кн.: Сапожникова И.В. Архитектурная энциклопедия губернского города Самара. Самара, 2008

Строительная активность свидетельствовала и о достатке горожан, и о наличии надежных источников дохода. В перечне хозяйственных занятий основной купеческо-мещанской части населения города были судоходство, скотоводство, извоз, огородничество, бахчеводство, ремесла, рыболовство. Обширные выгонные земли, принадлежавшие городу, позволяли его жителям устраивать на месте вынесенных далеко за городскую черту скотных дворов, пчельников, пашен, огородов и садов свои хутора, из которых даже вырастали маленькие деревни: Томашев Колок, Балахонцев Хутор (Крутые Ключи, Хутор Крутой), Сорокин Хутор (Дмитриевка)¹²⁶. В окрестностях Самары кроме привычных лошадей и крупного рогатого скота стали разводить и породистых овец¹²⁷.

Обильные пастбища в окрестностях города и шедшие к Самаре из оренбургских и киргизских степей скотопрогонные тракты давали сырье для развития салотопенной промышленности. Чтобы не гнать скот через реку и не загрязнять отходами город, салотопни ставились на другом берегу Самары, где возникла Засамарская слобода. Наиболее крупное заведение принадлежало Плешановым и производило 7 тыс. бочек, или 175 тыс. пудов, сала в год¹²⁸.

Не случайно за многочисленные скотобойни Самару иногда называли «Русским Чикаго». Сопоставляя ее с быстро растущими городами США, также использовали сравнение с крупнейшим торговым портом на самой большой американской реке Миссисипи – «приволжский Новый Орлеан»¹²⁹.

Однако главное место среди занятий жителей Самары отводилось, как тогда говорили, «хлебной промышленности». Это понятие объединяло весь цикл работ по производству, хранению, перевозке, скупке и перепродаже зерна.

Хлебные амбары на р. Самаре в XIX в. Из кн.: Самарский альбом. Самара в открытках и фотографиях конца XIX – начала XX века. Самара, 2006

Первостепенная роль хлебного дела в жизни Самары определилась в 1830–1840-е гг., когда в крае началась, по словам современников, «настоящая белотурочная лихорадка». Ее не избежал никто из здешних жителей, включая купцов, мещан и чиновников, заводивших посевы, занимавшихся транспортировкой или обслуживанием инфраструктуры доставки, закупкой и сбытом «белотурки» – высококачественной пшеницы твердых сортов. О том, чем для значительной час-

ти горожан были занятия сельским хозяйством, говорят рассказы старожилов Самары первой половины XIX в.: «Как приладилось все, да принялись вплотную за пашней — севка да уборка, да молоченья, и не видно как годик юркнет; а там и еще, да еще!»¹³⁰

На то, что жители российских городов повсеместно занимались крестьянским трудом, включая хлебопашество, указал в свое время известный историк Б.Н. Миронов¹³¹. Однако в Самаре производство зерна, его транспортировка и купля-продажа были, как, пожалуй, нигде в стране, прочно скованы, как звенья, в одну непрерывную цепь. Из года в год повторялся основной «хлебный» ритм этого волжского города. Зимой осуществлялись привоз и скупка хлеба, весной шла его перепродажа и сплав, а летом и осенью разворачивалась уборочная на полях, прием, наем и обслуживание пришлых сельскохозяйственных работников.

Развитию торговли зерном способствовали транспортные преимущества Самары. По оценкам всех современников, самарские пристани были самыми удобными среди всех городов Средней и Нижней Волги. Особенно это касалось пристани на реке Самаре: «На Самаре находится большая часть хлебных анбаров... Эта река при устье своем хотя немного суживается, но и в межень сохраняет значительную глубину, так что даже большие суда могут свободно подходить к пристани. Во время половодья стоянка судов, особенно малого размера, на р. Волге по причине весьма быстрого течения не совсем безопасна, но в устье Самары, где течение гораздо медленнее, это неудобство устраняется. Притом же съезд к Самарской пристани совершенно отлогий и не представляет никакого затруднения для возки тяжестей. Такие необыкновенные удобства Самарской пристани и были, конечно, причиною тому, что г. Самара издавна был главным складочным местом хлеба, преимущественно пшеницы, всего окрестного низового Заволжского края. Но развитию хлебной торговли способствовало, конечно, то обстоятельство, что Самара есть самый восточный пункт Волги на всем ее течении и лежит ближе всех других пристаней от хлебородных уездов... В настоящее время торговля Самарской пристани находится в цветущем состоянии»¹³². Через нее проходило две трети грузооборота (в стоимостном выражении) всех пристаней по луговому берегу Волги ниже устья Камы.

Именно к речным пристаням перемещались весной с приходом тепла основные работы: «Кто грузит пшеницу, кто ловит плавучие карши на дрова во время половодья, кто печет хлеб и вообще заготавливает все съестное для вновь прибывшего чернорабочего народа бурлаков, плотников, каменщиков... кто суетится в пристани, тот приготовляет посудыны, там чинят паруса, тут конопатят и смолят лодки и барки». Зимой же после открытия санного пути, примерно в середине ноября, самарские жители всех возрастов и обою пола

поголовно включались в хлебную торговлю: «Старый и малый, и дедушка, и бабушка, и тятя, и внучек, и правнук — все это шнырит по улице, хватает за полу неопытного крестьянина, уверяет, что у них только во всем городе и есть свежее сено, у них только хорошо кормят на постоялом дворе, и вместе с тем... торгуют пшеницу, умамливают наконец мужика, покупают... и после еще хвалятся тем, что один другого исправнее надул, провел и обработал хлебное дельце»¹³³.

Волжские батраки. Из фондов ЦГАСО

Если до XIX в. заволжское расположение Самары на границе степи сдерживало ее развитие по сравнению с другими городами на Волге и она заметно уступала Симбирску, Сызрани и Саратову, расположенным на более безопасной горной стороне, то теперь та же географическая ситуация оборачивалась для нее своими выгодами. В этих условиях получение Самарой ранга главного административного центра Заволжья выглядело вполне естественным шагом, закреплением ее реального исключительного положения на Левобережье, а не просто волевым бюрократическим актом.

Ряд вопросов жизни этого города, когда еще он был в ранге уездного, решались при личном участии Николая I. Уже в 1835 г. был поднят Министерством внутренних дел вопрос об изменении плана города Самары 1804 года, поскольку прежде «не существовало еще хлебной пристани, и хлебных амбаров на плане назначено не было», теперь же число последних достигло нескольких сот. Иначе невозможно было обеспечить хранилищами ежегодные закупки хлеба, вы-

возимого отсюда. В Самарском и прилегающих уездах Саратовской и Оренбургской губерний эти закупки были до 3–5 млн пуд.¹³⁴ В 1840 г. новый план города был подтвержден царем¹³⁵.

Население постоянное и пришлое

В 1835 г. император утвердил новые правила сбора в Самаре городских доходов и расходов. Это было опять-таки следствием развития хлебной торговли. Также были утверждены новые штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления¹³⁶. Однако уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на новое изменение этих штатов из-за большого притока людей. Официально постоянное население в Самаре за 1830-е гг. выросло в полтора раза (что уже было немало), превысив 13 тыс. чел., а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей¹³⁷. Но реальная его численность была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, и даже зимой в Самаре оставалось с учетом пришедших не менее 25 тыс. обитателей¹³⁸.

В этой массе пришлого на время или фактически на постоянное проживание населения скрывались и беглые. Возможностей для их легального оседания в крае на землю в сельской местности практически не оставалось по мере того, как переселенческое движение оказывалось под контролем властей. Желание отдельных чиновников или управителей потакать беглым для достижения своих интересов пресекалось возросшей активностью местного дворянства. Однако по-прежнему для беглых служили укрытием традиционные волжские промыслы, судовые работы, сезонный сельскохозяйственный наем, растущие города¹³⁹.

В газетах 1830–1840-х гг. постоянно публиковались объявления о задержанных в г. Самаре и других заводских городах «бродягах» и «не помнящих родства» с описанием их примет. Как правило, это были мужчины самого рабочего возраста от 20 до 40 лет¹⁴⁰.

Самые предусмотрительные из беглых старались обеспечить себя требуемыми по закону документами. Изготовление фальшивых паспортов превратилось в настоящее ремесло. За приемлемую плату городские и даже деревенские грамотеи сами предлагали желающим на «материале заказчика» — заранее припасенном листе гербовой бумаги — написать необходимый документ и «заверить» его самодельной собственноручно вырезанной печатью. Пришедшую в ветхость фальшивку можно было со временем заменить официальной копией, заверенной в местных присутственных местах настоящими подписями реальных чиновников¹⁴¹.

Розыск и поимка беглых вплоть до середины XIX в. оставались одной из главнейших задач полицейских служителей в Самаре¹⁴².

Тем не менее в показаниях многих беглых задержанных в Самаре постоянно упоминаются поборы со стороны чиновников суда и администрации, которые за взятки закрывали глаза на нарушение законов. Как заявлял в 1846 г. на допросе беглый крепостной из Тамбовской губернии С.В. Мельников, «подобных ему бродяг в городе Самаре проживает довольно число и, как думает, более пятисот человек, единственно послаблением полиции, ибо чины оной о всех их знают и берут с них окуп». Деньги с беглых брались, «глядя по состоянию» каждого. Так, сам Мельников, занимавшийся торговлей и содержанием постоянного двора, откупался в разное время то 12 золотыми полумпериалами, то 700 рублями, то 12 возами сена¹⁴³.

Симбирская губернская администрация встала на сторону самарских чиновников, заявив, что показания как Мельникова, так и других беглых об их высокой численности в городе являются ложными, а о взятках — недоказанными. Такое заявление смотрелось не очень убедительно, но было принято более высоким начальством. Однако случаи потакания беглым в городе и нежелания властей по-настоящему расследовать подобные дела имели более глубокие причины, нежели одна чиновная корысть и бережение чести мундира.

Без постоянного притока работников на поля, пристани и суда, многочисленных торговцев и различных предпринимателей, зачастую по разным причинам не имевших паспортов, хлебный торг Самары уже не мог существовать. Силами местных жителей обеспечить уборку необъятных полей, засеянных пшеницей, было невозможно. После летнего праздника Казанской иконы Богородицы (8 июля по старому стилю) начинался летне-осенний сезон уборки урожая, когда в городе — «новая громадная масса приходящего с разных сторон народа: косцов, жнецов»¹⁴⁴. Проверить эту массу людей на наличие документов не представлялось возможным.

В целом источники середины XIX в. рисуют достаточно разностороннюю как бытовую, так и статистическую картину жизни еще небольшого, но быстро растущего волжского города. Они свидетельствуют о постепенном, но неуклонном росте производства и оборота товарного хлеба в Самарском Поволжье, складывании инфраструктуры для его поставок на российский и международный рынок. У Заволжья как новой «житницы России» ко второй половине XIX в. уже накопились богатые людские и хозяйственные ресурсы, определилось свое место в экономическом и торговом пространстве страны. Наконец, здесь выявился центр притяжения рыночных и транспортных связей, — город Самара, который мог, безусловно, претендовать на роль центра нового крупного административного образования — будущей Самарской губернии.

Примечания

¹ Белоусов С.В. Провинциальный город в эпоху Отечественной войны 1812 года // Центр и периферия. 2009. № 4. С. 16.

² Бирюкова А.Б. Провинциальный город и его жители в эпоху Отечественной войны 1812 года (по материалам губерний Среднего Поволжья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1, № 2 (2). С. 10.

³ Артамонова Л.М. Современные аспекты изучения отношения в русском обществе к побежденному врагу – военнослужащим наполеоновской армии // Отечественная война 1812 года в российской истории и национальном самосознании: материалы науч.-практ. конф. Самара, 2012. С. 29–30.

⁴ Попов А.И., Хомченко С.Н. Из воспоминаний И.А. Второва о военнопленных 1812–1814 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3–2. С. 566–567, 570–571, 575.

⁵ Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Симбирской губернии // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып. «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара, 2006. С. 7–11.

⁶ Захарова М.Е. Отношение к пленным наполеоновской армии как характеристика культуры провинциального российского общества первой четверти XIX в. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 408.

⁷ Вишленкова Т.А. Французские военнопленные 1812 года в Казанской губернии // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 127.

⁸ Артамонова Л.М. Военнопленные армии Наполеона и русское провинциальное общество: проблемы изучения повседневности, социальных отношений, культурных контактов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (14). С. 159, 162.

⁹ Носков А.И. Самара в 1812–1814 годах // Самарская Лука. 2012. № 23. С. 18.

¹⁰ Бахарева О.Я. Судьбы военнопленных двух отечественных войн в Оренбуржье // Народы Южного Урала на страже Родины: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2012. С. 110.

¹¹ Попов А.И., Хомченко С.Н. Еще раз к вопросу о военнопленных французах в Самаре в 1813–1814 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3–1 (83). С. 187.

¹² Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. С. 64–65.

¹³ Миловидов Б.П. Военнопленные наполеоновской армии в саратовских колониях в 1813–1820 гг.: новые материалы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XXII Международ. науч. конф. Бородино, 2019. С. 29.

¹⁴ Тотфалушин В.П. «Пожелали записаться в число колонистов...» (военнопленные Великой армии в саратовских колониях) // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: материалы 15-й Международ. науч. конф. М., 2016. С. 52.

¹⁵ Самара – Куйбышев: хроника событий. 1586–1986. Куйбышев, 1985. С. 43.

¹⁶ Миронов Б.Н. Взятка как форма оплаты труда чиновников в первой половине XIX века // Мавродинские чтения 2018: материалы Всерос. науч. конф. СПб., 2018. С. 313.

¹⁷ Тотфалушин В.П. «Беспорядки и замешательства» в Саратовской губернии в начале XIX в. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVI Международ. науч. конф. Можайск, 2011. С. 251–267.

¹⁸ Бирюкова А.Б. Охрана правопорядка в городах Среднего Поволжья (последняя треть XVIII – начало XIX вв.) // Инновационное развитие. 2018. № 5 (22). С. 193.

¹⁹ Смирнов Ю.Н. Особенности культурно-исторических комплексов как пространств памяти об Отечественной войне 1812 года: Петербург, Москва, Бородино // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (14). С. 165.

²⁰ Бирюкова А.Б. Храмы-памятники в честь победы в Отечественной войне 1812 года (на примере городов Среднего Поволжья) // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всерос. науч. конф. Самара, 2015. С. 245, 250.

²¹ Носков А.И. Храбрый воин из Самары // Самарская Лука. 2012. № 20. С. 25–27.

²² Бирюкова А.Б. Полицмейстеры и городничие Поволжья – участники Отечественной войны 1812 года // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы III Всерос. науч. конф. Самара, 2016. С. 215–216.

²³ Ибнеева Г.В. Коммуникативное пространство церемониала путешествий Екатерины II // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: материалы III Международ. науч.-практ. конф. Ч. 1. Самара, 2015. С. 296.

²⁴ Николай Михайлович (вел. Кн.). Император Александр I: опыт исторического исследования. Т. 2. СПб., 1912. С. 714–715.

²⁵ Тарасов Д.К. Записки почетного лейб-хирурга Д.К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 5. № 3. С. 378.

²⁶ Там же. С. 358.

²⁷ Смирнов Ю.Н. Жителю коляски не худо ехать по воде. Путешествие Александра I на восток // Родина. 2011. № 7. С. 91–92.

²⁸ Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сб. докум. и матер. Самара, 2000. С. 285.

²⁹ Смирнов Ю.Н. Жителю коляски не худо ехать по воде... С. 92.

³⁰ Смирнов Ю.Н. Новый источник о пребывании Александра I в Самаре // Самарский земский сборник. 2009. № 1. С. 69–70.

³¹ Смирнов Ю.Н. Жителю коляски не худо ехать по воде... С. 93.

³² Ведерникова Т.И., Александрова С.А. «Дворянские гнезда» в Самарском крае (по материалам полевых исследований) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2015. С. 32.

³³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 219. Кар. 13. Д. 11. Л. 1 об.; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 3320.

³⁴ Смирнов Ю.Н. Самарское «графство» Орловых // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 47.

³⁵ Усольское собрание графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской Луки. Самара, 2015. С. 43.

³⁶ ОР РГБ. Ф. 548. Кар. 4. Д. 29. Л. 40 об.–41.

³⁷ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 134. Оп. 36. Д. 227. Л. 1 и об.

³⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1557. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.

³⁹ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 7850. Л. 76–87 об.

⁴⁰ Смирнов Ю.Н. Освоение Заволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 199.

⁴¹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 867. Л. 68–122.

⁴² Подсчитано по: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 414. Оп. 1. Д. 330.

⁴³ Смирнов Ю.Н. Ликвидация иррегулярных войск на территории Самарского края и заселение их земель в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 1999. № 1. С. 26, 29.

⁴⁴ РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 654. Л. 10 и об., 14 и об., 22–25, 30; Д. 1163. Л. 302 об.–360 об.

⁴⁵ Смирнов Ю.Н. Влияние налоговой политики на заселение и аграрное освоение Самарского Заволжья в XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 144, 152.

⁴⁶ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М., 1984. С. 110.

⁴⁷ ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 9. Л. 50, 60 об., 77; Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 91.

⁴⁸ Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 105, 110.

⁴⁹ Смирнов Ю.Н. Народ и власть... С. 461–462.

⁵⁰ РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 523. Л. 63.

⁵¹ Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 100, 105, 110, 116.

⁵² РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 523. Л. 89.

⁵³ Там же. Л. 74–76, 78–79.

⁵⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 571. Д. 13. Л. 42 об.

⁵⁵ ГАОО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об. – 28 об.; 203 и об.

⁵⁶ Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2016. С. 56.

⁵⁷ РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 359. Л. 40.

⁵⁸ Там же. Д. 791. Л. 8 об., 12 и об., 14, 17 об. – 18 об., 47 об.

⁵⁹ Там же. Л. 47.

⁶⁰ Там же. Д. 943. Л. 7 об.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1287–1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366, 1410, 1422, 1430.

⁶² Ведомость о народонаселении России по уездам губерний и областей, составленная из всеподданнейших отчетов губернаторов при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1850; Кеппен П.И. О числе жителей в России в 1838 году // Журнал Министерства внутренних дел. 1839. Ч. 33. Кн. 10; Его же. Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в 1851 г. СПб., 1858; Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864. Т. 36. Самарская губерния; Ляковский Б.Э. Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Ч. 43. Кн. 8.

⁶³ Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. Конец X – середина XIX в. (Европейская часть СССР). М., 1983.

⁶⁴ Список населенных мест... С. XXIX; Ляковский Б.Э. Указ. соч. С. 55.

⁶⁵ Ляковский Б.Э. Указ. соч. С. 60–63, 71, 75, 81, 89.

⁶⁶ Список населенных мест... С. XXXVIII.

⁶⁷ Научный архив Русского географического общества (далее – НА РГО). Раз. 34. Д. 6. Л. 27.

⁶⁸ Там же. Л. 24 об.

⁶⁹ Смирнов Ю.Н. Рост населения на территории Самарской губернии и его состав в первой половине XIX в. // Самарский земский сборник. 2000. № 1. С. 49, 55.

⁷⁰ НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 19 и об.

⁷¹ Там же. Л. 20.

⁷² Ляковский Б.Э. Указ. соч. С. 57–58; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932, 1287–1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366, 1410, 1422, 1430, 1432, 1874, 1876; Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 387–390; Русская старина. 1870. Т. 2. С. 135; Новиков А. Заволжский кордон // Волга. 1995. № 10. С. 173.

⁷³ Артамонова Л.М. Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 3–1. С. 176, 178.

⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 550 ОСРК. Ф. IV. 37. С. 0; Ф. 1000 СЕП. Оп. 3. Д. 161. Л. 2 об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8227. Л. 1.

⁷⁵ НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 36 об.; Д. 22. С. 11.

⁷⁶ Смирнов Ю.Н. Заселение заволжских земель Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: народное движение и правительственные мероприятия // Российская провинция: опыт комплексного исследования: материалы науч.-практ. конф. Саратов, 2009. С. 283–284.

⁷⁷ Артамонова Л.М. Участие жителей Заволжья в подготовке и деятельности Уложенной комиссии накануне восстания 1773–1775 гг. // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Уфа, 2004. С. 85.

⁷⁸ ГАУО. Ф. 147. Оп. 4. Д. 11. Л. 23 об.

⁷⁹ ОР РНБ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2477. Л. 3, 8 об.; Ф. 571. Оп. 1. Д. 13. Л. 18 об.

⁸⁰ Смирнов Ю.Н. Самарские корни Оренбургского казачьего войска // Самарский земский сборник. 2008. № 1 (17). С. 70, 79.

⁸¹ Аминов Р.Р. Комплектование татарами-казаками Оренбургского казачьего войска в докантонный период // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. ст. Казань, 2014. Вып. 4. С. 9.

⁸² Азнабаев Б.А. Юго-восточная политика России середины XVIII в. в свете ориенталистского дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 6. С. 500–501.

⁸³ Смирнов Ю.Н. Роль Николая I в создании Самарской губернии // Романовские чтения: 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых: материалы Всерос. конф. Кострома, 2013. С. 53–54.

⁸⁴ ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 186. Л. 79 об.

⁸⁵ Там же. Д. 25. Л. 3; РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 791, 943.

⁸⁶ ОР РНБ. Ф. 571. Оп. 1. Д. 13. Л. 6 об.–7; ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12365. Л. 2, 26, 33 и об.

⁸⁷ Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2401. Л. 22.

⁸⁸ Смирнов Ю.Н. Участие жителей Самарского края в формировании и деятельности местных органов власти и самоуправления в XVIII – первой половине XIX вв. // Самарский земский сборник. 2007. № 1 (15). С. 64.

⁸⁹ Артамонова Л.М. Городское самоуправление уездной Самары в первой половине XIX в. // Самарский земский сборник. Самара, 1995. С. 8–9.

⁹⁰ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об., 21, 46, 55, 60 об., 95.

⁹¹ Смирнов Ю.Н. Представительство населения Самарского края в органах государственной власти и самоуправления XVIII – первой половины XIX вв. // От Земского собрания к Губернской Думе: материалы науч.-практ. конф. Самара, 2005. С. 24.

⁹² Киприянова Н.В. Социокультурный облик российского купечества (по материалам Уложенной комиссии 1767 г.). Владимир, 2011. С. 16.

⁹³ Смирнов Ю.Н. Предложение К.К. Грота о совершенствовании управления в Самарской губернии: взаимодействие с выборными органами и местным самоуправлением // Гротовские чтения: материалы III Межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2013. С. 20.

⁹⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1014. Л. 17–22.

⁹⁵ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 49 об., 102.

⁹⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1014. Л. 10.

⁹⁷ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 об.

⁹⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1014. Л. 89 об., 104–105 об.

⁹⁹ Там же. Л. 268 и об.

¹⁰⁰ Смирнов Ю.Н. «Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг. // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 4–5.

¹⁰¹ Самарские губернские ведомости. 1857. 12 октября. № 41.

¹⁰² Смирнов Ю.Н. Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 191–195.

¹⁰³ Киприянова Н.В. Источники пополнения купечества в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Перспективы науки. 2015. № 5 (68). С. 37–39.

¹⁰⁴ Никулин В.Н. Помещики Петербургской губернии накануне и после реформы 1861 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2006. № 6. С. 20–21.

¹⁰⁵ Бирюкова А.Б. Свет и тени: социокультурный облик и ценностные ориентиры провинциальных градоначальников первой половины XIX века // Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире: материалы VI Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2018. Ч. 1. С. 240–241.

¹⁰⁶ Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. Кн. 1. Самарский край с древнейших времен до середины XIX в. Самара, 1993. С. 193.

¹⁰⁷ Бирюкова А.Б. Городничие как профессиональная группа: от литературных образов к реалиям провинциальной повседневности в дореформенной России // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 1. С. 30.

¹⁰⁸ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 1593.

¹⁰⁹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; Д. 4. Л. 18 об.

¹¹⁰ Артамонова Л.М. Городское самоуправление и городской бюджет уездной Самары в первой половине XIX в. // От Земского собрания к Губернской Думе: материалы науч.-практ. конф. Самара, 2005. С. 61.

¹¹¹ Киприянова Н.В. Участие купечества в городском управлении в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам г. Владимира) // Закон и право. 2010. № 9. С. 49–55.

¹¹² Першин С. В., Ромайкина Н.Е. Структура бюджета города Козьмодемьянска в конце XVIII – середине XIX в. // Экономическая история. 2015. № 2 (29). С. 24, 27.

¹¹³ Бирюкова А.Б. Формирование и благоустройство уличного и площадного пространства средневожских городов в конце XVIII – середине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–1 (53). С. 56.

¹¹⁴ Шурус И.И., Киприянова Н.В., Мягтина Н.В. Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. Владимир, 2009. С. 29.

¹¹⁵ Бирюкова А.Б. Благоустройство поволжских городов как разновидность градостроительной практики (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международной науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Самара: СГИК, 2016. С. 325.

¹¹⁶ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 41.

¹¹⁷ Подсчитано по: ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 1592.

¹¹⁸ Артамонова Л.М. Дореформенный уездный город накануне преобразования в губернский центр (городское самоуправление и бюджет Самары) // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России: сб. ст. Калининград, 2018. С. 120, 127–128.

¹¹⁹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 1586. Л. 4.

¹²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об., 21, 46, 55, 60 об., 67, 95.

¹²¹ Бирюкова А.Б. Борьба с пожарами как фактор городской повседневности дореформенной эпохи (по материалам поволжских губерний) // Городская культура и город в культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2012. Ч. I. С. 252.

¹²² Гусева Т.М. Трансформация основных средств социокультурной коммуникации в уездных городах Среднего Поволжья в XIX в. // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: материалы III Международ. науч.-практ. конф. Ч. I. Самара, 2015. С. 301–304.

¹²³ Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 20.

¹²⁴ Самарская летопись... С. 196.

¹²⁵ Кобозева З.М. «Золотой век» мещанства: мещанская городская повседневность в 50–60-е годы XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 4. С. 41.

¹²⁶ Смирнов Ю.Н. Формирование ближней сельскохозяйственной округи заволжского города и ход ее функциональной трансформации на примере Самары XVIII–XIX веков // Самарский земский сборник. 1998. № 1. С. 29, 33–34.

¹²⁷ Грищенко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья. Грозный, 1959. С. 192–193.

¹²⁸ Смирнов Ю.Н. Освоение и заселение земель к югу от низовьев реки Самары в XVIII – первой половине XIX века // Краеведческие записки. 1995. № 7. С. 71, 78.

¹²⁹ Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников. Самара, 1991. С. 43.

¹³⁰ Смирнов Ю.Н. Жители... С. 19.

¹³¹ Миронов Б.Н. Социальная структура городского населения России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Генезис и развитие капитализма в России. Проблемы истории города: межвуз. сб. Л., 1988. С. 222–223.

¹³² Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.). СПб., 2015. С. 78.

¹³³ Смирнов Ю.Н. Жители... С. 18.

¹³⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 67. Л. 3 об., 5 об., 29 и об.

¹³⁵ Там же. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 14

¹³⁶ Там же. Оп. 5. Д. 1018.

¹³⁷ Воронов Н.А. Указ. соч. Л. 75.

¹³⁸ РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. 1841. Д. 87.

¹³⁹ Смирнов Ю.Н. Беглые и состояние паспортного режима в дореформенной Самаре // Краеведческие записки. Самара, 2000. Вып. IX. С. 47–48.

¹⁴⁰ Симбирские губернские ведомости. 1839. 10 февраля. № 6.; 3 марта. № 9; и др.

¹⁴¹ ГАУО. Ф. 113. Оп. 3. Д. 109. Л. 11 об.; Ф. 6. Оп. 6. Д. 12357.

¹⁴² ГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 и об.

¹⁴³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12357.

¹⁴⁴ Смирнов Ю.Н. Жители... С. 19.

Глава 6.

КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.)

§ 1. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начало изучения Самарского Поволжья в «век Просвещения»

XVIII столетие и начало XIX часто именуются «веком Просвещения», обеспечившим интеллектуальное и художественное воздействие на Россию культурных достижений Западной Европы. Под Просвещением лучшие умы эпохи понимали не просто развитие образования, но и обретение с помощью обучения и воспитания человеком умения и смелости воспользоваться силой своего разума¹.

Вера в безграничные возможности науки воздействовать на природу и общество породила во многих странах, в том числе и в России XVIII века, просветительское мировоззрение. Его носителем стала целая плеяда просветителей – философов и общественных деятелей. Их традиции продолжали жить и развиваться в предреформенные десятилетия первой половины XIX в.

Отдаленный Самарский край, не отличавшийся высоким уровнем хозяйственной и общественной жизни, представлял не очень благоприятную среду для развития культурных процессов. Однако и его коснулись свежие идеи и дела «эпохи Просвещения». С нашим краем связаны важные эпизоды научной деятельности И.К. Кирилова, В.Н. Татищева и П.И. Рычкова.

Обер-секретарь Сената И.К. Кирилов, крупный ученый своего времени (экономист, статистик, географ, картограф), явился инициатором Оренбургской экспедиции. С приездом его в Самару в 1736 г. город стал не только административным штабом экспедиции, но и центром научных изысканий, которые также входили в число ее задач. Исследования вели инженеры, геодезисты, медики, переводчики и другие специалисты.

Среди этих сотрудников был выдающийся ученый-самоучка П.И. Рычков, связавший с Заволжьем и Приуральем всю свою жизнь. Даже после переезда со штабом экспедиции в Оренбург Рычков, хорошо зная природу, хозяйство и историю Самарского края, рассказывал о них в своих сочинениях. Самым известным из них стало «Известие о начале и о состоянии Оренбургской комиссии по день наименования оной Оренбургской губернией», написанное по горячим следам событий, являющееся отчетом о ее деятельности с обильным включением подлинных документов².

Сочинение это много лет имело хождение в рукописях³. В 1759 г. оно было опубликовано под названием «История Оренбургская» в петербургском журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», который издавал известный ученый и путешественник Г.Ф. Миллер, восхищавшийся «искусством и прилежанием» П.И. Рычкова⁴.

В том же году за свои исследования П.И. Рычков при поддержке М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера и других академиков был удостоен звания члена-корреспондента Петербургской Академии наук⁵. Он стал первым и оставался до 1776 г. единственным обладателем этого почетного звания.

В 1755 г. для Атласа Оренбургской губернии Рычков написал обстоятельный пояснительный текст историко-этнографического и географо-статистического содержания. Впоследствии он стал первой частью «Топографии Оренбургской», изданной в 1762 г. также Г.Ф. Миллером. Это было образцовое для середины XVIII века географическое, статистическое и этнографическое сочинение, ставшее одной из основ отечественного регионоведения как науки⁶.

Яркой страницей в культурной жизни Самарского края XVIII века стало двухлетнее пребывание здесь одного из самых просвещенных людей эпохи, настоящего ученого-энциклопедиста В.Н. Татищева, который после И.К. Кирилова возглавил Оренбургскую экспедицию в 1737 г. и не оставлял, служа здесь, научных исследований. Некоторые из них соприкасались с его поручениями по гражданскому и военному управлению. Так, были осуществлены описание и картографирование Самарской Луки, волжских берегов и других территорий. Однако интересы ученого выходили за узкие рамки практических задач. В Самаре Татищев работал над «Общим географическим описанием Сибири», обосновал «Предложение о сочинении истории и географии» – анкету из 198 вопросов по географии, экономике, истории, этнографии – и начал рассылать ее по городам страны. Не оставлял он занятий историей, закончив в Самаре подготовку к публикации Судебника Ивана Грозного и значительной части своего самого главного и знаменитого труда «Истории Российской».

Научное изучение географии и жизни людей, истории Самарского края продолжила академическая экспедиция, отряды которой работали на территории края в 1768–1769 гг. Их возглавляли молодые академики П.С. Паллас, впоследствии всемирно известный биолог, и И.И. Лепехин, будущий выдающийся русский ученый-энциклопедист. Среди руководителей отрядов были также опытный профессор И.П. Фальк и капитан Н.П. Рычков, сын П.И. Рычкова. С ними начинали свой путь в науку сотрудники экспедиции Н.П. Соколов, Н.Я. Озерецковский, В.Ф. Зуев, впоследствии ставшие знаменитыми российскими учеными.

Лепехин путешествовал с конца лета до начала октября 1768 г. по северным районам Самарского края в междуречье Сока и Черемшана.

Свое путешествие в этих краях он начал с того, что побывал 30 августа – 9 сентября 1768 г. у П.И. Рычкова в его селе Спасском под Бугульмой. Весной 1769 г. Лепехин проехал по правому берегу Волги⁷.

Паллас для выбора своего маршрута также обратился за советом к Рычкову, посетив его заволжское имение в начале октября 1768 г., имел там «совещания о делах, до его экспедиции подлежащих», после чего постарался выбрать наиболее интересный для ученого-натуралиста маршрут. Он обратил внимание на еще мало затронутую человеком территорию в окрестностях города Самары и в междуречье рек Самары и Кинеля. «Самарскую страну описали мне столь изрядную, что я полезнее почитал ожидать там весны, нежели долее медлить в Симбирске», – пояснил свое решение ученый, приехавший в Самару в начале марта 1769 г. Несколько раз покидал он этот город для дальних и ближних поездок, но окончательно уехал отсюда только 16 июня. Рассказ Палласа о природе Самарского края – это прежде всего яркое повествование о ее весеннем пробуждении и бурном расцвете в начале лета: «В приятное весеннее время имел я... удобный случай осмотреть сию изрядную страну»⁸.

То, что маршруты нескольких отрядов академической экспедиции прошли через Самарский край, было связано не только с интересами научной общественности к его природе, полезным ископаемым, занятиям и быту населения. В прокладке маршрутов большую роль сыграл член семьи богатейших местных землевладельцев граф В.Г. Орлов, занимавший тогда должность директора Академии наук и лично заинтересованный в результатах ученых изысканий⁹. Благодаря его поддержке исследователи не имели недостатка в материальном обеспечении экспедиции, содействии местных властей, публикации научных отчетов. Особенно теплый прием их ждал во владениях Орловых.

Графский поверенный А. Мещеринов писал вельможе: «С господами тремя профессорами [*Палласом, Фальком, Лепехиным*. – Л. А.] по волостям ездил, и они, сколько можно, старались повеление ваше исполнить... При сем присылаю краткую о местах записку, а обстоятельнее господин Паллас намерен к вам писать из Самары и притом хотел отправить... редких насекомых, кои словлены около Усолья и по другим волостям, а мне обещал прислать десять чучел разных птиц». В.Г. Орлов отвечал: «Читав, как ты разъезжаешь с учеными, хотелось с вами тогда быть. Не могши иметь сего удовольствия, жду с нетерпением описания от господина Палласа и желаю, чтобы господа Фальк и Лепехин примечания свои ко мне прислали... Ежели они еще у тебя, то поклонися им от меня и скажи им, что я их всех в особливых письмах к ним за труды и старание в проезде чрез наши деревни благодарить буду»¹⁰.

Участники всех академических отрядов, работавших в Заволжье и Приуралье, охотно и не раз бывали в гостях у П.И. Рычкова, от которого получали ценную информацию и различные материалы. В Спас-

ское после Лепехина и Палласа приезжали астрономы В.Л. Крафт и Г.М. Ловиц, убитый пугачевцами в 1774 г. В 1770 г. в своем доме в Оренбурге Рычков принимал И.П. Фалька и натуралиста, этнографа, рисовальщика И.Г. Георги¹¹.

Традицию изучения Самарского Поволжья, начатую сотрудниками Оренбургской и академической экспедиций, продолжил Т.Г. Масленицкий. Он родился в 1745 г. в дворянской семье, владевшей землями в Симбирском и соседних уездах. После обучения в кадетском корпусе и традиционной для людей своего круга военной карьеры Масленицкий перешел в гражданское ведомство. В 1782–1785 г. он составил «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще и порознь городов и уездов и обитающих в нем инородцев»¹².

Такие описания были важной составной частью реализации реформы местного управления Екатерины II, по которой, как уже говорилось, западная часть Самарского края по обоим берегам Волги оказалась в составе именно Симбирской губернии. Труд Масленицкого по своему качеству отличался в лучшую сторону от похожих сочинений по другим регионам. Известный издатель конца XVIII века Н.И. Новиков из всех топографических описаний выбрал именно его для публикации в журнале «Древняя Российская Вивлиофика»¹³.

Исследовательская активность в Самарском крае первой половины XIX в.

Изучение Самарского края было продолжено в первой половине XIX в. Среди ученых-натуралистов, работавших здесь, наиболее плодотворными стали работы Э.А. Эверсмана, служившего сначала врачом в Оренбурге, а затем профессором в Казанском университете. Он неоднократно проводил научные экспедиции по территории Оренбургской губернии, в том числе Самарского края. Их результаты были опубликованы в его трудах, самым известным из которых стала «Естественная история Оренбургского края». В 1829 г. Эверсман пригласил в свою экспедицию по Урало-Поволжскому региону владельца аптеки в Казани К.К. Клауса. Тот настолько увлекся наукой, что оставил фармацевцию и поступил в возрасте 32 лет в Дерптский университет. Возможно, именно он убедил профессора химии и фармацевтики этого университета К.Ф. Гебеля отправиться в 1834 г. в степи между Волгой и Уралом. Клаус принял активное участие и в этой экспедиции, внося большой вклад в ее результаты¹⁴.

Окончив обучение в Дерпте, Клаус вернулся в Казань, где стал завещивать химической лабораторией в университете, продолжив исследования в Самарском Заволжье, где для него особенно привлекательными были окрестности Сергиевска. В 1838 г. он защитил докторскую диссертацию по исследованию состава сергиевских минеральных вод. Он на профессиональном уровне занимался также ботаникой, энтомо-

логией, живописью. В мировую науку Клаус вписал свое имя открытием нового химического элемента — рутения, который он назвал, как указал сам, в честь «моего Отечества» (на языке науки — латыни — Россия звучит как Ruthenia). А вот открытым им новым видам растений он давал имена как известных ученых, так и своих знакомых любителей-натуралистов. Например, колосняк Пабо (*Leymus raboanus*) был назван в честь Г. Пабо, аптекаря из Сергиевска, знатока и собирателя заволжской флоры, изучением которой увлекался Клаус¹⁵.

Интерес к географии, этнографии, истории Самарского края стал особенно заметен благодаря основанию в 1845 г. Русского географического общества (далее — РГО). Оно успешно привлекло к научным и краеведческим поискам имевшийся в провинции исследовательский потенциал¹⁶.

В 1847 г. корреспондентами РГО, участниками его деятельности по сбору фольклорного и этнографического материала неожиданно для себя стали даже многие простые жители Поволжья. Отношение из РГО от 22 мая 1847 г. на имя симбирского губернатора с просьбой о сборе необходимых сведений для Общества было напечатано для широкого ознакомления в местных «Губернских Ведомостях» и разослано в копиях по разным учреждениям, в том числе и в Сызранскую удельную контору. Последняя 10 июля отправила в подведомственные ей «приказы» (отделения) предписания об исполнении этого отношения. Осенью того же года были получены ответы¹⁷.

Из разных сел были присланы интересные материалы (песни, побасенки, приметы), пусть не очень обширные, но надо все-таки учесть, насколько непривычным было это дело и насколько неподготовленными были «корреспонденты». Фольклорные записи, собранные здешними крестьянами для РГО в 1847 г., являются старейшими из сделанных в нашем крае¹⁸.

Конечно, более активно участвовали в изучении края представители образованных слоев общества, прежде всего духовенства. Отдельным селениям в Заволжье посвящены «Ответы на вопросы по разным частям сельского хозяйства», присланные в РГО в 1852 г. священниками из сел Съезжее и Максимовка Бузулукского уезда¹⁹.

Свидетельства тесного сотрудничества бугульминского благочинного Николая Федорова с РГО выражены в виде признательностей от его руководства за различные сведения, доставленные в 1849, 1850, и 1851 гг. В итоге Совет РГО официально признал Н.И. Федорова своим сотрудником «за особенные труды его в деле познания России»²⁰.

Священник С.М. Преображенский из Усолья организовал в своем селе «ученое общество». Практические результаты существования последнего сохранились в виде трудов самого Преображенского, наиболее интересным из которых является «Церковная летопись села Усолья»²¹. Экскурсы отца Сергия в прошлое из-за отсутствия у него про-

фессиональной исторической подготовки содержат некоторые неточности и при работе с ними требуют тщательной проверки другими документами. Наиболее интересные и достоверные записи «летописи» относятся к 1830–1870-м гг., когда автор сам служил в Усолье, являлся очевидцем и участником событий, им описываемых. «Летопись» важна и как собственно источник по истории Усольского имения, и как сведения о том, что помнили и знали обитатели Самарской Луки о своем далеком и недавнем прошлом²².

Села Самарской Луки вызывали интерес и у других исследователей. Профессором Симбирской духовной семинарии Д.Н. Орловым были написаны в середине XIX в. «История села Усолья Симбирской губернии Сызранского уезда» и «Простонародные свадебные обряды и песни села У. Сызранского уезда». Они остались неизданными, но в виде рукописи были представлены РГО²³. Некоторые из этих материалов Орлова о Самарском крае были затем частично в сокращенном виде опубликованы в местной печати в 1860–1880-х гг., когда Д.Н. Орлов жил в Самаре, редактировал «Самарские Епархиальные ведомости», много печатался в них²⁴.

В этом же издании со временем увидели свет исторические описания старинных самарских монастырей, составленные другим профессором Симбирской семинарии – К.И. Невоструевым. Они были сделаны еще до большого самарского пожара 1850 года, уничтожившего документы, с которыми профессор успел поработать²⁵. В сочинениях Невоструева также сохранился ряд документальных свидетельств первой половины XIX в. о монастырях на правом берегу Волги в сызранской округе²⁶.

Работа в самарской прессе сделала доступным для читателей публикации известного саратовского краеведа и журналиста А.Ф. Леопольдова. Редактируя «Самарские губернские ведомости», он в 1850-е гг. напечатал в них ряд статей, которые касались примечательных мест, событий, людей Самарского края²⁷.

Истории старообрядчества и сектанства на Иргизе и в других местностях Самарского края, входивших первоначально в Саратовскую губернию, были посвящены труды других саратовских исследователей. Среди них можно назвать епископа Иакова (Вечеркова) и благочинного Г.Н. Чернышевского, отца известного критика и общественного деятеля²⁸.

К числу чиновников, обогативших своими изысканиями сведения об этнографии народов Заволжья, относится землемер В. Лосиевский. В 1849 г. им были представлены в РГО «Чувашские песни, собранные от чуваш Бугурусланского уезда», а в 1850 г. – «Праздник очищения калмык от грехов»²⁹.

Что касается этнографии и истории собственно города Самары, то самая интересная попытка описания его прошлого в период до

преобразования в губернский город (1851 г.) была предпринята местным учителем Г.Н. Потаниным³⁰. Две большие по объему рукописи «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» были в январе 1854 г. получены в РГО³¹.

Для сочинений середины XIX в. они весьма необычны. Будь они написаны сегодня, мы говорили бы о том, что Г.Н. Потанин воспользовался методами «устной истории»³².

С немалым трудом и большим искусством добывал Потанин устную информацию «у здешнего весьма скрытного и недоверчивого народа». Помогало то, что ему удалось добиться расположения и доверия местных жителей, которые полагали: «Да, ты ведь бишь наш брат простой, тебе можно баять все». У него можно также встретить приемы «локальной истории», когда, абстрагируясь, насколько возможно, от событий глобальной и общероссийской значимости, особо пристальное внимание он уделяет происходившему в одном городе и его окрестностях³³.

При Потанине всех этих терминов в лексиконе гуманитарной науки еще не было, как и понятия «история повседневности», которой он преимущественно занимался. Может быть, поэтому современники и земляки недооценивали его труды, так как в них говорилось вроде бы обо всем и так известном.

Мы же через записи Потанина слышим то, как говорили самарские жители, поскольку записывал он их рассказы не просто дословно, но часто с буквальностью воспроизводил звучание речи со всеми особенностями местного говора. Можно узнать, как они относились к событиям, происходившим на их глазах или почерпнутым из устных преданий. Благодаря записям местного учителя горожане Самары середины XIX в. не остались для будущих историков «безмолвным» или «молчаливым большинством», каким торгово-ремесленное население дореформенной провинциальной России предстает в некоторых исследованиях³⁴.

Сделаны были эти записи в тот момент, когда Самара, превращаясь в хозяйственный и административный центр новой губернии, пока хранила в памяти старожилов традицию, которая уже плохо воспринималась многочисленным пришлым людом, этой традиции чуждым, прибывшим из других мест на заработки, для торга, на службу. Устные предания при этом уступали место потоку книжной и газетной информации, а дедушкины предания — наставлениям учителя.

За свой труд Потанин принялся как нельзя вовремя, когда уходящую устную традицию еще можно было зафиксировать. Кроме того, он не был местным уроженцем, благодаря чему замечал особенности самарской жизни, отличавшие ее от других населенных мест страны.

Г.Н. Потанин родился в 1823 г. в Симбирске в семье дворового. Еще ребенком он был отпущен на волю в награду за службу отца. Этот драматичный эпизод, когда помещик поставил своего слугу перед жесто-

ким выбором, кого из детей (только одного!) сделать свободным, а кого оставить в бесправных холопах, нанес глубокую рану душе 13-летнего подростка. В 1836 г. был оформлен его официальный переход из крепостного состояния в мещанское сословие, что давало право на поступление в гимназию, которую он окончил через 9 лет. Уже в школе были отмечены способности юноши. Он зарабатывал на жизнь домашними уроками в известных не только в Симбирске, но и во всей России литературных семьях Минаевых и Гончаровых. Чтобы обеспечить себя постоянным жалованьем, он стал хлопотать о должности в казенном учебном заведении. При поддержке Н.И. Лобачевского, являвшегося ректором Казанского университета и управляющим Казанским учебным округом, в 1847 г. Потанин получил место учителя русского языка в уездном училище в Самаре. Его интересы были шире прямых педагогических обязанностей, хотя и с теми он справлялся успешно, став со временем штатным смотрителем училища, то есть его заведующим. Потанин пробовал себя и как писатель, впоследствии став сотрудником журналов «Современник» Н.А. Некрасова и «Русское слово» Д.И. Писарева, и охотно откликнулся на призывы РГО заняться изучением родного края³⁵.

Еще не очень знакомый город привлек бывшего крепостного прежде всего духом свободы. Потанин подметил: самарские старожилы любят утверждать, что все они являются потомками или мятежных стрельцов, или просто беглых, пришедших сюда за волей. Как исследователь, он считал это преувеличением, справедливо указывая на наличие среди жителей города в XVI–XVIII вв. значительного числа служилых и других людей, вовсе не сосланных сюда и ни от кого здесь не скрывавшихся. Тем не менее нарочитое подчеркивание исконного вольнолюбия самарских жителей и их предков выходцу с крепостнического Симбирского Правобережья очень импонировало. Холоп от рождения, он испытывал гордость от того, что теперь он свободный человек, живущий среди свободных людей. У него сложилась своеобразная система общественных и исторических взглядов, в которой элементы провиденциализма и православные убеждения сочетались с демократическими взглядами интеллигента-разночинца³⁶.

Обе рукописи Потанина, посланные в РГО, представляют собой две части общего повествования. «Записки о Самаре» заключают в основном авторский текст с пересказом или вставками прямой речи жителей-«информаторов». Изложение идет по следующему плану: степи, имя Самары, город, окрестности, народ, жители, религия, управление, характер, склонности, образ жизни, нравы, увеселения, язык. Потанин собирался дополнить рукопись «в следующих тетрадах», чтобы представить «физиономию жителей, их старый костюм, дом, дверь и все помещение прежнего самарянина [*именно таким было самоназвание жителя города в то время.* — Л. А.]; песню и сказку; пословицы и поговорки; заблуждения, поверья и гаданья»³⁷. Эти намерения остались, к сожалению, неосуществленными.

«Дедушка из Самары» строится в виде диалога с преобладанием прямой речи обобщенного старожилы-«информатора», часто выходящего в своем повествовании за пределы заданных вопросов. Конечно, это не стенограмма, а обработанная запись, но она максимально приближена к первоначальной устной основе. Речь в «Дедушке из Самары» передана так, чтобы максимально отразить в ней особенности здешнего говора. Кроме решения лингвистической задачи такой подход позволяет автору дословно передать самарские предания, сцены быта и нравов, не подвергая их критике, толкованию или оценке, сохранив первозданность изложения.

Потанин несколько раз использует для обозначения своего собеседника выражение «Самарский Геродот». Оно же является вторым названием «Дедушки из Самары». Это звучит несколько претенциозно, если представить старого и уже ослепшего самарского купца, как он описан, в роли «отца самарской истории». Однако такое выражение достаточно верно подчеркивает то, что мы имеем дело с «устной историей». Подобно Геродоту, превратившему разрозненные устные предания в первый последовательный и связный исторический текст, Потанин из подобных рассказов плетет историческую канву рассказа о самарском прошлом. Строго говоря, роль «Геродота» играет сам Потанин, но он скромно отдает громкое имя старожилу – хранителю устной исторической традиции³⁸.

Создавая свои сочинения, Потанин, по собственному признанию, внял «призыву» со стороны РГО, идею создания которого он считал «великой», и принялся за изыскания, дабы найти в Самаре «общую черту народности, духа, характера, нравов, ума, образования, стремления»³⁹. На рассмотренных примерах можно утверждать, что деятельность РГО в 1840–1850-е гг. оказалась эффективным каналом активизации и организации исследований провинциальных краеведов. Эта деятельность, несомненно, стимулировалась возросшим интересом как властей, так и местного общества к прошлому и настоящему своего края.

§ 2. НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Первые школы в Самарском Поволжье

До начала XVIII в. и уже в продолжение последующих десятилетий для большинства населения Среднего Поволжья единственным способом получения элементарных навыков чтения и письма оставалось традиционное обучение у домашних учителей или «мастеров грамоты» преимущественно по богослужебным книгам. Псалтырь и Часослов являлись главными и чаще всего единственными учебными пособиями после Азбуки или Букваря. Даже в середине XIX в. в Самаре было более двадцати «школ», в которых «учатся только чтению Псалтиря»⁴⁰.

САМОУЧИТЕЛЬ

ИЛИ

ПОЛНАЯ РОССИЙСКАЯ

АЗБУКА,

СОСТАВЛЕННАЯ ПО НОВѢЙШЕЙ МЕТОДЪ, И
СЪ НОВЫМИ ДО СИХЪ ПОРЪ НЕИЗВѢСТНЫМИ
ОБЪЯСНЕНИЯМИ КЪ ИЗУЧЕНЮ ЧТЕНІЯ.

Соч. М. ГУТТЬ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АНГУСТА СЕМЕНА,

У ПУТИ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧЕБНАГО ЗАВѢДЕНІЯ.

1825.

Азбука. 1825 год

Чтение светских книг, бытовое и деловое письмо, счет обычно являлись не целью, а лишь продолжением такого обучения, причем вовсе не обязательным. В далеком Заволжье эти «частные училища» создавали священники, «отставные солдаты, часто мещане, старухи и проч.»⁴¹. В тех местах, где было сильно влияние старообрядцев, «купецкие, мещанские и проч. дети» по большей части овладевали грамотой «у стариков и старух в раскольнических кельях»⁴².

Параллельно в Поволжье при мечетях существовала традиционная мусульманская школа. В ней преподавали основы ислама, учили читать и писать на татарском и арабском языках⁴³.

Вместе с немецкими колониями на Волге с 1760-х гг. стали возникать школы, которые также носили традиционный религиозный характер. В евангелических церковных училищах главным учебным предметом являлось «наставление в религии для приготовления юношества к утверждению в законе, в котором оно воспитывается». Обучение письму и начальным правилам арифметики носило дополнительный характер и не было обязательным. Учителя-«шульмейстеры» не имели профессиональной подготовки и избирались с одобрения приходских пасторов самими колонистами из числа церковных причетников⁴⁴.

Больше возможностей для получения образования имели дворяне, хотя далеко не все из них ими пользовались. Дворяне, недостаточно богатые, чтобы оплачивать домашних учителей или содержать детей в частных пансионах, могли рассчитывать на помощь государства и получить бесплатное образование в одной из общеобразовательных гимназий или в каком-нибудь военном учебном заведении⁴⁵.

Однако чем дальше от столиц, тем труднее было эти возможности осуществить. Г.Р. Державин, проведенный детство и юность в Заволжье и Поволжье, подчеркивал, что он «был воспитан в такое время и в таких отдаленных странах империи, когда и куда не проникло еще равное нынешнему просвещение не токмо на низшие состояния, но и на то, к которому я принадлежал»⁴⁶.

Правительство предпринимало попытки расширить сферу народного образования путем устройства казенных учебных заведений для детей дворян, чиновников, духовенства, купцов и мещан, военных чинов. Первой такой попыткой, затронувшей провинцию, стало появление в 1714 г. цифирных школ. Реально к 1726 г. цифирные школы существовали в 25 провинциях. Из провинций по Средней Волге больше всего учеников было в Казанской школе — 107 чел. В остальных их число оставалось очень незначительным. В Симбирской школе училось всего 10 человек. В других городах ниже по Волге таких школ не было совсем. По мере становления специальных ведомственных учебных заведений для отдельных сословий существование цифирных школ оказалось ненужным. Для детей военнотружущих появлялись гарнизонные школы. С ними в 1744 г. были слиты последние из оставшихся цифирных школ, в том числе Казанская⁴⁷.

Выходцы из духовного звания сосредотачивались в архиерейских (епархиальных) школах, из которых впоследствии выросли духовные семинарии. Эти заведения не могли охватить всех детей своего сословия, в Поволжье училась лишь пятая или шестая часть сыновей священников⁴⁸. Однако влияние семинарий на распространение образования в стране было заметным, поскольку священники, церковнослужители и сами семинаристы составляли подавляющее большинство среди домашних и частных учителей.

Школы Оренбургской экспедиции в Самаре

Возникновение первых государственных школ в Заволжье было связано с деятельностью Оренбургской экспедиции (комиссии). Местом пребывания ее руководства, служб и школ с сентября 1736 г. по август 1743 г. была Самара. В этих школах готовились кадры служащих для самой комиссии и давалось образование детям военных, чиновников, других лиц, состоявших при ней.

Большое внимание В.Н. Татищев уделял изучению истории и языков народов Поволжья. В его планах было создание в Самаре татарской и калмыцкой школ. Правда, до конца организовать работу школ самому Татищеву, оставленному от комиссии в 1739 г., не удалось. По настоящему работа школ началась уже после назначения руководителем комиссии В.А. Урусова. В реестре дел Оренбургской комиссии говорится, что именно при нем были заведены татарская и калмыцкая школы. Их преподавателями были «студент калмыцкого языка» Иван Ерофеев и знаток татарского, арабского, персидского, турецкого языков ахун, т. е. учитель и богослов, Махмуд Абдурахманов. В них соблюдался принцип совместного обучения молодых людей разной национальности. В марте 1741 г., извещая Татищева, озабоченного судьбой своих начинаний, об успехах татарской и калмыцкой школ в Самаре, Урусов писал, что устройство этих школ поручено П.И. Рычкову, чья

«охота и прилежность» к делу просвещения и науки были всем хорошо известны. В свою очередь Рычков сообщал тогда же Татищеву, что Урусов «все заведенные здесь школы, над коими никакого призрения не было», приказал собрать в одно здание и взять их под внимательный просмотр⁴⁹.

По сути, начатому при Татищеве обучению языкам народов Поволжья была придана более правильная организация, учебный процесс обеспечивался постоянным помещением, устанавливался должный контроль за школьным делом. В источниках существовавшие при комиссии школы называют то во множественном числе, то одной «комисской» школой. Противоречия здесь нет. В учебном процессе эти школы, или, по-современному говоря, специализированные классы (отделения), были действительно мало связаны друг с другом, но в административном отношении они вместе были особым учебным подразделением Оренбургской комиссии.

В 1741 г. в Самаре «в разных науках» состояло 52 чел. В трех русских классах школьники обучались церковному пению, грамоте и письмоводству. В них числилось 37 чел. (или 71 %), в татарской школе — 10 чел. (19 %) и в калмыцкой — 5 чел. (10 %)⁵⁰. Не только учителя и школьная прислуга, но и сами ученики считались на государственной службе, за которую получали казенное жалованье. Полученное здесь образование открывало возможность для дальнейшей карьеры. Так, татарскую школу окончил будущий сотрудник оренбургской губернской канцелярии, «заграничных дел секретарь» Петр Чучалов⁵¹.

Об уровне преподавательского состава и подготовки учеников в самарской школе говорит и тот факт, что в ней велась работа над татаро-калмыцко-русским лексиконом и переводами книг с восточных языков, ее услугами не раз пользовалась столичная Академия наук. На одном из таких переводов в академическом архиве сохранилась примечательная приписка Абдурахманова: «Я, всенижайший и многогрешный раб... по просьбе моего почтенного друга... перевел с арабского на татарский язык сию малую книжицу... дабы всенародно татарскому языку оная книжка известна бысть могла. С татарского на русский язык переведена при учрежденной в Оренбургской комиссии татаро-калмыцкой школе в феврале месяце 1741 г.». Абдурахманов, знаток языков Востока, до поступления на службу в Оренбургскую экспедицию был учителем и переводчиком влиятельного казахского султана Эрали. Ахун не был силен в русской грамоте, поэтому переводы осуществлялись в два шага. Сначала он переводил по-татарски, а затем его ученики готовили русский текст. «Почтенный друг», упоминаемый ахуном, — это Рычков, который также тепло отзывался о татарском учителе, интересовался системой традиционного мусульманского образования, о чем писал Татищеву, посылая «реестр арабским наукам», который ахун дал ему и сказал, что некоторые книги о тех науках можно достать в Бухаре⁵².

В связи с превращением Оренбурга в 1744 г. в центр губернии туда были переведены подразделения бывшей Оренбургской комиссии, включая школы. После выезда этих учебных заведений самарское городское общество не проявляло стремления к просвещению, выходящему за рамки традиционного домашнего воспитания, не настаивало на заведении у себя новых школ. В 1764 г. на предложение Комиссии о коммерции послать купеческих детей на обучение в другие города или за границу был дан ответ, что из самарского купечества желающих ехать туда учиться никого не имеется. Сами составители ответа образованностью не отличались. Из 16 «лучших купцов» Самары только 6 поставили подписи под ответом собственноручно, за 10 неграмотных расписались другие⁵³.

Калмыцкая школа в Ставрополе

В 1735 г. было принято решение об учреждении школ для обучения «разных народов новокрещенных детей читать и писать». В Казанской губернии предписывалось создать 4 такие школы. При Елизавете Петровне в Казани была открыта школа для подготовки священников и церковнослужителей из крещеных марийцев, татар, чуваш и мордвы⁵⁴.

Не получив правильной организации и устойчивого обеспечения, новокрещенские школы в Казани и других местах постепенно закрылись. Однако в ряду таких школ отличалась устойчивостью и долговечностью школа для калмыцких детей в Ставрополе (ныне – Тольятти).

Резолюция Кабинета Министров о ее учреждении появилась 6 июня 1741 г. стараниями полковника А.И. Змеева, который в качестве коменданта представлял российские власти в Ставрополе и окрестностях. Инициативу проявили сами калмыки, которые, как доносил комендант в 1739 г., «желают обучать детей своих русской грамоте и письму». Их правительница Анна Тайшина понимала цену знаний и сама была «между многими в науке превосходная». Эту оценку дал после знакомства с нею В.Н. Татищев в своем письме в Академию наук⁵⁵.

При принципиальном согласии калмыцких и русских властей о необходимости обучения детей встал вопрос о денежном содержании. Змеев предложил выделить средства на школу за счет убавки жалованья тем священникам и церковнослужителям, определенным к кочевникам, которые не знали калмыцкого языка. В итоге получилась годовая экономия в 500 руб., как раз необходимых для школы. Змеев предлагал, чтобы в школе шло обучение не только русскому, но и калмыцкому языку. Решение этой задачи облегчалось тем, что обучение обоим языкам в школе взял на себя образованный ставропольский протопоп Андрей Чубовский. Первоначально в школу было зачислено 10 калмыцких мальчиков. Им было положено казенное жалованье, которое составляло 20 руб. в год на человека. Каждому было выдано «по одному сермяжному кафтану, по одному китайчетому полукафтаныю с подклад-

кою толстою холстинкою, по одним яловишным черным сапогам, по одним белым чулкам, по одним яловишным желтым рукавицам, по две пары рубах холстинных толстых, по одному коровьему войлоку да по одной холстинной подушке, набитой мочалами»⁵⁶.

Первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев не обходил вниманием школу. 8 ноября 1744 г. он представил доклад Сенату, предполагая открыть еще несколько калмыцких школ, но это предложение не было реализовано, школа в городе осталась для всего Ставропольского калмыцкого войска единственной. К концу 1760-х гг. ряд бывших ее учеников уже служили в «священниках, переводчиках и толмачах», как было задумано при ее основании. Остальные воспитанники, «будучи обучены», несли службу в калмыцком войске «с лучшею пользою». По описаниям того времени, школа располагалась на территории крепости и представляла собой деревянную постройку на каменном фундаменте. Число учеников с 1760 г. было увеличено до 50 чел. На ее содержание отпускалось ежегодно 620 руб. и сверх того – провиант для учащихся. Учеников разделяли «на три части», «в первой и второй по 14, в третьей – 22» чел. Ученики первой части получали жалованье 12 руб. в год, второй – 10 руб., третьей – 6 руб., а также месячный продовольственный паек, положенный солдату. В школе обучались и дети русских солдат «калмыцкому и российскому языкам и арифметике», пока для них не была построена в 1776 г. особая гарнизонная школа⁵⁷.

В 1770-х годах продолжал служить учителем в Ставропольской школе Егор Ерофеев. Он сам принадлежал к «калмыцкой нации» и получил образование в Славяно-греко-латинской академии, где в 1730-е гг. вместе со своими товарищами подготовил первые переводы христианских молитв, символа веры и десяти заповедей на калмыцкий язык⁵⁸.

Согласно ведомости 1783 г., на 50 учеников калмыцкой школы приходился один учитель. В 1800 г. в ней уже работали 2 учителя и переводчик⁵⁹.

Школьная реформа Екатерины II в Самарском Поволжье

Замысел создания общегосударственной системы образования в России родился под воздействием идей Просвещения и стал воплощаться в жизнь в рамках политики «просвещенного абсолютизма». Подготовка школьной реформы Екатерины II началась с создания в сентябре 1782 г. Комиссии об учреждении училищ, первого в истории всероссийского органа управления народным просвещением, и завершилась утверждением 5 августа 1786 г. Устава народным училищам в Российской империи, законодательно оформившего систему начальных и средних школ в рамках всего государства.

С сентября 1786 г. в стране стали повсеместно открываться «народные училища». Так звучал перевод на русский язык XVIII века немецкого термина *Natioalschule* (национальная школа), поскольку за об-

разец были приняты австрийские учебные заведения, устроенные по самой передовой для той эпохи педагогической системе⁶⁰.

Комиссия об учреждении училищ уделила много внимания изданию учебных пособий по предметам, изучавшимся в этих школах, разработала «Правила для учащихся народных училищ» и «Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи». Целью ее работ было создание законченной школьной системы с единой методикой преподавания и учебными планами. Предусматривалось устройство народных училищ двух уровней – главных и малых. Главное народное училище, учреждаемое в каждом губернском городе, состояло из 4 классов. Его выпускники имели возможность продолжить образование в гимназии и университете. Малые училища предполагалось учреждать в уездных городах, а также в тех губернских центрах, где было недостаточно одного главного училища. Их программа примерно соответствовала первым двум классам главных училищ. Одним из самых сложных вопросов был кадровый. Комиссия об учреждении народных училищ решила набрать будущих преподавателей светских школ из духовных семинарий. Подготовка учителей из бывших семинаристов велась в Учительской семинарии в Петербурге и в главных народных училищах.

В некоторых губерниях открылось только одно главное училище, созданное по прямому указанию верховной власти и усилиями прежде всего столичной училищной Комиссии. Заботы о материальном обеспечении малых народных училищ, как и о кадрах для них, перекладывались на местные власти⁶¹. Далеко не все губернские власти озаботились устройством таких школ, требовавших дополнительных административных усилий и денежных средств.

Симбирское наместничество по показателям числа училищ и учеников было среди лучших в России. В конце 80-х гг. XVIII в. здесь имелось одно главное народное училище в Симбирске, открытое 22 сентября 1786 г.⁶², и заработавшие с 28 июня 1787 г. четыре малых в уездных городах Сызрани, Ставрополе, Тагае и Алатыре⁶³.

В Ставропольское малое народное училище было принято всего 14 мальчиков⁶⁴. В дальнейшем их численность колебалась от 12 до 20. Трудности с набором создавались из-за нежелания многих жителей отдавать в школу сыновей, с малых лет занятых в хозяйстве или определяемых к службе. В июне 1790 г. директор симбирских народных училищ Т.Г. Масленицкий был вынужден поднять вопрос о переводе учителя и самой школы из Ставрополя в другой город, где потребность в учебном заведении была ощутимее. Так, в Симбирской губернии появилось Самарское училище вместо Ставропольского. Первое в истории Самары государственное общеобразовательное учебное заведение было торжественно открыто 19 января 1791 г. В него было зачислено 35 учеников⁶⁵.

С восшествием на престол Павла I отношение властей к народному образованию и к его реформированию, начатому покойной императрицей, стало прохладней. Чувствуя эту перемену, громко зазвучали голоса тех, кто относился к новой школе отрицательно или равнодушно как в силу собственной косности, так и ради сиюминутной экономии. Теперь училища, оказавшиеся в трудном положении, закрывались уже без учреждения вместо них других.

12 ноября 1797 г. Симбирский приказ общественного призрения, финансировавший народные школы разного уровня, выяснил, что расход денежной казны превышает поступление средств на училищные нужды. Для экономии казенных денег была принята резолюция о содержании на средства приказа только одного главного училища в губернском городе. Было предложено предводителям дворянства и городским головам тех городов, где имелись малые народные училища, согласиться на перевод училищ и учителей на содержание дворянского и городского обществ. Участь ряда малых народных училищ была пред-
решена.

О состоянии, в которое школы приходили «заботами» некоторых местных администраций и городских обществ, красноречиво свидетельствует сообщение самарского городничего Лукина, по совпадению рассмотренное Приказом на следующий же день. В нем говорилось о безнадежном состоянии здания училища в Самаре, уже совершенно не подлежащего починке. Приказ распорядился срочно продать этот дом, «дабы от времени еще и более не пришел в ветхость и не потерял цены», а для занятий снять две комнаты в доме одного из горожан⁶⁶.

20 февраля 1798 г. Приказ рассмотрел донесения, полученные на его запрос от предводителей дворянства и выборных лиц городского самоуправления. В ответах из Самары от дворянского предводителя Богданова и городского головы Янова содержался в откровенной форме отказ от поддержки школы, что вкупе с учетом неблагоприятного состояния училища привело к немедленному решению о его закрытии. Самарскому дворянству и горожанам был устроен своеобразный экзамен на глубину и прочность восприятия местным обществом идей подхваченного к концу «века Просвещения». Экзамен этот провинциальное общество уездной Самары не выдержало, история народного образования в городе была прервана более чем на четверть века⁶⁷.

Замыслы школьной реформы не встретили должного отношения «у широких слоев русского населения». У них, как считает Б.Н. Мионов, еще «отсутствовали серьезные внутренние и внешние стимулы к получению образования»⁶⁸.

Дольше других городских малых народных училищ Самарского края просуществовала (с 1787 по 1799 г.) школа в Сызрани. Она располагалась в съемном помещении, которое менялось ежегодно. Все просьбы учителей построить специальное здание для занятий остались безрезультатными. Горожане отказывались отдать для постройки даже ле-

жавший без дела строительный лес. Одной из причин негативного отношения к школе было несогласие части населения со светским характером образования, хотя власти принимали меры, чтобы принудить горожан отдавать детей не в домашнее обучение православным церковнослужителям или грамотным старообрядцам, а в народное училище. Всего за время существования в нем прошли обучение 119 чел., половину которых составляли дети дворовых людей и крестьян (59 чел.), остальные были сыновьями офицеров и дворян (12 чел.), купцов (17 чел.), мещан и цеховых (9 чел.), армейских нижних чинов (9 чел.), канцеляристов (6 чел.), лиц духовного звания (6 чел.). Малое число среди учеников выходцев из городских сословий свидетельствовало о недоверии значительной части горожан к школьному образованию. Именно этим сызранский голова Веденисов официально объяснил отказ своего городского общества помогать школе, мол, в ней «по большей части находятся дети из уезда, а градских мало»⁶⁹.

5 октября 1799 г. Приказ вернулся к вопросу о состоянии Сызранской школы. Убедившись, что «в покупке для школы дома надежды не предвидится», сочли за лучшее школу здесь вовсе закрыть⁷⁰.

В самом конце XVIII в. на всю обширную Симбирскую губернию имелось только две общеобразовательные школы: главная – в Симбирске и малая – в Алатыре. В городах Самарского края (Самаре, Сызрани, Ставрополе) их не осталось вовсе⁷¹. Возможности создания государственной системы народного образования в том виде, как ее задумывала Екатерина II, оказались исчерпанными.

Школы в городах Самарского края первой половины XIX в.

Первые годы правления Александра I ознаменовались возрождением идеи просвещенного абсолютизма и свойственного им внимания к развитию образования. В 1808 г. в 59 учебных заведениях Казанского учебного округа, созданного указом 24 января 1803 г. и включавшего Поволжье, Урал, Сибирь, Кавказ, обучалось всего 3254 человека⁷². К 1824 г. в Казанском округе состояло 142 учебных заведения, в которых учились 6416 человек⁷³. В 1825 г. в 131 уездном городе России из 533 не было открыто вовсе начальных школ⁷⁴.

Образовательную политику в масштабе страны осуществляло Министерство народного просвещения. Правда, ему не подчинялись состоящие в ведении Синода духовные семинарии и духовные училища, которые в XIX в. окончательно стали не только специальными, но и общеобразовательными учебными заведениями для детей духовенства.

Принятые в 1804 г. уставы предусматривали 4 ступени учебных заведений: приходские училища, уездные училища, гимназии, университеты, при этом государственное финансирование предполагалось только для трех верхних ступеней. Без участия, в том числе материального, местной общественности становилось невозможным открытие не толь-

ко приходских училищ, вовсе не имевших государственной поддержки, но и уездных, поскольку, выделяя им некоторые казенные средства, правительство не брало на себя расходы на строительство зданий для них и на ряд других нужд.

Верховная власть и ведомство народного просвещения всячески поощряли случаи благотворительности, которые тщательно фиксировались и доводились до сведения начальства (вплоть до министра, а то и императора). Кроме чувства удовлетворения собственным благородным поступком благотворитель мог рассчитывать на известность и определенные знаки отличия. Периодические издания по распоряжению министра народного просвещения оповещали читателей об актах благотворительности. Размеры пожертвований не имели значения. Благодарность через прессу получали жертвователи и нескольких рублей, и многотысячных взносов. Люди из разных сословий получали приличествующие своему состоянию награды.

Так, в 1807 г. в Сызрани священник Александр Сызранский «за именем в сем городе училища завел оное в собственном доме и принял на себя должность учителя чтения, письма, грамматики, арифметики и Священной истории». Император выразил «благоволение к такому похвальному подвигу сего священника на пользу общую» и «повелел наградить его знаком отличия из установленных для белого духовства»⁷⁵.

Крупные благотворители из дворян награждались орденами, а из лиц других сословий — медалями. Для чиновников акт благотворительности мог стать ступенькой в карьерном росте и повышении социального статуса. Одним из способов привлечения авторитетных деятелей и состоятельных людей к распространению и поддержке школ стало учреждение должности почетных смотрителей. Они избирались «из местных помещиков, наиболее благорасположенных к наукам и могущих по достатку и щедрости своей споспешествовать выгодам училища»⁷⁶.

Почетные смотрители выполняли функции попечителей и покровителей училищ, а повседневную деятельность этих школ организовывали штатные смотрители (заведующие) из учителей. Особое значение имела практика избрания подходящего лица на должность почетного смотрителя над еще не устроенным училищем, поскольку часто это было единственной возможностью открыть школы там, где их не существовало.

В начале 1823 г. совет Казанского университета получил от дворянина А.А. Путилова прошение о желании вступить в должность почетного смотрителя уездного училища в Самаре, где оно еще не было заведено, с обязательством «выстроить для оногo деревянный дом» и «жертвовать ежегодно» по 200 руб. на его содержание. Утвердив эту просьбу, министр народного просвещения теперь мог на полном основании испросить у Министерства финансов выделения «на означенное училище штатной суммы по 1250 рублей в год» из казенных средств⁷⁷.

Первым штатным смотрителем нового училища стал В.О. Баршевский. Происходил он из мещан г. Киева, где окончил духовную академию, а затем работал учителем и штатным смотрителем в городах Северного Кавказа. Баршевский прибыл в Самару 23 января 1825 г.⁷⁸

В течение 1825 г. здание школы было построено, и тот же Путилов снабдил его «классической мебелью и различными учебными пособиями». Комиссия, осматрившая подаренный училищу дом, оценила его в 22 тыс. руб., а надворные строения при нем — в 3400 руб.⁷⁹

Внешнему облику училищного здания была придана заметная для уездного города представительность, дополненная просветительскими аллегориями. Главный корпус училища представлял собой построенное из ровного соснового бруса строение на фундаменте из кирпича и камня. Обшитые также тесом стены были окрашены в светло-палевый цвет. На этом фоне выделялись покрытые масляными белилами деревянные колонны, карнизы и другие детали, которые имитировали каменную кладку. Фасад разнообразили окна различных размеров и форм. На фронтоне здания белой краской по голубому полю была написана картина, изображавшая сидящего на скале Аполлона с лирою в окружении гениев и учебных инструментов. Ниже размещалась обтянутая холстом доска, на ней по голубому полю светло-желтой краской шла надпись: «Самарское Уездное Училище». Над фронтоном возвышалась деревянная, но окрашенная под белый мрамор голова богини Минервы⁸⁰.

Античные образы здания Самарского училища, типичные для стиля классицизма, который в России стал визуализацией идей «эпохи Просвещения», вызвали раздражение попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого. Он предложил правлению Казанского университета отдать распоряжение об уничтожении «картины Аполлона и головы Минервы» в Самаре, поскольку «в настоящем положении наук нет места Мифологии, и что Христианские училища не должно украшать изображениями язычников»⁸¹.

Впрочем, о выполнении этого указания документов нет. Наверное, оно могло показаться странным и казанским профессорам, которым было адресовано, и вообще образованным людям, ведь даже столичные учебные заведения в то время украшались скульптурными или живописными изображениями на античные мотивы.

Торжественное открытие училища в Самаре состоялось 30 августа 1825 г. Церемония была приурочена ко дню тезоименитства Александра I — православному празднику в честь святого князя Александра Невского.

Ревность к делу образования не осталась незамеченной. В 1824 г. Путилов в качестве попечителя уездного училища удостоился представления императору Александру I, прибывшему в Самару. А 15 января 1826 г. Николай I наградил Путилова орденом Святой Анны III степени.

Такую же награду получили другие почетные смотрители, сделавшие крупные пожертвования, например штаб-лекарь И.И. Смирниц-

кий в 1822 г.⁸² Он внес половину стоимости здания уездного училища в соседнем Ставрополе, строительство которого в 1821 г. обошлось в 10 тыс. руб.⁸³

Вторую половину стоимости здания «по приглашению» Смирницкого и «по благорасположению своему» принял на себя В. Барышевский, «Ставропольского Калмыцкого войска войсковой атаман». За свой благотворительный вклад он был награжден золотой медалью с надписью «За полезное» на орденской Анненской ленте⁸⁴.

Участие Барышевского в поддержке уездного училища объясняется, видимо, наличием планов по объединению уездного училища, открытого в 1816 г., и калмыцкой школы, существовавшей в Ставрополе с XVIII в. Это объединение было действительно осуществлено в 1826 г.⁸⁵

В отличие от других уездных училищ страны, в Ставропольском появился учитель калмыцкого языка, который обучал калмыцкой грамоте и письму. Им был хорунжий Ставропольского войска Григорий Крышев. Еще одним непрофессиональным педагогом здесь был учитель Закона Божьего – священник Корнилий Ястребов⁸⁶. Впрочем, привлечение священнослужителей к школьному делу происходило повсеместно, так как в царствование Александра I стало практиковаться, а вскоре стало обязательным привлечение духовенства в школы всех уровней в качестве законоучителей⁸⁷.

Отец Корнилий к тому же оказался настоящим ревнителем просвещения. Он последовал благотворительному примеру Сычугова и Барышевского, потратив на покупку мебели для училища собственное жалованье преподавателя Закона Божьего⁸⁸. Впрочем, он жертвовал все это жалованье «в пользу училища» с 1823 и до 1835 г.⁸⁹

Подобные благотворительные поступки со стороны представителей духовенства, занятых школьным преподаванием, были далеко не единичны. Священник Степан Бельский в 1826 г. подарил дом для приходского училища в самарском пригороде Алексеевске и сам без жалованья выполнял в нем обязанности надзирателя и учителя⁹⁰.

Священник Иоанн Милордов на собственные средства и «без всякого воздаяния» начал заниматься с детьми в Бугуруслане. Он добился превращения в 1818 г. частной школы в приходское училище, подарив ему собственный дом. В 1824 г. это училище, в котором отец Иоанн продолжал безвозмездно учить детей не только Закону Божьему, но и общеобразовательным предметам, было преобразовано в Бугурусланское уездное училище⁹¹.

22 января 1825 г. с согласия церковного начальства Милордов по распоряжению министра народного просвещения был назначен штатным смотрителем уездного училища с положенным «по сей должности жалованьем». Он оставался заведующим школой до 1837 г., будучи одновременно протоиереем Николаевской церкви в Бугуруслане. «Из любви», как он сам писал, к этому учебному заведению отец Иоанн даже

отказался от перевода в губернский Оренбург, где ему было предложено место настоятеля соборного храма⁹².

Уездное училище по закону предполагалось узлом народного образования во всей округе. Штатный смотритель училища брал на себя контроль и попечение над приходскими школами в уезде, мог требовать от местных жителей и властей содействия в их создании и содержании.

В 1836 г. в Самаре было открыто первое приходское училище. На учебные заведения этого типа из казны денег не отпускалось, они полностью содержались городскими обществами⁹³.

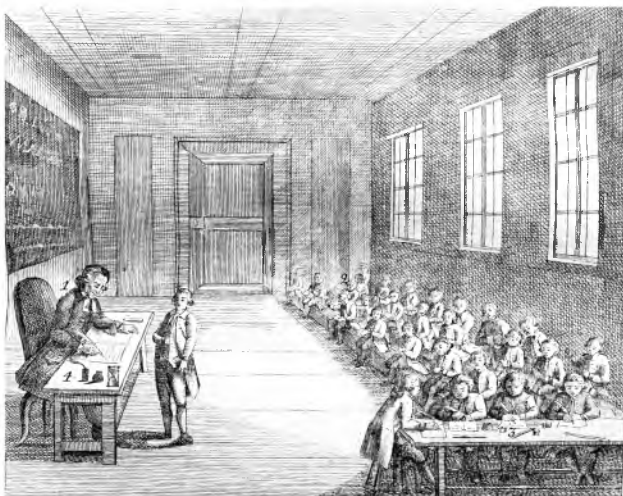
Оно стало четвертым в городах губернии по времени открытия вслед за училищами в Симбирске, Сызрани и Карсуне. По сумме, выделенной на него городом (600 руб.), оно лишь немногим уступало Симбирскому приходскому училищу в губернском центре (700 руб.)⁹⁴.

Открытие Самарского приходского училища произошло при участии штатного смотрителя уездного училища П.К. Сычугова, сменившего в этой должности В.О. Барщевского в 1831 г., а до этого работавшего в Ставропольской калмыцкой школе. Новый руководитель училища был первым учителем в Самарском крае, имевшим университетское образование, и проработал здесь до открытия Самарской губернии в 1851 г.⁹⁵

В 1851 г. городское общество начинает хлопоты об открытии еще одного приходского училища. Купцы и мещане «обязались принять на свой счет издержки по содержанию училища, для чего определили сбор с 1-го января будущего 1852 года: с купцов 1-й гильдии по 2 руб., 2-й гильдии по 1 руб. 50 коп. и 3-й гильдии по 60 коп. серебром с каждого капитала и с мещан по 3 коп. серебром с души»⁹⁶.

Открытие Самарского 2-го приходского училища состоялось в январе 1852 г.⁹⁷ В том же году здесь началось обучение детей священников и церковнослужителей духовное училище⁹⁸. Все эти школы относились к начальному звену образования. Открытие же средних и профессиональных учебных заведений происходило по мере преобразования Самары в губернский город.

Состоятельные дворяне и чиновники предпочитали всеобщим школам частные, где учились дети, принадлежавшие к одному социальному кругу, и можно было получить подготовку не только по общеобразовательным предметам, но и по престижным дисциплинам, прежде всего иностранному языку. В Самаре получил известность «пансион де Маке», хотя официально этого статуса домашняя школа, устроенная в 1827 г. французским дворянином, не имела⁹⁹. В ней обучались как девочки, так и мальчики. Самым известным ее воспитанником стал Н.И. Второв, впоследствии известный исследователь Воронежского края и мемуарист, оставивший о «пансионе де Маке» записи в дневнике и воспоминания¹⁰⁰.

Школьный учитель. Из кн.: Зрелище природы и художеств. СПб., 1809. Ч. VIII

Сельские школы Самарского Поволжья

Определенных успехов в дореформенные годы достигла сельская школа. Это хорошо видно на примере Усольской вотчины графов Орловых, а затем Орловых-Давыдовых в районе Самарской Луки. Об открытии здесь первого училища В.Г. Орлов договорился с крестьянскими мирами в июне 1770 г.¹⁰¹ В 1842 г. при его внуке гр. В.П. Орлове-Давыдове в 17 школах Усольской вотчины училось 515 детей (397 мальчиков и 118 девочек)¹⁰². Возникали школы и в имениях других просвещенных помещиков.

Небогатым помещикам, а также крестьянским общинам в казенной или удельной деревне заведение школ казалось непосильным делом, польза которого была далеко не для всех очевидной. Предписания правил 1803 г. об устройстве сельского училища на каждый или на два соседних прихода оставались только благими пожеланиями.

В подобном состоянии дело начального народного образования досталось в незавидное наследство императору Николаю I. Вопреки наличию негативных оценок его политики в области народного просвещения и принятого в 1828 г. нового школьного устава, именно к 1830–1840-м гг. следует отнести «факт появления организованной сельской школы» в России, в том числе в Поволжье¹⁰³.

Кроме Министерства народного просвещения к созданию школ приложили усилия и другие государственные ведомства. Особенно заметную роль сыграли Департамент уделов Министерства императорского двора и Министерство государственных имуществ.

29 октября 1832 г. последовало Высочайшее повеление о заведении по одному училищу в каждом сельском приказе, объединявшем не-

сколько близлежащих удельных селений. Обучение в них должно было соответствовать школьному уставу 1828 г. Содержание школ возлагалось «на общественный счет» жителей удельных имений и включало выплату жалования учителю, предоставление помещения, бесплатное обеспечение школьников учебными пособиями. Выполнялось это повеление постепенно и не повсеместно. В Саратовском удельном имении, в составе которого было немало сел по Волге ниже Самары и насчитывалось 9 сельских приказов и 2 отделения, в 1837 г. появилось всего 4 школы, в 1842 г. — еще 3¹⁰⁴.

По данным Саратовского удельного имения, из 1152 крестьян, обучившихся в этих школах с 1837 по 1859 г., «служит уделу или готовится к службе» 159 человек, занимаются «крестьянскими промыслами» (хлебопашеством, садоводством и др.) — 655. Кроме того, стали ремесленниками — 23, письмоводителями «у должностных и частных лиц» — 22, поступили «в военную службу за свои семейства по очереди, по найму или за дурное поведение» — 182, умерли — 101 человек. Не всем обучение пошло на пользу, поскольку из бывших учеников «находилось в бегах 3, состояло налицо дурного поведения 4 и ничем не занимались по разным причинам трое»¹⁰⁵.

В Самарском удельном имении в 1841 г. были открыты 18 училищ. В 1851 г. из обучавшихся в них 540 детей только 97 «окончили учение» в полном объеме. Некоторые из завершивших обучение, «смотря по способностям, поступили для научения канцелярскому порядку в Удельную контору и сельские приказы с целью подготовить хороших писарей для последних, а прочие распущены по домам для занятия крестьянскими работами»¹⁰⁶.

К 1854 г. число мальчиков, обучавшихся в училищах Самарского удельного имения, достигло 600. «Кроме того, обучаются 6 мальчиков фельдшерскому искусству и 6 ветеринарному, а по 2 мальчика у архитектора и землемера», — сообщал современник¹⁰⁷.

В 1850 г. в этом удельном имении появились школы для девочек. В них в 1851 г. обучалось 470 девочек (всего в женских школах Удельного ведомства по России — 1066 учениц). Учебные пособия для дочерей приобретали родители, но это не уменьшало числа желавших «поместить свою дочь в школу». Дело «дошло до того, что, по тесноте помещения школ, начальство принуждено было отказывать» некоторым девочкам в приеме¹⁰⁸.

В Сызранском удельном имении, включавшем селения, купленные в 1845 г. императорской фамилией у графини А.А. Орловой-Чесменской, открылись школы в селах Переволоки и Новодевичье. Последнее сначала заняло бывший дом графского управляющего, а после разместилось в отдельном здании, расходы по возведению которого приняли на себя крестьяне Новодевичьего приказа. В 1850-е гг. в Сызранском удельном имении работали 23 сельских училища¹⁰⁹.

В 1837 г. было образовано Министерство государственных имуществ, возглавлявшееся П.Д. Киселевым, а также началась реформа управления казенными крестьянами, составной частью которой стало развитие среди них начального образования. В проекте учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях, утвержденном Николаем I 30 апреля 1838 г., содержалось указание о постепенном создании «при каждом сельском обществе для крестьянских детей приходских училищ». 22 июня 1842 г. было издано Высочайшее повеление о переустройстве училищ для государственных крестьян на основе школьного устава 1828 года. Было разработано «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян». К 1853 г. количество таких школ в стране достигло 2795¹¹⁰.

На территории Самарского края государственные крестьяне проживали в основном в Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском уездах Оренбургской губернии, Николаевского и Новоузенского уездов Саратовской губернии. Всего в этих уездах в 1846 г. насчитывалось 55 школ для этой категории крестьян и 1724 ученика, которые в них обучались. Среди селений, где училища к тому времени открылись, были Пестровка, Ломовка, Константиновка, Бол. Глушица, Подъем, Богдановка, Каменный Брод, Хворостянка, Новотулка, Кинель-Черкасы, Сергиевск, Савруха, Сосновка, Старые Сосны, Зуевка, Борское, Герасимовка, Шентала¹¹¹.

Палаты государственных имуществ и окружные начальники, которые заведовали казенными селениями на местах, обязаны были уведомлять губернские органы народного просвещения об открытии и закрытии сельских училищ, предоставлять о них ведомости. Директора и штатные смотрители школ Министерства народного просвещения должны были осматривать училища в селениях государственных крестьян. Местное епархиальное начальство предлагало для сельских школ учителей из священников, диаконов, причетников и выпускников семинарий. Министерство государственных имуществ при этом учитывало более ранний опыт устройства училищ для удельных крестьян¹¹².

Усилия отдельных благотворителей и различных ведомств по распространению сельских училищ не просто совпадали во времени. Они были звеньями одной политической линии. На примере организации учебных заведений для удельных и казенных крестьян отчетливо видно наличие у верховной власти осознанного стремления к развитию образования, что встречало поддержку и в провинциальном обществе.

Вне всякого контроля и влияния со стороны российских властей оставались училища в протестантских колониях. Их жители воссоздали на новых землях традиционную немецкую школу для простонародья, которая готовила к конфирмации и была «связующим звеном между крещением и принятием нового члена в общину» — церковный приход¹¹³.

Подъем религиозно-мистических настроений в конце царствования Александра I способствовал передаче этих школ в 1819 г. под полное управление местного духовенства. Однако в 1824 г. попечитель учебного круга М.Л. Магницкий и Казанский университет подняли вопрос о постановке упомянутых училищ под контроль имперского ведомства народного просвещения¹¹⁴.

Среди главных целей этого намерения было ввести для детей колонистов изучение русского языка и светских общеобразовательных предметов. Однако при Магницком вопрос о государственном надзоре за школами в колониях не был решен, а после его отставки в 1826 г. был снят с обсуждения, прежде всего усилиями лютеранского духовенства, стремившегося сохранить исключительно религиозный характер образования. К проблеме модернизации школьного дела в немецких колониях удалось вернуться только десятилетия спустя¹¹⁵.

§ 3. КНИГА И ПЕРИОДИКА

Распространение книжной культуры

В период, когда уездные города еще не имели собственных типографий для печатания книг, газет, журналов, распространение печатной продукции в них шло благодаря как потребностям образованных жителей, так и усилиям властей. Старейшие библиотеки Самары возникли в годы работы Оренбургской экспедиции (комиссии), штаб которой в 1737–1743 гг. размещался в этом городе. Они формировались видными учеными И.К. Кириловым и В.Н. Татищевым, ее возглавлявшими, но прекратили существование здесь после выезда комиссии из Самары. Часть книг из этих библиотек находится в областном музее в Екатеринбурге¹¹⁶.

Несмотря на отдаленность от культурных столиц, дворянские имения Самарского края в XVIII – первой половине XIX в. дали стране немало деятелей русской литературы. Достаточно назвать имена выдающихся поэтов Г.Р. Державина и И.И. Дмитриева, снискавших известность также на государственной службе и общественном поприще. Особенно интересны для региональной истории зарисовки помещичьего и народного быта, природы и хозяйственной деятельности в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука» С.Т. Аксакова¹¹⁷. Хорошему знанию нашего края способствовало то, что в XIX в. «имения Аксаковых и их родственников располагались в Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском, Николаевском и Ставропольском уездах»¹¹⁸. Из соседей-помещиков произведения С.Т. Аксакова нашли литературный отклик у Н.А. Рычкова – потомка П.И. Рычкова¹¹⁹.

В 1840-е – начале 1850-х гг. в Самаре служили чиновниками известный впоследствии историк русской науки и литературы академик

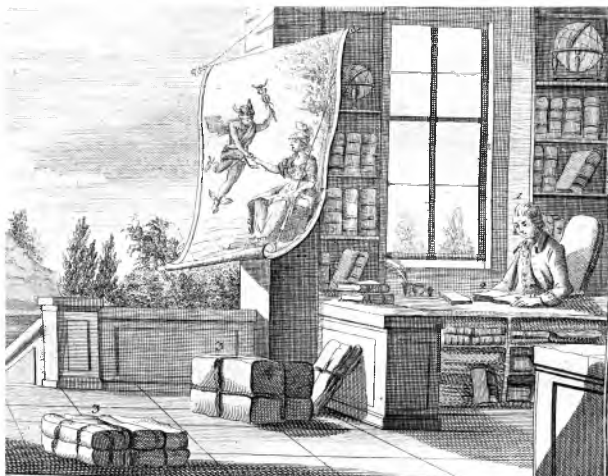
П.П. Пекарский и видный общественный деятель, литератор Н.В. Шелгунов. Появлялись в печати произведения местных поэтов-любителей, например, изданный А.С. Даргомыжским в Петербурге романс «Не задумываясь, мой друг...» с нотами А.А. Алябьева и стихами самарского помещика Д.А. Путилова, которые были хорошими знакомыми. Путилов во время приездов композитора на Серной минеральной воды в 1834 и 1848 гг. предоставлял свой крепостной оркестр для исполнения произведений Алябьева, не раз писал для них тексты¹²⁰.

Все же первым по времени писателем, жившим и работавшим в Самаре, является И.А. Второв. В 1798–1800 гг. несколько его стихотворных и прозаических опытов были напечатаны в столичных журналах. Сейчас они интересны только историкам литературы, но вот дневниковые записи Второва, которые он вел с 1792 г., и его мемуары «являются уникальным в своем роде историческим источником»¹²¹. Они сохранили ценные свидетельства о нравственных и общественных исканиях его эпохи, о культурных процессах в провинции и столицах, о многочисленных знакомых автора. В числе этих знакомых были и В.А. Жуковский, и Н.М. Карамзин, и А.С. Пушкин¹²².

По семейным обстоятельствам Второв не получил систематического образования. Рано потеряв отца, восьмилетний мальчик стал кормильцем матери и двух сестер, получив место копииста в Самарском уездном суде Симбирского наместничества¹²³. Это произошло в 1781 г., когда катастрофически не хватало чиновников в местных учреждениях, только что созданных по екатерининской административной реформе. К ее реализации в Симбирской губернии приступили в самом конце декабря 1780 г., обозначив новые границы Самарского уезда и устраивая в нем необходимые органы управления¹²⁴. Всеми своими знаниями самоучка Второв был обязан книгам, с жадностью читая все, какие только ему попадались¹²⁵.

В течение жизни у Второва появилась хорошая библиотека, составленная частью из книг, привезенных из поездок, частью из приобретенных в Самаре. Книготорговля тут была делом довольно беспокойным. В 1790-е гг., после появления «Путешествия» А.Н. Радищева, ареста книгоиздателя Н.И. Новикова, запрета тираноборческой трагедии Я.Б. Княжнина «Вадим», вводится жесткая цензура, не без выгоды обернувшаяся для взяточников. Купец Пономарев не мог свободно выставить в Самаре издания, даже не попавшие под запрет. Второв в 1794 г. вступился за книготорговца, которому досаждали «цензоры»-вымогатели, мешавшие «приохочивать людей к распространению просвещения»¹²⁶.

В первой половине XIX в. книжная торговля в уездных городах Самарского края велась на ярмарках, в бакалейных и мелочных лавках. Люди образованные часто выписывали книжные новинки из столиц. Так, в списках подписчиков на сочинения Н.М. Карамзина, В.А. Озерова, Ф.В. Булгарина, выходившие в 1810–1830-е гг., есть имена жителей Самары, Бузулука, Бугульмы, в том числе женщин¹²⁷.

Книжная лавка. Из кн.: Зрелище природы и художеств. СПб., 1809. Ч. VIII

Кроме книг значительную часть личной библиотеки Второва составляла периодика. Он выписывал ее на немалую сумму в 60 руб. в год. В том числе из литературных изданий он получал «Вестник Европы», «Северный вестник», «Московский курьер», «Новости литературы». Когда в 1835 г. Второв переезжал в Казань, больше всего хлопот причинили упаковка и перевозка книг, которые «требовали отдельной комнаты»¹²⁸. Собрание Второва легло позже в основу Казанской публичной библиотеки (ныне – Национальной библиотеки Республики Татарстан). Часть его книг находится сейчас в научной библиотеке Казанского университета.

Второв «не только сам для своей библиотеки, подписывался на все журналы, петербургские и московские, но для распространения их составлял компании из своих знакомых», которых не раз просил «о вербовке охотников на чтение периодических изданий». В одной из подобных компаний в Самаре «было положено прочитанные книги по окончании года жертвовать в библиотеку уездного училища»¹²⁹.

Эта библиотека стала с 1820-х гг. первым в Самаре общественным книгохранилищем, которое в 1850 г., насчитывая уже 310 названий в 661 томе, к сожалению, погибло при пожаре¹³⁰. Однако сразу после пожара она начала заново формироваться, о чем говорит ее рукописный каталог, который фиксировал «движение книжных фондов с 1850» года¹³¹.

Школа способствовала не только появлению публичных книжных собраний, но и распространению индивидуального чтения. С 1787 г. в Симбирской губернии, куда входила уездная Самара, принято было отмечать «отличившихся успехами учеников награждением книжек за подписанием директора» училищ¹³².

Для Второва одной из важнейших характеристик его знакомых является их отношение к книге. Он упоминает, что самарский судья А.Ф. Чеканов «имел у себя книги, не прочь был почитать их», а городничий «был человек совсем иного закала, книг он никаких не читал. Карамзина ни во что не ставил, но любил стихи и даже был охотник их декламировать». Лекарь Баумгартен русской литературы не читал, но, увидев библиотеку Второва, стал охотно беседовать о немецких писателях, с некоторыми из которых его собеседник оказался знаком по переводам. Второв поддерживал дружеские отношения с помещиками Молоствовыми, которые интересовались литературой и имели дома библиотеку¹³³.

В 1812 г. из Москвы в Самару приехали представители некоторых знатных и образованных семейств, в том числе Г.С. Салтыков, литератор и издатель журнала «Друг Просвещения», и А.Ф. Фурман, который дружил с поэтом В.А. Жуковским и сам сочинял стихи. При участии Второва сложился литературный кружок, просуществовавший недолго в связи с возвращением многих его участников в освобожденную Москву¹³⁴.

К уездному периоду истории Самары относится появление и других частных библиотек местных дворян, а также библиотеки в Благородном собрании. Местом проведения собраний самарского дворянства стало здание уездного училища. В ходе собраний читались «выписываемые обществом журналы и газеты», которые затем также отдавались в библиотеку училища. В некоторых домашних библиотеках содержался подбор книг, выходящий за обычные рамки. Так, в собрании Д.А. Путилова важное место занимала медицинская литература. Семья Путиловых была в числе дворянских родов с давними культурными традициями¹³⁵.

Прадед братьев Д.А. и А.А. Путиловых по материнской линии М.А. Богданов упомянут в «Оренбургской топографии» под 1759 г. как корреспондент П.И. Рычкова и как «любопытный читатель книг»¹³⁶. Его библиотека продолжала пополняться потомками: Богдановыми, Путиловыми, Чарыковыми¹³⁷.

В доме А.А. Путилова бывал, впрочем, как и в некоторых других здешних домах, А.Н. Островский. В начале 1849 г. он представил собственным чтением образованному обществу Самары пьесу «Банкрот» («Свои люди – сочтемся») ¹³⁸.

Периодическая печать в уездном городе

Число образованных людей в Самаре постоянно росло. Среди них были авторы, сотрудничавшие в столичных периодических изданиях. Например, упоминавшийся выше Н.В. Шелгунов публиковал в журналах «Библиотека для чтения» и «Сын Отечества» статьи по лесоводству¹³⁹.

В отличие от любителей и энтузиастов чтения, купец 3-й гильдии П.С. Синягин был обязан заниматься распространением периодических изданий по своей должности городского головы. Он был должен извещать горожан о подписке на официальные или полуофициальные издания и убеждать жителей принять участие в этой подписке, что ему не всегда удавалось.

4 сентября 1835 г. в Самарскую городскую думу пришло извещение симбирского губернатора о намерении Общества поощрения лесного хозяйства издавать с 1836 г. «Лесной журнал» и о поддержке этого начинания Департаментом государственных имуществ. Департамент просил «обвести об издании того журнала по Симбирской губернии и оказать содействие к приглашению подписчиков на оный журнал». Распоряжение губернатора было доведено головой до сведения купцов Самары. На него последовал следующий ответ: «Самарское 3-й гильдии купеческое общество дало сие подписку самарскому купецкому старосте Куполеву в том, что мы объявленное нам предписание... слышали, но подписаться на приобретение лесного журнала никто из нас не желает, о том и подписуемся»¹⁴⁰.

Не было ожидаемого отклика и на обращение губернатора к самарскому голове от 19 декабря 1835 г.: «Статский советник Воейков доставил ко мне при письме несколько билетов на Литературные прибавления, издаваемые при “Русском инвалиде”. Уважая просьбу сего сочинителя, действующего по благонадежности своей на пользу изувеченных воинов, и желая по возможности содействовать к подписке на сие его сочинение, я препровождаю к Вам один из означенных билетов, прося покорнейше и Вас со своей стороны принять деятельное в сем участие». Синягин оказался в затруднительном положении, о чем и сообщил: «Билет здешнему купечеству предложен был и прошено от них принять в сем участие как действующего на пользу изувеченных воинов с изъявлением в том к подписке, но из них никто по убедительной моей просьбе желания к сему не изъявил; почему... билет принял на имя свое и представляю при сем... за него деньги ассигнациями 35 руб.»¹⁴¹

В оправдание самарского купечества, которое не проявило интереса к «Литературным прибавлениям», издаваемым А.Ф. Воейковым, заметим, что они вообще не пользовались популярностью в России. Терял популярность сам «Русский инвалид», ставший из газеты Комитета по содействию раненым и престарелым воинам коммерческим изданием, у которого благотворительные задачи отошли на второй план. Следует учитывать и то, что частые сборы на благотворительные нужды делали купцов осторожными в отзыве на все новые и новые обращения по данному поводу, тем более в отношении мероприятий непривычных и непонятных.

Более настойчиво продвигалась подписка на официальный «Журнал Министерства внутренних дел». Необходимость такого издания не ста-

вилась под сомнение, да и отказ от подписки на него выглядел бы неблагонамеренным поступком. В апреле 1835 г. Синягин, получив соответствующее извещение губернатора, сообщил, что он, «соревнуя пользе Отечества», тотчас о нем «распорядился купечеству и мещанству объявить, на каковое мое предписание жители г. Самары, купцы и мещане, положенную сумму 25 руб. пожертвовали»¹⁴². Таким образом, подписка на один экземпляр этого издания была проведена в складчину.

На следующий год губернатор, ссылаясь на просьбу министра внутренних дел «содействовать успеху того издания, коего польза не может быть подвержена сомнению», прислал Синягину уже «4 билета на получение журнала Министерства внутренних дел» по прежней цене в 25 руб.¹⁴³ Подписка на сей раз была проведена индивидуально. Синягин прислал рапорт о ней с указанием поименно купцов Н.С. Тенеева, П.Р. Мальгина, мещанина И.А. Абросимова, а также самого Синягина¹⁴⁴.

Самым большим успехом из официальных изданий пользовалась «Коммерческая газета», выпускавшаяся Департаментом внешней торговли. Число ее подписчиков в Самаре достигало нескольких десятков человек, хотя цена была достаточно высокой – те же 25 руб. в год с доставкой¹⁴⁵.

Интересно, что среди подписавшихся на газету, было немало неграмотных глав купеческих и мещанских семейств. Как правило, за них подписывались взрослые сыновья, не отделившиеся от родителей. Они (многие в возрасте 40 и более лет) не были домовладельцами, потому не считались настоящими членами «градского общества», хотя могли иметь собственные семьи, вести отцовское или свое дело. Среди самарских купцов и мещан в середине XIX в. грамотными были чуть более 20 %, в основном мужчины 20–40-летнего возраста¹⁴⁶. Новое, более образованное поколение самарского купечества и стало читателем специализированного издания для коммерсантов.

Росту грамотности способствовало создание в городах народных училищ при Екатерине II, распространение уездных и приходских училищ при Александре I и Николае I. Но у провинциальных купцов и мещан вплоть до середины XIX в. сохранялись застарелые предубеждения и «нелюбовь к общественному образованию»¹⁴⁷.

Промежуточным этапом к чтению серьезных книг и журналов стала лубочная литература, популярная у простого народа и детей¹⁴⁸. Она привлекала прежде всего иллюстрациями, а также доступными ценами на эти «народные картинки»¹⁴⁹.

Церковь также не оставалась в стороне от распространения светской книги и прессы. Самарское духовное правление в 1850 г. было озадачено представлением «в консисторию сведений: в свое ли время и исправно ли получались и получают как в градских, так и в сельских приходах «Губернские ведомости», чрез кого и как, и если нет, то где именно». Обычным делом было обеспечение школ, опекаемых церк-

вью, учебными пособиями, а храмов – просветительскими изданиями. Так, в 1850 г. в духовное правление было прислано 16 книг «о всенародном распространении грамотности в России для раздачи по церквам»¹⁵⁰.

Таким образом, различными путями в уездном обществе конца XVIII – первой трети XIX в. шло распространение книги и периодики Литературно-художественные издания приходили через читателей, которые находили в них удовлетворение собственных духовных потребностей и стремились приобщить к ним окружающих. Правительственная администрация, должностные лица оказывали поддержку официальной и близкой к ней по духу печати. Появился свой читатель у специальной и научной литературы.

Собственной местной печати в городах Самарского Поволжья пока не было. Распоряжения властей, новости и объявления по Самаре, Сызрани, Ставрополю можно было встретить в первой газете данного региона – «Симбирских губернских ведомостях», начавших выходить с 7 января 1838 г.¹⁵¹

Еще скромные успехи проникновения печатного слова в уездный город дореформенной России готовили постепенно ту среду, в которой будут развиваться и просвещение, и наука, и литературная жизнь, и библиотечное дело, и журналистика, когда новая Самарская губерния вместе со всей страной войдет в эпоху Великих реформ.

§ 4. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ. БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ

Первые медицинские учреждения в Самарском крае

Повышая свое значение как не только хозяйственного или торгового, но и культурного центра, Самара делала успехи в деле здравоохранения. В течение XVIII – первой половины XIX вв. они стали столь же заметными, как и достижения в научном изучении, народном просвещении, распространении печатного слова.

В XVIII столетии «охранение здравия народного» становится составной частью государственной политики. К существовавшим и прежде монастырским больницам, придворным аптекам и врачам, военным лекарям и госпиталям добавляются аналогичные общедоступные гражданские службы.

Среди административных построек и служб Оренбургской экспедиции в Самаре находились госпиталь, аптека с «огородом» лекарственных трав и лабораторией. Определение об их устройстве В.Н. Татищев подписал 11 сентября 1737 г.¹⁵²

В нем говорилось о необходимости лечения заболевших в стационаре, поскольку выросло число больных, особенно среди солдат, драгун, ремесленников и работных людей. Доктору и лекарю, ходя по разным

дворам, их осматривать неудобно, нельзя проконтролировать, как те принимают и хранят прописанные лекарства, а из-за незнания и неосмотрительности больных не только лекарства напрасно пропадают, но и люди себя больше губят, нежели лечат. Госпиталь представлял собой две избы с сениями и поварней. К нему было определено необходимое число людей для ухода за больными по медицинским правилам и предписаниям врачей. Чтобы снабжать госпиталь лекарствами, предписывалось построить помещения для лаборатории, хранения лекарств и проживания аптекаря, а также устроить огород для выращивания лекарственных трав и кореньев. Аптекарю было предложено стараться собирать дикорастущие травы, коренья, семена, годные для лекарств, и обучать учеников знаниям этих лекарственных растений. Те лекарства, медицинские инструменты и аптекарская посуда, которые нельзя было разыскать в Самаре, следовало выписывать из Москвы. Сотрудники и служащие Оренбургской комиссии могли лечиться и получать лекарства бесплатно, медицинская помощь членам их семей и остальным жителям Самары оказывалась за плату¹⁵³.

Дело стало за опытным доктором. В октябре того же 1737 г. Татищев уволил из штата ботаника, который показался здесь ненужным. Вместо него в Самару прибыл доктор медицины Ф. Риндер¹⁵⁴.

Еще одного хорошего врача для экспедиции нашли в лице Я. Грива, англичанина, которого Татищев очень ценил и впоследствии просил отпустить с ним из Самары на новое место службы в Астрахань в 1740 г. Однако Самару Грив покинул только спустя два года, получив место главного доктора в Петербургском сухопутном госпитале¹⁵⁵.

К сожалению, полезные для Самары начинания В.Н. Татищева в области здравоохранения не сохранились и не получили дальнейшего развития после отъезда из города руководства и специалистов экспедиции. Выстроенная в Ставрополе в 1777 г. «больница для калмык» была долгое время единственным лечебным стационаром в городах Самарского края.

В последней четверти XVIII века начала создаваться единая во всех губерниях система медицинской помощи населению. Каждая губерния должна была содержать доктора, а уезд — лекаря. Докторами в России того времени называли лишь тех врачей, кто имел ученую степень.

Развитие здравоохранения в России сдерживалось нехваткой медицинских работников различной квалификации, поэтому широко использовались врачи-иностранцы, которые охотно ехали в Россию за богатой практикой и высокими заработками. Некоторые из них постепенно натурализовались на новой родине. Уездным лекарем в Самаре в конце XVIII в. служил немец Баумгартен. Он был женат на русской, «книги русских не читал, но говорить по-русски и писать кое-как умел»¹⁵⁶.

Серьезным недостатком системы государственного здравоохранения было то, что она создавалась в расчете на оказание помощи в основном

городским жителям, составляющим подавляющее меньшинство среди жителей страны. Только в случае эпидемий уездные медики выезжали в сельские районы. Однако во второй половине XVIII в. забота о «народном здравии» становится не только государственным, но и общественным делом. В стране открываются больницы, заведенные на частные средства.

Братья Орловы, богатейшие землевладельцы здешних мест, не чуждались как передовых вехний «эпохи Просвещения», так и естественного человеческого участия и благотворительности. Вскоре после получения в 1768 г. вотчины на Самарской Луке ими были заведены больницы в селах Новодевичьем и Усолье. Для сравнения укажем, что первая государственная больница для гражданского населения появилась в столичном Петербурге лишь в 1779 г., а в провинциальных городах еще позже¹⁵⁷. Из всех городов Среднего Поволжья в 1782 г. больница для местных жителей имела в одном Симбирске¹⁵⁸.

После «полюбовного раздела» между братьями Усолье вместе с работами о здешней больнице досталось В.Г. Орлову. Для нее продолжали исправно закупать лекарства в Москве. Часть лекарств изготавливал лекарь, работавший в больнице. В обязанности последнего входили и поездки по селениям вотчины¹⁵⁹.

Осенью 1799 г. из Усолья пришли тревожные сообщения, что «больных по вотчине людей много кашлем и головою». Именно в это время из Сибири до Поволжья докатилась волна мощной пандемии гриппа, охватившего в 1798–1800 гг. Китай, Россию, Западную Европу. От «поветрия»-эпидемии пострадало множество жителей не только Усолья, но и других селений, почему и был «отправлен туда лекарь» Лебедев. Квалифицированная помощь врача, наличие стационара для тяжелых больных, запас необходимых медикаментов помогли избежать особо опасных осложнений болезни. Через некоторое время «Лебедев из волости возвратился, донес, что больных стало уменьшаться, а в Усолье больные стали выздоравливать». Был зафиксирован только один смертельный случай, эпидемию удалось пережить с малыми потерями¹⁶⁰. В больших городах в это время грипп уносил ежедневно до 20–30 жизней.

Деятельность австрийского врача А. Гетте в Усолье

В 1802 г. Лебедев в Усолье уже не работал. В больнице не было ни лекаря, ни «подлекаря»-фельдшера. Когда летом «в Валах оказалось много больных ребят горлом», пришлось послать туда «мальчика лекарского», то есть дворового человека, помогавшего Лебедеву и кое-чему от него научившегося. Управляющий не раз напоминал графу «о лекаре, который очень нужен». Были сделаны распоряжения «об отдаче в ученье 2 мальчиков лекарской науке»¹⁶¹.

Ждать, пока выучатся на лекарей свои крепостные, требовалось долго, а нанять опытного лекаря все не удавалось. В ходе поисков выясни-

лось, что легче найти врача не в России, а за границей. В 1804 г. Г.В. Орлов, сын хозяина Усолья, заключил в Вене договор с врачом А. Гетте, согласившимся отправиться на Волгу. Австрийский медик обязывался «лечить всех вольных из деревень графских и из дому господского», а «в случае надобности по больным ездить по вотчине». Под его начало поступала больница. При ней он должен был завести аптеку, куда «собирать все травы и корни, кои можно иметь в той стране»¹⁶².

В помощь Гетте по больнице и другим лечебным обязанностям предоставлялось 4 крепостных мальчика, которых он должен был обучать своему ремеслу. Лекарю были положены 1000 рублей годового жалования и квартира при больнице. Для усольской практики Гетте купил на средства графа «разных инструментов и книг медицинских» на 362 рубля¹⁶³.

Приобрели двух крепостных юношей у симбирского аптекаря, обученных тем фармацевтике и медицине. За С.И. и Ф.И. Хомутовых, выполнявших обязанности подлекарей, заплатили 2,5 тыс. рублей, что было в 15–20 раз больше обычной цены за молодых дворовых слуг. Предварительный экзамен устроил губернский врач, оставшийся довольным их познаниями¹⁶⁴.

Еще до появления Гетте в Усолье В.Г. Орлов обсуждал возможность прививки малолетним детям оспы в переписке со своим управляющим. Просвещенный вельможа, воспитанник Лейпцигского университета, бывший руководитель Академии наук, не мог не поддержать дело оспопрививания, которое в конце XVIII в. пропагандировала сама Екатерина II, которую, как она сама признавалась, «приучили с детства питать ужас к оспе»¹⁶⁵.

В начале XIX в. это дело всячески поддерживало правительство Александра I. В мае 1802 г. Медицинская коллегия начала рассылать по губерниям вакцину и рекомендации, как проводить прививки. Когда часть духовенства попыталась противодействовать вакцинации, правительство потребовало от церковных властей и рядовых священников способствовать распространению оспопрививания. Вместо карикатур на привитых, как это было на родине вакцинации в Англии, по России расходились лубочные картинки, изображавшие спор убогих рябых с теми, кто сохранил здоровье благодаря вакцине. В 1805 г. министр внутренних дел вменил оспопрививание как одну из главных обязанностей уездных медиков¹⁶⁶.

Уже на третий день после приезда в Усолье в декабре 1804 г. Гетте сделал прививку нескольким усольским ребятишкам. Орлов лично интересовался этим делом. «Уведомляй об успехе прививания оспы, — приказывал он управляющему. — Добрая весть, что Гетте печется о сем хорошо, скажи ему за то спасибо от лица моего»¹⁶⁷.

В качестве награды от графа первым шести привитым детям выдали по полтиннику, следующим — по 30 копеек, а затем стали одаривать

гривенником. Вознаграждение было вполне уместным — крестьяне поначалу с опаской относились к этой процедуре. Принудительно же вакцинацию не проводили. Поголовное и обязательное оспопрививание было просто не под силу усольским медикам. Со временем почти в каждом селе и деревне Орловых из местных жителей были обучены «оспопрививатели». Они могли сами, без врача проводить вакцинацию односельчан. Такая же практика постепенно распространялась и на другие помещицы, удельные, казенные селения¹⁶⁸.

Сама больница в Усолье была найдена новым лекарем обветшавшей и не подлежащей ремонту: «Нужно и скоро построить совсем новую больницу»¹⁶⁹. Графу пришлось прислушаться к этому заключению, и Гетте получил приказ составить план больницы.

Тем временем из Симбирской врачебной управы потребовали сведений «по случаю какого-либо заведения больницы и содержания кем оной». Управляющий приказал Гетте отправить рапорт во врачебную управу, ибо «по смыслу открытия сей больницы кроме чести помещику и тому лекарю не видится, а посему и не сочли за нужное скрывать оную»¹⁷⁰.

Официальное объявление об устройстве больницы накладывало на ее владельца кроме «чести» определенные обязанности по соблюдению законодательства. Основные требования к стационарным лечебным заведениям излагались в «Учреждениях для управления губерний» 1775 года: «Весьма прилежно смотреть должно, чтоб строение было не тесное и не низкое, чтоб покои чисто содержаны были, и чтоб в покоях воздух переменялся открытием хотя [бы] на короткое время окон, чтоб больные мужского полу особо содержаны были от больных женского пола, чтоб больные прилипчивыми [*инфекционными*. — Л. А.] болезнями особливые покои имели». Этот закон касался прежде всего государственных больниц, учреждаемых в больших городах. Однако в нем оговаривалось: «Буде же случится, что частный человек, или какое общество, или город, или селение захотят» устроить больницу, то не чинить «в том никому препятствия, лишь бы установление сходствовало общим для установлений предписанным правилам и оных не повреждало»¹⁷¹.

Созданные в 1797 г. врачебные управы как раз являлись органами медицинского надзора в губерниях. Как только ставили больницу под контроль этого учреждения, следовало приложить старание о приведении ее в соответствие с законом. Перестройку больницы в Усолье начали в 1805 г. с жилья для медиков и подсобных помещений. В 1807 г. был заново выстроен новый корпус «в 4 комнатах на каменном фундаменте». На 1808 г. были отпущены средства на перестройку второго корпуса, где помещались две больничные палаты и лаборатория. Больничный комплекс приобрел надлежащий вид и стал более приспособлен для содержания больных, изготовления и хранения лекарств. В комплекс помимо лечебных корпусов вошли выстроенные или отремонтированные две комнаты для лекаря и одна для его помощников,

три чулана и два чердака, приспособленные к хранению трав, лекарств, другого имущества, кухня и «стряпушая изба», два погреба и сарай «для экипажу»¹⁷².

Содержание больницы с учетом затрат на строительство встало только в одном 1805 г. почти в 5 тыс. рублей. За счет графа больных не только лечили, но и кормили. Самой крупной статьей расхода при больнице была закупка медикаментов. Летом 1805 г. в симбирской аптеке приобрели лекарств на громадную по тем временам сумму — 1775 руб. 50 коп. Симбирская аптека поставляла прежде всего лекарственные растения, распространенные в России, и наиболее употребляемые привозные средства, например хину. Редкие медикаменты везли из Москвы: перуанский черный бальзам, бобровую струю, цвет корицы, миндальное масло, красный сандал, летучую соль из оленьих рогов и другие¹⁷³.

Содержание хорошей больницы за свой счет было по карману лишь таким богатым помещикам, как Орловы. Дело заключалось не только в богатстве или в понимании полезности больницы для нормального функционирования хозяйства, но и в личных установках. Так, в связи с переводом усольских крестьян с барщины на оброк управляющий в 1805 г. предложил переложить расходы по больнице на самих крестьян. Он мотивировал это тем, что ни у кого из дворян в оброчных владениях вотчинных больниц нет, ведь им не нужно заботиться об обеспечении здоровыми людьми господских работ. На доклад управляющего граф ответил краткой резолюцией: «Больнице быть на моем единственном содержании»¹⁷⁴.

С конца 1804 г. по начало 1807 г. пациентами лекаря Гетте и его помощников в Усольской больнице побывало 338 чел. (без учета получивших амбулаторное лечение). Из них умерло 9 чел., объявлено неизлечимыми 4 чел., остальные выписаны как выздоровевшие. Гетте оказался хорошим врачом. Этого, к сожалению, нельзя сказать о его человеческих качествах, которые не выдержали испытания действительностью крепостной деревни. С высоты своего общественного положения он постепенно привыкал смотреть на окружавших его жителей Усолья как на людей второго сорта, не стеснялся давать волю языку и рукам, поскольку никто не осмеливался отвечать на его оскорбления и побои. Вначале грубые выходки в отношении крестьян и дворовых воспринимались даже как дело обычное со стороны персоны, столь важной по сельским меркам. В.Г. Орлов право своей администрации прибегать к физическим наказаниям признавал только при тщательном исследовании обстоятельств каждого проступка и не собиравшись делать исключение для лекаря. Его поездки без разрешения и уведомления вотчинной администрации в Самару, Ставрополь, Сызрань, где ощущалась нужда в квалифицированных врачах и где Гетте легко завел частную практику, являлись явным нарушением заключенного контракта и дали повод к расторжению такового. Осенью 1807 г. уволенный с графской службы лекарь уехал в Симбирск¹⁷⁵.

Все же надо отдать должное австрийскому врачу. Уезжая, он оставлял на Самарской Луке исцеленных людей, построенную при его стараниях лучшую в крае больницу, часть своего опыта, которую успели перенять крепостные усольские медики.

Одновременно с увольнением Гетте граф распорядился, чтобы управляющий поручил надежному человеку «присмотр за больницею», а тот велел «иметь главное смотрение и попечение над больными» подлекарю С.И. Хомутову. «Эта практика, — пояснял Хомутову свое решение управляющий, — тебе известна, а посему и можешь все, что нужно, делать при усольской больнице из покупных медикаментов и собираемых здешних растений, смотря по обстоятельству больных, кому что следует. Ибо будучи ты и при лекаре Гетте довольно обращался, и все оное у тебя было в виду. Да и сам то, лекарь, в течении своего времени рекомендовал о твоём знании довольно с хорошей стороны». В помощники Хомутову назначили крепостного костоправа С. Голованова. Он был «хотя и особому знанию учен, но довольно также обращался при Главной в Москве вошпитле [*госпитале*. — Л. А.] и... при усольской больнице, следовательно, видел много до сего относящегося»¹⁷⁶.

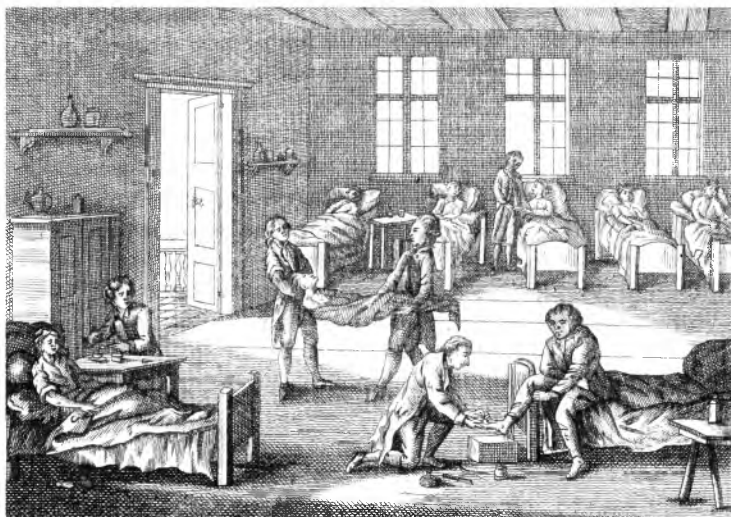
Больницы и курорты в 1810–1850-е гг.

Начав перестройку больницы в Усолье по настоянию иноземного врача, ее завершили уже после его отъезда. Здесь могли получить амбулаторное и стационарное лечение больные из многочисленных орловских сел и деревень Самарского края. Для нее продолжались покупки медикаментов в лучших аптеках Москвы. Появилась и своя аптека. В 1822 г. по каталогу усольского аптекаря Бухгольца в московской Голицынской больнице купили лекарств почти на 2 тыс. рублей¹⁷⁷. Больница в Усолье пользовалась известностью. При внуке В.Г. Орлова В.П. Орлове-Давыдове она была расширена, открыли детское отделение. Фельдшерские пункты с небольшими стационарами действовали в крупных селах вотчины: Жигулях, Никольском, Натальине, Новом Тукшуме.

Заводили больницы и в других помещичьих имениях. В Рождественно, принадлежавшем дочери В.Г. Орлова Е.В. Новосильцевой, в больнице работали в 1840-е гг. крепостные медики: подлекарь Ф. Тугаров, оспопрививатель Морозов и два мальчика в качестве лекарских учеников. Обязанности врача исполнял здесь самарский уездный штаб-лекарь Г.А. Троицкий, получавший от помещицы 1000 рублей в год. В 1859 г. эта больница содержалась «на господский счет», была рассчитана на 6 коек. При ней имелась аптека. В Новодевичьем, имении А.А. Орловой-Чесменской, под больницу был построен каменный корпус с мезонином¹⁷⁸.

Действовавшую в Ставрополе городскую больницу 8 сентября 1824 г. осмотрел император Александр I, который остался доволен увиденным. Уездный лекарь И.И. Смирницкий был произведен в коллежские ассессоры, его детям были пожалованы 2000 руб.¹⁷⁹

В 1828 г. на средства помещицы Е.А. Путиловой наконец и в Самаре устроили больницу на 12 коек. Ее главным врачом стал уже упоминавшийся Г.А. Троицкий¹⁸⁰.

Больница. Из кн.: Зрелище природы и художеств. СПб., 1787. Ч. VII

Сын благотворительницы Д.А. Путилов также проявлял интерес к медицине, завел хорошую медицинскую библиотеку, несколько десятков томов из которой до сих пор хранятся в Самарской областной универсальной научной библиотеке. Им же было устроено кумысолечебное заведение (1854) с «чисто филантропической» целью, чем оно отличалось от более поздних кумысолечебниц коммерческого характера. Путилов владел шестью домами на курорте «Серные воды» под Сергиевском¹⁸¹.

Сергиевские серные воды и ванны пользовались известностью среди помещиков, чиновников, купцов, интеллигенции Среднего Поволжья с начала XIX в. Сюда съезжалась «благородная», «образованная», «чистая» публика из Казани, Симбирска, Самары и других городов, в том числе из Москвы.

Обустройство же курорта оставляло желать лучшего. Одно из самых ранних его описаний, относящееся к началу 1810-х гг., оставлено С.Т. Аксаковым в неоконченной повести «Наташа», созданной по собственным впечатлениям, а также воспоминаниям и запискам сестры писателя Н.Т. Карташевой: «По отлогим скатам, в ущельях которых, избитых шахтами, росли разные породы чернолесья, в живописном беспорядке были разбросаны калмыцкие кибитки, палатки, плетневые шалашы и кое-где избушки, перевезенные из ближайших чувашских деревень. Помещики даже из дальних мест начинали уже каждое лето

сезжаться на воды. Никаких докторов и полицейских чиновников там еще не было, а был некто Петр Андреич Глазов, оренбургский помещик и железный заводчик, открывший эти целебные источники по народной молве, потому что обыватели упраздненного города Сергиевска и окрестные жители, по большей части некрещеные чуваша, не переставали лечиться и вылечиваться от всех болезней питьем прозрачной, холодной, как лед, серной воды и купаньем в ее бассейне. Помещик Глазов, чудесно исцеленный ими от долговременной болезни... сделался ревностным распространителем их славы, приглашая туда словесно всех знакомых и через письма даже незнакомых ему людей... Он сделался каким-то хозяином, полицейским чиновником и доктором при Серных Водах: всякий новоприезжий являлся к Петру Андреичу, спрашивал, где ему разбить свой табор, рассказывал про свою болезнь и просил наставления, как употреблять воду?» Кстати, Аксаковы «имели на Серных водах самую лучшую избу, которую называли дворцом...»¹⁸² С.Т. Аксаков позже не раз бывал здесь на водах, как и его сын И.С. Аксаков, писатель и философ, со своими друзьями поэтом В.А. Сологубом и композитором А.Г. Рубинштейном.

В 1820–1830-е гг. Серные воды представляли «уже менее азиатскую картину, чем в десятих годах». Но кроме нескольких домов добротной кладки, принадлежавших «окрестным богачам», остальные строения «состояли не более как из 30 жалких лачужек, сырых и холодных. За исключением лазарета, построенного Шалашниковым, каменного здания не было ни одного... Частную предприимчивость убивал натуральный постой, который должны были отбывать владельцы убогих хижин, давая у себя безвозмездный приют разным чинам и чиновникам. При таких условиях жизнь на водах была очень дорога: одинокие люди платили за квартиру по 50 руб. за сезон; ванна стоила 1,5 руб.: пуд илу или серной грязи – 2 руб.»¹⁸³. И все-таки, несмотря на эти неудобства, количество съезжавшихся на воды с каждым годом увеличивалось.

С 1843 г. удельное ведомство выстроило для своих крестьян в Самаре больницу на 24 кровати размерами даже больше городской. Ее устройство встало в 1,5 тыс. руб., а ежегодное содержание обходилось в 1,6 тыс. руб. В августе 1847 г. составили план строительства новой городской больницы уже на 56 мест. Для этой цели были выделены 13,5 тыс. руб., но пожар в 1850 г. уничтожил как старую больницу, так и строительные материалы, заготовленные для новой¹⁸⁴.

«Первая холера»

Один из основоположников русской микробиологии и эпидемиологии Н.Ф. Гамалея числил Самару среди тех городов России, которые в первую очередь подвергались опасности вторжения холеры из-за своего нахождения «на пути широкого торгового, рабочего и переселенческого движения»¹⁸⁵. До XIX в. Россия только слышала об этой болез-

ни, никогда не встречаясь с ней на своей территории. Словом «холера» здесь назывались просто самые сильные степени диареи при других кишечных заболеваниях. От эндемического гнезда азиатской холеры (*cholera morbus*), расположенного в устье Ганга на востоке Индии, нашу страну отделяют многие тысячи верст. Впервые болезнь преодолела эти расстояния в 1823 г., объявившись в Астрахани. Это был излет первой пандемии холеры 1817–1823 гг., когда с ней познакомились и некоторые другие страны¹⁸⁶.

Вторая пандемия холеры обрушилась на мир в 1826–1837 г. Она достигла русских границ через Афганистан, Среднюю Азию и казахские степи. В 1829 г. болезнь объявилась в Оренбургской губернии, оставив, по официальным данным, почти 900 погибших. По мнению медиков, столкнувшихся тогда с холерой, болезнь следовало признать заразной. Однако Медицинский совет Министерства внутренних дел имел свое мнение и посчитал карантинные мероприятия против холеры ненужными¹⁸⁷.

Пока продолжались ученые споры, летом 1830 г. пандемия вновь вторглась в Россию через Каспий и Волгу, на этот раз не остановившись на Астрахани. 1 августа холера добралась до Царицына, 7 августа – до Саратова, 11 августа – до Вольска¹⁸⁸. Появилась она в самых разных губерниях, для жителей которых эпидемия 1830 года надолго запечатлелась в памяти под именем «первой холеры»¹⁸⁹. Однако самый сильный ее удар пришелся на территорию Нижнего и Среднего Поволжья, Южного Приуралья, где, по официальным данным, в тот год заболели десятки тысяч человек, из которых умерли больше половины¹⁹⁰.

Стремительное распространение болезни по стране и начавшаяся паника заставили верховную власть усомниться в правильности вывода о «незаразительности» холеры. 23 августа император Николай I собственноручно дал указание считать эту болезнь заразной, ввести карантинное оцепление пораженных ею населенных пунктов и местностей.

Холерные карантинные меры в 1830 г. как основная противоэпидемическая мера не выполнили возложенных на них надежд по ряду причин. Часто исследователями все сводилось к злоупотреблениям чиновников, и эта причина имела место, но не была единственной. Другой причиной было незнание природы болезни, что породило ошибки в организации карантинного противодействия: «Холера еще в первый раз посещала Россию, и средства борьбы с нею не были известны; ее приравнивали к чуме, избегая соприкосновения с заболевшими, но она не поддавалась этим предосторожностям и через то наводила больший ужас»¹⁹¹. Лишь полученный опыт привел к выводу, «что главным орудием борьбы с этой болезнью должны быть не изоляция больных, не дезинфекция, а санитарное благоустройство»¹⁹².

Третья причина заключалась в том, что симптомы новой незнано-мой болезни были непохожи на всем известные инфекционные заболе-

вания. Ее стремительное и очень болезненное протекание с поносом, рвотой, судорогами воспринималось населением по аналогии с отравлениями сильными ядами: «Народ волновался, и можно было опасаться бунта и беспорядков в виду разнесшихся слухов, что никакой холеры нет и что будто бы народ отравляют злоумышленники»¹⁹³.

В обстановке паники и принуждения, сопровождавших карантинные меры, в массовом сознании происходила подмена причин и следствий. К врачам и чиновникам начинали относиться даже не просто как к притеснителям, а как к самим отравителям. Так называемые «холерные бунты» произошли в ряде городов и губерний России, прокатились по многим странам Европы. К счастью, в Самаре не произошло таких крайних эксцессов. Стоявший на бойкой транспортной артерии город не был особенно удивлен симптомами холеры, будучи о ней слышан и чувствуя приближающуюся угрозу. За несколько дней до начала в городе эпидемии около деревни Жигули на берегу Волги было найдено тело человека, сброшенного с какого-то судна и по всем признакам умершего от холеры. Таким диким способом экипажи судов пытались избавиться от источника заразы в своей среде и избежать неприятностей от полиции на месте стоянки.

Значительная часть горожан не сомневалась в заразности холеры и в необходимости карантинных мер. Не приняла Самара эту болезнь за отраву, поскольку постоянно встречала желудочно-кишечные инфекции, пусть опасные менее холеры, но также приводившие к тяжелым последствиям. Здесь не применялись невежественные приемы борьбы с инфекцией, зафиксированные в других городах, где представляли холеру старухой, входившей в дом и напускавшей болезнь на тех, кого окидывала взглядом. Для «обмана» этой злой «гостью» в Воронеже наклеивали над окнами и дверьми полоски бумаги с надписью «меня (нас) нет дома» и с текстами из Евангелия¹⁹⁴.

В ночь на 27 августа был зафиксирован первый случай заболевания холерой в Самаре. Он произошел в одном бедном семействе с девицей, вернувшейся с заработков из соседней губернии. В течение только первых суток в Самаре болело уже до 20 чел., в большинстве женщин, часть которых в тот же день умерли. В двенадцать часов ночи городничий знает штатному смотрителю уездного училища В.О. Барщевскому, что «вторглась в город Самару болезнь холера». Тот сразу принял решение «закрыть училище, дабы через взаимное сообщение учащихся и учащихся болезнь сия не вторглась в училище». Закрытие школы не смогло уберечь ее работников от холеры. Ею переболели все лица, работавшие тогда в Самарском уездном училище. К счастью, они остались живы, а Барщевский оставил яркие записки о пережитом во время эпидемии¹⁹⁵.

Штатный смотритель выразил мнение значительной части самарского общества, возлагавшего основную долю ответственности за слу-

чившуюся трагедию на местную администрацию: «Непростительная беспечность самарской полиции, по мнению многих, причиною такового бедственного события в Самаре. Если бы по предварительному предписанию губернского начальства о появлении холеры в соседственных губерниях приняты были надлежащие меры осторожности, на всех дорогах, ведущих в город, на границах оно поставлены бы были пикеты, в нужных местах учреждены караулы, чтобы никто в город, ни мимо оно не мог ни сухим путем, ни рекой ни проехать, ни пройти, ни проплыть без свидетельства из благополучного места, тогда бы Самара не знала сего несчастья». Начало эпидемии в городе ознаменовалось нерасторопностью администрации и неразберихой: «Полицейские чиновники, секретничая до самой крайности, когда холера, вторгнувшись в город, начала быстро распространяться, показалась от оной смертность, тогда они без ума и памяти, стали всюду метаться. Быстро разезжая с одной в другую улицу, сопровождаемы лекарем, и наконец решились формально объявить везде и всем, о вторжении в город сей губельной болезни». Старожилы многие годы спустя помнили об «ужасном страхе» и «неизъяснимом унынии», охватившем тогда город: «Сын бегал от больного отца, отец не шел хоронить сына; думали, знашь, все прилипчива, да прятались, расходились все по домам, чтоб не быть в куче; ан, на проверку-то и выходило, что кто задумал дать бежку да прятаться, тот и умер прежде всех»¹⁹⁶.

Подняв панику, городская администрация не позаботилась о надлежащем оповещении губернского начальства. Самарский городничий «вместо того, чтобы немедленно по вторжении болезни в город оцепить оный кругом и дома, в коих она открылась, строго воспретя иметь с оными всякое сообщение и отправя с курьером донесение губернатору о таковом важном случае, просить его скорейшего во всем нужного пособия», отправил с этим донесением отставного солдата-инвалида на обывательских подводах. В результате город четыре дня не получал нужной медицинской помощи. Пока 31 августа не прибыли инспектор врачебной управы из Симбирска и лекарь из Сенгиля, единственный самарский врач «замучился, подавая везде один помощь больным, не успевал оной оказывать, часа не имел времени в несколько суток отдохнуть». Недостаток же карантинных мер на сухопутных дорогах и пристани привел к распространению болезни за пределы Самары. До прибытия вместе с врачами советника симбирского губернского правления и его распоряжений, «кто хотел, то выезжал и выходил из города во все стороны». Находившиеся в Самаре пришлые рабочие и посторонние люди «разошлись, куда хотели, и разнесли с собою болезнь». Та вскоре появилась не только в Самарском, но и в других уездах. «Плывшие мимо города судна» не были «задержаны на карантинный термин [срок. — Л. А.], но, простояв день или два», отправлялись дальше. Подтверждая превращение Самары в источник заразы для окрестностей,

директор симбирских училищ сообщал 13 сентября: «Сейчас объявили мне, что холера из Самары... проникла уже в Ставропольский уезд»¹⁹⁷.

Не взяв под контроль городские заставы, власти тем не менее попытались максимально ограничить контакты людей в самой Самаре. Эти попытки, особенно те, что задевали религиозные чувства из-за закрытия храмов, чуть было не привели «ко всеобщему возмущению народа». В сложившейся ситуации самарский протоиерей, выбирая из двух зол между угрозами усиления эпидемии и бунта, счел более опасным взрыв недовольства и выход толпы из-под контроля. Были вновь открыты церкви и возобновлены богослужения. Такими мерами он «успокоил народное волнение». Самара не вписала свою строку в летопись холерных бунтов. Впрочем, осторожные и опасавшиеся за свое здоровье люди сами не стали участвовать в религиозных церемониях, а больных к этим церемониям не допускали. Тем самым возможный вред от больших собраний был сведен к минимуму. Были также отменены все погребальные обряды, независимо от социального положения умерших, к местам захоронения их отвозили без сопровождения родных и близких. С захоронениями из-за большого количества смертей возникли проблемы: «Трупы умерших от холеры по невозможности погребать в особую для каждого могилу дозволено было по несколько оных хоронить в общую». Медики рекомендовали покойников хоронить немедленно, советовали рыть могилы в сажень глубины, а трупы посыпать известкою, но эти рекомендации не всегда выполнялись: «Умерших трупы погребали в весьма мелких ямах... Сие весною произведет неминуемо худые последствия». Тела оставались без погребения несколько дней в своих домах или на кладбищах на месте неподготовленных могил¹⁹⁸.

В одном из сообщений, присланном из Самары 5 сентября, еще до того, как сам штатный смотритель заболел, он жаловался на отсутствие достоверных сведений от городской администрации о ходе болезни, а потому только и написал: «Порядочно подбирает людей; не успевают хоронить». Того же числа исправляющий должность самарского стряпчего подтверждал отсутствие точных сведений о размахе эпидемии: «О ходе болезни холеры верного Вам ничего сказать не могу, но свирепствует она смертельно и распространяется более на простолюдинов, и притом на тех из них, которые ведут жизнь в нечистоте и себя не предохраняют»¹⁹⁹.

Отметим справедливость этого наблюдения. В начале 1830-х гг. лишь самые прозорливые медики связывали высокую смертность от холеры с антисанитарией в городах²⁰⁰.

За 27 августа – 1 сентября в результате эпидемии в городе числился 131 заболевший. Из них 47 чел. умерли²⁰¹.

К 5 сентября холера усилилась, «заболело оною 303 человека, из сего числа выздоровело 58, померло 113, оставалось больных 132 человека». К 12 сентября число заболевших в Самаре выросло до 538 чел.,

а умерших – 226 чел. Однако эпидемия при этом уже шла на спад. По словам медика, лечившего учителей самарской школы, днем 11 сентября лишь «в немногие дома его требовали для подания помощи», а ночь на 12-е число была первой, начиная с 27 августа, когда по его частку не вызвали ни к одному больному²⁰².

С 18 сентября больше ни одного случая появления новых больных холерою в Самаре не было. Сводные официальные данные были следующие. В Самаре умерло 238 чел., выздоровело 262 чел. Из 77 чел., оставшихся на 19 сентября больными холерою, в последующие дни умерло еще 24 чел., доведя число погибших до 262 чел. По числу жертв именно Самара лидировала в Симбирской губернии. Количество заболевших здесь, только по официальным данным, составило 577 чел. (48,1 % общегубернской численности пострадавших), а умершие составили 40,5 % от числа погибших по всей губернии. На 2 октября продолжавших болеть холерою в городе оставалось всего 8 чел. 17 октября жандармский полковник Маслов докладывал своему шефу графу Бенкендорфу, что холеры в Самаре «более не существует»²⁰³.

Не все доверяли официальным цифрам. Скептический взгляд горожан на статистику выразил Барщевский: «Самое количество умерших от холеры по народной молве простирается свыше 500 душ, а по местному показанию полиции – менее 300. Непонятно, что заставило оную скрывать истину»²⁰⁴.

6 октября в Самаре по предписанию министра внутренних дел был создан Уездный комитет для предохранения жителей от холеры. Барщевскому было поручено ведение дел этого комитета. Как бы он ни относился к некоторым лицам из местной администрации, но теперь ему надо было работать с ними вместе против общей опасности, которую несла затаившаяся на время болезнь. Эта причина притупила остроту критики, тем более что ее самые острые стрелы уже были выпущены в первой части записок. Поэтому во второй их части Барщевский касался исключительно вопросов патологии и эпидемиологии холеры. В представлениях о природе холеры и в описаниях способов лечения, дошедших до нас благодаря Барщевскому, можно усмотреть и правильные, и ошибочные с современной точки зрения. Однако он и другие жители Самары сделали пусть небольшой, но вклад в копилку опыта, который совместно приобрели пациенты, врачи, администраторы – первые русские люди, встретившиеся со страшной и неизвестной доселе болезнью. Без этого опыта была бы невозможна успешная борьба против грозного недуга, который продолжал вторгаться в Россию. Уже в 1848 г. до Волги и Южного Урала докатилась начавшаяся в 1846 г. третья пандемия холеры²⁰⁵.

Во время этой и следующих эпидемий холеры, когда люди уже свыклись с существованием ее как болезни, угрозы «холерных бунтов» больше не возникало. К сожалению, система здравоохранения во время

таких эпидемий по-прежнему «давала сбои»²⁰⁶. Причинами тому были нехватка медицинских работников, низкая санитарная грамотность значительной части населения.

Впрочем, прежний опыт не был забыт. Уездный холерный комитет в Самаре был создан не во время эпидемии, а заблаговременно — еще в 1847 г. В него включили не только чиновников, но и представителей церкви²⁰⁷.

§ 5. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ И ЦЕРКОВЬ

Конфессиональный состав населения

Историки отмечают в связи с «первой холерой» в Самаре, что «в народной памяти горожан эпидемия осталась духовным испытанием, которое во многих укрепило человеколюбие, семейные ценности, религиозное чувство, приверженность к православной церкви»²⁰⁸. Источники об этих событиях действительно дают яркое представление о роли церкви и религии в жизни Самарского края. Эта сторона общественного бытия и духовной культуры имела на данной территории давнюю историю, в ходе заселения которой сложился пестрый конфессиональный состав населения.

Сведения о численности представителей различных религий являются не очень точными. Учет населения по конфессиям носил неофициальный характер, но общее представление о том, какие очертания приобрел в результате переселений и естественного прироста конфессиональный состав жителей Заволжья в границах будущей Самарской губернии к середине XIX в., все-таки можно получить (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Конфессиональный состав жителей Заволжья в границах будущей Самарской губернии к середине XIX в.

Конфессии	Чел.	%
Православные	1 283 420	83,92
Католики	31 516	2,06
Протестанты	57 618	3,77
Мусульмане	152 908	10,00
Иудеи	125	0,01
Язычники	3756	0,25
Всего	1 529 343	100

Православное население преобладало и продолжало расти быстрее прочих конфессий. Появление селений с чисто иноверческим составом населения стало в XIX в. редким явлением. Так, за всю волну переселений 1824–1834 гг. в Бугурусланском, Бузулукском, Николаевском, Ново-

узенском уездах, которые приняли основные миграционные потоки, не возникло ни одного нового поселка мусульман или протестантов²⁰⁹.

Правда, следует число православных считать несколько завышенным за счет старообрядцев и приверженцев разного рода сект, которые часто скрывали свое реальное вероисповедание или не учитывались властями и священниками для придания более приятной глазу начальства отчетности, а также за счет только формально крещенных язычников и мусульман.

Один из примеров связан с Мочинской слободой под Самарой. Большинство проживавших в ней казаков составляли татары-мусульмане²¹⁰. Находившиеся там же казаки-чуваши (145 чел.) числились православными, но в 1839 г. обратились с просьбой разрешить им официально принять ислам «по привычке постоянного общения с татарами... и по незнанию русского языка», из-за чего они «молитв русских никогда не поймут». Им было отказано, поскольку среди них были люди, носившие русские имена, а потому, возможно, хотя бы формально принявшие крещение. Православное Духовное правление заявляло, что «лишь господствующая религия может распространять свое влияние путем, Апостолами указанным». Мусульманское духовное собрание тоже особенно не настаивало на удовлетворении просьбы чувашей, не желая сориться с русским духовенством и начальством, а также считая просителей не столько магометанами, сколько язычниками²¹¹.

Кроме раскольничьего центра общероссийского масштаба, каким являлся Николаевский уезд на Иргизе, где только в уездном городе на 2689 чел. обоего пола православных приходилось 2278 приверженцев поморского согласия²¹², в других частях Заволжья тоже было немало старообрядцев и сектантов. По сведениям 1842 г. (также заниженным), было выявлено добавочно старообрядцев-беглопоповцев и беспоповцев, а также молокан на западе Оренбургской губернии²¹³ (табл. 6.2).

Таблица 6.2

Количество старообрядцев-беглопоповцев и беспоповцев, а также молокан

Уезды и города	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Бугульма	55	64	119
Бугульминский уезд	136	162	298
Бугурусан	129	125	254
Бугурусанский уезд	1437	1747	3184
Бузулук	8	8	16
Бузулукский уезд	600	733	1333
Всего	2365	2839	5204

В другом отчете за тот же год приверженцы старообрядческих толков были сгруппированы, исходя из основных конфессиональных признаков²¹⁴ (табл. 6.3).

Группировки приверженцев старообрядческих толков

	Пол	Бузулук с уездом	Бугуруслан с уездом	Бугульма с уездом	Всего
1. Приемлющие священство	муж.	299	807	189	1295
	жен.	339	457	220	1016
	обоего	638	1264	409	2311
2. Не приемлют священства, но поклоняются иконам	муж.	4	220	2	226
	жен.	3	271	6	280
	обоего	7	491	8	506
3. Не приемлют священства и не поклоняются иконам	муж.	309	539	0	848
	жен.	302	644	0	946
	обоего	611	1183	0	1794
ИТОГО	муж.	612	1566	191	2369
	жен.	644	1372	226	2242
	обоего	1256	2938	417	4611

Из бедных сельских приходов в раскол к беглопоповцам уходили отдельные священники. Так, Лазарь Афанасьев из с. Рязановка Ставропольского уезда 21 февраля 1835 г., оставив храм, отправился к старообрядцам. По требованию симбирского епископа Анатолия, он был схвачен, но по дороге бежал и скрылся в заволжских селениях, где причащал, крестил, отпевал, венчал. В 1836 г. к раскольникам ушел священник с. Вязовка Иван Казанский, уволенный из церкви за старость. В 1837 г. его задержали и вернули в распоряжение Саратовского архиепископа Иакова²¹⁵.

Еще больше опасений, чем влияние старообрядчества, у властей вызывало распространение, с их точки зрения, «особенно вредных ересей» молокан и субботников²¹⁶. Наличие молокан в Бузулукском уезде впервые официально признали лишь в 1821 г., когда там их было уже 571 чел. На следующий год их число, по официальным же данным, возросло на 274 чел. Земский исправник счел необходимым донести об опасности распространения секты. В конце 1820-х гг. в этом уезде молокан насчитывалось 468 мужчин и 488 женщин – всего 956 чел. В 1827 г. молокане были выявлены в удельных селах Бугурусланского уезда, Абдуловском заводе и Григорьевке. Император распорядился сдать тамошних молокан в рекруты, а неспособных к службе – в крепостные арстанты. Детей-мальчиков велено было определить в военные кантонисты²¹⁷.

Административные меры не смогли искоренить инаковерие, хотя ареал расселения молокан, изгнанных из Бугурусланского уезда, и их численность несколько сократились. Очагом «особенно вредных ересей» в Оренбургской губернии оставался Бузулукский уезд, где молокан насчитывалось свыше 500 чел., а «жидовствующих» субботников – около 100 чел.²¹⁸

Изгоняемые из степных деревень, молокане осваивались в поволжских городах. Уже в 1840-е гг. представители молоканской общины, не скрывавшие своей религиозной принадлежности, встречались среди видных жителей Самары. Например, известный в городе лекарь А.Г. Дапов был из молокан²¹⁹.

Старообрядчество и сектанство находили себе приверженцев и на самом юге Заволжья. В Новоузенском уезде в 1845 г. числилось 441 раскольников обоего пола и 385 молокан. Приверженцы поморского согласия (беглопоповцы) издавна оседали здесь на Узеньях, а также прибывали с Иргиза. Молоканство сюда «пришло из Балашовской округи» Саратовской губернии²²⁰.

Народная религиозная традиция в Самарском крае

В пестрой конфессиональной картине Самарского края православие все же было самой яркой и заметной составляющей. Интересные зарисовки религиозных традиций горожан, сделанные «изнутри» самарского быта, оставил Г.Н. Потанин.

По его наблюдениям, с одной стороны, встречалась взаимная неприязнь православного и старообрядческого населения: «Все почти свирепы в разговорах; знашь, раскольники все здесь; ну, им, знамо дело, и не по нутру наш брат православный. Подойди к нему – как зверь евдакой, готов кусить тебя, аспид сущий, так и норовит уязвить тебя словом». Однако за внешними проявлениями могли скрываться вполне дружелюбные намерения, требовавшие просто встречных шагов. Это относилось и к женщинам: «Угрюмая такая, сердитая; смотрит все как-то эдак исподлобья – зверь зверем завсегда, и все евдакая, братец мой, гневливая, чуть что – так уж рвет и мечет. Ну, а как пообошлась, стихла, – ну, и славная стала, только уважь ее наперед». То же касалось мужчин: «Слово путного не скажет, все с сердцем, так и рычит; а пообойдись с ним, да разнай его – душа; просто рубашку с себя скинет и отдаст тебе... Это в них есть, так уж в роду – самарское...»²²¹

Для большинства простых горожан разница в вере касалась исключительно обрядов: «Впрочем, самое закоренелое старообрядчество стариков и старух заключается, конечно, в том, чтобы не носить нового покроя платья, не стричь бороды, или, – как они выражаются, – не быть бритоусцем, (что, кажется, главнее всего), постригаться в кружало, молиться особым двуперстным крестом и ходить посолонь, и не в нашу церковь... а в свою... Вот и все тут!» Только на самых «закоснелых» стариков находила «блажь бестолково толковать книги Св. Писания». На самом же деле в культурном плане у самарских старожилов было гораздо больше общего, несмотря на различия в вере: «Самаряне, как православные, так и старообрядцы, все набожны и привержены к церкви. Всякое дело, как-то: отправка судна, начало постройки дома, путь на ярмарку – вообще, куда бы то ни было, начинается

у них молебном; строго соблюдаются у всех посты, даже в среду и пятницу; самые дети не едят скоромного в установленное Церковью время; многие из пожилых женщин и даже девиц еще понедельничают, т. е. в понедельник держат пост (а многие из стариков и старух совершенно не едят мясного никогда)»²²².

Новизна в вопросах веры не приветствовалась не только старообрядцами, но и приверженцами государственной религии. «И потому я должен сказать, — замечал Потанин, — что наши православные христиане не любят молодых священников и новых живописных икон». Незадолго перед написанием «Записок о Самаре» был выстроен заново в камне Вознесенский собор (освящен в 1848 г.) с приделом Михаила Архангела, освященным годом раньше — в 1847 г.²²³ Он был украшен иконами модного тогда академического письма, казавшимися излишне реалистичными для почитателей старины. К тому же по городу пошел слух, что в угоду одному из благотворителей на ней изобразили семейный портрет: «Он вместо собору-то Михайловского написал себя, слышь, с дочерьми на образе-то. Ну, вот не хотим молиться; вот и теперь дурьядь иные стоят все бочком к иконе-то»²²⁴.

Строгое соблюдение церковной обрядности, впрочем, как замечал Потанин, «конечно, не мешает бабушке и поворожить». Он указывал, что «искание кладов, привораживание и отвораживание и теперь еще в большом ходу» в Самаре, как и другие суеверия насчет порчи, глаза, домовых и т. п.²²⁵

Как это часто бывает, горе и ужас смертельной болезни обострили религиозные чувства. Во время «первой холеры» в 1830 г. многие жители Самары «только тем и лечились, что Богу помолись, само славно лекарство». Горожане в ожидании смерти спешили принять святых таин, некоторые стали заранее готовить себе гробы. «Взирая с сердечным соболезнованием на своих сограждан, на родных, друзей и знакомых, сею ужасно мучительною болезнию внезапно поражаемых и мгновенно прекращающую жизнь их, в уповании на Всевышнего помощь, обратились к нему с слезными мольбами о избавлении града их от сей смертоносной язвы»²²⁶.

Самарские старожилы описывали свои чувства, испытанные ими из-за закрытия церквей на карантин: «Церковь-то Христову-Матушку и ту у нас припечатали. Вишь, оно будто народ сходится вместе да умирает от этвава самого. Ну и разогнали нас по домам, как баранов, а народ-то так уж совсем и хизнул вовсе. Наслал Господь, вишь, скорбь, а тут и молиться не велят! Церковь да Бог не виноват, что мы грешим». О том, что закрытие храмов самым удручающим образом подействовало на население, есть и другие свидетельства: «В продолжение времени, когда храмы были запечатаны, народ, во множестве сошедшихся к Церквам своего прихода, во весь день приносил покаяние. Священники, утомленные совершением сего Таинства, изнемогали от страха и вопля

народного. Нельзя было равнодушно смотреть на сие трогательное зрелище <...> Друг другу повергаясь в ноги, прощались навсегда, не надеясь уже увидеться в сем мире»²²⁷.

Витавшую в воздухе мысль о проведении крестного хода первой выразила одна из горожанок: «Жариниха вон в ту пору, покойница, была баба, знашь, так видка была да умна, слушали, знашь, ее наши старики, — приходит к голове в Думу да при всех: “...Народ-то мрет больно, уж поедемте, говорит, все к протопопу, да подыдем иконы вокруг городу — что смотреть-то, надо действовать”. “Ладно”, — говорит голова-то. Вишь, с ней и согласился. Ну, все, знашь, из Думы-то кишкой и повалили к протопопу! Ну, вот Жариниха и выхлопотала нам крестный ход; ну и до сих пор идут да вспоминают покойницу». Не столько из-за страха «безумных угроз», сколько желая «отвратить всякое неприятное последствие», самарский протоиерей «приказал отворить церкви и стал непрестанно возносить молитвы, дважды производя крестный ход вокруг города, 1-й — 29 августа и 2-й — сентября 14-го». В общественном сознании и народной памяти крестный ход оказался прочно связан с прекращением эпидемии во второй половине сентября: «Уньные, знашь, нашло на город-то, прятаться стали, кто куды... а как подняли ее, Владычицу матушку, да пошли все со слезами, вокруг города-то образа понесли; ну вот и калера отошла, с евтава самого дня, как рукой сняло, никто уж не умер больше»²²⁸.

Страх перед болезнью не мешал многим проявлять лучшие человеческие качества, воспитанные верой. Свидетели описывали случаи: «Чадолюбивая мать при жестоком страдании своем, умоляла детей, не прикасаться к ней, опасаясь, от прикосновенности не заразились бы они; но детская любовь и соблезнование о страждущей матери заставили их презреть всю опасность — быть безотлучно при ней. И когда она скончалась, то дети... сами омывали, одевали покойную и остались все живы»²²⁹.

Возросло влияние православных священников на маловеров и даже на противников церкви. В памяти переживших эпидемию остался пример: «Каков у нас уж был... Лазарь Иваныч, бывало, навстречу-то идет попу, так плюнет да перейдет на другую сторону... На сажень, знашь, воткнет, зенки-то в землю, часовой, знашь, был, староввер главный, а как забрало его да скрючило, так небось во все горло кричал: “Попа, говорит, мне вашего давайте”, — вот оно што... Оклемаля наш Лазарь Иваныч; ну, с тех пор в нашу церковь ходит да бедным подават свои гроши. Ды много таких в те поры сделались православными, кто хотел грешной душе спасенья!»²³⁰

Религиозный подъем подогревался не только страхом, но и служением самих духовных пастырей. И через много лет были живы воспоминания о том, как приходской священник поддерживал свою паству на протяжении всей эпидемии: «Бывало, ко всем уж к нам утром-ти

зайдет подомно; ну, спросит малого и старого: — все ли, говорит, здорово?.. а вы, говорит, не бойтесь, нечего бояться; а Бог-то, говорит, на што, а Николай-то угодник, а Смоленская-то... так и развесишь уши, и болен да не болен, окуражит совсем тебя... Ну, а вот придет в дом таперича, да как больной какой ни на есть, корчит, знашь, иной раз, несет его, а он возьмет тряпку, аль суконочку... да по нем, да по нем, шерстью-то, знашь, и растерет больны-то места... Ну, вот еще кака у него была манера: коли не востребовалось, так он с больным так и будет сидеть... как тот облегчению получит. И все-то, братец мой, говорит ему про божество аль примется читать над ним Свято писанье да толкует все». Самарские старожилы достаточно однозначно объясняли причину прекращения мора: «Народ-то образумился скоро да стал преклонен к церкви; ну, и холера затихла вскоре»²³¹.

«В память освобождения города от холеры» в Самаре был установлен ежегодный крестный ход, устраиваемый, как и 1830 г., в праздник Воздвижения Животворящего креста Господня (14 сентября старого стиля). Он органично дополнил более старый Предтеченский крестный ход, устраиваемый в Самаре 24 июня по старому стилю в память об избавлении от моровой язвы (эпидемии чумы) в 1654 г. Третий самарский крестный ход совершался в праздник Преполовения на 25-й день по Пасхе. Три перечисленных хода шли вокруг города, оберегая его от несчастий. Кроме того, в Самаре совершались принятые повсеместно в России «крестные ходы на воду», самые торжественные из которых были связаны с праздником Крещения (Богоявления). Потанин также особо отмечал самарское «прекрасное обыкновение носить из дома в дом иконы всех церквей во время Св. Пасхи. Всякой домохозяин составляет себе в обязанность принять в дом и образ Воскресенья, и Животворящий крест», и икону Богородицы. Шествие это шло «с двора на двор в продолжение всей недели и по всему городу».

Почитание в Самаре святителя Алексия

В ряду самарских православных торжеств особо выделялись два праздника в честь митрополита Алексия как «патрона города» (12 февраля и 20 мая по старому стилю). Такое почитание опиралось на множество местных преданий, не совсем согласных с каноническим житием святителя. Несмотря на это, центральное из этих преданий о посещении митрополитом Алексием места будущей Самары прочно вошло в основной круг представлений жителей города о своем прошлом и остается в нем до сих пор²³².

Описанные в нем события не находят подтверждения в письменных исторических источниках, а датировка XV веком в самом предании отсутствует и была сделана местными любителями старины для придания легенде правдоподобия. На самом деле это предание следует рассматривать как памятник традиционного благочестия, регионального исто-

рического сознания, «народной топонимики» более поздних эпох, когда оно уже бытовало в локальной среде.

Первая известная запись предания, сделанная П.И. Рычковым, была зафиксирована в его рукописи 1755 года и опубликована в 1762 г. Однако возможно, что предание бытовало намного раньше, поскольку информатор Рычкова престарелый сотник Оренбургского казачьего войска И.К. Могутов ссылался на рассказы «предков своих, которые были самарские ж уроженцы». В предании заложены два основных смысла. Первый – предсказание святого Алексия о возникновении в будущем на пустынном месте благочестивого города, который «никакому разорению подвержен быть не имеет»²³³. Конечно, это было очень важно для служилых людей небольшой пограничной крепости, воодушевляло их на защиту российских рубежей, собственных домов и семей. Второй смысл – объяснение появления имени у реки, а по ней – у будущего города, которое якобы дал им старец-отшельник, встреченный митрополитом, а благословил сам святитель.

Объяснение имени Самары у Рычкова осталось не до конца понятным, то ли из-за неполноты записи, то ли из-за недостаточного разъяснения Могутова. Однако запись предания, сделанная уже в середине XIX в. Г.Н. Потаниным, восполняет эту часть легенды, поскольку название реки, оказывается, произошло от имени старца, которого якобы звали Самарий. В этой же записи появляются детали, которыми предание «обогастилось» в рассказах современных Потанину жителей Самары под влиянием житийной и исторической литературы. Прежде всего плавание по Волге стало объясняться поездкой митрополита в Орду для лечения глазной болезни ханской дочки. Однако рассказчики, которых слышал Потанин, не называли имен персонажей и откровенно путали их родственные связи. Все это им было не очень интересно по сравнению с чудесами святителя, главным из которых становится даже не излечение болящей, а необычный способ передвижения, который им избран, – плавание по Волге на камне. Но, главное, в середине XIX в. по-иному интерпретировано содержание предсказания о будущем Самары. Теперь это была не крепость XVII–XVIII вв., которую не захватят никакие враги, а «град велий и многая тысяча будут жить в сем граде». Так жители изменившейся Самары объясняли через благословение святого появление большого и многонаселенного города, в котором они теперь жили²³⁴.

Тот же смысл вложен в пересказ этого предания П.В. Алабиным. В его книге митрополит, «взирая на счастливое местоположение окрестностей, предрек существование большого города в этой местности и блистательную ему будущность»²³⁵.

В записях Потанина есть упоминания и о других самарских сказаниях про митрополита Алексия, которого в Самаре с любовью и уважением называли своим «горододержавцем». Уже упоминалось выше его

заступничество перед генералами Екатерины II за бунтовщиков-пугачевцев. Присутствует также эпизод о наказании им слепотой вредивших городу башкир. Все эти легенды о митрополите Алексии ушли из исторической памяти в потоке времени и в ходе исторических катаклизмов, кроме предания о путешествии святителя по Волге и предсказании славного будущего Самаре. Оно продолжает жить в массовом сознании, а православная церковь, учредив в начале XXI в. праздник Собора Самарских святых, включила в него митрополита Алексия как «Небесного покровителя града Самары»²³⁶. Тем самым был закреплён прежде всего неоспоримый факт традиционного народного почитания святителя Алексия в Самаре как святого заступника и хранителя. Исторические же доказательства и подробности старинного местного предания остаются предметом догадок, исследований, дискуссий.

Зримым воплощением почитания митрополита Алексия стала часовня в память о нём, появившаяся в городе «с давних времен». В документах она впервые упомянута в XVIII в. Часовня не раз перестраивалась, разрушалась, переносилась с места на место, пока в 1832 г. не была поставлена близ набережной²³⁷. После этого она, хотя продолжала менять облик и конкретное местоположение, но своим присутствием у реки всегда напоминала о плавании святого мимо будущей Самары.

Церковное строительство

В честь митрополита Алексия также назван придел церкви Успения Пресвятой Богородицы (не сохранилась). Она была построена в 1824–1828 гг.²³⁸

Успенская церковь пополнила список каменных храмов Самары, существовавших в первой половине XIX столетия, вместе с Троицкой (не сохранилась), возведённой в 1841–1844 гг.²³⁹ В этот немногочисленный список также входили Преображенская церковь, Казанский и Вознесенский соборы, упоминавшиеся в предыдущих разделах.

Всего же к моменту создания Самарской губернии в 1851 г. на её будущей территории имелось 485 храмов, более 50 молитвенных домов и часовен, 6 монастырей²⁴⁰. Значительное их число в первой половине XIX в. было выстроено заново или на месте сгоревших или старых обветшавших церквей. Так, вместо ветхой деревянной церкви в с. Багряш была выстроена каменная церковь в соседнем с. Исаклы помещиком Н.П. Шелашниковым²⁴¹.

Каменное храмовое строительство велось в основном во владениях богатых землевладельцев. Среди них выделялись графы Орловы и их наследники. Старейшие храмы на землях, отошедших в их имение, были в большинстве селений деревянными. В конце XVIII в. такие церкви стояли во многих селениях, принадлежавших Орловым: Новинках, Рождественно, Подгорах, Аскуле, Сосновом Солонце, Винновке, Жигулях, Александровке, Валах, Большой Рязани, Усолье, Ахтушах, Переволоках²⁴².

Единственной каменной культовой постройкой была одна из церквей Усолья, построенная еще до перехода села во владение Орловых.

В XIX в. в их вотчинах разворачивается каменное храмовое строительство. Интересными памятниками русского провинциального классицизма начала XIX в. являются храмы в Воскресенке и Новинках. Схожесть их внешнего вида подсказывает, что они очень близки друг другу по замыслу и времени постройки. Некогда существовали еще несколько «близнецов» этих архитектурных памятников — несохранившиеся церкви в Покровке и Новом Тукшуме. На тот же манер была перестроена в 1807 г. более ранняя церковь Николая Чудотворца в Усолье. Эти постройки спроектировал Х. Шмит, который был служителем графской конторы В.Г. Орлова. Он имел архитектурную подготовку и часто выполнял различные строительные работы, в том числе руководил строительством перечисленных храмов, которое продолжалось до 1814 г.²⁴³

Параллельно с храмами Усольской вотчины велось строительство каменной церкви в Екатериновке, начатое в 1806 г. по заказу А.Г. Орлова-Чесменского. Еще большую заинтересованность в делах церкви, чем вскоре умерший граф, проявила его дочь и наследница А.А. Орлова-Чесменская. При ней в 1813 г. храм в Екатериновке был завершен. Тогда же были возведены каменные церкви в других ее селах — Переволоках и Новодевичьем. В 1829 г. каменная Казанская церковь украсила еще одно ее село — Кануевку²⁴⁴.

К более позднему времени относится Христорожественский храм в Рождествено (1843 г.), возведенный при усадьбе Е.В. Новосильцевой, дочери В.Г. Орлова. Закат классицизма и распространение архитектурной эклектики можно прочесть в облике Казанско-Богородицкой церкви в Винновке, постройка которой началась при Орловой-Чесменской, а после продажи ею в 1843 г. средневожских владений в удельное ведомство была закончена уже в 1851 г. на средства прихожан²⁴⁵.

Каменные храмы сооружались и в имениях других крупных помещиков. Отметим Христорожественский храм в Царевщине, принадлежавшей Дашковым (1833 г.), Казанскую церковь в Новом Буяне, которым владели Мельгуновы (1795 г.), и Троицкую в селе Куродове (1806 г.), названном по фамилии владельцев²⁴⁶. В 1809 г. каменный Покровский храм в Елани был возведен А.В. Урусовым, сыном бывшего начальника Оренбургской комиссии В.А. Урусова²⁴⁷.

Дошли до нас в разной степени сохранности и более древние каменные храмы. На правом берегу Волги был основан в 1712 г. Кашпирский Симеоновский Благовещенский монастырь, называвшийся так по имени «храмоздателя» С.К. Дмитриева, месту его службы «воеводоу в г. Кашпире» и названию праздника, которому был посвящен монастырский храм. В 1730 г. деревянный храм был заменен каменным, а в 1764 г. после упразднения монастыря он стал приходским для рас-

положенного рядом села²⁴⁸. Еще раньше (в 1714 г.) был построен на средства А.Д. Меншикова каменный Никольский храм в Осиновке²⁴⁹.

Строительством представительных каменных храмов культовое зодчество в Самарском крае, конечно, не ограничивалось. Продолжалось повсеместное возведение деревянных церквей помещиками и крестьянскими общинами. Только во владениях В.П. Орлова-Давыдова с 1831 по 1861 г. такие храмы были сооружены в селах Никольском, Преполовенском, Севрюкаеве, Тайдакове, Сосновом Солонце²⁵⁰.

Возведенный в 1780 г. и погибший при пожаре деревянный храм Михаила Архангела в Кинель-Черкасской слободе в 1802 г. заменила новая церковь из дерева. Та, в свою очередь, также сгорела, а на замену ей в 1881 г. вновь был выстроен деревянный же храм²⁵¹.

§ 6. РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Благородное времяпровождение и молодецкие забавы

В самарской повседневности находилось место не только духовной жизни, но также развлечениям и досугу. Здесь пролегли четкие социальные границы²⁵².

Культурные запросы отличались у разных категорий жителей города (купцов, мещан, дворян, чиновников, духовенства и др.)²⁵³. «Благородному», «образованному» обществу дворян и чиновников были присущи свои способы времяпровождения, которые были привнесены в провинциальную среду из более высоких социальных слоев и отдаленных столиц. Они не имели существенных отличий в том или ином уездном городе, предоставляя не очень обширный выбор. Это были старинные барские развлечения вроде карточной игры или охоты и входившие в моду любительские театральные представления. Привычными стали домашние занятия «музыкой и пением среди дружеского и самого приятного общества»; посещение богатых домов, «где бывали танцевальные вечера» и где угощали гостей «даже до роскоши»²⁵⁴.

Важным фактором культурной жизни провинциального города стало уездное училище. В Самаре кроме выполнения основных учебных функций оно разместило в своих стенах доступную библиотеку, стало местом проведения клубных собраний дворянского общества. «Дважды в неделю» в вечернее внеурочное время они проходили «с должным приличием» в актовом зале училища, где собирались местные помещики и чиновники, чтобы «выписываемые обществом журналы и газеты... читать и вместе делить время в приятном и пристойном благородному сословию препровождении»²⁵⁵.

Разрешением на проведение таких вечеров, которое было дано в 1826 г., преследовалась еще одна цель. Предполагалось, «что обще-

ство, собираясь в доме уездного училища, будет находиться под надзором начальства», которому будут известны намерения собравшихся²⁵⁶.

Совсем недавно было подавлено восстание декабристов. Жителей и уроженцев Самары среди мятежников не было, но разговоры о случившемся, конечно, ходили, и «общее любопытство занимала участь заговорщиков». В своем дневнике А.И. Второв сделал запись о том, как он поразился, увидев в списке арестованных своих знакомых, в том числе К.Ф. Рылеева и братьев Бестужевых. В июле и августе 1826 г. через город провезли нескольких офицеров, разжалованных и сосланных в дальние гарнизоны. Некоторые из декабристов годы спустя, отбыв наказание, окажутся в Самаре и ее окрестностях: А.В. Веденяпин, А.П. и П.П. Беляевы²⁵⁷.

Именно А.П. Беляев, влившись в самарское благородное общество 1840-х гг., оставил его детальное описание, отметив среди местных особенностей досуга частое устройство «веселых пикников». Для этого нанималась лодка с гребцами, брались с собой вкусные яства – пироги, шоколад, чай, кофе, и компания отправлялась на один из волжских островов. Прибыв, «располагались где-нибудь в живописной местности». Старшие начинали готовить «все для еды, охотники удить рыбу располагались по берегу с удочками, а все остальное общество, состоявшее из сонма... девиц и молодых людей, уходило гулять по лесу». Возвращались домой с пением, которое далеко разносилось по Волге и окрестным лесам. Кроме поездок за город можно было отправиться в гости к соседям-помещикам и там вдоволь наесться малины со сливками²⁵⁸.

22 мая 1849 г. место для общественного отдыха и гуляний появилось в самом городе. На праздник Троицы, воспользовавшись пребыванием в Самаре симбирского губернатора П.Д. Черкасского, местное дворянское общество наняло 150 рабочих, которые за два дня расчистили заброшенный сад Г.Н. Струкова, изъятый у того за долги в казну. В нем были установлены палатки с накрытыми столами, приглашены музыканты и песенники, устроен фейерверк, после которого состоялся бал в доме помещика Неронова. Так описал начало истории Струковского сада (первого и до сих пор любимого общественного парка Самары) молодой чиновник, а впоследствии министр государственных имуществ М.Н. Островский в письме родному брату – великому драматургу²⁵⁹.

По-иному выглядел досуг основной массы горожан из купцов, мещан, казаков, отставных солдат и других низших сословий. Г.Н. Потанин, исходя из своих исследовательских интересов, охотно описывал традиционные народные формы досуга, среди которых были состязания, требовавшие хорошей физической формы и ловкости. Многие из них сейчас бы отнесли к числу спортивных. Его, правда, не удивили кулачные бои, которые были в России явлением повсеместным²⁶⁰. А вот на состязания, которые отличались местным своеобразием, он обратил особое внимание.

В числе этих часто опасных развлечений были заплывы через реки Самару и Волгу, ныряние под барки и баржи-«подчалки» (иногда разом под два-три судна, поставленных рядом), скачки на спор и на пари, скоростные катания на тройках, «в особенности же во время зимы, по льду» замерзших рек. Любители и мастера управления тройками «самых рьяных коней» встречались в Самаре даже среди женщин, поскольку те «считали за удовольствие и удалство править лошадьми»²⁶¹. Лихие самарские гонки на санях по волжскому льду заметно отличались от достаточно спокойных и регламентированных прогулок на конных упряжках в иных городах Поволжья²⁶².

Без игровых, состязательных отдушин самарское «молодчество» часто выливалось в вывороченные от нечего делать заборные столбы, разломанные деревянные тротуары, раскатанные по бревнам сараи и лачуги. Жители подводили «исторические» обоснования под традиции буйных забав, возводя их появление к обычаям предполагаемых предков — сосланных сюда мятежных стрельцов. Потанин такое предположение добросовестно записал, хотя вполне обоснованно сомневался в истинности такой «родословной» и объяснения нравов. Он считал, что «самая раздольная степь и простор развивали в них дух удалства»²⁶³.

Снежный городок

Особенно поразил Потанина местный вариант игры во «взятие снежного городка». Ему, уроженцу Симбирска, несмотря на географическую близость волжских городов, эта игра была совершенно неизвестна до переезда в Самару в 1847 г.

Несколько похожие потехи, представлявшие сшибки любителей кулачного боя на заснеженных холмах и горках, были известны в других волжских городах, например в Саратове и Костроме²⁶⁴. Но там все бойцы с обеих сторон выходили пешими, что кардинально меняло изначальный конно-состязательный смысл настоящего «взятия снежного городка»: его должны штурмовать всадники. Потанин резонно предположил, что происхождение и бытование самарской конной потехи связано со скотоводческими традициями степного Заволжья, отличными от его родного земледельческого волжского Правобережья.

Записи Потанина не подтверждают привязку «снежных городков» исключительно к особенностям казачьего быта. По его словам, все горожане Самары, подобно казакам, «любили в особенности верховую езду; любили носиться в своей “степе” так, чтобы занимался дух у путника». Потанин подчеркивал, что, «как степняки, они любили более всего скотоводство», от которого зависело благосостояние многих из них. Им были привычны поездки верхом, часто без седла, в течение нескольких дней кряду и на расстояния в сотни верст²⁶⁵.

Интересна близость к самарскому варианту «снежного городка» его описания в западносибирской Тобольской губернии. Там имел место крестьянский, то есть тоже не казачий состав пеших и конных участников игры, в отличие от казачьей молодежи Восточной Сибири, запечатленной на знаменитом полотне В.И. Сурикова «Взятие снежного городка»²⁶⁶.

В селах Самарского края, например в Покровке, эту игру также организовывали взрослые крестьяне. Она входила в число развлечений на «Разгуляй» — четверг масленичной недели²⁶⁷.

Масленица была самым частым временем для «снежных городков» в Самаре, но игру могли устроить и на Рождество, и на Николу-зимнего (6 декабря по старому стилю). Весь город жил предстоящим действием. Более других горожан его ждали пожилые люди, что подтверждает давность традиции: «Народ-то оживал, батюшка, как задумают, бывало, крепость построить. Старики-то все словно праздника какова ждут, чуть где услышит старуха весточку, бежит уж домой: “Ох, говорит, ребята, скажите, слава Богу... сговорились городок поставить у Волги, то-то любо будет посмотреть! На всю Масленицу опять возня пойдет. Спасибо, дай-то Бог за это добро здоровье, да красну невесту, потешут и нас на старости лет”»²⁶⁸.

Самарский способ сооружения собственно «городка» весьма напоминал высокий снежный «стог», который строили для данной игры оренбургские казаки. Правда, в Самаре не ставили отдельно двух «городков», отдельно для взрослых и казачат, а на вершине не водружали флаг, захват которого становился задачей штурмующих²⁶⁹.

В записках Потанина игра выглядит несколько иначе: «Молодые люди сговаривались и делали из снега огромную гору, давая ей форму здания, и называли крепостию. Наверху этой крепости ставили чучело, прозванное почему-то попом. Эту крепость защищали несколько десятков человек пеших, а равносильная этой партия верхами на скакивала на них и лошадьми старалась разбить и размять снеговое укрепление. Те в свою очередь жгутами или ногайками хлытали по лошадям и людям, чтобы отогнать их прочь и защитить себя и крепость. Сумятица была страшная, шумная, крикливая, веселая. При этом, конечно, требовалось много удалства, а в особенности ловкости, чтобы удержать испуганную лошадь и в то же мгновение уметь увернуться от удара противника. Оканчивалось это обыкновенно тем, что один из конных достигал наконец вершины здания, ронял попа, стаскивал его вниз, или совсем увозил из крепости в плен, тогда провозглашали удалца большим набольшим (т. е. главнокомандующим для будущей игры)»²⁷⁰.

Уходящие традиции

Из числа зрителей в силу строгости и патриархальности самарских нравов исключались девицы, хотя их-то интерес был самым живым

и объяснимым. «Образ воспитания девиц здесь был чисто восточный», — писал современник. Самарская девушка, «совершенная затворница», могла отойти от дома только по крайней необходимости обязательно «с провожатым». Так называлось коромысло с пустыми ведрами, которое она обязана была нести, «чтоб казаться, будто идет за водой, хотя бы это было совершенно в противную сторону от реки». Матушка при этом наблюдала до тех пор, пока дочка оставалась видимой, а особенно за тем, чтобы та шла, «не заглядываясь никуда по сторонам, с опущенными в землю очами»²⁷¹.

Коромысло же было атрибутом чисто женского самарского «соревнования», кто больше натакает воды из реки на огород. Доходы от продажи овощей с обильно политых грядок шли на приданое, которое вместе с репутацией «работящей» увеличивало шансы удачно выйти замуж.

Насчет зимних молодецких забав девушкам приходилось довольствоваться рассказами очевидцев. Если герой очередной игры был холостым, то невольная затворница многое бы дала, «чтобы хотя раз взглянуть на эту знаменитость, о которой, пришедши домой, рассказывали ей и дедушка, и бабушка, и брат, и все, кто ходил смотреть осаду крепости»²⁷².

Ради справедливости заметим, что ситуация с отчуждением девушек от социокультурной жизни города быстро менялась. Не прошло и пяти лет после написания «Записок о Самаре», как в городах Самарской губернии началось повсеместное устройство общеобразовательных школ для дочерей купцов и мещан при деятельном участии и помощи родителей, других представителей «градского общества»²⁷³.

Судя по тому, что, кроме записей Потанина, до нас не дошло иных сведений о самарском «снежном городке», местный учитель застал время угасания этой традиции, впрочем, как и ряда других, им описанных. Это происходило и под воздействием хозяйственных причин, прежде всего связанных с переходом населения Самары и ее окрестностей от преимущественного занятия скотоводством, перегоном скота и салотопенным промыслом к интенсивному производству, скупке, перевозке, обработке товарного хлеба. Сказывался и культурно-демографический фактор в виде быстрого роста населения Самары, что приводило к наплыву новых пришлых жителей, чуждых самарским традициям, в том числе конным «снежным боям».

Самара подходила к новому повороту своей истории, когда ей предстояло поднять свой статус с уровня уездного города до центра губернии. Одновременно приближалось обновление всей России — Великие реформы.

Примечания

¹ Артамонова Л.М. Век Просвещения в «Quaestio Rossica» // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 372, 377.

² Смирнов Ю.Н. Документы Оренбургской экспедиции (комиссии) о политике России в отношении контактов и торговли со Средней Азией и сопредельными странами Востока // Уральский исторический вестник. 2013. Т. 3. № 40. С. 47.

³ Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. М., 1991. С. 243.

⁴ Смирнов Ю.Н. Вклад ученых Петербургской Академии наук в развитие исследований юго-востока России XVIII века (к 300-летию Г.Ф. Миллера) // Самарский земский сборник. 2005. № 3 (11). С. 3, 7.

⁵ Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Указ. соч. С. 128–131.

⁶ Смирнов Ю.Н. Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3–1. С. 171, 173.

⁷ Артамонова Л.М. Исследовательская и просветительская деятельность русских ученых 1730–1770-х годов на юго-востоке России в ее взаимосвязях с изучением Сибири и других регионов страны // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница: материалы Междунар. симпози. Ч. 1. Екатеринбург, 2006. С. 61.

⁸ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773. С. 211, 239.

⁹ Смирнов Ю.Н. Народное просвещение и научные исследования // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века М., 2000. С. 258.

¹⁰ Артамонова Л.М. Начало школьного образования и научных исследований в Усольской вотчине в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Самарский земский сборник. 1996. № 3. С. 48, 50.

¹¹ Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Указ. соч. С. 175–177.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. ВУА. Д. 19026.

¹³ Артамонова Л.М. Инженер и географ Т.Г. Масленицкий – организатор школьного дела в 1780-е – 1790-е гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 233–238.

¹⁴ Моников С.Н. Карл Клаус – первый биогеограф Нижнего Поволжья // Псковский регионалогический журнал. 2012. № 14. С. 167–169.

¹⁵ Саксонов С.В., Сенатор С.А. Карл Клаус: он предавался любви и химии и ботанике // Природа. 2013. № 4 (1172). С. 78–79, 81.

¹⁶ Смирнов Ю.Н. Корреспонденции из Самарского края в Русское Географическое общество как отражение интереса к региональной истории и культуре в середине XIX века // Самарский земский сборник. 2006. № 1–2 (13–14). С. 36–37.

¹⁷ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 322. Оп. 1. Д. 337.

¹⁸ Артамонова Л.М. Участие крестьян Поволжья в сборе первых этнографических и фольклорных материалов для Русского Географического общества // Центр и периферия. 2017. № 4. С. 68, 71.

¹⁹ Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8–2 (109). С. 65, 67.

²⁰ Артамонова Л.М. Священники-законоучители начальных школ городов Самарской губернии в середине XIX века // Двадцать первые Иоанновские чтения: материалы науч. конф. Самара, 2017. С. 43, 53.

²¹ Усольское собрание графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской Луки. Самара, 2015. С. 136–179.

²² Смирнов Ю.Н., Артамонова Л.М. Локальная история как метод реконструкции культурно-исторического ландшафта: из опыта изучения Самарской Луки // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы III Всерос. науч.-методол. семинара. Самара, 2015. С. 15–16.

²³ Научный архив Русского географического общества (далее – НА РГО). Раз. 37. Д. 6, 39.

²⁴ Смирнов Ю.Н. Корреспонденции в Русское географическое общество как памятники краеведческих изысканий духовенства Самарского Поволжья в середине XIX века // Двадцать вторые Иоанновские чтения: материалы науч. конф. Самара, 2018. С. 3, 7.

²⁵ Благовидов Ф. Спасо-Преображенская церковь в городе Самаре (1685–1885 годы). Самара, 1885. С. 4.

²⁶ Артамонова Л.М. Летопись Благовещенской церкви села Кашпирского Монастыря (последняя четверть XIX – первая четверть XX века) как исторический источник // Центр и периферия. 2018. № 2. С. 12–13.

²⁷ Смирнов Ю.Н. Традиция и культура городского населения Самары в записях и осмыслении образованных краеведов середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2013. Ч. 2. С. 57–58.

²⁸ Бирюкова А.Б. Научная и просветительская деятельность православного духовенства в дореформенном провинциальном городе (по материалам поволжских губерний) // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве: материалы Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2014. С. 25–27.

²⁹ НА РГО. Раз. 34. Д. 18, 23.

³⁰ Смирнов Ю.Н. Г.Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2014. Ч. 2. С. 145–146.

³¹ НА РГО. Раз. 34. Д. 15, 19.

³² Смирнов Ю.Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 361–362, 366.

³³ Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории

середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 229–230, 235–236.

³⁴ Куприянов А.И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 7.

³⁵ Артамонова Л.М. Г.Н. Потанин – педагог, краевед, писатель, мемуарист // Самарский край в истории России: материалы межрегион. науч. конф. Вып. 5. Самара, 2015. С. 163–165.

³⁶ Смирнов Ю.Н. Источниковедческие и археографические особенности рукописей Г.Н. Потанина о дореформенной Самаре в архиве Русского географического общества // Библиография. Археография. Источниковедение: сб. ст. и матер. СПб.; М., 2017. С. 52–53.

³⁷ Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина... С. 232.

³⁸ Смирнов Ю.Н. Использование приемов «устной истории» в региональных исследованиях середины XIX века: записи рассказов горожан Самары о прошлом // Стены и мосты – VI: практика междисциплинарных исследований в истории. М., 2018. С. 128, 130.

³⁹ Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина... С. 231.

⁴⁰ НА РГО. Раз. 34. Д. 15. Л. 16 об.

⁴¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 306. Л. 8 и об.

⁴² Там же. Д. 769. Л. 60 об.

⁴³ Там же. Д. 306. Л. 8.

⁴⁴ Там же. Д. 1605. Л. 6; Ф. 977. Оп. Совет. Д. 948. Л. 5.

⁴⁵ Артамонова Л.М. «Учили меня еще во младенчестве»: принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11. С. 13.

⁴⁶ Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С. 17.

⁴⁷ Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 137–138, 142.

⁴⁸ Журнал Министерства внутренних дел. 1841. Ч. 40. № 4. С. 38.

⁴⁹ Смирнов Ю.Н. Вклад В.Н. Татищева и сотрудников Оренбургской экспедиции (комиссии) в культурное развитие российского «фронта» // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 192, 195–196.

⁵⁰ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 45 об.

⁵¹ Таймасов С.У. Переводчик Оренбургской губернской канцелярии Петр Чучалов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). С. 148–150.

⁵² Артамонова Л.М. Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (юго-восточные губернии Европейской России): дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2002. С. 67–70.

⁵³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 397. Оп. 1. Д. 446. Л. 212–213.

⁵⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 877 в. Л. 12.

⁵⁵ Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 3. СПб., 1886. С. 683.

⁵⁶ Артамонова Л.М. Школа для крещеных ставропольских калмыков в контексте этноконфессиональной и образовательной политики XVIII века // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 575, 577

⁵⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 816. Л. 19; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. С. 65–66.

⁵⁸ Смирнов Ю.Н. Создание первых школ в процессе реализации политики освоения Самарского Заволжья во второй трети XVIII в. // Классическое гуманитарное образование: история и перспектива: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2010. С. 345, 351.

⁵⁹ Джунджузов С.В. Школьное образование в Ставропольском калмыцком войске // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1–1. С. 23.

⁶⁰ Артамонова Л.М. Самая просвещенная реформа // Родина. 2010. № 2. С. 45, 47–48.

⁶¹ Киприянова Н.В. Становление национальной общеобразовательной школы в русской провинции в конце XVIII – начале XIX вв. (по материалам Владимирской губернии) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2017. С. 82.

⁶² Артамонова Л.М. Симбирское главное народное училище – предшественник классической гимназии // Классическое гуманитарное образование: история и перспектива: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2010. С. 23, 25.

⁶³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 730. Оп. 2. Д. 1184. Л. 6 об.

⁶⁴ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1184. Л. 9 об.

⁶⁵ Артамонова Л.М. Открытие Самарского малого народного училища и отношение к этому событию местного общества в начале 1790-х гг. // Самарский край в контексте российской истории: материалы II Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2002. С. 13, 16.

⁶⁶ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1204. Л. 14 об.–15.

⁶⁷ Артамонова Л.М. Отношение провинциального общества к делу народного просвещения в 90-е годы XVIII века и итоги школьной реформы Екатерины II // Самарский край в контексте российской истории: сб. ст. Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2001. С. 16, 24.

⁶⁸ Миронов Б.Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 80.

⁶⁹ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1206. Л. 3 об.

⁷⁰ Там же. Д. 1208. Л. 18 об.–19.

⁷¹ Артамонова Л.М. Власть и общество в деле народного просвещения на землях Поволжья в XVIII – первой половине XIX вв. // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 221.

⁷² Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1809. № 23. С. 264–265, 280–281, 326–327, 334–335.

⁷³ Кеппен П.И. Материалы для истории просвещения в России. Т. 2. СПб., 1826–1827. С. 415–416.

⁷⁴ Фальборк Г., Чарнолуский В. Народное образование в России. СПб., 1900. С. 18, 23.

⁷⁵ Артамонова Л.М. «Заведение собственным иждивением училища...» Роль священников в создании и поддержке школ Казанского учебного округа первых десятилетий его существования // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 76, 79.

⁷⁶ Смирнов Ю.Н. Безвозмездная служба по учебной части как «социальный лифт» в дореформенной России: введение должности почетных смотрителей уездных училищ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 23, 27.

⁷⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 91. Л. 1, 1 об., 7, 7 об., 9.

⁷⁸ Артамонова Л.М. Первый учитель и штатный смотритель уездного училища в Самаре XIX века Василий Онуфриевич Барщевский // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: сб. ст. и матер. III Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2003. С. 28.

⁷⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 91. Л. 18, 19.

⁸⁰ Артамонова Л.М. Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. 2011. № 7. С. 86, 88.

⁸¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 65. Л. 7 и об.

⁸² Смирнов Ю.Н. Первый почетный смотритель Ставропольского уездного училища Иван Иванович Смирницкий // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту: материалы V Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Самара, 2017. С. 357, 362.

⁸³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1859. Л. 10 об.

⁸⁴ Смирнов Ю.Н. Провинциальная активность в социально-культурной сфере при Александре I: строительство уездного училища в Ставрополе и его почетный смотритель И.И. Смирницкий // История и современность: сб. тр. регион. науч.-практ. конф. (к 90-летию А.Э. Лившица). Киров, 2017. С. 21–25.

⁸⁵ Артамонова Л.М. Уездный интеллигент первой половины XIX века – ставропольский и самарский учитель Петр Кириллович Сычугов // Самарский земский сборник. 2009. № 1. С. 71, 74.

⁸⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2477. Л. 110, 112 об.

⁸⁷ Артамонова Л.М. Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8–2 (109). С. 55, 63.

⁸⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1480. Л. 20 об.

⁸⁹ Артамонова Л.М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8–2 (99). С. 110–117. 2012.

⁹⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1037. Л. 1 и об., 5.

⁹¹ Артамонова Л.М. Бугурусланский священник Иоанн Милордов и становление народного образования в русской провинции первой половины 19-го столетия // Наука и культура России. 2014. Т. 1. С. 8–11.

⁹² ГАОО. Ф. 73. Оп. 2. Д. 14. Л. 4 и об.; РГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 148. Л. 17–18.

⁹³ Артамонова Л.М. Провинциальное учительство и его занятия наукой в 1850–1860-е гг. (по архивным и опубликованным материалам Самарской губернии) // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 140–141.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 132. Л. 1 об.

⁹⁵ Артамонова Л.М. Рост образовательного уровня провинциальной интеллигенции 19-го столетия: первый педагог с университетским образованием в школах Ставрополя и Самары П.К. Сычугов // История и современность: сб. тр. регион. науч.-практ. конф. (к 90-летию А.Э. Лившица). Киров, 2017. С. 26–30.

⁹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 46. Д. 76. Л. 1 об.

⁹⁷ Артамонова Л.М. 175-летию народного образования в Самаре // Самарский земский сборник. 2000. № 1. С. 38, 47.

⁹⁸ Якунин В.Н. Духовное образование, церковно-приходские и воскресные школы в Самарской епархии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (31). С. 277.

⁹⁹ НА РТ. Ф. 977. Оп. УК. Д. 1037. Л. 1, 5.

¹⁰⁰ Артамонова Л.М. Пансион господина де Маке в Самаре // Самарский земский сборник. 2011. № 1 (20). С. 58.

¹⁰¹ Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Ч. 1. СПб., 1878. С. 208.

¹⁰² Артамонова Л.М. Образование, здравоохранение, духовная культура // Усольское собрание графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской Луки. Самара, 2015. С. 92–93.

¹⁰³ Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. М., 1998. С. 239.

¹⁰⁴ Артамонова Л.М. Становление сельских школ Самарско-Саратовского Заволжья в царствование Николая I // Российская провинция: опыт комплексного исследования: материалы науч.-практ. конф. Саратов, 2009. С. 297–298.

¹⁰⁵ Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1861. Т. 112. № 11. Отд. IV. С. 53–54

¹⁰⁶ Там же. 1852. Т. 76. № 10. Отд. VII. С. 30.

¹⁰⁷ Артамонова Л.М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 110.

¹⁰⁸ ЖМНП. 1852. Т. 76. № 10. Отд. VII. С. 30–31.

¹⁰⁹ Артамонова Л.М. Значение образовательной политики Николая I для народного просвещения (по материалам Юго-востока Европейской России) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конф. Кострома, 2010. С. 194, 198, 199.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Ч. 2. Д. 360. Л.10 об., 14 об.–15 об.; Общий отчет по Министерству народного просвещения за 1845 год. СПб., 1846. С. 102; Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Народное образование в России. С. 30; Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849. С. 231–234.

¹¹¹ Артамонова Л.М. Политика создания сельских школ при Николае I и ее реализации в юго-восточных уездах Европейской России // Самарский земский сборник. 1999. № 1. С. 32, 37.

¹¹² РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Ч. 2. Д. 360. Л. 9, 16 об.

¹¹³ Смирнов Ю.Н. Попытка модернизации в 1820-е годы традиционного протестантского образования в поволжских колониях // Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире: материалы VI Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2018. Ч. 1. С. 146–147.

¹¹⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1605. Л. 3; Ф. 977. Оп. Совет. Д. 948. Л. 1 об.–2.

¹¹⁵ Смирнов Ю.Н. Вопрос о контроле над школами немецких колоний в период попечительства М.Л. Магницкого в Казанском учебном округе и после его отставки // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 159, 166.

¹¹⁶ Сафронова А.М. Оренбургская коллекция иностранных книг в составе библиотеки Горного ведомства Екатеринбурга // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. 2010. Т. 76, № 2. С. 76, 80, 91.

¹¹⁷ Поддубная Р.П. Аксаковы. Страницы жизни. Самара, 2016. С. 140–141.

¹¹⁸ Бабина С.А., Ведерникова Т.И. Дворянские имения рода Аксаковых в Самарском крае // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2018. С. 173.

¹¹⁹ Смирнов Ю.Н. Литературные обработки фамильных преданий Аксаковых и Рычковых как источники по истории юго-восточных окраин России в конце XVIII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 508.

¹²⁰ Носков А.И. Братья Путиловы // Самарская Лука. 2014. № 26. С. 12–13.

¹²¹ Бирюкова А.Б. Не гений места: И.А. Второв и Самара (конец XVIII – 30-е гг. XIX в.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 2 (50). С. 47.

¹²² Носков А.И. Люди и события культурной жизни старой Самары. Самара, 2002. С. 14–15.

¹²³ Артамонова Л.М. Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И.А. Второва (1791–1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 437–439.

¹²⁴ Смирнов Ю.Н. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 35–36.

¹²⁵ Русский Вестник. 1875. № 4. С. 497–498.

¹²⁶ Артамонова Л.М. Книга и периодическая печать в уездной Самаре конца XVIII – первой половины XIX вв. // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 30.

¹²⁷ Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Пензенской, Симбирской и Самарской губерний): дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2010. С. 79, 117.

¹²⁸ Русский Вестник. 1875. № 9. С. 137–138.

¹²⁹ Там же. № 8. С. 595.

¹³⁰ Бирюкова А.Б. Книга и периодика как элементы социокультурной инфраструктуры городской провинции конца XVIII – середины XIX вв. (по материалам Среднего Поволжья и Заволжья) // Модернизация культуры: знание как инструмент развития: материалы VII Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2019. Ч. 1. С. 284.

¹³¹ Курмаев М.В. Документы областных архивов Среднего Поволжья по истории книжной культуры второй половины XIX – начала XX в. // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 73–75.

¹³² РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1184. Л. 9 об.

¹³³ Русский Вестник. 1875. № 4. С. 525, 527, 534.

¹³⁴ Носков А.И. Самара в 1812–1814 годах // Самарская Лука. 2012. № 23. С. 18.

¹³⁵ Артамонова Л.М. Распространение книги и периодической печати в уездном городе в XVIII – первой половине XIX вв. (на примере Самары) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. Нижневартовск, 2015. С. 223–225.

¹³⁶ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 316.

¹³⁷ Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.). Самара, 2008. С. 63.

¹³⁸ Носков А.И. Александр Николаевич Островский в Самаре // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 129–131.

¹³⁹ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 67.

¹⁴⁰ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 6. Д. 2. Л. 65, 67.

¹⁴¹ Там же. Л. 83, 85 об.

¹⁴² Там же. Л. 22.

¹⁴³ Там же. Д. 3. Л. 16.

¹⁴⁴ Там же. Л. 15.

¹⁴⁵ Там же. Д. 2. Л. 9.

¹⁴⁶ Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара, 2009. С. 189.

¹⁴⁷ Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 18.

¹⁴⁸ Бирюкова А.Б. Круг чтения горожанина-провинциала в первой половине XIX века (по материалам поволжских губерний) // Homo legens в прошлом и настоящем: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Нижний Тагил, 2007. С. 25–27.

¹⁴⁹ Курмаев М.В. Факторы распространения грамотности среди населения Среднего Поволжья в конце XVIII – начале XX века (религиозные, национальные и социально-экономические) // Научные труды Самарской духовной семинарии: сб. ст. Самара, 2019. С. 117.

¹⁵⁰ ГАУО. Ф. 134. Оп. 36. Д. 266.

¹⁵¹ Курмаев М.В. Периодическая печать Среднего Поволжья до 1917 г. // Седьмые Азаровские чтения. Библиотека в информационной среде региона: стратегии формирования и поддержки: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2011. С. 190.

¹⁵² ГАУО. Ф. 134. Оп. 36. Д. 266.

¹⁵³ Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сб. докум. и матер. Самара, 2000. С. 173–175.

¹⁵⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 38; Новлянская М.Г. Иван Кириллович Кирилов (географ XVIII века). М.; Л., 1964. С. 103, 130.

¹⁵⁵ Шерешевский Г.М. Начало самарской медицины // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч. 1. С. 46.

¹⁵⁶ Русский вестник. 1875. № 4. С. 514, 527.

¹⁵⁷ Артамонова Л.М. Сельская больница в социальной структуре и системе управления крупной вотчины конца XVIII – первой половины XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России. 2016. № 22. С. 93, 95.

¹⁵⁸ Бирюкова А.Б. Больницы губернских центров Среднего Поволжья и Заволжья (последняя треть XVIII – середина XIX вв.) // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 241.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 555. Л. 8; Д. 534. Л. 35 об., 38 об.

¹⁶⁰ Там же. Д. 536. Л. 157, 167, 181 об., 182.

¹⁶¹ Там же. Д. 563. Л. 33 и об.; Д. 564. Л. 5 об.

¹⁶² ГАУО. Ф. 147. Оп. 9. Д. 15. Л. 1 и об.

¹⁶³ Там же. Оп. 6. Д. 10. Л. 18.

¹⁶⁴ Артамонова Л.М. Школы и больницы в крепостных селах и деревнях Самарской Луки конца XVIII – середины XIX в. // Сельская Россия: прошлое и настоящее: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. М., 2008. С. 241, 243.

¹⁶⁵ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1877. Т. XX. С. 246.

¹⁶⁶ Артамонова Л.М. Труды австрийского врача в вотчинной больнице начала XIX в. и его искушение крепостным правом // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права: материалы науч. конф. Липецк, 2011. С. 83.

¹⁶⁷ ГАУО. Ф. 147. Оп. 6. Д. 7. Л. 81.

¹⁶⁸ Артамонова Л.М. Устройство больниц для крепостных крестьян в конце XVIII – середине XIX вв. (по материалам средневоложских владений Орловых и их наследников) // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: материалы II Всерос. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2009. С. 103, 105–106.

¹⁶⁹ ГАУО. Ф. 147. Оп. 6. Д. 46. Л. 7 и об.

¹⁷⁰ Там же. Оп. 7 Д. 5. Л. 225, 225 об.

¹⁷¹ Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5. С. 263, 273.

¹⁷² ГАУО. Ф. 147. Оп. 10. Д. 43. Л. 51.

¹⁷³ Артамонова Л.М. Лекарь из Вены на Самарской Луке // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 54, 62–63.

¹⁷⁴ ГАУО. Ф. 147. Оп. 7. Д. 25. Л. 19.

¹⁷⁵ Артамонова Л.М. Труды австрийского врача... С. 81, 84, 87.

¹⁷⁶ ГАУО. Ф. 147. Оп. 9. Д. 15. Л. 10 и об.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 942. Л. 18 и об.

¹⁷⁸ Там же. Д. 2910. Л. 60 об.; Ф. 1357. Оп. 1. Д. 35. Л. 142 об.; ГАУО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 287. Л. 568 об., 569.

- ¹⁷⁹ Самарское Поволжье с древности до конца XIX века. С. 282.
- ¹⁸⁰ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 22.
- ¹⁸¹ Артамонова Л.М. Начала образования, науки, попечения о здравии // Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. Самара, 1993. Кн. 1. С. 159.
- ¹⁸² Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1955. С. 425.
- ¹⁸³ Русский вестник. 1875. № 6. С. 495.
- ¹⁸⁴ Шерешевский Г.М. Начало... С. 49.
- ¹⁸⁵ Гамалея Н.Ф. Собрание сочинений. М., 1956. Т. 1. С. 403; Т. 5. С. 205.
- ¹⁸⁶ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. С. 253.
- ¹⁸⁷ Крамчанинов Н.Ф. К истории борьбы с холерой в России в 1829–1830 гг. // Советское здравоохранение. 1956. № 4. С. 47; Васильев К.Г., Сегал А.Е. История... С. 253–254, 256.
- ¹⁸⁸ Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 г. СПб., 1874. С. 104.
- ¹⁸⁹ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Май. С. 331.
- ¹⁹⁰ Архангельский Г.И. Указ. соч. С. 110–111.
- ¹⁹¹ Бутковская А.Я. Рассказы бабушки // Исторический вестник. 1884. Декабрь. С. 625.
- ¹⁹² Гамалея Н.Ф. Собрание сочинений. Т. 5. С. 205.
- ¹⁹³ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний... С. 330.
- ¹⁹⁴ Селиванов А.И. Этнографические очерки Воронежской губернии // Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа. Т. 2. Воронеж, 1886. С. 71, 94.
- ¹⁹⁵ Артамонова Л.М. Первый учитель и штатный смотритель... С. 39.
- ¹⁹⁶ Артамонова Л.М. Взаимодействие общества и церкви в русской провинции во время «первой холеры» 1830 года: по материалам Самарского Поволжья // Православные ценности в современном мире: сб. материалов межрег. науч.-практ. конф., посвящен. 150-летию Самарской Правосл. Духов. семинарии. Самара, 2008. С. 391, 397–398, 403.
- ¹⁹⁷ Артамонова Л.М. Холера 1830 года в Самаре: действия властей и реакция общества // Историки и история в меняющемся мире: материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Е.И. Медведова. Самара, 2003. С. 54–55.
- ¹⁹⁸ Артамонова Л.М. Взаимодействие общества и церкви... С. 400–403.
- ¹⁹⁹ Артамонова Л.М. Холера 1830 года... С. 56.
- ²⁰⁰ Федяевский К.В. Материалы для будущей биографии Ивана Андреевича доктора Малышева // Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа. Т. 2. Воронеж, 1886. С. 479.
- ²⁰¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. 4 эксп. Оп. 170. 1830 г. Д. 162. Л. 1.
- ²⁰² Артамонова Л.М. Холера 1830 года... С. 56.
- ²⁰³ ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. Оп. 170. 1830. Д. 181. Л. 1, 4.
- ²⁰⁴ Артамонова Л.М. Холера 1830 года... С. 57.
- ²⁰⁵ Ермольева З.В. Холера. М., 1942. С. 8–9.

²⁰⁶ Бирюкова А.Б. Медицинские кадры в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам поволжских губерний) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (68). С. 43, 45.

²⁰⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7204. Л. 75 об.

²⁰⁸ Бирюкова А.Б. Вопросы медицинского обслуживания населения поволжских городов дореформенной эпохи в современной историографии // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы III Всерос. науч.-методол. семинара. Самара, 2015. С. 55.

²⁰⁹ Смирнов Ю.Н. Образование Самарской губернии и состав ее населения в середине XIX века // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004. С. 22, 31–32.

²¹⁰ Аминов Р.Р. Формирование и расширение поселенческой структуры оренбургских татар-казаков в кантонный период (1798–1840 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. 2015. № 5. С. 16–17, 22.

²¹¹ Севастьянов Н.С. К вопросу об образовании Оренбургского казачьего войска // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1914. Вып. 30. С. 89–91.

²¹² НА РГО. Раз. 36. Д. 23. Л. 44.

²¹³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11882. Л. 6 об.–10.

²¹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 120. Оп. 1. Д. 2398. Л. 98.

²¹⁵ Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 1 // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VII. Оренбург, 1900. С. 322–323, 418.

²¹⁶ ОР РНБ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2398. Л. 98.

²¹⁷ Чернавский Н. Указ. соч. С. 221, 248.

²¹⁸ ОР РНБ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2398. Л. 98 и об.

²¹⁹ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 685. Л. 5.

²²⁰ НА РГО. Раз. 36. Д. 23. Л. 61, 65.

²²¹ Смирнов Ю.Н. История и повседневность Самары в рукописях Г.Н. Потанина // Самарский край в истории России: материалы межрегион. науч. конф. Вып. 5. Самара, 2015. С. 170.

²²² Смирнов Ю.Н. История и повседневность... С. 171.

²²³ Зубова О.В., Мельникова Н.В., Радченко О.И., Бочков В.А., Подмарницын А.Г. Православные святые Самарского края. Самара, 2001. С. 50.

²²⁴ Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города... С. 17.

²²⁵ Его же. История и повседневность... С. 171.

²²⁶ Артамонова Л.М. Взаимодействие общества и церкви... С. 400.

²²⁷ Там же. С. 400–401.

²²⁸ Смирнов Ю.Н. Ретроспективный анализ... С. 375.

²²⁹ Артамонова Л.М. Взаимодействие общества и церкви... С. 403.

²³⁰ Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города... С. 17.

²³¹ Артамонова Л.М. Взаимодействие общества и церкви... С. 404.

²³² Смирнов Ю.Н. Митрополит Алексей в легендах и истории старой Самары // Гротовские чтения – 2018: материалы Всерос. науч. конф. Самара, 2019. С. 48–49.

²³³ Рычков П.И. Топография Оренбургская... С. 310.

²³⁴ Смирнов Ю.Н. Предания самарских жителей о святителе Алексии в записях XVIII – середины XIX в. и их интерпретация // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 4, 10.

²³⁵ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города... С. 2.

²³⁶ Смирнов Ю.Н. Самарское предание о волжском путешествии митрополита Алексия в церковном почитании и исторических представлениях // Двадцать третьи Иоанновские чтения: материалы науч. конф. Самара, 2019. С. 26, 39, 41.

²³⁷ Зубова О.В. и др. Православные святыни Самарского края... С. 85.

²³⁸ Самарские епархиальные ведомости. 1879. № 10. Ч. неоф. С. 173–174.

²³⁹ Зубова О.В. и др. Указ. соч. С. 92.

²⁴⁰ Якунин В.Н. Самарская епархия в 1851–1914 гг. // Макарьевские чтения: материалы XIII Международ. науч. конф. Горно-Алтайск, 2018. С. 306.

²⁴¹ Радченко О.И., Ведерникова Т.И. Православные святыни Самарского края (сельские приходские храмы епархии XX–XXI вв.) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2017. С. 58.

²⁴² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 3323, 3333; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19023; ГАУО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 12–19.

²⁴³ Артамонова Л.М. Строительство каменных храмов в Усольской вотчине В.Г. Орлова в начале XIX в. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1997. № 2–3. С. 66–69.

²⁴⁴ Ведерникова Т. И., Кокарев М.С., Курмаев М.В., Радченко О.И. Православные святыни Самарской митрополии. Самара, 2017. С. 13–14, 16.

²⁴⁵ Смирнов Ю.Н. и др. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара, 1995. С. 93, 95.

²⁴⁶ Ведерникова Т. И и др. Православные святыни... С. 100, 104, 112.

²⁴⁷ Александрова С.А., Ведерникова Т.И. Сельские дворянские усадьбы Самарского Заволжья в XIX – XX веках. Самара, 2015. С. 131.

²⁴⁸ Артамонова Л.М. История храма и прихода в селе Кашпирский упраздненный Благовещенский монастырь (по церковной летописи 19-го – начала 20-го столетий) // Двадцать вторые Иоанновские чтения: материалы науч. конф. Самара, 2018. С. 44, 47.

²⁴⁹ Ведерникова Т.И и др. Православные святыни... С. 183.

²⁵⁰ Артамонова Л.М. Образование, здравоохранение, духовная культура... С. 132.

²⁵¹ Ведерникова Т.И., Семочкина Г.В., Столяров П.Д., Черных Л.А. Край Кинель-Черкасский: к истории населенных мест и этнографии района. Самара, 2019. С. 22–23.

²⁵² Бирюкова А.Б. Культурное пространство поволжских городов дореформенной эпохи // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международ. науч.-практ. кон. Самара, 2013. С. 49.

- ²⁵³ Артамонова Л.М. Взгляд на культурное наследие волжской провинции от административных преобразований Екатерины II до Великих реформ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 278, 280.
- ²⁵⁴ Путешествие в прошлое: Самарский край глазами современников. Самара, 1992. С. 187, 189–190.
- ²⁵⁵ Артамонова Л.М. Самарское уездное училище и отношение к нему местного общества в начале царствования Николая I // Самарский земский сборник. 2002. № 1 (6). С. 24–25.
- ²⁵⁶ НАРТ. Ф.977. Оп. Училищный комитет. Д. 968. Л. 7.
- ²⁵⁷ Носков А.И. Прикосновение к прошлому. Историко-литературные поиски и находки самарского краеведа. Самара, 2006. С. 18, 252–254, 260–264.
- ²⁵⁸ Путешествие в прошлое... С. 191–192.
- ²⁵⁹ Носков А.И. Очевидец об открытии общественного Струковского сада // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 233–234.
- ²⁶⁰ Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство... С. 246–247.
- ²⁶¹ Смирнов Ю.Н. «Взятие снежного городка» на Волге. Самарский вариант в истории зимней народной игры // Центр и периферия. 2017. № 2. С. 97, 99.
- ²⁶² Майорова А.С. Народная культура в городах Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 4. С. 82.
- ²⁶³ Смирнов Ю.Н. «Взятие снежного городка» на Волге... С. 99.
- ²⁶⁴ Горбунов Б.В. Традиционные состязания за обладание снежной крепостью-городком как элемент народной культуры русских // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 108.
- ²⁶⁵ Смирнов Ю.Н. «Взятие снежного городка» на Волге... С. 99.
- ²⁶⁶ Сезева Н.И. Взятие снежного городка // Родина. 2013. № 4. С. 123.
- ²⁶⁷ Ведерникова Т. И. Молодежные традиции осенне-зимнего календарного обрядового комплекса (на материале фольклора Самарской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 2–3. С. 735.
- ²⁶⁸ Смирнов Ю.Н. «Взятие снежного городка» на Волге... С. 100.
- ²⁶⁹ Кузнецов В.А. Образ жизни как фактор формирования патриотического сознания военно-служилого сословия // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2002. № 2 (14). С. 40.
- ²⁷⁰ Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города... С. 17.
- ²⁷¹ Его же. «Взятие снежного городка» на Волге... С. 100.
- ²⁷² Его же. Зимние состязания и игры в дореформенной Самаре: осада и оборона снежной крепости-городка // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2017. С. 23.
- ²⁷³ Артамонова Л.М. Гендерные аспекты общественной активности в деле народного образования в середине XIX в. (на примере г. Самары) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 137–139.

Научное издание

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

САМАРСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Монография

2-е издание, исправленное и дополненное

Литературное редактирование, корректура *Т. А. Мурзиновой*
Художественный редактор *Л. В. Крылова*
Верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 25.10.2020.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Newton». Усл.-печ. л. 30. Уч.-изд. л. 30.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1904

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

443086, Самара, Московское шоссе, 34.

ООО «Слово». 443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.

Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Слово»